

Как Адам Еву нашёл

«Контактовцы» о любви

Сборник повестей и рассказов

Книга первая

Новокузнецк

2022

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Как Адам Еву нашёл

«Контактовцы» о любви

Сборник повестей и рассказов

Книга первая

Составитель – Николай Калашников

Новокузнецк
«Ник без Сорпані»
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К16

К16 Как Адам Еву нашёл : «контактовцы» о любви : сборник повестей и рассказов : книга первая / Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ»; сост. – Николай Калашников; – Новокузнецк: Ник без Compani, 2022. – 400 с.
12+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

От составителя

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

Анна Ахматова

Несколько странный эпиграф к книге, в которой предполагаются произведения о любви. Разумеется, речь идёт не о «любви нашего народа к родной партии» (из анекдота). Речь идёт о любви мужчины и женщины. Впрочем, я попытался найти определение этому чувству в интернете и понял, что человечество так и не смогло дать ему определения. А когда я прочитал: «ЛЮБОВЬ – универсалия культуры субъектного ряда, фиксирующая в своём содержании глубокое индивидуально-избирательное интимное чувство, векторно направленное на свой предмет и объективирующееся в самодостаточном стремлении к нему. Л. называют также субъект-субъектное отношение, посредством которого реализуется данное чувство» (новейший философский словарь), а затем в одном из блогов наткнулся на статью «Что такое любовь: 36 видов, стадии и признаки + примеры из жизни настоящей любви», я понял, что выражение «Гугл в помощь» в данном случае пробуксовывает. Ну не может «Гугл» помочь там, где бессильно всё человечество. Каждый раз каждый отдельный человек сам добирается до своего понимания любви. Поэтому, наверное, и интересны книги о любви на всём протяжении книжного века. Наверное, есть какая-то надежда, что чужой опыт поможет не наделать своих ошибок. 😊 Впрочем, вот ещё одно определение любви одного из наших авторов: «Настоящая любовь (Amora Vera) есть особая материя, соединяющая одинокие сердца» (Олег Нестеренко. «Amora Vera»).

У этой книги – довольно долгая история. Создавались эти повести и рассказы в разное время. Первые рассказы, из вошедших в этот сборник произведений, опубликованы в 1983 («История любви» Александра Головова) и 1986 («Встреча» Валерия Колотвина) годах. Рассказ «Детская книжка» нашего самого молодого автора Семёна Агеева написан недавно и был прочитан автором на клубе 31 июля 2021 года. В данном сборнике – первая публикация этого рассказа. Надеюсь – не последняя.

Эта книга и задумывалась давно. Ещё лет пятнадцать (а то и двадцать) назад я прикидывал, какие произведения авторов «Контакта» могли бы войти в неё. Потом эти попытки повторялись. Но всегда до воплощения руки как-то не доходили. Но дальше тянуть уже как-то... И так книжка почти на 800 страниц тянет. Поэтому и пришлось разбивать её на две, выпускать двухтомником. В книге 46 произведений 25 авторов-контактовцев. И на

обложках – картины художника Марины Колотвиной (члена клуба «Контакт» с 1983 года, активного участника творческой группы художников и поэтов «Круг Чистых») «Дерево» и «Из пены морской».

У каждого автора – своё видение любви. От ещё детской любви мальчика в тоталитарном обществе («Детская книжка» Семёна Агеева), от любования изданы рабочего парня красивой студенткой («Удалённый контакт» Юрия Соколова) – до любви бывших врагов, встретившихся в огне межгалактической войны («Любимый враг» Натальи Колесовой).

Как-то очень быстро сложились разделы книги: «Взгляд в будущее», «Сказки», «Фэнтези», «НФ» и «Почти не фантастика». Чуть позднее к ним добавились разделы «Моральные проблемы настоящего» и «Совсем не фантастика». И каждая книга завершается произведением о любви, которое не укладывается в жёсткие рамки.

В первой книге это повесть Натальи Колесовой «Любимый враг» – одно из самых моих любимых (вместе с диалогией об Агате Мортимер) произведений Натальи. «НФ + НФ в немного фэнтезийной обёртке» – так бы я назвал жанр (вид – ?) этого произведения. Правда, автор сама удивилась, когда я ей об этом сказал. Она видит в «Любимом враге» нормальную НФ. Почитайте, попробуйте увидеть, разглядеть вот эту фэнтезийную оболочку для НФ. Это делает повесть более многогранной, более цветной. Да, и здесь есть космическая НФ и НФ, так сказать, планетарного масштаба. Что тоже делает эту повесть более интересной. И ещё одно отличие «Любимого врага» от других произведений. Здесь описана любовь в семье, в семейной жизни. И в принципе – счастливая любовь. Но вот как-то наши авторы не видят любви в семье. Из 46 произведений всего два – о любви в семье (второе – сказка Анны Чернышевой «Будни волшебника»). Впрочем, все три произведения из раздела «Взгляд в будущее» – об угасании семьи, любви, да и собственно человечества (как в рассказе Александра Головкова «История любви») – тоже. Хотя есть ещё мини-рассказ Натальи Колесовой «Моя жена – чужая». Прелестная миниатюра о любви в семейной жизни.

Вторую книгу завершает новелла для сценария «Последний звонок» Ольги Белоусовой и Евгения Грепа. Она была написана для конкурса сценариев «Хроники Мегаполиса», проводившегося в 2005 году на международной ассамблее фантастики «Портал» (Киев). Учитывая, что на конкурс было прислано около сотни работ, а произведение Оли и Жени попало в шорт-лист из 14 работ (вместе с работами очень известных авторов – Лукьяненко, Лазарчука, Трускинской, Амнуэля, Галиной...), можно считать, что жюри этого конкурса оценило работу никому тогда неизвестных новокузнецких авторов. Да и мне хотелось завершить книгу светлым произведением.

Есть здесь и другие не публиковавшиеся ранее произведения. Рассказ Натальи Колесовой «Познакомимся?», разумеется, можно найти в интернете на нескольких сайтах Наташи. Но в бумаге он не появлялся. Здесь – его первая публикация. Новелла «Последний звонок» Ольги

Белоусовой и Евгения Грепа и большая повесть «Машенька» Дарьи Оршанской (Греп) сохранились в архиве составителя и теперь становятся доступны для читателей.

Иногда авторы невольно соревнуются друг с другом. На сюжет об Адаме и Еве написаны два рассказа. Но если у Константина Егорова лёгкая ироническая сказочка («Как Адам Еву нашёл»), то Сергей Тараканов тоже с иронией подаёт этот сюжет как научную работу. Даже с примечаниями.

А вот сюжет о похищенной драконом принцессе в данном сборнике аж в четырёх вариантах. И какие они все разные. В одной сказке дракон, влюбившийся в принцессу, мечтает вернуть себе человеческий облик, а спасает (и принцессу, и дракона) девушка-менестрель («Мечта дракона» Надежды Калашниковой). В сказке Натальи Жилияниной «Драконовские меры» дракон, укравший принцессу, оказывается... драконессой и помогает принцессе разобраться с женихами и найти мужа. А вот сказки Дарьи Рыжковой «К дракону!» и Евгения Грепа в соавторстве с Сергеем Симкиным (как я понял, сюжет придумал Сергей, а написал рассказ Женя) «Мне бы так, или Сказка про принцессу и прекрасного принца» почти зеркально отражают друг друга. Если Дарья не жалует принцев, то Женя и Сергей не очень любят принцесс.

В общем, каждое из 46 произведений имеет свою изюминку и по-своему интересно.

Приятного чтения!

Николай Калашников,
президент КЛФ «Контакт»

Долгая, долгая любовь (взгляд в будущее)

Евгений ГРЕП

Такая работа

Ночь, звёздное небо, дорога...

– Пост-три, Пост-три... – зашипел передатчик.

Человек, лежащий в кустах, отложил надкусанный бутерброд.

– Здесь Пост-три...

– Пост-три, приготовьтесь, они направляются к вам!..

– Вас понял!..

Человек надвинул маску на лицо, улёгся, поудобнее раскинув ноги, бровь ткнулась в резиновый наконечник прицела. Мир сразу позеленел.

Ночной ветерок принёс со стороны дороги чуть слышное поскрипывание... Палец коснулся спускового крючка, погладил его. Сердце учащённо забилося – человек с трудом унял свои нервы и опять глянул в перекрестье... «Нельзя промахнуться... Они двигаются быстро – у меня будет пять секунд... Пост-два поторопился и промахнулся два раза... Кто там сейчас? Грэг?.. У него твёрдая рука...»

Цели появилась в перекрестье. Целую секунду он мучался – первая или вторая... Потом две секунды на прицеливание... Винтовка чуть слышно хлопнула.

Потом сердце остановилось на целых три секунды, пока не прозвучало:

– Пост-три, попадание подтверждаем, цель номер два поражена...

Пост-четыре и пост-пять – отбой...

С облегчённым вздохом человек перевернулся на спину. На дороге постепенно затихал тихий скрип...

На пять минут позже, подземный бункер, следящая...

Точка появилась на радаре... Оператор сделал увеличение – карта медленно наплыла. Зелёная точка двигалась вдоль полосы дороги.

– Здесь следящая! Цель движется по дороге к реке...

– Переориентируйте на слежение второй спутник!

Пальцы оператора пробежались по клавиатуре...

Где-то на орбите ожил и заработал двигателями большой кусок железа, набитый высокими технологиями...

– Внимание, здесь группа зачистки! Есть проблемы!..

– Группа зачистки, что у вас?

– Дерево, сэр! Большое... Мы можем его подорвать, однако взрыв будет услышан... Тягач подойдёт через две минуты, но это будет уже поздно...

В наушниках молчали несколько драгоценных секунд, принимая решение...

– Следящая? Есть поблизости военный спутник?

– Есть сэр! Спутник NASA, цель по умолчанию – ракетная база под Красноярском, вооружение – лазерная установка, тактико-технические характеристики...

– Отставить!.. Уничтожить препятствие! Группа зачистки!..

– Вас понял, сэр!.. Даю наводку...

– Здесь следящая! Цель номер три, неподвижная, захвачена... Спутник переориентирован... Идёт отсчёт...

Минутой позже, дорога к реке...

Яркая вспышка на миг осветила дорогу. И тут же закипела работа – молчаливые тени сновали туда-сюда, засыпая воронку. Командир группы зачистки неожиданно замер, вслушиваясь в ночные звуки... Вот его ухо уловило чуть слышный скрип.

– Отходим! – и тени стали одна за другой исчезать в придорожных кустах.

Последним уходил командир, разбрызгивая из баллончика освежитель воздуха, уничтожая запах горелого дерева.

Скрип приближался...

Из-за облаков вышла луна и залила дорогу мертвенным светом. Именно тогда в полном молчании мимо проехали двое на велосипеде.

«Будто призраки!» – подумал командир...

Ещё через полминуты радио донесло:

– Цель проследовала пост-пять...

Минутой позже, бункер, командный центр...

Командор, неожиданно постаревший на много-много лет, сгорбился в кресле. По экрану ползла зелёная точка... Два помощника вели радиопереговоры...

– Господин командор!..

Командор медленно поднял усталые глаза.

– Получены результаты инфракрасной съемки... Вывести на экран?

Подбородок медленно опустился, потом поднялся.

Зелёную точку сменяет изображение. Много красного, будто и не голова это вовсе, а экспонат для медицинского института.

Указка помощника упирается в экран.

– Господин командор, необходимый эффект достигнут... Эксперты оценивают данную температурную флуктуацию, по классу «сильный румянец».

– В прошлый раз они тоже так оценивали, – пробормотал командор.

– Господин командор, разница в два градуса!..

«Пора или не пора?» – подумал командор. – Если упустим момент, то не успеем, как в прошлый раз, а если поторопимся, то не сможем правильно

рассчитать...» Он представил, как томится сейчас в кабине поднятый по тревоге космонавт...

А началось всё час назад с перехваченного телефонного звонка...

– Господин командор!..

Опять усталый взгляд.

– Минуту назад установленным на цель-один датчиком зарегистрировано общение между целями...

– Да?.. Выводите...

Динамики зашипели. Командор постарался себе представить ночную дорогу, деревья, ветерок...

«Свет, тебе удобно?..»

«М-м...»

Шипение прекратилось.

«Пора или не пора?»

– Господин командор! До берега реки осталось двенадцать минут...

«Пора!» – решил командор и потянулся к микрофону...

Десять секунд спустя, кабина трёхступенчатой ракеты.

– Внимание, Сокол-один, получена команда на старт!..

Лейтенант очнулся от лёгкой дремы, опустил щиток шлема и ответил:

– Вас понял, к полёту готов...

Потом стал щёлкать тумблерами и подтверждать показание приборов...

Постепенно нарастал вибрирующий гул...

Через три минуты ракета оторвалась от земли.

Придавленный перегрузками лейтенант считал секунды...

– Первая ступень отделилась успешно...

«Интересно, – думал лейтенант, – я только мотаюсь туда и обратно... А на самом деле исполняю очень важную работу... Если не я, то кто же это сделает?»

– Вторая ступень отделилась успешно...

«Удачи!» – лейтенант пожелал это не себе, а тем, кто внизу, на земле, приближался к берегу реки.

Пять минут спустя, командный центр.

– Господин командор, цель вышла к реке!

– Что Сокол?

– На орбите!

На экране был берег реки, в траве лежал велосипед, двое сидели близко друг к другу. Слежение вели пять наземных камер и два спутника, разговор записывался...

– Господин командор, они замолчали!..

«Самое время! – подумал командор. – Пора запускать...»

– Господин командор, у нас проблемы!..

Зашипели динамики.

«Сокол-один, повторите последнюю операцию».

«Здесь Сокол-один, не отсоединился захват...»

«Сокол-один, у вас в запасе полторы минуты! Попробуйте вручную!..»

«Здесь Сокол-один, не успеваю!..»

Командор взял микрофон.

– Здесь Первый... Сынок, их судьба в твоих руках...

Двенадцать секунд Сокол-один молчал, потом ответил:

– Первый, вас понял...

Ещё через пять секунд динамики донесли:

«Первый, здесь следящая! Сокол запустил двигатели! Спускаемый аппарат двигается!..»

Командор опустил голову и глухо пробормотал:

– Когда Сокол войдёт в атмосферу – зажигайте...

– Не понял, господин командор... – помощник удивлённо поднял брови.

– Исполняйте!..

– Есть!..

Двадцать секунд спустя, кабина спускаемого аппарата.

Поверхность Земли заняла весь экран.

«Ведь ради этого мы и стараемся? – думал лейтенант. – Это будет красиво...»

Он сложил руки на груди и постарался себе представить то, что уже не увидит...

«Пять секунд до зажигания!» – прошипели наушники.

Аппарат вошёл в атмосферу...

«Четыре, три, два, один...»

Лейтенант закрыл глаза и обнял весь мир...

«Зажигание!..»

Десять секунд раньше, берег реки.

Разговор почему-то зашёл в тупик. Возникла неловкая пауза...

«Может, я не должен был... – думал он. – С другой стороны, она пошла со мной... Я сейчас! Я сейчас!..»

Он решительно повернулся:

– Света, я!..

– Смотри... – прошептала она. – Звезда падает...

Звёздное небо чертил метеор...

Им стало необъяснимо хорошо...

– Загадаем желание? – спросил он и обнял её за плечи...

Пять секунд спустя, следящая.

Пискнул сигнал, оператор, не веря, прижал наушник. На экране вспыхнули буквы: «Я хочу, чтобы эта ночь не кончалась!..»

Опять запищал сигнал, второй оператор тоже схватился за наушник, потом повернул к первому экран.

«Я хочу, чтобы эта ночь не кончалась!..»

– Дубль? – шепотом спросил первый оператор.

– Да!.. – так же шепотом подтвердил второй. – У нас получилось!

Конец, командный центр.

Командор поднимался в лифте.

В бункере царило всеобщее ликование. А командору вдруг стало грустно... Он снял фуражку и вышел. Теперь лифт вез его наружу...

Командор думал о Соколе... О той парочке на берегу... О себе...

Лифт остановился, затем, помедлив, распахнул двери. Командор вышел, расправил крылья и полетел, вздыхая.

Ведь как раньше всё было просто – лук да стрелы... А сейчас...

Надежда ДВОРЦОВА

Долгая, долгая любовь

Он бережно отвёл волосы с её спящего лица, коснулся рукой тёплой щеки. Ресницы задрожали, и зелёные глаза распахнулись навстречу его взгляду. А в глазах ещё нежилась недосмотренный сон, на щёке – маленький розовый след от подушки. Она сладко потянулась и наконец расцвела ясной и ласковой улыбкой.

– Неужели ещё не конец? – замирая от счастья, тихо спросил он. – И ты ещё любишь меня? – Она на мгновенье задумалась, потешно нахмутив брови, оглядела его высокий лоб, пушистый ёжик коротких волос и не смогла отвести взгляда от ласковых серо-зелёных глаз.

– Да, ещё люблю, всё ещё люблю, ёжик. Хоть так и не бывает. Мне все подружки давно говорят, что я полная дура, что упускаю столько возможностей. Наверное, я и, правда, дура.

– А мне длинный опять предлагал поменяться, – он улыбнулся и обнял её. – Ну, чтобы он – с тобой, а я – с его дылдой. Я ему хотел в глаз дать – увернулся, гад, я в плечо попал. И стукнул-то не сильно, а он разобиделся, теперь мы с ним не разговариваем ...

Они шли по осенней листве навстречу друг другу, их шаги становились всё быстрее, они побежали, почти полетели – оп, и вот она уже кружится в его объятьях. И родные, такие любимые руки на плечах, и снова – глаза в глаза... Они вырвались из сумасшедшего потока жизни, чтоб замереть на минутку, обнявшись, посреди осеннего парка, под задумчивым неярким солнцем.

– А ко мне сегодня мама приходила, опять говорила, что это неприлично – быть так долго с тобой. Что тётки у неё на работе только о нас и говорят. Хотя сама с отцом больше двух лет жила – и ничего! Времена, говорит, другие были! Я так хотела бы в те времена с тобой пожить! – она мечтательно жмурилась, как котёнок на солнышке. – А рыжая вообще мне не верит, говорит, что я хочу к себе внимание привлечь, а на самом деле не люблю тебя, только притворяюсь. И дуется на меня за что-то. Ну какое ей дело? А чего это ты хромаешь? – вдруг остановилась она.

– Да мне тут тоже высказали... некоторые из моих бывших, – он помолчал, – друзей. Видишь ли, на тебя большой спрос, и им очень надоело ждать. – Его усмешка вышла кривой и грустной.

– Да? А я никого достойного рядом с тобой так ни разу и не видела. Пусть не надеются, так им и передай!

– Зайка, – он опять задохнулся от невозможного, невысказанного счастья, – ну почему ты такая зайка?

Он пришёл поздно, устало присел на корточки у стены в прихожей. Она, радостно выбежав из кухни навстречу, – вдруг поникла и грустно присела напротив, пытаясь заглянуть в родные глаза.

– Ох, котёнок, не знаю, что и делать. Ведь через три дня нашу семейную квартиру нужно освободить, её ждёт другая пара. Как же нам теперь?

– А мы в парке будем жить, как ёжики, правда же? Ну, улыбнись, пожалуйста! – она доверчиво заглянула в его глаза – такая маленькая и храбрая.

Утром, когда они пили кофе на кухне, прозвучал вызов, и на дверном экране показалось незнакомое лицо.

– Это вы хотели бы продлить брак? – разбитная девица тарачилась на них с экрана.

– Ой, какой ты молодец, ну как же я-то не додумалась! – она подлетела и распахнула дверь. За девицей вошли два похожих, словно близнецы, парня с какой-то аппаратурой.

– Мы со второго канала новостей. Ну, а теперь объясните мне, зачем вам это нужно?

Он поморщился от резкого голоса корреспондентки и тихонько сказал:

– Я там всё написал, в заявлении. Мы продолжаем любить друг друга и хотели бы продлить наш брак.

– Но ведь этого не может быть! Вы давно превысили все сроки! Ваша квартира нужна другой паре, и вы это прекрасно знаете! Думаете, они любят меньше вас? Такого ещё никогда не было! – возмущённо фыркала она. – А как вы можете доказать, что всё ещё любите друг друга?

Они растерянно переглянулись.

– Как же это можно доказать? Просто любим, и всё!

Два парня тем временем обошли жилище, тщательно снимая семейную кровать со скомканным бельём, шкаф, где вперемешку лежала и висела мужская и женская одежда, два полотенца, две зубные щётки в ванной и ещё бог знает что, засовывали нос своей видеокамеры во все углы. Наконец, они уехали и стало очень тихо.

Последний день, последний вечер. И на столе остывает никому не нужный ужин, оплывают свечи, в углу молча светится экран. Она тихо дрожит, прижавшись к его груди. Он гладит и перебирает пряди волос. Говорить уже не о чем, выхода нет, они должны расстаться. Темнота наступает, отпрыгивает и медленно подползает вновь. Она не упустит свою добычу. На экране – заставка второго канала и вдруг – их растерянные лица. Он прибавляет звук.

– В то время, когда средняя продолжительность брака в мире достигла двух недель и с каждым годом продолжает уменьшаться, одаривая людей новыми, невиданными возможностями общения, эти два динозавра, прожив вместе месяц, подали заявку на продление брака. Факт, достойный тщательного изучения! Что это – возврат к тёмному прошлому, психическое заболевание или ловкая мистификация? Для того, чтобы разобраться, второй канал продлил их проживание в квартире на два месяца в обмен на информацию об их личной жизни. Мы хотим раскрыть эту тайну и не остановимся ни перед чем! Вы меня слышите, господа подопытные кролики?

Медленно, как во сне, он выключил экран и ничком упал на подушку. Перед глазами среди зелёных кругов качалось наглое лицо дикторши. Они видели их прощание, их отчаяние, поцелуи и слёзы, слышали наивные и безнадежные планы спасения. Как мерзко! Всё, всё кончено! Любовь не может быть публичной! Она не сможет, не вынесет такого издевательства! Бедная зайка! – он повернул к ней лицо, в глазах стыли слёзы. И с удивлением услышал:

– Ничего, ёжик, не горюй! За нами подглядели – ну что же, пусть им будет... будет стыдно! – и она яростно погрозила экрану кулачком. – Да, пусть они лопнут от зависти! Ведь у нас с тобой ещё месяц! Целый месяц! А потом – кто знает, может быть, они убедятся и позволят нам... Нет, ну их к чёртовой бабушке! Давай за этот месяц построим свой дом! Представляешь – как строили в давние времена, только для нас двоих. Говорят, очень давно люди могли прожить вместе всю жизнь! Их дети жили вместе с ними, представляешь?

– Нет, вот это уж точно сказки, маленькая, – улыбнулся он наконец. – Такого просто не может быть! Два года, как твои предки... да и то твоя мама, наверное, слегка преувеличила.

Александр ГОЛОВКОВ

История любви

Они встретились случайно в центре города. Они появились с разных сторон площади и медленно, но уверенно приближались друг к другу. Они были почти ровесники. Они были очень удивлены.

Тишина оглушала их. Пыльный асфальт пробили вялые побеги растений, согнувшиеся в раскалённом воздухе. В тени высохших веток прятались пауки. Дрались скорпионы за место в бездействующем фонтане. Они встретились на площади, как в пустыне.

Он взял её за плечо, удивляясь нежности её тела, она прикоснулась к его руке, восхищаясь упругостью мышц. Потом они долго напряжённо смотрели друг другу в глаза, пытаясь постичь смятенные мысли и чувства. Это было так странно. Как впервые.

– Я никогда не видел таких, – выговорил он на малопонятном ей языке.

Он хотел её обнять. Она отшатнулась.

– Не бойся, – сказал он. – Я люблю тебя.

Она нерешительно остановилась.

– В Европе я бываю часто, но раньше я тебя не встречала.

Она пристально смотрела ему в лицо. Он ей нравился и отпугивал. И это чувство было ей незнакомо.

– Я не хочу с тобой расставаться, – снова сказал он. – Я давно уже никого не видел. Мои родители умерли. Я увезу тебя в Азию. Я там живу. Там, дома, у меня работает много заводов-автоматов, которые производят топливо, электроэнергию, шьют для меня одежду, выращивают хлеб... Я буду любить тебя.

Он протянул руку к её выжженным солнцем локонам.

– Я не могу с тобой поехать. Моя мама болеет, – глухо отозвалась она.

– Поедем к нам в Америку.

Он с готовностью согласился.

– Мы отправимся туда вместе, или ты полетишь на своём самолёте?

– Я хочу с тобой, – она прижалась к его груди. – А самолётов в Америке осталось ещё много.

...Старенький автомобиль катил по пыльной мостовой среди обветшавших небоскрёбов.

– Раньше здесь, наверное, было очень интересно и весело, – предположила она.

– Да, – вздохнул он. – Но это было давно. Когда нас не было. Что делать, мы жертвы благополучия. Ты же знаешь, это началось ещё в двадцатом веке. Семьи стали состоять из трёх человек.

– Да, увеличился темп жизни, людям было некогда жить, они торопились...

– Нет, просто было хлопотно возиться с детьми. А все хотели жить беззаботно. Они, наверное, не думали о нас. Они отдыхали в благоустроенных квартирах, катались на автомобилях, развлекались в кино, в ресторанах.

– И двое после себя оставляли жить одного. Сначала стало некому работать. Тогда людей заменили автоматы. А теперь вот некому жить.

– Возможно, мы последние из всех живших когда-либо людей и последние из влюблённых. Мне даже сейчас ещё как-то не верится, что нам удалось встретиться на этой пустой планете.

– А я уже не могу представить, что ещё час назад не знала тебя, не знала, что ты есть. Я тоже буду тебя любить. Я никуда не отпущу тебя из Америки. Там у нас тоже работают заводы. Папа перед смертью запрограммировал их на триста лет. Они будут работать, когда мы тоже уже умрём. Когда уже никого не будет.

– Они будут работать для наших детей. У нас будет много детей.

– Но они уже не смогут продолжить человеческий род, ведь браки между родными оканчиваются плохо.

Машина тащилась по едва заметной дороге среди песчаных откосов, за склоны которых цеплялась убогая растительность с развешанной на ней паутиной.

До аэродрома они доехали молча. Ключ зажигания остался в притихшем на взлётной полосе автомобиле. Салон самолета встретил их приятной прохладой. Он сел в кресло пилота и усадил её к себе на колени.

Огромный лайнер взлетел над городом, над мёртвой планетой.

– А может, на Земле остались ещё влюблённые?

Кто есть кто (моральные проблемы настоящего)

Юрий СОКОЛОВ

Удалённый контакт

Совершенно обессиленный, он сидел на скамейке в пустом ночном парке, когда чудовище подало голос:

– Аккумуляторная батарея разряжена. Пожалуйста, зарядите батарею или вставьте другой аккумулятор.

Сначала Костя не обратил внимания – привык. Энергия на исходе? Значит, скоро сдохнешь, сволочь... Сдохнешь, и всё кончится – весь этот кошмар, растянувшийся на полтора месяца... А потом вспомнил разговор с отцом Алексием полгода назад. Костя в то время ещё не вполне освоился с только что купленным сотовым телефоном – обычным, а не тем нереальным монстром, который сейчас лежал у него в кармане под видом телефона. Так уж получилось, что будучи по жизни человеком, весьма далёким от компьютеров и прочего подобного, Костя внезапно увлёкся изучением возможностей современной техники. Ну а раз решил приобрести крутой компьютер, то нужен и крутой мобильник – с интернетом, mp3-плеером и остальными наворотами.

– Не забывайте заряжать свой телефон, Константин, – сказал тогда отец Алексей.

Моложе Кости лишь на пару лет, он почему-то предпочитал называть его полным именем. Костя отвечал ему тем же, величая «отцом Алексием», хотя для всех знакомых компьютерщиков этот молодой общительный священник был просто Алёшей или даже Лёхой. Но Костя, познакомившийся с ним по наводке друга, как с человеком, разбирающимся и в «железе», и в программном обеспечении, стеснялся обращаться к нему так.

– Я всегда вовремя заряжаю... – ответил он.

– Вот и продолжайте. Это не ваш простенький «Нокиа». – Священник ткнул пальцем в старый Костин телефон, лежащий на столе. – Эта машинка устроена посложнее. Нельзя доводить дело до полной разрядки аккумулятора, иначе можно потерять данные.

– Какие именно?

– Несохранённые. Или другие какие... А можно и все потерять.

Сейчас память сама собой вытолкнула полузабытый разговор в сознание.

Костя резко разогнулся, упёршись в сиденье скамейки обеими руками. Потом вскочил на ноги. Все данные... Все данные!!!

То есть, и телефонную книгу.

И неизвестно, что ещё.

А это значит...

– Аккумуляторная батарея разряжена, – снова сказала чудовище. – Пожалуйста, зарядите батарею или вставьте другой аккумулятор.

– Господи, господа, господа... Господи! – Он уже почти кричал, расстёгивая трясущейся рукой карман рубашки. – Господи, оно же всех убьёт, эта мразь их всех убьёт! Этот... Эта... Это...

За два года до того, как к нему попало «это», Костя устроился на работу в гостиничный комплекс Теплова. К авторемонтной мастерской здесь примыкала большая открытая стоянка для машин, и даже имелся подземный гараж. Номера в трёхэтажной, только что построенной гостинице, расположенной рядом, предназначались постояльцам, решившим прервать своё путешествие по трассе на ночь или остановиться на несколько дней; здесь же Теплов устроил кафе-столовую для водителей. С кафе у дороги он и начал дело, но роскошное заведение сегодняшнего дня с первоначальной забегаловкой было не сравнить. Заскакивали перекусить дальнбойщики, обедали постояльцы гостиницы, которые по своим причинам захотели задержаться на полпути между чем-то и ничем, как в шутку говорили меж собой сотрудники комплекса. Город находился всего в десяти километрах, но городскую суету любят не все. А здесь лесок, ручеёк... Озерко. В своё время Теплов не поленился его зарыбить и устроил на берегу что-то вроде кемпинга или базы отдыха с несколькими деревянными коттеджами, баней, шашлычной и размеченными участками под палатки. Не устраивает гостиница – пожалуйста сюда. Тот же вежливый и расторопный персонал, да и девочки по вызову те же самые. Но обстановка уже иная. И вскоре в комплекс стали не просто заворачивать попутно, а специально приезжать из города.

Служащие Теплова питались в его же столовой. Понятно, где же ещё? Зачем таскать бутерброды из дому... Для своих Теплов делал сногшибательную скидку. И платить не надо, просто высчитают из зарплаты, вот и все дела. Костя любил хорошо покушать, следственно, любил и столовую. И ещё тут работала Леночка. То есть для всех – Леночка, а для него – Лена. В том случае, когда он находил в себе смелость к ней обратиться.

Проклятая его стеснительность! Вроде, нечего стыдиться. Взрослый мужчина двадцати восьми лет, спортивного, как принято говорить, телосложения. Рожей, правда, не вышел. Но и не урод ведь, в самом деле! Обычное лицо.

А Леночка была настоящей красавицей. Не просто красивой девчонкой, а такой, что дух захватывало. Официанткой она устроилась временно, не желая сидеть на шее у родителей. Училась в институте...

Костя понимал, что тут ему ничего не светит. Не в том даже проблема, что он не похож на кинозвезду. Просто такая девушка может выбирать любого. А он что? Холостяк под тридцать, и ничего за душой, кроме однокомнатной

квартиры. Ни профессии нормальной, ни образования, ни перспектив на будущее. Работа – загонять машины на стоянку или подавать их к гостиничному входу. В мастерской поставить колымагу на яму, если сам водитель-новичок боится промазать... Ну и что это за профессия? Мог бы работать в такси, но в городе, в толкучке, где требуется хорошая реакция и выносливость, Костя быстро уставал и терялся. Здесь, у Теплова – другое дело... Здесь, на стоянке, он мог лихо подкатить на скорости и с одного раза сунуть очередную машину в любую дырку между двумя другими, не задев их при этом. Тоже талант, но недостаточно яркий для того, чтобы стать миллионером.

Забыть бы ему при подобном раскладе о Леночке, да он не мог. Эх, будь у него денег, как у Теплова... Или хоть набраться храбрости и выдать из себя больше, чем обычное «привет – пока». Например, пригласить девушку в кино. Вдруг согласится. И если откажет – ничего страшного. Или позвать в парк, на свою любимую скамейку. Хорошая скамейка, солнце на неё никогда не светит прямо. Спокойно отдыхаешь, дышишь свежим воздухом, думаешь... Немного мечтаешь.

Отметив очередной день рождения, он всерьёз решил, что жизнь надо менять. Не годится так. Стыдно жить, не зная – зачем. Стыдно опускать глаза перед Министром, когда тот смерит его своим каменным взглядом...

На таком жизненном фоне Костя и заинтересовался компьютерами. Сидели у Дениса, пили пиво, к хозяину забежал на минутку знакомый. Разговор между ними пошёл такой, что Костя перестал их понимать уже на второй фразе. Когда Денисов приятель ушёл, Костя внутренне возмутился. Да почему он всегда должен ощущать свою неполноценность? Компьютер сегодня каждый ребёнок знает.

– Слушай, Дэн, – сказал он. – Объяснил бы ты мне всё по-простому. Или покажи наглядно...

Денис с охотой показывал и рассказывал. В следующее воскресенье Костя пришёл к нему опять, и они провели за компьютерным столом целый день.

– Ну и что ещё может эта штука, кроме как в игрушки играть? – спросил Костя, откидываясь на спинку стула.

Денис аж глаза выпучил.

– Что? Да всё на свете! Игры – это так, для души... Тут такое можно делать!..

– Тогда объясняй дальше. Хочу освоить компьютер. По-настоящему. А то я чувствую, что совсем отстал от жизни.

– Я давно тебе говорил! Ты в двадцать первом веке живёшь, а не в каменном. Надо же хоть немного интересоваться достижениями цивилизации? А ты... Ты просто тундра! Хоть бы телефон себе купил нормальный. Сколько будешь ходить со своим «кирпичом»? С цветным экраном возьми. С Интернетом. С камерой. С...

– Ну хватит, хватит, – рассмеялся Костя. – Сейчас наговоришь. Давай по делу. А телефон сам и поможешь мне выбрать в следующий выходной...

Ничего не знаю! Тебе не может быть некогда! Я что, так часто прошу об услугах? Пиво, понятно, с меня.

Телефон они купили. Все вечера Костя теперь проводил у Дениса.

– Слушай, а деньги в Интернете реально заработать? – интересовался он.

– Почему нет? Люди зарабатывают. Надо знать, как.

– А ну, рассказывай!

– Да я-то откуда знаю? Так, варианты разные...

– Рассказывай варианты!

Денис же и познакомил Костю с отцом Алексием:

– Вот человек! Настоящий колдун. Всё знает, ну и комп у него получше моего. Ты не смотри, что он священник. Нормальный парень...

Вскоре Костя понял, что ему нужен свой компьютер. Невозможно всё время бегать по знакомым. Сразу встал денежный вопрос, ибо хорошее «железо» стоило недёшево. Сперва Костя пытался откладывать, собирая нужную сумму, но, произведя простой подсчёт, сообразил, что так может копить «до второго пришествия Господня», как выражался отец Алексей.

– Да вы купите для начала простенький, – посоветовал священник. – Или бэушный. В комиссионке.

– Не пойдёт, – возразил Костя. – Мне уже возможностей Денисова компьютера мало. Ваш ещё туда-сюда, но скоро и такого мало будет. Я ведь быстро осваиваю то, за что берусь.

– Тогда возьмите кредит.

– Кто мне даст? У нас почти вся зарплата идёт чёрной наличкой. Только под залог квартиры...

Но рисковать квартирой Косте не хотелось. Мало ли что. Квартира осталась от матери, другую ему никогда не купить. Подумав, он стиснул зубы и обратился за помощью к Министру.

Официально Министр командовал охраной в комплексе Теплова; на деле же он и его подчинённые чёрт знает чем занимались. Поговаривали, что кое-какие машины, которые в мастерскую загоняли якобы на ремонт, числятся в угоне. Иначе для чего подземный гараж там, где земля ничего не стоит? Ясно – чтобы ворованные тачки на глазах не маячили. С ними что-то делали четверо механиков, работавших внутри коллектива особнячком, потом автомобили перекрашивали, и они исчезали.

Те же механики без конца правили вечно помятую машину Министра – одну из его машин. Костя поначалу думал, что Министр – самый плохой водитель, которого он знал. То в дверце вмятина, то надо заклеить бампер, то выдавлена фара... Потом он прислушался, что говорят вокруг, и понял. Министр, работая в контакте со своими ребятами, специально подставлялся под чужие иномарки, делая это так, чтобы в аварии оказывались виновны владельцы иномарок. Выбирали тех, кто казался неопытнее. Предлагали решить вопрос на месте и завышали в несколько раз стоимость нанесённого ущерба. Забирали деньги, а механики к утру делали машину Министра почти новой. Постепенно до Кости дошло, что в бизнесе

Министра завязана не только охрана, но и сам Теплов. И, скорее всего, сам бизнес не министерский, а тепловский. Однажды Косте пришлось загонять в гараж «крузер», в дверце которого была аккуратная дырка, похожая на след от пули. Не будучи экспертом-криминалистом, в армии Костя всё же служил, и в Чечне повидал до чёрта простреленных машин. В другой раз на сиденье BMW он заметил пятна, очень напоминавшие засохшую кровь. И все знали, что у Министра есть деньги – много денег.

Министр, в ответ на просьбу Кости «одолжить», оглядел его с головы до ног.

– Добро... Парень ты неплохой. Не колешься, не алкаш. Но вернёшь с надбавкой. Не дрейфь, я накину по-божески. И чтоб отдал в срок.

– Да мне бы, знаешь, лучше постепенно. Сразу вряд ли соберу.

– Как хочешь, мне без разницы. Но тогда график не нарушай – аккуратно, каждый месяц... В случае просрочки будешь иметь дело с Котлетой. – Министр кивнул на своего заместителя – громадного мужика с изуродованным лицом. – Знаешь, почему его так зовут? В светлой юности, в пьяной драке его едва не превратили в котлету. Потому и лицо такое. Но с тех пор он подросток... Видишь, каков? Под два метра. Он научился хорошо драться и теперь делает котлеты из всех, кто ему не нравится, а несостоятельные должники ему не нравятся очень. Но это я так, к слову. Я, Косточка, уверен, что ты всё отдашь вовремя...

Костя вышел от Министра – как холодной воды глотнул после трёх дней в пустыне. Оглядел автостоянку, гостиницу, кафе... Очень приличное с виду заведение. Да ведь в основном те, кто здесь работает, и не знают, чем занимается начальник охраны.

Компьютер себе Костя купил, выбрав его под мудрым руководством отца Алексея. Долг погашал исправно, однако за неделю до очередной выплаты у него начинался лёгкий мандраж. Вдруг Теплов задержит зарплату? Такого не бывало, но Костя боялся всё равно.

В Чечне он не боялся, что его убьют. А вот что захватят живьём и станут издеваться – да. Наверное, в этом всё дело. Министр ведь не пойдёт на убийство за грошовую, по его меркам, сумму. Просто перепоручит заботам Котлеты.

Или заставит продать квартиру. Возможно, ссуда в банке была бы предпочтительнее. А теперь нечего плакать, сам напросился.

Ничего, думал Костя, прорвёмся. Достаточно в срок отдавать деньги. Всякие пустяки, вроде внезапной болезни и прочего, Министр в расчёт принимать не станет. Предупредил сразу...

А потом Костя потерял свой новый телефон. Или сам потерял, или вытащили в автобусе, на котором он ездил из города до работы. Свободных средств, чтобы купить другой, не было, и не предвиделось ещё долго. Старый Костя давно продал. Ну что за невезуха! Ведь уже почти набрался храбрости, чтобы пригласить Леночку погулять на выходных. А теперь – как нищий... В наше время любой детёныш в песочнице уже имеет телефон

в кармане шортиков. Конечно, пригласив девушку, необязательно хвастаться мобильником. Но и совсем без него... Созвониться, скажем?.. Ладно, в крайнем случае, можно сходить к Министру.

– Нет, Косточка, – усмехнулся тот. – Погаси сперва хоть половину прежнего долга. Потом – дам. И зачем тебе взвинчивать сумму? Помни про Котлету.

Донельзя расстроенный, Костя просидел всю субботу за компьютером, а в воскресенье с утра пошёл в городской парк, на своё излюбленное место. Но мысль о том, что он опять идёт туда один, без Лены, вконец изгадила ему настроение. Лучше б не ходил. Он так расстроился, что, подойдя к скамейке, едва не сел на забытый кем-то телефон.

Костя огляделся в поисках владельца, хотя любой другой просто положил бы вещь в карман и ушёл побыстрее, пока не видели.

«Ну, если б я мог так делать, то и жил бы получше, чем теперь, – подумал Костя. – Ладно, пойдём поищем хозяина... А вдруг это хозяйка, старик? Познакомишься. Хороший повод».

Однако парк в этот ранний час был совершенно пуст. Видно, телефон на скамейке забыли в субботу вечером. Пройдя пару раз из конца в конец по главной аллее, Костя вернулся обратно. В общем-то, ничто не мешало оставить телефон себе.

«Посижу часок-другой как обычно, – решил он. – Глядишь, человек хватится и прибежит искать. А если не прибежит – сам виноват».

Тут ему пришла в голову мысль звонить всем подряд из телефонной книги. Рано или поздно ответит кто-то, хорошо знающий владельца, и скажет сразу, как это бывает: «Привет, Вася!», – или – «Привет, Маша!», – и у него-то запросто получится узнать имя и адрес раззявы, забывающего трубки где попало.

Костя достал мобильник и открыл меню. Телефонная книга была пуста.

Ругнувшись, он стал смотреть дальше. Ага, «Данные о владельце!» Открыл – пусто. Ничего не оказалось ни в «Последних звонках», ни в «Сообщениях». А мобильник-то, между прочим, неплохой. Большой сенсорный экран, камера есть, всё есть... Интересно, а он работает вообще? В смысле – позвонить? Что-то не видно на экране имени оператора связи...

Не додумав мысль до конца, Костя по памяти набрал номер Дениса. Послышались гудки.

– Привет, Костян, – отозвался Денис заспанным голосом. – Господи, ещё десяти нет! Ты чего в такую рань? Я вчера в четыре лёг!

– Постой, – оторопел Костя. – Ты откуда знаешь, что это я звоню?

– То есть как – откуда? – удивился Денис. – Номер твой высветился, однако.

«Так я с чужого телефона звоню!» – едва не вырвалось у Кости. Но он вовремя передумал и сказал:

– Да ведь у меня новая симка сейчас стоит.

– А ты что, купил вторую? Ну, значит, перепутал ты – старую поставил. Да и что, это так важно? Говори, чего хотел.

– Ничего. Спи дальше, это проверка связи.

Выругавшись длинно и матерно, Денис отключился. Ладно, долго сердиться не станет, характер лёгкий, успокоил себя Костя. Сейчас его заботило другое – как он мог позвонить с чужого телефона, пользуясь собственным номером. Он взглянул в левый верхний угол экрана – Билайн. Ну правильно, у него Билайн. Да ведь только что он смотрел – не было оператора связи! Антенна была. С чёрточками.

Открыл «Последние звонки». Там теперь стоял номер Дениса, и вдруг, закрывая его, всплыло окошко:

«Денис Краснов. Создать контакт? Да. Нет».

Костя машинально нажал «Да», стараясь понять, откуда чужой мобильник вытащил имя. Потом нажал на клавишу с красной телефонной трубкой, отключая питание.

Питание не отключилось. Странно... И никаких специальных кнопок – ни с боку, ни сверху.

Тогда Костя повернул телефон, снял заднюю панель и вытащил аккумулятор. Под ним – там, где обычно расположено гнездо для сим-карты, – ничего не было. То есть – совсем ничего. Не только самого гнезда, но и этикетки с указанием фирмы-производителя. И тут телефон впервые подал голос. Нормальный голос – девичий, приятный.

– Вниманию владельца! Основной аккумулятор извлечён. Ресурса встроенного источника питания хватит для работы в течение десяти минут. Убедительная просьба – установите на место основной аккумулятор.

– Ну надо же, как придумали! – удивился Костя.

О телефонах со встроенной батареей он не слышал, но сейчас чего только не выпускают. Мобильник не отключился, экран выглядел как обычно.

– Вниманию владельца! Основной аккумулятор извлечён... – продолжала беспокоиться «девушка».

– Ладно, не переживай, – проворчал Костя, вставляя батарею на место и закрывая крышку.

Да, любопытный приборчик. Откуда взялось имя Дениса? И почему он видел мой номер, когда я звонил? Кто выпустил телефон, где название фирмы? И если бы только это! Вот только что все графы раздела «Данные о владельце» были пусты, а теперь там стоит: Меньшиков Константин Николаевич. Год рождения... Домашний адрес...

Несмотря на тёплое июньское утро, Костю прохватило морозом по коже. Захотелось бросить чёртову машинку обратно на скамейку и бежать прочь со всех ног. Ещё можно верить, что телефон каким-то образом извлёк из Интернета имя Дениса по номеру. Но собственный номер он ведь в мобильник не вводил! Его данные в Сети не засвечены. Откуда?.. По прикосновению, что ли?

Костя задумчиво вертел свою находку в руках. Ладно, раз уж попалась такая штука, стоит с нею разобраться как следует.

За следующие несколько дней он узнал о своём новом телефоне много интересного.

Например, баланс на его счету всегда оставался равен ста рублям, сколько ни звони. Это выяснилось сразу после того, как Костя внёс в телефонную книгу номера всех своих знакомых. Говори сколько хочешь – и денег не надо.

Сначала телефон просто угадывал имена абонентов, а через пару дней начались настоящие чудеса. Стоило набрать первые цифры нового номера, как телефон дописывал остальные и тут же задавал вопрос:

«Валентин Свиринов. Создать контакт?»

Откуда мобильник получает информацию, Костя так и не понял. Разве что мысли читает.

Сама телефонная книга оказалась безразмерной. Какова её истинная ёмкость, осталось неизвестным. Вторично открывая уже созданный контакт, можно было получить исчерпывающие сведения о владельце номера. В многочисленных специальных графах указывались возраст, рост, вес, место работы, серия паспорта, семейное положение и домашний адрес, а также любопытные подробности вроде настроения на текущий момент, какого-то «коэффициента здоровья» и т.д. Фотографии в профиль и анфас прилагались.

Казалось бы, живи и радуйся, но Костя продолжал относиться к своей находке настороженно. Кто ж сделал такую финтифлюшку? ФСБ? ЦРУ? Индикатор электропитания с каждым днём показывал всё более низкий процент зарядки, а как поправить дело, Костя не знал. У прибора попросту не было гнезда для штекера зарядного устройства. Но как-то же он должен заряжаться?

Через неделю Костя впервые услышал:

– Аккумуляторная батарея разряжена. Пожалуйста, зарядите батарею или вставьте другой аккумулятор.

– Хотел бы я знать, как это сделать, – буркнул в ответ Костя.

Дело было в пятницу вечером, и ему пришлось отключить звук, чтобы «девушка» прекратила надоедать через каждые несколько минут. А потом позвонил Денис и попросил дрель на выходные. Костя пропустил бы вызов, но как раз в этот момент посмотрел на засветившийся экран. Номер был незнакомый.

– Конечно, бери, какой разговор, – ответил Костя, когда разобрался, кто звонит. – Что, ремонт затеял?

– Тоже надо, знаешь ли. Так я подскочу прямо сейчас?

– Давай.

Костя взял дрель, закрыл квартиру и, спустившись со своего четвёртого этажа, уселся на скамейку перед подъездом. Не успел выкурить сигарету, как во двор въехала малолитражка Дениса.

– Шустрая у тебя коробочка! – похвалил Костя, когда Денис вылез и подошёл к нему. – Или ты рядом был?

– Не, я из дома. Да, неплохая машина, но всё равно хочу другую... Слушай, сотри мой старый номер. У меня теперь будет этот – с которого в последний раз брякнул.

– Хорошо.

Денис забрал дрель и плюхнулся на водительское сиденье.

– Давай, пока!

– Пока.

Машина тронулась, а Костя сразу решил внести поправку в телефонную книгу, чтобы потом не путаться. «Денис Краснов, – всплыло окошко. – Изменить данные? Удалить?»

Конечно, изменить было бы проще всего, но слишком уж Косте нравилось, как мобильник вычисляет абонентов по номерам. И он ещё не потерял надежду найти разгадку. Поэтому выбрал «Удалить».

А потом создам новую запись, подумал он.

«Удалить контакт? – переспросил мобильник. – Вы уверены? Отменить. Продолжить».

– Да, чёрт дери, уверен, – недовольно сказал Костя, нажимая соответствующую кнопку. Его всегда раздражали эти предосторожности.

«Внимание! – всплыло новое окно. – Денис Краснов будет безвозвратно удалён. Продолжить? Да. Нет».

– Твою мать! – удивился Костя тупой настойчивости прибора и необычной формулировке предостережения. Запись он удалял впервые. – Сколько же тебе нужно подтверждений?

Нажав «Да», он мельком посмотрел в сторону проходящего неподалёку от дома шоссе. В прошлом году в той стороне свалили старые тополя, и дорога была видна хорошо. На выезде из жилой зоны, дожидаясь сигнала светофора, стояла машина Дениса.

Она тронулась, как только для неё загорелся зелёный, и, лихо выскочив на трёхполоску, начала разворот. Костя уже вернулся к созданию новой записи, когда раздался визг тормозов. Вскинув голову, он увидел, как огромный грузовик, не успевший остановиться на красный свет, легко замял под капот малолитражку Дениса, протасил её под собой метров десять, выворачивая искорёженным комом металла куски асфальта, и остановился, задрав передок и косо развернув длиннющий фургон поперёк дороги.

Дениса хоронили в понедельник, и Костя отпросился с работы. Предыдущие десять дней всюду светило солнце, а день похорон, как назло, выдался серым, дождливым и безрадостным.

После того, как старый приятель погиб прямо у него на глазах, Костя и думать забыл о телефоне. Однако нужно было звонить, и волей-неволей пришлось вспомнить. «Девушка», будто понимая, что Косте сейчас не до неё, не напоминала больше про разряженный аккумулятор. А во вторник вечером он случайно глянул на экранный значок в виде батарейки и оторопел.

Открыл раздел «Электропитание» – уровень зарядки оказался равен восьмидесяти двум процентам.

«Чертовщина какая-то! – подумал Костя. – Три дня назад было восемь, а сейчас – восемьдесят!»

Но поразмыслив, он решил, что ничего удивительного нет. Создатели телефона, с помощью которого можно звонить сколько угодно имея на счету всё те же сто рублей, наверняка предусмотрели нечто особенное и для подзарядки. Не зря ведь нет соответствующего разъёма. Может, от тепла человеческого тела? Тогда его что – на ночь брать с собой в постель? Или наличествует что-то вроде автоподзарядки? Но это же не наручные часы... Скорее, у него сразу несколько способов подпитки. Откуда ж он такой взялся?

Снимки, сделанные камерой таинственного мобильника, имели качество как у зеркалки «Никон». Кабеля для передачи данных на компьютер, понятно, не имелось, зато был блютуз. Костя просмотрел снимки на мониторе и задумался, не пойти ли ему работать профессиональным фотографом.

Плеер выдавал настолько чистый и объёмный звук, словно в телефон упрятали домашний кинотеатр. Фонотека такая же безразмерная, как и телефонная книга. Ничего не надо загружать или скачивать – достаточно в конце списка альбомов и песен нажать кнопку «Ещё музыка», и он пополнялся сразу на десяток названий. Видеоплеер тоже имелся, и там в конце списка надо было давить «Ещё клипы» или «Ещё фильмы». Костя перестал удивляться, когда нашёл в меню раздел «Память», а в нём – поражающую воображение формулировку: «Объём памяти неограничен».

«Эта хреновина стопудово из арсенала спецслужб, – с тоской думал Костя, ругая себя за опрометчивость. – И необязательно даже спецслужб российских. Неограниченная память, заряжается сама по себе... Надо бы оставить её, где лежала. А если меня накроют с ней? Два варианта – или грохнут на месте, или упрячут в тюрьму лет на пятьдесят. Пьяному ёжику понятно, что обычная промышленность таких телефонов не выпускает и в магазинах они не продаются».

Он промучился сомнениями до конца недели. Принять решение помогла электронная «девушка», сообщившая, что живущий по неведомым законам аккумулятор мобильника опять разряжен.

«Да зачем мне это надо? – удивился сам себе Костя. – Нянчись тут с ним, гадай, от чего он питается. И, того гляди, к тебе нагрянут ребята в штатском. Сделал глупость, взял его оттуда, позабавился – хватит. А теперь – ну его к дьяволу. Положу туда же, и думать забуду».

Но прежде следовало стереть телефонную книгу и личные данные. Кто знает, возможно, прибор потом сможет всё восстановить, но хоть временно, для самоуспокоения... И кто сказал, что его сразу найдут именно истинные хозяева? Логичнее предположить, что подберёт какой-нибудь дурень, вроде него самого, и поспешит забить в память свои контакты.

Опции «Удалить все записи в телефонной книге» Костя не обнаружил. Вздохнул – и принялся удалять по одной.

«Александр Вавилов. Удалить контакт? Вы уверены?»

Да.

«Алиса Михеева. Удалить контакт? Вы уверены?»

Да.

«Боря. Удалить?..»

Да. Давай быстрее.

«Балабин. Удалить?..»

Да.

«Внимание! Балабин будет безвозвратно удалён. Продолжить?»

Да.

На пятом имени Костя споткнулся. Чего я распахивался, в самом-то деле? Какие спецслужбы? Какие ребята в штатском? Ты что, шпионских фильмов пересмотрел в последнее время? Хочешь добровольно отказаться от такой вещи? Одна возможность звонить бесплатно чего стоит.

Он спустился вниз, во двор, и взял в ларьке под символической вывеской «Надежда» бутылку пива. Тут же вернулся и прихватил ещё две. Ребята из соседних домов называли этот ларёк не иначе, как «Последняя надежда алкоголика». Костя сегодня напиваться не собирался, он вообще напивался редко. Но и одной бутылки будет маловато, чтобы расслабиться.

Вернувшись домой, он нажарил колбасы, сделал салат, яичницу, и уселся перед телевизором. Компьютер на сегодня отменяется. Беспокойство по поводу телефона тоже отменяется – навсегда. Агенты спецслужб не забывают свои прибабасы на скамейках в парках. Если ты Джеймс Бонд, то должен иметь хорошую память. И ещё вот что: принадлежи телефон ФСБ – да они меня вычислили бы давным-давно! Наверняка в их приборах маячки стоят или что-то подобное. Нет, моя находка – не их хозяйство.

Тогда чьё?

Костя ухмыльнулся и, подцепив на вилку ломтик колбасы, отправил его в рот.

Инопланетян, должно быть. Братьев по разуму. Снежного человека. Белого медведя...

Откуда я знаю?

Костя хотел было тут же восстановить удалённые контакты, но отложил до утра. Успеется.

Ночью он спал спокойно. Проснулся ближе к полудню и узнал о смерти своего одноклассника Саша Вавилова. Того, самого, чей номер он удалил из телефонной книги первым.

Позвонил их общий дружок Виталька Клепиков – Вавилов в пятницу уехал вместе с ним с ночёвкой на рыбалку. Ночью Саша вышел по нужде из палатки, и его задрал медведь. На Витальку зверь не обратил внимания, сразу ушёл в лес.

Костя ещё не успел сообразить, что к чему, когда вновь зазвонил телефон.

– Косточка? Это Настя. Слышал новость? Готовься, нехорошая она. Алиска умерла. Погибла.

– Как???

– Пошла утром в магазин и упала в канализационный люк. Бомжи ночью крышку утащили на металлолом. А она не заметила... представляешь? У нас в церкви по соседству тоже случай был – бабка в открытый люк свалилась, прямо в церковном дворе. Так вот, ей хоть бы что, карге старой, даже ногу не сломала. Вытащили её, и она ушла оттуда на своих-двоих, прославляя Господа Бога. А Алиска – насмерть...

Несколько придя в себя и сопоставив следствия с возможной причиной, Костя позвонил Боре. Его мобильник не отвечал. В это время он лежал на берегу реки рядом с горкой одежды, а друзья, приехавшие с Борькой на речку, искали под водой его тело. Что случилось, Костя узнал лишь через час: Боря нырнул и ударился головой о корягу. Спасти его не удалось.

У Балабина был только городской телефон, и Костя испытал невероятное облегчение, когда его бывший классный руководитель снял трубку.

– Сергей Васильевич? Это я, Костя. Да нет, всё в порядке со мной... А что с голосом? Нормальный голос... Послушайте, мне нужно срочно увидеться с вами. Очень срочно! Да, я всё объясню, когда приеду. Только, пожалуйста, не выходите из дому. Обещаете? Ни в коем случае не выходите никуда из квартиры, слышите? Да, и это объясню... Всё, еду.

Однако к своему любимому учителю, с которым он с удовольствием поддерживал связь через много лет после окончания школы, Костя не успел. У подъезда, где жил Балабин, стояла «скорая». После разговора с медиками удалось выяснить, что у жильца квартиры номер двадцать семь внезапно стало плохо с сердцем. Он смог позвонить, открыть дверь, чтобы не оказаться запертым в квартире, но умер ещё до приезда врачей.

На обратном пути от дома Балабина Костя так задумался, что прошёл мимо автобусной остановки. Спихватился, хотел вернуться, но махнул рукой и потащился пешком. Обдумывать было что. На полдороге он достал телефон, желая немедленно проверить окончательно сформировавшуюся в мозгу жуткую догадку. Естественно, батарея оказалась полностью заряжена. До отказа.

Остановившись посреди тротуара, Костя, сбиваясь, копался и копался в обширном меню, пока не нашёл уже знакомый раздел «Электропитание». Так и есть – почти четыреста процентов.

Одна жизнь – сто процентов.

Ещё одна жизнь – следующие сто, неделя работы.

– Чтоб я сдох, – раздельно сказал Костя, засовывая телефон в карман.

Не-е-ет, эта вещичка не принадлежит спецслужбам – и никогда не принадлежала. Человеческой промышленности создать подобное не под силу. И насколько извращённую психику надо иметь, чтобы предусмотреть такой способ зарядки? Кто на это способен? Разве что сам дьявол.

Случайный прохожий пихнул его в плечо, и недовольно пробурчав: «Ну, блин, встал!», – торопливо побежал дальше. Костя почти не обратил на толчок внимания, но всё же стронулся с места и поплёлся в сторону

своего дома – еле переставляя ноги, как старик. Мысли метались в голове со скоростью тараканов, которых шпарят кипятком.

«Дьявол! Кроме сатаны изобрести такое не мог никто. Или, действительно, инопланетяне? Изучают психику людей. Подкинули приборчик с интересными свойствами, а теперь наблюдают за мной с орбиты... Хотят выяснить особенности поведения людей в определённых ситуациях, прежде чем идти на контакт. Или это и есть контакт? С их точки зрения... Или приборчик совсем ни при чём? Вдруг это просто средство связи и сбора информации, связанное с кораблём пришельцев? Так, наверное. Телефон передаёт и принимает, они – делают... Ведь ни один прибор в мире не может сам по себе организовать автокатастрофу или нападение медведя. Не может подстроить так, чтобы человек, нырнув в реку, ударился головой о корягу... Постой, а пришельцы, какими бы они ни были, могут? Наверное, могут... Да нет, лопух, какие пришельцы – дьявол, сам дьявол!»

«Или пришельцы, но созданные дьяволом. Людей, говорят, создал Бог, а этих – сатана. Ну а кто ещё мог породить существ, производящих адскую технику, которая подпитывается человеческими жизнями?»

Уже добравшись до своей двери и запершись в квартире, Костя пришёл к очевидному выводу – не так важно, кто создатель телефона. Сейчас гораздо важнее, кто его временный хозяин.

Хозяин-то он, Константин Меньшиков, что чётко прописано в «Данных о владельце».

И это его многочисленные друзья и дальние родственники записаны в телефонной книге.

Костя вздохнул с невольным облегчением. Хорошо хоть близкой родни у него нет.

«А какая разница?!? – взвыл кто-то у него внутри. – Сейчас в телефоне больше трёхсот номеров!!!...»

Облившись потом так, что рубашка моментально прилипла к спине, Костя тяжело опустился на первое попавшееся сиденье. Им оказался офисный стул перед компьютером. Подумав, он включил питание и стал ждать, пока загрузится система.

Весь следующий месяц он жил, как будто брёл в тумане. Днём – работа, и тоже в тумане. Вечера проходили перед компьютером, в мучительных поисках ответов в Интернете. Если раньше Костя читал фантастику под настроение, то теперь целенаправленно искал в рассказах разных авторов ситуации, похожие на свою. Перелопатил кучу постов на сайтах, посвящённых паранормальным явлениям и НЛЮ. Посоветоваться с кем-то напрямую Костя не решался. Выхода не находилось. Наконец запредельные для всякого обычного телефона четыреста процентов зарядки подошли к концу. Тогда он и оказался в парке, на своей любимой скамейке, решив на улице дожидаться, когда у прибора сама собой закончится энергия.

Если раньше этот момент представлялся Косте вселенской катастрофой или, по меньшей мере, чем-то вроде ядерного взрыва посреди родного города, то теперь он успокоился. Точнее, просто слишком сильно устал, чтобы продолжать беспокоиться. Ну, кончится заряд, ну?.. Что будет-то? Вырубится дьявольская машинка, как вырубается всякий телефон с разряженным аккумулятором. Делов-то. А ведь недавно Костя совершенно всерьёз решал, придётся ли ему принести в жертву одного из своих друзей или лучше выбрать наугад любой номер в газете с объявлениями, чтобы внести его в список и сразу удалить.

И тут он вспомнил слова отца Алексея о возможности потери данных вместе с потерей энергии.

Не может быть, чтобы дьявол обошёл стороной такую неудобную, но замечательную в свете Костиных знаний особенность современной техники.

В истерике вскочив с лавочки, Костя что-то бормотал, кажется, даже кричал, яростно сжимал в руке пластиковый параллелепипед с округлыми углами, но не раздавил, и, полностью обессилив, опустился обратно на скамейку. Где же выход? Должен же быть выход.

Но только чтобы никого не убивать.

Ночной парк был пуст. Ни единого человека, бомжи – и те уже не бродят в поисках бутылок...

Брошу его здесь, решил Костя. Здесь, где и нашёл.

И будь что будет.

Он положил телефон на деревянные бруски сиденья и решительно двинулся прочь из парка. И даже отошёл достаточно далеко.

Заряд до утра не протянет, подумал он с тоской. И я до утра не доживу. В лучшем случае свихнусь, думая об этом. А если заряд протянет? Заметит завтра телефончик какой-нибудь дурень, и...

Первым делом он попробует избавиться от сим-карты. А когда не получится, дурень просто удалит все чужие номера. Это раз. И этого уже больше чем достаточно.

Затем он попробует звонить и создаст первый собственный контакт. Ведь бедный дурень ещё ничего не знает.

И, конечно, он удалит данные о бывшем владельце... Кстати, а почему самому не попробовать?

Вернувшись, Костя взял телефон. Нашёл соответствующий раздел, замешкался. Умирать ему не хотелось. И ещё меньше ему хотелось умирать на улице. Лучше дома. По пути будет время поразмыслить, чем моя жизнь ценнее жизни любого моего знакомого, издевательски подумал он.

Да нет, правда, лучше дома...

Но дома он обнаружил, что удалить содержимое раздела невозможно. Никак.

Ещё боясь осознать то, на что он уже внутренне решил, Костя прошёл в ванную. Посмотрел в зеркало, в почти незнакомое, измученное лицо. Ни черта тебе не избавиться от ответственности – ты навеки связан.

А если и смог бы удалить сам себя, то чему это поможет? Аккумулятор всё равно сядет, данные всё равно будут потеряны.

Костя тяжело вздохнул и вытащил безопасное лезвие из полупустой пачки. Ну и ладно. Всё равно – не буду я решать, кому жить, а кому умереть. Будь проклят прибор, будь прокляты его создатели; через неделю всё начнётся снова, и мне снова придётся выбирать жертву – и так без конца. А за себя я решить могу.

Глубоко вздохнув, он выгнул запястье левой руки. Вот зараза, сколько же решимости надо, чтобы самого себя чуть-чуть порезать... Ну, давай же? Резался ведь в жизни по случаю? Пострашнее резался, случалось.

Вспомнив, что боль вроде бы меньше чувствуется, когда рука находится в тёплой воде, он заткнул пробку в ванной и открыл краны. Когда ванна оказалась наполнена, он их аккуратно завернул. Незачем топить соседей, хотя, казалось бы, какая теперь разница? Да и жили под ним какие-то вечно пьяные скоты. И его самого обнаружили бы сразу. А то пока на работе забеспокоятся настолько, что Теплов пошлёт гонца, и пошлёт ли?

Нет, правильно. Вдруг вечно пьяные скоты сегодня для разнообразия трезвые. Ещё вызовут, кого следует; ещё взломают те, кому следует, дверь, и спасут.

Присев на корточки и опустив теперь уже обе руки в воду, он опять поднёс бритву к запястью – так близко, что почувствовал её касание. Господи, как тяжело...

– Аккумуляторная батарея разряжена. Пожалуйста, зарядите батарею или вставьте другой аккумулятор.

– Вот ты мне и поможешь, – сквозь зубы пробормотал Костя, временно отложив бритву для того, чтобы вытащить телефон и положить на край ванны, на угловую треугольную площадку. – Полежи-ка здесь. Без тебя я не смогу. А на тебя глядя – запросто...

Зажав лезвие половчее, чтобы негнулось, и полоснув по запястью так глубоко, как только мог, Костя несколько секунд глядел на расплывающиеся в воде красные клубы. Потом выпустил бритву, сунул левую руку поглубже в воду, а сам, повернувшись, сел рядом с ванной на бетонный пол. Вяло вытерев мокрую правую о брюки, достал сигареты.

Как в старые добрые времена – последняя затычка перед смертью. И читал, и в фильмах видел. Правда, в книгах и фильмах героя казнили, а курил он обычно сигару. Или самокрутку. Один раз – трубку, но сойдёт и сигарета. Сигареты казнимые герои курили тоже. Жаль, что так и не довелось пройтись под ручку с Леной. Другой поведёт её под ручку. Не такой простодыр, как ты... Вскоре он потерял сознание.

Очнувшись утром, Костя обнаружил, что так и сидит, свесив левую руку в ванну, и рука совсем ничего не чувствует. Спина словно оледенела от долгого и плотного знакомства с покрывавшим стену кафелем. Зад,

покоившийся на бетонном полу, был как каменный, мошонка неприятно съёжилась.

«Так и простыть недолго», – тупо подумал Костя, и, осознав нелепость этой мысли в данной ситуации, рассмеялся. Вместо смеха вышло не то кряхтение, не то кудахтанье.

Крови в ванной оказалось совсем немного, она едва окрасила воду в розовый цвет. С великим трудом поднявшись на ноги, Костя посмотрел на запястье левой руки. Там белел неровный шрам. Выглядел он так, словно после пореза прошло много лет.

Не найдя в себе силы удивиться, Костя выдернул пробку, выпуская воду. Телефон молчал. Взяв его, он зашёл в раздел «Электропитание». Шестнадцать процентов, примерно на сутки работы.

– Недорого же ты меня ценишь, – процедил Костя, пытаясь отвлечься от зверских мурашковых, атаковавших затёкшее за ночь и теперь начинавшее отходить тело – особенно ягодицы и висевшую через край ванны левую руку. – А остальные восемьдесят с лишним процентов где? Ушли на нужды оживления покойника? Сутки... Ладно, и то хлеб.

Подобрав с пола сигареты и зажигалку, он пошёл в кухню, мельком взглянув на часы в прихожей. Полпятого. Полпятого, среда, лето, светает; скоро на работу, и он страшно голоден.

В холодильнике было пусто, так как Костя в последние дни совсем не готовил и почти ничего не покупал, часто забывая поесть вовсе. Настроение стремительно повышалось. Жив, жив!.. Спустившись во двор, он стуком в окошко разбудил продавщицу в «Последней надежде алкоголика» и взял килограммовую пачку пельменей. Недолго подумал и попросил ещё полторашку «Андреича». Не стоило бы пить, но Теплов своих рабочих на алкоголь не проверял, воскресает не каждый день, и надо же это как-то отметить. Да и что такое полтора литра светлого? До девяти всё выветрится. Вернувшись, Костя налил себе пива и стал ждать, когда сварятся пельмени. Весь килограмм вбухал в кастрюлю. Да как бы мало не было, если по аппетиту судить... Выпив один стакан, он похвалил про себя пиво и тут же налил ещё. Помешивая в кастрюле, Костя мимоходом прочитал название на выброшенном в ведро пельменном пакете: «Михалыч».

– Фантазии у них, что ли, не хватает? – хмыкнул он. – Что за мода пошла такая? Пельмени – «Михалыч», приправа – «Приправыч»... Вот жизнь! Выпил «Андреича», закусил «Михалычем»... Достал «Макарыч» и пальнул в Рабиновича.

Пельменей хватило едва-едва. На работе никто ничего не заметил. Поздно вечером, стараясь почаще моргать после длиннейшего интернет-сеанса, Костя услышал ненавистный девичий голос:

– Аккумуляторная батарея разряжена. Пожалуйста, зарядите батарею или вставьте другой аккумулятор.

– Чтоб ты сдохла, сука! – выдавил Костя, нехотя выключил компьютер и пошёл в ванную.

Две недели так и продолжалось. Костя мало-помалу пристрастился к пиву, пока зная меру. А что удивительного? Другой вообще запил бы по-чёрному.

Сперва он брал полторашку по утрам, на вторую неделю стал запасать пиво на вечер, в начале третьей уже захватывал бутылку с собой на работу. У Теплова продавалось пиво, но не станешь же там покупать?

Уединиться, чтобы хлебнуть из горлышка, было не трудно. Рискованно, конечно, ну да будем надеяться... Машину на стоянку загнать или подать её ко входу в гостиницу – невелика премудрость. Запах прекрасно отбивал «Антиполицай» и постоянное жевание «Орбита». Того, который без сахара. Ничего страшного. Пронесёт.

Пока проносило. Регулярная выпивка имела свои хорошие стороны – не так тоскливо ждать вечера. И особенно Костю радовала даруемая алкоголем раскованность. Он осмелел настолько, что мог теперь свободно общаться с Леночкой (называя её Леночкой), и смешил девушку на ходу сочиняемыми анекдотами, проявляя доселе дремавшее в нём чувство юмора. Вскоре Лена привычно улыбалась ему ещё издали.

Личная катастрофа Кости, как и все катастрофы в мире, разразилась внезапно. Пиво ли было виновато, частенько отвлекавший его внимание образ Леночки, то и дело вторгавшийся в сознание, или же внушавшие чувство нереальности происходящего, доводившие до отупения ежевечерние самоубийства, успевшие стать традицией, да только однажды, загоняя на стоянку дорогуший «лексус», Костя крепко приложил его к другой машине, и тоже не из дешёвых.

Заглушив двигатель, он посидел ещё в водительском кресле, прежде чем заставил себя вылезти наружу и оценить размер ущерба. Одного взгляда на передок «лексуса» с выбитой фарой, лопнувшим бампером и гнутым крылом, а также на покалеченную корму «лендровера», хватило, чтобы потемнело в глазах. Костя вспомнил случай, о котором недавно писали все газеты: шофёр грузовика на светофоре врезался в «круизер». Вот так же вылез, посмотрел, достал из кузова канистру с бензином, облил себя и щёлкнул зажигалкой.

Кто-то бежал к стоянке, заливалась сигнализация пострадавшего внедорожника, кто-то крыл матом из окна гостиницы, а потом и рядом с Костей. «Спокойно, разберёмся!» – услышал он голос Министра, но так, словно голова была закутана ватным одеялом. «Разберёмся, тебе сказали! – перебил поток яростной ругани рёв Котлеты. – Сдай назад, браток! Без рук! Со своими сотрудниками мы как-нибудь сами!..»

Костя полностью пришёл в себя и начал здраво воспринимать происходящее только в кабинете Теплова.

– Повезло тебе, – сказал хозяин комплекса, толкнув ему через стол несколько листов бумаги. – Почитай вот, и распишись. Твоё счастье, что оба владельца согласились воспользоваться услугами нашей же мастерской. Хотя мужик на «ровере» вначале упирался. Не хочу, говорит, иметь дело с

сервисом, где работают такие раздолбаи. И он не так уж неправ... Раздолбай – это ты, как понимаешь. И благодари Министра. Он согласен внести за тебя сразу всю сумму.

Костя молча перебирал бумаги.

– Ну, чего мусолишь? – нетерпеливо сказал Теплов, когда Костя пошёл на второй круг. – Это результаты нашей же экспертизы, ты их уже смотрел. Не первый год работаешь здесь, машины знаешь, должен понимать, что всё справедливо. Даже более, чем ты заслуживаешь. Ребята сделают всё по внутренним расценкам, как своему... А теперь – марш домой! Отпуск без содержания, две недели. Выйдешь – подумаю, доверять ли тебе снова парковку.

– Да вы что, Андрей Викторович, – нерешительно возразил Костя. – Какой мне отпуск? Тут же моя зарплата за год. – Он вяло тряхнул листками. – Вижу, сумма ущерба не завышена, но...

– В отпуск! – рявкнул Теплов, однако без особой злости. – Да тебя вообще надо гнать в три шеи! Труженик! Подожди хоть, пока владельцы машин из гостиницы съедут!..

Выйдя на улицу, Костя столкнулся с Министром.

– Эх, Косточка, – сочувственно сказал начальник охраны. – Как же ты так, а? Ну ничего, расплатишься помаленьку. Отдавать придётся втрое больше, чем ты платил за компач. Сам понимаешь, я не могу всю жизнь ждать, пока верну свои деньги. Не хочешь сидеть на одном «Дошираке» – можешь продать квартиру и переехать в секционку... Да не вздрагивай ты так, не нужна мне твоя хата. Справишься с выплатой без этого – возьму частями. Добрый я, понимаешь, человек. Пойдём, черкнёшь расписочку.

Оставшись без дела, Костя ушёл в первый в своей жизни запой, относительно протрезвев только к концу отпуска, и тогда же узнал из выпуска новостей, что начальник охраны гостиничного комплекса «У Теплова», без вести пропавший три дня назад, найден в лесопосадках с восемью пулями в теле и одной в голове. Следствие обрабатывает версию, согласно которой...

Костя схватил телефон, сгоряча подумав, что нечаянно стёр по пьяни номер Министра, но ему пришлось убедиться, что всё же таинственный прибор – не единственная причина внезапных смертей в этом мире. Номер оказался на месте, только при открытии контакта всплыло окошко: «Абонент в настоящее время недоступен».

– Это точно, – прошептал Костя. – Куда уж недоступнее.

На работе его первым встретил Котлета.

– Не думай, что если Министр откинул копыта, то ты теперь никому не должен. Можешь считать меня его правопреемником. Расписка твоя у меня. С нею и прочими бумажками и показаниями свидетелей, я с тебя всё даже через долбаный законный суд получу без проблем. И вот ещё что... Теплов решил тебя пока до парковки не допускать. Поработаешь подметалой. Зарплата будет – сам знаешь, а я не хочу ждать с тебя денег до седых волос. Я тебе не Министр, это он у нас был широкая душа...

Значит так: продаёшь хату, причём риэлтора тебе укажу я. Всё оформим в моём присутствии. А тебе подыщем секцию где-нибудь на Толстовке, идёт? И бабки ещё останутся.

– Продажа-то почему через тебя? – попробовал всё же возразить Костя, понимая, что по основному пункту спорить бесполезно. – Что я, сам квартиру продать не могу?

– Ты мне повякай, заморыш! – зловеще дыхнул ему прямо в лицо Котлета, нависая сверху как Кинг-Конг. – Заберёшь деньги и свалишь куда-нибудь в тьму тараканью, а я тебя потом ищи, да?

Кое-как отработав первую смену на новой должности, Костя пришёл домой. Долго без цели слонялся по квартире, глядя на стены так, словно видел их впервые. Наследство от матери. И память о ней единственная. Оно конечно, можно и в секции жить, тем более, что сам виноват, да только надо быть полным кретином, чтобы думать, будто после сделки с Котлетой у него останется жильё или какие-то деньги. Тут Котлета прав – он не Министр... В лучшем случае – жизнь у мусорных бачков и ночёвки в подвалах. В худшем – труп обнаружат нескоро, если ещё обнаружат.

Несколько дней Котлета его не тревожил. То ли занимался подготовкой, то ли другими делами, с Костей не связанными, то ли давал жертве время прочувствовать ситуацию. Поручиться Костя не мог, но был почти уверен, что за квартирой и за ним самим следят. Наконец Котлета подошёл к нему, поймав точно так же, утром, перед работой.

– Возьми назавтра у Теплова отгул. Наври что хочешь. За один день всё и сделаем, ручаюсь. Завтра я тебе звякну... Кстати, какой у тебя номер?

– А ты мне свой дай, – решил Костя внезапно.

– А у тебя что, нет? – удивился Котлета. – Давай, записывай...

Во время обеденного перерыва Костя тяжело опустился на стул за пустым столиком в самом дальнем углу столовой и достал телефон. Тот скромно помалкивал, переваривая порцию энергии, которую Костя по обычаю вкатил ему вечером.

«Если отдашь материну квартиру Котлете, имея в распоряжении такую вещь, ты просто полный слюнтяй, братец, – подумал он, открывая нужный контакт. – Слюнтяй и ничтожество, и что бы ни сделал с тобой Котлета, ты это заслужил. Убийство? Ну и что – убийство? А Дениса убил не ты? Балабина? Алиску?.. Приборчик убил, думаешь? На кнопки-то ты нажимал!»

Леночка, ставя перед ним поднос, озабоченно заглянула ему в лицо.

– Ты чего такой серый? – спросила она.

– Ничего не серый, – отозвался Костя, вызывая меню телефонной книги. – Просто настроение не очень.

«Котлета – всплыло окошко. – Изменить данные? Удалить?»

«Удалить».

– И насколько не очень? – улынулась девушка.

«Удалить контакт? Вы уверены?»

Уверен ли он? Чёрта с два он уверен... Но левое запястье уже изрезано так, что придется носить напульсник. Браслетом от часов такие шрамы не закроешь.

«Удалить!..»

– Насколько? – переспросил Костя, поднимая глаза от экрана и тоже невольно улыбаясь. Глядя на такое лицо, как у Леночки, нельзя не улыбаться. – Насколько не очень? Очень не очень...

«Внимание! Котлета будет безвозвратно удалён. Продолжить? Да. Нет».

– Всё из-за аварии? – посочувствовала девушка. – Тяжело, я понимаю. Но ты ведь разрулишь ситуацию?

– Конечно, разрулю, – ответил Костя, нажимая «Да».

– Хороший у тебя телефон, – заметила Леночка, поворачиваясь, чтобы уйти.

– Ещё какой хороший, – пробормотал он ей вслед. – Просто замечательный.

Отправляться у Теплова на следующий день он не стал, о чём начал жалеть сразу, как только сел в автобус после работы. А вдруг прибор не работает?

Да почему он должен не сработать, уговаривал себя Костя. Всегда срабатывал, а тут, когда надо больше всего, выдаст осечку? Вот-вот, возражал он сам себе, именно потому и выдаст, что край как нужно. Пока ты бездумно убивал своих знакомых и себя терзал, он срабатывал, а сейчас не станет. Или работает наоборот – Котлета сегодня выиграет миллион в казино, окажется ночью в постели с тремя лучшими красавицами города, шрамы на его роже рассосутся бесследно, а Теплов завтра официально назначит его на место Министра. Называется это закон подлости – дьявол придумал его, пока изобретал твой телефончик.

Семь часов вечера, восемь... Костя каждый час заходил в раздел «Электропитание». Девять часов... Пять процентов заряда, потом четыре. Электронная девчонка, эта дочка сатаны, голос которой её папаша упрятал за сенсорным экраном, молчала, хотя раньше начинала доставать уведомлениями, едва заряд падал ниже семи процентов, а уж по снижению до пяти верещала вовсю. Десять часов... Костя, ещё недавно серьёзно сомневавшийся, способен ли он использовать прибор в личных целях, теперь желал скорейшей смерти Котлеты так, как не желал ещё ничего в жизни. Одиннадцать часов... И вот, в очередной раз зайдя в «Электропитание», он увидел зелёную полосу поперёк всего экрана, а под ней заветную цифру сто три. Прибор сработал.

Просыпаться в собственной постели, а не в ванной комнате, где место вытащенной в прихожую стиральной машины теперь занимало специально поставленное кресло, было непривычно. Непривычно было начинать день без пива, но Костя и глотка не смог выпить с тех пор, как удалил контакт Котлеты. Ещё в автобусе он узнал от двух знакомых мойщиц, работавших у Теплова, новость как раздобытую ими новость: ночью Котлету насмерть зашиб стулом один из постояльцев гостиницы.

В понимании Кости, чтобы убить замначальника охраны, того требовалось ударить не стулом, а по меньшей мере книжным шкафом. Причём не один раз. И в конце, для надёжности, обрушить на него всю тепловскую гостиницу.

Впрочем, странная уязвимость Котлеты, как и осведомлённость мойщиц, вскоре объяснились, поскольку обе девушки болтали без умолку. Одна из них была подружкой дежурившего ночью охранника, который и позвонил ей утром, едва она встала. Котлету в коллективе не любили, а для некоторых его смерть оказалась настоящим праздником.

В семь вечера постоялец из сорокового номера потребовал выпивку, через час – девочек. Ещё через два с лишним часа в сороковом начался настоящий кавардак: постоялец, судя по доносящимся из комнаты звукам, избивал проституток и грозился их прирезать. Когда в номер попыталась проникнуть охрана, парень открыл стрельбу через дверь. Вызывать милицию Теплов не любил, и охранники знали об этом. Посему из бани на озере спешно извлекли парившегося там с какой-то продажной милашкой Котлету. Наскоро одевшийся замначальника пришёл на выручку своим подчинённым и потребовал, чтобы постоялец для начала отпустил проституток. На что получил ответ: зайти и возьми.

Котлета, не отличавшийся ни малодушием, ни долготерпением, пошёл на штурм. Один из охранников постучал с улицы в окно сорокового номера шваброй, отвлекая внимание; одновременно Котлета вышиб дверь, ворвался в номер и моментально обезоружил буяна. Однако тому удалось вывернуться, он отскочил и запустил в противника стулом, угодившим Котлете кончиком ножки точно в висок. После чего постоялец, подобрав свой пистолет и стреляя во все стороны, вырвался в коридор, сбежал по лестнице, забрал свою машину со стоянки и был таков. На месте происшествия наконец вызванная милиция обнаружила больше двадцати гильз от пистолета ТТ и два пустых магазина от того же оружия. О внешности убийцы почему-то ничего не смогли толком рассказать даже проститутки, бывшие с ним в номере. Оружие ни по каким делам ранее не проходило, отпечатки пальцев не с чем оказалось сравнивать, а краденую машину с фальшивыми номерами обнаружили всего в десяти километрах дальше по трассе. Преступник же словно испарился.

Никаких новых правопреемников Министра по смерти Котлеты не обнаружилось, и Костя почти целую неделю жил спокойно. Полному счастью мешал только с каждым днём приближающийся срок очередной зарядки аккумулятора. Да ещё мысли, текущие беспокойным, непрерывно меняющим русло ручейком.

Представляя себе, сколько людей в мире захотели бы занять его телефон, Костя сразу приходил в дурное расположение духа. Военные любой страны, террористы, религиозные фанатики... Да разве всех перечислишь. И они не мучились бы угрызениями совести, отправив на тот свет какого-нибудь Котлету, которому туда было давно пора. Быстрое устранение политических противников, конкурентов по бизнесу, врагов

веры, кого угодно... И таким способом, что не подкопаешься. Достаточно узнать номер телефона.

В безопасности оказались бы те, кто телефонами не пользуется, а много их сейчас? И только в относительной безопасности.

«Что я знаю о других свойствах прибора? – размышлял Костя. – Нелепо думать, что создатели уникального и страшного с любой точки зрения аппарата предусмотрели в нём только пополнение энергоресурса при помощи убийств людей, внесённых в телефонную книгу. Сколько уже раз приборчик оживлял меня самого? А если меня по-настоящему убьют? Посторонние? Нет, скорее всего, не смогут, пока телефон при мне. Интересно, что будет, если я прыгну с вертолёта в кратер действующего вулкана?»

Надеясь на безразмерную память мобильника, Костя пока ни разу не удалял ни фотографии, ни видеозаписи. Теперь боялся и пробовать. Люди с фотографий – что с ними будет? Все умрут? Он сделал множество снимков на улице и в парке...

А если удалить музыкальный альбом? Тимати, вот, например, ему никогда не нравился. Костя представил, как нажимает в меню «Удалить», после чего смерть наступает злополучного рэпера. А среди фанатов Тимати начинается жуткая эпидемия, которую нельзя остановить никакими ухищрениями медиков.

«Прибор способен воскрешать своего владельца. А кого ещё? Что произойдёт, если ввести в телефон номер уже мёртвого человека? Эй, постой, есть же такой человек...»

Костя прекратил работать метлой и прикрыл глаза. Вот он находит номер Министра, открывает меню, а там, в самом низу скромная надпись: «Восстановить контакт», после нажатия на которую телефон задаёт примерно такой вопрос: «Попытаться восстановить Министра? Да. Нет». И вот уже Министр оживает в своём элитном гробу, под бетонной плитой, на глубине двух метров ниже поверхности земли... Не-ет, с воскрешениями мы пока повременим. Такого и Котлете не пожелаешь.

Открыв глаза, Костя достал телефон и тут же проверил свою догадку. Соответствующей опции меню не предлагало. Или она присутствует где-то, нужно лишь найти? Здесь столько всего, я ещё и половины не видел...

Значит, пока мы освоили только убийства. И что с этим делать? Наказывать ушедших от правосудия преступников? Конечно, издевательски сказал про себя Костя, они номера своих телефонов печатают в газетах. Крупными цифрами... Вот недавно возле Смирновки неизвестный водитель сбил на трассе двух ребятишек. Оба умерли по пути в больницу, поскольку «скорая» приехала слишком поздно. А водитель скрылся. Но поди найди его номер...

Киллером стать проще. Начать с мелочёвки, заработать репутацию, и вот ты уже непревзойдённый специалист своего дела. Но рано или поздно тебя вычислят, да, вычислят – те самые парни из спецслужб, которых ты недавно так боялся, – и поставят себе на службу вместе с телефоном. А ты даже умереть не сможешь.

Думай, братишка, думай. Чуть больше двадцати процентов осталось в аккумуляторе. Ох, как же неохота опять садиться в кресло возле ванны...

Плюнуть на всё – и ничего не делать! Пусть разряжается... Костя вспомнил фильм, где герой утешает героиню – очень симпатичную девушку – после смерти кого-то, кто был ей страшно дорог: «Да, он умер, но жизнь продолжается!»

Впрочем, и в других фильмах эта фраза звучала частенько, особенно в американских. «Жизнь продолжается!»

Больше трёхсот человек в телефонной книге... И ещё фотографии, о которых он до сих пор ничего не выяснил! Множество фотографий парка в воскресные дни, там сотни, может, тысячи людей. Что будет? Аккумулятор садится, данные потеряны, все умерли, но жизнь продолжается...

В том, что сам он останется жив, Костя почти не сомневался. В худшем случае постареет лет на десять, а батарея окажется заряжена. Дьявол или зелёные человечки с летающей тарелки – они не отпустят его так просто.

Близился конец рабочего дня, и Костя уже собрался идти в раздевалку, когда вспомнил, что не прибрал девичью курилку. Смолить на территории комплекса Теплов служащим запрещал, но вообще курильщиков не преследовал, и специально отведённых для них мест было сразу несколько: у чёрного входа гостиницы, в автомастерской, на мойке и за столовой. Последняя курилка и называлась девичьей, поскольку дымить туда ходили одни официантки. Снаружи она выглядела как небольшое подсобное помещение, очень чистенькое и опрятное. Дверь находилась со стороны служебного входа в столовую. Костя подошёл с противоположной и остановился, услышав внутри голоса. Говорили разбитная черноволосая Танька, заядлая курильщица, и Леночка.

«Вот не знал, что Лена курит, – подумал Костя. – Надо же... Или просто пошла за компанию, с Танькой посекретничать?»

Он повернулся, собираясь уйти, когда Танька сказала:

– Да что он тебе может сделать-то? Пошли его лесом и забудь.

И в ответ донёсся слабый, плачущий голос Лены:

– Ты не понимаешь ничего! Этот старый козёл – декан факультета! Не поеду с ним – не протяну до конца следующего семестра! У нас половина преподавателей – взяточники, я тебе могу прайс написать, у кого сколько стоит экзамен, у кого – курсовая... И все они у него в кулаке. Нажмёт на них – и сессию мне не сдать ни за что...

– Почему не сдать, ведь ты же всё знаешь! Ну подучи ещё – так, чтобы они подкопаться не могли!

– Много ты понимаешь! Прости, Тань, но у тебя только шарага, откуда вас не знали как на производство выпихнуть. А когда тебя сразу несколько преподов начнут намеренно валить – тут ты хоть как учи...

Костя замер, боясь обнаружить себя, и уже не собираясь уходить.

После долгого молчания Танька спросила:

– И куда он тебя зовёт?

– На Кипр, – мрачно ответила Леночка. – Ещё весной начал уговаривать.

– Надолго?

– На десять дней.

– А-а, как раз чтоб вернуться к началу нового учебного... Знаешь, Леноч, другая на твоём месте уже собирала бы вещи, навешав лапши папану и маману. Студентки сейчас в постель готовы лечь ради того, чтоб «неуд» в зачётке исправить. А тут!.. Декада на Кипре! С подпольным миллионером! Я, случайно, не смогу тебя заменить? Ты предложи.

– Тебе всё шутки, – всхлипнула Леночка. – Пусть хоть миллиардер, но мне он не нужен. Козёл старый!

– Заладила – козёл, козёл... – недовольно пробурчала Танька. – Все мужики козлы! Вот найдёшь ты себе мужа по большой любви, а после свадьбы выяснится, что он такой же козёл, как твой декан, если не хуже. Только денег у него не будет. А если будут, так он поедет на Кипр с любовницей, оставив тебя дома вытирать сопли ребятишкам.

– Что делать-то? – обречённо спросила Леночка. В голосе ещё дрожали слёзы.

– Ну, уйди из института, раз всё так мрачно, – посоветовала Танька.

– Мои родители уже в струнку вытянулись, чтоб их любимая доченька получала высшее. И дальше намерены вытягиваться. Как я им в глаза посмотрю? Как объясню?

– Ну переведись! – сердито крикнула Танька, но Костя не стал дослушивать, чем кончится разговор, и, аккуратно ступая, пошёл прочь от курилки. Девчонки скоро выйдут, не могут они там долго, спохватятся, что их прекрасно слышно снаружи через тонкую стенку из гофрированного железа.

По пути Костя выгасил телефон и посмотрел время. Лена должна была вскоре смениться и ехать домой. Обойдя столовую, он встал неподалёку от входа, и девушка действительно вышла через несколько минут. На лице уже не было и следа слёз, однако оно вытянулось и побледнело.

– Пока, Кость, – бросила Лена, проходя мимо. Почти приветливо. – Что это ты в комбинезоне до сих пор? Ночевать здесь собрался?

– Подожди, – ответил он, удерживая её за руку. – Знаешь, я сейчас всё слышал, о чём вы с Танькой говорили.

Девушка вздрогнула, остановилась и взглянула на него исподлобья.

– Подслушиваешь, – сказала она, и в голосе больше не было ни капли приветливости. Он стал злым.

– Я курилку шёл убирать, – возразил Костя. – А вас за километр было слышно. И я не собираюсь никому рассказывать.

– А что ты собираешься делать? – прищурилась Лена.

– Я помочь хочу.

– Правда? – горько улыбнулась Лена. – А как?

– Может, просто поговорю с ним.

– Поговоришь? – переспросила она и сдавленно рассмеялась. – Поговоришь? Да он не только деканом у нас, он с самой перестройки

коммерцией занимался, теперь в десять раз богаче Теплова. У него знаешь какие связи? И ты с ним... поговоришь?..

Костя решил не обижаться.

– Послушай, – сказал он. – Только не психуй. Ответь мне на пару вопросов – ты точно с ним не поедешь?

– Естественно. Ты за кого меня принимаешь? Я под похотливых пердунов не подстилаюсь.

– Не ругайся так, тебе не к лицу... И ты точно уверена, что он выживет тебя из института?

– Это называется риторический вопрос, Кость. Ты же слышал, о чём мы говорили.

– Тогда какой вред я тебе причиню, разок побеседовав с ним? Никакого. Хуже-то не станет. Есть у тебя его номер телефона?

Лена внимательно и недоверчиво вглядывалась в его лицо.

– Тебе это зачем, Кость? Не станет он с тобой разговаривать.

«Это я с ним не стану», – подумал Костя, сказав вслух:

– Кто знает. У меня тоже имеются кое-какие связи... наверху. Или внизу... Ну, есть номер?

– Конечно, – девушка наклонила голову, расстёгивая сумочку. – Дал мне, чтобы я по зрелом размышлении могла выразить своё согласие. Записывай...

Когда они расстались, Костя сходил переодеться и вышел с территории комплекса, на прощание махнув скучающему охраннику. Автобус, на котором он обычно ездил домой, уже ушёл, и на остановке никого не было. Костя опустил на скамейку и достал телефон.

«Дмитрий Семёнович Белецкий. Удалить контакт? Вы уверены?»

Эх, Дмитрий Семёнович, что ж ты такой сухой выродился?

О похожем случае Костя слышал от Алиски – ныне покойной Алиски, которая училась в институте в другом городе. Но там девушку к любовной связи принуждал не декан, а рядовой преподаватель. Парень же девушки был не таким нерешительным нюней, как он, Константин Меньшиков, а настоящим бандитом стандарта Котлеты – тоже ныне покойного. И после разговора по душам преподаватель, в спешном порядке уволившись из института, отбыл в неизвестном направлении.

Такие дела. Не все учителя похожи на Балабина, который любил учеников как родных детей...

Но и Балабин мёртв.

А вот Дмитрий Семёнович жив. Хотя лучше сказать – пока жив.

Стоп. Ещё не поздно дать задний ход. Леночка действительно может просто уйти из института...

Только почему она должна уходить? Ты что, не хочешь её защитить?

Да брось, темнила, зачем корчить из себя рыцаря? Тебя ведь до трясушки бесит, что старый мерзавец предложил Леночке спать с ним; не просто предложил – вынуждает к этому; ту самую Леночку, которую ты до сих пор в кино пригласить не отважился...

«Внимание! Дмитрий Семёнович Белецкий будет безвозвратно удалён. Отменить? Продолжить?»

И зачем я полностью записал его имя-фамилию, да ещё и отчество? Как это глупо – так аккуратно регистрировать данные человека, которого ты намерен убить? И ты подумал, что потом скажешь Лене? Сможешь объяснить?

А зачем объяснять? Ничего мне не придётся объяснять! Был человек – и нет его. Да и человек ли? Скотина. Седина в бороду – бес в ребро... Ничего мне не придётся объяснять, и я не обязан! Несчастный случай, кирпич с крыши, наезд на пешеходном переходе, инфаркт...

«Внимание! Дмитрий Семёнович Белецкий будет безвозвратно удалён!..»

Или – так, или идти сегодня вечером в ванную. Что же ты делаешь с нами, судьба, предлагая такой выбор?

«Продолжить? Да. Нет».

Если удаление Котлеты с материального плана бытия ты ещё мог назвать самообороной, то теперь произойдёт чистой воды убийство. Из ревности. Или от праведного возмущения людской низостью, но всё равно – убийство. И как ни страшно сейчас, потом будет страшнее. Или станет легче, что ещё хуже.

Сегодня этот похотливый Дмитрий Семёнович. А кто через неделю? Через месяц? Через год? Как долго человек способен находить оправдания таким поступкам?

Кем ты сам станешь через год, через пять, через десять лет, если будешь лишать людей жизни одним касанием кнопки на сенсорном экране?

Костя огляделся по сторонам, словно ища того, с кем он мог бы посоветоваться. Но на остановке всё ещё никого не было. И машин почему-то не видно на трассе... Один, и некому задать вопрос.

Отменить?

Продолжить?..

Да?

Нет?

Анна ЧЕРНЫШЕВА

Кто есть кто

Даша – симпатичная рыжеволосая девушка, лет шестнадцати, худенькая, с большим ртом и широко распахнутыми голубыми глазами, порхала по городу как бестолковый мотылёк. Каждый новый день казался ей забавнее предыдущего. Всё вокруг было восхитительно: весна, усыпанные цветами яблони, первые нежно-салатовые листочки, пьяные от тепла воробьи. Пропавшие с улиц грязь и лужи позволили девушке надеть новёхонькие модельные туфельки, а светлый баснословно дорогой плащ переполнил чашу её восторга. Даша не могла и не хотела прогнать с лица беспечную улыбку. Совсем недавно зимой, увидев человека в таком состоянии, она сама бы покрутила у виска, но теперь...

Как мало надо для счастья! Голубое небо, жёлтое солнце и чувство влюблённости. До назначенной встречи оставалось ещё четверть часа, и девушка не спешила, медленно шла по парку, глазела по сторонам.

– Ужас! Кошмар! – завопила она вдруг. – Ненавижу птиц! Кто дал пургена этому голубю?!

Новенький почти белый плащ был безнадежно испорчен. На плече, словно погон, красовалось большое пятно.

– И как это всё умещалось в маленькой птичке?! – в отчаянии вопрошала небеса Даша.

Ответ последовал отвратительный своей логичностью. Над парком кружилась не одна птичка. И ведь летела мерзкая жидкость вроде бы мимо, но умудрилась-таки приземлиться на рукаве.

– Сволочи! Сволочи!

Девушка готова была подпрыгнуть, поймать злополучного голубка, ощипать и голым отправить выпрашивать у старушек семечки. Подумать только, ещё минуту назад она так гордилась дорогой нарядной вещью. Даша полезла в карман в надежде достать какую-нибудь ненужную бумажку, но в первый раз надетой вещи оба кармана были девственно чисты. Девушка рискнула сорвать на зелёном газоне широколистную травку и попыталась стереть небесные кляксы. Получилось ещё хуже. Пятна приобрели зелёный оттенок. Осталось только одно. Горько вздохнув, Даша сняла плащ, аккуратно свернула и повесила на руку. Прохладный ветерок сразу полез под лёгкую сиреневую кофточку.

– Зябко, – не удержалась от комментария она, одёргивая короткую чёрную юбку.

Девушку поддерживала только одна надежда на то, что её муки не видела ни одна живая душа.

Заветная лавочка, уютно прятавшаяся в тени огромного тополя, была пуста.

– Мог бы прийти и пораньше, – посетовала девушка, – не кисейная барышня, чтоб опаздывать.

Она присела на скамейку, мимо спешили люди, чинно проплывали мамы с колясками, пронеслись велосипедисты. Тень казалась Даше всё менее уютной. Она приглядела прямо напротив свободную скамеечку, залитую тёплым жёлтым солнышком.

«Пойду туда, – решила лишившаяся плаща модница, – какой смысл мёрзнуть, там я точно не буду незаметной».

Она достала сотовый, посмотрела время, убедилась, что Павел опаздывал уже на полчаса, набрала его номер и неожиданно решила проявить принципиальность, не звонить. Рассерженно встала, решительно направилась к заманчивому местечку. Плюхнулась на самый край и с ужасом почувствовала, как скамейка наклонилась, и дальний свободный конец быстро поднялся над землей.

– Мне осталось только свалиться, день будет испорчен окончательно! – воскликнула девушка, осторожно двигаясь к середине скамейки.

Вернувшееся равновесие уже не могло восстановить радужного настроения. У Даши ещё оставалась слабая надежда на то, что Павел только опаздывает и всё-таки появится, и она попыталась как-нибудь скоротать время ожидания. Очень аккуратно встала со злополучной «качели», с независимым видом прогулочным шагом дошла до стоявшего рядом киоска. Обвела ленивым взглядом его содержимое, выбрала, купила один пёстрый журналчик. Вернулась на залитую солнцем лавочку, полистала, скучая, наткнулась на очередное продолжение какого-то длинного рассказа. Не имея представления о том, с чего он начинался, стала читать, что было.

«...молнии метались по грозовому небу, кони храпели, рвались вперёд. Мгновение, и два рыцаря преломили свои копыта в честь прекрасной дамы. Чёрный всадник рухнул, сражённый метким ударом противника, только голубая вспышка осветила помчавшегося без него вдаль жеребца...»

– Эх, где теперь такие рыцари?! – вздохнула девушка. – Мои современники, наверное, вовсе не способны на подвиги. Вот бы узнать, кто какой на самом деле, – размышляла она.

Дашу поразило странное ощущение – земля качнулась и ушла из-под ног, где-то под ложечкой появился тревожный холодок, чем-то похожий на чувство невесомости. Девушка подняла глаза от колоритной картинке с рыцарями и застыла от ужаса. Парк, только что окружавший её, разом исчез, не было ни лавочки, ни пыльной дорожки, ветки тополей, нависавшие над головой, стремительно неслись мимо, пропадали где-то внизу. Она ничего не могла понять. Обнаружила, что сидит на дне большой квадратной корзины, вокруг её плетёных стенок кружевная зелень уже сменилась ясной голубизной. Даша рискнула задрать голову и рот разинула от удивления. Её корзина висела под самым настоящим воздушным шаром, громадным как целый дом, похожим на раскрашенную полосатую луковицу. Из незнакомого устройству вырывался огонёк пламени, наполняя купол тёплым воздухом. Шар стремительно поднимался, становилось всё холоднее; начавшая стучать зубами девушка решила-таки пошевелиться. Она развернула плащ, забралась в один рукав, надела второй, изо всех сил почему-то стараясь двигаться незаметно.

– Наплевать, что плащ испорчен. Кто меня видит?! Я здесь совсем одна, – бормотала она, – одна! Одна! Одна!

В этом слове было столько ужаса, у Даши дыхание перехватило, она зажмурилась... В этот миг корзину потрянуло, словно в неё упало что-то тяжёлое; снова настала полная тишина, и девушка решила открыть глаза, сначала левый, потом правый. Она поражённо уставилась в противоположный угол корзины.

– Ты?!

Этот вопль вырвался и у Даши, и оказавшегося напротив неё худощавого парня. Если замёрзшая путешественница сжалась в комочек, то он наоборот сидел, широко разбросав руки и ноги. Тряс головой, дико озирался. Девушка не верила своим глазам. Это точно был Павел. Его

сутулая фигура, его большой нос, его серые глаза, волосы цвета грязной пшеницы, белая футболка со знаком анархии, синие джинсы.

– Паша? – всё ещё не верила она.

Он замахал на неё руками как на дурное видение и выкрикнул раздражённо:

– Нет! Это не я, я сплю дома в своей кровати.

– Спишь?! А как же... – беспомощно вздохнула Даша, – а я тебя ждала...

– Вот, дождалась, дура, – огрызнулся он.

Девушка готова была расплакаться. Обманутые надежды рвались из груди громкими всхлипами.

– Ну да, да, я проспал, проспал! Ну, погуляли мы вчера до утра, ну, напились. Теперь вот снится с перепоем всякая дрянь, – тихонько добавил он.

– Я не дрянь! – всхлипывала Даша.

– Какая разница, ты мне только снишься, – отмахнулся парень, – нет, чтобы приснилась какая-нибудь жгучая красавица.

– Значит, я – некрасивая!

В сердце девушки проснулась гордость, вдруг стало легко и весело.

– Так это только сон, а во сне всё возможно! – воскликнула она.

Неожиданно для самой себя вскочила на ноги, схватила Павла за его любимую белую футболку, решительно дёрнула – он безвольно поддался, не успев сообразить, что она делает, – перевалила его через край корзины и отпустила.

– Учись летать, – зло напутствовала она, проводив взглядом падавшего.

С диким криком он камнем помчался к земле. Яркая зелень была смутно видна сквозь облака, где-то очень далеко. Даша спокойно вернулась на своё место.

– Всё равно ничего ему не будет, он дома, спит! – бурчала она. – А я?!

Девушке опять захотелось плакать. Странный сон не кончался и всё меньше ей нравился. Холодно, непонятно, одиноко. Шар продолжал своё неумолимое движение.

– Если это сон, – задумалась путешественница, – то где я на самом деле? Неужели в парке на скамейке? Прелестное зрелище! – поморщилась она. – Но это объясняет, почему мне холодно. Вот если бы всё было по-настоящему, то шар постепенно остывал бы и спускался к земле.

Словно подслушав её рассуждения, мягко, но довольно быстро воздушный шар сменил направление и поплыл вниз. Даша чувствовала себя как в скоростном лифте, отсчитывавшем этажи от двадцатого к первому. Громадный шар над головой перестал казаться упругим, на его ровных боках появились длинные морщины, луковица исхудала до веретена, а весёлый огонёк вовсе погас.

– Падаю, – безрадостно констатировала девушка, – что же теперь будет?!

В голове пронеслись картинки с упавшими воздушными шарами из фильмов, вспомнился «Затерянный остров» и даже «Приключения Незнайки», но веселее не стало.

– Скорей бы проснуться, проснуться, проснуться, – твердила девушка.

А шар ласково, как пушинку, опустил корзину на траву и сам разлёгся рядом на поляне. Даша боялась пошевелиться, не зная, чего ожидать теперь, но весёлые насекомые не позволили ей долго сохранять неподвижность. Не прошло и пары минут, а путешественница уже энергично отмахивалась от комаров и мелких мошек. Даша спаслась бегством, поспешно выбралась из корзины и бегом припустила, куда глаза глядят. Остановилась только домчавшись до высокой берёзы. Модельные туфли не были предназначены для таких забегов. Девушка сняла обувь, вытрясла из неё мелкие камушки, колкие веточки, комочки земли. Давно не бегавшая горожанка тяжело дышала, голова кружилась от напоенного лесной свежестью воздуха. Вверху мощно шумели высокие деревья, лес наполняли птичьи голоса: пение, свист, чириканье. Даша провела пальцем по берёзовому стволу, подивилась его нежной гладкости и белизне. Ветер играл оторвавшимися от коры тонкими, как бумага, полосочками.

Девушкой завладела блаженная безмятежность. Все мысли и тревоги унесло лёгким ветерком. Даша стояла, улыбалась, широко распахнутыми глазами смотрела вокруг.

– До чего же хорошо, – прошептала она.

Внезапно негу прогнало жуткое смятение. На идиллическом фоне свежего весеннего леса, она увидела... Павла. Живой и невредимый, всё в той же анархической футболке и джинсах, он лениво шагал к поляне, наклонился, сорвал травинку, сунул в рот, словно длинную сигару, взъерошил волосы, почесал макушку и разулыбался, увидев Дашу.

– Ты чего такая ошарашенная? Углядела что-нибудь не то или на ежа наступила?

– Я... ты... как ты сюда попал?!

– Странный вопрос, как все нормальные люди – на автобусе. Друзья позвали на рыбалку, да перепились, ну их, всё равно не клюёт. Места здесь классные.

– На автобусе, – почти разочарованно вздохнула девушка.

– Можно подумать, есть ещё какой-нибудь способ, – рассмеялся Павел. – Только не ври, что ты сюда пришла пешком. Ни за что не поверю, что ты турист. В таком виде походам не шастают.

Растерянность девушки медленно проходила. Припомнились недавние слова про сон.

– Вот он и кончился, – тихо порадовалась она, – не помню, как сюда добралась, но главное – я проснулась.

– Что ты там бормочешь? – любопытствовал парень, подходя ближе.

– Выспался, опозданец?! – Даша вспомнила, с чего всё началось.

– Куда ж это я опоздал?

– Даже не помнишь! А я ждала тебя в парке!

– Главное – мы встретились, – благодушно рассудил парень.

– А где мы? – наивно спросила путешественница.

– Ну, ты совсем плохая! – расхохотался рыболов. – В лесу.

– Это я вижу, – вздохнула Даша.

Она внимательно разглядывала лежавшую перед ней полянку и невольно удивлялась, не находя на ней ни малейших следов огромного воздушного шара. Павел тем временем подошёл совсем близко, щёлкнул пальцем по свежему пятну на Дашином плаще.

– Не люблю летунов, – философски заметил он, – вечно сверху прилетит какая-нибудь дрянь.

Девушке вдруг ярко вспомнилась картина недавнего его эффектного падения.

– Да, что только сверху не падает, – пробормотала она и предложила: – Ну, раз уж ты здесь ориентируешься, пошли поищем людей.

– Честно говоря, здесь мне известно местонахождение только нескольких непотребно пьяных экземпляров, – хихикнул Павел, – а трезвых пошли искать вместе.

Даша рада была забыть свои недавние злоключения, благо от них остались только пятна на плащике, и с радостной улыбкой шагала рядом со своим парнем. Им не попадалось ничего даже отдалённо напоминавшего дорогу. Между светлых берёзовых стволов поднимались густые сочные травы.

– Если бы я не знал, что город где-то совсем рядом, подумал бы, что здесь не ступала нога человека.

– Ага, – блаженно улыбаясь, кивнула Даша.

Путники остановились, девушке хотелось раскинуть руки, кружиться, глядя в высокое голубое небо, но у её спутника настроение было прямо противоположное.

– Неужели тебе это нравится?!

Хмурый Павел ткнул пальцем в поднимающуюся впереди стену леса.

– Солнце, берёзки, зелень – красиво, – не понимала его раздражения девушка.

– Это сейчас солнце, тепло, а если мы заблудимся?! Мне такие развлечения на уикенд не нужны.

– Ты же сам говорил, что город близко, где-то здесь твои рыбаки, – умиротворённо рассуждала Даша, – кстати, они рыбачат на реке или на озере?

– Чёрт их знает, – огрызнулся Павел, – вода она и есть вода. Какая разница?!

– Вдоль реки всегда расположены города и посёлки, а озера бывают старицами или...

– Вот только не надо лекций, – начинал закипать горожанин, – только твоей ботаники здесь не хватало! Неужели тебе не страшно?! Ходишь, улыбаешься как дура, говоришь всякую ерунду!

– И вовсе не ерунду, это может нам пригодиться, если...

– Какое ещё если?! Я жрать хочу! А ты мне что предлагаешь, кору глодать?!

Даша первый раз видела такую откровенную панику, конечно, если не считать видения с воздушным шаром. В её душе поднялось негодование и

сильное желание опять выбросить Павла куда-нибудь. Видимо, он прочитал эту мысль в её ставшем холодном взгляде и спросил уже осторожно:

– Думаешь, не всё так плохо?!

– Всё ещё хуже, – мрачно заметила она и решительно отвернулась от своего спутника, – я осталась в лесу наедине с трусом и паникёром.

На удивление Павел даже не стал спорить с такой категоричной оценкой его личности, он был только рад переложить поиск выхода из сложной ситуации на кого-нибудь другого.

– Ну, ты зверь, – решил отшутиться он.

– Не буди во мне зайца, – с угрозой в голосе сказала девушка, – покрошу на капусту!

Оба стали серьёзными и задумались каждый о своём. Даша старалась припомнить правила поведения в лесу, но в голове волчком крутился заяц.

– Нет, всё-таки я не заяц! – выдала она наконец. – Я какой-то другой зверь.

– А я вообще не зверь, – жалобно заскулил Павел за её спиной, – я домашний, совсем домашний...

– Не зверь, значит, птица, – задумчиво бормотала девушка, – не птица значит, рыба... Нам надо найти твоих рыбаков! – громко воскликнула она.

– А я не знаю – где они...

– Надо вернуться, вспоминай, откуда ты шёл.

– Не знаю... здесь всё такое одинаковое.

– Тебе бы таблички с названиями улиц и номерами домов, – усмехнулась Даша.

В это время парень издал какой-то странный звук, словно крякнул или квакнул. Девушка посмотрела на него. Лицо паникёра вытянулось, побледнело, а пальцем он тыкал куда-то в сторону. Она посмотрела туда и замерла от удивления. На толстой столетней берёзе в нескольких шагах от путешественников красовалось совсем городская металлическая табличка, какие крепят на углу многоэтажек.

– «Ромашки, 13», – заморожено прочёл Павел.

– Это ещё что такое?

– Чья-то злая шутка, – угрюмо определил парень.

– Подожди, здесь мелом пририсована стрелка, – разглядела Даша, – интересно, что будет, если мы пойдём, куда она указывает?

– Окончательно заблудимся! – злился Павел.

– Не драматизируй, это же не дикая тайга где-нибудь за Уралом. Всего лишь небольшой лесок.

– С указателями для желающих заблудиться в трёх соснах.

– Ну, где ты видишь сосны?! Ещё никто не блуждал в трёх берёзах.

– Мы будем первыми.

– Ты как хочешь, а я пойду, посмотрю, куда указывает стрелка, – смело заявила Даша.

– Вот дура, – пожал плечами парень, – придётся идти с ней, а то...

– А то найду что-нибудь хорошее без твоего участия, – рассмеялась девушка, – а если ты ещё хоть раз назовёшь меня душой, то я со всей дури врежу тебе по голове чем-нибудь тяжёлым и закопаю под ближайшей берёзой.

Не то чтобы Павел сразу поверил в её угрозы, но на всякий случай шагнул молча. И в тот момент, когда его благоразумное терпение едва не уступило место ехидному «я же говорил», казавшийся бесконечным березняк резко кончился. Горожане стояли на высоком берегу чистой и звонкой речки и с удивлением разглядывали раскинувшуюся на другой её стороне аккуратную деревеньку.

– Вот тебе и «Ромашки», – восхищённо выдохнула Даша.

– Тебе просто повезло, – не сдавался упрямый пессимист. Он методично пересчитал домики: – Шесть и шесть, двенадцать.

– А тринадцатый в лесу, – улыбнулась его спутница.

– Странно всё это, – поморщился скептик, – ещё неизвестно, как нам перебраться через речку, здесь, похоже, глубоко, да и течение.

Девушка с высоты всмотрелась в изгиб полноводной преграды и воскликнула:

– Не брюзжи! Если тебя не устраивает крепкий деревянный мост, можешь переплываться вплавь, дело твоё, а я пошла!

Эти её весёлые слова нагнали на Павла ещё большую мрачность. Не любил он оказываться неправым, и моста он никакого не видел, и знакомиться с жителями странной деревеньки вовсе не хотел. Пока он дулся и выдумывал, что бы ещё сказать по этому поводу, жизнерадостная горожанка отыскала небольшую вившуюся змейкой тропинку и стала спускаться к реке. Раздосадованный Павел отправился её догонять. Даша бежала легко, вприпрыжку, и узкие туфли не мешали, словно превратились в удобные кроссовки, зато её спутник запинался о какие-то корешки, поскользнулся на выскакивавших из-под ног гладких камешках и не переставал бурчать:

– Ну, куда меня занесло?! Что за жизнь! Не по мне вся эта дурацкая дикая романтика.

У самой воды он едва не растянулся, шархнувшись от перескочившей тропинку лягушки. Пока он ловил потерянное равновесие и отряхивал пыльные джинсы, Даше пришлось его ждать. Она поинтересовалась снисходительно:

– Ты готов, можно идти дальше?!

– Здесь надо не идти, а плыть.

– Зачем?! – расхохоталась девушка.

К своему немалому удивлению и досаде Павел увидел, что она держится за перила новёхонького, аккуратного, как иллюстрация в детской книжке, горбатого мостика, сложенного из полукруглых брёвен.

– Дерево светлое, будто только что построили к нашему приходу, – мрачно отметил Павел.

– Не понимаю, чем ты недоволен.

– Так не бывает, – убеждённо произнёс горожанин.

– Ладно, считай, как хочешь, только идём быстрее, мне не терпится узнать, кто живёт в этом чудном месте.

Даша побежала вперёд через мостик, её спутник шёл следом, осторожно совершая каждый новый шаг, как ходят люди по болотным топям.

– Кто живёт, кто живёт, – продолжал бурчать он, – в чудном месте живут чудики, ещё неизвестно, что от них можно ждать.

Деревенская улочка поразила горожан удивительной чистотой. Заборчики вдоль неё стояли свежеекрашенные, ровные. Домики красовались резными нарядными наличниками. Огороды пестрили яркими пятнами цветущих тюльпанов, нарциссов и сиреневыми кустами. Навстречу путешественникам, важно переваливаясь с ноги на ногу, прошла стайка белых гусей. Птицы гоготали, словно вели оживлённую беседу, дружно замолчав, проводили Дашу и Павла внимательным строгим взглядом, отправились к реке.

– Можно подумать, деревенька прячется не в нашей глуши, – с видом знатока принялся рассуждать Павел, – а где-нибудь в центре цивилизованной Европы.

– Виват твоей внимательности, – уела его Даша, – всё было бы так, если б крыши домов покрывала черепица, а не шифер.

Продолжая удивлять горожанина цивилизованностью, пробежавший мимо большой лохматый ушастый пёс и не подумал облаивать незнакомцев. Только глянул серьёзно, как гуси, облизнулся, побежал своей дорогой. Дружной рысью вдоль деревенской улочки проскакали два мощных тяжеловоза. Павел от них испуганно шархнулся, а сильные животные и не заметили вовсе. Рыжие жеребцы держались рядом, девушке даже показалось, что они скачут в ногу.

– Почему за ними никто не следит? – возмутился парень. – Вообще, где все люди?!

– Пойдем, спросим, – просто предложила Даша.

Они подошли к ближайшему заборчику, на калитке не было даже щеколды, дорожку покрывали цветные плиточки, как в приморских парках. Навстречу горожанам на крыльцо вышла высокая светловолосая женщина. Даша была готова увидеть здесь дородную крестьянку, с длинной косой, в русском народном сарафане и в кокошнике. Вполне современный вид хозяйки даже немного разочаровал путешественницу. А Павел успел отметить:

– Ну, слава Богу, люди хоть выглядят обыкновенно.

Женщина снисходительно улыбнулась, она не могла не услышать его странных слов. На радость Павла, и голос у неё был самый обыкновенный, и поздоровалась она очень обычно. Хозяйка охотно пригласила горожан войти в дом, отдохнуть, перекусить. И снова Даша ожидала увидеть нечто особенное: добротное крестьянское хозяйство, века так из восемнадцатого – сундуки, русскую печку, длинные лавки на толстых ножках. Она даже расстроилась, войдя в вполне современную комнату, не лишённую прелестей цивилизации: телевизора, компьютера, микроволновки. Женщина пригласила их сесть на модный кожаный диванчик, поставила на стеклянный журнальный

столик пару чашек из французского стекла. Горожанка тоскливо смотрела на всё это, ей нестерпимо хотелось чудес. Они начались, как только хозяйка спросила очень просто:

– Как вы сюда добрались?

Девушка приготовилась ещё раз выслушать рассказ Павла про автобус и пьяных рыбаков, но с ужасом увидела, что он не может вымолвить ни слова, только мычит и страшно выкатывает глаза.

– Что с ним? – ужаснулась Даша.

– Врать собрался, – без тени сомнения ответила женщина.

– А-а-а... – протянула горожанка.

– Здесь нельзя врать, невозможно.

Любопытная девушка решила проверить. Она хотела рассказать про воздушный шар и посмотреть что будет, ведь всё равно не поверят.

– А я сюда прилетела, – начала она и почувствовала, что не может остановиться.

Светловолосая хозяйка присела на подлокотник стоявшего рядом кресла, с улыбкой слушала Дашину невероятную историю.

– ...ведь такое невозможно, – только и успела вставить в свой торопливый рассказ девушка.

– Всё возможно, – мягко ответила женщина.

– Но ведь я выбросила его из корзины, а он... он здесь.

Вот уж о чём путешественница вовсе не собиралась говорить. Вырвалось как-то само собой. Услышав такие новости, её спутник подавился бутербродом и громко закашлялся.

– У всего этого должно быть объяснение! – воскликнула девушка. – Этого не могло быть, но я помню только это.

– Ничего страшного, – успокаивая её, вздохнула хозяйка, – все оказываются здесь по-разному... И никто не знает – как. Поэтому каждому видится тот способ, с каким они могут примириться. Вот у Павла был автобус, приятели-рыбаки...

– Я же не успел вам рассказать об этом, – сквозь кашель выдавил горожанин.

– А я, выходит, считаю для себя нормой швырять людей... убивать! – возмутилась Даша.

– Ты была очень зла на него...

– Значит, стоит тебе разозлиться, – Павел дико смотрел на свою спутницу, – и ты можешь спокойно... да кто ты после этого?!

У него не хватило слов описать весь свой ужас от сделанного открытия. Даша почувствовала острую потребность поделиться бродившими последнее время в её голове мыслями. Она просто не могла удержать рвавшихся с языка слов.

– Я сама хотела бы знать, кто я такая. Сейчас скучное время, людям негде проявиться, раскрыться. Живут все как одинаковые бледные тени. Проявиться негде, поступка совершить. Вот раньше было проще, понятней, жизнь каждый день показывала – кто есть кто!

– «Кто есть кто?!» – передразнил Павел. – Все люди как люди, все одинаковые.

– Нет, не одинаковые! – возмутилась девушка. – Вот ты, например, заяц, трусливый заяц.

Раздался хлопок, словно ветер захлопнул форточку, и на диване рядом с Дашей вместо самодовольно улыбавшегося парня, остался серый худой заяц. Длинные уши, длинные лапы, тревожно бегавшие глазки, нервно дёргавшийся нос, испуганная настороженная поза. Девушка брезгливо отодвинулась, пробормотав:

– Зайчики хорошие... что же этот такой гадкий...

– Разве человеком он был лучше?! – спросила хозяйка, ни капли не удивившись случившемуся.

Даша пожала плечами.

– Я его почти не знала, мы совсем недавно познакомилась. Наверное, придумала его себе таким, каким я хотела видеть, а сегодня несколько раз убедилась, что он совсем другой.

Окно, находившееся напротив диванчика, громко скрипнув, распахнулось, и в комнату просунулась жёлто-коричневая украшенная крохотными рожками и чёрными пушистыми кисточками голова жирафа. Благодаря своей бесконечно длинной шее, жираф дотянулся до журнального столика, ухватил губами лежавшую в вазочке печенюшку. Гостя лишилась дара речи, а хозяйка обыденным привычным жестом шлёпнула жирафа по шее, рассмеялась.

– Василич! Опять ты пользуешься своими преимуществами при чужих людях!

– Они уже не чужие, – послышалось Даше сквозь чавканье.

– Ты прав, конечно, – охотно согласилась хозяйка, – но все твои сногшибательные идеи перескажешь мне вечером.

Голова жирафа шумно вздохнула, и убралась восвояси. Жираф отошёл от домика, перешагнул заборчик и остановился на дороге в глубокой задумчивости – великолепной картиной в раме окна.

– Не все такие странные, – извиняющимся голосом объяснила хозяйка.

– Что это было?! – раздался раздражённый голос Павла.

Девушка резко повернулась к нему; её спутник, как ни в чём не бывало, сидел рядом на диванчике такой же, как обычно: худой, сутулый, носатый и футболка всё та же.

– Так что это было?! – настойчиво повторил парень.

– Неважно, – откликнулась светловолосая женщина, – ты всё равно ничего не вспомнишь... потом.

Павла глубоко оскорбили эти слова, правда, он не понял, на что именно обиделся, кажется, он уже начинал забывать всё, что видел в этом странном месте. Зато Даша жадно собирала новые впечатления, ей всё было интересно и всё хотелось знать.

– А «Ромашки, 13», – спросила она, – зачем в лесу адрес?

– Это волшебное место, – улыбнулась хозяйка, – там сбываются самые заветные желания. Нужно только прикоснуться к берёзе.

«Я обязательно проверю», – подумала девушка.

– Нам пора, мы уже давным-давно бродим по лесу, – забеспокоился Павел.

– Ну, пора так пора, – не стала их удерживать хозяйка, – обратно ступайте по тому же пути, как пришли сюда, теперь он будет втрое короче.

Преданный законам физики парень, конечно, усомнился в возможности подобного, недоверчиво хмыкнул, но промолчал и только настойчиво тянул свою спутницу за руку.

– Пошли, пошли быстрее, у нас мало времени, того и гляди стемнеет.

Девушка только успела вежливо проститься с гостеприимной женщиной и сама не заметила, как они оказались на другой стороне реки. Павел всё брюзжал:

– Ну и на фига мы сюда пёрлись?! Бестолковая деревня! Попили чайку, пожевали бутербродов, эка невидаль!

– Дурак! – огрызнулась Даша. – Дранный заяц – он и есть драный заяц.

Горожанин не имел ничего против зайцев, но на всякий случай обиженно надулся.

– Не обзывайся... – потребовал он.

Девушка его перебила, воскликнув:

– «Ромашки, 13»! Смотри, мы дошли до берёзы с табличкой!

– Не может быть, – бурчал знаток физики и геометрии, – прошло слишком мало времени, прошлый раз мы добирались гораздо дольше. Это ненормально!

– Здесь всё ненормально, это же здорово! – воскликнула радостная Даша. – Теперь не отвлекай меня, я придумала желание.

– Глупости это всё!

– Вот и проверим.

Девушка задумалась на мгновение, решительно подошла и погладила гладкий берёзовый ствол.

– Хочу узнать, кто я на самом деле.

– Нашла чего желать, – фыркнул её спутник, – если это дерево способно только на такую ерунду, я и вовсе ничего желать не буду, хотя...

Скептик тоже быстро подошёл к берёзе и прижал ладонь к стволу.

– Хочу согреться, а то я здесь совсем замёрз.

Горожане пошли дальше, уже минуты через две Даша воскликнула:

– Смотри, это – то самое место, на котором мы с тобой встретились, здесь всё и началось.

– Быть этого не может, простейшая задача: если расстояние между двумя точками А и Б в прошлый раз была равна 5 км и точки остались неизменными, – методично принялся объяснять Павел, – то и второй раз это расстояние должно остаться 5 км! Если мы шли туда несколько часов, то преодолеть это расстояние по той же дороге за 10 минут невозможно!

Пока он рассуждал, лёгкий весенний ветерок, игриво толкавший их в спину, сменил направление и ударил прямо в лицо, принёс душный смрадный запах гари.

– Там впереди лес горит, – ахнула Даша, – всё ты, со своим желанием погреться!

– Я здесь не при чём! – громко возмутился парень. – Все эти желания ерунда! Неужели ты сама веришь в чепуху.

– Ох, мы сейчас погреемся! – не слушая его, причитала девушка.

Сизая дымка стелилась по траве, окутала, закрыла дальние деревья горьким едким воздухом, стало трудно дышать.

– Знать бы кто это устроил! Вот я бы их! – грозилась девушка.

– Теперь поджигателей не найти, они уж далеко, пойдём и мы отсюда! – уговаривал Павел.

Но Даша была настроена решительно, она уже прикинула, чем будет сбивать пламя, когда огонь подобрётся ближе, решила пожертвовать ещё недавно столь дорогим ей плащом, но события повернулись неожиданно. Возле поляны, на которую опустился воздушный шар, девушка увидела тёмные силуэты. Она присмотрелась и различила троих, одетых в чёрное, громил с большими автомобильными канистрами.

– Поджигатели!

Смелая горожанка бросилась к незнакомцам. Они уже собирались разливать бензин и поджигать.

– Не смейте, прекратите! – закричала она.

Её порыв вызвал у поджигателей только приступ смеха.

– Да что ты можешь, девчонка?! – крикнул тот, что был ближе к Даше.

– Я заставлю тебя пить этот бензин!

– Ой, как страшно! – расхохотался рослый парень. – Напугай нас ещё лесником и пожарными! Им никогда нас не поймать!

– Паша!

Она обернулась к своему спутнику, невольно ища у него помощи. Но там, где только что стоял Павел, на траву плюхнулся серый драный заяц. Даша не сдавалась:

– Разорву!

К восторгу девушки её слабый голос внезапно окреп и грозным львиным рыком прокатился над поляной. Громадная зверюга тряхнула густой ярко-рыжей гривой. Лев прыгнул на ближайшего качка, ударил лапами в грудь, повалил на землю. Выпавшая у того из рук канистра, упала рядом, бензин стал плескаться на землю у самой головы поджигателя. Лев придавил его одной лапой, другой пододвинул канистру ближе, бедному парню показалось, что зверь с издёвкой ухмыльнулся. Едва живой от ужаса поджигатель покорно глотнул бензина. Царь зверей удовлетворённо отвернулся, шагнул к двоим оставшимся остолбеневшим от страха громилам. Те, громко заорав, бросились к ближайшей берёзе и в мгновение ока оказались на ней, хотя нижняя ветка и поднималась от земли метра на четыре. Зверю понадобилось только тихонько рыкнуть, для того чтоб третий поджигатель присоединился к ним. После этого громадная африканская кошка вальяжно развалилась на траве под деревом, лениво отмахиваясь хвостом от назойливых мух.

Время шло, отсчитывая томительные, казавшиеся сидевшим на дереве бесконечными минуты. Лев всем своим видом демонстрировал, что ему некуда торопиться, подставлял солнышку светлое брюхо. Заяц смиренно сидел в траве.

Когда на поляну выбежал запыхавшийся бородатый лесник и наткнулся на сидевшую под берёзой хрупкую девушку, он не мог сдержать сокрушённые жалобы:

– Опять ушли! Ушли, поджигатели проклятые! Ребята, конечно, уже всё затушили, благо хватились вовремя... да наказать некого, не то я бы им устроил. Вы не видели здесь троих парней? – спросил он без надежды на положительный ответ.

– Конечно, видела, – скучающим голосом отозвалась Даша.

– Где они? То есть куда убежали?

– Не убежали, вон все трое.

– Где? – не поверил растерянный лесник.

– На берёзе.

Девушка указала на белоствольное дерево, увешанное, словно спелыми плодами, перепуганными громилами.

– Ого, кто ж их туда загнал?! – совсем растерялся бородач.

– Не знаю, – пожала плечами девушка, – может, совесть.

Босиком за Василисой

(сказки)

Надежда КАЛАШНИКОВА

Сказка в сумерках

Я расскажу тебе сказку. Это враньё, что сказки нужны только детям. Усталым душам они нужны ещё больше – а кто из нас не устал? Сегодня твои плечи поникли, и нет сил их поднять – пусть так! Тебе незачем быть сильным в этот вечер.

Ты согласно киваешь, плохо соображая, о чём я вообще говорю, и кладёшь потяжелевшую голову мне на колени. Я задумчиво перебираю твои волосы – они рассыпаются в пальцах, как песок, как вода, как само время...

Сколько нам с тобой осталось – вместе и по отдельности? Я едва вернулась с похорон, как уже пора справлять день рождения... Сколько секунд и дней ещё у меня в мешочке Ёжика за спиной? Сколько – в твоём?.. Нам кажется, что в мешочке никогда не покажется дно, но это иллюзия...

Ты спишь. Пусть так! Сегодня тебе как никогда нужен отдых.

Я бережно, почти невесомо касаюсь кончиками пальцев твоего лица. Спи. Я навею тебе добрый сон... Я расскажу тебе сказку. Про время.

Время когда-то жил на вершине самой высокой горы, в самом роскошном дворце, какого не было и у великих царей прошлого и настоящего – и вряд ли будет в будущем. Но ему наскучил дворцовый блеск, и он перебрался в простую хижину, с трудом дававшую укрытие от ветра и холода. Из царившего великолепия он прихватил лишь золотые, инкрустированные бриллиантами часы на цепочке. Бриллиантов такой редкой филигранной огранки насчитывалось на Земле всего несколько штук. Этих камней не касалась рука ювелира – за тысячелетия их отполировала сама планета.

И вот часы небрежно брошены на войлочную циновку, местами потёршующая, а хозяин лишь изредка посматривает на них – когда возвращается домой из своих путешествий. Так он быстрее вспоминает, на каком временном отрезке находится в данный момент.

Подружка-Смерть, частенько заходящая к Времени на чай, подтрунивала:

– Что это ты в эдакую халупу решил переехать? Сменил шило на мыло, нечего сказать! Может, тебе на развалинах местечко тёплое показать? Поближе ко мне переберёшься...

– Не-а, – ответил Время, позёвывая, – у тебя такого чая нет...

Смерть возмущённо хлопнула себя по коленям:

– Эдакого поклёпа на меня давно не возводили! Да у меня под боком лучшие сорта чая, их по всему миру развозят! Что бы ты понимал...

– Сорта-то лучшие, – согласился Время, пододвигая к собеседнице поближе вазочку со свежайшим печеньем. – Только чёрные. А я люблю зелёный чай. С жасмином... – и он мечтательно прикрыл глаза, вытянув к очагу длинные ноги.

Смерть обитала в развалинах древнего города, от которого остались одни полуразрушенные остовы. Её забавляли макаки, прыгавшие по обвисшим руины лианам, и королевские кобры, свивавшие гнёзда в тёмных подземельях, куда не проникал дневной свет. Горе искателям сокровищ, забредавшим сюда! Смерть смеялась: «Они сами торопятся ко мне в гости! Как это мило с их стороны! Обычно за работой приходится тащиться к чёрту на кулички...»

Правда, однажды появились люди, у которых в руках вместо верёвок и кинжалов были пистолеты. Они перестреляли королевских кобр и добрались до сундуков с подземными богатствами. Смерть, огорчённая потерей любимиц, пристроилась рядом, невидимая, и недобро наблюдала за ними. Возможно, будь искатели в трезвом уме, они бы почуяли её холодное дыхание и убрались восвояси, но золото затуманило разум. Начались споры, кому большие, и очень скоро пятеро лежали на сокровищах в кровавой луже. Шестой, раненый, жадничавший меньше других, с трудом поднялся – и увидел лик Смерти во всей её жуткой красе. На мгновение, но ему хватило и этого.

После этого люди долго там не появлялись, чем Смерть была весьма довольна. «Нет худа без добра», – вновь и вновь повторяла она любимую поговорку. Правда, ей пришлось зайти к сестре и попросить у той парочку королевских кобр – уж больно ей нравилось их шипение, как той – пение соловья или мурчание котёнка. «Каждому своё», – философски рассудила Смерть, на что Жизнь пренебрежительно скривила личико.

Сёстры как можно было догадаться, недолюбливали друг друга. Вернее, Жизнь недолюбливала сестру, а та лишь посмеивалась, поправляя капюшон. Без него мало кто выносил прямой взгляд Смерти – он обладал способностью сбрасывать все преграды и мастерски возведённые защиты, обнажая до самой сути.

...Бульканье, шипение и поплывший запах дыма нарушили идиллию чаепития.

– Эй, Время! У тебя уже весь кипяток выкипел, вернись на грешную землю! – Смерть прищёлкнула костлявыми пальцами у хозяина перед носом. Тот вскочил, чуть не запугавшись в собственных ногах, и заозирался. Уловив проблему, принялся ворошить задымившие дрова и заново набирать чайник.

– О чём ты эдак призадумался? – водрузив подбородок на сжатые замком руки, спросила Смерть. – Не поделишься со старой подругой?

Время методично набивал фарфоровый чайник заваркой. Она уже выпалась из носика, но сильные пальцы продолжали крошить ароматные листья вперемишку с белыми лепестками.

Когда листья встали горкой, и очередной лепесток просто скатился с неё на стол, Смерть не выдержала и перехватила запястье Времени. А свободной рукой скинула капюшон.

– А? Что?!.. – немедленно отреагировал хозяин, одновременно утрамбовывая несчастную заварку и старательно пряча взгляд. – И ничего ты не старая, я тебя ещё вот такой помню... Да нацепи ты уже обратно эту тряпку! – взорвался он.

Смерть, грустно усмехнувшись, тихо пробормотала: «И ты, Брут!..», но собеседник, поглощённый своими переживаниями, её не услышал.

Плюхнувшись обратно в плетёное кресло, Время кинул косой взгляд на Смерть – убедиться, что та натянула капюшон, – и без предисловий заявил:

– Я полюбил твою сестру, Жизнь. И не нахожу больше покоя ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем.

Жизнь устроилась на океанском дне, облюбовав уютный грот. На сторонний взгляд, в нём было тесновато, но Жизнь редко прислушивалась к сторонним мнениям. За нелёгкий характер не раз её называли тяжёлой, дрянной, невыносимой, куда реже – чудом и даром небес.

Под водой она спокойно дышала, отрастив жабры. Хвост, на манер русалок, отрацивать не стала, поскольку частенько выбиралась на сушу и подолгу там находилась. Работы всегда хватало: посадить рано выпавшего из гнезда птенца, расчистить пересохшее русло ручья, на минуту обнять заброшенного ребёнка – и пусть он ничего не увидит, тёплое её дыхание согреет ему сердце, красной нитью отзываясь сквозь годы.

Глядя на Жизнь, никогда нельзя было определить её возраст. Молодые глаза порой темнели, как грозовое небо, и вот уже древняя мудрость плещется в них, как вино в кубке, лучась терпением и пониманием. А промчится весенний ветерок – и зажжётся в очах неукротимый огонь странствий и приключений, великих свершений и великой любви...

Не сказать, чтоб она была красавицей. Хоть и в уродины её записывать – самому надо уродом быть. Было в ней невозможное, не поддающееся словам очарование, что заставляло к ней возвращаться снова и снова – даже когда казалось, что уж лучше в лапы к Смерти.

И немудрено, что Время, помнивший Жизнь с её появления на свет и всё это время за ней наблюдавший, понял, что отвести от неё глаз – выше его сил...

Смерть никак не отреагировала на признание Времени. А тот, воодушевлённый молчаливой готовностью выслушать, продолжал:

– Я пленён её красотой, её душой. Очарован улыбкой, хоть порой за ней кроется невысказанная грусть. Ах, как бы я мечтал баюкать Жизнь на руках, словно долгожданного ребёнка, оградить от всякого зла и не

позволить даже малейшей слезинке омрачить её лицо!.. Но это лишило бы Жизнь игры красок и той лёгкости, что ей присущи. Я не хочу упрятать её под стеклянный колпак – она там зачахнет, как любимые ею розы...

– Я любовался Жизнью не одно столетие, – продолжал хозяин, откинувшись в кресле. – Считал это блажью – ведь мы слишком разные... Но горы крошатся, моря высыхают, города людские растут вширь и ввысь – а сердце моё не умолкает. Даже путешествия потеряли для меня всякий смысл.

Время умолк. Слышалось лишь его тихое дыхание да негромкое тикание золотых часов. Смерть потянулась за призывно выглядывающей из вазы печениной. Та надломилась у неё в руке и двумя половинками рухнула на стол – настолько была свежая и рассыпчатая.

Время проследил крошки печальным взглядом.

– В этом и беда, – молвил он. – Моё дыхание не сравнить даже с твоим... Раньше мнилось, это дар – властвовать над живой и неживой материей. Теперь кажется, что на плечах моих лежит проклятье.

Он протянул руку к белоснежным цветам в вазе и что-то негромко сказал. Те пожелтели, потом почернели, скукожились, опали сенной трухой, и, наконец, сама труха обратилась в пыль.

Хозяин встал и, резко отодвинув кресло, вышел из дома.

Смерть осталась сидеть, не меняя позы, и смотреть на раскрошившуюся печенину столь пристально, словно та заключала в себе все тайны мироздания.

Кто знает, может, так оно и было.

Время шёл по крутой горной тропе, почти исчезнувшей за нагромождением камней. Высота была такая, что дух захватывало. Казалось, под ногами расстелили цветной платок, и стремительная горная река превратилась в синюю ленточку, забытую рассеянной девчушкой на прогулке.

Погружённый в свои мысли, меньше всего ожидавший кого-то здесь встретить, на всём ходу он свернул за каменную глыбу, напоминавшую изваяние древнего божка, и столкнулся с Жизнью.

Та от неожиданности взвизгнула, потеряла равновесие и полетела вниз.

Время с расширившимися глазами вытянул руку, и время остановилось. Качнувшиеся от ветра ветки низеньких кустов замерли, наклонившись в подветренную сторону. Облака застыли на месте. Покатившийся было из-под ног Времени камешек завис в воздухе.

...Такое же безвременье царило и в его домике, а до того – во дворце. Иначе он не смог бы пользоваться окружающими предметами. А слабости у Времени были вполне себе предметные – выпить дымящуюся чашечку чая, посидеть в кресле у очага с хорошей книгой, заложить крутой вираж на лихом автомобиле...

Жизнь меж тем аккуратно отцепила юбки от вытянувшегося куста, подхватившего её в полёте, и удивлённо сказала:

– Спасибо, конечно... но я в состоянии о себе позаботиться.

– Инстинкты сильнее разума, – буркнул Время, что-то добавил под нос – и освобождённый камешек помчался навстречу синей ленте.

Не оглядываясь, Время зашагал дальше, убыстряя шаг, хотя местность очень этому не способствовала.

Жизнь недоумённо проводила его взглядом, потом ухватилась за ближайший выступ и с лёгкостью горной козы принялась карабкаться вверх. Там, под самыми облаками, у орла с орлицей никак не выводились орлята. Непорядок! Надо исправить...

Высоко-высоко в горах, куда не долетал орёл, где клубится вечный туман и потому пилоты стараются обходить в маршрутах этот участок, из снега и льда выстроена пещера. Там обитает Вечность.

Нечасто застанешь её дома – любит она улетать в Космос. Там зайдёт к знакомой планете новыми кольцами полюбоваться, тут заболтается со звездой – а, глядишь, за это время звезда уж вокруг оси своей обернулась...

В этот раз Времени повезло: он застал Вечность дома. Та перекаtywала в ладонях льдинки, и те не таяли. Вечность любила холод: он напоминал ей о Космосе. Ведь она родилась среди бескрайних вселенских просторов...

– Заходи, Кай, – чуть улыбнулась хозяйка. – Гостем будешь.

– Без Герды, – грустно улыбнулся в ответ Время. Когда-то он пересказал Вечности полюбившуюся сказку, и с тех пор она звала его не иначе как по имени героя. А себя порой величала Снежной Королевой.

Вечность вскинула бровь, наклонив голову набок.

– Я люблю твою дочь, – без обиняков сказал Время. – И не знаю, что мне делать.

Бровь взлетела ещё выше.

– Старшую, разумеется. – Не вопрос, утверждение. – М-да... хоть бы кто пришёл и сказал: люблю младшую!..

– Святых мало, а дураки тебе вряд ли интересны, – пожал плечами Время.

– Дураки вечны, – усмехнулась Вечность. – По крайней мере, они сами так считают.

– Ты не ответила, – устало перебил её Время, опускаясь прямо на ледяной пол.

– А какого ты хочешь ответа? – удивилась та. – Если тебе приспичило ухаживать за моей дочерью – говори об этом сразу ей.

– Но я же... – Время не договорил, он был сбит с толку: ведь он пришёл не потому, что старомоден и по традиции просит руки дочери у родителей!

– Да. Идеальной парой тебе была бы Смерть, я всегда это говорила. Но когда это молодёжь прислушивалась к голосу разума! Жизнь ярка, как бабочка, столь же глупа и бесстрашна. При всех её недостатках у неё просто фантастические способности к выживанию... и обаяние, да, с этим не поспоришь. В твоих объятьях она станет прахом... но рано или поздно эта участь её не минет. Так пусть её полёт бабочки станет счастливым полётом... Иди к своей Герде, Кай. Она сгорит всё равно. И ты сгоришь – когда-нибудь. Лишь мне вечно складывать из льдинок и планет собственное имя...

Глаза Вечности смотрели сквозь Время, не видя его.

...Жизнь насадкой раскинула руки перед кроватью пятилетней девочки. Золотистые локоны разметались по подушке, глаза закрыты, кожа бледная. Медицинские приборы, присосавшиеся к груди, противно попискивали. Рядом сидела молодая женщина с красными от недосыпа, но сухими глазами. Spина её на казённой табуретке держалась стрункой, будто на приёме у английской королевы.

– Нет! Ты не должна её забирать! Она такая маленькая и ещё такая невинная!.. Да посмотри только на её мать! Есть у тебя вообще сердце или нет?! – кричала Жизнь на сестру.

Смерть, облокотившись на железное изголовье кровати, привычно огрызалась:

– У меня есть мозги и привычка смотреть вперёд и анализировать! Ты видишь только то, что у тебя под носом. А ты знаешь, что, когда она подрастёт, под ангельской внешностью будет стучать насквозь прогнившее сердце, если его сейчас не остановить? Что она убьёт собственную мать, которая вообще-то великолепный художник, и скроется с накопленной суммой денег? А ты знаешь, что её брат после этого окажется в тюрьме, потому что она мастерски подкинет ему все улики?..

Как и всегда в подобных случаях, Жизнь округлила глаза. На мгновение ангельское личико девочки перекошилось мордой чудовища. Но лишь на миг. Жизнь продолжала вечный спор:

– Это всё будет когда-то, если вообще будет! Ей можно дать шанс, нужно дать шанс! Человеческая душа – великая сила!..

Смерть скривилась:

– Как ты можешь до сих пор верить в человечество! Полистай их историю, если память запорошило – ни дня без убийства и подлости! Давай заканчивай демагогию и убирайся – время девчонки вышло!

Зазвенело лезвие натачиваемой косы. Приборы тревожно завьили, замигали красным... Жизнь, в миллионный раз ощутив своё бессилие перед сестрой, разрыдалась, выдохнув той в лицо:

– Будь ты проклята!

Смерть, протирая окровавленное лезвие, в миллионный же раз вздохнула:

– Вот так делаешь свою работу честь по чести – одни проклятья собираешь...

Человек в белом халате, внезапно прекратив делать непрямой массаж сердца, поднёс к губам девочки зеркальце. То осталось чистым.

...Жизнь шмыгала носом, размазывая по лицу грязные разводы. Ещё одна битва проиграна. Сколько веков они ведут нескончаемую войну с сестрой за души и тела живых существ? Как же это выматывает...

– Не хочешь отправиться со мной в небольшое путешествие? – внезапно раздался голос. – Думаю, тебя это немного утешит.

На открытой ладони Времени, протянутой Жизни, лежал белоснежный носовой платок. Та неловко взяла его. Кое-как протерев лицо, спросила:

– Какое ещё путешествие?

Вместо ответа Время открыл проход в будущее и жестом предложил Жизни пройти первой. Та, оправляя измятую юбку, неверной походкой шагнула в лабиринт Времени.

– Может, хоть он ей мозги вправит, – проворчала Смерть. Закинув на плечо инструмент, она отправилась домой, к кобрам и обезьянам. На сегодня работа была закончена.

– Направо, да, вот так, – Время вёл Жизнь по своим лабиринтам, про себя думая, что не мешало бы тут прибраться, а то пыль столетий по всем углам... Впрочем, спутница его меньше всего обращала внимание на отсутствие уборки: чистоплюйкой её было не назвать.

– Сюда, – и они оказались на большой шумной выставке. Проморгавшись после темноты перехода, Жизнь жадно принялась разглядывать картины: все они каждым штрихом, каждым оттенком цвета и изломом линий воспевали её.

Она смогла лишь заворожено выдохнуть:

– Как же это чудесно!..

К одной картине она никак не могла подобраться: больше всего людей толпилось как раз в этом углу. Когда наконец стало свободнее, Жизнь ахнула: на картине была изображена златоволосая девочка. Она бежала по парковой дорожке со всех ног и смеялась. Казалось, рядом раздавался детский смех, стоило взглянуть на её счастливое разрумившееся лицо, так непохожее на больничную бледность...

И действительно, сквозь гомон взрослой толпы послышался детский смех. Жизнь потрясла головой, но всё же обернулась. И затрясла ещё сильнее: на руках у художницы сидела такая же розовощёкая девочка... только никак не пяти лет, а едва ли двух-трёх.

– Ты какой травой меня накачал, пыльный мешок! – закричала Жизнь, повернувшись к Времени и уже занеся ладонь для пощёчины. – Если ты думаешь, что это шутка...

– Ты смотри, – только и ответил Время, отступая в сторону.

И Жизнь смотрела. Как расшумевшегося ребёнка у бабушки забрал отец – высокий парень с подкупающе белозубой улыбкой. Как на них с восхищением смотрела его молодая жена, попутно строя дочери «козу». Как люди подходили один за другим к художнице, и улыбались, и плакали, и благодарили, и просили автографы. Как какой-то мужчина долго ждал, пока станет посвободнее, а потом всё же не утерпел и попросил её оставить свой телефон на его визитке. Тут у него в кармане звывла сигнализация от машины, и ему пришлось уйти, но Жизнь видела, что на следующий день они поедут в кафе, а через два месяца он скажет, что наконец-то понял, зачем ему трёхкомнатная квартира...

Тут Жизнь что-то щёлкнуло по затылку. Обернувшись, она увидела парящую под потолком умершую девчужку. Та раскачивалась на люстре, словно обезьянка, и плевалась косточками от вишни. В основном она

целила в маленькую племянницу. Та пыталась их поймать, конечно же, безуспешно. Но, когда малая заревела с досады, бесплотная девчушка вынула из волос цветок и вручила той. А потом выудила из кармана хлопущку и, хорошенько прицелившись в лепнину на потолке, выстрелила.

...Разумеется, призрачного конфетти никто, кроме малой, не видел. Но на душе у собравшихся потеплело, и кто-то прокомментировал одну из картин так: «Кажется, это называется счастье».

Обратная дорога оказалась намного короче. А может, Жизнь просто осмысливала увиденное.

Закрыв лабиринт, Время неловко сказал, засунув руки в карманы:

– Как-то так.

– Не всем так везёт, – устало ответила Жизнь. Слишком много эмоций на неё сегодня навалилось.

– Не всем, – согласился Время. – Но у всех есть надежда. И возможность делать собственную судьбу.

– Я домой, – вздохнула Жизнь.

– Я провожу, – откликнулся Время. «На руках бы отнёс...», – подумалось ему. Шли они молча.

Уже на берегу Жизнь спросила:

– Почему ты только сейчас показал мне всё это? Я бы так не сходила с ума раньше... Я же каждую смерть через себя пропускаю вот здесь, – и она приложила руку к сердцу. – Каждой букашки крохотной, не то что...

«Дурак потому что», – подумал Время. Вслух же сказал:

– Теперь буду показывать каждый раз. Будем лечить твоё сердце. Не зря же меня зовут лекарем.

Жизнь помолчала, кивнула и без единого всплеска исчезла в пучине океана.

Время долго смотрел на водную гладь. А потом вытянул вперёд ладони, и вода начала спадать, испаряться, туманом подниматься в небо...

На обнажившееся дно он ступил, как приговорённый на раскалённые угли.

...Смерть пнула россыпь ледяных осколков, и они, зазвенев, покатались под ноги блуждавшей в нирване Вечности. Всегда собранная и строгая, с матерью Смерть позволяла себе немного расслабиться.

Поскольку ледяной звон не помог, Смерть с размаху ударила косой о стены пещеры. Звук хлестнул казацкой нагайкой, и Вечность недовольно открыла глаза.

– Приходит тут с рабочим инструментом, шумит... никакого понятия о приличиях, – заворчала мать.

– Теперь мне легче стало работать. Сестра начала постигать азы философии, – заявила дочь, поудобнее усаживаясь верхом на ледяной скульптуре оленя и с наслаждением откидывая капюшон. Вечность не пугал взгляд Смерти, она и сама могла напугать любого. – Время всё ещё не смеет её коснуться – боится, что в его руках Жизнь обратится прахом... Чудной! Что с ней только не делали: жгли, топили, сквозь

медные трубы прогоняли – а сестричке и горя нет! Кончится тем, что она его сама где-нибудь в тёмном уголке зажмёт...

– Бабочка играет с огнём... Знаешь, что-то в этом есть. По крайней мере, это забавное зрелище. В сумерках, с задёрнутыми шторами, наблюдать за полётом мотылька вокруг свечи на подоконнике...

– Экая ты стала сентиментальная, – неодобрительно бросила Смерть. – Стареешь?

Вечность улыбнулась краешками губ.

– Это просто сумерки, милая. Ясное утро и светлый день позади. Над Землёй сгущаются сумерки. Но до темноты ещё далеко. До ночи мы ещё не раз сможем любоваться полётом бабочек и колыханием огоньков...

– И сыграть в шахматы, – довольно невежливо перебила её Смерть, доставая из-за пазухи коробку с фигурами. Доска давно была расчерчена на ледяном полу.

Вечность оживилась, подвигаясь поближе.

– Когда-нибудь, – бормотала Смерть, разводя пешек и королей по местам, – когда-нибудь я выйду на пенсию, отдам косу на переплавку, и о былых временах будет напоминать только эта вечная игра...

Вот такая вышла сказка. Где-то смешная, где-то не очень. Надеюсь, тебе снился под неё добрый сон...

На твоём лице сейчас такое беззащитное, почти детское выражение. Я ни за что не скажу тебе этого вслух – ты же смертельно обидишься. Но пока ты лежишь у меня на коленях, а мои руки по-прежнему перебирают твои волосы, хотя тело давно уже просит сменить позу – можно...

Это – наше с тобой время. Наши с тобой жизни, свившиеся – на время ли? на вечность ли? – меж собой. Сколько секунд и дней в мешочке Ёжика – нам не дано знать. Но у нас есть надежда. И возможность делать собственную судьбу.

Ты смешно дёргаешь головой – и открываешь глаза. Сонно спрашиваешь:

– Я спал? Такой сон был забавный...

– Знаю, милый. Я рассказывала тебе сказку...

– Иди ко мне, моя сказочница, – шепчешь ты, и я наконец-то могу с наслаждением потянуться. А потом закрываю глаза.

Анна ЧЕРНЫШЕВА

Босиком за Василисой

Маленький неуклюжий гном поспешно семенил по плитам длинного коридора, громко шаркал и то и дело запинаясь. Ему при рождении было дано грозное имя Зигмунд – в надежде, что оно сделает его героем. Но Зигмунд из него вышел никудышный, с годами он всё больше походил на тех примитивных гномов, которых все зовут Кешами да Кузями. Правда,

иногда грозное имя Зигмунд вскипало в его крови, и тогда он мучительно хотел подвига, вот только не знал какого. Он шёл, опустив свой курносый нос так низко, что даже самый его кончик, вечно задранный в небо, уныло уставился в пол. В его крови снова бродил Зигмунд. Так и не найдя порядочного дела, гном сосредоточенно наматывал круги по всему зданию.

Вдруг он со всего размаха налетел на что-то громадное. Без энтузиазма оторвав взгляд от пола, он оглядел препятствие и разочарованно махнул рукой.

– А, человек.

Зигмунд обошёл резиновый сапог, поправил капюшон, глядя на своё мутное отражение на его чёрной глади, и заспешил дальше. Но тут его нагло схватили и подняли под потолок.

– Ты что – гном? – глупо вылупился нахал.

– Сам не видишь? – огрызнулся Зигмунд.

– Настоящий?

– Нет, из мыльных пузырей.

– Что, правда?

– Отстань от меня, – рассердился гном. – Поставь на место.

Но этот невозможный тупица всё равно не понял и опустил его на подоконник.

– Я из тебя жабу сделаю, – пообещал Зигмунд, пытаясь спуститься.

– Как?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. Зигмунд не знал, как превращать людей в жаб. Он вообще мало знал об этих двуногих тварях.

– Нет, ты, правда, гном? – снова спросило тупое существо.

– Да, да, да! – заорал гном.

– Из параллельного мира?

– Из нормального мира.

– Как это из нормального? Это наш нормальный. Наш мир...

– Помойка!

– Да мы всё можем!

– Это вы-то!? – гном расхохотался. – Колдовать разучились, зверей не понимаете, под водой дышите только в намордниках. Скоро ходить разучитесь.

– А ты можешь дышать в воде? – удивился двуногий.

– Разумеется.

– И не тонешь?

– Зачем?

– Ну не знаю. Я же тону.

– Вот и дурак. Всё они могут. Умора! – бурчал гном.

Он уже готов был юркнуть сквозь стену, но двуногий опять его сцапал.

– Тебя как зовут?

– Зигмунд, – гордо произнес гном.

– А меня Семён. Семён Николаевич.

– Ну и что?

– Давай дружить, – неожиданно предложил Семён.

Гном посмотрел на него внимательнее. По человечесьему времени ему лет двадцать. Долговязый, худой, рыжий. Большой рот, глаза светлые, уши торчат. Нет, жаба из него точно не получится, разве что лягушка.

– Чего это я стану с тобой дружить? – сощурился гном.

– Так просто, чтобы веселее было.

– Мне и так весело, – соврал Зигмунд.

– А будет ещё веселее, – пообещал Семён. – Чипсов хочешь?

Зигмунд не устоял. Отказаться от чипсов было выше его сил. Из всего, что изобрели бестолковые люди, он тащил в свой мир только солёненькие невесомые хрустяшки. Семён извлёк из необъятного кармана целый пакетик хрустящего счастья и подал гному. Он взял его обеими руками и даже разволновался.

– Это всё мне?

– Конечно. Жуй, – улыбнулся Семён.

Улыбка у него была хорошая, веселая. И Зигмунд как-то вдруг решил, что дружить с ним – это здорово.

Пока гном чавкал, парень присел на корточки у стены и с величайшим интересом его разглядывал.

– А вы все такие маленькие?

– Бывают ещё меньше, – невнятно ответил гном.

– А вы злые?

– Добрые. Это упыри – злюки.

– Понравилось? Ещё хочешь?

– Угу.

– На, держи. Мне тоже одного пакетика мало, всегда беру два.

«Какой замечательный человек, – думал гном. – И какой большой карман».

– Ты здесь живёшь? – прохрустел он.

– Учусь. А ты дух университета?

– Вот ещё! Духи примитивные, они из ваших.

– А что ты здесь делаешь?

– Думаю. Тут хорошо думать.

– Для того и строили. И о чём тебе думается в этих умных стенах?

Зигмунд перестал жевать, вздохнул грустно:

– О героях.

– Сказочных?

– Настоящих. Как Иван Царевич, – мечтательно произнёс гном.

– Какой же он герой? – удивился Семён.

– Он змея победил! – восхищённо выдохнул Зигмунд.

– Это всё сказки, – отмахнулся студент.

– У вас сказки, а у нас на самом деле. У нас всё на самом деле.

– Что, и баба Яга? – выпучил глаза Семён.

– Конечно.

– Злая?

– Мудрая, вечно всех поучает, – поморщился гном. – Всё на свете знает.

– И Василиса Прекрасная есть?
– Ага.
– Она, в самом деле, всех красивей?
– А как же.
– Вот бы посмотреть! – оживился студент.
– Нельзя.
– Почему?
– Влюбишься. Сохнуть будешь, – вдохнул гном скорбно.
– А если и она меня полюбит?
– Не полюбит, – убеждённо заявил Зигмунд.
– Ты-то откуда знаешь? – обиделся Семён.
– Ты хлипкий.
– Какой?
– Ну, понимаешь, ты не герой. А она должна полюбить обязательно героя. Чтобы стать настоящим героем, нужно найти своё призвание. Я вот тоже ишу своё призвание.
– И какие бывают у гномов призвания? – спросил Семён без интереса.
– Детей спасать, музей охранять, клады делать. Некоторые преподавателей отвлекают во время экзаменов.
– Вот мне бы такого, – размечтался студент.
– Личных гномов не бывает. Это тебе не тамагочи. Тоже мне, придумалидохлых железок.
– Так и вас всех мы придумали.
– Что?! – Зигмунд рассвирепел. – Вы нас!? Да мы вас старше на... на... Вы все нас моложе, как ты своего деда. Может, это мы вас выдумали от скуки. Полицию – Змей Горыныч, а банкиров – Кашей Бессмертный.
– А Василиса кого?
– Не знаю.
– Пошли спросим.
Семён решительно встал.
– Ну, как к вам попадают?
Гном сразу одумался.
– Нельзя тебе к нам! Пропадёшь! Не подходишь ты. Не богатырь и не волшебник. Небось, и сказок не знаешь.
– Надо будет, вспомню. Тебе наши или народов мира?
– У нас все вместе, – буркнул гном. Его курносое лицо выражало крайнюю озабоченность. – С конём сладишь?
– С конём... – замялся Семён.
– Понятно. Меч в руках не держал, лук не натягивал, гусли не видел. Встретишь ежа – в обморок упадёшь.
– Неправда! – возмутился студент. – Мы каждое лето в походы ходим. На днях опять пойдём. Я в лесу как дома.
– Ню, ню, – сказал гном и исчез.

Ошарашенный, Семён стоял посреди коридора, хлопал глазами, ничего не понимая.

Неделю спустя весёлая студенческая компания, взвалив на плечи рюкзаки, надвинув на глаза бейсболки, двинулись в путь за редким в городе ощущением свободы. Высыпавшись, как горох, из электрички, туристы нырнули в лесную тень на узкую тропинку. Топали по влажному песочку, спотыкались о корни, пугали лягушек.

Семён шёл последним, упершись взглядом в огромный рыжий рюкзак впереди. С первых шагов поход этот уже его не радовал, сапог тёр пятку, недельные запасы за плечами тянули к земле, желудок требовал пищи. Хотелось ныть и жаловаться. Красот природы он не видел, птиц не слышал, в общем, еле дожил до привала.

Как только он сбросил стопудовый рюкзак, Семёну показалось, что он стал лёгким, как молодой кузнечик. Он стянул сапоги, земля приятно холодила уставшие ноги, ещё бы умыться.

– Чур, я за водой. Я знаю, где ручей.

Семён схватил оба котелка и поспешил к ручью. Весёлая прозрачная вода звенела совсем рядом. Семён продрался через кусты, зачерпнул полный котелок и вылил на голову, как в прорубь рухнул. Даже глаза зажмурил от удовольствия.

– Ну что, пошли?

Семён вздрогнул от неожиданности. Сквозь мокрую чёлку разглядел маленькую фигурку.

– Зигмунд?

– Смотри-ка, узнал. Ты не передумал?

– Чего?

– Наш мир смотреть.

– Ты так неожиданно пропал тогда...

– Так ты идёшь?

– Что, прямо сейчас? – растерялся студент.

– Иди, пока зовут. А то передумаю.

– Ладно. Только быстро, меня ждут.

Гном энергично зашагал вдоль ручья, Семён шлёпал за ним. Он всё ждал какой-нибудь пещеры или норы, но лес шумел вокруг самый обыкновенный, берёзы, ёлки кое-где... Гном просто морочил ему голову.

– Скоро придём, – заверил Зигмунд, но ничего не изменилось. Ёлки, берёзы.

И вдруг всё его существо пронзил ужас. Волосы встали дыбом, руки похолодели.

– Что это? – пролепетал он пересохшими губами.

– А, Соловей-Разбойник, – отмахнулся гном, – закрой уши.

Сделав, как сказано, Семён чуть успокоился и понял.

– Ультразвук. Ничего себе Соловей-Разбойник! Значит, уже пришли?

Точно как в былинах, трава стелилась к земле, и деревья гнулись как от сильного ветра. Уши начали болеть. Зигмунд что-то пробурчал и сменил направление. Они бежали со всех ног, звук стал слабеть и, наконец, стих.

– Житья от него нет! – ругался гном. – Всех птиц распугал! Чтоб ему зубы кто-нибудь выбил!

– Он что, всё время так? – поёжился Семён.

– Нет. Только если настроение весёлое.

Они вышли из леса. Впереди разлеглись широкие поля. На горизонте темнел другой лес.

– Нам туда, – указал Зигмунд.

– Далеко!

– Глупости!

Тут Семён снова застыл от удивления. Там, где травяной покров сменялся чёрным морем пашни, за плугом шёл колоссального роста пахарь золотоволосый, в белой рубахе, босой.

– Это Добрыня Никитич поле готовит, – объяснил Зигмунд.

– А?

– Да, это он змея на днях победил. Чего силище зря пропадать. Вот он и пристроил зверюгу к делу.

Огромное ярко-зелёное пресмыкающееся из всех сил тащило плуг. Змей вытягивал длинную шею, шипел, рычал, дико пучил глаза, плевался... Чешуя блестела на солнце, как начищенная.

– Вот это монстр! И много у вас таких?

– Полно. Пошли быстрее, а то до темноты не доберёмся, – торопил гном.

– Меня же потеряют, – ужаснулся Семён.

– Не потеряют, – заявил гном так категорично, что студент поверил. – К Василисе коротких путей нет.

Идти по свежеспаханной земле было трудно и так непривычно для босых ног горожанина, что Семён полностью сосредоточился на ходьбе. Видел только толстых дождевых червей да белые корешки в глубокой борозде.

На опушке леса они присели отдохнуть. Оседлав бревно, студент весело наблюдал, как, умаявшись, змей Добрыни повалился на толстое брюхо и тяжело водил боками. Богатырь принёс откуда-то огромную бадью с водой, окатил зверюгу. Их обоих тут же скрыли густые клубы пара.

– Подъём! – скомандовал Зигмунд. – Уже совсем близко.

И, правда, не прошли они вдоль кромки леса и ста метров, как на их пути встал огромный дуб. Толстый, здоровенный, всё небо закрыл листьями. Обогнув гиганта, Семён остановился и восхищённо уставился на новую невидаль. На фоне ослепительно синего неохватного неба как шлем богатыря высился алый шатёр, перевитый золотыми шнурами. У входа величавый, будто памятник, стоял богатырский конь – белый в яблоках, волнистая грива спускалась до самой земли. Он кивал точёной головой, звенел серебряной сбруей.

– Ух ты! Это всё чьё же? Добрыни?

– Мелковато для Добрыни, – сощурился гном.

– А чьё?

– Твоё.

От такого ответа у Семёна земля из-под ног ухнула. Он так и сел на корень дуба.

– Как – моё?

– Надо же тебя в порядок привести. Ты что, к Василисе в этих драных джинсах собрался?

– А что? – испугался студент. – Плохо выгляжу?

– Хорошо – для пугала в огороде. Поднимайся, будем из тебя человека делать. Да-а, трудненько придётся, – покачал головой Зигмунд, глядя, как Семён неуклюже вставал на ноги и бочком, затаив дыхание, крался мимо коня.

Гордое животное только мотнуло головой, отгоняя мошек, а студент пулей влетел в шатёр, чуть живой от страха. Гном так и покатился со смеху.

– Что ты смеёшься! – возмутился Семён. – Вдруг он мне в глаз копытом даст!

– А ему под хвост не лезь – и не даст! – до слёз смеялся Зигмунд.

– Хорошо тебе смеяться, – надулся Семён. – Я и на пони-то не ездил, а тут такая громада.

Гном вытер мокрые глаза, сказал серьёзно:

– Не знаю, как пони, а этот конь точно умнее тебя. Будешь ему доверять, и всё у тебя получится. А пока – облачайся.

Семён растерянно оглянулся. Шатёр был устлан яркими коврами, уложен подушками. В центре студент с ужасом увидел богатырские доспехи.

– И... это мне?

– Конечно. Что тебе не нравится?

– Размерчик не мой. Я меньше раз в пять.

– Пожалуй, – поморщился гном. – Ну-ка примерь.

– Они меня раздавят.

– Щ-щас, – сказал гном, съёжился весь, замахал руками, надул щеки, даже покраснел от натуги и тоненько, жалобно свистнул. Вся амуниция уменьшилась вдвое. Семён долго сопел, напяливая тяжёлую кольчугу.

– Она мне до пяток достает, а в шлем я весь войду.

Гном снова сморщился, студент зажмурился, когда открыл глаза, всё было идеально: шлем, рубаха, кольчуга, штаны, наколенники, налокотники...

– А сапоги?

– Что – сапоги? – гном втянул голову в плечи.

– Почему они не уменьшились?

– Наверное, это неправильные сапоги.

– Попробуй ещё. В таких я и шага не шагну.

– Снимай, попробую.

Семён поставил огромные красные боты на одну из подушек и отошёл опасливо. Через мгновение на подушке валялись два крошечных, кукольных сапожка.

– Ты что наделал?! Верни!

– Не могу, – угрюмо сознался Зигмунд. – Они совсем неправильные. Если раз не получилось, теперь не справишь.

– Да они и тебе-то малы.

– Босиком пойдёшь.

– Ты спятил?! – возмутился студент.

Зигмунд обиделся, надул губы, засунул руки в карманы и отвернулся. Семён тупо смотрел то на сапожки, то на свои ноги. Как ни силился, не мог он представить себе витязя при полном параде и босого.

– Сделай хоть что-нибудь, – прохныкал он умоляюще. – Я же всё ваше зверьё уморю в таком виде.

– Как? – не понял гном.

– Так и помрут со смеху. Не пойду к Василисе! Это же чёрт знает что такое! Ну, посмотри на меня!

Гном обернулся, ещё секунду сохранял обиженную мину, но не выдержал и расхохотался. Его бедного так трясло, что он повалился на подушки и дрыгал ногами.

– Сделай-ка лицо пострашнее, – приговаривал он, давась смехом, – ты ещё меч, меч возьми. Ой, умора! Ну, богатырь! Семён – голая пятка!

Студент стоял в центре шатра в сверкающих доспехах, грозно хмурил брови, низко надвинув шлем, глядел мрачно и решительно, сжимал кулаки и шевелил пальцами босых ног.

С трудом успокоившись, Зигмунд напряг все силы, чтобы исправить положение. Он морщился, как зимняя груша, вертелся, как волчок, прыгал, приседал, застывал, как столб, кричал, бурчал, мычал...

Всё было напрасно. Сапожки беззаботно валялись на подушке, игнорируя манипуляции гнома. А потом и вовсе пропали.

– Ох, – только и успел сказать студент.

– Не раскисай, – заявил Зигмунд, вытирая пот со лба. – С обувью не вышло, я сделаю так, чтобы никто не заметил, что её нет.

– Никто, никто? – недоверчиво переспросил Семён.

– Никто, – заверил гном.

Оба вздохнули с облегчением, но самое страшное было ещё впереди. Едва босой богатырь вышел из шатра, как ему нестерпимо захотелось вернуться обратно.

– Садись в седло, поехали, – весело скомандовал гном. Для новоиспечённого витязя его слова прозвучали, как приговор.

– Ни за что! – отрезал Семён.

Зигмунд сделал страшное лицо.

– В жабу превращу!

– Лучше бы сапоги сделал, – огрызнулся Семён и сделал шаг к коню.

– Сапог не могу, а в жабу могу! – угрожал Зигмунд. – В большую жабу!

– Это такая... в бородавках? – уточнил витязь.

– В бородавках, – заверил гном. – Мокрая, мерзкая, квакает,– шипел он, наступая на Семёна, и уже начинал морщиться.

– А может пешком? – пискнул богатырь.

– Нельзя!

Похолодевший от ужаса Семён поставил ногу в стремя, взялся за седло, с трудом подтянулся, стал перекидывать ногу, но услышал гнусное хихиканье гнома.

– Что ещё?

Богатырь Семён не прост,

Едет – держится за хвост,

– пропел Зигмунд. Семён сжал зубы, попробовал ещё раз.

Богатырь наш деловой,

Ездит он вперёд спиной.

Студент обошёл коня, гном не унимался.

Вот вам новый авангард,

Скачет конь башкой назад.

Кое-как разобравшись с ногами, босой богатырь, наконец, уселся правильно и перевёл дух. Зигмунд подпрыгнул, как мячик, плюхнулся впереди него.

– Трогай.

– Сам его трогай.

– Фу, тупень, – фыркнул гном.

Зигмунд шепнул что-то коню в большее ухо, и он величавой поступью двинулся вперёд. Новый богатырь сидел ни жив ни мертв, боясь дышать, весь напрягся, облизывал пересохшие губы. Гном вертелся и ерзал, что-то высматривал.

– Странненько, странненько. Куда она могла деваться? Тут была, точно помню. И спросить не у кого. И где они все?

– Кого ты ищешь?

– Да Василису твою. Вчера ещё здесь была. Ничего не понимаю.

– Может, ушла куда? Что ей посреди поля сидеть?

– Тут шатёр её был. Прямо здесь стоял.

Гном соскочил на землю. Конь встал как вкопанный. Зигмунд поднял обгорелую палочку и схватился за голову.

– Похитили! Так и есть, змей похитил!

– А может, съел? – почему-то спросил Семён.

– Думай, что говоришь. У нас змеи девиц не едят.

– А кого едят?

– Добрых молодцев.

Семен со стоном сполз с коня.

– Хочу домой!

– Теперь нельзя.

– А когда?

– Пока Василису не найдём, домой нельзя, – неумолимо серьёзно произнёс Зигмунд.

– Нет, это всё мне снится! И за что мне эти муки?! – взмолился босой богатырь. – Кони! Змеи! Домой хочу.

– Не ной. Думать мешаешь, – зашипел на него гном.

– О чём тут думать!?

– Садись на коня, к Бабе Яге поедем, она всё знает. Если будет в духе, расскажет, где Василису искать, – рассуждал Зигмунд, наморщив лоб.

– Ещё и Баба Яга! – возмутился студент. – Никуда я не поеду! Сам разбирайся!

– Ладно, оставайся, – фыркнул гном. – Жабы в природе тоже нужны.

– Что?! Не надо! – испугался Семён. – Я еду! Еду!

По лесу ехать верхом оказалось ещё хуже, чем по полю. То и дело приходилось наклоняться, чтобы ветки не били по лицу, их, конечно, можно было и рукой отвести, но богатырь боялся выпустить из пальцев гриву и вывалиться из седла. Устав кланяться, он скукожился, прижался к коню. Так и сидел, как приклеенный, даже глаза зажмурил. Зигмунд важно шагал впереди, не переставая ворчать.

– Вечно мне не везет. Богатырь – липовый, даже коня боится, Василису змей спёр, теперь хочешь-не хочешь придётся с ним воевать, а у меня такой вояка...

Гном сплюнул в траву и пошёл быстрее. Тропа петляла, раздваивалась, терялась в траве, но неуклонно вела в чащу. Золочёные солнцем берёзки, сменились хмурыми елями, замшелые, корявые стволы всё теснее жались друг к другу, лохматые ветви низко склонялись над тропой.

Когда тропинка совсем пропала из виду, гном вздохнул, полез в карман, достал кусок хлеба и тоненько засвистел. Невесть откуда перед ним появился чёрный котяра. Он схватил с ладони хлеб, пожевал недовольно и, задрвав пушистый хвост, затрусил между стволов. Семён следил за происходящим, осторожно открыв один глаз. Среди вековых деревьев было так темно, что кота почти не было видно, только когда он оборачивался, ярко светились жёлтые глаза.

– Эй, проснись, приехали! – гном потянул Семёна за ногу.

Богатырь вздохнул, сполз с коня, всё тело ломило, он едва разогнул затёкшую спину.

– Темно, хоть глаз выколи. Где это мы?

– Иди за мной, – велел гном.

Посреди непроглядной тьмы раздался скрип и появился освещённый квадрат. В дорожке света от него Семён увидел кусок забора, увенчанный черепами коров и людей. Волосы у него встали дыбом, когда из темноты появилась огромная куриная нога, поскребла землю и убралась обратно. Потом раздалось громкое кудахтанье и старушечий голос.

– Молчи, дура деревянная! Стой ровно! Опять из-за тебя квашню опрокинула. Вот вкопаю тебя в землю по самую крышу!

Снова появилась куриная лапа и сложилась в выразительную фигу.

– Кто там пришёл? Чего во дворе топчитесь? – спросила старуха.

– Это Зигмунд, бабуля, – подал голос гном. – Я не один, с богатырём.

– Чаво-то не чую богатыря. А ну, иди на свет!

Гном толкнул Семёна, он шагнул на жёлтую полосу, кот метнулся из-под ног, витязь потерял равновесие и растянулся на земле. Шлем свалился с головы и укатился в темноту

– Бо-га-тырь... – протянула старуха. – Он что – не местный?

– Первый раз у нас, – пояснил Зигмунд и шмыгнул в избушку.

Семён поспешно поднялся и последовал за ним. Поднявшись на три ступеньки, он оказался в небольшой светлой горенке. Белёная печка, пузатый самовар, чистая скатерть на столе, вышитые занавески, тепло, уютно. На сундуке сидела старушка в ярком платке, нос картошкой, глаза злющие.

– С чем пожаловал, добрый молодец? Дела пытаешь аль от дела лытаешь? – строго спросила она, точно как положено в сказке.

И тут Семёна понесло.

– Ты, старая, сначала меня напои, накорми, в баньке попарь, а потом и спрашивай! – выпалил он.

Старуха аж рот разинула.

– Как посмел!

– А разве не так надо?! – растерялся студент.

– Прости его, бабушка, – засуетился гном. – Он неуч. Читал что попало. Он больше не будет.

– Это он, что ли, босиком за Василисой идёт? – спросила Баба Яга строго.

– Он, – потупился Зигмунд. – Я думал, из него герой получится, а он...

– Знаю, знаю, – махнула рукой старуха. – Мне про богатыря без сапог ещё бабка говорила, помочь велела. Босых земля любит. Садитесь за стол, с голодухи какие геройства.

После щей, пирогов с зайчатиной, солёных грибочков, варенья и меда, после малинового чая Семёну уже никуда идти не хотелось. А гном выскочил из-за стола, напомнил:

– Покажи, бабуля, где Василису искать, да мы пойдём.

Баба Яга достала из-за печки медный таз, начищенный как зеркало, велела Семёну.

– Гляди сюда.

Студент заглянул на дно таза и отпрянул.

– Вот это телевизор!

– Тоже мне, сравнил, – буркнула старуха.

По круглому днуплыли облака, светило солнце, неожиданно появилось что-то тёмное и стало приближаться. Стали различимы длинный хвост, толстое тело, лапы с когтями. Из облака дыма разом вынырнули две головы.

– Вот это хари! – вырвалось у Семёна.

Пасти дышали рыжим пламенем, внизу загорались деревья и кусты. Всё заволакивал чёрный дым.

– Мутант огнедышащий!

– Всё пожёг супостат. Житья от него нет! У него Василиса! – сказала Баба Яга.

– Не! К нему не пойду! – замотал головой богатырь.

– А Василиса?

– Да Бог с ней.

– Смотри! – велела Яга и толкнула его к тазу.

Из дальней дали глянули на Семёна огромные синие глаза, порхнули стрелы ресниц. Видение исчезло, а он всё стоял, как громом поражённый. Его сердце наполнилось восторгом и незнакомой нежностью.

– Всё, влюбился, – констатировал Зигмунд, помахав ладонью перед его носом.

– Куда идти? – хрипло спросил Семён.

– Вот тебе клубок, куда он покатится, туда и ступай.

Яга подала ему клубок красных ниток, но он выпал из его руки и быстро покатился из избушки. Богатырь ринулся за ним. Он бежал по лесу, не видя ничего, кроме этого клубка. Торчащие щепки и корни кололи босые ноги, ветки елей хлестали по лицу, тёмные силуэты появлялись и пропадали в чаще, смутно светились трухлявые пни, скрипели вековые стволы, жутко ухал филин. Богатыря уже ничего не пугало. Клубок постепенно разматывался, становился всё меньше и вдруг кончился.

На сухой растрескавшейся земле осталась только красная ниточка. Семён перевёл дух, огляделся, лес кончился, кругом горелые пеньки, зола, пыль.

– Эй, зверюга! Где ты есть? – закричал богатырь что есть силы.

Сверху раздалось хлопанье тяжёлых крыльев и шипение. Семён поднял голову, прямо на него падал здоровенный змей. Обе головы извергали пламя, когти жутко сверкали, громадные кожистые крылья закрывали небо.

– Мама, – прошептал витязь и хотел бежать, но вспомнил синие глаза и вытащил меч.

– Урод вонючий! – кричал Семён на змея, чтобы разозлиться. – Вот я тебя!

Он замахнулся тяжеленным мечом, но змей выбил его ударом огромного хвоста. Навалился на богатыря всем своим весом, сбил с ног, сгреб его в лапищу.

– Еда-а!

– Какая я тебе еда! – прохрипел Семён.

– Вкусная-я!

Обе головы разинули зловонные пасти. Богатырь зажмурился и выпалил:

– Кто первый?

– Чего-о? – не поняли головы.

– Левая или правая?

Пасти захлопнулись, головы посмотрели друг на друга. Семён едва успел перевести дух.

– Вместе-е, – зашипели головы.

– Стойте! – заорал богатырь. – Я ядовитый! Я кислый и горький и ...

– Обожаю-ю!

– Последнее желание!

Пасти опять захлопнулись.

– Перед смертью положено выполнять одно желание, последнее, – затараторил Семён.

– Быстрее-е, – велела правая голова.

– Шустрее-е, – прошипела левая.

– А ты точно исполнишь?

– Точно-о.

– Я хочу... хочу...

Головы дышали нестерпимым жаром.

– Хочу, чтобы ты остыл! – выпалил Семён, не подумав.

– Холодно-о! – зашипело чудовище с очень тупым видом.

Его четыре красных глаза потухли и стали прозрачно серыми, из ноздрей повалил пар, и повисли сосульки. Змей разинул пасти, чтобы испепелить богатыря, но из обеих полилась вода.

– Бр, холодно! – завопил промокший Семён.

– Холодно-о! – повторил змей.

– А ты отпусти меня, будет теплее, – посоветовал хитрый витязь.

Чудовище разжало лапы, и Семён повалился на землю. Змей тряс головами, топал, бил хвостом, махал крыльями, чтобы согреться. Он снова и снова разевал пасти и налил столько воды, что растрескавшаяся земля стала влажной, появились лужи и ручейки.

– Бабушка-а! – обиженно взвизгнул змей и, с шумом поднявшись в воздух, быстро исчез за облаками.

– Больше никогда не вернётся, – услышал Семён радостный голос Зигмунда. – Здорово ты его одолел! Настоящий герой!

Босой богатырь гордо выпрямился. Над промокшей землей поднимался туман, и Семён всё силился через его пелену разглядеть девичий силуэт. Туман становился всё гуще...

Семён открыл глаза. Сон медленно отступал. Он так удобно устроился на парте, голос лектора звучал монотонно. Семён сладко зевнул и повернулся к соседке.

– Знаешь, мне такой чудной сон приснился.

Она вскинула на него огромные синие глаза и улыбнулась.

– Знаю.

А на последней парте гном Зигмунд деловито примерял костюм амура.

Олег НЕСТЕРЕНКО

AMORA VERA

Глава 1

Одним солнечным утром в Меддор пришёл некто босоногий и голодный. Он был молод, темноволос и одет в поношенные куртку и штаны.

И пока он был беззаботен.

Юноша брёл, наивно полагая, что если зажать уши, то не будет слышно урчания в животе. Вскоре он вышел на поляну и остановился перед лошадьё, с аппетитом жевавшей траву. Что ж, если смотреть на траву глазами лошади, она выглядела весьма сочной и соблазнительной.

«Ах, отчего я не конь?» – подумал юноша и с сожалением вздохнул.

Он лёг, закрыв глаза, и принялся мечтать о котлетах и звёздах. Мечтать было приятно, но юноша не заметил, как на поляну вышел остроухий человечек в камзоле и очках. Незнакомец держал в руках здоровенный окорок, и его запах завладел мечтами молодого человека. Юноша открыл глаза и уставился на окорок. Человечек, кажется, заметил это и поспешно спрятал сокровище за спину.

– Могу я узнать ваше имя, молодой человек? – спросил незнакомец.

– Как бы меня ни звали, обещайте, что накормите меня! – взмолился юноша.

Человечек покосился на свой окорок и спросил осторожно:

– Вы же не имеете в виду *его*?

– Окорок? Как раз его я и имею в виду.

– Ах, как неловко! – покачал головой коротышка. – Видите ли, я сам не прочь съесть его, и...

– Поверьте, – с горячностью прервал его юноша, – я хочу этого гораздо сильнее!

Неожиданно раздался довольно странный звук. Человечек поглядел на небо и пробормотал:

– Странно... На небе ни тучки, а гром гремит...

– Это не гром, – возразил юноша. – Это у меня в животе урчит.

– О... Пожалуй, вы, правда, очень голодны, но... согласитесь, что у меня больше прав на этот окорок... Вот что. Давайте устроим соревнование, и победитель получит этот чудесный окорок, политый острым луковым соусом и портвейном.

– Это вполне справедливо, – согласился юноша, – но я и на ногах – то не держусь...

– Да этого и не нужно! – заверил его коротышка. – Давайте-ка мы споём, и, если вы окажетесь искуснее меня, я, так и быть, отдам вам окорок, если нет – его съем я. Итак, вы первый.

– Хорошо. Я спою песенку, которую сочинил вчера.

И он пропел:

Я молод и честен – все знают об этом;

И сдохнуть на месте охоты мне нету.

Сносил башмаки я, желудок мой пуст –

Делишки такие, что горек мой путь.

Учился всегда я прилежно и с толком,

Но вот пропадаю теперь я, поскольку

Решительно нечем, клянусь вам, что нечем,

Хоть тресни, а нечем желудок набить!

О, где вы, где, рулет мясной
И запеканка, и вино?
Вы снитесь мне уже давно,
Всё голод мой тому виной.
Вы снитесь мне уже давно –
И запеканка, и вино...

Внезапно человек сунул ему в рот окорок, да так стремительно, словно надеялся запихать его туда целиком.

– Это не значит, что вы лучше меня поёте, просто вы меня растрогали. Вскоре окорока не стало.

– Кстати, – молвил коротышка, садясь рядом, – зовут меня Эльф.

– А моё имя – Эдвин, – ответил юноша. – Я ваш должник, сударь.

– Пустяки, мой мальчик! – возразил Эльф. – Если ты окажешь мне одну маленькую услугу, будем считать, что мы в расчёте.

– Что за услуга? – осведомился Эдвин, отметив, что собеседник перешёл на дружеское «ты».

– Сухая малость, мой мальчик! Ты пойдёшь к Мелисенте и расскажешь ей, как добрый малый Эльф спас тебя от неминуемой гибели. Не лишним будет слегка сгустить краски...

– Идёт, – кивнул юноша. – А зачем Мелисенте знать об этом, и кто она такая?

– Кто такая принцесса Мелисента?! – повторил Эльф, раскрыв в изумлении глаза. – Да ты, я вижу, нездешний...

– Так и есть, – подтвердил Эдвин, – но что там с принцессой?..

– Мелисента – дочка нашего достославного короля, и она на меня вторую неделю сердится. Поверь мне, Эдвин, натерпелся я уже порядком!

– А за что она на вас сердится?

Эльф нахмурился и досадливо махнул рукой:

– А... вздорная девчонка!.. – он что-то уклончиво пробормотал насчёт бальных платьев и чернил. – Уж, конечно, я-то был ни при чём! Ну, разве что... а она!.. Короче, Мелисента на меня дуется, и только ты сможешь мне помочь. Скажи ей, как я тебя выручил, и она меня разом простит. Девочка, вообще-то умница... но... Одним словом, не подведи.

Эдвин с трудом после съеденного встал и торжественно изрёк:

– Вы помогли мне, друг, и я отвечу тем же, клянусь своими босыми пятками!

– Вот и славно, мой мальчик, вот и славно! – человек даже рассмеялся.

– А скажите, – спросил вдруг Эдвин, – куда это я попал?

– О!.. – Эльф тоже встал и принял вдохновенный вид. – Это, мой мальчик, старый добрый Мелдор. В книгах его называют ещё Мелиадор.

– Мелдор... – повторил Эдвин в задумчивости.

– Ага, суть, я вижу, ты уловил, – заключил Эльф. – Ну, идём ко мне, выпьем по чашечке кофе и сознакомимся покороче.

И они пошли, а Эльф рассказывал:

– Мелисента – она девушка славная, это все знают. Но я тебе как другу скажу, к её бальным платьям с чернилами не подходи – тут все её добродетели куда-то исчезают. А так она очень мила: отзывчивая, добрая, любопытная и умная. А уж о том, что она прелестна как цветок, и говорить не стоит... И знаешь, – Эльф хихикнул, – раньше у неё на голове был велосипедный руль. Она с ним рассталась год назад.

Последнюю фразу Эдвин не очень понял и ответил несколько растерянно:

– Вы правы, все мы когда-нибудь расстанемся со своими рулями...

Эльф покосился на юношу с подозрением и замолчал, что-то обдумывая.

– Мелисента... Какое дивное имя! Кажется, я заранее очарован, – промолвил Эдвин. – Как мне её найти?

– Это не трудно. По утрам принцесса гуляет в Поющем лесу, но сейчас ещё слишком рано.

– Жаль, – вздохнул Эдвин. – Мне не терпится её поскорее увидеть. Ах, вы, конечно, ошиблись! Сейчас вовсе не рано.

– Погоди-ка... – ответил Эльф.

Человечек старательно послюнил палец и поднял его кверху. Эдвин хотел возразить, что его несколько не интересует направление ветра, но Эльф радостно воскликнул:

– Вот! Девять часов сорок пять минут!

Юноша удивлённо вскинул брови:

– Разве так можно узнать, сколько времени?

– Вот чудак! – Эльф тоже удивился. – А как же ещё? Ну, то есть, конечно, северный ветер постоянно спешит минут на десять, но это пустяк... Да ты сам попробуй.

Эдвин попробовал. Ветер был юго-западный, а времени было девять часов сорок шесть минут.

– Ой! – воскликнул юноша. – Как же это вышло?

Эльф хмыкнул и повторил:

– Вот чудак.

Вскоре голубое небо заслонили кроны Поющего Леса. Почему он так назывался, Эдвину стало ясно почти сразу. Не прошли они и трёх шагов, как грянула весёлая и пьяная песня. Юноша не разобрал ни слова, кроме бесчисленных «налей – веселей» и «кружка – подружка».

– Что это? – прокричал Эдвин в самое ухо Эльфу.

– Это камни поют! – прокричал Эльф в ответ. – Они заколдованы!

– Ужасно! – выдохнул Эдвин, начиная хрипеть.

– Тогда бежим ко мне! – велел Эльф. – Тут рядом!

И они побежали, а камни всё горланили и горланили. Наконец путники оказались на крыльце Эльфовой норы, уходившей вглубь холма.

– Заходи! – Человечек распахнул дверь, и знакомцы оказались в тишине.

У Эльфа был уютный кавардак. Книжки, вилки и тарелки, песочные часы, свечи, старые туфли, игрушки, гусиные перья, пара скрипок – всё вперемешку. Под потолком висел светильник.

Эдвин был усажен за стол, вместо скатерти Эльф приволок простыню, и они стали пить кофе. Говорили о Мелдоре, о недавнем восстании карточных шулеров, квёлых шарманщиков и корыстных шельмецов, о короле и королеве и, конечно, о принцессе Мелисенте. Расстались Эльф и Эдвин уже совершенными друзьями.

Глава 2

Эдвин с воодушевлением шагал по лесу и улыбался. Единственным, что видели его закрытые глаза, было личико Мелисенты, которое он сумел очень живо себе вообразить. Принцесса так завладела умом юноши, что он не открыл глаз, даже когда споткнулся о какой-то корень и упал. При этом Эдвин ударился головой о камень, который что-то тихо напевал, и потерял сознание.

«Ого!» – мысленно воскликнул Эдвин, очнувшись. Теперь Мелисента не исчезала, даже если открыть глаза. Она стояла, стройная и удивлённая, чуть склонив набок прелестную головку. На Мелисенте были изящная корона и очаровательное платье цвета сирени, а на левой руке висела корзинка лесных цветов.

– Добрый день, милая принцесса! – улыбнулся юноша из кустов. – Поверьте, он ни в чём не виноват. Это случайность! И потом... разве в платьях счастье? Простите ему эти чернила, он очень страдает!..

«Бедняга бредит» – решила Мелисента и осторожно дотронулась до лба Эдвина.

– О, вы коснулись меня, прекрасная Мелисента! Как я счастлив! Разрешите мне умереть за вас, я с радостью отдам свою жизнь! Ах, одного вашего взгляда...

– Подождите, я позову лекаря... Только никуда не уходите! – сказала Мелисента. – Я быстро.

«Счастливцев! – возликовал Эдвин. – Она беспокоится обо мне!» Будь Эдвин кошкой, он замурлыкал бы от удовольствия. Внезапно он понял, что принцесса хочет покинуть его, и вскочил.

– Не уходите! Я должен подарить вам цветок.

– Правда? – Мелисента улыбнулась. – Это очень мило...

Юноша исчез за кустами, несколько времени его не было, а потом он вернулся, держа в руках тёмно-красный цветок.

– Вы разобьёте мне сердце, если отвергнете это подношение! – Эдвин упал на колени и протянул девушке цветок шиповника, каких в Мелисентиной корзине было полным-полно.

– О... – принцесса осторожно поднесла цветок к лицу. – Странно, что я его не заметила... самый прекрасный цветок в Мелдоре. Благодарю вас, – она сделала кокетливый реверанс. – Я вплету его в волосы.

– Вы приняли мой подарок! Прикажите мне умереть, я буду счастлив...

– Ну, прекратите это наконец! – девушка сердито тряхнула головой. –

Вы нездоровы, вы бредите...

– Это от любви!

– От любви? Но тогда при чём здесь чернила?

Эдвин нахмурился.

– Ах, чернила! Я вовсе не бредил. Я сгущал краски. Я знаю, вы ненавидите Эльфа, но он вовсе не подлец, он спас меня...

– Кто вам сказал, что я его ненавижу? Вот что я ненавижу, так это суп со спаржей; а Эльфа я никогда не считала подлецом. Ну, кто вам сказал?

– Он сам, Эльф. Что ж, разве он не испортил вашего платья чернилами?

– Я давно ему простила это.

– О, милосердие ваше не знает границ. Только скажите, я умру за вас!..

– Хватит, прекратите! Вы точно больны...

– От любви, от любви...

– Вы готовы умереть за первую встречную, пусть даже это принцесса? Вас что, бросила невеста?

– О нет! У меня нет невесты. В моём сердце только вы. Я люблю вас, Ваше Высочество, – Эдвин во все глаза глядел на принцессу.

Девушка вспыхнула, потупилась, потом подняла испуганно-радостные глаза, и молодые люди долго смотрели друг на друга. Наконец Мелисента совладала с волнением и серьёзно сказала:

– По-моему, вы не принц, – повеселев, она указала на его босые ноги, потом снова стала серьёзной. – Вы знаете, кто я такая? Знаете.

– Знаю, – юноша кивнул.

Мелисента снова вспыхнула и сказала:

– Я вас тоже люблю. Вы нахал. И ещё я не знаю, что мы будем делать – принцесса и студент.

– Меня зовут Эдвин, – ответил юноша. – Также не знаю. Но... я без вас не смогу теперь ни дня прожить.

– Ни дня?! Вы меня не любите. Я без вас ни минуты не могу!.. Но мне нельзя...

– Ни секунды!

И потом они совсем влюбились.

Мелисента лизнула палец и подняла его кверху.

– Мне пора, – с грустью сказала она.

Будь Эдвин собакой, он завыл бы от тоски.

– Неужели пора? Ты, конечно, ошиблась! Сейчас ещё рано, – он в отчаянии принялся грызть ноготь.

– Мне пора, Эдвин. Увидимся завтра, здесь. Я буду думать о тебе.

Но Мелисента медлила уйти, и они неловко молчали. Собственно, мысли их были о прощальном поцелуе, но сказать об этом не хватало духу.

Тут из кустов появился некий старик. Он взмахнул ясеновой веткой и воскликнул:

– Поцелуйтесь, дети мои!

А потом развернулся и исчез. Мелисента и Эдвин молчали в совершенном недоумении, но теперь им оставалось только одно. Юноша и девушка приблизились друг к другу; в их глазах мерцали счастливые звёзды, а сердца колотились, как у мышей в грозу.

«А как же нос? – подумал Эдвин. – Он ведь будет мешать...»
Но, оказалось, нет, нос не мешал.

Верно, поцелуй этот был такого рода, что после него не могло не страстись нечто удивительное.

Вокруг задуло, засвистало, брызнул дождь и грянул гром. Порыв ветра выхватил из волос Мелисенты цветок и унёс его прочь. Волшебные камни Поющего Леса завопили страшную песню:

Водой заливают разбитый наш бриг,
Мы прочь несёмся от суши,
И ветер уносит отчаянный крик:
«Спасите наши души!»

Мы плавали долго, но вот и конец;
Мы слепнем от брызг и пота,
И море ревёт, и грохот сердец –
Едва ль спасётся кто-то.

– Бежим, Эдвин! – воскликнула Мелисента. – Я тебя не брошу. Бежим в Королевский Замок – и будь что будет.

И они побежали сквозь ветер и дождь.

Скоро принцесса и Эдвин, промокшие и озябшие, стояли перед Заком. Только они вовсе не торопились войти, они стояли, раскрыв рты и глаза. Дело в том, что Королевский Замок висел в воздухе, перевернутый верхушками башен вниз, ворота же оказались далеко в вышине.

Да, что-то не так было в том поцелуе.

Глава 3

Мрак внезапно и стремительно схлынул, и над Мелдором разлилось солнце. Всё в королевстве было по-прежнему, только Замок висел перевернутый. На земле осталось лишь каменное основание, а крепостной стены никогда и не было.

– Эдвин, я боюсь... – пролепетала Мелисента. – Мы должны попасть в замок.

– Пожалуй, – кивнул юноша. – Только как?

– Не знаю. Но ведь ты же что-нибудь придумаешь, правда, милый?

Эдвин взглянул в глаза принцессы и сказал:

– Конечно. Уже придумал.

На самом деле он ничего не придумал, но что ещё он мог ответить, глядя в эти глаза?

– Я не сомневалась, – девушка ласково улыбнулась Эдвину и выжидательно замерла.

– Ну да, уже придумал, – повторил юноша, он тихонько кашлянул, а потом крикнул:

– Эй, вы, в Замке! А ну-ка, сбросьте нам верёвочную лестницу, не можем же мы торчать здесь целую вечность!

Из окна высунулся Его Королевское Величество Том.

– Так, так... – пробормотал он. – Это кто же тут дерёт глотку под самым нашим окном? Никак вот этот самый малый... О, постойте, постойте... Уж не наша ли это дочь так нежно обнимает его?

– Ваша, ваша! – помахала рукой Мелисента.

– Что бы это значило? – нахмурился король. – Уж не вздумала ли Мелисента выскочить замуж? Ну, так и есть, наверняка! И сколько же, любопытно, у этого юноши замков? Нам они понадобятся, а то Королевский Замок что-то испортился...

Король Том сбросил вниз веревочную лестницу, и принцесса и Эдвин вскоре оказались внутри.

В королевских покоях всё было перевернуто, и пришлось ходить по потолку.

– Забавно, правда? – спросила леди Алиса, появившись совершенно из ниоткуда. Леди Алиса была феей и королевой, но, прежде всего, – мамой Мелисенты.

Эдвин опустился на одно колено и поцеловал королеву руку.

– Не представишь ли нам этого милого молодого человека? – предложила леди Алиса.

– Конечно. Это Эдвин, – ответила Мелисента.

– А дальше? – спросил король, насторожившись.

– Что дальше?

– Ну... титул, я имею в виду...

– Ах, это! – воскликнула Мелисента. – Нет, просто Эдвин. Без титула.

– Ах, без титула! – мрачно пробормотал король Том. – Сэр Эдвин Грязные Ноги – вот вам и титул.

– Главное – чистое сердце, а не грязные ноги! – горячо возразил Эдвин.

– Это так верно! – леди Алиса улыбнулась. – Ты очень славный, Эдвин, но... вот что, дружок, ноги у тебя, и правда, грязноваты. Иди-ка ты их помой, заодно переоденешься в сухое. Спустись вниз... то есть вверх... ну, найдёшь дорогу.

Эдвин поклонился и вышел.

Король Том немного выждал, а потом сказал:

– Вот что, девочка моя. Мы запрещаем тебе видеться с этим Эдвином.

Вдруг каменные своды с глухим рокотом содрогнулись, всё здание угрожающе накренилось и стремительно перевернулось, приняв обычное положение. Происшествие порядком переполошило население замка, но скоро опять всё успокоилось.

– Что ж это такое? – воскликнул король Том, поднимая упавшее кресло. – Скверный денёк, одни неприятности. Ступай, Мелисента, переоденься.

Принцесса, едва сдерживая обидные слёзы, вышла.

– Вы напрасно расстроили Мелисенту, Ваше Величество, – сказала леди Алиса. – Скоро это всё пройдёт, они ведь ещё так молоды! Эдвин совершенно не повредит девочке.

– А если не пройдёт?

– Для этого существуют придворные интриги, – с улыбкой ответила королева. – У вашей бабушки было семнадцать ухажёров, и это не мешало ей быть хорошей королевой и доброй супругой.

В этот момент в королевских покоях появилась леди Эсмеральда. Появилась она ровно так же, как и её сестра, леди Алиса, из ниоткуда. Леди Эсмеральда была рыжеволосой феей с восхитительной причёской и велосипедным рулём на голове.

– Ваше Величество, – она изящно поклонилась, потом кивнула королеве, – привет, сестричка.

Леди Эсмеральда никогда не появлялась случайно, и, значит, теперь у неё было что сказать.

– Придворные интриги не для Мелисенты, не стоит и думать. Послушайте лучше, что я прочту, – в руках у неё возник фолиант почтенного вида, и все трое уселись на кровати.

– Что это у вас? – спросила принцесса, входя в покои. Она успела переодеться.

– Ты очень кстати, детка, – сказала леди Эсмеральда, – садись рядом.

Она уже совсем собралась читать, как вдруг раздалась какая-то песня. Невидимый певец на чём свет стоит поносил короля Тома, и Его Величество сразу же запретил эту песню. Поэтому она здесь не приводится.

– Преобидная песенка, прах побери! – воскликнул в негодовании король.

Самое ужасное было в том, что если эту песенку услышит кто-нибудь из слуг, то вскоре она станет достоянием народа. Простые люди – они, вообще, страшные охотники до всякого рода песенок.

– А ну, подайте мне этого барда! – король Том решительно ринулся за дверь, и королева в великом волнении скрылась следом.

– Какое безобразие! – воскликнула леди Эсмеральда. – Послушай хоть ты, Мелисента.

– Конечно, тётя. Читай.

– Так вот... «Настоящая любовь (Amora Vera) есть особая материя, соединяющая одинокие сердца. Возникновение взаимной любви – это величайшая цель природы. Настоящая любовь – явление тем более ценное, что бывает довольно редко. Следовательно, препятствовать ей – значит, препятствовать природе самым вопиющим образом. И если это противодействие достаточно ощутимо, неизбежно нарушение естественных законов. А таковое сопряжено с перевернутыми замками, с громом среди ясного неба...»

– Ну, дальше неинтересно... И, знаешь, Мелисента, что я подумала? Что вся загвоздка в Его Величестве. У вас с Эдвином настоящая любовь, а король ей... «самым вопиющим образом препятствует».

– Нарушает естественные законы, – вспомнила Мелисента.

– Верно. И что с этим делать, я понятия не имею, король ведь не может перестать быть королем и согласиться на вашу любовь. Но где же он? И Алиса?

Принцесса и леди Эсмеральда вышли за дверь.

Они, конечно, вскрикнули, когда вышли, но, в общем-то, не особенно удивились. Дело в том, что коридор, куда открывалась эта дверь, исчез. Вместо него девушки увидели сумрачную зелень тенистого леса. На просторной поляне прямо перед ними странные юноши и девушки танцевали странный танец. Их одежды, словно сотканые из крылышек мотыльков, призрачно светились. Танцующие смеялись и с весельем восклицали странные слова. Подле них на траве сидел тощий долговязый человек в плаще пепельного цвета и бросал в траву бутерброды: с тарелки, стоявшей рядом, он брал их один за другим и небрежно ронял, а когда все кончались, он собирал их, складывал в тарелку и начинал по-новой.

– А... где король и королева? – спросила растерянно Мелисента.

Танцующие замерли и посмотрели на принцессу.

– Мы все здесь короли и королевы, а, может быть, мы нищие... Станцуем с нами?

– Я... спрашиваю, где мои родители?

– Среди нас их нет, значит, они не здесь. Станцуем с нами?

– Я... – Мелисента смутилась. – Нет...

Тут её окликнул долговязый:

– Не слушайте их, милая принцесса, они сумасшедшие. Я бы прогнал их, но господин Геон их любит.

– Кто? – переспросила девушка.

– Геон Стерлеокен, человек с ясеновой веткой.

– Да, да... Мы, кажется, знакомы...

– Может быть, – согласился незнакомец. – Король и королева сели в карету и уехали. На Край Света.

– Зачем?! – бедняжка Мелисента мучительно простонала. – Они вовсе туда не собирались!..

– Может быть, – долговязый кивнул и бросил бутерброд.

– А что вы делаете? – любопытствовала леди Эсмеральда.

– Я кидаю бутерброды, и они ни разу не упали маслом вниз. Я покорию, я укротил масло. Только маслом вверх.

– Кто же вы такой? – удивилась леди Эсмеральда.

– Я, мои бутерброды и эти сумасшедшие мотыльки – прямое следствие нарушения естественных законов. А ещё тут был один бард – он тоже сплошное нарушение.

– Ой, тетя... – Мелисента уткнулась фее в плечо.

– Ну, ну, детка... – постаралась утешить её леди Эсмеральда, – давай вернёмся.

Они открыли дверь и оказались в королевских покоях.

– Что теперь будет! – протянула Мелисента, без сил падая на кровать.

Внезапно дверь распахнулась. На пороге стоял Эдвин, а за ним снова темнели стены коридора.

– Отныне мои ноги чисты, как горный снег! – вдохновенно изрёк он. – Кстати, тут кто-то оставил бутерброд...

Глава 4

Леди Эсмеральда подала руку Эдвину, который не без трепета её поцеловал.

– Милый мальчик, – улыбнулась фея.

– Да, да, сударыня, – затряс головой Эдвин. – А теперь могу я отскочить от вас?

– Что такое?

– У вас на голове велосипедный руль. Эльф говорил мне что-то, но я не ожидал...

Леди Эсмеральда прыснула.

– Ах, какую ошибку допустила я год назад! Неужели я больше не нравлюсь поэтам и рыцарям? По-моему, я хорошенькая.

– А что, Эдвин, – вмешалась Мелисента, – ты и от меня отскочил бы, будь у меня руль?

– Нет, милая, тогда я любил бы этот руль так же, как твои глаза, но всё равно хорошо, что у тебя его нет. Он сильно смущает.

– Сразу видно, что ты – не мелиадорец, – заметила леди Эсмеральда. – Мало что согласишься в женской красоте. Вот у покойной бабушки Его Величества, когда она носила этот руль, было семнадцать ухажёров, потом их осталось всего одиннадцать. У меня, конечно, меньше воздыхателей... Впрочем, я заболталась, да, ты можешь от меня отскочить.

Однако из вежливости Эдвин только чуть посторонился.

– Итак, – заключила фея, – нам нужно вернуть родителей Мелисенты, а потом, может быть, удастся решить, что делать с вами двумя.

– Но ведь король и королева... на Краю Света, – растерялся Эдвин, – как же мы их вернём?

– Разумеется, сами отправимся на Край Света. Я, правда, не знаю, как это устроить, но, думаю, мой старый учитель волшебник Серкамон нас непременно выручит. Он живет на Дурной Горке.

– Тогда идём? – вскочила Мелисента. Она очень любила приключения с волшебниками.

Они вышли из ворот замка, спустились в низину, где раскинулась ясеневая роща, и вскоре оказались на Дурной Горке. На вершине не было ничего, кроме старого лохматого дуба и побитого ветрами жилища Серкамона. Сам волшебник спал на дереве, на самой толстой ветке. Леди Эсмеральда встала под ней и осторожно подёрнула за край хлямы, в которую был закутан колдун. Сопение прекратилось, и сверху раздалось изумлённое бормотание.

– Как это я здесь оказался? – волшебник осторожно слез с дерева. – Мда... Не иначе, опять странствовал во сне. Ну, это ещё ладно, я, помнится, однажды проснулся где-то среди вечных льдов. Так, так...

Он нацепил очки на свой острый нос и уставился на девушек и Эдвина. Глаза Серкамона были древние и мудрые, а нижнее веко на правом глазу немножко дёргалось, что придавало его взору некое таинственное выражение. Он снял очки и всем телом покосился в церемонном поклоне.

– Вашу ручку, милая принцесса, – скрежетнул он, не распрямляясь.

Мелисента неохотно протянула ему руку. Волшебник взял ладонь принцессы и принялся с довольным видом её обнюхивать.

– Как дивно пахнет ваша кожа, прелестная Мелисента! Разрешите понюхать вашу шейку? – он поднял на неё правый дёргающийся глаз (левый скрывала косматая бровь).

– Не вздумайте! – взвизгнула Мелисента и отдёргнула руку. – Меня это очень раздражает, знаете ли.

Серкамон достал из спутанных волос жучка и сунул его в карман.

– Не хотите как хотите, – пробормотал он. – Впрочем, дайте, я хотя бы поцелую вашу ручку, вы её довольно стремительно отдёргнули.

Мелисента, чуть кривя губы, исполнила его просьбу.

Потом чародей потребовал руку леди Эсмемальды и долго любезничал с нею.

А Эдвину сказал, чтобы не давал руку

– Я и не собирался, – ответил юноша.

– Ну что ж... – Серкамон поддёргал себя за кончик носа, – идёмте в дом, друзья.

Жилище его было пыльное и неудобное. На жерди под потолком сидел сокол и хищно щурился на гостей

Неожиданно старые часы в сумрачном углу пробили час дня.

– Ах, проклятье! – Серкамон выругался всердцах. – У меня в это время начинается насморк

И точно: он стал отчаянно чихать и шуметь носом. Волшебник кинулся к полкам, висевшим на стене, и стал судорожно перебирать скляницы на них. Наконец он отыскал нужный пузырек и влил из него по две капли в каждую ноздрю.

– И что, помогло? – спросила леди Эсмемальда.

– Да, с тех пор, как в Мелдоре бушевала страшная эпидемия насморка, никто так и не придумал средства лучше, чем это.

– А что за средство?

– Слёзы девственниц, я использую их как капли для носа. Так что у вас?

Мелисента рассказала обо всём, что случилось с утра и зачем они пришли.

– На Край Света? – переспросил Серкамон. – Это, пожалуй, нетрудно. Поцелуйте-ка своего друга, Ваше Высочество.

Эдвин мысленно отметил, что волшебник рассудил как нельзя более мудро.

Принцесса приблизилась к юноше и, приподнявшись на носочки, поцеловала его.

Тут же поднялась неразбериха: книги по чёрной и белой магии превратились в летучих мышей и стали носиться под потолком; волшебников сокол не вынес этого и вылетел в окно. Неожиданно в дверях возник не кто иной, как Геон Стерлеокен, Человек с Ясеновой Веткой.

– Четыре фунта отборнейших чудес?! – вскричал он. – Пожалуйте, принцесса!

С этими словами он дунул изо всех сил, Мелисенту подхватило, закружило в сверкающем вихре, и бедняжка потеряла сознание.

Очнулась она на незнакомой ей поляне. Принцесса полежала чуть-чуть, не двигаясь, а затем приподнялась на локтях и взглянула на траву. Под ней во множестве рос четырехлистный клевер.

Мелисента встала и оглянулась.

В стороне между двумя невысокими деревьями был натянут гамак, на котором лежал престарелый рыцарь и пускал через соломинку мыльные пузыри.

Вот, отложив соломинку свою, к принцессе рыцарь подошел с улыбкой:

– Я рад, что вы очнулись, добрый день, – он молвил и изящно поклонился.

– Добрый день... – отвечала растерянно Мелисента. – А где я?.. и где Эдвин? И тетя Эсмеральда? Где волшебник Серкамон?

Со вздохом горьким рыцарь отвечал:

– Увы, я огорчить вас буду должен, но Эдвина дракон ужасный съел, и помешать ему я был не в силах. Сейчас я вам поведаю о том, что видели глаза мои сегодня, о том, как в битве храбрый Эдвин пал, схватившись с огнедышащим драконом. Я мимо шёл. Вдруг слышу: что за шум? Гляжу: в бою неравном погибает отважный воин, тот, о ком теперь вы слёзы льёте, милая девица. Воскликнул я тогда: «О горе мне! Клянусь, что я пришёл бы вам на помощь, когда бы не боялся как огня ужасных и чудовищных драконов». Ответил Эдвин: «Право, пустяки! Ступай же с миром, рыцарь благородный, да поскорее! Знаешь ли, дракон опасен очень, ежели голодный!» Я внял совету мудрого бойца, решил покинуть поле страшной битвы, но тут я увидел, что на траве лежала беззащитная девица. То были вы. Я на руки вас взял и перенес сюда, здесь безопасно. Потом вернулся я назад и видеть мог исход печальный этого сраженья.

Об остальных мне неизвестно ничего. Я горько сожалею вместе с вами; едва ли в мире этом где-то есть такой, что был бы Эдвина достойней.

На том окончил рыцарь свой рассказ, и слёзы потекли ручьем из глаз.

Мелисента безудержно рыдала, обхватив голову руками, то громко, как плачет дитя, то вовсе беззвучно.

– Неужели... неужели я больше никогда не увижу Эдвина!.. Почему вы не помогли ему, рыцарь? О Эдвин, о мой любимый!..

Меж тем стенанья рыцарь прекратил и поглядел с упреком на принцессу:

– Пожалуй, вам не стоит так рыдать – кого из нас однажды не съедали?

Девушка утихла и, отерев краешком платья влажные глаза и щёки, спросила:

– Что вы имеете в виду? Неужели вас съедали драконы?

– Ну что вы! Я к драконам не ходок! – ответил рыцарь, замахав руками.

– Но, помнится, в июле как-то раз я съеден был морским ужасным змеем. И после не однажды я бывал в желудке у чудовищных улиток. Не пожелал бы этого врагу – настолько это было неприятно.

– Но... – Мелисента не верила своим ушам. – Но вот же вы стоите передо мной... как же это может быть, если вас столько раз съедали?

– Не знаю даже, что ответить вам... Какая, право, детская наивность! Ведь тут у нас куда как не всегда приходит осень за угасшим летом. И после кружки выпитой вина пробьёт едва ли пьющего икота. А если съел тебя нечаянно дракон, не значит это, что сыграл ты в ящик.

– А что же это значит, если съел тебя нечаянно дракон? – спросила Мелисента, немного успокоившись.

Пожав плечами, рыцарь отвечал:

– А шут его поймёт, что это значит... Я не знаток естественных наук и вряд ли вам отвечу достоверно. Когда меня сожрали в первый раз, я стал деканом университета, зато мой конь – эх, славный был скакун! – так он в гамак дырявый превратился.

– Неужели в гамак? – не поверила девушка. – Вы меня не обманываете?

– Ну вот ещё! Какая мне нужда? Я честен и невинен как младенец! – с досады рыцарь даже побледнел, похоже, он ужасно разозлился.

Впрочем, Мелисента была слишком очаровательна, чтобы на неё долго сердиться, поэтому, не успела ещё девушка попросить прощения, а рыцарь уже был готов извинить её.

– Простите, я вовсе не хотела вас обидеть, просто я... просто...

– Ну что вы! – рыцарь мигом подобрел. – Забудем наши старые обиды. И, кстати, если мне не лгут глаза, идёт ваш Эдвин вон по той дороге.

И точно: к ним приближался Эдвин, такой же живой, как и босоногий.

– Ах, Эдвин! Мой милый Эдвин! – радостно воскликнула принцесса и бросилась ему навстречу. – Мы будем танцевать и целоваться!

Она прильнула к нему, хотела поцеловать, но Эдвин, вдруг побелев, сжался как пружина и выпрыгнул из её объятий в совершенном ужасе.

Юноша стоял, взбешенный и оторопевший, и нервно отряхивался.

– Ты что это? – он глядел на Мелисенту во все глаза.

– Нет, это ты что? – спросила она с обидой и досадой.

– Я-то ничего, – ответил Эдвин. – Шёл себе дорогой, а ты – прыг! – и обняла. Сколько любви! Сколько любви! – сокрушенно качал он головой, продолжая отряхиваться.

– Ты зачем это делаешь? – Мелисента кивнула на его движения.

– Да ты сама посмотри! Осыпала меня любовью с ног до головы! Ты её просто источаешь.

– Правда? – принцесса провела пальцем по платью и поднесла к глазам, потом лизнула. – Это любовь, да?

– Да, вот именно. Не надо меня так больше...

– Ты что же, меня разлюбил? – Мелисента стала медленно падать, так что рыцарь успел подхватить её.

– Любовь очень вредна, милая. Мир так безумен, что нужно быть очень мудрым и учёным, чтобы сохранить хоть чуточку рассудка. А когда сердце любит, мозги не варят.

– Думаешь, ты это очень мудро сделал, когда выпрыгнул из моих объятий? – девушка смахнула слезу.

– Иначе я мог бы снова потерять голову, а я очень дорожу своим разумом.

– Больше, чем моей любовью? Ты же... как ты можешь...

– Да пойми, Мелисента, любовь скоро оставит наши сердца, и, чем сильнее мы любим теперь, тем большими врагами станем потом, когда образумимся.

Мелисента достала носовой платок, весь пропитанный её любовью, и бросила в Эдвина. Тот ловко увернулся, и принцесса расплакалась

– Да что с тобой случилось?

– Ничего.

Но тут вмешался рыцарь, возразив:

– А вот и нет, случилось очень даже. Такое дело: съел его дракон, и он с того весьма переменялся. Девуцу гонит прочь от сердца – ему любовь не слаще перца

Тут на небе точно кто-то пролил чернила – разом нахлынула ночь. Зажглась луна, потом ярко вызвездило.

Принцессе тихо рыцарь пояснил:

– Смеркается у нас довольно быстро. И мне пора: я на ночь должен спеть сынишке колыбельную. Прощайте!

– Подождите, рыцарь! Во-первых, благодарю вас: вы спасли принцессу от дракона, а во-вторых... что мне делать?

– Пойдите вы на западо-восток, а, впрочем, можете пойти на юго-север. И господин Геон поможет вам – его узнаете по ясеневой ветке.

Ей рыцарь доброй ночи пожелал и в ночь, гремя доспехом, зашагал.

Мелисента успела увидеть, как в зарослях засветились два жёлтых глаза, а потом дракон одним прыжком оказался возле рыцаря и проглотил его. Всё-таки проглотил.

Дракон принцессе ласково сказал:

– Любовь преодолет злые чары. Возможно всё здесь, на Краю Земли, – и нежно улыбнулся ей из мрака.

– Мне бы вашу уверенность, – пробормотала Мелисента, глядя вслед удаляющемуся дракону.

– Пожалуй, сынишка рыцаря уснёт нынче без колыбельной, – сказал Эдвин. – Ну, пойдём... куда-нибудь. Только не подходи слишком близко, я должен сохранять ясность мысли.

– Пошли... Неужели мы, правда, на Краю Света?

Глава 5

Они шли и молчали. Принцесса была горда и холодна, но Эдвина это не трогало, ему хватало видеть её лицо и слышать её шаги. Естественные законы природы рухнули, и вокруг творилось странное и дикое волшебство. Наконец Мелисента сдалась, она глядела Эдвину прямо в глаза, и тот смущённо краснел. Она шептала ему что-то на ухо, юноша закрывал лицо руками, вдыхал и позволял ей целовать себя. Она целовала, а он сквозь зубы твердил спряжения латинских глаголов, чтобы не утратить рассудок. Потом он стал всё путать, и тоже сдался. Среди тьмы исковерканной природы забрезжил свет.

Уже начинало светать, когда произошло то, что всегда бывает в конце пути: они пришли. Принцесса и Эдвин остановились перед цветущей лужайкой и замерли. Лужайка была ярко освещена факелами и серебряным сиянием светлячков. Девушка и юноша увидели огромный стол, на котором дымилась еда и искрилось вино. За столом сидели люди со счастливыми лицами, и среди них были король и королева, леди Эсмеральда и волшебник Серкамон, который показывал весёлые фокусы. Вокруг танцевали странные юноши и девушки в прозрачно-призрачных одеждах. Слуги поспешно разносили в кувшинах вересковый мёд и птичье молоко.

А во главе стола сидел мальчик с венком на голове и ясеновой веткой в руках. За ухом у него торчало гусиное перо, и, когда он улыбался, перо чуть приподнималось. «Это Геон Стерлеокен!» – догадалась Мелисента, хотя до этого Человек с Ясеновой Веткой появлялся лишь в облике старика. Он первый заметил подошедших Мелисенту и Эдвина.

– Наконец-то вы пришли, друзья! Сюда, к нашему столу! – он махнул им рукой. – Вина!

– Моей дочери нельзя вина! – возмутился король. – Ей девятнадцать лет!

– А моему вину всего пятнадцать, – возразил господин Геон. – Садитесь, садитесь!

Они несмело присели по обе стороны от Геона Стерлеокена. Мальчик пах волшебством – странным запахом осенней ночи, клопов и вина. Он весело поглядывал то на Эдвина, то на Мелисенту карими глазами и хитровато улыбался.

– Все довольно странно, да? – спросил он, наконец.

– Да, да, – горячо зашептала Мелисента. – Кто вы такой? И почему они все так говорят?.. так особенно... почти стихами?.. И...

– И что делать вам с Эдвином? – догадался мальчик.

– Да, да, – она закивала, хотела ещё что-то сказать, но не сказала.

– Я тот, кто заварил всю эту кашу, которая называется «Сказками королевства Мелдор», – сказал Геон Стерлеокен.

– Какую кашу вы заварили? – переспросил Эдвин. – Я просто немножко проголодался и вовсе не откажусь от тарелочки каши...

– Видишь вон то дупло? – мальчик указал Эдвину длинным пальцем. – Можешь достать оттуда всё что угодно, – и потом снова повернулся к Мелисенте. – А тут, на Краю Света, где всё возможно, я живу. Многих смущает, что здесь часто происходит не то, что должно, но это как раз и есть самое весёлое. А говорить здесь можно и обыкновенно, но это не так забавно, верно? В общем-то, это моя прихоть. А что до вашего последнего вопроса... не волнуйтесь, сегодня мы будем веселиться, а всё разрешится само собой, обещаю.

– Подвиньтесь, сударь, – сказал Эдвин, держа на подносе торт с ананасовым кремом. – Мне нужно поставить вот это.

Геон Стерлеокен легонько ударил по столу веткой, и стол по волшебству сделался шире. Эдвин поставил торт и улыбнулся из-за него Мелисенте:

– Давай его вместе, а?

Девушка с восхищением поглядела на торт, а потом на Геона Стерлеокена – с сомнением и тревогой. Но тот только повторил:

– Я вам обещаю.

И пирушка потекла дальше и даже веселей. Леди Эсмеральда кокетничала с каким-то рыцарем, а тот показывал ей записную книжку, куда записывал свои подвиги. Её королевское Величество Алиса смеялась фокусам Серкамона, и лишь король Том бдитительно и хмуро следил за дочерью и Эдвином. Они же были просто счастливы, глядя в глаза друг другу. Торт их таял со всех сторон – всё меньше и меньше – и вот остался маленький кусочек. Они тянутся к нему, и вдруг их глаза и губы встречаются, и происходит то, что произошло бы гораздо раньше, окажись они наедине.

Они целуются.

– Ого! – Его Величество грохнул кулаком по столу. Обнаружив совершенное владение искусством не то дзюдо, не то айкидо, король Том многократным кувырком перемахнул через стол; оказавшись рядом с Эдвином, он схватил его за ухо и сложным приёмом опрокинул в траву. Леди Алиса хотела удержать супруга, но было поздно: так естественные законы природы ещё не попирались. Тающая ночь всколыхнулась, сгустилась, светлячки погасли, и лес вокруг замолчал, замолчали и за столом.

Его Величество, угрюмо сопя, хотел объявить всех трусами, потому что это всё ничего страшного, но вдруг выяснилось, что он напрасно так думал.

Из мрака вырвался чёрный конь со зловещим наездником в седле. Седок был в чёрном плаще – больше никто ничего не успел заметить. Это был человек ночи и тьмы.

Конь вдруг встал на дыбы прямо перед испуганной Мелисентой, всадник нагнулся, схватил девушку и понёсся прочь. Эдвин вскочил на стол, на миг замер, а потом рванулся вперёд. Геон Стерлеокен превратился в серого коня, и Эдвин прыгнул прямо в седло. Они бросились в погоню.

Человек с Ясеновой Веткой оказался хорошим скакуном и вскоре нагнал врага, так что две лошади шли ноздря в ноздю. Эдвин оказался плохим наездником и свесился на шее своего коня, так что голова юноши очутилась рядом с мордой чёрного коня.

– Извините, – сказал он несмело и несколько неловко, потому что, когда висишь на шее скачущей лошади, беседовать трудновато. – Извините, – сказал он лошади врага, – я бы, несомненно, убил вас, но я безоружен и слегка неуклюж.

Чёрный конь промолчал, потому что если ты – скачущая лошадь, разговаривать тоже неудобно.

– Так вот... – продолжал Эдвин. – Я очень прошу вас... остановитесь... Видите ли, ваш наездник похитил девушку... она принцесса, и я её очень люблю... Она мне нужна больше, чем вода и воздух!

Конь врага повернул свой большой глаз к Эдвиному, но промолчал. Всадник в чёрном захохотал и пнул юношу сапогом

– Ох! – воскликнул Эдвин. – Сударь, сударь, – сказал он чёрному коню, – остановитесь, я больше не могу... Понимаете, я просто не смогу жить без неё... Неужели вы не чувствуете, как она прекрасна?

Эдвин заплакал:

– Жаль, что вы не видите её лица... вы бы сжалились...

– Неужели... – вдруг заговорил чёрный конь, – неужели так прекрасна?

– О да! Я люблю её так, что позабыл всю латынь...

– О!.. – протянул конь. – Я... право... Ну да что уж!

Чёрный конь фыркнул и остановился. Конь – Геон – тоже. Эдвин свалился на землю и горячо поблагодарил чёрного коня. Всадник в плаще вонзил тому в бока шпоры, но конь не сдвинулся с места. Тогда всадник соскочил на землю и опустил рядом Мелисенту. Глаза её были закрыты, а лицо горестно и тревожно.

Эдвин, шатаясь, поднялся и огляделся. Они оказались на самом Краю Света. Футах в шести не было ничего, кроме темноты. Где-то там, внизу, шумело Заокраинное Море, полное неизвестных и таинственных чудовищ.

Чёрный человек достал из ножен меч. Эдвин не видел его глаз и лица, но чувствовал, что тот зло улыбается. Юноша с прискорбием отметил, что безоружен. Впрочем, он всё равно не умел фехтовать.

– Сударь, подождите... Можно, я отнесу Мелисенту к дереву? Чтобы кони не затоптали её, испугавшись сражения...

Чёрный всадник при слове «сражение» саркастически рассмеялся, но согласно кивнул головой.

Юноша нежно поднял девушку и, отнеся её подальше от края, прислонил к дереву. Она медленно приходила в себя.

– Я люблю вас, Ваше Высочество, – прошептал Эдвин, – простите.

– Ещё одну секунду, – сказал он противнику, суетливо обшаривая карманы.

– Ах, вот оно! – он достал клочок серой бумаги и сломанное перо с чернильницей. Секунду!.. я только запишу сонет, я... сочинил его для неё... Вот...

Юноша стал торопливо писать, потом стиснул перо зубами:

– Проклятье! Никак не вспомню последний терцет! Да и рифма так себе... Эх, ну и шут с ним! – он скомкал бумагу и с досадой выбросил её.

– Как будто, больше ничего...

Юноша поднялся, бледный и растерянный, и повернулся лицом к врагу. Вздохнул, а потом бросился на чёрного человека и, сцепившись с ним, прыгнул во тьму за Край Света. Мелисента коротко вскрикнула, поняв, что произошло, и с рыданиями упала в траву.

Глава 6

Из мрака раздался далёкий всплеск. Потом всё надолго стихло. Геон Стерлеокен принял свой прежний вид и, подойдя к Краю Света, стал всматриваться куда-то во тьму, лишь два раза оглянувшись на Мелисенту. Вскоре к ним, взволнованные и испуганные, вышли все остальные. Увидав бедняжку Мелисенту и не увидав Эдвина, они с тревогой и недоумением

воззрились на Геона Стерлеокена. Тот кивнул во тьму со странным выражением лица. Горше всех заплакал король Том. Впрочем, разве он был виноват, что оказался королём и отцом Мелисенты? Чёрный конь увидел, как Мелисента прекрасна, и тоже плакал.

На Краю Света никак не рассветало, и даже трава затихла в тоске.

– Вы помните, прекрасная Мелисента, – сказал вдруг Мальчик с Ясеновой Веткой, – что на Краю Света редко происходит то, что должно, а происходит то, чего не должно... Взгляните туда, – он указал рукой во тьму.

Среди вечной заокраинной ночи что-то белелось. Это был воздушный шар.

«Что это?» – хотела воскликнуть Мелисента, но, обессиленная, не смогла. Правда, Геон всё понял.

– Только не теряйте сознания... – с улыбкой сказал мальчик. – Хорошо? Тогда позвольте представить... Принцесса, мужайтесь, вы обещали... Его Босоногое Величество принц Эдвин!

Шар меж тем приблизился и опустился. Из гондолы выпрыгнул Эдвин. На его голове сверкал венец, а на плечах был серебряный плащ, и его босые ноги понесли юношу к Мелисенте. Она сидела, оторопев, и смотрела на Эдвина, на то, как он блестит и сияет.

– Эдвин... – пролепетала она, протягивая к нему руки.

– Это я, – он улыбнулся. – По правде, я-то даже не думал, что всё так обернётся... Я только хотел уберечь тебя, а... бросился в Заокраинное Море – и стал принцем. Мой замок и мои земли совсем недалеко от Мелдора. Теперь мы... давай поцелуемся? Теперь ведь можно...

Она кивнула, и король Том сам благословил их.

– Как ловко все устроилось! – он обнял королеву и заплакал – теперь от счастья. – Я благословляю вас, дети! Эдвин, мальчик мой, клянусь, что отныне ты самый желанный зять! Разумеется, вам нужно подрасти, но потом...

Но тут Геон Стерлеокен взмахнул ясеновой веткой, и девушка с юношей остались наедине. Они сидели на самом Краю Света, свесив вниз ноги, и целовались. Вдруг туфелька с ноги Мелисенты соскользнула и упала в пропасть. Принцесса взглянула на Эдвина, улыбнулась и сбросила вторую туфельку. Они хотели снова поцеловаться, но тут порыв ветра бросил девушке на колени сорванный цветок – тот самый, что Эдвин подарил Мелисенте в Поющем Лесу.

– Он несколько не увял, – сказала Мелисента, вплетая его в волосы.

– Он, наверно, никогда не увянет, – ответил юноша и вздохнул.

– Что такое?

– Ничего. Вспомнил, как нелегко мне было босиком любить принцессу...

– А как нелегко было этой принцессе любить голодного студента, – вздохнула с улыбкой девушка.

Эдвин помолчал, а потом прошептал:

– Любовь не для слабаков.

Он сказал ей ещё что-то, а она ему что-то ответила, но это уже не наше с вами дело, верно? Поэтому тихо – умоляю, тихо! – прощаемся. А я

пойду, пожалуй, поброжу. Впрочем, если я вам понадобится, вы меня найдёте, меня легко узнать по ясеневой ветке.

Надежда КАЛАШНИКОВА

Мечта дракона

По воде бежит рябь, переливаясь под солнцем. Закутанная в серый плащ фигура стоит, укрываясь среди буйства зелени, и наблюдает за девушкой, сидящей на кромке берега.

Руки её не знают покоя – теребят подол платья, перебирают мелкую гальку под ногами... или просто сжимаются в замок до побелевших костяшек. Им бы обнимать золотой изгиб арфы, касаться натянутых, как тетива, струн в поиске мелодии – грустной, восторженной ли, но всегда проникающей в самое сердце...

– Почему же ты не играешь, менестрель?.. – кажется, спрашивает ветер, ласково треплющий светлые волосы девушки. – Почему?.. – чудится, шепчутся листья в высоких кронах, порой отпуская своего собрата в полёт, и тот, кружась, приземляется ей на колени, словно стараясь утешить. Но сухи серые, как осеннее небо, глаза, обращённые вдаль, и покинули их прежние задорные искорки.

– Ветер, ласковый ветер, – едва слышно шепчут губы, словно не хотят отпускать на волю печаль даже в одиночестве. – Мою госпожу унёс дракон... Долго ли мне ещё ждать её возвращения? Я бы играла в ожидании, но проклятый ящер унёс и мою арфу... И с тех пор не находят применения руки, и скована молчанием душа...

Фигура в плаще также неслышно отступает назад. А серые глаза закрываются, и словно наяву встаёт тот день перед арфисткой...

Солнце пронизывает королевский сад, и зелень листвы плещется в его лучах, радуясь погожему дню. На резной скамейке под распустившимся кустом белых роз сидит девушка с точёным гордым профилем. Голубое одеяние её расшито золотыми нитями, и золотой же обруч охватывает тёмные волосы.

– Эхеан, ты снова навеваешь тоску!.. – капризно обращается она к другой девушке, наигрывающей на арфе печальную музыку. – Сыграй что-нибудь весёлое наконец!..

Пальцы арфистки замирают над струнами, последний протяжный аккорд всё ещё длится...

И обрывается внезапным рёвом, от которого тёплая кровь холодеет. Солнце меркнет, перекрываясь громадным крылатым телом. Зелёная чешуя искрится и переливается. Дракон, круша деревья и клумбы, опускается рядом и, сверкнув янтарными глазами, рокошет:

– А! Тебя-то мне и надобно, королевская дочка!.. – и тянется к ней лапой с кривыми когтями; каждый – величиной с ладонь. Принцесса,

опомнившись, поднимает визг. От дворца уже торопится стража с мечами – но чем броне страшна сталь?..

Менестрель же, заслонившая собой принцессу, не имела и её. Так нелепа фигурка в сером платье, что пытается закрыть от дракона его добычу...

– Думаешь, сумеешь мне помешать? – смех вырывается из пасти вместе с язычками пламени, и один из них опалает Эхеан.

Принцесса замолкает – от неожиданности. Райнен Великолепная привыкла, что ловят её каждое слово и повеление, но от застенчивой арфистки не ждала подобного поступка.

Кричавшую и потрясавшую железом стражу отделяет от девушек шагов пять. Дракон не ждёт, пока те их преодолеют: вытянув левую лапу, подхватывает принцессу и разводит за спиной крылья.

...Уже поднимаясь в воздух, другой лапой он цапнул из рук Эхеан музыкальный инструмент – её арфа была покрыта золотом

В сумраке пещеры вспыхивают искрами драгоценности, грудями сваленные повсюду. Изобилие сокровищ ошеломляет даже Райнен, хотя к золоту принцессе не привыкать.

– И всё-таки: зачем я тебе? – спрашивает она, когда понимает, что есть её или заживо сжигать никто не собирается. – Почему драконы с таким упорством стремятся заполучить принцессу?..

Оглядевшись в поисках места, куда можно присесть, Райнен устало опускается прямо на кучу золотых монет: они также холодны, но хотя бы не колются.

– Это я сам хотел бы знать, – грустно отвечает чудовище. Положив голову на передние лапы, ящер задумчиво рассматривает пленницу. – Драконы всегда воруют принцесс и создают огромные запасы сокровищ. Я не знаю, почему они так поступают, но раз я дракон, – тяжёлый вздох проносится по пещере, – то надо соответствовать...

Принцесса осторожно произносит:

– Ты... как будто не рад быть драконом?..

Чудовище снова изрыгает пару язычков пламени. Усмехается?..

– Я был человеком. А как-то раз... поигрался с амулетом одним удачно... – дракон отводит взгляд. – Кстати, меня зовут Зольтах.

Райнен немного смущена: мужчина, судя по голосу – молодой... может, ещё и красивый... Она опускает голову, надеясь, что в полумраке тот не заметит её внезапного румянца.

– Колдунью просил я вернуть мне прежний облик... Она засмеялась и ответила, что человеком меня обратно сделает только человек. А кто, как и, главное, когда – не сказала...

Юноша-садовник занят привычным делом: подравнивает кусты белых роз – они вот-вот должны распуститься. Выдирая малейшие сорняки вокруг, снимая с колючих стеблей гусениц, любясь набухшими нежными

бутонами, Зольтах счастлив. Ему недавно доверили возделывать сад при дворце, и он всеми силами хочет здесь удержаться.

Внезапно что-то нестерпимым блеском вспыхивает в зарослях, и юноша наклоняется разглядеть, что же это. Золотой медальон на цепочке, на крышке – гравировка в виде трёх язычков пламени... Измазанные в садовой грязи пальцы вертят его – и медленно надевают на шею. Жаль, рядом нет зеркал – взглянуть, идёт ли ему дорогая вещь.

...На закате, собираясь домой, Зольтах вновь разглядывает находку – и обнаруживает, что у медальона откидывается крышка. Он уже почти надавил на неприметную защёлку, как вздрогнул от властного голоса:

– Откуда у тебя эта вещь?! Немедленно отдай!

Король Вернес Могучий, кажется, объят пламенем: закатное солнце садится за его спиной, и взглянуть ему в лицо, не жмурясь, невозможно. Не обращая внимания на требовательно протянутую руку, Зольтах возмущается – в мыслях – ведь это он нашёл медальон! Нечего разбрасываться вещами, если они вам дороги, Ваше Величество!

...Негромкий щелчок – и громкий треск ломаемых деревьев. Цепочка, разрываясь на шее дракона, вместе с амулетом улетает далеко в кусты.

Серое платье прячется под покровом серого же плаща. Босые ноги разгребают дорожную пыль – тоже серую. Мир утратил краски, сузившись до единственного мышинового цвета.

...Дракон унёс принцессу четыре месяца назад. Король бросил клич о награде за её освобождение, и вереницы рыцарей потянулись к Клыкастой горе. Ни один из них не вернулся.

Сначала Эхеан терпеливо ждёт, когда Райнен вернётся, – так дитя ждёт ушедшую мать, прежде чем разразиться беспомощным в своём отчаянии криком. Но дни идут, а нет и намёка на возвращение принцессы.

Она пытается играть – но чужой инструмент остаётся чужим. Струны не слушаются, гриф холодит ладони и душу, мелодия не ложится на сердце. Ни изукрашенные изумрудами и рубинами – ещё более роскошные, чем её золотая арфа, – ни обычные деревянные не льнут к рукам.

На рассвете, не оглянувшись, королевский менестрель покидает дворец.

...Эхеан нашла ту арфу в пять лет где-то в бездонных недрах дворца. С трудом проволокла её по переплетению коридоров к себе – и больше не желала с ней расставаться. Сверкающая, как солнце, даже в самый пасмурный день, она стала продолжением рук и души менестреля, отогревая в ненастье и добавляя блеску праздничным дням. За полтора десятка лет она сроднилась с арфой настолько, что не представляла себя без неё.

Как и без Райнен.

Девочке десять лет, но выглядит она куда младше. Как загнанный и измученный зверёк, пугливо жмётся она в тень коридора. Тощий мальчишка в яркой крикливой одежде наступает на неё и, наслаждаясь происходящим, выкрикивает:

– И не смей больше ходить здесь! Тебе тут нечего делать... ты выродок, тебе место на конюшне, с лошадьми и конюхами!

Лицо мальчишки перекошено, он захлёбывается слюной, утверждая силу над девочкой, за которую некому вступиться.

Некому?..

Маленькая, но хлёсткая ладошка с размаху впечатывается в наглую физиономию. Мальчишка разворачивается, готовый втоптать обидчика в мраморный узорный пол... и, отпрянув, растеряно бормочет:

– Ваше Высочество... простите...

Шестилетняя девочка с золотым обручем на голове презрительно окидывает его взглядом и велит убираться. Что тот и исполняет со всей поспешностью. А Райнен произносит, обращаясь к Эхеан:

– Если тебя ещё кто посмеет обидеть – сразу говори мне. – Голубые глаза не по годам серьёзны.

Эхеан, не веря, смотрит на принцессу – и на протянутую в дружеском жесте руку. Вспоминая что-то из подсмотренных церемоний, внезапно она опускается на одно колено и, целуя детскую ручку, говорит:

– Моя госпожа, я клянусь служить вам в горе и в радости, и быть с вами всегда рядом... если можно.

– Хорошо, – важно соглашается Райнен. И через секунду, превращаясь из королевской особы в ребёнка, с любопытством спрашивает: – А как тебя зовут?..

Шум, лязг металла. Что могло стрястись тёмной ночью? Принцесса встревожено приподнимается на ложе из вереска, который принёс ей Зольтах.

Дракон лениво поворачивает морду и приоткрывает левый глаз. Потом правый. Горячий вздох вихрем проносится по пещере:

– А... опять... Но почему обязательно ночью-то?! До утра подождать удержу нет?..

– Куда ты? – испуганно спрашивает Райнен вслед выползающему наружу ящеру.

– Гостей встречать дорогих, – ехидно бросает тот, не оборачиваясь.

...У подножия горы спешившийся рыцарь колотит снятым шлемом по щиту – и по собственным доспехам. Столь самозабвенно, что даже не сразу замечает плавно опустившегося рядом дракона.

– И чего шумим? Чего тишину нарушаем? – зевая во всю пасть, вопрошает тот.

– Я пришёл сразиться с тобой! И освободить прекрасную принцессу Райнен Великолепную!

– Так прекрасную или великолепную? – уточняет дракон. – А я-то думал, что полкоролевства хочешь...

Рыцарь водружает шлем на голову и на пробу рассекает мечом воздух.

Дракон снова неудержимо зевает и, тряхнув гигантской головой, заявляет:

– Хочешь принцессу? Забирай, пожалуйста. У меня лишь одно ма-а-а-ленькое условие. Верни мне человеческий облик.

– Так ты не дракон? – от недоумения рыцарь опускает меч. – Но я же не колдун, откуда я знаю, как тебе расколдоваться?

Зольтах вздыхает и – в который уже раз – повторяет:

– А меня и должен расколдовать обычный человек...

Рыцарь пожимает плечами... но внезапно вспоминает собственное детство...

Рыжий огонь в камине тёплыми неровными бликами освещает комнату. Он создаёт уют – и одновременно заостряет до предела темноту за окном и за приоткрытой дверью. Что за чудовища прячутся во мраке?.. Мальчик лет семи теснее прижимается к сидящему рядом человеку, чья голова давно побелела – от возраста и от пережитого.

– Дедушка, а почитай мою любимую, про храброго рыцаря Рамадана и Синего дракона...

Дед слегка усмехается:

– А прекрасную принцессу Лириен ты, значит, не уважаешь? Напрасно...

– и, получив в ответ нетерпеливый жест, спокойно продолжает: – Тогда иди и принеси мне книгу.

Ромел втягивает голову в плечи. Идти за книгой – туда, к чудовищам, в темноту... Не утешает даже то, что можно взять тройной подсвечник с зажжёнными свечами.

– Так что же, Ромел? Ты хочешь быть похож на Рамадана? – отчаянный кивок. – Тогда тебе нужно сразиться со своим личным Синим драконом. Иди и возьми книгу. Посмотри в глаза своему страху.

Прерывистый вздох подозрительно напоминает всхлип. Но дед как будто этого не замечает и вкладывает в детскую руку подсвечник.

Ромел поднимается и, сделав два шага к двери, вновь застывает.

– Иди навстречу страху. Так делал Рамадан. Так можно перестать бояться. Так станешь человеком.

Ладони противно покалывает, исцарапанные коленки чудом не подгибаются. Рубеж преодолен: комната осталась за спиной... И, разлившись, Ромел внезапно идёт не в соседнюю, куда ему нужно, а в чернеющий угол коридора, высоко подняв над головой подсвечник. Где там эти чудовища, пусть уже выходят наконец!..

И долго стоит, пытаясь осознать, почему никаких чудовищ там не оказалось.

Когда он протягивает наконец книгу, дед, не глядя, кладёт её на колени и повторяет:

– Так становятся человеком...

Дорога делает поворот, и за стеной деревьев не видно, что за ним. Лишь слышен топот копыт. Эхеан отступает с тропы на луг – а то ещё затопчут с разбегу.

Породистый конь. Хороший меч. Доспехи – так себе, обычная медь, но прочная. Рыцарь не самый знатный, но толк в своём деле знает.

– Эй, красавица, куда направляешься? – всадник, придержав коня, разглядывает незнакомку. – Может, подвезти?..

Острый взгляд серых глаз обжигает сильнее пощёчины:

– Ноги пока целы.

Девушка торопливо скрывается за поворотом, надеясь, что всадник тоже двинется своей дорогой. Не тут-то было. Спешившись и быстро ведя коня под уздцы, он говорит в спину Эхеан:

– Я зла тебе не желаю, не вор и не насильник. Но тропа эта ведёт к логову дракона – а дальше тупик. Я сам оттуда возвращаюсь. Может, ты сбилась с дороги, так помогу выбраться.

Менестрель оборачивается. Светлая прядь выбивается из собранной вокруг головы косы, и её треплет налетевший ветер.

– Мне туда и нужно. Дракон унёс мою госпожу.

– Госпожу? Так ты из свиты принцессы? И пошла за ней в такую даль одна и пешком?! – во взгляде рыцаря теперь смешиваются недоверие, восхищение и уважение. Девушка в ответ лишь кивает – и продолжает путь.

– Вот это верность, – бормочет под нос Ромел, качая головой. – Да о такой только легенды складывают, и то через слово врут... Подожди! – окликает он Эхеан. И торопливо идёт за ней.

Рыцарь, с трудом удерживаясь в седле, возвращается домой. Раны дают о себе знать – в голень, сквозная, и ещё одна, невидимая, но всё равно ноет. Ромел возвращается один – его оруженосец сказал, что уходит к другому господину, более удачливому. Герб с полумесяцем в разрезе туч сияет не так ярко, как пристало бы победителю: некому надраить доспехи.

Но рыцарь улыбается, глядя окрест. Вот и рожица, за которой высится башня с окнами едва ли не в рост. Скоро, совсем скоро он обнимет красавицу-жену – и раны утихнут. Не исчезнут, нет, но болей станут меньше.

Он не видел сочувствующих взглядов прислуги, пока эхо шагов раздавалось по коридору. Рванул желанную дверь на себя. И застыл на пороге.

Белизна двух тел – как белый гной на ране. Женский крик, суетливая бегодня усатого маркиза. Кажется, они встречались на каком-то приёме... Память отказывала.

Каролина падает на колени, что-то стонет. А Ромел слышит: «твоя... навеки...» – среди гроздьев сирени в сумерках, среди строгих стен под звон колоколов... И собственный шёпот – «Каролина!» – посреди боя и мрака, что поднимал лучше громких окриков военачальника.

В тёмных глазах вместо ярости – пустота.

– Ты не жена мне больше, – хриплый от сжавшего горло комка голос. – Уходи.

Кольцо, сдёрнутое с руки, со звоном катится под босые ноги женщины.

Болота... Проклятые болота. Страшна не столько трясина, сколько неясные блуждающие огоньки. Манят, дразнят, зовут за собой... парализуют, пригвождая мощные лапы к земле. Кажется, от одного их вида на загривке шевелятся чешуйки.

Но он делает шаг вперёд. И ещё. Сам не понимает, как. Огоньки то приближаются, то вновь убегают в толщу ночного тумана. Сердце кузнечным молотом стучит в ушах. Но Зольтах очень хочет стать человеком. И, отчаянно сорвавшись с места, на бреющем полёте летит навстречу проклятым огонькам.

Огромного усилия стоит не зажмуриться, но ему удаётся и это. Зольтах ждёт, что крылья просто откажут нести его, и он рухнет в трясины, прямоком на издевательски мерцающие точки. Но внезапно они исчезают.

Дракон разворачивается, решив, что в темноте не заметил, как перелетел на противоположный берег. Но нет – ноздри по-прежнему щекочет запах тины и стоячей воды. Только пугающих огней он больше не может разглядеть, как ни всматривается.

...Зелёные бока всё ещё тяжело вздымаются. Зольтах прикрывает глаза и уговаривает себя успокоиться: в пещере уже жарко от его шумных вздохов. Но теперь в них слышится разочарование – ведь он по-прежнему дракон...

Принцесса, стоя на пороге, вглядывается в облитую лунным светом тропу, проложенную сквозь острые камни. Клыкастая гора не зря так зовётся – ни подняться сюда, ни спуститься вниз человеку почти невозможно.

– Хочешь вернуться? – интересуется Зольтах, чтобы отвлечься.

Райнен оборачивается. Признание вырывается весенним ручьём:

– Не хочу. – Спohватившись, быстро добавляет: – Но там мой дом... Отец... Королевство, наконец! И Эхеан...

– А это кто?

Не отвечая, девушка медленно идёт вдоль стены, ведя по ней нежной ладонью.

Чёрные клубы дыма вместе с алыми язычками пламени вырываются из драконьей пасти – и сваленные сучья занимают огнём. Зольтах подцепляет брошенную заячью тушку и, вспоров шкуру в нужных местах, снимает её. На золоте мерцает кровавый след, но Райнен уже привыкла к подобному зрелищу.

Дразнящий аромат щекочет ноздри. Принцесса сыплет в жаркое соль и пряности – скорее всего она вновь недосолила или бухнет слишком много перца. Но страдает от собственного неумения лишь она сама, а потому учится Райнен быстро.

Поужинав, она усаживается у порога на кучу вереска, заботливо принесённую драконом, обхватывает колени руками и уводит взгляд в небо. На закате ещё розовое, над головой оно уже темнеет и кажется столь близким, что хочется протянуть руку – и коснуться первой звезды...

– Здорово, правда? – морда дракона укладывается рядом и с таким же мечтательным выражением любуется на тонкий серп молодого месяца.

Райнен кивает. Ей уютно рядом с чудовищем. Можно болтать, а можно просто молчать, как сейчас, – и неизвестно, что греет душу сильнее. Забота дракона окружает её, как объятия матери из смутных детских воспоминаний. Хотя здесь она не принцесса, а пленница.

Жёсткая чешуя слегка касается руки, и девушка вытягивает ноги, тайне надеясь, что дракон положит голову ей на колени. В самом деле, ему же наверняка иногда нужна подушка...

– Ладно. Ты как хочешь, а я спать, – внезапно заявляет Зольтах и уползает вглубь пещеры. Сворачивается там огромным клубком, по-собачьи накрывая хвостом голову.

Райнен всё также смотрит на небо, но выступившие на нём звёзды уже не кажутся близкими.

– Ты будешь держать меня здесь, пока не встретишь того, кто вернёт тебе человеческий облик? – спрашивает принцесса, когда раздосадованный Зольтах протискивается под каменные своды. Очередной рыцарь просто ускакал восвояси после его признания, обозвав на прощание оборотнем...

Ящер не сразу оборачивается на голос Райнен, а та добавляет уже совсем тихо:

– А не думаешь, что это могу быть я?

– Ты? – удивляется Зольтах. Подобное ему как-то не приходило в голову.

– Хм-м... а что, вполне может быть... Что ж, попробуй. – В янтарных глазах дракона загорается надежда.

Всего лишь надежда... Ему нужна не принцесса, ему нужно расколдоваться – и забыть о проведённых здесь днях как о страшном сне...

Слеза скатывается по щеке, холодя кожу – и душу. Впервые Райнен понимает, почему её менестрель так часто играла печальные мелодии.

Нежные губы касаются шершавой драконьей чешуи. Девушка выдаёт себя с головой – но она должна хотя бы попытаться.

...Минуты текут. Чуда по-прежнему не случается.

Дракон разочарованно вздыхает:

– Ну, вот... Снова неудача. Постой... а почему ты выбрала такой странный способ?

Принцесса вновь идёт вдоль стены – теперь уже обратно, к порогу. Волосы её свешиваются, заслоняя пылающее лицо – и печальные глаза. Зольтах запоздало соображает:

– Поцелуй... Поцелуй любящего рушит злые чары! Но... Райнен, это значит...

Та не отвечает, остановившись на пороге. Вновь смотрит на расстилающуюся под ногами даль. И очень хочет стать птицей – взлететь, подняться высоко-высоко в небо, подальше от земли и самой себя. И там, на высоте, сложить крылья.

Дракон же замолкает, не договорив. Прикрывает чешуйчатые веки, и прошлое уносит его на своих волнах...

Заря едва занимается, обливая небо золотой дымкой. Но Зольтах уже на ногах и возится в королевском саду. Он любит эти рассветные утренние часы, когда все ещё спят и никто не мешает сосредоточиться на своих мыслях.

Все ли?

Протяжная, сжимающая сердце мелодия льётся откуда-то сверху. В хрустальной тишине звук отчётлив, будто играют прямо за плечами. Невольно Зольтах вертит головой в поисках источника музыки – и внезапно садовые ножницы падают из его рук на влажную землю.

Девушка на балконе дальней башни дворца. Ветер взметает чёрные кудри, заслоняя лицо, к тому же стоит она в профиль. Оранжевый свет окутывает её фигуру, и кажется она сотканной из несмелых ещё рассветных лучей.

А мелодия продолжается, набирая силу. В ней отчаяние и безрассудство, и безграничная вера в жизнь и красоту мира. Садовник стоит и не может сделать ни шагу, зачарованный.

Последний аккорд повисает в воздухе росинкой на лепестке. Взмывается в последний раз смоль волос – и девушка уходит. Кто она? Знатная дама? Почётная гостя? Служанка?.. Зольтах не бывает внутри дворца, ночуя в сторожке в глубине сада.

...С тех пор садовник не оставлял надежды ещё раз увидеть таинственную девушку, хотя и не представлял, как сможет её узнать. А через месяц он нашёл медальон.

На пороге пещеры вырастают два силуэта: пониже – в широком плаще, второй, позади – в доспехах, со снятым шлемом.

– Райнен! – тонкий, знакомый до сжавшегося сердца голос уносится под своды.

Дракон недоумённо поворачивает тяжёлую голову: ещё ни один человек не осмеливался сюда забираться. А принцесса, замерев на мгновение, срывается с места. Сноровисто перебравшись через разделявшие их груды сокровищ, заключает менестреля в объятия. Лица у обоих светятся ярче драгоценных камней под лапами дракона.

Райнен первая разжимает ладони и спрашивает:

– Как ты здесь оказалась?

– Пришла за тобой, – спокойно отвечает Эхеан, и глаза её лучатся.

Принцесса оборачивается на Зольтаху, потом смотрит на Эхеан и вновь – на дракона.

Рыцарь же, тенью подпирающий стену, с любопытством рассматривает Райнен. Но горестный вскрик менестреля отвлекает его, и он, выхватив меч, принимает боевую стойку и оглядывается, готовый защищать её от неведомой угрозы.

Эхеан же бросается куда-то в угол пещеры – и, наклонившись, замирает. В наступившей тишине её всхлип слышится отчётливо, как звук упавшего с обрыва камня.

Она оборачивается, держа на вытянутых руках свою арфу. С порванными струнами.

В тёмном небе расцветают узоры салютов – сегодня день рождения принцессы. Не смотрит на них лишь маленькая фигурка, бессильно прислонившаяся к воротам дворца. У её ног лежит неразлучная арфа с лопнувшими струнами.

Райнен смеялась, гости кружились в танце, благоухали свежесорванные цветы в вазах – а у Эхеан не было времени даже полюбоваться великолепием. Она играла весь вечер почти без передышки.

Завтра вновь идти к дворцовым музыкантам и просить струны. А после натягивать их изрезанными пальцами. Помочь ей вряд ли кто согласится – Эхеан недолюбливают во дворце, несмотря на явную благосклонность принцессы. Она давно привыкла к этому, но сегодня усталость взяла своё, и грязные разводы ползут по лицу от размазываемых слёз.

...Фигура в сером плаще вырастает бесиумно – и как будто из ниоткуда.

– Отчего плачет королевский менестрель? – Женицина. Лицо под капюшоном молодое, глаза старые.

Эхеан не знает, что ответить. Она не привыкла жаловаться.

Женицина смотрит на содранные в кровь руки Эхеан. На сжавшиеся плечи. Поднимает арфу и задумчиво перебирает свитые кольцами мёртвые струны.

Ладонь пересекает царапина. Женицина углубляет её, вжимая острые обрывки в кожу, и что-то шепчет. Тёмные в сгустившихся сумерках капли падают на арфу – и свёрнутые кольца струн распрямляются.

– Теперь их не порвать человеку, – молвит колдунья, возвращая инструмент. – Но и другими не заменить. Если всё же лопнут, тебе придётся искать замену – и чем-то жертвовать.

Колдунья растворяется в ночи прежде, чем Эхеан успеет хоть что-то сказать.

– Ты... безмозглая ящерица! – кричит Эхеан на дракона, не заботясь о том, что одним движением лапы он может оборвать её голос навечно. – Мало что украл мою вещь, так ещё и испортил! Теперь не починить... она была заговорена... – крик переходит в еле слышный шёпот.

– Ну, я не знал же, – оправдывается Зольтах. Но менестрель не слушает его. В глазах её загорается мрачный огонёк, и девушка принимается расплетать уложенную вокруг головы косу.

– Может, струны всё же можно будет натянуть, – произносит принцесса. Эхеан не отвечает, расчёсывая золото волос поднятым золотым же гребнем. После оборачивается к Ромелу:

– Дай меч.

Тот смотрит на неё, не замечая, как рука сама протягивает оружие. И вскрикивает – кудри падают на сокровища, срезанные заточенной сталью.

Тонкие пальцы менестреля натягивают новоявленные «струны» – и на пробу касаются одной. Изумительной чистоты звук эхом разносится по пещере.

Эхеан опускается рядом с арфой. Смотрит на дракона, на свою госпожу, на рыцаря, в чьих глазах немой укор – и незнакомая доселе нежность. Они молчат – и тоже смотрят на менестреля.

Арфистка вскидывает руки, как крылья, в широких рукавах плаща – и тихий аккорд начинает мелодию, что так долго зрела без выхода.

Три пары глаз почти одновременно закрываются – потому что так проще справляться с болью и радостью, что, переплетаясь теснее влюблённых, текут по венам, воскрешённые музыкой.

*Девочка с обручем на голове теребит королевскую мантию:
– А где же мама?*

Король устало отвечает, что мама задерживается, она обязательно придёт, только позже... но Райнен отчётливо понимает – ложь. Развернувшись, бежит из тронного зала – и горячие слёзы первой потери обжигают ладони.

...Балкон – самый высокий во дворце. С него хороший обзор. От кованных ворот ведёт дорога – куда она уводит? Есть ли вообще у неё конец? И доведётся ли принцессе сделать по ней хоть пару шагов? Она ведь не вольна распоряжаться собой, как хочет...

А линия горизонта подёрнута невесомой дымкой, и нестерпимо хочется добраться до неё, коснуться рукой, взглянуть – а что же там, за гранью...

Грусть туманит взор... но взгляд по-прежнему чист и светел...

Свой и чужой крики, сливаясь, стегают по ушам. Тяжесть меча в руке привычна по каждодневным тренировкам. Но на тренировках лезвие не заточено – и от точного выпада между пластин доспехов не окрашивается красным.

Первый бой окончен. Противник, слабо дёрнув разжавшейся рукой, затихает.

Первый убитый. Так победа это – или поражение?..

...Смеющееся девичье лицо среди гроздьев сирени. Стоны – жалкие, унижительные; звон упавшего кольца. Сердце отзывается прыжком вниз, но внезапно всплывает ещё одно лицо – не по годам серьёзное, с обрезанными золотыми кудрями.

Сердце ухаёт вновь, на этот раз – вверх.

Пещера. Одиночество. Люди разбегаются от одного вида – а они-то ему и нужны.

...Холодный блеск сокровищ. Ветер навстречу в полёте, небывалая сила – и мудрость. И желание – до царапающих камни когтей – вернуться, вернуться...

В глубоких янтарных глазах тоска – и надежда.

Изученные до последнего поворота переплетенья дворцовых коридоров. Принцесса медленно проводит ладонью по обшитой бархатом стене – и, кажется, та поёт под руками не хуже арфы менестреля. Дом...

– Райнен!

Пурпурная мантия, взметнувшись на обнимающих руках, скрывает алое платье принцессы. Пока никто не видит, король обнимает дочь вновь – и дыхание его прерывается на мгновение.

Но вот Вернес отстраняется и поправляет чуть съехавшую корону.

– Райнен. Нужно что-то решать. Я не могу отдать тебя в жёны твоему менестрелю, а судьбу твою пора устраивать.

На посветлевшее было лицо девушки драконьим крылом ложится тень.

– Нет, отец.

Вздёргивается упрямо подбородок, и не терпящий возражений голос чеканит слова:

– Я буду править Золотой Долиной одна. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что у меня не хватит на это силы!..

Кажется, даже тень её вырастает. Райнен оправдывает своё прозвище – она и впрямь великолепна.

– Я поговорю с тобой позже, – молвит король, и полы его мантии взметают мельчайшую пыль на мраморном полу.

Райнен разворачивается и бредёт в противоположную сторону. И делает вид, что не замечает двоих у витражного окна.

– Да простит меня госпожа Райнен, – говорит Ромел, провожая взглядом принцессу, – но моя госпожа – ты...

И берёт в ладони сменяющееся лицо менестреля.

Райнен Великолепная восседает на коне рыцаря – прямая и гордая более обычного. Сухи её глаза – пламя души плещется в них, грозя опалить. Но ужасаться и восхищаться некому – Ромел и Эхеан отстали. Трудно пешему постеть за конным. Особенно если пеший и сам не торопится.

– Тяжёлая, наверное, твоя арфа, – кивает рыцарь на висящий за плечами девушки чехол. – Давай понесу.

Менестрель недоумённо пожимает плечами: она рада этой тяжести. Но что-то в голосе спутника заставляет взглянуть на него. И ноги сами останавливаются.

– Эхеан... – имя птицей слетает с губ, и прочие слова умирают, так и не прозвучав. Руки спешно стягивают железные перчатки – и раскрывают навстречу тёплые ладони.

Серые глаза недоверчиво смотрят на них. Тонкие пальцы невольно взмываются к стриженным кудрям. Впервые менестрель жалеет о капризном своём деле.

Широкие, в мозолях, ладони зарываются в остатки светлых волос.

– Ты не переживай, отрастут, – шёпот тревожит сильнее любимых мелодий. – А мне и так нравится...

Эхеан делает шаг вперёд и кладёт голову на плечо Ромелу. Доспех холодит и царапает кожу, но в объятьях теплее, чем у огромного камина в тронной зале.

Зольтах просыпается оттого, что лежит на чём-то холодном и жёстком. Он совершенно точно помнит, что засыпал, как и всегда, в пещере. Разве что свернулся в клубок теснее обычного, ёжась от острого, как собственные когти, одиночества. Люди ушли, а он остался. Драконом.

Две слезы, огромные и горячие, скатились тогда из янтарных глаз и, зашипев, истаяли тонкой струйкой пара. Будто и не было их. Будто и не было ничего: ни отчаянного полёта над болотом, ни смутившего поцелуя принцессы, ни сжимающей сердце игры менестреля.

Зольтах закрывает глаза и упрямо не хочет их открывать вновь. Он устал быть чудовищем.

Но лежать становится всё неудобнее, и он раздражённо поворачивается и шарит лапой, чтобы выяснить, отчего привычное ложе вдруг стало таким неудобным.

Лапой?

Белизна кожи в рассветной мгле сияет ярче серебра.

Не веря, Зольтах вскакивает и оглядывает себя. Долго. А потом окрестности оглашают смех и крик счастливого человека, что безрассудно сбегает с вершины Клыкастой горы, не щадя новёхонький зелёный камзол – и собственную вновь обрётённую жизнь.

– И всё-таки, – бормочет он, немного успокоившись, – кто же меня расколдовал?

Рыцарь, менестрель, принцесса. Лишь эти трое впервые за всё время отозвались на его просьбу – и попытались помочь, как умели. Каждый по-своему.

Махнув рукой – и всё ещё не веря, что это самая что ни есть настоящая человеческая рука, – Зольтах решает поделить заслуги поровну. Он понимает, что все трое ему отныне дороги.

Хотя... нет. Одна дороже.

Мелодия рисует почти осязаемый узор: то убегает вдаль нежным ручейком, то обрушивается горной лавиной на незащитное сердце под толщей зелёной брони. Воспоминания увлекают Зольтаха, как и остальных слушателей. Но что-то неясное тревожит, и он никак не может понять, что именно. Как будто видел увлекательнейший сон – а проснувшись, мгновенно забыл, и досада не покидает всё утро.

Эхеан не закрывает глаз, но она слишком сосредоточена на игре. Никто не видит, как напряжённо вслушивается дракон, как нервно сворачивается и вновь распрямляется его хвост. Зольтаха не покидает ощущение, что эту мелодию он где-то уже слышал.

Ну конечно! Вон они, те аккорды, что подарили полёт раньше, чем у него появились крылья. Он уже слышал эту музыку – три года назад, в королевском саду...

Райнен резко поднимается и вновь выходит на порог, запрокидывая лицо, будто пытаясь разглядеть в изгибе горизонта что-то, доступное только ей. Хлёткий ветер взметает чёрные кудри – и Зольтах, наконец, складывает разрубленные половинки холста в одно целое.

Дворцовая башня. Девушка на балконе. Игра королевского менестреля...

...Он украл принцессу, потому что драконам это свойственно. Но понял, что начинает незаметно к ней привязываться – и это смущало. Ведь черноволосяю незнакомку он тоже не мог – и не хотел – забыть. И как же хорошо, что забывать никого и не надо...

Скрещённые алебарды преграждают путь во дворец. Один стражник неуверенно произносит:

– Похож на нашего бывшего садовника...

– Не велено, – перебивает второй. Он здесь недавно и не помнит Зольтаха. Да и мудрено его узнать спустя три года.

– Проведите меня к принцессе, – драконьи отголоски в голосе заставляют стражников переглянуться и исполнить просьбу.

Райнен стоит у окна, скрестив руки. Истончившаяся, но всё такая же невыносимо гордая и прекрасная.

Оборачивается – и недоумённо рассматривает растрёпанного оборванца, пока не наткнется на виноватый взгляд жёлтых глаз. Их теперь обрамляет не зелёная чешуя, а обычное человеческое лицо. Но усмешка, доброта и – на донышке – драконья мудрость – по-прежнему светятся в знакомых до остановившегося сердца глазах.

– Райнен... Я... ты...

...Старый Вернес стоит на балконе и, щурясь от заходящего солнца, смотрит на две пары, медленно бредущие по расцветшему саду. Рука сжимает ключ от сокровищницы, куда перекочевали драконьи богатства, ставшие выкупом.

Внезапно Зольтах вскрикивает и наклоняется. На раскрытой ладони вспыхивает огнём медальон на порванной цепочке. С тремя язычками пламени на крышке.

– Как вовремя ты нашёл его, – глубокий женский голос из-под серого капюшона. Требовательно протянутая рука.

– Вы та колдунья, – хрипло произносит молодой король. – Но к чему было всё это?..

– Чтобы вы помнили, что значит быть человеком. А ты, король, не забывай и о мудрости дракона, что перешла к тебе. – Медальон исчезает в кармане плаща. На прощание колдунья касается волос Эхеан – и прежний водопад кудрей золотой волной ложится на белое платье менестреля.

Мерцают свечи в зашторенной комнате. Книга в тяжёлом бархатном переплёте развёрнута посередине, и на страницах – причудливая вязь.

Рядом разбросаны листы бумаги и стёршийся грифель. А на листах – принцесса, дракон, девушка с арфой, рыцарь на коне, король на троне... Картинки движутся, отображая всё, что с ними произошло.

Но вот они иллюстрируют уже не прошлое, а будущее: молодые король и королева с озабоченными лицами – соседнее королевство начало войну за острова и втягивает в неё Золотую Долину. Старый король горячо призывает откликнуться, но Зольтах не зря жил в шкуре дракона три года. В ход идёт всё: шантаж, подкуп, слежка, заверения и жаркие обещания – но через две недели соседи мирятся, не пролив и капли крови друг друга.

Золотистая в пламени свечей рука сгребает картинки и задумчиво держит их, чуть сминая при этом. На стол с глухим стуком ложится медальон – и губы колдуньи трогает лёгкая улыбка.

Сильные пальцы затачивают грифель. Бездумно вертя его, колдунья размышляет, что – и кто – будет следующим.

...А на картинках, небрежно брошенных в угол, жизнь продолжается, и маленькая девочка нетвёрдыми шагами исследует королевский сад, что когда-то возделывал её отец. А в высокой башне с огромными окнами женщина смеётся, глядя, как горит в рассветных лучах золотая арфа, к которой упрямо лезет сын.

Но колдунья уже не смотрит на них. Она сделала, что могла, дальше пусть разбираются сами.

...Грифель бесцельно опускается на бумагу – и первый робкий штрих оттеняет её пока ещё нетронутую белизну.

Наталья ЖИЛЯНИНА

Драконовские меры

Принцесса лежала на соломенной подстилке, отвернувшись к стене, и рыдала уже второй час, но на дракона это не производило особого впечатления. Злобный ящер был занят тем, что угрюмо слонялся по пещере, выметая куриным крылышком пыль и мусор из всех углов своего мрачного жилища.

Наконец пленница отчаялась вызвать жалость к себе со стороны бессовестного монстра, так нагло похитившего её чуть ли не из самого дворца, и задумалась о своей тяжкой доле. А поскольку во дворце её учили чему угодно – от вышивания крестиком до основ международного этикета – но учить принцесс основам мыслительного процесса отчего-то нигде не принято, думать получалось плохо. К тому же слёзы затекли в правое ухо, в нём противно зашумело, захлюпало, и лежать дальше стало невозможным.

Оглядевшись, принцесса решила, что быть немедленно съеденной ей не грозит, а значит, самое лучшее сейчас – это попытаться наладить хоть какой-то контакт с похитителем.

Она надменно задрала подбородок и почти торжественно изрекла:

– И как мне прикажешь к тебе теперь обращаться? – в последний момент подкачала вопросительная интонация, и фраза получилась от этого ещё более нелепой.

Дракон резко повернулся, как будто не ожидал услышать что-либо из этого угла, с минуту разглядывал нахальную добычу, и потом хрипло произнёс:

– Меня зовут Тильда.

– Что?? – от замешательства принцесса разом растеряла всю свою надменность. – Но это же женское имя...

– Да, – подтвердил дракон.

– Но... – принцесса наконец догадалась. – Так ты дракониха?

– Я драконесса – древнее и прекрасное создание, мы были, между прочим, первыми на этой земле, – теперь надменность дракона ничуть не уступала принцессе. Последнюю, наоборот, это обстоятельство чуть ли не развеселило. Почувствовав облегчение, она только рукой махнула:

– Да ладно... Драконесса, дракониха, какая разница... Прекрасная и древняя, скажет тоже...

– Ладно. Тогда ты у нас будешь принцесса.

Юная нахалка сначала надулась, потом с минуту подумала и примирительно сказала:

– Меня зовут Ликаста.

– Договорились... – хмыкнула Тильда, – чай будешь?

– Эй, там какой-то человек, – принцесса взволнованно дёрнула дракона за кончик крыла, привлекая внимание. – Он уже минут пятнадцать чуть ли не пляшет на поляне в пределах видимости.

– Рыцарь что ли? Рановато...

– Нет. На рыцаря не похож.

– А-а... Это почталыон. Он газету мне принёс. Спустись, забери у него, – сонно пробормотала Тильда, зевая во всю пасть, но в последний момент спохватилась. – Нет! Стой! Я сама сейчас выйду.

Через минуту она, задумчиво теребя чешуйку на подбородке, проглядывала последний выпуск «Дворцовых ведомостей»:

– Так. Что тут у нас? Бал, официальный приём, попытка самоубийства фрейлины, официальный обед, раскрытый заговор, официальный ужин...

– И часто он приносит тебе почту? – вмешалась в это бормотание принцесса.

– Да каждую неделю, – рассеянно отозвалась Тильда, продолжая просматривать газету.

– Но почему?

– Я обещала его не есть, если он оформит мне бесплатную подписку на «Дворцовые ведомости».

– То есть если он перестанет приносить газету, ты его съешь?

– Да нет, конечно. Вот ещё. Просто давно заметила, что люди почему-то работают эффективнее, когда пообещаешь их не есть. Вот. Нашла. Похищена всеми горячо любимая принцесса Ликаста. – Тильда оторвалась от чтения

и придирчиво рассмотрела принцессу, видимо, пытаюсь отыскать в ней что-то настолько горячо любимое, но, не найдя, снова уткнулась в газету: – Все скорбят... Тыры-пыры... Принц Фридегарт, имечко-то какое... Что? Официальный жених? Вот угораздило... И как ты его ласково зовешь? Фридя? Отправляется в поход? Да здесь на лошади галопом два часа скакать. Какой поход? Ещё и со свитой сюда потащится?

Принцесса, заметно погрузневшая при упоминании этого имени, поморщилась:

– Естественно. Как же он будет побеждать дракона без толпы свидетелей.

– Вот это представление будет. А ты чего скисла? Замуж хочешь?

– Хочу... наверное. Только чему тут радоваться? Ты ж его съешь.

– Ну, кто ж меня знает? Может, и не съем. Как будет себя вести...

– Тильда, ну, объясни, наконец? Зачем ты меня похитила? Ты же даже не дракон?

– Что? Как это не дракон?

– Ну, я же не в этом смысле.

– Почему-почему? Потому что. Драконам полагается похищать принцесс, а рыцарям положено этих принцесс освобождать.

– И кому от этого польза?

– В первую очередь – тебе.

– Мне?? – Ликаста даже кулачки упёрла в бока от возмущения. Получилось, правда, не слишком грозно, скорее смешно.

Дракониха вздохнула:

– Любой муж, хоть король, хоть дворник, будет иначе относиться к своей жене, если он когда-то вырвал её из лап дракона. Я думаю, что было бы намного полезнее для супружеской жизни, если бы каждую невесту предварительно похищал дракон. Но, к сожалению, драконов на всех не хватает. Так что считай, тебе крупно повезло.

Освободительный поход к логову дракона продолжался два дня. За это время прямо на марше провели три официальных приёма, два торжественных обеда в честь будущего победителя дракона, один торжественный ужин. Проходящих неподалеку бродячих цирковых артистов сгребли до кучи, и вся эта разномастная процессия, наконец, к вечеру второго дня выкатилась на поляну перед драконьей пещерой.

Принц Фридегарт решил, что выходить на поединок с монстром на ночь глядя будет как-то несолидно, и распорядился разбить лагерь. Попытались устроить ещё один торжественный ужин с цирковым представлением и фейерверком по случаю завтрашней победы над драконом, но разгневанный рёв упомянутого дракона, больше расположенного вздремнуть перед битвой, чем наслаждаться фейерверком в свою честь, положил конец всем планам и приготовлениям. Ужинать пришлось в темноте и всухомятку.

– Ну как я выгляжу? – лучась самодовольством и горделиво оглаживая золотистое брюхо, поинтересовалась Тильда.

– Как дракон, – отозвалась принцесса. – Хотя, по логике, этот вопрос должен больше волновать меня. Меня же пришли спасать.

– Но сначала я буду развлекаться... – заявила дракониха, выползая из пещеры.

Вернулась она минут через пятнадцать страшного грохота, во время которого принцесса боялась даже дышать в полную силу.

– Нет, это просто ни в какие ворота не лезет! – возмущалась Тильда, стравивая с крыльев сажу и кусочки обугленной бумаги. – Притащить почти пороховой склад почти в самое логово дракона! Самоубийца твой гениальный принц, иначе не назовёшь!

Когда Тильда немного остыла в прямом и переносном смысле, Ликаста выяснила, что всё-таки произошло на месте благородного поединка вместо самого поединка. Покружив над поляной, размяв крылья и уже одним этим основательно нагнав страху на собравшуюся толпу зевак, дракониха выбрала место, где не было людей, а лежала груда каких-то пыльных коробок и пустила туда мощную струю пламени. Фейерверки бродячего цирка, лежавшие в коробках, ответили почти артиллерийским залпом, который, возможно, и обеспечил бы победу над драконом, если бы гипотетические победители не разбежались в панике, побросав и остатки торжественного завтрака, и повозки с провиантом, и рыцарских коней, которым пришлось скакать вдогонку за своими рыцарями.

– А где принц? – печально спросила Ликаста.

– А кто ж его теперь знает. Если он нечаянно убили где-нибудь, то ответственности за это я не несу. А что, сильно скучать будешь?

Принцесса промолчала.

Дни в пещере потянулись однообразные до отвращения. Утром Тильда улетала на охоту и возвращалась к полудню с тушей барана или козла. Ликаста, поедая жареное на драконьем огне мясо, каждый день давала себе клятву стать вегетарианкой, когда всё это закончится. Однажды она не удержалась и спросила свою тюремщицу:

– А ты не боишься, что я убегу, пока ты будешь на охоте? За день доберусь до дворца.

– Нет. Не боюсь, – с достоинством ответила Тильда. – А если ты такая дура, что убежишь, то так тебе и надо.

– То есть? – не поняла принцесса.

– Хочешь сидеть весь век в девках – беги, пожалуйста. Можешь даже не ждать, когда на охоту полечу, а топать прямо сейчас. Только потом не жалуйся, когда венценосные женихи будут десятой дорогой обходить принцессу, самостоятельно спасающуюся от дракона. И будут при этом совершенно правы. А вдруг новоиспеченная королева и государством самостоятельно управлять захочет?

– И что мне теперь делать?

– Ждать.

– Так уже второй месяц пошел, как я тут, – вздохнула девушка.

– Что поделаешь, настоящие принцы – это теперь почти такая же редкость, как настоящий дракон.

– Что это? – в один голос воскликнули дракон и принцесса, стоя на пороге пещеры и вглядываясь в пугающую своей нелепостью фигуру на дальнем краю поляны. Всадник ехал на ослике, вместо щита у него был лист кровельного железа с приваренной ручкой от кастрюли, конструкция на голове, призванная выполнять обязанности шлема, больше всего походила на ту самую кастрюлю, с которой отломали ручку для щита. Меч в его руках был очень красивый, но деревянный, из тех, которыми лупят друг друга скоморохи на ярмарках.

Тильда и Ликаста в полном замешательстве попятились вглубь пещеры.

– Нет! Только не это! – принцесса обессилено сползла по стене.

– Ты его знаешь?

– Это сын пекаря. Мы играли с ним в детстве, пока меня не застали однажды в его обществе за кражей яблок из дворцового сада и не заперли в покоях.

– А зачем было их красть? Ты же принцесса, тебе что, яблок в детстве не давали?

– Ну, играли мы в благородных разбойников, как будто отбирали у богатых и отдавали бедным.

– Ага. Тогда понятно, почему тебя заперли. А здесь ему что нужно?

– Понятия не имею, – излишне поспешно попыталась отпереться принцесса, но покраснела, возмущённо засопела и, наконец, попросила:

– Не ешь его только, ладно?

– Вот ещё, больно надо мне вас всех есть. Я костями не питаюсь, если что. А сын пекаря мог бы быть и поупитаннее. Так. А ты что всполошилась? Он тебе нравится?

– Да не в этом дело. Он просто очень упёртый, его фейерверком не отпугнёшь, как принца. Его либо есть придется, либо... – завершать свою речь Ликаста не стала, всё и так было понятно.

– Ясно, – хмыкнула Тильда и на минуту задумалась, а потом напрямую спросила: – Хочешь за него замуж?

Принцесса аж подпрыгнула:

– Я? За какого-то пекаря?

– А что? Будет тебе по утрам горячие круассаны и кофе в постель подавать... – Тильда мечтательно облизнулась.

– Для этого есть горничная.

– Фрр, горничная, скажешь тоже. Вот когда любимый, то можно даже не кофе, а простой кипяток... Ну, решайся! Нужен он тебе или нет?

– Но он не рыцарь даже. Это не по правилам.

– Нашлась поборница правил. Да сделают его рыцарем. В следующем же номере «Ведомостей» напишут, что доблестный рыцарь как-его-там в неравном бою победил зловредного и безжалостного дракона и спас прекрасную принцессу из позорного плена. Хотя совершенно не понимаю, почему позорного. Как его зовут кстати?

– Польш.

– Ну вот. Хотя имя человеческое, язык не сломаешь.

Принцесса потопталась ещё немного возле входа в пещеру, перебрала возможных кандидатов в спасители из всех окрестных королевств, величественно кивнула дракону, отошла в сторону и стала ждать, когда её спасут.

Дарья РЫЖКОВА

К Дракону!

– Приехали, Бледная Немочь... э-э-э... то есть Ваше Высочество!

Лакей проворно отворил дверь кареты и вытянулся по стойке смирно.

Сначала показалась бледная тонкая рука. Она легла на ручку дверцы, послышался обречённый вздох, и показалась нога. Она была обута в высокий лакированный сапог и затянута в узкую кожаную штанину. А уж после под ненавистный солнечный свет из полумрака золочёной дорогой кареты появилось мертвенно-бледное лицо с кокетливо подведёнными глазами. Принц поморщился и сделал вид, что не услышал оговорки слуги.

– Куда ты меня привёз? – недовольно спросил он кучера, выходя из кареты и отряхивая несуществующую пыль с чёрного бархатного камзола, расшитого серебром.

– Куда велено... – растерялся кучер. – К дракону!

Принц недоумённо оглянулся вокруг. А посмотреть было на что! На севере красовались заснеженные горы, спускаясь в тёмно-изумрудные леса. С каменных уступов, сверкая на солнце, срывался водопад и голубой лентой реки пересекал долину. Заливные луга поражали яркими пятнами цветов и бабочек. Табун тонконогих лошадей с огромным чёрным жеребцом во главе неторопливо щипал весеннюю траву. И посреди всего этого великолепия возвышался белоснежный замок, на шпилях которого трепетали алые стяги с серебряными драконами.

– Значит, здесь живёт чудовище?

– Угу. Ну, мы, это, за поворотом Вас подождём, – пробурчал кучер и, не дожидаясь ответа, подхлестнул лошадей. Принц оскорблённо передёрнул тощими плечами, поправил свой вычурный плащ, прижал к груди любимое руководство по чёрной магии и уверенной пошатывающейся походкой направился к замку. На полпути его заставил сжаться в угловатый комочек громовой рык, но бледный спаситель несчастной заточённой принцессы справился с минутной слабостью, подсушил штаны щелчком пальцев и продолжил путь.

У огромных обитых железом ворот Его Высочество принялось разрабатывать план действий. Попробовав пару страшных заклинаний и со злости плюнув на невозмутимые ворота, он не придумал ничего лучше, как постучать. Сначала было тихо. На вскоре заскрипел засов, и в воротах открылась небольшая дверь.

– Вы что-нибудь хотели? – мило улыбнувшись принцу, спросила румяная рыжая девица с огромными зелёными глазами, одетая в простой льняной сарафан с вышивкой.

– Д... Дракона бы мне... – заикаясь, произнёс герой.

– А-а-а. Я-то уж подумала опять за принцессой! Ты проходи, проходи, не стесняйся.

Его Высочество тенью просочилось в дверь и последовало за девушкой.

– А принцесса где? – осторожно поинтересовался он.

Девушка остановилась и подозрительно усмехнулась:

– Ты бы уже определился – принцессу тебе или дракона.

– Хотелось бы обоих...

– Странные у тебя фантазии... Принцесса Мелитара третья, – девушка протянула принцу руку.

– Здравсьте, – приуныло Высочество. – Веи... Веинор... первый...

– Очень приятно! Да ты не бойсь, не обидим! – Мелитара хлопнула спасителя по плечу и тот слегка осел. – Чаю хочешь?

– Мне бы дракона...

– Да будет тебе дракон! Заладил, блин. Я сегодня пирогов напекла...

– Спасибо, я на диете...

– Ясно. Ну, тогда ладно. Пойдём, знакомить буду.

Принцесса провела гостя во внутренний двор замка и подтолкнула вперёд. Возле чудесного фонтана лежал багрово-серебряный дракон, лениво следивший за приближением Веинора. Рядом валялась чья-то одежда. «Уже сожрал кого-то, мерзкое чудовище», – подумал принц, начиная выплетать заклинание.

– Учти, на нас магия не действует, – зевнул дракон и потянулся. – На весь замок тоже. Так что не знаю, как ты собрался меня убивать.

Принц растерялся и минуту-другую переваривал информацию. Подумав, он выхватил шпагу и сделал шаг в сторону ящера.

– С ума сошёл?! – воскликнул дракон. – Зарежешься же!

– Я в совершенстве владею оружием! – крикнул в ответ Веинор и замахнулся. Но в этот момент дракон чихнул.

Кое-как поднимаясь с земли, герой заметил, что принцесса покатывается со смеху и слегка обиделся.

– Ну, зачем она тебе нужна, – обратился к Высочеству дракон, указав на принцессу. – Вредная, капризная, ехидная... Ты подумай как следует...

– Я не могу отступить!

– Как хочешь, – вздохнул дракон и снова неудачно чихнул. Принца швырнуло об стену и слегка опалило.

– Всё, не жилец, – констатировала принцесса, переплетая косу.

– Оклемается, – успокоил дракон, оборачиваясь плечистым высоким блондином.

– Пойду, к карете его оттащу, надеюсь, они недалеко уехали, – сообщила принцесса неторопливо шнурующему сапоги возлюбленному. И получив утвердительный кивок, добавила:

– А ты пока сходи, помой посуду.

Евгений ГРЕП
Сергей СИМКИН

Мне бы так, или Сказка про принцессу и прекрасного принца

Жила-была принцесса, жила не бедно и была она, если не первой красавицей во всём царстве, то уж, по крайней мере, тридцать третьей. Одевалась принцесса в модные одежды, красилась самой дорогой косметикой, ходила на дискотеки...

И всё ждала, ждала... Когда же наконец-то появится Он... Прекрасный принц... А прекрасный принц всё не появлялся, но принцесса продолжала ждать и вздыхать от огорчения...

Как-то раз под вечер сидела принцесса в своей комнате в башне и смотрела на дорогу, откуда должен был когда-нибудь появиться прекрасный принц... Сначала дорога была пустынной, а потом на ней появилось облачко пыли...

Облачко приближалось, приближалось, пока не приблизилось в лошадь и всадника. На всаднике были надеты пыльные латы, пыльно-красный плащ развевался за спиной...

«Может, это и есть прекрасный принц...» – подумала принцесса и пошла посмотреть...

Всадник был уже во дворе замка...

Оказался он неказистым юнцом, с повадками воробья и вечно всклокоченными волосами. Латы мешковато сидели на его шуплой фигуре, а ножны длинного меча вечно что-то зацепляли...

– Здравствуйте, ваше высочество... – сказал незнакомец и поклонился, уронив при этом шлем.

– Кто вы? – поинтересовалась принцесса.

– Я, знаете, в некотором роде, прекрасный принц, – ответил незнакомец.

– Вы? Прекрасный принц? – удивилась принцесса.

– Да-да, – незнакомец засуетился, шаря за пазухой. – У меня справка есть...

Принцесса долго разглядывала желтоватый пергамент, действительно удостоверявший подателя сего как прекрасного принца.

– Зачем же вы явились сюда? – спросила принцесса.

– Ах! – прекрасный принц встал на колени и приложил руки к груди. – С тех пор, как я увидел вас на одной из дискотек, нет мне покоя... Я готов совершить для вас сотню подвигов, могу сразиться с драконом (я знаю

пещеру, где живёт один – его шкура будет прекрасно смотреться над вашей кроватью)... Я прошу вашей руки, принцесса!..

– Нет! – ответила принцесса и даже топнула ногой.

– Но почему? – растерялся принц.– Ведь я же прекрасный!

– Мой принц похож на Кевина Костнера!

И принцесса ушла к себе...

Принц постоял немножко, потом сел на коня и поплёлся восвояси...

По дороге он победил в тринадцати турнирах, изловил дракона и совершил ещё много других подвигов. А под самый конец пути встретил девушку, пусть и не тридцать третью красавицу, пусть даже совсем и не красавицу, но вполне симпатичную и, можно даже сказать, прекрасную... В общем, влюбился в неё принц.

В замке принца закатали такую свадьбу, что слава о ней гремела по всему миру... А шкуру дракона повесили над кроватью молодожёнов.

Дошла и до принцессы весть о том, что какой-то прекрасный принц влюбился в простую девушку...

«Ах! Как хорошо живут люди! – подумала принцесса. – Влюбляются... Мне бы так... Вот встречу своего принца и...»

Анна ЧЕРНЫШЕВА

Будни волшебника

Осень – чудное время, золотое, прозрачное, как волшебство. Людовик де Луар неторопливо шёл по засыпанной листьями аллее к своему замку. Он весь день провёл на виноградниках и ощущал приятную усталость. Очень хотелось горячего кофе со сливками, но он не спешил. Даже свернул на боковую тропинку, чтобы продлить сказочную прелесть вечера. Уже совсем стемнело, деревья из золотых стали чёрными и подступили ближе, на тёмной синеве неба показались чёткие контуры башен.

– Что-то ты помрачнел, дружок, за последние триста лет, – обратился де Луар к замку. – Раньше веселее был. Пора ремонтировать.

Замок и впрямь был стар. Он помнил ещё Екатерину Медичи, последний раз его разоряли во время второй мировой, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что здесь было после революции. И каждый раз его хозяин терпеливо восстанавливал его шпили и башни. С хозяином замку повезло. Людовик де Луар – волшебник. Очень молодой волшебник. Ну, что такое 700 лет! На вид ему было лет тридцать, высокого роста, худощавый, энергичный и начисто лишённый седой бороды. Короче, нормальный миллионер конца двадцатого века.

Де Луар споткнулся о камень и едва не упал.

– Что за чертовщина?! Опять фонари не горят.

Он осмотрелся. Изящные столбики торчали на каждом шагу, но все плафоны были снесены как взрывом.

– Значит, Анжелика в бешенстве.

Он двинулся дальше, внимательно глядя под ноги и бурча себе под нос:

– Вот тебе, женился на нормальной женщине, колдовства не признаёт. Считает, что всё это сказки и фокусы. Даже мне не верит, я, по её мнению, обычный винодел и лентяй. А сама! – он махнул рукой. – И ладно бы делала нарочно, так нет, она знать не знает, как это получается. И ведь не слонов розовых делает, крушит всё подряд. Терминатор! Вот превращу в робота и перепрограммирую.

Он рассмеялся и сделал маленького розового слоника. Толстый зверёк засеменял рядом, наступая себе на уши. Де Луар посмотрел и сделал ему крылышки как у стрекозы. Слоник взмыл в небо и стал вкручивать в фонари новые лампочки. Людовик быстро шёл по парку, а за его спиной ярко вспыхивали фонари.

В замке царили тишина и непроглядный мрак, но де Луар безошибочно определил, где искать жену. Она сидела в кабинете, на пушистом ковре, и плакала; увидев его, отвернулась.

– Что случилось, солнышко? Ты меня не встречаешь?

Он наклонился и поцеловал жену в мокрую щёку.

– Опять света нет, – всхлинула она.

– Тоже мне горе, сейчас налажу.

Он вышел за дверь и столкнулся с домовым. Старик ворчал:

– А-а, вернулся, тут без тебя такое было! Всю проводку пожгла, две вазы уронила, сто лет стояли, а тут – бац! Я так больше не могу. Всё, всё, ухожу на пенсию.

Людовик достал из кармана большую конфету и подал ворчуну.

– Если бы я тебя не любил, давно бы ушёл, – потупился старик.

Домовой взял конфету и ушёл в стену. В доме зажгётся свет, в дальней комнате запел магнитофон. Людовик вернулся в кабинет. Анжелика сидела, поджав ноги, куталась в плед, отсветы огня плясали на её лице.

Он прислонился к косяку и молчал, залюбовавшись. Она вскинула на него свои изумрудные глаза.

– Ты меня любишь?

– Безумно.

– А её?

– Кого? – не понял де Луар.

– Я не знаю, кто она, – вздохнула Анжелика очень грустно.

– Анжела, я тебя не понимаю. О чём ты говоришь?

– О женщине.

– О какой ещё женщине?!

– Не притворяйся. Я всё знаю. У тебя есть другая!

– Не заводись. Никого у меня нет, кроме тебя. Что на тебя нашло!?

– Ты не дорожишь нашими отношениями. Тебе всё равно, что я чувствую!
Как ты мог!

– Объясни толком!

– Нечего тут объяснять!

Она поднялась и выбежала из комнаты. Людовик так и остался стоять, нахмурившись и ничего не понимая. По дому стали раздаваться хлопки лопающихся лампочек. Де Луар автоматически восстанавливал освещение. Звуки удалялись, потом замерли, волшебник всё ещё пытался понять, что могло так рассердить жену. Из стены возникла хитрая рожица домового.

– Поговорили?

– Сам видел. Ну почему я не могу слышать мысли женщин? Любого мужчины – пожалуйста, а с женщинами я будто глухой. Чёрт знает, что творится в их красивых головках. Так вот и поговорили.

– Ничего себе разговоры у вас! Двенадцать лампочек.

– Я же сделал.

– А шуму-то сколько!! Я совсем оглох. А стёкла, я еле уворачивался. Ужас, на твоём месте я бы...

– Она не виновата.

– Не могут лампочки лопаться сами собой. Не могут, я изучал физику.

Домовой вылез из стены, заложил за спину лапки и принялся читать лекцию о физических законах, прогуливаясь до камина и обратно. Де Луар его не слушал. Снова раздались хлопки и звон.

– Похоже, возвращается.

– Спасайся, кто может! – хихикнул домовый и юркнул под диван.

– Пожалуй, он прав.

Де Луар быстро прошёл по ещё освещённому коридору и спустился во двор. Он подошёл к своему любимому «ягуару», сел и решительно повернул ключ зажигания. Машина не отозвалась. Он пробовал снова и снова, с тем же успехом.

– Нет, определённо, техника меня терпеть не может! Железки проклятые!

Он вылез из машины и зло хлопнул дверцей. Полез в багажник и извлёк старый потёртый коврик, стряхнул пыль и расстелил на траве. Ковёр поднялся над землёй, сантиметров на пятьдесят. Людовик уселся и полетел из двора, коврик парил низко, не торопясь преодолевая пространство. Волшебник поднял его выше. Он сидел на краю, болтал ногами, раздумывая, где бы остановиться на ночлег. Домой возвращаться совсем не хотелось и вообще не хотелось забираться под крышу. Удивительно тёплая ночь, пахнувшая поздними цветами и виноградом, уговаривала остаться под открытым небом. А тут ещё внизу проплыл свежий, душистый стог сена. Людовик развернул ковёр и мягко опустился на него. Рядом очумело шумел кузнечик, где-то далеко чирикала птаха. Волшебник закинул руки за голову, потянулся и уставился в небо. Звёзды огромные и лучистые, совсем как в июле. Он закрыл глаза и мгновенно уснул.

Анжелику разбудил запах, сильный терпкий запах орхидей. Она нехотя открыла глаза и снова зажмурилась. Пора было бы уже привыкнуть к таким фокусам мужа, но она каждый раз удивлялась. Её спальня ещё ночью чистенькая и немного пустая, теперь до краёв была полна её любимыми

цветами. Орхидеи всех цветов и размеров свисали с люстры и гардин, стояли в больших и крошечных вазах, покрывали весь пол как пёстрый ковёр. От этого великолепного безобразия захватывало дух. До чего же Людовик любит всяческие преувеличения. Но трюк удался, от вчерашнего гнева не осталось и следа. Она сладко потянулась и тут только заметила на соседней подушке белого плюшевого мишку.

– До чего хорошенький!

Анжелика скользнула из-под одеяла, накинула пеньюар, вспорхнула по лестнице в столовую.

Людовик в это время готовил завтрак. Он твёрдо решил справиться с ним без волшебства. Ничего, что кофе убежал на плитку, одна чашка разбилась, а он весь перепачкался в сливках. Домовой приберётся. Последний штрих – цветок в тоненькой вазочке. Он повертел в пальцах белую замысловатую орхидею.

– И что она в них нашла? Бледные, капризные, неживые какие-то.

Орхидея в его руках стала огромной алой розой – бархатные лепестки, огненный цвет, тяжёлый упругий бутон.

– То ли дело!

Вздыхнул и снова сделал орхидею. Примирение было полным и безоговорочным. Анжелика носилась по столовой с медвежонком в руках, щебетала что-то весёлое и ласковое, смеялась. А волшебник был в полном восторге, день прошёл как весёлый беззаботный праздник. Только под вечер де Луар вспомнил, что должен обязательно быть в столице на вечере у киношников. Там соберётся весь цвет общества, в том числе и те, с кем ему позарез надо увидеться. Пришлось спешно собираться, надевать смокинг, цеплять бабочку и отправляться на ненавистное мероприятие. Анжелика ехать отказалась, заявив, что ей и дома хорошо.

Де Луар не мог описать своё отношение к подобным вечеринкам, одна мысль о постных лицах знаменитостей, неуместной важности политиков и тошнотворной фальшивости улыбок вызывала у волшебника зубную боль и хандру. Каждый такой вечер, похожий на предыдущий, как одна горошина на другую, требовал от де Луара концентрации всей его воли и чувства долга. Сколько бы он состряпал чудес, только бы не ходить на эти экзекуции. Но в век компьютеров и статистики необходимо объяснять властям, откуда у тебя замок, машина и даже еда. Глупцы, они ни за что не поверят, что ему не нужны деньги, чтобы так жить. Вот и приходится выращивать виноград, делать вино и продавать его втридорога только для того, чтобы убедительно заполнить налоговую декларацию, а не то засадят чёрт знает куда – ни за что ни про что. Это бы ещё ничего, но поддерживать отношения с теми, кто сделал деньги смыслом жизни, де Луару было противно до жути. А надо!

Людовик поправил бабочку и перенёсся в концертный зал, где уже начался приём. Чтобы не пугать публику, он аккуратно нарисовался за колонной и вышел как ни в чём не бывало.

– О, мсье де Луар!

Толстый, противный король зубной пасты поймал его в душевные объятия. «Интересно, он сам-то пользуется своей продукцией», – успел подумать волшебник. Борца с кариесом сменил великий делатель звёзд. Он тут же начал нахваливать свою новую группу и предлагать сотрудничество. «Одно название чего стоит – "Мальчики в кроссовках", ещё бы "Тараканов в тапочках" предложил», – Людовик представил себе выступление этой группы и не удержал улыбки. Идущая навстречу дива тут же приняла её на свой счёт, томно повела плечом и протянула руку для поцелуя. Элен Стефилд – Барби да и только. Высокая, золотоволосая, длинноногая, а бедра, а грудь! Ходячий соблазн и глазки голубые – невинные. «Храни меня Бог от этой дуры!» – думал волшебник, широко улыбаясь.

– Как поживаете, друг мой? – пропела она.

– Благодарю, великолепно.

– Вы слышали о новом проекте господина Спилберга? Мне предложили прекрасную роль. О, это будет шедевроуально!

«И как режиссёрам удаётся заставить её изобразить на лице хотя бы тень мысли?»

– Вам не кажется, что я поправилась? Мой менеджер говорит, что ещё немного – и я стану такой же пышкой, как Мерлин Монро. Неужели, правда?! Я не переживу!

«Нет, это я не переживу этот вечер!»

– Ну что ты! Ты сегодня само очарование, – сказал он вслух.

– Правда? Я так признательна за эти слова. Для звезды так важно всегда быть в форме.

«Если я послушаю её ещё две минуты, я стану таким же ясным и пугстым, как её глазки. Интеллект в опасности!»

– Элен, смотри! Неужели это сам Ротшильд? Он уже год не показывался на люди.

– Ой, где? Он, честное слово, он!

– Окажи мне услугу, Элен, займи его минут на пять и передай, что я найду его позже.

– О, конечно, конечно...

Слава богу, декольте, разрез и каблуки отправились соблазнять Ротшильда. Де Луар вздохнул свободнее и пошёл к столу. Как всегда дары моря... И кто сказал, что это вкусно? Хоть бы один нормальный кусок мяса. Нет, есть здесь нечего.

Ему нестерпимо захотелось стать драконом и покусать шеф-повара. Он взял себя в руки и отправился в зал, где уже началась концертная программа, задуманная исключительно для ТВ и мало интересная присутствующим.

Кинокамеры ползали по всему залу, залезали в разговор, заглядывали в платья дам. Один такой чёрный глаз тут же вцепился в де Луара, но ему было не до того. Едва взглянув на сцену, он сразу понял, что вот-вот случится

несчастье. Пока всё шло как по маслу: Копперфильд летал, приглушённый свет создавал таинственность.

«...Отличный трюк, не будь я волшебником, поверил бы», – подумал Людовик.

Шоу продолжалось. Фокуснику наскучило летать одному, и он спустился в зал, чтобы найти себе партнёршу, выбирал он недолго. Кто мог подойти ему лучше, чем Элен Стефилд. Они поднялись на сцену, а затем над ней.

«...Рождённый ползать – летать не может», – вспомнил де Луар прочтённого сто лет назад классика социализма, глядя на блондинку в воздухе.

И тут он понял, что его беспокоило. Механик был пьян, бренди шумел в его голове и руководил руками. Он что-то не докрутил, винт отошёл, и «люди-птицы» вот-вот рухнут на софиты. Магия де Луара подхватила их как раз в тот момент, когда отказала магия техники. Конечно, никто этого не понял. Они выписывали виражи и улыбались. А волшебнику пришлось стать одним из самых внимательных зрителей и не спускать глаз со сцены. Он легко запускал в воздух слонов, но у людей есть природная склонность сопротивляться магии, он не на шутку устал. Когда, наконец, номер завершился, он немедленно вышел из зала и ринулся в пустой бар.

– Хорошего вина. Быстро.

– С ваших виноградников? – сладко улыбаясь, поинтересовался бармен.
– Бокал подогреть?

– Да. «И этот узнал, – зло подумал Людовик. – Тяжело быть известной личностью. Все плятятся на тебя, прыщи считают. А каково женщинам! Одно спасение – быть дурой, как Элен».

– Ваше вино, мсье.

«Сказал бы мне кто-нибудь ещё вчера, что я брошусь спасать Элен Стефилд, я бы в лицо ему плюнул, – рассуждал Людовик, потягивая вино.
– Выходит, я добрый волшебник – красавиц спасаю, виноград выращиваю, розовых слонов делаю».

Приторный бармен куда-то вышел. Большой поднос, уставленный рядами хрустала, с мелодичным звоном скользнул за ним. Стойка бара кончилась, хрусталь накренился, помедлил мгновение и скатился на пол. Водопад осколков хлынул во все стороны.

– Фу! – сказал Людовик сам себе. – Мелкий пакостник!

Он восстановил все бокалы, но поднос, будто из вредности, уплыл вместе с ними под соседний столик. Жеманно, мелкими шагами вернулся бармен. Он совсем растерялся, даже рот разинул, пытаясь сообразить, когда и зачем он сам так далеко поставил чистые бокалы. Ведь не может же посуда двигаться сама.

Когда бармен склонил свой тонкий стан и полез под стол за подносом, за окном жутко грохнуло, полыхнула молния и грянул такой ливень, что и летом редкость.

– Этого не может быть! – испуганно пробормотал бармен. – Не может быть!

– Опять не может быть! – возмутился де Луар.

По бару поползли огромные аллигаторы. Бармен принялся тереть глаза. Зверюги стали жевать шторы и грызть стулья.

– Не может этого быть, мне всё кажется. Я слишком много работаю, – твердил бармен, прячась за стойку.

Аллигаторы перестали безобразить, встали на задние лапы, чинно расселись за столики, раскурили сигары и стали негромко беседовать о погоде. Один отпустил неприличную шутку, и все исчезли. Зал принял первоначальный вид. Бармен перекрестился и принялся нервно протирать стаканы.

– Зря я вчера до трёх ночи смотрел ужасы. Я, конечно, не сошёл с ума, но это уже слишком, – бубнил он себе под нос. – Ничего не было! – повторил он громко.

– Что вы говорите? – переспросил Людовик.

– Вы сейчас ничего не видели?

– Ничего особенного, – честно ответил волшебник.

Дождя как ни бывало. Бармен поправил бокалы, осмотрел пустой зал, заметил что-то под столиком, не поленился, сходил, поднял... Это был окуроч сигары.

Объявили антракт. Холл заполнился людьми. Де Луар отправился искать тех, ради кого пришёл. Недоверчивый бармен за работой совсем забыл своих аллигаторов. Де Луар бродил в толпе, то и дело натёкался на объятия, рукопожатия и бестолковые разговоры. После каждого подобного столкновения в зале появлялось что-нибудь лишнее: стул – прямо на пути мэра или мышь – под ногами нефтяного магната. Людовик не обращал внимания, но когда зал оглушил вопль Элен, он удивлённо обернулся. На розовом креме пирожного в её руке дрыгал ногами жизнерадостный таракан.

– Это не я! – почему-то пробормотал де Луар.

Уже на лестнице, собираясь уходить, волшебник снова натёкнулся на короля зубной пасты.

– Как... вы уже уходите?!

– Дела, дела...

– Бросьте ваши дела. Во втором отделении всегда самое интересное.

– И что сегодня?

– Элен будет петь! – восторженно воскликнул толстяк.

– Она ещё и поёт?!

С огромной люстры над парадной лестницей с жутким ором свалилась драная рыжая кошка. Элен Стефилд в ужасе отпрыгнула в сторону и кубарем покатила вниз прямо на де Луара и зубочиста.

«Так и рвётся летать», – подумал Людовик, подхватив растрёпанную блондинку.

В баре календарь с обнажённой Стефилд показал бармену язык, бедный парень упал в обморок.

На улицу волшебник вышел мрачнее тучи. За шиворот смокинга капал самый настоящий осенний дождик. Ему было лень даже сделать себе зонтик.

На редкость дрянной вечер, оставить дом, любимую жену, поцелуи, объятия, божественный ужин, только для того, чтобы спасти звёзд, да ещё дважды. Он был в ярости, ладно бы ещё встретился с нужными людьми, так нет, именно они не пришли. Положительно, все умные люди остались дома. И как он мог позволить эмоциям так разгуляться? Крокодилы, гроза, сигары! А кошку-то зачем запустил?! Он медленно шёл по улице, мок и чертыхался.

– Убил вечер чёрт знает на что, хоть бы что-нибудь путное сделал.

Его грубо толкнули. Людовик оглянулся, мимо него, сильно сутулясь, засунув руки в карманы брюк, протопал долговязый парень. Де Луара поразили его мрачность и дикий взгляд.

– О чём он думает?

Парень думал так громко, что волшебнику захотелось убавить звук.

«Она меня не любит! Она называет меня неудачником, никуда не годным! Шлюха! Я ей докажу! Я докажу ей! Я такое устрою!»

Де Луар почувствовал острую неприязнь к этому жалкому типу.

«Я их уничтожу! Я всех их тут уничтожу! Я устрою такой фейерверк! Я ей докажу, что со мною надо считаться! Сейчас как раз моя смена».

Волшебник разом увидел весь его план и содрогнулся. Он же имеет доступ на ракетный склад!

Воспалённый наркотиком мозг парня уже рисовал весь ужас ядерного взрыва, мгновенно умирающих людей, собак и даже крыс. Трупы, пожары.

– Ну уж нет! – возмутился волшебник.

Он бешено глянул в спину наркоману, тот сразу споткнулся и провалился в открытый люк. Снизу послышались возня и ругательства. Людовик облегчённо вздохнул. «Так-то лучше, дружок! Со сломанной ногой тебе дорога только в больницу, там сразу поймут, что ты колешься, и к оружию больше не пустят». Мысль о том, что он только что спас мир, сразу подняла волшебнику настроение.

Тёмный силуэт в смокинге растворился в дожде.

Под родной крышей промокшего и голодного волшебника ждал жаркий камин и роскошный ужин. От одного запаха жареной телятины, соусов и специй слюнки текли.

– Ты уже вернулся?

Де Луар почувствовал какую-то перемену. Совсем другую женщину он оставил несколько часов назад. Анжелика была великолепна в вечернем платье и бриллиантах, но от неё веяло холодом, как от мрамора.

– Я очень спешил, – стал оправдываться Людовик, ещё сам не зная в чём.

– Мог и не спешить.

– Как можно не спешить к такой красавице, – теперь он пытался обратить всё в шутку.

– Садись, ешь, – строго велела жена. – Вина хочешь?

– Нет, – поморщился де Луар, вспомнив приторного бармена. – Налей мне молока, – почему-то попросил он.

Анжелика даже не удивилась, достала из холодильника молоко, налила и подала ему холодный стакан. Людовик взял и уставился на него, не зная, что с ним делать.

– Тебе звонили, – ледяным тоном сообщила жена.

– Когда?

– Вчера и позавчера, и два дня назад.

– Кто? – без интереса просил волшебник.

– Молодая особа с крайне томным голосом.

– Что ей нужно?

– Это у тебя надо спросить! Это тебе звонят сомнительные особы.

– Почему сомнительные?

– Ах, он не понимает. Посмотрите на него, святая невинность!

В руке де Луара молоко стало быстро нагреваться, закипело и полилось через край. Он спокойно поставил стакан.

– Чего ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты объяснил. Кто эта девица?

– Понятия не имею.

Соусник сам собой взорвался в руках Анжелики.

– Не смей мне врать!

Под взглядом волшебника с ковра незаметно исчезли осколки и пролитый соус. Людовик поднял глаза на жену и стал терпеливо объяснять.

– Анжела, детка, я не знаю, кто она. Возможно, мы встретились...

– Ничего не хочу слушать!

Лампочка разлетелась вдребезги. В комнате стало совсем темно, только догорающие угли добавляли сцене колорита. Appetit пропал совершенно, волшебник отступил в угол и превратился в тигра, запустил когти в ковёр, оскалился и нервно дёргал хвостом. Анжелика, ослеплённая вспышкой, ничего не видела. Через мгновение у камина снова стоял её невозмутимый муж.

– Успокойся, я даже не знаю, как эту даму зовут.

– А я знаю! Элен Стефилд!

– Что?!

Де Луар рухнул в кресло, уж такого он никак не ожидал.

– С чего ты взяла?

– Своими глазами видела!

– Где и что ты могла видеть?

– Только что, на всю страну показали тебя с твоей блондинкой!

– Вот чёрт!

– Да, милый, все видели, как ты не сводил с неё глаз, когда она порхала над залом. Ты её так и поедал взглядом! Боже, Людовик, это ужасно! Я сразу поняла, что это она звонила!

Анжелика нервно ходила в темноте, мяла тонкими пальцами салфетки, роняла что-то со стола. И совсем не замечала матёрого волка в кресле мужа, в бессильной ярости вцепившегося зубами в подлокотник.

– А когда я увидела, как ты её ловишь на лестнице, я чуть не умерла! Зачем? Всё было так хорошо, а теперь я не могу на тебя смотреть!

Де Луар стал самим собой.

– Я хотела тебя оставить, уйти, но решила сначала поговорить.

– Анжела, послушай, я терпеть не могу блондинок! А эту Стефилд – особенно. Я ни разу в жизни не видел такой беспросветной дуры. Тебе показалось, я не на неё смотрел, я пытался понять, как там всё устроено, – оправдывался Людовик.

– Ну и как, понял?

– Кажется, хочешь – расскажу, всё так просто.

– Не надо! А то, что ты её обнимал, мне тоже показалось?

– Ну, что мне оставалось, – увещевал де Луар вкрадчиво. – Не мог же я отойти и смотреть, как она ломает себе шею?

– Не знаю... – протянула Анжелика. – Мне очень хочется тебе верить, но ты всегда заговариваешь мне зубы, вечно сочиняешь какие-то сказки!

Она снова горячилась.

– Анжелика...

– Ты мне изменяешь!! Ты меня променял на эту порнозвезду! – она заплакала.– Чем она лучше?

Людовик попытался обнять жену, но она вырвалась.

– Не трогай меня, я хочу остаться одна. – Она выбежала из комнаты.

Волшебник секунду постоял в растерянности, ринулся к окну, распахнул его и со страшным шумом драконом вылетел вон. Чёрный хвостатый дракон кружил над замком, плевался огнем и дымом, его раздирала бешеная злость на Элен, на себя и на легковерную Анжелику.

Когда из бассейна испарилась вся вода, он, чуть успокоившись, скользнул обратно в окно.

Де Луар пожевал остывшее мясо и завалился спать на диванчике в кабинете.

Утро наполнило серое, дождливое, грустное. Анжелика не спускалась, заперлась у себя. Волшебник без удовольствия выпил кофе, растопил камин, полистал газеты и выслушал жалобы домового. Попробовал постучать в двери спальни, не получил ответа. Решил сделать себе пиццу, но получил горелый блин с мухомором сверху, запустил им в мусорное ведро, попал в домового. Тот обиделся и тоже где-то спрятался.

Людовик остался совсем один. Телефонный звонок грянул как гром, он схватил трубку.

– Мсье де Луар?

– Я слушаю.

– Ну, наконец-то, тебя вечно нет дома!

– Барбара?

– Узнал старую ведьму.

– Как тебя не узнать. Это ты донимала жену звонками?

– А кто же ещё, – голос в трубке стал молодым и томным. – Мне необходимо с тобою встретиться...

– Ты мне такое устроила своими звонками! Лучше бы тебя ещё в средневековые сожгли! – вспыхнул де Луар.

– Ну, ну, не бушуй. Ты же знаешь, что я легко усмиряю любые страсти. Так я лечу?

– Только попробуй!

– Фи, грубиян! У меня к тебе дело, всё лечу!

– Стой!! Только не притворяйся всякими красавицами! Терпеть этого не могу, я вечно тебя не узнаю. Будь сама собой, может, и Анжелика успокоится.

– Подумаю, – промурлыкала трубка.

Через пять минут в дверь позвонили, слуга проводил в кабинет пожилую, очень некрасивую женщину во всём чёрном. Хозяин предложил ей коньяк, дама опрокинула рюмочку и приступила к делу.

– Ты, дружок, ещё молод, всё тебе легко, а я вот уже второе тысячелетие разменяла, шутка сказать – Понтия Пилата помню... Похоже, стареть стала, сам видишь, радикулит, хандроз, склероз. Память меня всегда подводила, но теперь... А главное, стоит мне в кого-то превратиться, всё забываю! Сама себя не помню!

– А я-то что могу сделать?

– Хм, ты поглупел за последние сто лет. Мне нужна шпаргалка.

– Пожалуй, – согласился Людовик.

– Вот я у тебя и прошу шпаргалку, книгу волшебную. Ну, понял, теперь?

– Была у меня где-то, – наморщил лоб де Луар.

– Ищи, – велела ведьма.

Волшебник полез в шкаф, стал рыться в книгах, чихать от пыли. Тем временем ведьма скользнула за дверь.

Когда он вынырнул с толстым фолиантом, Барбара уже вернулась.

– Всё, – заявила она.

– Что, всё? – удивился пыльный и помятый Людовик.

– Твоя проблема решена, я поговорила с твоей женой!

– Только не это!

– Расслабься, она только меня увидела и сразу тебя простила, давай сюда книгу! Иди к ней!

Де Луар ей не поверил, но послушался. Ведьма, прихрамывая, вышла из замка, проковыляла ещё три шага, подмигнула сама себе и обернулась прекрасной Элен Стефилд. Она жеманно поправила локоны и отправилась восвояси.

А в замке на закрытой двери в спальню, сплетались алые розы и белые орхидеи.

Король и шут

Пышно убранная похоронная процессия продвигалась к королевской усыпальнице. Вельможи и придворные, одетые в свои лучшие чёрные костюмы, старательно сохраняли на лицах выражение торжественной скорби. Фрейлины и знатные дамы размазывали слёзы, заранее нанеся водостойкую косметику. В протяжный звук церковных колоколов вплеталось воронье карканье.

Среди всего этого скорбного шествия только один человек с большим трудом и неудовольствием пытался выглядеть пристойно. Человек этот тоже был одет в траур, но, в отличие от большинства, этот цвет ему шёл. Возможно, из-за спутанной гривы чёрных волос и тёмно-карих глаз при вампирски бледной коже. А возможно потому, что чёрный цвет составлял отличный контраст с серебряной короной.

Крэн тупо пялился на расшитый изумрудами гроб, прятавший тело жены, и зверел от невозможности пустить везущих дроги коней и всю эту хнычущую толпу в галоп. «Какой же я к чёрту король и повелитель, – с ожесточением думал он, – если целых полгода должен буду сидеть тихо, как мышь в норе! А уж от всех этих церемоний с катушек можно съехать! Ну, жёнушка дорогая, ты и после смерти мне покоя не даёшь...»

Не мог же он, в самом деле, наплевать на традиции и обычаи! Человеческие чувства надо уважать... особенно если ты этими людьми управляешь. Вон, в Голубых Песках чернь взбунтовалась и пошла королевский дворец штурмом брать... Потому как тамошний король с обычаями считаться не пожелал и в День Скорби – памятную дату поражения в Пятилетней войне – велел повсюду устраивать пляски и попойки. Вот народ и взбесился. Просто это стало последней каплей – правительство и раньше не особо о стране радело. Во дворец их, ясное дело, и на порог не пустили, мятежников потом год отлавливали и казнили... а факт всё ж таки невесёлый. Крэн предпочитал обходиться без подобных эксцессов.

Только не надо думать, что Крэн был непроходимым эгоистом и лицемером. Просто его ныне покойная супруга имела столь кроткий и ангельский характер, что король старался как можно реже попадаться ей на глаза. Даже государственные дела вёл в самой дальней, чертовски неудобной комнате – лишь бы лишний раз с женой не связываться. Династические браки, что поделаешь. Контакты крепить надо, и имиджу соответствовать – тоже.

...С трудом борясь с зевотой на полуторачасовом обряде захоронения, Крэн решил: «Завтра же возьмусь за реформирование всей системы – похорон, свадеб, рождений... А то несколько трудно соблюдать принцип "De mortuis aut bene, aut nihil"...»

После этой фразы король помрачнел. Вспомнил мертвеца, о котором мог действительно сказать только хорошее – не для приличий, от сердца.

Неделю назад умер его шут. Бэн был отличным парнем. Горбатым уродцем. Но язык его, прямой и острый, как меч, разил направо и налево, всегда попадая в цель. Крэн любил весёлую шутку, пусть даже сдобренную сарказмом. Как умный человек, он понимал все тонкие намёки и частенько к ним прислушивался. Можно сказать, Бэн направлял его политический курс!

И без шута Крэн чувствовал себя как-то... неуютно. Будто на площадь вышел, забыв одеться. А самое поганое – искать и заводить нового сейчас, после смерти королевы... кошунственно как-то. Да и где его возмёшь – такого же толкового? Это разряженных обалдуев, что зовутся придворными, можно лопатой грести, а шут – он один...

Как и король.

Вир стоял посреди комнаты, разгневанно уперев руки в бока.

– И думать забудь про этот бред! – возмущённо выговаривал он. – Надо же, удумала: во дворец она подается, в услужение! Нужна ты там! Ждут тебя там с объятиями распростёртыми!..

– Рабочие руки везде нужны, – возразила дочь. Забившись в уголок, Леста тербила узел с собранными вещами и выжидала удачный момент. Если она вырвется из дома, по улице отец за ней точно не погонится. Даром что столяр простой – понятия о чести и достоинстве у него имеются. Иному дворянину поучиться не грех.

– Рабочим рукам применение и здесь можно найти! Не шарахаясь к чёрту на кулички.

– Конечно. Можно, – покивала Леста. – Например, пойти в трактир к Ригу. Чтобы он имел удовольствие вдоволь меня лапать, а его жена серной кислоты мне в чай подлила из ревности. Или в лицо плеснула.

Вир заскрежетал зубами – опять она заговорила в своём любимом тоне! Нетипичном для женщины. Не клянча, не ноя, не давая на жалость – смеясь. Посмеиваясь – когда зло, когда нахально, а когда так, что слушатели за животики хватались от смеха. Сама же она при этом – ладно если слегка улыбалась.

Вир дочь любил и давно привык к её закидонам. А вот на окружающих это производило не лучшее впечатление – если учесть, что ни подруг, ни парня у Лесты не было. Оно, конечно, не у каждой девушки умирает жених... и не каждую потом дразнят «Леста – мертвяцкая невеста»... но не каждая в ответ на оскорбления будет смеяться. Парни явно предпочитали более предсказуемых и уравновешенных особ.

Но тут до столяра дошёл смысл сказанного, и он взорвался:

– Хватит дурака валять! Никуда ты не пойдёшь! Во дворце, к твоему сведению, любителей лапать ещё больше! Причём совершенно безнаказанно!

Леста молчала. Тикали часы с кукушкой, белокурый пацанёнок в застиранной добела рубахе сидел на подоконнике и играл с отцовским рубанком. Виру захотелось выхватить проклятый инструмент и хорошенько приложить об стену. Потому что он, здоровый работающий мужик, не мог прокормить себя и детей – спрос на его изделия, и без того невысокий, в

этом году упал ниже плинтуса. Запасы «на чёрный день» тоже подходили к концу. А не за горами зима, когда собранными в лесу грибочками не пообедать...

Леста встала и двинулась к отцу, волоча мешок по полу.

– Ты прав, – кивнула она. – Во дворце развратные нравы...

Вир облегчённо вздохнул. Ну наконец-то в дочке здравый смысл проснулся!

– ...но, надеюсь, ориентация у них всё же нормальная.

После этой нелепой фразы девушка скользнула к выходу. Уже с порога прокричала:

– Отец, не волнуйся! Я всё продумала! Меня никто не обидит!..

«Потому что обижать – это будет моя привилегия», – добавила она про себя.

– Ты с дуба упал, что ли? И мозги последние отшиб? Это моя Милка взяла первый приз!

– А я говорю – подкупили моего жокея! Это сделал ты, Фирс! Иначе б твоей кляче в жизни не обогнать мою чистокровушку!..

– Это у кого тут ещё кляча?! – возмущается Фирс. Но собеседник его уже не слышит – он тянется к чарке и, обнаружив там пустоту, орёт:

– Вина!.. Чёрт вас всех дери – где вино? Я требую!.. – и стучит кулаком по столу. Кулак нечаянно, но оттого не менее смачно впечатывается в огромное блюдо с заливной курицей. Окорочка разлетаются в лица и нарядные костюмы сидящих рядом вельмож. Ну сейчас кулаки будут стучать не только по столу. И не только кулаки, кажется...

Крэн устало прикрыл глаза. Это называется королевский обед. В хлеву, наверное, чище и пристойнее.

Король собрался уже кликнуть стражу – только пьяной драки тут не хватало – как его опередил пронзительный насмешливый голос:

– До чего же хороши куры в нашей славной Тихой Заводе! Их ощипали и зажарили – а они по-прежнему стремятся к полёту! Берите пример с наших пеструшек – сопротивляйтесь до последнего!..

Все заоглядывались. Посредине пиршественной залы стоял шут и нежно позванивал бубенчиками.

Кто-то неуверенно возразил:

– Куры же не летают...

– Если хорошо пнуть – летают все, – сообщил обладатель бубенцов. – Даже господин городской судья, уж на что тяжёлый кошель его к земле тянет...

Не теряя времени, шут подхватил жирную куриную ножку, упавшую аккуратно на край стола, и с наслаждением вонзил в неё зубы.

– Какое тебе дело до моего кошелька и до меня, ты, хамское отродье! – вскочил городской судья, сидевший за этим же столом.

– О, о вас отзываются как о почтенном и достойном всяческого уважения человеке, – почтительно отвечивал паяц. – Ведь вы в поте лица своего заботитесь о подданных: освобождаете их от бременного богатства, дабы они

стали легки, как птицы, – он потряс недоеденной куриной ножкой, – и сумели подобно им воспарить в высь...

Зал взорвался от хохота. Судья побагровел, позеленел, потом начал синеть. Дабы его не хватил удар, сердобольный король велел двум стражникам подхватить бедолагу под белые ручки. А сам обратился к шуту:

– Откуда ты взялся? Месяц как умер мой бывший шут, и нового я не нанимал.

– Шутов не нанимают, они сами нанимаются, – ответил нахал. – А точнее – выскакивают из ниоткуда, как черти из коробочки. Давай, король, будем считать, что я – твой персональный чёртик.

Крэн принялся грызть фалангу левого указательного пальца – это у него было признаком думанья. Спору нет, без паяца плохо. Но вот так, с лёту с ветру... В шуты обычно убогие идут, а этот совсем не похож – молоденький такой, светленький... Глаза прозрачные... А ну как он шпион чей? Или подослан его укокошить? Королевская жизнь, она такая – враги за каждым углом мерещатся...

Нет. Всё это мур. Правильно этот тип сказал – шутов не нанимают. Под двцветным костюмом не прячут отравленный кинжал – а то ещё при прыжке нелепом выпадет.

– Давай будем так считать, – тяжело выдохнул король. – Как тебя называть-то... чёртик?

Тот помедлил, прежде чем ответить.

– Лист.

Осыпались разноцветные осенние листья. Пушистая гостья-зима, погостив положенное ей время, тоже собралась уходить. Снег таял прямо на глазах, а воздух, казалось, грозил опьянить без всякого вина.

Крэн стоял у зеркала и с удовольствием примерял белую рубашку с широким воротом, шитую серебром – конечно же, серебром! Король терпеть не мог золота – считал его вульгарным. В Тихой Заводи даже монету чеканили серебряную. А ржавьём торговали с соседями, привозя домой лунный металл целыми телегами.

Завязав концы рубашки узлом и оставив их так болтаться, король довольно хмыкнул. Он был чертовски рад сменить чёрное одеяние на что-нибудь повеселее. Хорошо ещё, что официальный траур здесь исстари длится полгода, а не год, как в тех же Голубых Песках...

– Ваше величество, – поймал его на выходе первый министр. – Траурные дни окончены, и на днях мы собираемся дать бал...

– О! Бал – это прекрасно! – просиял король. – Хочется чего-нибудь праздничного, с размахом, с шиком!..

Он взмахнул руками и сбил очки с носа министра иностранных дел, оказавшегося рядом. И тут же кинулся помогать и извиняться.

– Всё в порядке, – пропыхтел министр, водружая очки на переносицу. – Я хотел сказать, ваше величество, что этот бал будет иметь большое политическое значение.

Крэн скис. Черти бы взяли их вшивую политику! Он хотел простой весны...

– К нам с визитом едет вдовствующая королева Розарии Камелия! – торжественным шёпотом возгласил премьер.

– Следует оказать ей как можно лучший приём, – вторил ему коллега.
– Розария – весьма богатое владение. К тому же Камелия – дочь самого Варэндана...

– А-а!.. – зевнул Крэн. – Того самого придурка из Голубых Песков, что собственный народ не уважает?

– Ваше величество!.. – укоризненным хором воскликнули оба министра. Но величество ледяным тоном заявило:

– Я жениться не собираюсь! Говорят, она мужа отравила!.. – и совершенно несолидно сбежало вниз по винтовой лестнице.

Крэн перепрыгивал через три ступеньки. Сейчас он оседлает коня и помчится во весь опор – навстречу ветру, солнцу, зеленеющим полям! Или нет, лучше... Лучше то же самое, только ярче и сильнее. Свист воздуха, разрезаемого надвое огромными крыльями – на огромной скорости.

– Ой!..

Тьфу ты пропасть, какой он сегодня неуклюжий... Служанку, что ли, какую сбил? Голос прямо девчоночий. Красное, синее...

– Лист! Прости, дружище, я не заметил... Вставай!

Шут как будто не замечает протянутую руку. Поднимается сам и говорит:

– Умение падать – часть моей профессии, ваше величество. Так что, можно сказать, вы провели курсы повышения квалификации.

Крэн хохочет так, что слёзы выступают. Отсмеявшись, вздыхает:

– Ох, парень! Ты порой такого отмочишь, такое брякнешь... не знаешь, как и реагировать – то ль плакать, то ль смеяться... то ли голову тебе отрубить, то ли корону мою на неё переложить...

И тут же добавляет:

– Ладно, я убегаю. У меня тут... в общем, дело одно.

Лист смотрит ему вслед. Конечно. Дело. И даже не одно. И наверняка – государственной важности. Он король, и этим всё сказано. И гроша не стоит его хорошее отношение и оценка тупого остроумия. Последнего ломаного затасканного гроша, на который в ярмарочный день побрезгуют продать коробок спичек.

«Я шут, – твердит про себя шут. – Паяц, гаёр, мячик-попрыгунчик на верёвочке. Оторванный от родного дерева листок. Так было всю жизнь. И так будет до самой моей смерти. И ничего иного кроме».

Он разворачивается и тоже бежит по лестнице. Только вверх.

– Её величество вдовствующая королева Розарии Камелия! – объявил распорядитель.

Крэн со скучающим видом перебирал в уме заранее подготовленные фразы. И тут они как-то разом вылетели из головы.

Королева не шла. Эту плавность, эту грацию язык не поворачивался назвать походкой. Казалось, под ногами у неё не паркетный пол – облако... лёгкая гладь моря... Негромкий стук каблучков завершал очарование.

– Добрый день, ваше величество, – зазвучал сильный грудной голос. – Я много лестного слышала о вас, но повидаться довелось только теперь.

Крэн только глазами хлопал. Даже не сообразил, что протянутую руку следует поцеловать.

– Э-э-э... М-м-м... Очень приятно, ваше величество, – выдавил он наконец.

Королева понимающе улыбнулась (боги мои! за такую улыбку душу продать не жалко!) и отошла, плеснув тяжёлой волной волос. Чёрных – как ночь, как вороново крыло... Нет! Как крыло дракона...

Все танцы король танцевал только с ней. Все её просьбы – принести напитки, поднять упавший платочек – кидался выполнять только он. Сперва, конечно, вся мужская часть кидалась. Потом, поняв, что начались Большие Королевские игры, куда простым смертным соваться нечего, коли шкура дорога, – отстали.

Крэн уже оправился от первого шока и теперь распускал все перья, какие только имел. Навёрстывал упущенное. Камелия отвечала ему благосклонностью: улыбалась, хмурилась, ревновала и вызывала ревность, притворно обижалась – чтобы одарить короля взглядом, за который он готов был забыть о своём королевстве.

Под вечер, когда танцы уже наскучили, Крэн сказал:

– Если прекрасная леди позволит, я бы хотел показать ей лучшую диковинку своего дворца.

– О да, конечно, – оживилась Камелия. – Я с удовольствием полюбуюсь на красивую вещь.

– Это не вещь, это... Сейчас увидите. Эй! – приказал он. – Привести Листа!

Придворные вздрогнули: они и забыли, что у их короля может быть такой властный голос. Обычно он разговаривал доброжелательно.

Тонкие изящные брови взлетели вверх:

– Лист?.. Как странно!

– О, это просто чудо какое-то... Ага, вот он! – паяц как раз вошёл в тронный зал. – Ну что, шут! Коль ты мне друг, сослужи-ка службу – потешь нас, да получше!

«Нет! Нет! Только не это!» – заметалось в голове шута пойманной птицей. Сердце ухнуло, упало куда-то в пустоту, растворилось там... и снова принялось стучать как ни в чём не бывало. А тело уже само выдавало нужные нелепые движения, язык – слова...

Как только от смеха не рухнули стены в дворцовой зале – до сих пор непонятно. Гаёр был в ударе. Все глаза и уши приковал к себе этот красно-синий комочек, плетущий байку за байкой, перемежавший каламбур откровенным бредом – на дне которого притаилось что-то очень толковое и нужное... Король даже забыл на Камелию смотреть. А когда наконец посмотрел – поинтересоваться впечатлением – ахнул: руки

скрещены на груди, губы сжаты в полоску и чуть кривятся... Он схватил её за плечо:

– Что случилось?!

Королева брезгливо повела плечиком, высвобождаясь. Холодно ответила:

– Терпеть не могу кривлянье и лошадиный гогот, называемый смехом.

– Но я же не знал... Я хотел как лучше... – забормотал Крэн, а затем рывкнул паяцу: – Пошёл вон!

В таком тоне он даже с охотничьими собаками не разговаривал.

Ощущение праздника куда-то пропало. Это почувствовали все. Кто-то велел дать музыки, кто-то тут же шикнул на музыкантов, люди ворчали, гомонили, многие потянулись к выходу... Крэн сидел с таким несчастным видом, что Камелия слегка поморщилась: это в её планы не входило.

– У всех бывают ошибки, – сказала она, положив изящную ладонь на плечо королю. – Но лишь смелый и умный человек может их исправить...

– И, наклонившись совсем близко, прошептала: – Надеюсь, ночью вы будете более удачливы, чем днём...

Легко коснувшись губами его щеки, удалилась из зала.

Мешочек, полный серебряных монет, падает на лавку. Вир нетерпеливо подхватывает его. Ух ты! Тяжёлый! А по виду и не скажешь...

Развязывает и принимается считать. А как же! Денежка, она счёт любит. Да и хозяин знать должен, чем располагает.

Сиф, конечно, тут как тут. Глядь – он уже схватил монету и потащил её в рот, на зуб пробовать.

– А ну положь на место!.. Тридцать шесть, тридцать семь... Положь, негодник, кому говорю! Вихры надеру!.. Сорок девять, пятьдесят...

Леста наблюдала за ними как в тумане. Раз за разом окидывала взглядом знакомую до боли комнатёнку, пытаюсь отыскать хоть намёк на былую радость. С каким светлым настроением просыпалась она на этой кровати, вскакивала и бежала – навстречу новому дню, отцу, работе, проходим!.. Понесло же её в высокие стены, в каменные палаты... Не петь ей больше пташечкой, не смеяться беззаботно...

Вир меж тем считал монеты и приговаривал:

– Ну теперь мы заживём как люди! Семьдесят пять, семьдесят шесть... Умница ты всё ж таки у меня, доченька! Это надо же додуматься... восемьдесят четыре, восемьдесят пять... это надо же додуматься – мужиком переодеться и в шуты пойти! Да эдак умело... девяносто восемь, девяносто девять... чтоб за один вечер эдакую прорву денег получить! Ты и раньше хорошо получала... сто тридцать три, сто тридцать четыре... но то в месяц, а тут – за один раз! За одно же, говоришь, выступление всё это добро? Сто сорок пять, сто сорок шесть... Чего не отвечаешь-то? Сто сорок девять... сто пятьдесят! Всё!

Столяр сгрёб монеты обратно в мешок и завязал его. Подошёл к Лесте, подмигнул:

– Теперь заживём на славу!

– Отец, – тихо заговорила девушка, – обещай мне, что все эти деньги пойдут только на тебя и Сифа.

Вир растерялся:

– А ты?..

– Мне не надо.

– Как не надо? Посто́й, но... Да что случилось-то – на тебе лица нет!

– Лучше бы я никогда не ходила в этот проклятый дворец... Лучше бы я сдохла с голоду, чем...

– Обидел, что ль, кто? – Вир поднял дочери подбородок и заглянул в глаза.

– Ты скажи... Я ему глотку перегрызу, кто бы он ни был.

– Ты не дотянешься до его глотки, – безжизненно ответила Леста, – и я сама перегрызу глотку любому, кто тронет его хоть пальцем!

Вир улыбнулся.

– Опаньки... Влюбилось моё солнышко...

– Да лучше б... – горло сжало спазмом, и незадачливый гаёр бросился на шею отцу, рыдая, захлёбываясь, выплёскивая бессвязными словами свою старую как мир историю.

Столяр долго молчал. Гладил вздрагивающие лопатки и притихшую светловолосую голову. Потом отстранил Лесту и решительно сказал:

– Вот что, дочка. Скажу тебе только одно. Если это и впрямь твой суженый, вместе вы будете. Будь он хоть король, хоть епископ, хоть сам Господь Бог. А ежели никак – значит, не твоя это судьба. И ещё скажу. Мы люди бедные, у нас много чего нет, что у господ водится. Да ты, небось, сама нагляделась. А вот что у нас есть – так это гордость. Достоинство человеческое. Вот его ты никому втаптывать в грязь не давай. А то совсем от тебя ничего не останется.

Он замолчал. За окном вовсю свистел Сиф, радуясь привалившей в дом удаче и погожему дню. Неизвестно, чему больше.

– Я это не к тому, чтоб ты до свадьбы себя берегла, как вам обычно говорят, девушкам. Тут молодёжь никогда стариков не слушает... и правильно делает, – столяр усмехнулся. – Я про внутреннее чувство такое... Ну, как бы это...

Вир прищёлкнул пальцами, ища слова. Леста накрыла его руку:

– Не надо. Я знаю, о чём ты.

...От разговора с отцом стало легче. Чуть-чуть. Во всяком случае, по дороге во дворец девушка уже могла замечать цветы у дороги и трель пичужек в кустах. И – хоть и грустно, но всё же – улыбаться.

Луна заливала королевский сад. Серебрила каждую травинку, каждую закрытую цветочную чашечку. То, что оставалось в тени, выглядело чёрным и настолько острым, что казалось – можно порезаться. И посреди всего этого великолепия лежал дракон.

– Привет, – сказал шут, подойдя поближе.

Дракон повернул тяжёлую изящную голову.

– Привет, – прозвучало в ответ низким тембром. – А разве ты меня не боишься?

– А разве ты страшный? – вопросом на вопрос ответил паяц. – Ты симпатичный вполне, – и погладил куда-то чуть повыше лапы. У людей это бы называлось предплечьем.

Дракон оказался не чешуйчатым, а кожистым. Кожа и впрямь была чёрной, а ещё – гладкой, твёрдой и очень горячей. Как будто прислоняешься к стене дома, нагретой солнцем в жаркий день.

Чудище довольно уркнуло и взмахнуло хвостом. От поднявшегося ветра зашумели кусты.

– Обычно от эдакого вида люди шарахаются, – заявило оно. – Хотя я приношу удачу этой стране... По мере сил, – добавил дракон уже тише.

– Вроде талисмана-оберега, да? – спросил Лист, усаживаясь на вытянутой лапе. На ней можно было разместить пару взводов королевского войска. – Интересно, каких размеров должен быть карман, чтобы тебя туда поместить на манер подковы?

Громада затряслась, и мимо шута пронеслись разрозненные огненные язычки. Смеялся дракон так, что ли?

– Вообще-то второе, неофициальное название королевства – Драконья Заводь. Такой вот кармашек... – снова язычок пламени и звук, похожий на лошадиное фырканье, только раза в три громче. – Нет, ну у тебя талант прирождённый – надо же такое словечко брякнуть...

– И ты туда же! – яростно воскликнул гаёр и вскочил на ноги. – Вы все сговорились! Все во мне видят шута, кривляку, клоуна – и ни цента больше! И так всю жизнь!

Дракон опешил от столь внезапного бешеного выпада.

– Но... разве плохо быть шутом? – осторожно спросил он. – Это очень нужная должность... Думаю, король тебя ценит больше, чем весь штат придворных вместе взятых...

– Во-во. Свой парень, хороший друг, ценный кадр, – кивнул Лист. – Да лучше б он меня выгнал или на плаху отправил...

Решив, что подобную неблагодарность надо чем-то объяснять, шут медленно стянул с головы колпак и отбросил в сторону. Светлые волосы упали на плечи. Лицо, в их обрамлении ставшее однозначно девичьим, выглядело симпатично и очень печально.

– Я влюбилась в короля, – сказала Леста. – Трудно представить что-то глупее и провинциальнее.

Если б было чуток посветлее... и если б она чуть повнимательнее взглянула на собеседника, то удивилась бы выражению глаз и физиономии дракона. Он смотрел так, будто перед ним по меньшей мере разверзлась земля и оттуда выскочила куча дюжих чертей с дубинками.

Девушка между тем достала расчёску из кармана двуцветного камзола и принялась расчёсываться. Лунный свет запутывался в прядках, и дракон не мог отвести от них взора...

– А... Э... Как так получилось? – наконец спросил он.

– Ну, не на панель же мне было идти деньги зарабатывать, – фыркнула Леста. – Да на меня бы там никто и смотреть не стал... А шутки и всякие дурачества с детства удавались.

– Дракоша, – вдруг резко сменила она тему, – а ты летать умеешь?

Вместо ответа дракон распахнул огромные крылья и похлопал ими. Мощный порыв воздуха едва не сбил девушку с ног.

– А меня покатаешь?

– А ты не боишься?

– Ты второй раз за ночь об этом спрашиваешь! – она рассмеялась.

Устраиваясь поудобнее на драконьей спине, заявила:

– А тут здорово! У-у-ух ты!..

Взяв резкий разгон, дракон взмыл в ночное небо.

Блюдце из тонкого фарфора, расписанное фирменным серебром Тихой Заводей, падает на пол.

– Какая досада! – поджимает губы Камелия. – Нельзя ли поосторожнее? Это очень красивый сервиз, у нас таких не водится.

– Почему? Мы же его вам экспортируем, – повернулся к ней Крэн и смахнул на пол кружку собеседницы. – Ох ты ёлки-палки... Ну да ерунда, сейчас принесут новый.

Тонко, каким говорит королева, можно в жару охладить шампанское:

– Можно подумать, Крэн, будто ты рос не во дворце. Будто тебя не учили манерам...

– Да ведь посуда бьётся к счастью! – улыбается король. – А я, и правда, не во дворце рос. Меня отдали на воспитание одному отшельнику, я жил у него лет до пятнадцати и даже не знал, кто я...

– Какой ужас! – изящная ладонь прижимается к не менее изящному роту. – Будущему королю с младых ногтей должны внушать важность миссии, на него возложенной!

– Ну да, – хмыкнул Крэн, – и привить ему манию величия...

Камелия начала что-то возражать... а король припомнил, как на какой-то пирушке одна из герцогинь потянулась к графину с вином и перевернула его. Полетели реплики про «дырявые руки» – с упоминанием места, из коего они, якобы, растут; девица стояла донельзя смущённая и уже собиралась сбежать... Тут шут запел что-то про живительную влагу, про то, как она обильно льётся – и все подхватили. И спели потом ещё много чудесных песен. И никто не напился до свинячих морд, и не бузил. И молодая герцогиня вместо поспешного бегства пела и смеялась со всеми... и так была хороша, что вскоре кто-то из пировавших сделал ей предложение, и король ездил потом на их свадьбу – взяв с собой шута...

А если послушать Камелию? Герцогиню надо было выгнать и выпороть – за несоответствие этикету. И ничего бы не было – ни песен, ни смеха, ни любви... Ни новой семьи у него в подданстве.

Крэн вздрогнул – тонкие пальчики королевы (когда она успела так близко придвинуться?) пробежали по спине и по груди, а жаркий шёпот, казалось, проникал в самое сердце:

– Милый, ну когда же мы объявим о нашей свадьбе? Твой траур кончился, мой – уже давно, чего же мы ждём? Надо скорее объединять наши владения... так будет лучше... для всех...

«Вот так она и Флориана отравила, – с отчётливостью понял Крэн. – Очаровала, околдовала... потом яду в вино, и Розария теперь фактически колония Голубых Песков. Варэндан с них дань гребёт – только успевай подносить. А она свободна как пташка на заре... и ищет нового обалдуя на старую роль. Чудно пташечка распелась... да как бы кошечка не съела».

С трудом высвободившись – ловкие пальчики с груди и живота успели спуститься пониже – король сказал:

– Дорогая, я сегодня не в самой лучшей форме... А что до свадьбы – я оттягиваю её не просто так, а с расчётом. Я собираюсь сделать тебе сюрприз... Он трудоёмкий и затратный, и требует много времени. Но я уверен, тебе понравится.

Камелия надула губки. Потом лукаво спросила:

– А нельзя ли этот сюрприз приурочить к какому-нибудь другому событию? Скажем, к моему дню рождения – он будет осенью, как раз времени хватит... А свадьбу мы бы сыграли сейчас.

«Ну да, – усмехнулся Крэн про себя, – чтобы Тихая Заводь перешла в твоё полное владение. А меня нашли убитым где-нибудь на охоте. Или в пропасть упавшим. Для разнообразия».

– Понимаешь, любимая, – влюблённый вид, полный обожания взгляд, – это такой сюрприз, который можно сделать только на свадьбу. И вообще только раз в жизни по-хорошему. Я всё продумал, – рука вскинута в жесте защиты, – менять уже поздно. Подожди ещё немного, совсем чуть-чуть.

Уф! Теперь дежурный поцелуй... и можно уходить.

«Чёртова политика, – продолжал мысленно ворчать король, направляясь в свои покои. – Всё не как у людей! Но уж Драконью Заводь... мою Заводь – чёрта с два я отдам всяким проходимцам!»

Дракон опустился на берегу моря. С его спины скатилась светловолосая девчужка в нелепом наряде и завопила:

– До чего здорово!.. Всегда хотела увидеть море... Только пешком сюда не доберёшься, и на лошади тоже. Вот если на тебе – другое дело.

Стрельнув лукавым взглядом на своё транспортное средство, Леста с ожесточением принялась выдираться из шутовского костюма.

– Эй, ты чего делаешь?

– Купаться собираюсь, конечно! – пожалала та уже голыми плечами.

Дракон шумно вздохнул. Ну вот, только этого не доставало...

Солнце. Камни. Лениво плещущие светло-зелёные волны. Белое гибкое тело. Не было в нём особого изящества, и грация в движениях не ночевала.

Но в жизни, кажется, ничего красивей не видел. Хотя красивей – не то слово, оно холодное какое-то. Милее. Роднее. Ближе. И при-тя-га-тель-не-е... Он снова вздохнул и прикрыл глаза.

– Эх, жаль, меня Крэн сейчас не видит! То-то бы он обалдел! – засмеялась Леста, отжимая мокрые волосы.

– Да. Он бы точно обалдел, – подтвердил крылатый.

Сдружившись с драконом, девушка как-то проще стала относиться ко всему. И к своей неразделённой любви в особенности. Всё-таки собеседник, которому можно всё рассказать, вместе посмеяться или поудивляться, – великая вещь. Леста снова стала собой – солнечной открытой натурой. Шутки с неё сыпались не вымученно, не как реакция на боль, а как неотъемлемая черта характера.

С драконом (он велел себя называть «просто дракон») она встречалась не особо часто, но зато встречи были наполнены до отказа. Они летали, дурачились, травили байки и загадочные истории, шастали по лучшим местам Драконьей Заводей, пугали людей... Пугал, конечно, дракон – в шутку и очень редко.

Обычно он прилетал в дворцовый сад под покровом ночи. Сколько Леста ни пыталась караулить – ей никак не удавалось засечь, когда же именно он появлялся. Вроде бы только что никого не было – как уже маячит, загораживая звёзды, знакомая громада. Девушка даже как-то спросила – не умеет ли он часом невидимкой становиться? Крылатый отшутился, и больше она не спрашивала. Видно считала, что каждый имеет право на тайну.

А в этот раз он подхватил её среди бела дня. Она шла себе спокойненько, воздухом свежим наслаждалась, деньком солнечным... показалось – тучка набежала. А в следующий миг уже барахталась в огромных когтистых лапах этой «тучки».

Эти жутко выглядевшие лапы оказались чертовски нежными и бережными. Правда, потом дракон решил похулиганить и подкинул Лесту в воздух. Потом ещё и ещё. И дразнил: «Теперь ты настоящий Лист!..» На четвёртый раз девчушка умудрилась спикировать ему на спину, и он понёс её к морю на границе королевства...

И вот теперь он наблюдал за ней внимательными карими глазами. Леста только сейчас разглядела, какие у него глаза – большие, влажные и живые. Они бегали туда-сюда... и это было странно – сам дракон был скуп на движения. Немудрено – при таких-то размерах... Но взгляд выдавал натуру деятельную, беспокойную и взрывную – в последнем Леста убеждалась неоднократно. Чуть что – огнём плевать начинает.

После купания её била дрожь. Июньское солнышко плохо грело... но у Лесты была персональная живая печка. Прижавшись к гладкому боку, она удивилась: он оказался ещё горячее обычного. И тут её осторожно накрыли сверху крылом.

Так уютно девушка не чувствовала себя даже зимой под одеялом. Она свернулась калачиком, теснее прижимаясь к чудищу, и через минуту уже спала.

Дракон застыл каменным изваянием. Для него это была не самая удобная поза, но он согласился бы просидеть так всю жизнь – баюкая в объятьях своё сокровище...

Король тиснул печать под собственной росписью на очередной бумажке и вытер взмокший лоб. Сколько их тут ещё будет... Приказы, указы, жалобы, просьбы... И всё должно пройти через его руки. И его решение – последняя инстанция. Чёрт, да королям надо молоко за вредность выплачивать – бочками!

Хотя нет... Лучше сметану – крынками. Густую такую, жирную...

– И что ты маешься всей этой ерундой? – присела рядом Камелия. – У меня и у отца всё это решается просто: министры сами проставляют смертные приговоры, а мы лишь подмахиваем – не читая.

– А мои министры знают, – сжав зубы, выговорил Крэн, – что если будут стряпать смертные приговоры кому попало, сами загремят на плаху!

– Ну почему же – кому попало... – задумчиво произнесла королева. – Есть определённый круг лиц, на который опираешься... Для них идёшь на уступки, наделяешь привилегиями. Они за тебя потом горой стоят... и всех остальных умирляют.

Король представил картинку: он стоит посреди кучки придворных, вооружённых до зубов, а их со всех сторон обступает толпа разъярённого народа. Сперва они отбиваются, а толпа всё напирает, всё прибывает... наконец захлестывает и придворных, и его самого, и катится дальше – сметая всё на своём пути... и вместо Тихой Заводи – пустыня... высохшие камни, растрескавшееся дно, где раньше весело плескалось море...

Крэн зажмурился и затряс головой, отгоняя дикое видение. Придя в себя, с грохотом впечатал кулак в стол:

– Так! К собачьему чёрту всю эту политику! Свадьба через три дня!

И выбежал из кабинета.

Королева довольно улыбнулась: ну наконец-то лёд тронулся! Этот чудак оказался неплохим любовником... жалко будет его терять. Может, перевоспитать удастся? Он же король всё-таки, в конце-то концов! Не может он быть таким рохлей, каким выглядит! А то бы давно уже заменили на другого – потвёрже да пожёстче. Кто белы ручки в крови мать не боится.

Камелия перелистала бумаги, подписанные королём. Что ни говори, она была умной женщиной и в политических делах разбиралась. И вскоре вынуждена была с неудовольствием признать, что Крэна перевоспитать не получится. Ибо это не лечится. Он оказался болен страшной для короля болезнью – тягой к справедливости. Пытался воздавать людям то, что они, якобы, заслуживали. Удавалось не всегда... но само направление чего стоило! Нет, он безнадёжен. Такие не меняются.

Что ж, ему же хуже. Если Крэну по душе роль идиота – он получит возможность сыграть её блестяще. С закономерным финалом, разумеется.

«Надо будет как-нибудь так подгадать, чтобы они с шутком этим проклятым сдохли одновременно, – с внезапной злобой подумала королева. – Это ж надо додуматься – «лучшая диковинка»! Два дурака. Один в колпаке, другой в короне. А разницы никакой...»

Венценосный «дурак» тем временем наслаждался суматохой, вызванной его заявлением. Дворец закипел, как разворошенный муравейник. Крэн прохаживался туда-сюда с видом, какой бывает у kota при мысли о заветной баночке сметаны – свеженькой, со сливочками...

Приустав, король вышел в свой любимый сад – глотнуть кислороду. Из резной беседки доносились голоса.

– Эх, ну и бабёнку я тут отхватил!.. Пальчики оближешь! Грудь – во, бёдра – во! И ласковая такая...

– Ну, Фирс, ты совсем обнаглел! И на скачках тебе везёт, и у баб успех... Ты другим-то оставь чего-нибудь!

– А жить надо уметь, – по тону ясно, что Фирс улыбается. – Я чужого не трогаю, мне оно без надобности. А уж своего не упущу, Глен, это ты поверь на слово!

Дружный хохот в беседке и, судя по звукам, кого-то хлопают по плечам.

– Я бы женился, – мечтательно заявляет баловень фортуны. – Уж больно хороша лапочка, да и женой обзавестись всякому порядочному человеку надо... Так ведь незадача – я граф, а Филта моя – в трактире прислугой... Мезальянс получается, а по закону он не проходит у нас, хоть ты тресни.

– А мне короля жалко, – ни с того ни с сего говорит Глен. – Повёлся он на этой ведьме – что только нашёл? Ни кожи ни рожи, а вертит им как хочет. Сначала-то она вроде симпатичной кажется, а поближе приглядишься – с души воротит.

– Мне она с самого начала симпатичной не казалась, – презрительно бросает Фирс. – Я худышек вообще не люблю, а эта ещё корчит из себя чёрте-чё. Вот моя Филта...

Король тихо отступает вглубь сада. Подслушивать, конечно, нехорошо... но без греха, известно, не проживёшь, а Крэн предпочитал обходиться малым злом.

Он пошёл по тропинке, легко попинывая камушки. Интересно, что его приближённые скажут о настоящей королеве?

Лист сидел на дереве – очень подходящее к имени место – и болтал ногами. Он улизнул из дворца, как только услышал про королевскую свадьбу. Леста собиралась вообще завязывать с ролью паяца – шутки зашли слишком далеко. Второй раз смотреть на счастливого Крэна рядом с красавицей Камелией она не собиралась.

Она бы давно ушла – но где бы ещё она короля смогла видеть? Говорить с ним, вызывать то смех, то недоумение, то злость на его живом открытом лице – где ещё? Он даже на монетах вместо собственного профиля, как у

добрых людей заведено, чеканил башку какого-то чудища, подозрительно смахивающего на дракона. И что ещё подозрительней – на её крылатого приятеля.

Хотя ничего тут странного нет. Тихая Заводь – Драконья Заводь. Дракон – покровитель страны, защитник, залог удачи и богатства. Наверняка Крэн об этом знает.

«Хоть бы он сейчас прилетел, дракоша мой, – с тоской подумала Леста. – Поболтать с ним, душу отвести, попрощаться... и свалить отсюда. Видно, не моя это судьба, прав отец. Он своё счастье с Камелией нашёл... и я где-нибудь своё найду».

Зелёные глаза хищно блеснули: девушка представила, как она отравляет королеву – прямо на свадьбе. Та, вся такая изящная, в роскошном платье, взмахивает руками в последний раз – и падает бездыханно. Все кричат, суетятся, бегают, ахают... Поздно! Ничем уже не помочь – яд действует мгновенно. Лучший, отборнейший яд из королевской аптеки. Там не мухлюют. А сам король в это время...

Глаза потухли. Вот поэтому розарийская королева может есть и пить без опаски. Лесте плевать было на Камелию и на себя – уж убийство королевы явно будут расследовать с особой тщательностью, тут не отсидишься. Но ломать счастье того, кто тебе дорог... Вот это было выше её сил. А что он счастлив с ней, сомнений нет – последнее время светится, как фонарик ночью.

«Ну где же этот чёртов дракон! – с силой врезала девушка ладонью в ствол. – Когда надо, ничего и никого не дождёшься!»

Рука заболела. Дуя на неё, Леста уронила взгляд вниз. Вот так всегда: думаешь об одном, а появляется совершенно другой. Ну хоть полюбоваться напоследок...

Король шёл, засунув руки в карманы и пиная камушки. Ещё и что-то мурлыкал под нос. Свадьба у человека с любимой женщиной скоро – чего ему, спрашивается, недовольным быть?

Остановившись, Крэн огляделся. А в следующую минуту... Лесте показалось, что её солнечный удар хватил или в этом роде что-то. На лужайке восседал её друг дракон! Как обычно, чёрный и матовый. Он развёл крылья, собираясь взлететь... и тут услышал крик изумления.

Несмотря на размеры, дракон обладал поразительным слухом, да и зрением тоже – мог разглядеть лягушку в траве у себя под лапами. К тому же *этот* голос он бы везде и всюду узнал и без подобных ухищрений. Чудище раздвинуло мордой ветви, за которыми прятался шут, и сказало как-то грустно и виновато:

– Привет.

– А... а где король? – тупо спросила Леста.

– Ну... ты же меня засекала, как я понимаю, – вздохнул Крэн-дракон.

Дерево опасно зашаталось от этого вздоха, но девушка даже не заметила. Минуты две она переваривала информацию, пытаясь понять, что кареглазое

недосягаемое величество и ставший лучшим другом громадный ящер – одно лицо. Потом со всей силы, какая была, хлопнула по драконьей морде.

– Ты... у меня в жизни друзей не было, я думала – нашла... А это оказалось ещё одним шутовским представлением...

Попытавшись оттолкнуть предательскую морду – это было всё равно, что сдвинуть дом, – Леста съехала вниз, ободрав до крови ладони и не чувствуя этого. И рванула в ближайшие кусты, оказавшиеся тоже колючими.

Красное и синее. Любовь и боль. Удел шутов. Нет дружбы, нет тепла, нет желания – только смех. Всегда и везде. И ото всех. И потому шуты плачут.

– ...Отпусти меня! Отпусти!.. – забилась Леста, скидывая обнявшие её руки. Такие тёплые, сильные и в то же время бережные. Как драконьи лапы.

Но уши не заткнёшь, и слова проникают внутрь, падают на сердце, полное старых и новых ран. Слова – отрывистые, взволнованные, горячие, бессвязные... Так не врут. Так не врёт именно этот человек – у него другая манера вранья, изученная шутком в совершенстве.

Шут поворачивает заплаканное лицо – и слёзы высыхают от поцелуев. Колпак, жалобно звякнув бубенцами, летит на землю. Вскоре к нему присоединяются два костюма: один – цветной и грубый, другой – из тончайшей светлой материи.

...Последним аккордом в эту груды слетела корона. Ни король, ни бывший паец этого, конечно, не заметили.

Ничего себе «ванна»! Это целое мини-озеро! Или Крэн тут в своей второй ипостаси плещется?

Хихикнув, Леста с наслаждением бултыхнулась в тёплую воду. Он ещё и лепестков велел насыпать – хорошо хоть на это пошли не розы, а тюльпаны. Розы девушку откровенно бесили своей изощрённостью. То ли дело свежий, чуть резковатый запах красных лепестков на голубой водной глади...

Натягивая платье, она жмурилась от удовольствия и чуть ли не мурлыкала по-кошачьи. Наконец-то нормальная женская одежда! Тонкая, летящая, облегающая фигурку... А ещё – косметика. Немного, совсем чуть-чуть: глаза подчеркнуть. Зелёные, влюбленные, с золотой искоркой смеха на дне... Как это Крэн сказал: «Это единственное ценимое мной золото... Слушай, а ведь правду говорят, что золото намного дороже серебра! Никогда бы не подумал».

И оба рассмеялись.

Спустившись через потайной ход, Леста слегка колыхнула ширму, как было условлено. Только собралась сделать это ещё раз – досуг королю пляться на портьеру в углу – как услышала звучное:

– Я решил не тянуть до послезавтра, а сыграть свадьбу сегодня! И для начала позвольте вам представить мою невесту!

Придворные недоумённо переглядывались – ох уж это величество с его чудачествами... Камелия приосанилась, ожидая обещанного сюрприза. Лесту заметили, только когда она пересекла ползала. Вторую половину Крэн уже вёл её за руку.

– Это... это что? – перекопилось изящное личико королевы.

Король улыбнулся.

– Я же сказал – это моя невеста. Впрочем, я не против это повторить... и велеть протрубить на всю Тихую Заводь – тоже.

– Леста – королевская невеста! Тили-тили-тесто, ты теперь невеста! – выполняя высочайшую волю, завопил Сиф. Вприпрыжку подлетев к сестре, повис у неё на шее.

И тут кто-то изумлённо выговорил:

– Да это же наш шут!..

Кто-то заахал, кто-то принялся протирать глаза и лорнеты и творить заклятья от нечистой силы. Камелия с неистовым воплем: «Чужало моё сердце!..» бросилась к девушке с явным намерением задушить на месте. Но под ноги ей попался мальчишка, угрюмо заявивший:

– Не тронь Лесту! И вообще лучше проваливай отсюда. Это наш дом, а ты чужая и холодная.

– Да как ты смеешь!.. – от оплеухи Сиф без труда увернулся, и узкая ладонь со всего маху впечаталась в подножье трона.

А Крэн, будто ничего не замечая, велел накрывать столы и теперь объяснял чудесную метаморфозу шута в без пяти минут королеву. А под конец объявил:

– Король может жениться только на равной ему по статусу – так написано в законе. Не думайте, что я нагло нарушаю его. Просто с сегодняшнего дня в силу вступает новый закон – разрешающий мезальянсы. В том числе и для лиц королевской крови в Тихой Заводе.

Зал впал в некоторый ступор от подобного заявления. Одна Камелия зашипела на короля взбешённой кошкой:

– Ах, так?! Смеяться надо мной? Проводить за моей спиной грязные игры?! Ты хоть понимаешь, болван, что это государственное оскорбление? Что я объявляю Заводе войну? И не успокоюсь, пока не сотру с лица земли последнюю здешнюю лачугу, пока тебя и твою девку не приволокут ко мне грязным кровавым мешком?!..

Король слушал молча, только лицо каменело. Когда королеве потребовалась передышка, чтоб перевести дух, он ледяным тоном сказал:

– Будьте так добры, леди, пройдите со мной на крыльцо. Там вы получите ответ на свои справедливые вопросы.

За ними хлынула толпа – по дороге любопытствующих прибавилось. Обедя взглядом пёстрое собрание, Крэн неожиданно подмигнул – мол, не зыщите, уж чем богат...

Крики. Ахи. Лёгкая паника. Успокаивающие возгласы самых наблюдательных. Королева хлопается в обморок. Но недолго она в нём валялась – дракон подхватил её и легонько встряхнул. Этого хватило, чтобы у неё застучали зубы как в лихорадке.

– Что, папашке побежишь жаловаться? – загремел дракон. – Мол, не удалось Тихую Заводь к рукам прибрать – король не захотел доверчивым

дуралеем быть? Теперь, значит, поставим Заводь в отместку на поток и разграбление?..

Жуткое это было зрелище: огромное разъярённое чудище и визжащая и барахтающаяся в его лапах женщина. Камелия как-то вдруг растеряла всё своё очарование. Не выглядела и беззащитной жертвой, над которой творится насилие. Лицо перекосилось, визг резал по ушам... Ни один из собравшихся мужчин не вступился за неё – а ведь они были далеко не трусы.

– Попробуйте только напасть на нас! Вас встретит гвардия таких, как я! – с этими словами дракон задрал голову и выпустил из пасти залп огня. Пламя, на миг затмив солнце, с шипением метнулось туда-сюда и исчезло. – Так что, дорогая, катись-ка ты из Драконьей Заводи, и дорогу обратную не вспоминай. Окажу услугу сиятельной особе, так уж и быть. Сопровожу до границы.

С этими словами Крэн полетел на запад, унося прочь незадачливую высочайшую гостью.

Вир оглядел стул с облупившейся полировкой и покачал головой.

– М-да... мебели явно отжили свой век, – констатировал он. – Не беспокойся, зятёк, всё обтяпаю в лучшем виде! Обновлю вам тут обстановочку. Эх, соскучился я по работе большой и хорошей!.. – столяр аж зажмурился от удовольствия.

– Я вот тут попросил списочек накидать, – Крэн протянул ему листок бумаги. – Что, куда, в каком количестве... С пожеланиями, в каком стиле, – и прочее.

Вир уставился в бумажку.

– Первому министру – стол дубовый, с множеством ящичков... Кресло большое, мягкое, с фиолетовой обивкой... А почему бы не серо-буромалиновой в полосочку? – хмыкнул он и двинулся к выходу, продолжая разглядывать список и что-то бормотать под нос.

В коридоре в него со всего маху врзался Сиф, чудом не огрев зажатой в руке поварёшкой.

– А мы сегодня варим суперсуп из обычной курицы! Туда надо только травку запахать особенную, я тебе не скажу какую, и морковь, когда жарить, всё время мешать! И вообще, главный повар сказал, что я буду не овощи со всеми чистить, а экспе... экспиринтировать... ну, создавать новые блюда, короче. Он сказал, что у меня к этому талант, вот.

Своему малолетнему шуруну Крэн предложил стать пажом или пойти учиться на гвардейца. Конечно, Сиф выбрал гвардию. Попросил, чтобы его сперва научили на лошади ездить – давно об этом мечтал. А потом как-то заглянул в громадную дворцовую кухню – и вся военная карьера накрылась медным тазом.

Ещё дома он частенько готовил еду, и так мастерски пожарить обычную картошку не удавалось даже Лесте. А уж о том, что он мог сотворить из стакана обычной муки, к тому же грубого помола – и говорить не приходится.

А здесь – такой размах! Такие возможности! Не говоря уж о всевозможных ингредиентах, которых Сиф и названия-то впервые слышал.

Заявив, что гвардия в Тихой Заводе и без него круче некуда, пацан нацепил белый передник и такой же поварский колпак. Через пару недель главный повар – пожилой уже мужик – решил, что годика через два он со спокойной душой уйдёт на пенсию. Король же подобным раскладом оказался чертовски доволен – гурман из него был ещё тот.

Хотя в последнее время все как-то подзабыли, как выглядит недовольный Крэн. Нет, он мог вспылить и разбить о чью-нибудь бестолковую голову очередную вазу – но это как-то бледно смотрелось на общем фоне окрылённости. Такого он раньше не испытывал даже в драконьем обличье.

...Стоя у раскрытого в вечерний сад окна, Крэн услышал лёгкий перезвон и сам не заметил, как начал улыбаться. Не оборачиваясь, дождался, пока сзади его несмело обнимут, и закрыл глаза от удовольствия.

Леста попыталась уложить подбородок ему на плечо, но не помогли даже туфли на каблуках. После третьей попытки король не выдержал и сам обнял королеву. Снова лёгкий перезвон, на сей раз уже никем не замеченный...

Женившись на своём шуте, Крэн упразднил эту должность. А чтоб не пропадать добру, бубенчики с колпака велел приделать к короне. Леста заявила, что это лучший свадебный подарок. Как бы ни ворчала она на профессию гаёра – за полгода успела к ней привыкнуть и расставаться не собиралась.

– Может, прогуляемся? – предложила она.

В саду они наткнулись на ещё одну влюблённую парочку, сыгравшую свадьбу в один день с ними. Когда Крэн объявил о «мезальянсе в законе», Фирс тут же бросился седлать коня и во весь опор помчался в заветный трактир, наплевав на все приличия. И вот теперь Филта (платья на её размер пришлось спешно шить на заказ, во всём дворце не нашлось такого размера) сидела в его объятиях с чертовски довольной физиономией. Правда, как-то подозрительно взъерошенная и чуток в мятой одежде... но это уже детали несущественные, верно?

Королевская чета хотела быстренько пройти мимо, чтоб не мешать людям, как Фирс их окликнул:

– Эй, господа ваши величества!..

– Я вот всё хотел спросить, – продолжал он, – что это за новости о гвардии драконов? Положим, легенду о королях-драконах – истинных властителях Тихой Заводе – слышал... а это как понимать? Может, у нас все дворянские роды обращаться могут? Надо бы попробовать, да я не знаю, как...

Король хмыкнул.

– Соврать врагу – грех небольшой, – ответил он. – Нет, Фирс, других драконов тут не водится, я один... Мне другое покоя не даёт. Может, правда, слишком либеральничаю? Вот закон этот о браках межсословных – не все его воспримут так, как вы...

Он с тревогой уставился на счастливую пару. У Лесты на языке вертелась язвительная реплика про образ истинного владыки Драконьей Заводи – непременно с драконовскими ухватками, но она промолчала. В конце концов, этот закон был принят из-за неё.

– Не все, – спокойно ответил вельможа. – Но для короля главное – обеспечить условия, дать возможность... а уж сумеет, захочет ли этим кто пользоваться – то не в его власти. Дурак – он и при либерализме дурак.

Крэн собрался было долго и жарко спорить... но ему не дала Филта, выпалив:

– Ваше величество, а можно увидеть, как вы в дракона превращаетесь? А то Фирс так интересно рассказывал...

Да уж! Об этом гудел весь дворец – и добрая половина Заводи. Старые легенды, оказывается, имеют нечто общее с нынешней действительностью. Что ж, ради осознания этого можно и конспирацией пренебречь...

Крылатая легенда, плавно оттолкнувшись от земли, полетела навстречу уже начавшему темнеть небу.

Почти человек (Фэнтези)

Ольга БЕЛОУСОВА

Посмотри мне в глаза

Бог творил Мир шесть дней.
На седьмой, пока Он отдыхал,
в Мире объявилась Любовь.
Так с тех пор и пошло –
Бог сам по себе,
а Любовь – сама по себе.

Автор

День первый. Суббота

00.30, моя квартира

Брови – чёрные, тонкие, с изгибом... цвет глаз – серый... нет, лучше синий... кожа смуглая... нос, скулы... теперь волосы... грудь... Макияж... Бельё... Брючки, майка, босоножки, сумочка. Ничего не забыла? Ах, да! Ключи от квартиры!

Вечер тёплый, небо – ясное. Весна – ...ну, как обычно.

Таксист лихо тормозит машину возле дверей кафе. Неделя прошла удачно, и у меня есть полное право расслабиться.

00.50, кафе «Сфинкс»

Дурацкое название. Дурацкое заведение. Два зала, столики, танцплощадка, бар, бильярд. Дорогой ремонт, приятный полумрак, громкая музыка, лёгкий запах табака в сочетании с исправно работающими кондиционерами. Если хочешь побыть в одиночестве, сюда приходить не стоит. Впрочем, именно сегодня я одиночества не хочу. Я хочу компанию. А конкретнее – компанию мужчины.

Я улыбаюсь своему отражению в огромном зеркале, перекидываю сумочку на другое плечо и шагаю навстречу музыке и темноте.

– Привет, – киваю я бармену. Интересно, что заставляет таких мужиков работать «принеси-подай»? Ну и, конечно, он совершенно в моём вкусе.

– Привет, – улыбается он. – Мартини и апельсиновый сок?

Я несколько теряюсь. Возникает странное чувство узнавания... Нет, не я узнаю – меня узнают. Теоретически – это невозможно. Я научилась меняться ещё в детстве, и пока что это умение меня ни разу не подвело. Так что теоретически – невозможно. А практически?

Ой-ой-ой.

– Мартини и сок, – чуть напряжённо говорю я. – А мы знакомы?

Я была здесь всего один раз и с другим лицом. Неужели?..

– Нет, – снова улыбается он. – Но очень хотелось бы.

Всё в порядке. Я вздыхаю чуть глубже и тоже улыбаюсь.

Бармен наливает мне коктейль в высокий мутного стекла бокал, кидает сверху пару кубиков льда.

– Меня зовут Ян.

Ян. Имя вызывает ассоциации, не то чтобы неприятные, скорее наоборот...

Бывают же в жизни совпадения... Янек. Янус. *Двуликий Янус*. Хм...

– А меня Яна...

Это моё имя. В смысле, моё *настоящее* имя. Интересно, *что* меня дёрнуло за язык?

– Выходит, мы с тобой тёзки?

– Выходит, тёзки.

Бармен усмехается, смотрит мне прямо в глаза. Так смотрит, что мне сразу же хочется зажмуриться. Я лихорадочно глотаю холодный напиток. Лёд медленно тает, звонко стучит о стенки бокала, о мои зубы.

– Эй, красавица, привет!

Я цепляюсь за этот голос, как за спасательный круг. Стойка бара тонушим кораблём остаётся где-то за спиной вместе с барменом Янусом и моим коктейлем. Я блуждаю в танце, в поцелуе, в своих растрёпанных чувствах. Я ухожу с мужчиной, которого не знаю, но не это пугает меня.

Не это. Я вдруг понимаю, что боюсь. Впервые в жизни я боюсь *человека*.

8.40 утра, чья-то квартира

Так, лифчик безнадёжно испорчен...

– Ты куда?

Проснулся всё-таки... Уйти по-английски уже не получится.

– Домой.

– Подожди, подожди, Алёна!

А майка на голое тело тоже нормально смотрится... грудь только надо уменьшить...

– Ну, чего тебе?

– Тебе что, не понравилось?

Господи, только вот этого не надо... Мужское самолюбие – терпеть его не могу.

– Понравилось-понравилось.

– Слушай... Ты такая... Такая... чудесная!..

– С-спасибо...

Очень хочется пройтись босиком. Только вряд ли прохожие на улицах оценят это по достоинству.

– Алён, мы увидимся сегодня?

– Нет.

– А завтра?

– Нет.

– Тогда когда же?

– Никогда.

Усилим воли заставляю себя надеть босоножки, на ходу застёгиваю пуговку на брюках, подхватываю сумочку и выскакиваю за дверь.

Чёрт, уже почти девять! Надо забрать документы из офиса. И к встрече с Чегинаром подготовиться как следует, иначе сделка сорвётся.

И кошка не кормлена ещё, и Катька...

До офиса вполне успеваю дойти пешком. Необходимо подумать...

Переговоры с Алексом могут затянуться. Что делать, ума не приложу. Чегинар не дурак, что меня, впрочем, не удивляет. Он руководит большим хозяйством, значит, мозги есть.

Интересно, я ему нравлюсь?

Нравлюсь.

Я это всегда чувствую.

Дождь идёт. Чегинар – это шанс для нас. С другой стороны, и я ведь для его компании – тоже не самый худший вариант. Чёрт возьми, один из лучших! Так в чём же проблема?

Капли мелкие, резкие, нервные. Жаль, что нет грозы. Я влюблена в ураганы, в грозы, в метели... и они отвечают мне взаимностью... И я всегда брожу по улицам, когда ищу ошибку в своих действиях.

Надо подумать...

Из-за угла навстречу выворачивает здоровенная чёрная псина. Лохматая шерсть чуть припорошена дождём, короткие усы и блестящий нос легонько шевелятся, переводя на свой язык уличные запахи. Мы смотрим друг другу в глаза, и, могу поклясться, во взгляде пса можно прочитать удивление. А я вдруг вспоминаю, что уже видела эту собаку однажды... пару недель назад возле университета... он тогда выбрал меня из тысячи студентов, и проводил до самого офиса...

Сейчас он снова идёт за мной, словно охраняет. Приятно, хотя в охране я нуждаюсь меньше всего. Заходить в подъезд пёс отказывается. Я приглашающе держу дверь открытой, но он гордо проплывает мимо. Я смотрю на удаляющийся чёрный силуэт и пытаюсь отделаться от странного чувства из смеси тревоги и облегчения... В подъезде сухо и тепло. Я трясую головой, избавляясь от дождинок, снова вспоминаю о Чегинаре. Вообще-то странно, что я смогла забыть о нём хотя бы на пару минут...

Ну же, Янка!

А чего «ну»? Всё, что могла, я ему уже сказала...

Значит, не всё!

Думай, Яна! Думай!

11.22, моя квартира

– Мя-а-у!

Это Джинни. Она досталась мне по наследству от прежней хозяйки квартиры вместе со старым диваном и домашним кинотеатром. Диван я выбросила, кошку оставила. Вернее сказать, Джинни сама решила остаться.

Она очень самостоятельная девочка, совсем как я, и живёт своей собственной неповторимой жизнью, в которой почему-то находится место и мне. Она любит точить когти о новую мебель и засыпать рядом со мною у телевизора.

– Мне сейчас некогда играть с тобой, Джинни, – отмахиваюсь я от её настойчивых требований, стягивая с себя пропахшую дождём, табаком и чужим мужчиной одежду.

– Ма-а-аур-р!

Я смеюсь. Заявление моей кошки в переводе прозвучало бы совершенно нецензурно.

– Где ты нахваталась таких неприличных выражений, киса?

– Ур-рм-мя-ау...

– Только не надо меня шантажировать, ладно? – я бросаю одежду в ванную, на кухне включаю чайник. Готовить уже некогда, придётся забежать в какое-нибудь кафе... – Ай!

Это Джинни царапает меня за ногу.

– Больно!

– Ур-р... – соглашается она. Я быстро выкладываю на блюдце кошачьи консервы, улыбаюсь, видя, как Джинни бросается к еде.

– Прости, киса... У меня было свидание... Наверное, сегодня я всё-таки приду ночевать домой...

– Мур-р... – скептически отвечает Джинни. Она не верит мне, но уже не сердится. И то хорошо. На земле не так много существ, которых я люблю, и Джинни одна из них.

– Хор-рошо-о... – я сооружаю себе большой бутерброд из копчёного мяса, сыра и зелени, наливаю чай и усаживаюсь со всей этой красотой на подоконнике. – Я бы приходила чаще, но ведь ты умудряешься каждый раз испортить мне свидание!

– Урм-м...

– Эй! Я всё ещё помню прошлый раз! Ты прыгнула к нам на постель в самый ответственный момент и напугала парня до смерти! Не подлизывайся! За каким чёртом мне тогда нужна эта квартира, если я не могу привести сюда мужчину? Я вот тут подумываю, раз ты так настроена, не перейти ли нам жить в общагу? Катьке ты очень понравилась...

– Ур-р...

Вот и договорились. Мой личный опыт показывает, что самое сложное в этой жизни – это убедить свою кошку поступать не так, как хочется ей.

16.15, студгородок, моя комната в общаге

– Катька! Это я!

Катя, моя соседка по комнате, прихорашивается у зеркала. У неё шикарные тёмные волосы и огромные, тоже тёмные, глаза. И ещё у неё чудесный характер.

– Привет, Гал... Я думала, ты раньше придёшь...

– Я тоже так думала...

Я быстро скидываю с себя юбку, блузку, кутаюсь в халатик, на ходу заглядываю в чайник.

– А чая нет?

– Сейчас поставлю. Ты куда-то опаздываешь?

– Ещё нет, но... А что у нас к чаю?

– Там ещё пряники остались, – Катя кивает на стол. – На один раз хватит.

Я достаю из сумочки шоколадку, улыбаюсь.

– Ненавижу пряники, ты же знаешь. Ставь чайник.

Катя выскакивает в коридор за водой.

Я подхожу к зеркалу, вглядываюсь в отражение... ничего не перепутала? Волосы короткие, глаза серые. А вообще-то, всякое бывает... Придумывай потом про контактные линзы и парики... Нет, кажется, всё в порядке...

И чего это я так разволновалась? День как день... самый обыкновенный. И ночь тоже была обыкновенной – мартини, танцы, чужая постель. А бармен... А что – бармен? Померещилось... Нет, всё как всегда. И ничегошеньки не меняется, кроме меня самой.

Я поправляю растрепавшийся локон, улыбаюсь сама себе. Я молода, красива, умна, богата, желанна. Я...

Возвращается Катя. Включает чайник, улыбается мне. Она вообще часто улыбается. Хорошая девочка, жаль, что приходится её обманывать. Наверное, однажды я всё расскажу, всё-всё... Вот интересно, как она отреагирует?

– Ты-то чего не на парах? – спрашиваю у Кати.

– Проспала, – она невинно моргает длинными ресницами. – Тебя не было, никто с утра не скомандовал...

Я для Катки нечто вроде будильника – сама рано встаю, и её поднимаю.

– Вот интересно, как это ты раньше без меня обходилась, а Катюх?

– Даже и не представляю, – смеётся она.

Я пью чай, обжигая пальцы о горячий стакан, слушаю последние общаговские сплетни, одновременно взвешивая будущий разговор с Алексом. Если он подпишет договор, мы обеспечены работой на всё следующее полугодие. А значит, деньгами тоже. Чёрт, ну что бы такое ему ещё предложить?.. Себя, что ли?

– Гал! Галка!

– А? Что, Кать? Извини, я задумалась...

Катя бросает мне на колени какую-то бумажку.

– Ты просила расписание зачётов для тебя узнать...

– Спасибо, Катюх.

Я тянусь к сумочке, достаю из неё ещё одно расписание, сравниваю...

– Чёрт, во вторник сразу два... Могу не успеть...

Катя молча жуёт шоколадку. Она никогда не лезет в мои дела.

День второй. Воскресенье

Между 8.00 и 9.00, в машине где-то на трассе за городом

«М-да... ночь была та ещё! Чудесная ночь. Алик-Алик... Не зря про него такие слухи бродят... И фигура у него... хм... хороша... Даже если

мы не подпишем контракт... всё равно... это была чудесная ночь... чудесная...»

Я гоню машину на предельной скорости. Трасса почти пуста. Тело, заласканное Аликом и ветром, поёт о сбывшемся прекрасном. Кажется, так не бывает...

«Чудесная ночь... чу-удесная ночь...»

Звонит мобильник. На такой скорости отвечать на звонок равносильно самоубийству. Я беру трубку.

– Мы будем у тебя в офисе сегодня в четыре, – говорит Алекс Чегинар. – Подготовь контракт на тех условиях, что мы обсуждали вчера. Сумма оплаты твоя. Полагаю, ты не продешевишь.

Короткие гудки.

Я резко торможу, одновременно пытаюсь побороть в себе растерянность и радость. Больно стучаюсь грудью о руль. Мобильник падает куда-то под сиденье. Чёрт! Чёрт! Алекс, чёрт бы тебя побрал!

Он согласен!

Так, что теперь? Встреча сегодня в четыре... О, чёрт! Сегодня же – воскресенье!

Я судорожно ищу телефон.

– Марина! Да, я... Доброе... Даже не сомневайся! Извини, догадываюсь, что тебе в воскресенье не до работы... ладно-ладно... собери ребят... да, звони прямо сейчас, пока они ещё сонные... Угу... нет, просто спросонок человек способен пообещать всё, что угодно... Смейся-смейся, разрешаю... Повод? Чегинар согласен, это для тебя веский повод? Ну... лучше уж сразу быка за рога... а чёрт его знает, где там у него рога! Ладно... ладно!.. Давай!.. Значит, в три в офисе. Чегинар будет в четыре... Нет!.. Да потому что дел по горло! Смотри, без опозданий!

Домой! Домой! Умыться, переодеться, накормить Джинни, и – в офис. Времени не так уж и много. Особенно с учётом расстояния, что отделяет меня сейчас от города.

...Эй! Придурок! Ну, куда ты прёшь на своем антиквариате!?

15.00, офис

– Все будут, Марин? Предупреди ребят, чтобы без всяческих там эксцессов! Не смотри на меня как оскорблённая невинность, знаю я вас... то то, то это... Чегинар – наше будущее, понятно?

– Очень даже понятно, Анна Сергеевна, – бурчит мой секретарь. Несмотря на заверения в готовности работать в выходные, *действительно* работать в выходные никто не любит.

– И подготовь комплекты бумаг, – я бросаю ей на стол возле монитора семь исписанных мелким чегинаровским почерком листов. Поверх его текста видны мои собственные корректировки, те, которые я сумела отстоять вчера за ужином. Ещё до постели. Потом о контракте мы уже не говорили.

В правом верхнем углу моим же почерком шестизначная цифра.

– Что это, Анна Сергеевна? – затаив дыхание, уже угадывая мой ответ, интересуется Марина.

– Наша зарплата.

– А-а? О-о-о... И... и Чегинар согласился?

– Согласился.

На самом деле, вчера вечером сумму мы вообще не обсуждали. Не дошли до этого... А сегодня Алекс сказал: «На твоё усмотрение». Вот я и «усматриваю». Называть мало – глупо, слишком много – глупо вдвойне...

– Хорошо, – Марина бодро кидается к клавиатуре. Подозреваю, в уме она уже прикидывает, куда можно потратить свои деньги. Бо-ольшие деньги...

– Заранее не радуйся, их ещё заработать надо, – замечаю я, улыбаясь её энтузиазму.

– Заработаем, – бормочет Марина, лихорадочно гоня мышкой по коврику в поисках нужных документов. – Вы идите, идите, Ан Сергеевна, я тут сама...

Сама так сама... Нет, я уверена, что прекрасно обошлась бы и без секретаря, но ребята упёрлись – так, мол, солиднее. Пришлось соглашаться. Хоть я и директор фирмы, и возраст мой здесь официальный тридцать два года, но, признаю, в словах подчинённых тоже иногда бывает рациональное зерно.

Я запираю дверь в кабинет на ключ и подхожу к зеркалу. С фигурой у меня всё в порядке, а вот макияж поправить не помешает. Чуть больше зелёного блеска в глазах, естественный румянец, тонкий слой вишнёвой помады в тон костюму и гранату в золотом колечке. Улыбка, осанка, причёска, голос – всё выверено и отрепетировано ещё дома.

Приятно сознавать, что ты идеальна. Во всяком случае, Алик после первого поцелуя именно так и сказал. И если бы не это, уверена, чёрта с два мы бы получили его заказ!..

Но моим ребятам на фирме ничего такого знать не положено. Официально я в свои тридцать два считаюсь *совершенно* неприступной леди.

Если на то пошло, *официально* и Алик считается неприступным мужчиной! Хи.

Без пяти четыре. Пора.

Открываю дверь.

За дверью Алик, два его помощника (читай – телохранителя) и мои ребята.

У Алика в руках папка с документами и красивый, наверняка, очень дорогой, в стиле «модерн» букет цветов.

– Не по-деловому, знаю, – говорит он, широко улыбаясь. Галантно склоняется к моей руке – ариец, голубая кровь... – Зато приятно. Красивая женщина требует красивого к себе отношения.

Мои ребята цепенеют от удивления. Помощники Алика, видимо, проинструктированные заранее, хранят вежливое молчание. Об Алексее Чегинаре ходят разные легенды, в том числе и о невероятном количестве разбитых его равнодушием женских сердец. Говорят, он из тех редких мужчин, что способны оценить в женщине не только внешность...

Я принимаю букет, улыбаюсь. На самом деле, радоваться мне ещё рано – контракт пока неподписанными и никчемными в таком виде бланками дрожит в руках Марины. Но букет, я и наша с Аликом ночь, всё это слишком хорошо, и поэтому я улыбаюсь.

Мы садимся за стол. Марина раздаёт комплекты документов. Алекс открывает папку, быстро пробегает договор глазами. Это совершенно лишнее, условия контракта, естественно, с утра не изменились. Чегинар знает, что мошенничать я не стану, и всё равно читает. Потом долго смотрит на меня и улыбается в ответ. Я вдруг понимаю, он тоже думает о прошедшей ночи, и мне это приятно.

Он подписывает контракт в полной тишине, страницу за страницей, первый экземпляр, затем второй. Передаёт их мне, следит за моей рукой, внимательно, словно ждёт, что я ошибусь в написании собственного имени.

– Надеюсь, ты не разочаруешь меня, Анна, – говорит он уже от дверей. Его «помощники» смотрят на нас без улыбок, равнодушно и запоминающее.

Честно говоря, я тоже на это надеюсь.

Кроме всего прочего, Алекс Чегинар ещё и очень опасный человек.

Ну, так про него говорят...

– Можно, я пойду, Ань? – сонно интересуется Стас. Он единственный в нашей организации называет меня на «ты». Мы давно знакомы... – Спать охота...

– Чем ты ночью-то занимался? – ехидно интересуется Владик.

Стас не отвечает, только насмешливо щурится. Он никогда никому не рассказывает о своих похождениях.

– Иди, – отпускаю я. – И вообще... все вы идите... идите-идите-идите... надоели уже! Ну! Чего ждёте? Завтра будет новый день... и новая работа! А сейчас – свободны!

Стас и Владик выскакивают за дверь. Боятся, что я передумаю.

– Завтра с утра парень придёт на работу устраиваться, – напоминает мне Марина, запирая в сейф бумаги. – Нам нужен был человек со стороны, чтобы закрыть Ниминова...

– Я помню, Марин. Иди уже.

Женя задерживается возле Марининого стола.

– Ань Сергевна!

– Что, Женечка?

Ему только восемнадцать, и он жутко стеснительный. Стеснительный гений...

– Ань Сергевна, а вы контракт внимательно читали?

– Угу, – рассеянно говорю я. – Вчера. А в чём дело?

– Я не юрист... скажите, что будет, если мы не найдём крота?

– Если не найдём, значит, его там нет.

– А если они подумают, что мы плохо искали? Они могут разорвать контракт, да?

– Ну... могут, конечно...

– И нам ещё и неустойку придется платить, да?
– Женя, – говорю я медленно и спокойно, – Женечка, иди спать!
– Я выспался...
– ...Мы найдём им крота, Чегинар останется доволен, мы получим кучу денег. Подумай лучше над тем, куда ты их потратишь...
– Шкура неубитого медведя...
– Контракт на полгода, с возможностью продления ещё на полгода. Чегинар не кинет нас, поверь.

Женечка, маленький худенький гений-программист, весь в сомнениях, как в паутине, наконец, уходит домой. Я остаюсь одна. Сбрасываю босоножки, смотрю в зеркало. Пора ехать в общагу... Ещё к зачётам готовиться надо. Ну, хоть немного, ради приличия. Джинни обидится – я снова ночью не дома. Вчера Алекс повёз меня к себе. У него красивый дом... это, впрочем, как раз и не удивительно... с такими-то доходами!

Пора... И не забыть бы лицо изменить...

Ой, господи, какой же завтра будет тяжёлый день... Нет, я не устала, я никогда не устаю. Отец говорит, в него пошла. Не устаю, просто иной раз так хочется всё бросить, завалиться на кровать, проболтать с Катькой ни о чём до рассвета... Нельзя. Хочешь жить – умеи меняться.

А кстати... вот ведь недоразумение... У меня же сегодня день рождения!

Вечер, моя комната в общаге

Я бездумно листаю конспекты, время от времени поглядывая на часы. Устойчивое чувство, что я что-то забыла сделать... Лекции надоели до смерти. Хочется выпить и потанцевать.

– Уже восемнадцатое, – обречённо вздыхает Катя, перекладывая тетрадки на столе из одной стопки в другую. – Скоро сессия...

М-да... душа определённо требует праздника...

– Катька, есть хочешь? – спрашиваю я.

– Хочу, – немного подумав, отвечает она. Устраивается перед зеркалом и принимается расчёсывать до блеска свои шикарные волосы.

– Собирайся!

– Что? – она перехватывает волосы резинкой и с любопытством оборачивается ко мне.

– Собирайся. Пойдём в ресторан... Да знаю я, что у тебя денег нет, знаю! Зато у меня есть.

– С чего вдруг? – интересуется Катька. Это она про ресторан. Откуда у меня деньги, она не спрашивает никогда. Думаю, она подозревает во мне скрытую проститутку. Ну и ладно, мне всё равно.

– С того, что у меня сегодня день рождения.

– Ой! – она смущённо улыбается. – А я не знала...

– Честно говоря, я сама несколько подзабыла. Пошли-пошли... Я плачу.

– Хорошо, – Катька бросается к октану в лихорадочном поиске приличного платья. – Дорогой ресторан?

– Дорогой, – киваю я, поправляя на плече узкую ляпочку нового лифчика. – Только ты особенно не наряжайся, ни к чему. Там обстановка совсем к этому не располагающая.

– А мужчины будут?

– Никаких мужчин, Катя! – смеюсь я. – Пожалуйста, пусть хоть сегодня не будет никаких мужчин!

В районе полуночи, «Норд»

«Норд» – тихий, уютный, дорогой ресторанчик. Здесь закрываются не на ночь, а на день. Здесь не толпятся девочки, заглядывающиеся на твоего спутника. И здесь хорошо кормят. Я люблю «Норд». Хотя, честно говоря, я мало, что люблю по-настоящему.

А Катька, всё-таки, замечательная девочка. Мы уже почти год живём в одной комнате. Хорошо живём, без ссор и споров. Наверное, у неё множество недостатков, но я знаю только два: она жутко боится тараканов и совсем не умеет готовить. И ещё Катька совсем не умеет пить, я давно заметила, только вот это вряд ли можно назвать недостатком.

– Скажи, ну скажи, Галка, как это ты всё успеваешь?

– М-м-м... Ну-у-у...

Я не знаю, что ей ответить. Правда – штука странная, ей не всегда верят. А врать сейчас, когда мне так тепло, так спокойно – совсем не хочется.

– Знаешь, а я опять с ним поругалась, – Катя внезапно меняет тему. Она вообще часто так делает – сначала спросит о чём-то, и вдруг – сразу о другом заговорит. Я первое время не успевала следить за такими её «переходами», потом привыкла.

«С ним» – это с Иваном. Не понимаю, чего Катя в нём нашла. Невысокий, крепкий, с явно намечающимися залысинами и пивным брюшком. Заикается и командует. Ни стилия, ни денег, ни перспектив. Наука – говорит Катя. Ха три раза. Наука? Если бы я так занималась наукой, то всё ещё училась бы на первом курсе и жила бы на стипендию. Наука! Нашёл себе девочку для битья и издевается над ней. И ведь даже ничего не обещает, так просто, привязал к себе (чем вот только – не понятно...) и время от времени для профилактики устраивает сцены типа «я ухожу от тебя» или «так мы дальше жить не сможем...» Катька мне редко жалуется. Только когда совсем уж припечёт. Я молчу. Иван, конечно, сволочь, но пока она сама не решит, я ничего делать не буду.

А ведь я могу... Да, могу... Как было полтора года назад с Владиком...

Так, что-то я пропустила, задумавшись... Катька всё говорит, говорит... Впрочем, вряд ли это что-то новенькое.

– Здравствуй...

Чужой красивый голос обрывает мои мысли. Не люблю, когда вмешиваются в разговор, навязывают компанию, в которой ты не нуждаешься...

Катька замолкает и удивлённо поднимает голову. Я тоже.

Я тону... тону...

Потом Катька встаёт, целует меня в щёку и уходит.

День третий. Понедельник

14.52, в моей комнате в общаге

– Галка? Ты откуда? – Катька отрывается от очередного недочитанного любовного романа. – Я тебе звонила, а номер был отключён.

– Да так... из гостей. Я, понимаешь, счёт не оплатила.

– Ясно, – улыбается Катя. – Знаешь, если с тобой что-то случится... я ведь даже не представляю, где тебя искать...

– Меня, Катя, искать не надо, – уверяю я. – Со мной ничего не может случиться. Ты больше не волнуйся, ладно?

– Не буду, – Катька обиженно утыкается носом в книгу. Я игнорирую её обиды. Я чувствую себя счастливой, слишком, чересчур, неприлично счастливой...

– А ты, поди, голодная сидишь?

– Да я только встала, – смеётся Катя. Она всегда всё легко прощает, я так не умею... – Умыться успела...

– Я сейчас что-нибудь соображу, – обещаю я, открываю тумбочку с продуктами. – Хм-м... Яичницу будешь?

– Буду, – радостно соглашается Катя. – С чем?

– Ни с чем, – признаюсь я. – Саму по себе. Пора нам за продуктами топать, а то оголодаем. И хлеба, кстати, нет. Может, пробежишься по соседям, Катюх?

Катя задумчиво потирает подбородок.

– У Нинки нету, сама только что заходила, спрашивала...

Она не договаривает, выходит за дверь. В некотором смысле ей проще, чем мне. Она учится на два курса ниже, в общаге живёт постоянно, и у неё здесь полно подруг. Я ставлю сковородку на плиту, наливаю масла.

– Как его зовут? – ни с того ни с сего спрашивает вернувшаяся Катька. У неё в руках два куска хлеба.

Я вздрагиваю. Почти незаметно для окружающих, но очень чувствительно для себя самой.

– Кого?

Игорь. Его зовут Игорь. Мы провели вместе ночь...

– Того парня, из ресторана, – спокойно поясняет Катя.

Я привела его в свою квартиру... сказала, что ключи дала подруга... Джинни он категорически не понравился, но я предусмотрительно закрыла дверь в спальню и включила музыку, так что обошлось без эксцессов...

– Игорь...

Катя хмыкает. Я вспоминаю, что она не любит это имя.

– Почему ты ушла?

– Потому что ты хотела остаться с ним.

– Разве я это говорила?

Катя смеётся, достаёт из тумбочки вилки, нож, тарелки и стаканы.

– Нет, не говорила. У тебя всё на лице было написано. Только слепой бы не увидел. А он красивый.

– Д-да...

Я нервничаю. Я никогда ещё не нервничала из-за мужчины... Ссоры с отцом можно не брать в расчёт.

Катя опять улыбается.

– Смотри, у тебя сейчас всё масло выкипит!

Завтрак – это святое. Я забываю про Игоря, про себя, про Катю и бросаюсь спасать яичницу.

– Он придёт сегодня? – спрашивает снова Катя. И я удивляюсь обыденности в её голосе. Как будто не происходит ничего необычного... Как будто то странное чувство, которое захватило меня с головы до ног, всего лишь дело привычки... как будто...

– В восемь.

– Ладно... Ты не обидишься, если я сегодня останусь ночевать у Вероники?

Теперь смеюсь я. Катя-Катя... какая же ты умница!

В восемь...

20.01, там же

Стук в дверь, мелкий, настойчивый. Почему-то я сразу понимаю, что это *он*.

– Привет...

Игорь. Умный, сильный, интересный. Смешной. Чувственный. Мужчина. Мой мужчина?

– Здравствуй, Галя.

– Здравствуй. – Мне страшно, радостно, неловко... – А это что? Мне?

Он протягивает шикарно оформленный букет роз.

– Тебе.

Бумага хрустит в руках. Не люблю все эти прибабасы. Разворачивать жалко, оставлять как есть – глупо...

– Спасибо... В честь чего?

Грубо... слова вырываются сами собой, и ничего уже нельзя поделать, и я краснею и матерюсь про себя за эту грубость. Игорь снисходительно улыбается.

– Просто так.

– Спасибо... Проходи... – я беспомощно киваю на стулья возле стола. Игорь садится на кровать, из двух безошибочно выбирая мою.

– Как у тебя дела? – спрашиваю я, чтобы хоть что-то спросить. Останавливаюсь напротив него, не зная, на что решиться – сесть на кровать или на стул?

– Мне дали работу. Временный контракт, но, возможно, с продлением срока...

Я в курсе. Странное совпадение, но парнем, про которого вчера говорила Марина, оказался именно Игорь. Его рекомендации и образование – не совсем то, что требуется моей фирме, но я подписала договор. Не могла не подписать. Впервые в жизни я мешаю личные интересы и работу и очень надеюсь, что не пожалею об этом в дальнейшем.

– Ты ведь не одна живёшь, да?

– А? Да. Мою соседку зовут Катя. Ты её видел, она была со мной вчера в ресторане.

– Точно. Помню, такая симпатичная шатеночка.

Я подавляю непрошенный приступ ревности.

– А где она сейчас?

– Ушла в гости.

– Значит, мы одни?

Он смотрит пристально, и... Я отворачиваюсь, ставлю розы в вазу. Мне почему-то становится жарко.

– Одни.

Скрипят старые пружины. Он подходит неслышно сзади, обнимает, целует в шею.

– Галя... Галя...

Хорошо, что у нас в комнате большие кровати...

Там же два часа спустя

– Ты куда, Гал?

Потягиваясь, пытаюсь выползти из-под одеяла. Игорь обнимает за талию, притягивает обратно к себе.

– Надо воды набрать для цветов...

– Пойдём куда-нибудь?..

– Ты приглашаешь?

– Приглашаю.

– Не знаю, не знаю, – улыбаюсь я, – стоит ли идти в незнакомое место с малознакомым мужчиной?

– Стоит-стоит, – в тон мне отвечает Игорь. – Заодно и узнаешь получше...

– А вдруг я разочаруюсь?

– Но пока что я тебя вполне удовлетворяю?

Я смеюсь. Мужчина... уверенность в собственной неотразимости – это твоя отличительная черта. И я, наконец, готова с нею примириться.

– Пойдем, Гал! Я не люблю вечерами дома сидеть, к тому же я есть хочу!

– А куда?

– Куда ты хочешь?

– В «Норд». Я люблю «Норд».

– Хорошо, – он легонько щекочет меня, – тогда вставай...

– Тогда отвернись!

– Зачем? – удивляется он.

– А ещё лучше – оденься и выйди в коридор.

– Господи, ты что, стесняешься, Гал?

– Ага, – соглашаюсь я. Я должна привести себя в порядок, и свидетели здесь совершенно ни к чему.

Игорь улыбается снова.

– Ты странная, Галка, но мне это нравится.

Мне тоже. Мне тоже...

23.35, «Норд»

Я оглядываю зал, вспоминаю, как пришла сюда вчера с Катькой. Вчера?.. А кажется, что прошла вечность. Мы сидели тогда за другим столиком, почти в центре зала. Не люблю центры, просто больше не нашлось ни одного свободного. Было вот так же поздно и так же уютно. Мы ели что-то... мясо... или устрицы... или... и пили дорогое вино... хихикали и ещё пили. Потом к столику подошёл парень, я взглянула на него и влюбилась. А Катька взглянула на меня и как-то всё сразу поняла. Встала и ушла. А Игорь остался. Он, конечно, не знал тогда, что я влюбилась. Но знал, что должен остаться.

Это было вчера. Только вчера. И кажется... кажется, я уже готова рассказать ему всю правду о себе. Кажется...

– Пойдём, потанцуем, – предлагает Игорь.

Я встаю, протягиваю руку. Музыка кружит, обнимает, ласкает...

– Игорь... Я хочу тебе кое-что сказать...

Я поднимаю глаза...

Он смотрит в другую сторону. Не на меня. На девушку, идущую между столиками.

Нет.

Не может быть.

Я сжимаю пальцы в бессильной злости.

– Галя, ты что?

Я сделала ему больно.

Игорь снова смотрит на меня, улыбается нежно и доверчиво.

Наверное, я ошиблась.

С усилием отнимаю ладонь от его плеча. С усилием улыбаюсь в ответ.

– Извини... голова закружилась... устала я что-то...

Ложь. У меня *никогда* не кружится голова. Я *никогда* не падаю в обмороки. И, если уж на то пошло, я *никогда* не устаю.

– Давай, я провожу тебя домой, – шепчет он. Звук его голоса заполняет всю меня, добирается до сердца и тихо тает там.

Ложь... Я привыкла лгать сама, но не привыкла, чтобы лгали *мне*.

– Ты очень красива сегодня, ты это знаешь, моя маленькая колдунья?

Я ошиблась. Уверена, я ошиблась.

День четвёртый. Вторник

Утро, общага

Игорь ещё спит. Он признался, что любит спать по утрам. А я не могу. Ну не могу, и всё. Работать надо. Моя бабушка говаривала, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на сон.

На будильнике без четверти шесть. Я поднимаюсь, потягиваясь, перед зеркалом привожу в порядок лицо. Лёгкие движения пальцев – и никаких следов бурной ночи. Я неотразима, и прекрасно это знаю.

Сегодня должны прийти первые деньги от Алекса. Предоплата – часть контракта. Нужно позвонить Стасу... Хотя сейчас ещё, конечно, очень рано... А с другой стороны, Стас, когда на охоту выходит, не спит по три-четыре дня. А для решения задачи ему пока больше и не требовалось.

– Аня?

– Как дела, Стас? Я беспокоюсь.

– Ты мешаешь, – спокойно отвечает он. – Мы работаем.

И отключается, не прощаясь. Он всегда такой, я уже привыкла.

Хорошо бы Чегинар остался доволен нашей работой. С Алексом сложно иметь дело. Но очень уж выгодно.

Я затягиваю поясок халата, нахожу на полке конспекты по новейшей истории, забираюсь на кровать и с тоскливым вздохом открываю первую страницу. Экзамен поставили последним в сессии, очень неудобно для меня. Преподаватель согласился принимать досрочников, и в идеале надо бы завтра этот экзамен сдать. В июне будет уже некогда... Позёвывая, я переворачиваю страницу за страницей. Мне скучно, и уже хочется чего-то нового. Ничего, на следующий год я получу диплом и подумаю, куда приложить полученные знания. Может, книгу написать? Истфак... базовое образование... Когда я поступала сюда, мною двигало лишь желание понять людей. Четвёртый курс заканчиваю, а причины войн так и остались для меня загадкой. Зато теперь я знаю историю происхождения атомной бомбы. И её устройство тоже. Разобралась по ходу дела.

Игорь ворочается на кровати, бормочет что-то во сне. Я укрываю его одеялом, поджимаю под себя ноги и перелистываю страницы тетради, одну за другой. Как и Алик, я умею быстро читать. Очень быстро.

Там же, два часа спустя

– Игорь! Вставай!

– Что такое?

Он потягивается, нехотя открывает один глаз.

– Вставай, Игорёк! Скоро Катя должна прийти... Ей на пары собираться...

– Ну и что?

– Как это что? Нехорошо будет, если она застанет нас в постели.

Игорь открывает второй глаз, улыбается сонно.

– А ты уже на ногах?

– Давно, – признаюсь я.

Мне пора на работу. Уже звонила Марина, заявила, что не позже девяти ей нужны где-то там мои подписи, и потому желательно бы мне явиться без опозданий... Интересно, кто у нас шеф? Она или я?

– Не спится?

Я киваю. Наверное, лучше сказать правду, сказать, что мне хватает для сна трёх-четырёх часов, а при желании я прекрасно могу обойтись и без них, но язык почему-то не слушается меня. Нет, нельзя. Рано. Я всё ещё помню его взгляд, и мне всё ещё хочется верить, что я ошиблась.

Я откладываю тетрадь, встаю, подхожу к окну.

– Ты читала? – удивлённо спрашивает Игорь.

– Да.

– Что?

– Лекции.

– В такую рань?

– У меня завтра экзамен.

– Сложный? Я, наверное, тебе мешаю?

– Нет, – я смеюсь. Самые сложные экзамены преподносит нам жизнь.

А прочее – лишь мишура. – Нет. Я уже всё выучила.

И это правда.

– Вставай, – повторяю я. Игорь нехотя выползает из кровати, медленно надевает рубашку, подходит ко мне, целует в макушку. Шепчет что-то неразборчивое. Я отстраняюсь.

– Катя придёт в восемь. Заправь постель, я поставлю чайник.

Он грустно вздыхает.

– Можно подумать, ты спишь не со мною, а с ней.

«Спишь»... Во мне достаточно цинизма, чтобы смотреть на мужчин как вечных потребителей. Но сейчас... сейчас слово «спишь» вызывает во мне настоящее отвращение. Я не сплю с тобой, Игорь. У меня было много мужчин, с которыми я спала, и ни одного, которого бы я любила, и именно поэтому очень хорошо чувствую разницу. Я думаю об этом, а вслух говорю другое:

– Я предпочитаю не выставлять напоказ свои отношения с женщиной.

– Ну и ладно... мне всё равно в офис надо к девяти...

Он обиделся. Я обнимаю его, осторожно провожу кончиками пальцев по буграм мускулов...

Ровно через пятнадцать минут в дверь тихонько стучатся. Игорь одет, постель заправлена, чайник кипит вовсю.

– Заходи, Кать, – говорю я.

15.35, в офисе

– Аванс от Чегинара пришёл на счёт, – сообщает Марина. Владик и Женечка поднимают головы от каких-то там своих расчётов. Деньги – это всегда здорово. Деньги – это хорошие рестораны, дорогие машины, красивые девочки... Это успех, это состоятельность тебя как мужчины, как взрослого человека. Я понимаю их. Я не женщина, но тоже люблю деньги.

У нас мини-совещание. В принципе, любое наше совещание можно назвать «мини». Потому как в конторе моей работает всего пять человек. Владик, Стас, Женечка, Марина и Игорь. Ах да, себя забыла посчитать! Тогда шесть. Всё одно – не густо. Впрочем, именно так оно и задумывалось. Но сегодня нас даже меньше обычного. Стас вторые сутки ночует в офисе у Чегинара. Игорь в командировке. Собственно, именно ради одной этой командировки его и взяли на работу.

– Замечательно, – улыбаюсь я. – Очень вовремя. Если дальше хорошо сработаем, будет вам и зарплата и премия. А пока только аванс...

– Давненько у меня не было таких авансов, – бубнит Владик. Вообще-то, им грех жаловаться, зарабатывают прилично, но и поворчать для профформы очень даже любят...

– Марина, ты мне счета подготовь, – игнорирую я слова Владика, – свет, вода, воздух... за что мы там ещё не заплатили? Завтра с тобой всё просчитаем, а потом остаток делить будем, ладно?

Вряд ли меня можно назвать образцом современного начальника. Слишком много во мне «демократии», как выражается мама. Это всё от общинных сходов. Ну и что! На мой взгляд, главное – результат. А результатом своим я смело могу похвастаться.

– Уже подготовила, – рапортует Марина. Толкает в мою сторону две жёлтых папки. – Проверять будете?

– Не буду, – улыбаюсь я. За семь месяцев совместной работы эта бойкая девочка ещё ни разу не ошиблась в расчётах. – Подпишу, потом иди, оплачивай.

– А когда аванс? – интересуется Стас.

– Завтра. Пока подтверждение по оплате счетов не получу, никаких денег на руки. Ясно?

– Более чем...

– Тогда – свободны, – я киваю на дверь. Очень хочется побыть одной. Завтра экзамен по всемирке и вручение дипломов на биофаке. Мой второй диплом. Через год будет третий. Экономист, биолог, историк. Семь лет назад, подходя к дверям университета, я честно думала, что образование поможет мне понять мир. Чёрта с два! С каждым днём я только ещё больше запутываюсь в нём, и вырваться, вернуться становится всё сложнее.

Марина задерживается в дверях.

– Анна Сергеевна...

– Что?

У меня начинает болеть голова. Привычная боль, но очень неприятная. Знаю, пройдёт через двадцать-тридцать минут, но их ещё нужно пережить.

– Сегодня Чегинар звонил ...

– Зачем? – спрашиваю я, стараясь не выдать свою боль дыханием.

– Вас искал.

– 3-зачем? – очень хочется послать Чегинара к чёрту.

– Не знаю, – Марина пожимает плечами. – Я думала, что-то с оплатой или со Стасиком, спросила, но он сказал, всё в порядке. И ещё сказал, что перезвонит. Я предложила позвонить вам на сотовый, он отказался...

– Хорошо. Спасибо, Марин, иди.

– Вы ему нравитесь, да? – заговорщицким шёпотом спрашивает Марина.

– Иди, а?

Я закрываю дверь в кабинет, сбрасываю туфли, разминаю уставшие ноги. Головная боль усиливается, я массирую виски, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Я знаю, как выгляжу сейчас. Зеркало фиксирует то, что не видно человеческому глазу. Изображение в нём мутнеет, чернеет,

потом снова светлеет... Сорок четыре минуты. Сегодня – дольше обычного... Боль проходит. Я поправляю причёску, улыбаюсь одними губами.

Стук в дверь разрывает тишину, как бумагу. Что-то случилось, я знаю. Марина никогда не пытается войти, если дверь закрыта на ключ.

– Здравствуй, Анна, – говорит Алекс Чегинар. Он стоит в дверном проёме, занимая его почти целиком. Он похож сейчас на моего отца, такой же большой и сильный. И с ним беспокойно.

Я опускаю глаза и только сейчас замечаю, что стою босиком.

– Здравствуй, Алекс, – говорю я. Гостеприимно широко распахиваю дверь в свой кабинет. – Заходи.

Там же, 16.20

– Ты хорошо смотришься босиком, – говорит Алик, по-свойски присаживаясь на угол моего стола. Я отбрасываю мысль о необходимости обуться. Зачем метаться по перрону, когда поезд уже в пути?

Спрашиваю, чтобы хоть что-нибудь спросить:

– Какими судьбами?

Алик задумчиво разглядывает стену за моей спиной. Там висит нечто ужасное: картина какого-то местного современного художника. Когда я её первый раз увидела, решила, что ребята меня разыгрывают. Ну, разве *такое* можно всерьёз считать живописью? Женечка, большой спец в этом вопросе, в течение получаса убеждал меня в обратном. В конце концов, я согласилась созерцать картину в своем кабинете, но по-настоящему привыкнуть к ней так и не смогла.

– Арматов? – уточняет Алик. Через пару секунд мучительных раздумий понимаю, что он говорит об авторе картины.

– Угу.

– Кошмар, – смеётся Алик. – Совершенно не в твоём вкусе.

Я бы с радостью с ним согласилась, но в таком случае придётся подставить своих сотрудников, что, в свою очередь, может вызвать в Чегинаре сомнения в их компетентности, что, опять же, повлечёт...

– Отчего же, – робко возражаю я. – Оранжевое с синим – чудесное сочетание.

Алик снова смеётся. Я тоже улыбаюсь, ловя себя на мысли, что у него заразительный смех.

– Ты по делу?

– Да, – он в упор смотрит на меня, и мне становится неуютно.

– К-какому?

Чёрт, чего это я так разнервничалась?

– Есть проблемы? Мне кажется, ты сказал, что мы справляемся со своей работой?

Алик встаёт, подходит вплотную ко мне, протягивает руку. Я едва сдерживаюсь, чтобы не отшатнуться. Алик касается пальцем моей щеки. Нежно и очень осторожно.

– Вы прекрасно справляетесь с работой, – подтверждает он. – Не ожидал, что результат будет так быстро...

– Тогда в чём дело?

Я стараюсь дышать ровно.

– Посмотри мне в глаза, Анна, – просит он тихо.

Я тяжело поднимаю голову. Мне кажется, что я держу на плечах всё небо.

– Я хочу поужинать сегодня с тобой, Анна.

Алекс говорит это спокойно, медленно, очень уверенно. Я всё ещё смотрю в его глаза и думаю о том, как он похож на моего отца.

– Нет.

Я говорю это вслух и удивляюсь собственному отказу.

– Почему? – спрашивает Алик, не убирая руки. Я отодвигаюсь сама. Молчу. – У тебя кто-то есть?

У Анны никого нет. Но у *меня* – есть.

Я не выдерживаю, закрываю глаза.

– Да.

Секунда тишины.

– Ты необычная женщина. Я подожду.

Когда я открываю глаза, кабинет уже пуст.

Вечер, моя квартира

Говорят, что понедельник – тяжёлый день. Чушь! Любой день может стать тяжёлым. Для этого надо только постараться начать и закончить его соответственно плохо.

Я слушаю музыку. Старые песни, которые пела ещё моя бабушка. Я люблю их. Я всё ещё пытаюсь понять людей.

Я тихонько подпеваю за Макаревичем. «Она идёт по жизни смеясь...» Как мало и как много всего изменилось... Я давно не была дома. Я обещала, что вернусь. Интересно, отец до сих пор злится?

Я плачу... Иногда, если я остаюсь одна, я плачу в подушку. Наверное, поэтому я стараюсь никогда не оставаться одна.

Джинни молча сидит в кресле. Она очень умная кошка. Если я плачу, она просто молчит. Знает, мне не требуется сочувствие или, тем более, жалость. Всё закончится само собой...

Слёзы высыхают, оставляя на лице тоненькие неуютные тропинки. Я лезу под холодный душ в надежде смыть с себя усталость и странную беспричинную тоску. Я предчувствую боль, но, не представляя, откуда ждать удара, не могу к нему подготовиться.

Песня сменяется песней. Я лихорадочно одеваюсь и выскакиваю на улицу. Я больше не могу смотреть на себя в зеркало.

Ночь, кафе «Сфинкс»

Я сижу за стойкой бара. Бармен всё тот же – высокий, жутко красивый, немного странный... Такой... в моем вкусе...

– Привет, Ян! Тебя ведь так зовут?

Он улыбается, обаятельно, чуть насмешливо, и мне как-то сразу становится легче дышать.

– Привет! Мартини и сок?

Я киваю, уже не удивляясь. Достаяю из сумочки сигареты и зажигалку, тянусь за пепельницей. Спрашиваю:

– Ты всегда с первого взгляда определяешь, что пьёт незнакомая девушка?

– Нет, – честно признаётся он. – Ты – редкое исключение.

В баре людей мало, молодёжь резвится, главным образом, на танцевальной площадке. Столики в зале почти все заняты. В колонках ревёт Кейси. М-да, сегодня определённо не мой день.

– Ненавижу «нюю-рок», – зачем-то сообщаю я бармену. Подталкиваю по стойке пустой бокал. – Налей ещё один...

Он убирает мой стакан, достаёт чистый, мешает коктейль. Я с нетрезвым интересом слежу за его действиями.

– Мне, знаешь ли, Янечек, нравится старая музыка... Макаревич, Сурганова, Оллоу...

– Классика, – соглашается бармен. – Извини, я на минутку... – отходит к какому-то клиенту.

После четвёртого коктейля и шестой сигареты музыка мне уже не мешает. Главным образом потому, что я вообще перестаю её слышать. В голове сначала становится пусто, а потом появляются мысли... Нехорошие такие мысли... Я всегда гоню их прочь, но они выжидают удобного момента и нападают вновь... Естественно, что удобнее момента, чем сейчас, представить трудно. Я прихожу к состоянию, которое Катька называет «недержанием мысли». Хочется говорить с кем угодно и о чём угодно. Вернее, о том, что меня сейчас больше всего волнует.

– Скажи, Ян... Скажи, ну почему люди такие... такие... – я с трудом подбираю приличное слово, – такие сложные?

Бармен усмехается, ставит передо мной чистую пепельницу.

– Это же люди...

Грамотный ответ философа со стажем.

– Иногда я чувствую себя здесь лишней...

– Это пройдёт. Со временем. Или не пройдёт вообще. Будь оптимисткой.

Я где-то читала, что бармены – самые крутые психологи. Им ведь приходится не просто обслуживать, но и общаться с кучей пьяного народу. Меня вдруг тревожит и раздражает мысль о том, что этот парень может принять меня за пьяную дуручку.

– Я не пьяная, – сообщаю я ему чистую правду. Чтобы напиться, мне требуется раза в четыре больше и крепче...

– Конечно, – соглашается бармен. Почему-то мне кажется, что он мне не верит. Я злюсь. Тушу сигарету, закрываю глаза в попытке успокоиться.

– Слушай, умник, а чего ты тут делаешь?

– Тут? – непонимающе переспрашивает бармен.

– В баре. Тебе в университет надо... ты умный... Шёл бы ты учиться... на адвоката, например...

– А я учусь, – улыбается бармен. Сквозь прикрытые веки я вижу, как расширяются его зрачки, отсвечивая изнутри зелёным...

Всё. Дозу спиртного пора снижать. Папины гены, наверное, умерли, а без них легко можно и до пляшущих человечков допить...

Открываю глаза.

У стойки стоит какой-то парень, требует сигарет и бутылку пива. Ян уходит за заказом. Парень переключает своё внимание на меня. Я польщена, конечно.

– О-о-о! Ты одна, девочка? Скучаешь? – говорит он без перехода, искренне полагая, что я не смогу устоять перед его обаянием и очень дорогим парфюмом.

– Пошёл ты, – отвечаю я вежливо.

Парень задумывается. Мужики! Им обычно требуется не меньше минуты, чтобы осознать отказ.

На стойке появляются сигареты и пиво. Я вижу, как по вспотевшему боку жестяной банки сбегает капелька влаги.

– Я не понял... – заявляет вдруг парень.

Доброе утро!

– Чего? – спрашиваю я устало. Мне уже хочется домой. Так же внезапно, как до этого я рвалась из дома. Завтра придет Игорь, обнимет меня крепко-крепко, и мысли уйдут... Совсем уйдут...

Никогда больше не буду посылать своего мужчину в командировки!

– Не понял... – он хватается моё плечо и дёргает на себя. Я пытаюсь не упасть со стула. – Ты что, мне хамишь, что ли, девка?

– Костик, – бармен вдруг оказывается рядом. Разжимает клешню, которой парень вцепился в меня, придавливает его к стойке, шипит на ухо: – Костик, иди в зал. Эта сказка не про тебя...

Костик быстро приходит в себя, исчезает в полумраке клуба вместе с сигаретами и пивом. Я гляжу ему вслед. В какой-то момент, уверена, он обернётся, чтобы ещё раз осознать случившееся и запечатлеть в памяти мой образ. Конечно, он оборачивается...

– Извини, – говорит Ян, зло прищуриваясь. – Это я не доглядел. Не испугалась?

Я смеюсь. Громко, совсем не истерично. Испугалась... хи-хи... Всё, чего я боюсь, сейчас слишком далеко, чтобы над ним задумываться.

Я хватаю сумочку, бросаю на стойку несколько купюр, не дожидаясь сдачи, почти бегу к выходу. Бармен что-то говорит мне в спину, но я не слышу, не хочу слышать его слов, я хочу домой, в общагу, хочу дождаться завтрашнего дня и встретить Игоря... Я хочу чувствовать его тёплые сильные руки, хочу видеть его глаза, уверенные, умные, хочу знать, что нужна ему...

Лицо! Зеркало! Мне срочно нужно зеркало! В таком виде нельзя Кате показываться...

Кто-то открывает зеркальные двери «Сфинкса». Я выскакиваю на улицу и сталкиваюсь лицом к лицу с маленькой, жутко хорошенькой девочкой. Она держит под руку моего мужчину.

День пятый. Среда

Всё ещё в «Сфинксе», где-то час ночи

Я совершенно трезва. Я допиваю бутылку джина, но я совершенно трезва.

Игорь и его девица сидят за соседним столиком. Они не обращают на меня внимания. Они вообще ни на кого не обращают внимания. Им хорошо вдвоём. Игорь улыбается ей той же улыбкой, что когда-то (вчера?) улыбался мне. Они танцуют, он целует её, и я кожей чувствую прикосновение его губ. Девица смеётся – легко, весело, искренне. Она счастлива. Я понимаю её. Ещё вчера я чувствовала себя так же.

Не могу сказать, что испытываю боль. Горечь во рту. Горечь в лёгких. И сердце не бьётся. Совсем.

– Ты много пьёшь.

Я тяжело поднимаю голову. У столика стоит бармен Ян. Он смотрит на меня с каким-то странным сочувствием, и именно это меня и злит. Я ненавижу, когда мне сочувствуют.

– Чего тебе? Твоё место, кажется, за стойкой.

– Ты много пьёшь, – повторяет он.

– Тебе платят не за то, чтобы ты отговаривал клиентов выпить, – издевательски замечаю я. Открываю новую пачку сигарет, тыкаю пальцем в пепельницу. – Принеси чистую. И...

Я вдруг вижу краем глаза, что Игорь с девицей идут к выходу.

– И счёт. Быстро!

– Ты много пьёшь, – повторяет он в третий раз, не двигаясь с места.

– Пластинку заело?

– Он того не стоит.

Я вздрагиваю.

– Давай счёт!

Бармен насмешливо качает головой.

– Как ты правильно заметила, Яночка, моё место за стойкой. Подожди официанта...

Он, наконец, уходит. Я снова начинаю дышать. Глубоко. Очень глубоко... Яночка?

Уверена, я не называла здесь сегодня своего имени, ни настоящего, ни вымышленного, ни-ка-ко-го. У меня просто не хватило сил его придумывать. И ещё уверена, что ни разу не была в «Сфинксе» с этим лицом. И ещё... Впрочем, двух первых «ещё» уже вполне достаточно. Осталось только разобраться, что всё это значит.

Через пару минут мои размышления прерывает официант.

– Что-нибудь ещё?

От слова «ещё» меня начинает тошнить. Я бросаю на стол деньги, зная, что их хватит для оплаты двух моих счетов, и ухожу.

Он ведь не мог узнать меня, да? Да? Да!

Или мог?

Или я действительно выпила лишнего и брякнула своё имя?

Или я сошла с ума?

Лучше первое.

Какое именно первое?

Стоп! Стоп! Аут!

Мне не хватает воздуха. Раздражают мелкие комары, тополиный пух и духота июньской ночи. Парк. Тишина. Я падаю в траву, сжимаю голову руками. Больно, очень больно...

Ночь среды, парк

Смех на скамейке.

Сколько прошло времени? Минута? Час? Не знаю. Боже мой, если неделя так тяжело начинается, как же она закончится?

Я медленно поднимаюсь, отряхиваю брюки, подбираю сумочку – в ней ключи от квартиры и машины, документы, мобильник, хорошая помада, так что пригодится ещё. Выхожу на дорожку. Снова задыхаюсь – от невысказанного крика.

На скамейке, в трёх шагах от меня, сидят в обнимку Игорь с девицей. Они раздражённо смотрят на меня – какая-то пьяная баба, так не вовремя вылезши из кустов, помешала их романтическому свиданию.

Я понимаю всё это за одно короткое, как смерть, мгновение.

И я делаю первое, что приходит мне в голову.

Я наклоняюсь и целую его. Нежно, ласково, долго.

Что самое ужасное – он мне отвечает.

Девушка визжит в возмущении. Хватает меня за руку, оттаскивает от Игоря. Я легко отталкиваю её от себя, вытираю губы тыльной стороной ладони, смеюсь.

– Мой дорогой, ты променял меня на такую идиотку?

Он молчит в немом изумлении. Он, конечно, не узнаёт меня, и поэтому совершенно не ориентируется в происходящем.

– Мы знакомы? – говорит он, наконец.

– Конечно, любовь моя!

– Ты... ты... ты знаешь эту потаскушку? – истерично кричит девушка.

Её перекосило от омерзения, то ли ко мне, то ли к Игорю. А может, к самой себе?

Я разворачиваюсь, бью коротко, наотмашь, по лицу.

– Ещё раз назовешь меня потаскушкой, я сломаю тебе шейку, – обещаю я. – Прощай, Игорёк! Ты был самой большой любовью в моей жизни! Как жаль, что у нас ничего не получилось. На развод и алименты я подам сама, так что не беспокойся...

Это не честно, я знаю. Но ведь и со мною, кажется, никто честно поступать не собирается, не так ли?

– Развод? – визжит девица, держась рукой за щёку. – Алименты?! У тебя дети есть?!

До Игоря вдруг начинает доходить, чем оборачивается это чудное вечернее приключение.

– Ну что ты, Ирочка! Какие алименты?! Я её первый раз вижу!

Я смеюсь ещё громче. Я уже не слышу, не слушаю, не вижу всего этого бреда. Я ухожу домой, туда, где я смогу быть одна. Совсем одна.

Туда, где я смогу просто поплакать.

Я ловлю такси, падаю на переднее сиденье, называю адрес. Я слышу, мой голос почти не дрожит. Годы тренировок плюс мамина выдержка. Я молодец, я сильная... я знаю...

Я достаю из сумочки мобильник, нахожу нужный номер. Семь долгих гудков. Потом:

– Половина третьего, Анна... Кто-то умер?

Ближе к рассвету, квартира Чегинара

В огромном кресле тепло и уютно. Я молчу, пригревшись, как кошка возле батареи. Молчу и думаю, зачем я пришла сюда? Алекс Чегинар относится к той категории мужчин, которых лучше не раздражать лишним раз. Я не боюсь его, я вообще почти ничего не боюсь. Просто неприятностей мне хватает и без того.

Алик сидит в кресле напротив меня. Между нами – столик с фруктами, вином и пепельницами, полными окурков. Он курит, медленно, с удовольствием. Сквозь сигаретный дым пристально смотрит на меня, редко улыбается.

– Знаешь, я, пожалуй, пойду, – нерешительно говорю я. Спускаю ноги на мягкий ковёр, подхватываю в одну руку сумочку, в другую босоножки. Он уже видел меня босиком, так что вряд ли удивится. Чёрт! Если на то пошло, он видел меня и более раздетой!..

– Нет, – спокойно говорит Алекс.

Я замираю, больно стукнувшись коленкой об угол столика.

– Нет? В смысле?

– Нет, – повторяет он. Тушит сигарету, взъерошивает короткие светлые волосы. – Не думаю, что ты приехала ко мне посреди ночи только для того, чтобы иметь возможность наорать на моих ребят и выпить пару бутылок моего же вина. Я выдержал два часа твоего молчания (а, заметь, под утро это особенно сложно!) и желаю знать, за что страдал.

– Ты не сможешь удержать меня силой, – честно предупреждаю я. Он усмехается.

– Я и не собираюсь. Ты умна. И, полагаю, даже в таком состоянии ты можешь трезво мыслить. Подумай сама, Анна, куда ты пойдёшь сейчас?

– Домой...

– Одна?

Маленькая хорошенькая девочка под руку с Игорем. Смех, взгляды, танцы, поцелуи...

Босоножки мягко ложатся на ковер. Я закрываю лицо руками, сжимаюсь, заставляя себя не плакать.

– Ты ляжешь в моей спальне, – говорит Алекс. – Там удобная кровать. Тебе надо выспаться. Мы поговорим завтра.

Завтра. Завтра... Завтра всё будет иначе. Завтра у меня всё-всё будет и-на-че...

Приблизительно – утром

Та-ак... Интересно, а сколько времени? И, кстати, где это я проснулась?

То, что не у себя дома, это однозначно. У меня и потолки пониже, и кровать поменьше, и лежу я почему-то в пижаме явно не своего размера, и...

Чёрт! Почему-то мне кажется, что это – кровать Алекса Чегинара... Да? Чёрт!

Краем уха слышу рядом тихое сопение. Резко поворачиваю голову. Эт-то я з-зря... О количестве выпитого за ночь сейчас лучше не думать...

С соседней подушки на меня смотрят большие жёлтые глаза. Кот... Уф-ф... А я-то уже подумала...

– Проснулась?

Хочется подпрыгнуть от неожиданности, но слишком уж сильно болит голова...

– Доброе утро, Алекс, – отвечаю я наиболее любезным своим тоном.

– Доброе? – насмешливо переспрашивает его голос откуда-то справа. –

Ты уверена?

Я всё-таки оборачиваюсь. Алик стоит в дверях, одетый так, словно уже минимум как два часа на ногах.

– Ты уже встал? – задаю я совершенно дурацкий вопрос.

На самом деле мне очень хочется узнать, *где именно* он спал этой ночью. И ещё – кто меня раздевал? Не то, чтобы я была чересчур застенчива, просто любопытно... сама-то я не совсем хорошо воспроизвожу недавние события в памяти. Точно, со спиртными напитками пора завязывать...

– Уже, – соглашается Алекс.

– Мне надо одеться, – сообщаю я, надеясь, что он поймёт прозрачный намёк и испарится из спальни.

– Бога ради, – радушно соглашается хозяин, не делая ни единой попытки покинуть помещение.

Я закрываю глаза, пытаюсь представить себе, как сейчас выгляжу. Вероятно, ужасно. Синяки и тушь под глазами, бледная кожа, включенные волосы... Лучше не вставать. И не представлять всё остальное.

– И ещё я бы хотела принять душ...

– Конечно-конечно! Тебе помочь?

– Нет, спасибо!

Алекс смеётся.

– Анна! Господи! Ты уверена, что тебе тридцать два?

– А что? – спрашиваю я настороженно. Я не просто не уверена, в отличие от Чегинара я *точно* знаю, что мне на девять лет меньше.

– А то, что ты выглядишь сейчас на двадцать пять, а ведёшь себя на пятнадцать! Ну, чего ты стесняешься, спрашивается? Я уже видел тебя в пижаме и без неё, забыла?

Как это ему после бессонной ночи удаются такие длинные предложения?

– Алик, пожалуйста, – бормочу я сквозь зубы, – дай мне спокойно привести себя в порядок...

Через некоторое время его смех раздаётся уже из-за двери. И на том спасибо...

Кот тычется носом мне в щёку, урчит что-то за пределами возмущённое. Я вслушиваюсь в его слова, отчаянно пытаюсь понять, что мне делать дальше.

– Хорошо, хорошо, малыш, скажи лучше, где сегодня спал твой хозяин?

– У-ур-ру-м... Ур-рм...

В гостиной на диване. Интересно, что это значит? Что я допилась до степени некондиции? Или что Алексу Чегинару присущи некоторые джентльменские качества?

И, кстати, за каким лешим меня вчера сюда принесло? Разве я не собиралась идти в общагу и дожидаться Игоря?

Игорь!

Голова становится ясной и трезвой. И давит где-то внутри, в груди.

Игоря больше нет.

Я встаю и прямо в пижаме, которая едва не сваливается с меня на ходу, лезу под холодный душ. Больше нет. Больше нет.

Больше нет...

Господи, больно-то как!

Мама, отец, ну почему вы не предупредили меня, что может быть *так* больно?

Пижамы прилипла к коже. Я стягиваю с себя намокшую ткань, моюсь долго, тщательно, так и не включив горячую воду. Потом надеваю большой пушистый халат. Я знаю, Алексу будет приятно увидеть меня в нём. Перед зеркалом привожу в порядок лицо. Игоря нет, и я должна... мне надо сделать что-то... то, зачем я приехала сюда сегодня ночью.

Алекс читает какие-то бумаги в гостиной. Мельком я смотрю на часы. Почти одиннадцать. Шесть часов сна! Не помню уже, когда в последний раз я спала так долго.

Алекс поднимает голову.

– У меня тоже есть кошка, – говорю я зачем-то.

– Это не кошка, это кот, – уточняет Алекс. – Может, им стоит познакомиться поближе?

– Я не занимаюсь кошачьим сводничеством, – смеюсь я. Алекс улыбается в ответ.

– Тебе очень идет синий цвет, Анна.

Я смущаюсь.

– Извини, если нагрубил вчера... то есть, сегодня... я не хотела, я... извини, в общем.

– Извиняю, – легко соглашается он. – Ты не собираешься уходить?

– Нет.

Он встаёт, подходит ко мне. Высокий, красивый, сильный мужчина. Почему я отдала своё сердце не тебе? Может, с тобой это было бы не так... обидно? А может, именно ты мог бы понять меня?

– Ты сняла линзы? – спрашивает Алекс. Его вопрос выводит меня из тупого оцепенения.

– Линзы?

– Вчера у тебя глаза были зелёные... ну, как всегда. А сейчас – серые. Ты носишь линзы?

Серые. Мой естественный цвет. Я забыла проверить цвет глаз...

– Да, – выдавливаю я из себя первую в этот день ложь. Хорошее начало, ничего не скажешь.

– Тебе идёт, – говорит Алекс.

– Спасибо...

– Посмотри мне в глаза, Анна... Пожалуйста.

Я поднимаю голову, подчиняясь требованию. Больше он не говорит ничего. У него и впрямь очень удобная кровать...

Нет, это не месть. Это стремление утолить свою обиду. Скажите, ну что за радость в мщении, если о нём никому, кроме тебя, не известно?

Моя месть будет совсем другой...

14.44, общага

– Здравствуй, Галя, – вежливо говорит Иван. Его лицо – первое, что я вижу в нашей комнате. Чёрт, я и забыла, что Катя собиралась воспользоваться моим отсутствием и привести своего друга к нам. Хорошо, что я не вернулась посреди ночи...

– Здравствуй, Ваня, – не менее вежливо отвечаю я, бросая в один угол босоножки и сумочку, в другой аккуратно ставлю большой пакет с продуктами. – Катька, привет!

– Привет, – тихо отвечает моя подруга, не отходя от окна.

– Там что-то интересное? – спрашиваю я, подходя ближе.

– Угу, – мычит Катька. Я всё ещё не вижу её лица, но, уверена, что оно залито слезами. Я начинаю злиться.

– Ваня, выйди, пожалуйста, – прошу я, тщательно следя за тем, чтобы не выдать своё раздражение в интонациях. – Я хочу переодеться.

– Я уже собирался уходить, – сообщает он радостную весть. – Пока, Катя!

– Пока, – отвечает она, прижимаясь лбом к стеклу. Я жду щелчка замка, потом резко разворачиваю девочку лицом к себе. Так и есть – ревёт.

– Ну!

– Что «ну»?

– Что этот кретин сделал на сей раз?

Катька уже не сдерживается, ревёт в полный голос. Обнимает меня и ревёт. И я тоже реву, только тихо, так, чтобы она не услышала и не начала задавать ненужных сейчас вопросов.

Ревём мы недолго.

– Хорошо, что он убрался, – замечаю я.

– Почему? – удивляется Катя, растирая слёзы по щекам.

– Я купила очень хорошее вино. Жалко тратить его на твоего возлюбленного, уж ты меня прости.

Катька смеётся.

– Ты такая прагматичная, Галка! С ума сойти!

– Да, я такая, – соглашаюсь я важно, переодеваясь в халатик. – Давай, доставай продукты... Жрать охота, сил нет.

Через пятнадцать минут мы уже сидим на кровати, жуём чудесное копчёное мясо, запиваем его красным вином и хохочем вовсю.

– Нет, понимаешь, он мне заявляет: «Развели тут грязь! Хозяйки! Готовить не умеете!» И всё в таком духе! В три ночи!

– А ты?

– А что я? Я ему: «Не нравится – возьми и уберись!»

– А он?

– А он подскакивает с постели в одних трусах, хватает тазик и в коридор за водой!

– В три ночи?

– В три ночи! И ещё орёт: «Всё! Ночь любви закончилась!» Представляешь?

У меня от смеха дрожат руки. Я ставлю кружку на стол, боясь пролить вино. Потом потихоньку завожусь.

– Слушай, ну и сволочь он! Правильно я его кормить не хотела! Это ведь вчера он *мой* суп жрал! И критикует ещё!

Катя хихикает, потом задумчиво смотрит на дверь.

– Интересно, что обо мне сейчас думают соседи?

– Да чихать на соседей, – замечаю я. – Ты-то сама что делать собираешься?

Она пожимает плечами и запихивает в рот последний кусочек мяса.

– Ну-у... мы же, в конце концов, помирились... И полы теперь чистые... Заметь, какая-то польза от Ванечки всё равно есть...

Наверное, её уже не переделать. И, наверное, этот полудурок Иван – самая большая любовь в её жизни. И самая большая ошибка. И ещё, наверное, это не моя проблема...

– Знаешь, – говорит Катька, – они, оказывается, с твоим Игорем хорошо знакомы!

Или всё-таки моя?

– Игорь заходил вчера вечером, тебя искал...

Хорошо, что не нашёл.

– Сказал, что приехал раньше, чем собирался... Он у тебя молодец, и работает, и учится, и вообще...

Вот именно, что вообще...

– Он тебе очень нравится?

Очень.

– Ты чего молчишь, Гал?

А что я ей скажу? Что мне, красивой и умной, очень идут ветвистые рога? Нет уж, пусть это останется моей маленькой тайной.

Я одним глотком допиваю содержимое своей кружки

– Если он придёт ещё раз, скажи, что теперь я уехала в командировку, ладно, Катя?

Она прищуривается.

– А ты и впрямь едешь в командировку?

Я просто хочу немного подумать.

– Да, еду.

– Далеко?

Домой. Я бы поехала домой...

Нет. Не сейчас. Ещё рано.

– Не очень...

16.15, офис

Первое, что я вижу, открывая дверь в офис, – Марина и Игорь. Три розы на столе секретарши, смешливые, чуть смущённые лица. Как будто их застали за чем-то неприличным.

– Я с отчётом, Анна Сергеевна, – говорит Игорь. Я не сразу понимаю, что он имеет в виду... Киваю через силу.

– Через десять минут, Игорь.

Я плотно закрываю за собой дверь. Вслушиваюсь в голоса за стеной. У меня хороший слух. Слишком хороший. Иногда некоторых вещей лучше не слышать.

«Может, посидим где-нибудь вечером, Марин?»

«Где?»

«Ну... Давай, я за тобой заеду, а там решим?»

«Давай!»

Почему бы ей и не согласиться? Молодая, красивая и, что важно, совершенно свободная девушка, она вполне может выбирать, с кем и когда ей встречаться.

Она ничего не знает об Игоре.

По сути дела, я тоже ничегошеньки о нём не знаю.

Убираю сумочку в шкаф. Поправляю причёску перед зеркалом. Думаю. Думаю. Думаю ни о чём.

Отчёт Игоря лежит у меня на столе. Я пробегаю его глазами, скорее для того, чтобы заглушить бешеное биение сердца. Впервые в жизни меня не интересует моя работа.

Десять минут. Десять минут иногда становятся длиною в жизнь.

– Можно?

– Проходи, Игорь. Садись. Отчёт твой я видела, теперь коротко, то же самое, своими словами.

– Коротко: Нимиров контракт продлевать не захотел, что, собственно, мы и предполагали. Забрал бумаги, расплатился наличными и помахал мне ручкой.

– Твои впечатления?

– Ну... он был слишком расстроен, чтобы думать логично. Я попридержал часть документации, как вы велели. Думаю, крот скоро всплывёт по новой, и Нимилов прибежит к нам с требованием отработать наш «скромный» гонорар.

– Хорошо... Хорошо бы...

– Скажите, а что они со Стасом не поделили? Вам ведь срочно понадобился совершенно посторонний человек из-за того, что они поссорились, да?

– Спроси у Стаса, – я пожимаю плечами. – Он, кстати, искал тебя вчера. Позвони, узнай, что нужно.

– Ой, чёрт! Забыл ему программу оставить... по офису Чегинара... он меня убьёт! – Игорь улыбается смущённо, искренне.

– Не убьёт, – говорю я, стараясь не видеть этой улыбки. Меня вдруг начинает от неё тошнить.

– Тогда я пошёл.

– Игорь, – негромко окликаю я его, когда он уже берётся за ручку двери.
– Ты хорошо справился.

Он оборачивается с готовой улыбкой на губах. Цепенеет на мгновение. Потом вылетает из кабинета так быстро, словно увидел здесь привидение.

В некотором смысле, так оно и есть. На одно короткое мгновение он увидел перед собой Галю.

Около одиннадцати ночи, моя квартира

Чёрные короткие волосы... Тонкие брови... высокие скулы... смуглая кожа... синие глаза... Алёна. С таким лицом я обычно ходила по барам. Давно. Недавно, то есть. Ещё четыре дня назад. До того, как встретила Игоря.

Игорь...

Стоп! Не сейчас!

Джинни, я сегодня не вернусь... прости, я плохая хозяйка, но ты сама меня выбрала.

Я собираюсь в бар. Я хочу выпить и найти мужчину. Я должна стать прежней. Тогда я снова смогу жить. И думать.

Полчаса спустя, «Сфинкс»

Я возвращаюсь в «Сфинкс», как преступник, которого магнитом тянет на место преступления. Не знаю, зачем. Здесь нет ничего, что вызывало бы во мне желание вернуться... Заурядное кафе, музыка, которую я переносу с трудом, бармен... Бармен, кстати, другой.

– А где Ян? – спрашиваю я у официантки, и сама удивляюсь своему вопросу.

– Завтра будет.

В её голосе слышится нотка ревности. То ли я что не то брякнула?

Плевать.

– Мартини, апельсиновый сок, чистую пепельницу и... И всё.

Официантка принимает заказ с лицом великомученицы Екатерины.

Я же сказала – плевать.

Я пью коктейль, медленно оглядываю зал. Я становлюсь самой собою... Никакого постоянства – ни в теле, ни в душе.

– Оказывается, ты предсказуема, – произносит над ухом чей-то насмешливый голос. Я поднимаю глаза. Лёгко на помине. – Здравствуй, Яна...

Да, точно, однажды я назвала ему своё имя... На мне было это лицо, и я сказала: «Яна». Выходит, он помнит? До сих пор?

– Здравствуй, Янек.

Он садится на стул напротив, достаёт из кармана пачку сигарет, предлагает мне.

– Слишком крепкие, – замечаю я и достаю свои. Он держит зажигалку, ждёт, пока я прикурю, потом закуривает сам. – Почему предсказуемая?

Он пожимает плечами и не отвечает.

Давешняя официантка приносит ему какой-то коктейль в высоком синем бокале. Улыбается. Ян на улыбку не отвечает.

– Спасибо, Глори.

Девушка уходит, явно обиженная.

– А ты?

– Что?

– Разве ты не предсказуем? – обиженно замечаю я.

– Интересно, и в чём же это выражается? – он ухмыляется сквозь плотно сжатые губы, и я вижу в его глазах смешливых зелёных чёртиков. Нечестно! Это слишком напоминает о доме!..

– Ты ведь всегда приходишь сюда в свой выходной? Девушка явно знает твои вкусы, – язвительно отвечаю я. – Или ты пьёшь на работе?

Ян вертит в руках сигарету.

– А ты ревнуешь?

– Размечтался!

– Посмотри-ка на меня!

– Я и так смотрю!

– Нет, ты посмотри мне *в глаза!*

– Зачем?

Я не хочу... я почему-то думаю о доме...

– Посмотри!

Зелени в зрачках больше нет, осталось только ожидание... чего-то...

Мы молчим.

– Ты хорошая, Яна, ты мне нравишься, – говорит он внезапно.

– А ты мне – нет!

Я лгу ему. Я лгу себе. Я привыкла лгать.

Он резко встаёт, бросает сигарету в пепельницу, так и не затянувшись ни разу.

– Всё ещё может измениться... Поживём-увидим.

Эпидемия у нас, что ли? Сначала Алик, теперь вот бармен... Почему мы всегда влюбляемся не в тех?

Наверное, я должна что-то ответить... Я смеюсь. Ян уходит. Что же делать – я всегда смеюсь над чужой самоуверенностью.

Над своей тоже.

Забыла уточнить – я *всегда* уверена в себе.

Говорят, что смех продлевает жизнь.

Наверное, я буду жить вечно.

Я думаю как раз об этом, когда у стойки бара появляется мой друг.

Мой *бывший* друг.

Правда, он об этом ещё не знает.

Может, стоит ему сказать?

– Привет, – говорю я, подсаживаясь рядом.

Конечно же, он меня не узнаёт.

Он один. Учитывая его кобелиную натуру, это поразительно.

Впрочем, и вечер ведь ещё только начинается.

– Привет, – широко улыбается он, зачарованно разглядывая мою фигуру.

– Кто ты, красавица?

Освещение бара делает мою одежду яркой и прозрачной, открывая для обзора дорогущее итальянское бельё. Безукоризненно наложенная косметика, идеальные пропорции... Собственно говоря, я знаю, что неотразима.

– Алёна, – улыбаюсь я не менее широко.

Я вдруг начинаю ненавидеть это имя.

– Ты один?

– Один, – кивает он, и отчасти это правда. Ну, он ведь не в курсе, что я уже здесь.

– Мне не грозят истерики и выцарапывание глаз, если ты угостишь меня коктейлем? – интересуюсь я, хорошо зная ответ. Что я, сама себя травмировать стану? Ставлю на стойку свой пустой бокал, зеваю: – Не люблю проблем.

– Не грозят, – заверяет он меня. – Я один. Девушки нет.

Ага, нет. Размечтался! С другой стороны, к концу вечера и впрямь не будет.

– Меня зовут Игорь, – спохватывается он. Я протягиваю руку:

– Алёна...

Он слегка сжимает её и галантно целует.

– Ты красивая, Алёна.

Мягко говоря, я это знаю.

И, кроме того, слышала неоднократно.

Ну и, конечно, я падка на лесть. Как все женщины.

– Обожаю подхалимов.

Он улыбается, принимая мой сомнительный комплимент. Улыбка его, тёплая, ласкающая, больно царапает моё сердце. Я задерживаю дыхание, отгоняя непрошенные мысли.

– Что пьёшь?

– Мартини и апельсиновый сок.

Игорь чуть удивлённо поднимает бровь. Большинство девочек Алёниного возраста предпочитают что-нибудь более навороченное и модное. Особенно, если платит кто-то другой. Но я – не большинство. Жаль, что он этого так и не понял.

Впрочем, и возраст у меня – понятие относительное.

Пока я думаю, Игорь диктует бармену стандартный заказ. Мартини и фрукты – мне, «Космостуанн» – себе. Когда он с девушкой, всегда пьёт только безалкогольные напитки. Чтобы потом не разочаровать. Можешь не стараться, придурок. Всё равно я сегодня собираюсь спать не с тобой.

А интересно, какой он, когда снимает девочку на ночь?

– Может, пойдём за столик? – предлагает он.

Следующий шаг к постели – непринуждённая беседа.

– Пойдём, – соглашаюсь я. Надо же, я сегодня на редкость покладистая.

– Учишься? – спрашивает Игорь, помогая мне сесть за тот самый столик, который я покинула десять минут назад.

– Учусь, – киваю я. А чего скрывать? – Истфак, перешла на пятый курс.

А ты?

Соврёт? Или нет? В принципе, разницы для меня никакой, и всё же...

– Работаю...

Угу. У меня в фирме. И попал ты туда только потому, что спал со мной. Впрочем, работа – это как раз дело поправимое.

– Что закончил?

– Экономический.

Врёшь. Не закончил ты его. Сессию завалил на втором курсе, академ брал, потом ещё один, потом совсем бросил... Сейчас восстановиться пытаешься, потому что твоя зараза-начальница, Анна Сергеевна, требует от сотрудников наличия высшего образования. Врёшь... ну да ладно. Было бы странно, если бы мужчина начал признаваться женщине в собственной тупости. У каждого из нас есть гордость. И она не перестает быть гордостью, даже если ужимается до размеров муравьиного глазка.

– Работа хорошая?

– Не бойся, – усмехается Игорь, неверно истолковав мой вопрос. – У меня есть, чем заплатить за твою выпивку.

– Утешает. А что ещё у тебя есть? – улыбаюсь я. Медленно провожу кончиком языка по верхней губе. – Жарко здесь...

Игорь покушается на мой жест. Я понимаю это сразу. Всё остальное – непринуждённый, всё-таки завязавшийся разговор, танцы, откровенные и не очень, запахи и блеск в глазах – всё становится второстепенным, неважным, всего лишь дополнением к этому одному-единственному жесту... Мужчины такие предсказуемые...

Июньская ночь тёплая и короткая.

– Поехали ко мне, – предлагает Игорь, отключая сигнализацию на машине.

Я касаюсь пальцами чуть припылённого тёмно-синего металла. Это моя машина. Вернее, не совсем моя, моей фирмы, но суть дела от этого не меняется. Мы покупали её совсем для других целей.

– Дорогая штучка.

– Зато красивая.

Тонированные стёкла отражают первые солнечные лучики, неуклюжее деревце и – не меня, Алёну...

– Так ты богатый?..

Игорь смеётся.

– Не очень бедный, это точно. Бедным быть плохо.

Врать и наставлять рога своей девушке – тоже не очень хорошо.

Он притягивает меня к себе, пытаюсь поцеловать. Я уворачиваюсь, отклоняю голову.

– Нет, Игорёк. Не сегодня.

Он напряжён, очень напряжён. Будет жаль применять к нему силу.

– Почему? – его руки на моей талии непроизвольно сжимаются сильнее.

– Я не хочу.

Это веский аргумент. Только Игорю в моё нежелание не совсем верится.

– Почему?

– Ну-у-у...

– Почему?!

– Скажем так: ты меня не возбуждаешь.

Нечестный ход. Удар по самому больному его месту – мужскому самолюбию. А что делать? По сути, он ведь мне изменять собрался. Ну и что, что со мной. Разве смысл от этого меняется?

– Я отвезу тебя домой, – говорит он обречённо-умирающим голосом, в котором сквозит нотка робкой надежды.

– Не надо, Игорёк, спасибо. Я хочу прогуляться.

– В пять утра?! – удивление в его голосе звучит вполне искренне.

– А что в этом такого? – невинно переспрашиваю я.

– М-м...

Игорь достаёт из кармана пиджака простенькую бело-чёрную визитку. Я вдруг совершенно не к месту вспоминаю, как Владик разрабатывал для неё графику, как мы спорили по поводу логотипа, и как прибежавшая на шум Марина лихорадочно дорисовывала на листе бумаги свой собственный логотип, стучала по нему пальцем и утверждала, что он ей приснился...

– Вот, возьми. Позвони, ладно?

– Может быть... – снисходительно киваю я.

Обязательно позвоню, дорогой. Только ты меня опять не узнаешь. Какая жалость!

Игорь усаживается за руль, последний раз смотрит на меня, приглашающе улыбается... и деревце из отражения гостеприимно машет тоненькой веточкой... Я провожу ладонью по лицу, возвращая себе внешность Гали.

Я вижу, чувствую его страх. Смеюсь и ухожу в темноту, раньше, чем он успевает опомниться.

Где-то за спиной взвизгивает перепуганный мотор. Минус один.

Я опускаюсь на землю, замираю на несколько минут, привыкая к тишине, и только потом отправляюсь домой. Не в общагу, а к себе, туда, где смогу побыть одна. Предраассветные сумерки обещают тёплый день. Тяжёлый день...

День шестой. Четверг

16.00, офис

Месть сладка...

М-м-м...

Игорёк-Игорёк... каково это – сходить с ума, а?. Оглядываться на прохожих, рассматривать чужие лица?.. Не знаешь, дурачок, что Галя всегда рядом... Не знаешь, но чувствуешь... Её лицо мерещится тебе на каждом шагу... А знаешь, почему? Потому что... Та девушка в автобусе, неудачно наступившая тебе на ногу, помнишь? Это была я... И улыбчивая официантка, на бюст которой ты бесцеремонно пялился весь обед, – тоже я. И бывшая однокурсница, внезапно пригласившая «забегать на чай», и соседка в столовой, смеявшаяся над каждой твоей глупой шуткой, – это всё я. Я. Я!

Стоп!

Не кажется ли тебе, дорогая, что это – клиника? И скоро не Игорю, а тебе самой придётся лечиться?

Тормози-ка, подружка! Тормози! Займись собой, забудь об этом кретине.

Легко сказать – забудь, если он у меня работает! Вот и пришло время пожалеть о том, что смешала личное и деловое...

Тоже мне проблема! Ты здесь начальник. Уволь и дело с концом! Тем более что работа, для которой его брали, уже выполнена... им же, между прочим!

Страшно, понимаешь, страшно... Рвать всё, что имела...

Да что ты имела? Парня, которого знаешь меньше недели? Любовь с первого взгляда, превратившую тебя в параноика?

Страшно мне, говорю...

Тебе страшно? Тебе?! Врё-ёшь! Ты просто не желаешь расставаться с придуманной тобою же самой сказкой! Плюнь и придумай другую! Ты ведь умеешь, Яна!

Ш-ш-ш... Не шуми...

Если так будет продолжаться дальше, вам с Игорем выделят соседние койки в психушке, помняи моё слово! Посмотри на себя! Вместо того чтобы заняться делом, ты бегаешь за этим придурком по всему городу! Сколько ты так выдержишь? Неделю? Две? И всё! Потолок! Ты провоцируешь его на поступки, которые унижают его в твоих же глазах! Это не он, это ты сходишь с ума, Яна! Очнись! Чего ты хочешь? Смерти Игоря? Так убей его и дело с концом!

Нет.

Тогда что?

Я устала... так устала... постоянно меняться... помнить о мелочах... гнаться за секундами... отталкивать счастье... Дай мне отдохнуть, пожалуйста!

Я отшатываюсь от зеркала. Закрываю лицо руками, меняюсь... снова... снова... снова... размазываю по щекам помаду и тушь вперемежку со слезами... каменная леди... неужели так всё и закончится? Неужели мне не хватит сил, чтобы пережить боль, нанесённую тем, кого я так неосмотрительно полюбила?

Погоди, погоди! Яна! Не уходи!

Стук в дверь. Марина проверяет, здесь ли я. Начался новый рабочий день, и у меня уже нет времени на слёзы и жалобы. Да и жаловаться мне некому. Семь лет назад за мною не пошёл даже мой брат.

– Минутку! – говорю я не столько секретарше, сколько самой себе.

Минутку... И вот уже из зеркала на меня вновь смотрит Анна Сергеевна. Деловая, очень красивая женщина. И это её, а не мой спокойный ровный голос:

– Марина, зайди. Захвати контракт на Игоря.

Марина удивлена, но молчит. Возражать начальству глупо.

Я пробегаю договор глазами. Свою работу он действительно выполнил. А значит, больше не о чем думать и нечего решать.

– Подготовь бумаги на расчёт, – распоряжаюсь я. – Оплата, премиальные, всё, что включено в контракт. Проверь машину, знаю, он пользовался ею. И проследи, чтобы он не прихватил из офиса какие-нибудь документы.

– Вы увольняете Игоря? – не выдерживает Марина.

– Он выполнил свою работу. Фирма в его услугах больше не нуждается.

– Но ведь он хорошо справился с заказом! Может быть, стоит...

– Не заставляй меня повторять дважды, – предупреждаю я спокойно. – И вот ещё что. Меня ни для кого нет.

Марина быстро уходит. Я пожимаю плечами, раскладываю перед собой накопившиеся за последние дни бумаги. Слабость прошла. Всё решено, всё кончено. Я – это я, сколько бы лиц у меня не было.

Там же, 16.35

Шум, возбуждённые голоса за дверью.

– Её нет, Игорь! Игорь!

Дверь распахивается. В кабинет влетает мой бывший возлюбленный. Он зол. Нет, правильнее сказать, он в бешенстве. Я этого ожидала.

Марина забегает следом.

– Анна Сергеевна, я ему говорила!

– Ничего страшного, Марина. Возвращайся к делам. И закрой, пожалуйста, дверь.

Мы остаёмся одни.

Я сворачиваю окно программы на мониторе, убираю в ящик стола новый факс от Чегинара. Игорь ждёт, молча накапливая в себе новую порцию злости.

– В-всё? – выдавливает он из себя, когда я закрываю ежедневник.

– Что «всё»? – невинно переспрашиваю я, не отрывая взгляда от карандаша в моих руках.

– Если вы закончили переключать бумажки, будьте добры, уделите мне несколько минут, – цедит Игорь язвительные слова.

– А... пожалуйста, – вежливо соглашаюсь я. Киваю на кресло с его стороны стола. – Садись, Игорь.

Он садится, зло, быстро.

– Что у тебя случилось? – спрашиваю я, морщась, – колесики его кресла резко царапают пол и мои нервы.

– У меня? – удивляется Игорь.

– Ну, не у меня же! Это же *не я* врываюсь в твой кабинет...

– Вы меня уволили!

Его голос полон возмущения и неверия.

– Уволила, – спокойно подтверждаю я.

– Вы меня уволили!

– Тебе выдали все деньги?

– Что?

Я повторяю вопрос:

– Тебе выдали все деньги по договору?

– А-а... ну... да...

– Помнится, я говорила, что мне не нужны сотрудники на постоянную работу?

– Да... но...

– Если договор не продляется по желанию работодателя, он автоматически считается выполненным и расторгнутым, так?

– Так... но... я думал...

– Думать ты можешь в свободное от работы время. Деньги мы выплатили, договор не нарушили, так что я повторяю свой вопрос: что у тебя случилось, что ты врываешься в мой кабинет и отрываешь меня от моих дел?!

– Анна Сергеевна! – Игорь срывается, красивый низкий голос переходит в хрип, на щеке дёргается синяя жилка. – Вы говорили, что в случае отработки заказа продлите мне контракт!

Я пожимаю плечами, одновременно пытаюсь понять, что же мне так могло понравиться в этом истеричном, нервном, самовлюблённом парне.

– Наша фирма больше в твоих услугах не нуждается.

– На каком основании вы меня уволили?!

– Я же всё сказала, – терпеливо повторяю я. – Ты выполнил работу, ради которой тебя нанимали, и больше-нам-не-нужен. А теперь, будь добр, раз у тебя не случилось ничего серьёзного, покинь это кресло и это помещение.

Он вскакивает, отшвыривает ногой ни в чём не повинный стул, наваливается руками на мой стол, шепчет зло:

– Зато я ещё не всё сказал!

– Да? – я с интересом поднимаю голову. Наши взгляды сталкиваются. Я улыбаюсь. – Хочу предупредить тебя, Игорёк... На тот случай (конечно,

ты не собираешься этого делать, но всё-таки, лучше уж я предупрежу...), если ты вдруг захочешь меня шантажировать... Во-первых, шантаж – это примитивно, банально и совсем не модно. Во-вторых, я никогда никому не платила и платить не буду. Полагаю, это последнее должно заинтересовать тебя больше всего. Ну, а чтобы подкрепить свои слова делом (подозреваю, дорогой мой, что ты мне не веришь), я, пожалуй, кое-что тебе покажу...

Я нагибаю голову к столу. Полированная поверхность – плохое зеркало, но всё-таки...

– Нет... – хрипит Игорь, когда я поднимаю к нему лицо Гали. – Не-ет...

– Да-да-да, – передразниваю я. – Привет, счастье моё! Вопросов о продлении контракта, надеюсь, больше нет?

Он медленно отступает, не отводя от меня помутневшего испуганного взгляда, упирается спиной в дверь, не сразу понимая, что это – дверь. Шарит руками за спиной, а в глазах – всё тот же страх. Я равнодушно слежу за его рывками. Меняюсь снова. И снова. И снова. Десятки лиц, которыми он заставлял меня быть. Чужие жизни, в которые я играла.

– Ч-что э-это? – бормочет Игорь сдавленно.

– А ты, оказывается, трус, – замечаю вдруг я.

Он, наконец, справляется с защёлкой, выскакивает за дверь. Я знаю, что больше не увижу его. Хорошо.

– Игорь! – слышится испуганный голос Марины. – Что случилось?! Анна Сергеевна! – Она вбегает в кабинет. – Анна Сергеевна...

Я быстро отворачиваюсь. Я не знаю, какая я сейчас. Мне требуется зеркало. Зеркало находится справа от Марины.

– Всё в порядке, Марина, – говорю я. – Всё в порядке. Иди к себе.

Но она стоит там же, около двери, а справа – зеркало. Ещё никогда в жизни я не испытывала такого желания посмотреться в зеркало.

– Вы... он... Игорь вас оскорбил? Да? И поэтому вы его уволили? – спрашивает Марина шёпотом. Милая наивная девочка. Проработав у меня семь месяцев, она искренне уверена, что я никому никогда не причиню намеренного зла.

– Уходи, Марина, – повторяю я, не имея возможности обернуться и посмотреть ей в глаза, не имея сил ни опровергнуть, ни подтвердить её слова. – Просто уходи. И, пожалуйста, сделай так, чтобы меня не беспокоили до обеда.

Она колеблется... Не сразу я слышу, как медленно, осторожно закрывается дверь.

Я знаю, я больше никогда его не увижу...

Я ложусь на стол и плачу.

Железнодорожный вокзал, 18.25

– Ой, Галка, а ты уверена, что нас не расселят? – в который раз переспрашивает Катя. Мы стоим у её вагона, сумки уже давно внутри, до отхода поезда осталось меньше десяти минут. Иван, с которым Катька всё-таки помирилась, нервно курит и нетерпеливо поглядывает то на меня, то на часы.

– Не расселят, – в который же раз заверяю я подругу, думая о новой проблеме в компании Чегинара. Там сейчас Стас и Женечка. Как бы их Чегинаровские ребятки не обидели...

– Жаль, что ты не сможешь приехать ко мне в гости, – вздыхает Катька.
– Иногда ты бываешь очень...

– Странной, – договариваю я за неё и смеюсь. А про себя обещаю, как только Катя вернётся, рассказать ей всё-всё-всё. Про себя, про свои способности, про своих родителей. Познакомлю с ребятами из своей конторы. Может, они с Владиком надут общий язык?.. И про Игоря расскажу. Катя ведь так и не узнала, почему мы расстались.

– Ты хорошая, Катька, – я обнимаю её крепко-крепко, шепчу на ухо. – Я пойду, ладно? Вам тут, наверное, надо попрощаться...

Я ухожу. Не далеко, а так, чтобы видеть, куда пойдёт Иван. Вот уже раздаётся предупредительный гудок, вот играет музыка... как же это называлось? Вылетело из головы... «Прощание» какое-то... Традиция. Когда пришла провожать Катьку первый раз, сильно удивилась. А сейчас ничего, привыкла.

Поезд трогается. Медленно, медленно, быстрее, быстрее, быстрее... Я не смотрю на окна купе, не ищу, как большинство провожающих, глазами знакомое лицо. Я слежу за Иваном. Он очень удачно идёт в мою сторону.

– Ой... – только и получается выговорить у него, когда я прижимаю его спиной к голубой стене вокзала. – Ты чего это, Галя?

Я игнорирую его попытки высвободиться или, хотя бы, улыбнуться.

– Послушай меня внимательно, мальчик, – тихо и внятно говорю я, глядя ему прямо в глаза. – Если я вдруг... не дай бог... случайно... узнаю, что Катька плачет из-за тебя... клянусь, Ванечка, я сделаю так... что с тобой больше вообще ни одна девочка общаться не захочет... Я изъясняюсь доступно или мне нужно объяснить более наглядно?

Он кивает, сдавленно что-то бормочет, пытаюсь высвободиться. Я отпускаю его горло только тогда, когда он начинает задыхаться.

– Ты предупреждён, Ванечка, – повторяю я и ухожу. У меня ещё очень много дел сегодня.

«Сфинкс», 23.45

Дурацкое название. Дурацкое кафе. Кажется, я это уже говорила?

Я вновь здесь. Почему? Я знаю, в «Сфинксе» больше никогда не будет Игоря. Говорят, он сейчас лечится в каком-то... хм... закрытом заведении... Говорят. Если так, значит, у него оказались слишком слабые нервы. Не мужик, а так... фантик. Впрочем, я не задумываюсь над этим. Не позволяю себе задумываться.

– Мартини и апельсиновый сок.

На стойке передо мной появляется высокий мутного стекла бокал. Я провожу пальцами по чуть запотевшим стенкам, отпиваю глоток и только потом рискую поднять глаза.

– Привет, – улыбается мне бармен Ян. Где-то в глубине его глаз вспыхивают зелёные угольки.

– Привет, – улыбаюсь я в ответ.

– У меня смена заканчивается через пятнадцать минут, – сообщает он, и я уже знаю, что пойду с ним.

– Хорошо, – я снова глажу запотевшую стенку бокала. – Я как раз успею допить свой коктейль. Кстати, меня зовут Ирма.

– Тебя зовут Яна, – мягко поправляет он. Я вздрагиваю, а бармен, словно не замечая моего замешательства, быстро добавляет: – И не вздумай куда-нибудь исчезнуть, девочка. Я всё равно найду тебя... Я и так слишком...

Окончание фразы теряется в очередном всплеске музыки. Кейси... Неужели в этом чёртовом кафе не слушают ничего, кроме Кейси?!

У другого конца стойки кто-то настойчиво требует пива.

– Я вернусь, – обещает Ян. И я знаю, твёрдо знаю, что он сдержит своё слово.

Четверть часа... бокал медленно пустеет. Ян смешивает коктейли, вскрывает бутылки пива, пододвигает пепельницы...

Четверть часа... За это время я успеваю многое передумать. Алик Чегинар... Он ни разу не вспомнил ту ночь, что я провела в его доме. И не отказался от наших услуг. И Стас с Женькой справились, решили ещё одну его задачку... Молодые компьютерные гении... когда они пришли ко мне, я знала, что из-за их возраста, незаконченного образования их не возьмут ни на одну приличную работу. Я дала им то, в чём отказали другие. Как и Марине, и Владу. И не жалею об этом. Они умеют говорить «спасибо».

Четверть часа... Ян... Я думаю о том, как он узнал меня... Маленькая зеленоглазая блондинка Ирма, которой я сейчас выгляжу, совсем не похожа на высокую, худенькую брюнетку Алёну. И на Яну тоже, если уж на то пошло. Мартини и апельсиновый сок... Это *он* сказал сейчас, не я. Так где же я ошиблась?

Очень хочется выйти, прогуляться под ещё не стемневшим небом. Хочется побыть одной и подумать, найти ошибку, найти решение. Но я знаю, что не уйду отсюда.

Четверть часа. Я делаю последний глоток, когда кто-то осторожно кладёт мне руку на плечо. Я не оборачиваюсь.

Чужая ладонь, чуть шершавая... как и голос за спиной:

– Пойдём, Яна...

Я оборачиваюсь, смотрю ему в глаза. Серые глаза с зелёными огоньками. Я смотрю на Яна, а вижу кого-то другого... И мне кажется, что мы знакомы тысячу лет...

День седьмой. Пятница

Час ночи. Тёмная улица

Естественно, мы знакомы! Нет, не тысячу лет, но всю нашу жизнь, это точно. И я злюсь сейчас, как никогда ещё не злилась.

– Ну и сволочь ты! – кричу я, тщетно пытаюсь сбросить его руки с моих плеч. – Пусти! Пусти, кому сказала?!

– Яночка, – смеётся он, – угомонись, ну чего завелась? Ты на бешеную кошку похожа...

Я подавляю в себе желание вцепиться ему в морду. Всё равно сейчас не дотянусь. Дышу глубоко, тяжело, тщетно пытаюсь успокоиться.

– Ш-шпионишь, да? Ты за мной следишь? Не-на-ви-жу!!!

– Не шипи на меня, – просит Ян. – И прекрати уже орать как пострадавшая... Если пообещаешь, что не будешь кидаться, отпущу...

– Не буду, – быстро и охотно обещаю в ответ. Ну же, давай, разомкни свои чёртовы пальцы... у меня уже синяки на плечах... Вот та-ак...

– Ай!

Ян хватается за расцарапанное лицо.

– С ума сошла?

– Не больше, чем ты!

– Между прочим, ты мне сейчас слово дала!

– Как дала, так и обратно взяла!

Ян растирает кровь по лицу, но царапины глубокие, я знаю, и кровь не останавливается. Подозреваю, что ему больно, но он всё равно улыбается. Вылитый отец!

– Вылитая мать, – удовлетворённо говорит Ян.

– Надеюсь, ты не собирался меня этим оскорбить?

– Издеваешься?

– Какого дьявола ты здесь делаешь?

– Может, дойдём всё-таки до моего дома? Неохота на улице разговаривать.

Клянусь, в его голосе звучат нотки примирения. Беда в том, что я мириться не желаю.

– Если неохота, мог бы и подождать с превращениями!

– Боялся, что ты приставать начнёшь раньше, чем мы порог успеем переступить...

– Ах, боялся! – я снова завожусь. – Так не фиг было!..

Он поднимает руки. Обычно, когда он так делает, всяческое желание злиться дальше у меня отпадает.

– Сдаюсь! Всё, Янчик, хватит!

– Ты сволочь! Ты же пытался меня соблазнить! – вдруг вспоминаю я.

– Ну... нет, конечно... просто очень хотелось посмотреть, как ты тут мужиков клеишь... Когда ещё такой шанс представится?

– Я? Клею? – я начинаю истерично хихикать. – А чего вас клеить? Разрез побольше, глаза поглупее... И мальчик готов на всё!..

– Не высокого же ты мнения о мужчинах! – замечает Ян.

– Вашими кобелиными усилиями...

– Слушай, хватит уже обобщать! Что за привычка?

– Да иди ты! – бросаю я, потому что говорить больше, в общем-то, не о чем. Надо или мириться, или расходиться.

Мириться я не желаю, поэтому поворачиваюсь и делаю два шага в темноту.

– Согласен, Янка, я сволочь, – говорит он мне в спину. – Согласен и готов положить голову на плаху. Но я ведь у тебя единственный брат, разве нет? Может, всё-таки, простишь?

Я останавливаюсь, говорю, не оборачиваясь:

– Нечестно. Запрещённый прием.

– Угу... но я по тебе соскучился... А если ты сейчас уйдёшь, то, скорее всего удерёшь куда-нибудь ещё, и мне снова придётся тебя искать, а потом мы снова поссоримся... Меня это напрягает.

Плохо то, что в его словах есть разумное зерно. Но вот что уже совсем отвратительно, это то, что он не просто единственный брат мой, но ещё и самый что ни на есть мой близнец. Блин. Не помню ни одного дня из детства, чтобы мы не поругались. Мама как-то сказала, что если бы знала заранее, кто у неё родится, утопилась бы раньше, чем вышла за папу.

– Между прочим, и я у тебя единственная сестра, – замечаю я. Снова поворачиваюсь к нему лицом и улыбаюсь. – И ещё, между прочим, я тоже соскучилась...

Ян щёлкает меня по носу, потом радостно обнимает.

– Янка, Янка... Почему ты меня всегда прощаешь?

Я вдруг начинаю плакать. Это глупо, конечно, чего сейчас-то уже? Но мы не виделись тысячу лет, и вся вчерашняя боль в одно мгновение вдруг накатывает на меня, и я плачу и ищу у него защиты. Раньше, когда мы жили под одной крышей, Ян всегда меня защищал...

– Ну, всё, всё, не реви... пойдём ко мне, ладно?

Пока я вытираю мокрые щёки, Ян тормозит такси. В машине я сворачиваюсь калачиком у него под мышкой и засыпаю. Сон, короткий, тяжёлый, заканчивается внезапно. Я недовольно открываю глаза. Высокий потолок, лампа дневного освещения, тяжёлые шторы на окнах. Спиной чувствую мягкую обивку дивана.

– Сейчас будет кофе, – доносится откуда-то из-за стены голос брата. Он по-прежнему всегда чувствует, когда я просыпаюсь...

Кофе... Ян... фантастика!

– Как ты здесь очутился? – спрашиваю.

– За тобой пришёл, – сообщает он, вырুলывая из кухни с подносом. – Отец отправил.

На мгновение я теряю дар речи.

– Из-звини, я что-то глуховата стала... Отец? Отправил? За мной?

– Угу, – мычит брат, откусывая большой кусок от бутерброда.

– А-а...

У меня нет слов.

– Ты ешь, сестрёна... завтра будет долгий день...

– А-а...

Помню, когда я уходила, отец заявил, что никто мне помогать здесь не будет.

Брат проглатывает бутерброд, глотает горячий кофе, потом спокойно говорит:

– Пора возвращаться, сестрёна.

– Кто это решил?

– Пора возвращаться.

Да, наверное... хотя бы на несколько месяцев...

– Я больше не смогу жить там, – возражаю я.

– Я тоже. Но вернуться надо. Пусть и ненадолго...

– Когда?

– Завтра.

Завтра...

– Тебя здесь что-то держит?

Моя кошка, моя фирма, мои ребята, заказ Алекса... Чегинар!

– Я не вернусь, – заявляю я вдруг.

Ян не умеет читать мысли, только принимать обличия других людей, но мы с ним близнецы, и в каком-то смысле, чувства у нас общие.

– Мужчина, да?

– Я не вернусь.

– Надеюсь, это хотя бы не тот придурок, из-за которого ты напивалась у меня в баре?

Я вспоминаю Игоря... Смеюсь. Кажется, это было сто лет назад.

– Нет, не он. Другой. Он бы тебе понравился.

Ян смотрит на меня, долго, пристально. В глубине его серых глаз я замечаю зеленоватые искорки.

– Так-так-так...

– Чего смешного я сейчас сказала? – спрашиваю подозрительно.

– Смешного?

– Вот именно.

– Ничего, по-моему...

– По-моему, тоже, – соглашаюсь я. – Тогда в чём дело?

– Ни в чём, Яночка. Ложись лучше спать. Завтра мы возвращаемся.

– Ты глухой, да? Я не вернусь. У меня дела.

Воспоминания об Алике Чегинаре нетерпеливо плещутся в голове, в сердце, во всём теле. Он сказал, что подождёт...

– Вернёшься, – усмехается мой брат. – Теперь точно вернёшься.

Тянется к мобильнику на столике, набирает чей-то номер.

– Заходи ко мне завтра в восемь... Утра, естественно... Придёшь, узнаешь.

И всё. Я жду комментариев. Но, похоже, проще дожидаться снежной бури в пустыне.

– Ну! – не выдерживаю я трёх минут молчания.

– Ты о чём? – невинно переспрашивает братец, делая очередной глоток из своей кружки.

– Я? Я о зайцах!

– Почему о зайцах?

– Потому что не о белках же!

– Янка, у тебя, случайно, жара нет? – заботливо вопрошает Ян, протягивает руку, чтобы пощупать мой лоб.

– Иди ты! Скажи лучше, кому ты сейчас звонил?

– Тебе выспаться нужно, Янка, – уверенно говорит брат. Встаёт, протягивает руку, одним рывком вытягивает меня из уютной теплоты диванных подушек. А у меня уже нет сил спорить. Спать охота зверски. Впервые за многие годы я чувствую обычную человеческую усталость. Ян провожает меня в свою спальню. Я тяжело раздеваюсь, падаю на расправленную кровать, закутываюсь в пушистую махровую простынь. Мне снится дом. Длинная пустая улица, одним своим концом упирающаяся в реку, другим – в пшеничное поле. Бурая трава бросается под ноги, и солнце светит всё ярче и ярче... Вот она, наша калитка... На крыльце дома сидит отец, сильный мужчина с разноцветными глазами. Он насмешливо шуруется на солнце, разглядывая своё отражение в широком лезвии ножа. Я хочу позвать его и пугаюсь... Что, если он не захочет меня видеть? Или... или просто не узнает меня? Зеркало! Мне нужно зеркало! Но где здесь взять зеркало?!

8.05, квартира Яна

Я просыпаюсь с чувством страха. Выпутываюсь из простыней, бросаюсь в ванную. Зеркало! Где-то здесь должно быть зеркало!

Наверное, на улице ночью прошёл дождь, потому что в коридоре видны отпечатки лап крупной собаки. Интересно, а почему это я вчера никакой собаки в глаза не видела? Следы ведут на кухню.

– Она ещё спит, – говорит кому-то мой брат. – Если принудительно разбудить, рычать будет всю дорогу.

– А так, по-твоему, не будет?

Я замираю. Не может быть. Не может быть.

– Будет, конечно... Но лучше, если она перед этим выспится. Выпить хочешь?

– Давай.

Скрип дверцы, перезвон стекла, лёгкий запах коньяка.

– Мне тоже можешь налить, – сообщаю я, выворачивая из-за угла в кухню.

– Доброе утро, сестрёна, – говорит мне Ян. Но я смотрю мимо него. Никакой собаки в комнате, конечно, нет. Зато у окна, оперев локти на столешницу, сидит Алекс Чегинар. И он тоже смотрит на меня, улыбается почти серьёзно и молчит. Я замечаю часы на холодильнике. Пять минут девятого. Значит, Ян вчера звонил Чегинару... интересно, почему меня это не удивляет?

– Кому доброе, кому и нет, – прямо заявляю я.

– Ты бы оделась, – советует мой братец-консерватор. – А я пока тебе завтрак соображу. Есть хочешь?

– Я хочу выпить, – говорю я, одним глазом оглядывая нацепленную на себя с вечера футболку Яна. Всё вроде бы прилично. – А если точнее, напиться. И предположить, что вы двое – плод моих галлюцинаций.

Чегинар молчит.

– Напиваться чем будешь? – деловито интересуется брат.

Я распахиваю дверцу холодильника, мгновенно оцениваю барменовские запасы.

– Мартини и сок.

– Нету, – зловредным тоном говорит Ян.

– Сходи и купи, – отвечаю ему в тон.

– А...

– Помнишь, я же у тебя единственная сестрёнка...

– Ага...

Ян испаряется из квартиры в течение двадцати секунд. Я слышу, как хлопает входная дверь. Достаю из холодильника банку пива, усаживаюсь напротив Чегинара, придвигаю к себе пепельницу и полупустую пачку сигарет. Алекс протягивает зажигалку.

– Даже не буду спрашивать, кто ты есть на самом деле, – говорю я после второго глотка пива и третьей затяжки.

– Почему? – удивляется Чегинар. От его голоса у меня начинают дрожать руки.

– Успеется ещё.

– Хорошо, – соглашается он. Лениво поднимается из-за стола, переступает через подсыхающие собачьи следы, стряхивает с рукава клочок чёрной шерсти. Потом берёт меня за руку и тянет к себе, вынуждая подняться.

– Что?

– Помолчи, Яна-Алёна... просто помолчи... – шепчет он.

И мы молчим. Очень долго молчим. Конечно, целоваться молча не обязательно, но мы молчим...

– Я так понимаю, бегать за мартини было вовсе не обязательно, – ехидно замечает брат где-то за моей спиной. – Ты прекрасно обошлась пивом...

Я даже не оборачиваюсь. Чегинар прижимает меня к себе крепко-крепко и смеётся.

– Сворачивай свои дела, Янка, – всё так же в спину говорит мой братец. – Вечером выдвигаемся. Да отпусти ты её, Алекс!

– Вот ещё!

– Тебе для начала с её родителями предстоит познакомиться... Папа у нас тот ещё подарок!

Чегинар разжимает руки, ласково гладит меня по волосам.

– Ты пойдёшь с нами? – спрашиваю я осторожно.

– Нет.

– Нет?

– Посмотри мне в глаза, – просит Алекс. Я слышу насмешливое хмыканье Яна, удаляющиеся шаги... Я поднимаю голову. Глаза у Алекса синие. И где-то в самой их глубине-синеве, светится что-то... сила, способная защитить меня... укротить меня... Мой мужчина...

– Я пойду *с тобой*.

Да, точно, это – мой мужчина...

Вечером, у меня дома

Я смотрюсь в зеркало. Я вижу себя.

– Пора, Янка, – кричит из-за двери брат. – Твоя кошка и так активно выражает недовольство предстоящим походом... Не хотелось бы дожидаться, когда она решит выпустить когти! Янка!.. Осенью вернёшься... если захочешь... Я-то точно вернусь к новому семестру... Ты была права, образование – великая вещь...

Я завешиваю зеркало тёмной тканью. Нет, никто не умер. Просто ему, как и мне, нужно отдохнуть и подумать. Я давно научилась жить с чужими лицами. Может, пришла пора учиться жить со своим собственным?

Закрывая дверь в комнату, отчетливо слышу, как облегчённо вздыхает моё зеркало...

Евгений ГРЕП

Звёздочка

(Наброски с невозможного)

1.

При посадке в бот, Звёздочка умудряется запутаться в ремне винтовки и застрять в люке. Танки идёт последней, и именно ей приходится поправлять сбрую. Уже в боте она зло трясёт короткими чёрными волосами и шипит:

– Дура! Говорили же, всем проверить!..

– Не разговаривать, по местам! – Бато даёт каждой подзатыльник.

Танки лишь пицци и мигом занимает кресло на правом борту. Звёздочка плачет от боли.

Её место рядом с Танки...

– Дура, пристегнись!.. – уголком губ шепчет Танки. – А то по стенам размажет...

Нет, она не злая, и даже не вредная. Обычная девчонка... Вот только все сейчас сами не свои. Бато всегда простой парень, а теперь к нему и не подступишься. Вот он уже врзал Гаюсу. И непонятно за что – может, у того пуговица не застёгнута, может, просто зло разрядить захотелось. Впрочем, Гаюсу тумачи безразличны. Сплюнув кровь, он беззлобно ругается, потирает ушибленную скулу и только.

Слева от Звёздочки скрежешчет железом Ром. Пару раз окидывает девчонку взглядом и ничего не говорит. Из него вообще слова не вытянешь, хотя сейчас повод есть – девчонка в боте к беде, а уж две – тем более.

Звёздочка ещё раз всхлипывает и поднимает глаза. И сразу же будто попадает под ослепительно сияющий луч. Ганзи... Он сидит напротив и смотрит на неё. На борту крафтшипа они не сказали друг другу ни слова, но Звёздочке всегда казалось, что, когда этот невысокий небрежно одетый паренёк со шрамом на щеке смотрит на неё, его взгляды полны чем-то светлым...

На борту им разговаривать запрещал устав. У Ганзи на груди в районе сердца нашивка... Улыбающееся солнышко. А это значит – нестабильная психика, запрет на общение. Как метка отверженного. Потому что Ганзи – камикадзе, ками... Этот его бой – второй. И, скорее всего, – последний. Ками редко переживают первый бой, Ганзи повезло, его изувечило, но не убило. Заряд не взорвался...

Но в бою – свои правила, не всегда согласующиеся с уставом. И потому слышится негромкое:

– Бато, не войю с девчонками...

Бато бешено поворачивается на своем месте и смотрит на Ганзи. Чувствуется, что он загоняет желчь куда-то подальше в организм. Бормочет:

– Нормально...

Потому что у ками нестабильная психика и кнопка на правой перчатке. Одной Танки всё нипочём – девчонка показывает Ганзи язык и средний палец. Ганзи улыбается, но глаза будто гаснут.

– Ганзи... – начинает Звёздочка, но не успевает.

– Всем заткнуться, – негромко командует Бато.

И все затыкаются – Ганзи смотрит в пол, Звёздочка смотрит в пол, Танки потягивается, Ром ворочается и что-то про себя соображает. А Гаюс спит. Просто-напросто спит. Он ветеран, у него одиннадцать десантов, каждый он отмечает зарубкой на левом плече.

Начинает тошнить, исчезает вес, где-то за бронёй громко разносится «бзанг!...» Крафтшип выполняет маневр. Индикатор на потолке показывает, что они находятся всё ещё в верхних слоях атмосферы. «Бзанг!.. бзанг!...» Армаде явно досталось, раз крафтшипу приходится стрелять.

В наушниках зуммерит, потом щёлкает и возникает приятный женский голос:

– Уважаемые пассажиры, посадка бота будет происходить в автоматическом режиме. Компания «Вар аирлайн» благодарит пассажиров за прекрасный полёт и на этом прощается с вами. Счастливого десанта!..

Голос обрывается, и звучит какой-то бравурный марш. На индикаторе горят цифры – девятка сменяет десятку, восьмерка – девятку...

Ганзи неожиданно отрывает взгляд от пола и смотрит на Звёздочку.

Восемь... Семь... Шесть...

– Зажмурься и загадай желание... Сбудется...

Три... два...

«Я хочу...»

Бам!.. Срабатывает, выжимая из лёгких воздух, катапульта, и бот устремляется вниз...

2.

Бот не летит, он падает... Нет, неправильно... Падает не бот, падают они – Бато, Танки, Ганзи, Звёздочка... «Падающая Звёздочка», – думает Звёздочка и улыбается.

Когда-то она стояла перед взводом, и три десятка человек молча смотрели на неё. Бато был рядом и фамильярно приобнимал за плечи.

– Прошу любить и жаловать... Стрелок-медбрат Звёздочка. Только насчёт любить – не очень. Узнаю что – отрежу любилку.

Помнится, Звёздочка покраснела, она тогда ещё могла легко краснеть...

Потом в казарме Танки, мило улыбаясь, говорила с Бато:

– А почему Звёздочка? Как её имя?

Бато пожимал плечами:

– Она из северян... У них там у всех дурацкие имена.

Помнится, Звёздочка обиделась, она тогда ещё умела легко обижаться...

И первой же ночью Звёздочка проснулась от странных звуков. Там, где стояли нары Танки, кто-то ворочался и стонал. Помнится, Звёздочка вспомнила слова Бато насчет любилки и удивилась... Она тогда ещё легко удивлялась. Ведь Бато не имел в виду свою собственную...

– ...оторву стабилизатор, вставляю вам в задницу и буду поворачивать до характерного шелчка... сэр... – разговаривая со штабом, Бато никогда не забывал о субординации.

Вот он, чуть зубами не вцепился в микрофон. Глаза бешено вращаются, слюна брызжет. Вылитый ками... А Ганзи спокоен – в этом и заключается отличие ками от простых солдат, они бесятся по приказу... Если их не замыкает. А такое иногда происходит от самых невинных слов...

– ...засуньте свой «Час Ч» себе в...

Бот уже скользит по воздуху, свистя двигателями. До земли – километров двадцать... Говорят, раньше в ботах делали иллюминаторы, и тогда можно было временами ухватывать взглядом дымные полосы ракет. Это нервировало...

– ...сэр! В армии нет звания засранец!.. Но благодаря вам его скоро введут!..

В штабах завели моду ставить логические фильтры на ругань в радиопереговорах, но с изобретательным Бато это не проходит.

В наушниках опять зуммерит. Тот же женский голос радостно сообщает:

– Уважаемые пассажиры, говорит автопилот. Программа совершила некорректную операцию, и будет закрыта...

Двигатели замолкают.

Бато начинает ругаться, как заведённый, Танки смеётся, Гаюс спит. Наваливается невесомость, и Звёздочку опять тошнит...

– Отваливаем!.. – командует Бато и подаёт пример.

Его кресло проваливается, и в открывшуюся дыру бьёт ледяной воздух. Ром что-то делает, и его кресло тоже исчезает. Гаюс, не просыпаясь, повторяет его действие.

– Желая приземлиться на все четыре лапы, – Танки шлёт Звёздочке воздушный поцелуй и тоже проваливается.

Звёздочка с тоской смотрит на Ганзи, её не учили катапультироваться... Глаза Ганзи больше не светятся, они пусты... Губы шевелятся:

– Кнопка на правом подлокотнике...

Он смотрит, как Звёздочка ищет кнопку. Находит...

– Звёздочка, я...

«Бам!..» Звёздочка понимает, что летит куда-то в бездонную яму. Содержимое желудка где-то возле самых губ... Девчонка не выдерживает, и её рвёт. Стремительно отдаляется гладкое брюхо бота, потом рывок парашюта – и Звёздочку рвёт вторично. Сразу вспоминается, как Танки, ехидно улыбаясь, подкладывала сегодня в её тарелку лучшие куски и вздыхала: «Тебе поправляться надо». Вечно голодная Звёздочка тогда ещё благодарно подумала, что с ней можно и подружиться...

А в глазах – отпечатавшаяся картинка. Пять круглых дыр, пять открытых люков-диафрагм. Пять – не шесть...

Бот уже где-то глубоко внизу. Звёздочка щёлкает переключателем, и в наушники тут же врывается возмущённый Бато:

– ...твою мать, взяли девчонку в десант, штаны замочила от страха... Стрелок-медбрат, немедленно отзовитесь!..

– Здесь я...

– Ах ты...

Бато ругается самозабвенно и долго. Потом остывает.

– Где эта «бумажка»?

«Ками», «бумажка», «билет в один конец» – это всё прозвища камикадзе.

– Его, кажется, в боте перемкнуло... – голос у Танки недовольный.

Звёздочка молчит и смотрит в непроглядную муть, в которую канул бот.

– Сэр... Ками Ганзи присутствует...

– Ну и ладно...

Тишина хлынула в эфир. Желудок уже успокоился, вот только грустно от чего-то. И очень холодно...

3.

– ...Стрелок-м-медбрат Звёздочка...

– Заткнись и сиди на месте. Найдём...

Голос у Бато озабоченный.

Звёздочка сильнее кутается в зимнюю куртку с подогревом. Вокруг ветер наматывает сугробы, стон стоит такой, будто где-то рядом прогревают реактивный двигатель. Луч фонарика лишь шагов на десять пробивается через мешанину из снежных хлопьев и древесных стволов и безнадёжно теряется, будто иссякает. Неподалеку небольшой белый холм – всё, что осталось от кресла.

Куртка нагрелась, будто небольшая печка. Интересно, надолго ли её хватит?

А сидеть в сугробе, оказывается, мокро и скучно. Мокро, потому что снег непрерывно тает, коснувшись куртки, скучно, потому что делать нечего. А раз нечего делать, то можно ведь и расслабиться?

На правом запястьи оживает небольшой экранчик. Изображение реальное, будто всё происходит в этой коробочке, размером со спичечную.

– ...И вновь наше внимание приковывает к себе группа лейтенанта Зайделя. Посмотрите, как грамотно он ведёт бой... Опасный момент!.. Нет, к сожалению, отчаянный натиск не может сломить оборону противника...

Наша камера установлена непосредственно на бруствере, и, надеюсь, сейчас нам покажут повтор... Да, да, вот здесь отчётливо видно, что второе отделение наткнулось на остатки минного поля. С этой минуты результат боя можно считать известным. Между тем, тотализатор весьма чуток к таким вещам, ставки Равнинной армии Палестинско-Израильского альянса поползли вниз. И если не будут...

Азартный голос комментатора быстро надоедает, и Звёздочка переключает канал.

– ... Нет-нет, я считаю, что применение ядерного оружия было вполне оправданной необходимостью. Но совершенно непростителен промах...

– Наши японские коллеги не могут с вами согласиться. Трудно согласиться с такой точкой зрения, когда потеряно девяносто процентов архипелага...

Очередной шелчок.

– ...И вот вы, наконец, можете видеть, как генерал Мамедов поворачивает ключ. До конца сражения остаются считанные секунды... Идёт отчёт... Вот пошла первая ракета...

Звёздочка вздрагивает – что-то с воем проносится над головой, уходит на запад.

– Теперь вторая...

И опять вой... Земля вздрагивает два раза, не просто вздрагивает, а будто вздыхает. Шевелятся сугробы, скрипят деревья. На западе, за горизонтом, разгорается яростное солнце, становится светло, как днём...

Голос репортёра vyplывает из треска помех:

– ...можно считать законченным... На этом у меня всё, прослушайте, пожалуйста, прогноз...

На экране ослепительно улыбается молодая сексапильная девушка.

– По данным разведцентра, завтра, девятнадцатого сентября, по всей Европе предполагается широкомасштабное наступление сил Северо-западного Конклава. На Восточном фронте затяжные бои без перемен. В Американском союзе наметится разлад между сторонниками отделения Южной Америки от Северной. В Африке предполагаются отдельные очаги сопротивления повстанческой армии фельдмаршала Мбога... В связи с неудачной попыткой захвата боевиками террористической организации «Святой Грааль» военно-космической станции исламистов предполагается выпадение металлических остатков последней в районе города Пекин...

Указка сноровисто скользит по исчерченной красными, синими и зелёными линиями карте полушарий, приятная улыбка не сходит с губ. В нижней части экрана ползут субтитры: «Спонсор ослепительной улыбки – компания "Керамик"...»

Поднимается ветер, он несёт облака туда, где упираются в небо два неприятно светящихся перста – останки ослепительного солнца. Несмотря на куртку, Звёздочка зябко вздрагивает и переключается на пятьдесят второй канал, где сейчас по программе должны идти мультики...

4.

Осторожно скрипит снег, и Звёздочка отрывает взгляд от экрана. Уже не так темно, как ночью, но ещё и не светло, как утром. Рассветёт вот-вот, но пока ещё не рассвет...

– Бато?.. – спрашивает она.

Но шаги затихают. Звёздочка скидывает винтовку с плеча и старательно целится в темноту. Кажется, кто-то пристально смотрит на неё сразу со всех сторон. Когда чуть слышный скрип раздаётся опять, нервы девчонки не выдерживают и она нажимает спусковой крючок. Но винтовка почему-то не стреляет... Звёздочка почти плачет, лихорадочно пытаюсь сообразить, в чём же дело. Пальцы сами собой нащупывают предохранитель. Так и есть, вся проблема в нём...

Лесная чаща оглашается треском очередей. Винтовка грохочет в руках и всё никак не хочет останавливаться. И лишь когда пустеет магазин, Звёздочка догадывается убрать палец со спускового крючка...

После пальбы в лесу становится особенно тихо, на многие километры вокруг. Уже не до мультиков, Звёздочка судорожно меняет магазин и наставляет ствол винтовки на лес.

Удивительно, снег не скрипел, но на плечо ложится чья-то рука. Звёздочка не выдерживает и кричит. Кричит долго и самозабвенно, пока не соображает, что убивать её не собираются.

– Говорят, крик полезен для лёгких?..

Ганзи улыбается, будто ничего не случилось.

– Ганзи, я...

– Что?..

Звёздочка теряет и некоторое время молчит. Ганзи тоже молчит, непонятно смотрит и не выказывает нетерпения. С его груди улыбается солнышко...

– Там кто-то ходил...

– Это я ходил...

– Но почему ты не отозвался?!

– Я задумался...

5.

Звёздочка ещё издали понимает, что Бато не в настроении.

– ...Грёбанный штаб! Грёбанный десант! Грёбанный бот!..

Круг постепенно сужался:

– ...и этот урод ками с девчонкой-сосунком...

Звёздочке становится приятно, что их с Ганзи поминают вместе... Тем более, что к костру она выехала практически на руках Ганзи. Не было сил идти сквозь сугробы и буреломы, пару раз она хотела сесть и вверить свою жизнь судьбе. Во второй раз Ганзи подхватил её и понёс. Наверное, это было не обременительно, ведь весу в девчонке не было никакого...

К удивлению Звёздочки, Бато ругается не в рацию, а просто так. Ром лежит возле костра и тяжело вздыхает – над ним шаманит Танки. И слава богу, иначе не обойтись без ехидных комментариев. А Гаюс опять спит...

Когда Ганзи появляется из метели, Бато будто выключается.

– Все в сборе? Ну и ладно... – и озабоченно смотрит на запад. Светящиеся персты уже почти не видны в утреннем свете, но они всё ещё там.

Звёздочку осторожно сгружают на очищенный от снега кусок земли...

– Спасибо... – благодарит она Ганзи.

Бато пихает Гаюса в плечо. Тот всхрипывает и недоумённо смотрит на командира.

– Все здесь... Давай решать...

Никому другому не предложил, только Гаюсу – у того уже двенадцатый десант. Гаюс потягивается и спрашивает:

– Что эфир?

– Чисто...

– Странно... Над нами должно находиться пять бэттлшипов...

– Если Конклав не сэкономил на прикрытии...

Гаюс задумывается, потом кивает на запад:

– Там, я так понимаю, всё?

– Думаю, в эпицентре температура около четырёх тысяч...

– А ведь мы должны были быть там...

Ром стонет. Звёздочка внимательно его разглядывает и поражается, как он вообще ещё жив. Похоже, последние пятнадцать метров парень проделал без парашюта. Танки сидит, не шелохнётся, глаза прикрыты, изо рта свисает ниточка слюны... Маленькие, вечно исцарапанные ладошки почти теряются в могучих зарослях на груди Рома. Звёздочка и не догадывалась, какой он волосатый...

Танки врачует... Нет ничего хуже, чем врачевать тяжелораненого, находящегося в сознании. Все его раны – твои раны, вся его боль – твоя боль... Ещё пять минут, и кости срастаются, раны заживают, боль утихает... Девчонка без сознания валится на Рома. Для неё ещё ничего не кончено – нужно переварить чужую боль, растворить её в себе...

Ром садится и недоумённо оглядывается. Потом бережно заворачивает Танки в свою куртку и укладывает у костра. И сразу тянется за бронёй. Без неё он, как черепаха без панциря...

– Идём к побережью, – решает Бато...

6.

...Ночевали в палатке среди леса.

– Куртки отключить, – приказывает Бато. – На обратном пути пригодятся.

В палатке, прямо скажем, не жарко. Во сне Звёздочка подкатывается к Ганзи и умиротворённо вздыхает. Тепло... Слишком тепло... Звёздочка удивлённо открывает глаза.

– Ганзи?..

– М-м?..

– Ты не отключил куртку?

– Нет...

– Но почему?.. Ведь Бато сказал...

Ганзи молчит, но не молчит Танки. Её голос недоволен и заспан:

– Дадут мне отдохнуть?.. – и совсем уже через зевок: – А ты глупая...
Зачем камикадзе на обратном пути куртка?..

Ганзи всё молчит.

– Ганзи?..

– М-м?..

– И ничего уже не поделать?

– Ты о чём?..

– Я о бомбе...

– Нет.

– Ну... тогда...

– Что?

– Я о тебя погреюсь?..

– Давай...

Танки шипит:

– Я, кажется, кого-то предупреждала...

Звёздочка молчит. Сердце Ганзи стучит ровно, будто механизм. И что-то примешивается к нему. Будто тихо-тихо тикают часы.

– Ганзи?..

– М-м?..

– Можно тебя спросить?..

– Попробуй...

– Почему ты стал... ну... кем ты стал?..

– А ты?..

– Ну... весь наш класс призвали...

– Вот и меня... призвали...

– Да заткнётесь вы наконец?!

Тут проснулся Бато, и досталось всем, даже Гаюсу...

7.

...Ганзи замыкает днём.

Вот он размеренно шагает вслед за Ромом, а вот Ром уже в сугробе, а Ганзи стоит над ним и глаза его заморожены насквозь. Будто кто-то другой глядит сейчас из него...

– Спокойно, Ганзи!.. – говорит Бато, а сам целится в него из винтовки.

Звёздочка не понимает. До сих пор все приступы ками проходили в тайне от неё. Теперь же она всё видит, и ей становится страшно. Бато не успеет в любом случае... Вот-вот может начаться ад... Как там? Четыре тысячи градусов?

– Спокойно, Ганзи!.. Спокойно, Ганзи!.. – Бато повторяет это будто заведённый.

Ром и Танки смотрят с испугом, а Гаюс с интересом.

«Сейчас нас не станет... – оцепенело думает Звёздочка. – Будет только озеро расплава да светящийся столб дыма, перст бога... А меня не будет...»

– Нет!.. – шепчет Звёздочка и начинает плакать.

Ганзи на секунду устало закрывает глаза, а когда открывает, в них уже есть что-то осмысленное. И тогда Бато бросается вперёд... Короткий удар – и всё кончено... Ганзи лежит и смотрит в небо, из носа течёт кровь... Бато склоняется над ним и тяжело дышит...

– Чёрт!.. – говорит он в сердцах.

– А чего ты хочешь? – Гаюс пожимает плечами. – Один раз он уже переживал свою смерть. Это, наверное, страшно, когда в груди взрывается детонатор... Чиненый камикадзе – всё равно что склеенный стакан...

Бато медленно качает головой.

– Не в том дело... Есть приказ... Он, конечно, страшно секретный, но ведь многие всё равно знают... Второй бой для ками – последний в любом случае. Интересно, каково это, слышать в ушах щёлканье счётчика?..

Танки тоже подходит к Ганзи и с интересом его разглядывает, будто видит в первый раз. Спрашивает:

– Говорят, в ками берут только особо тяжких преступников... Правда?

Гаюс усмехается:

– Больше верь тому, что говорят...

Ром и Звёздочка молчат...

Ганзи поднимается с земли, подбирает брошенную винтовку... Он ни на кого не смотрит.

– Двинулись!.. – командует Бато.

8.

...Вечереет. Лес всё никак не желает кончаться.

Неожиданно начинает теплеть – сугробы прямо на глазах оседают сами в себя. Это с запада дует горячий ветер. Рукотворное солнце, зажжённое ракетами, никак не хочет потухнуть.

Они идут цепочкой – впереди Бато, за ним Ром, потом Гаюс, Танки, сама Звёздочка. Последним – Ганзи. Он замкнулся в себе и ни с кем не разговаривает... Звёздочке стыдно, но страха она перебороть не может. Этот парень только что чуть не убил их всех. Пусть не он, а его болезнь, но это ничего не меняет... Похоже, Ганзи чувствует её страх...

Нюх у Бато, по-видимому, собачий. Во всяком случае, он падает за полсекунды до того, как из леса приходит пулемётная очередь. Все пули принимает на себя Ром. Не выдерживает напора, пятится. Броня звонко цокает, прогибается так, будто кто-то бьёт по ней молотом...

А Гаюса уже нет. Только что был, и вот на его месте уже пустота.

Танки, хоть и с запозданием, но падает на землю и лихорадочно пытается сдёрнуть со спины винтовку.

С удивлением Звёздочка тоже осознает себя лежащей в грязи. Причём чуть ниже поясницы зреет ощущение неосторожного тычка. Кто там у нас шёл сзади?

Короткий крик, и пулемёт захлёбывается. Из леса появляется озабоченный Гаюс, мимоходом вытирает о штанину нож...

– Бато, глянь, кажется свои...

Обходя мёртвого пулемётчика, выходят на поляну... Первое, что бросается в глаза, – завязший в грязи по самую башню танк, потом несколько палаток, на одной из них – красный крест, точно такой же нашит на груди у Звёздочки... Со всех сторон на них направлены стволы.

Бато опускает винтовку и козыряет мрачному усталому капитану в форме военно-космических сил.

– Лейтенант Бато, Вторая десантная группа, Третий взвод...

– Почему ты не там? – капитан кивает на запад.

– Потому что я здесь. Я не могу быть в двух местах одновременно...

9.

Капитан и Бато проводят что-то вроде совещания. Никому не запрещается присутствовать при этом – они просто не обращают внимания...

– Здесь почти две трети с бэттлшипа... Спасательный бот упал километрах в пяти к югу...

– А остальная треть?

– Десантники... Те, кому удалось выползти...

– Не густо...

– Вот именно.

– Что в мире творится?

– Конклав готов капитулировать.

– А мы?

– А нас нет, мы записаны в потери...

Звёздочка слушает. Оказывается, бой почти закончен, ещё и не начавшись. Почти – потому что впереди побережье. А на побережье – бухта. А в бухте – ракетносец. Тот самый, которого хватило на весь десант... Звёздочке тревожно. Вокруг бурлят страсти, люди жаждут крови. А она – нет. Ей страшно и хочется домой...

– Он не должен уйти, – решает, наконец, Бато.

– Он не уйдёт, – кивает капитан. – Одно плохо, у нас нет ни одного ками... У вас, я вижу, один... Маловато...

Ганзи тоже тут, его взгляд ничего не выражает, будто речь идёт о ком-то другом. Бато поворачивается к нему.

– Справишься?

Ганзи кивает и выходит из палатки в ночь. Звёздочка вскакивает и бросается за ним, но железный голос Бато заставляет её замереть:

– Стой! Ты и Танки, в медпалатку, пулей...

Эта медпалатка кажется Звёздочке страшным сном.

Кругом стоны, вонь. Все сплошь обожжены. Кое-кто умрёт сейчас, кое-кто завтра. В сомнабулическом состоянии между койками двигаются Звёздочка, Танки и незнакомая девчонка-медбрат... Подойти, положить руки на грудь, часто покрытую коростой или гноем, вобрать в себя всё то, что чувствует человек... Сжать в себе, не дать хлынуть обратно...

Первой не выдерживает девчонка. Совершенно беззвучно она опускается на тело человека, которого только что врачевала. Звёздочка осторожно

приподнимает её за плечи, но голова безвольно свисает на грудь. Тогда Звёздочка отпускает её. У девчонки обветренное скуластое лицо, узкие глаза и короткая стрижка. Щёки запали, губа закушена...

– Готова, – равнодушно подтверждает Танки. – Она здесь со вчера. Надорвалась...

Они продолжают. Второй выходит из строя Звёздочка. Она неожиданно понимает, что нет сил выдохнуть из себя скопившуюся боль... Хочет распрямиться, но её лишь неожиданно мягко поводит в сторону. Звёздочка падает... падает... Успей загадать желание... Я хочу...

Сознание появляется рывком. Она на полу, на груди чьи-то ладони, и именно в них утекает вся скопившаяся боль, становится просто уютно... Когда проясняется зрение, Звёздочка видит над собой лицо Танки. Она просто не может поверить, что эта железная и циничная девчонка плачет и ругается сквозь слёзы:

– Дура, не смей умирать! Не смей!..

– А разве я умираю? – удивляется Звёздочка.

Потом раненые кончились. Те, кто смог, – ожили, те, кто не смог, – умерли. Девчонки сидят у стены, рядом. Танки сосредоточенно курит, а Звёздочка просто отдыхает.

– Знаешь, я почему-то испугалась... – неохотно признаётся Танки.

– Чего?..

– Ничего... – она усмехается. – Не поверишь, я когда-то тоже была такой, как ты. Хорошая семья, приличная школа, мальчик, провожающий домой...

Звёздочка украдкой вздыхает. Всё именно так.

– А потом казарма, спирт, травка... Мужчины...

– Ты... имеешь в виду... Бато?

– Бато... он хороший. Ласковый. И простой – от него всегда понятно что ожидать...

Танки бросает окурок на пол.

– Ладно, пошли, чего тут сидеть? Нас завтра ждёт подвиг...

В палатке темно и, кажется, все в сборе... Или нет?

– Где Ганзи? – спрашивает Бато входящих девчонок.

– Где-то гуляет... – отвечает Танки и лезет к нему.

Звёздочке становится грустно. Она укладывается и хочет ещё немного подумать о чём-то, что кажется ей важным. Но страшная усталость даёт знать о себе, мысль ускользает... ускользает...

И снится Звёздочке сон, что она снова дома, что светит солнце, падают осенние листья. И что из школы её провожает Ганзи...

10.

Небо ясное, обжигающий ветер несёт с запада пепел. А кругом скалы, скалы... И непонятно – кто куда стреляет. Впереди – бухта, каменный пляж, клыки скал... И ракетносец в сверкающей на солнце броне.

– Капитан, загреби вас большим веслом, где гранатомётчики? Я опять вспоминаю вашу маму! Сэр, мне наплевать, что там мины... Шевелите задницей, они должны... вы понимаете?... должны быть на позиции...

Даже если на секунду предположить, что Бато когда-нибудь станет генералом, то и тогда он не изменит своей привычки командовать. Он сидит на скале, и Звёздочка здесь, и Танки, и какой-то незнакомый десантник... Отсюда хорошо видно поле боя...

А там каждую секунду погибает кто-то с обеих сторон. Остатки десанта рвутся к бронированной машине, им мешает группа охраны...

Танки бледная, какая-то неестественно спокойная. Бесстрастно сообщает:

– Ром погиб. Сгорел.

Сверкают вспышки – это начинают взрываться реактивные гранаты. Одна попадает в орудийную башню ракетноосца, и ту заклинивает. Следует ответный залп, и вспышки прекращаются...

Бато уже нет на скале. Он внизу, вместе с резервом. Лишь по эфиру разносится его ругань, значит, ещё жив.

На поле боя что-то меняется. Звёздочка не сразу понимает, что это начала двигаться, давя гусеницами камни, стальная машина ракетноосца...

– Мы сделали это... – незнакомый десантник радостно улыбается. Одной руки у него нет, и именно поэтому Звёздочка вспоминает, что лечила его вчера...

Она не понимает, что они сделали. Танки поясняет хмуро:

– Они решили отступить. Ракетноосец движется к морю. И там, на берегу, они с Ганзи встретятся...

По радиации гремит:

– Где этот урод-капитан?..

– Он погиб, я за него, сэр...

– Всем отходить, сейчас здесь будет жарковато!..

– Есть, сэр...

Десантник скатывается со скалы, Танки тянет Звёздочку за руку:

– Пошли...

– Нет...

Танки пожимает плечами:

– Ну и дура. Бато испугается, здесь тебя тоже не достанет. Если хочешь погибнуть, то иди ближе...

Она исчезает. А Звёздочка смотрит, как неотвратимо медленно ракетноосец ползёт к своей гибели. И не только к своей...

– Ганзи, ты готов? – спрашивает Бато.

Эфир доносит смешок.

– Бато, когда будешь готовить рапорт, запиши: «Расходных материалов использовано: патронов – столько-то, гранат – столько-то, ками – одна штука...»

– Тогда действуй...

И тут Звёздочка решается:

– Ганзи... не надо!..

– Заткнись, дура! – орёт Бато.

– Сам заткнись! Ганзи, я прошу тебя... Я спускаюсь к тебе!..

– Звёздочка, не надо, – голос Ганзи звучит мягко, будто он выкручивает взрыватель из мины. – Уже идёт отсчёт, ничего не остановишь...

Звёздочка его не слушает. Она бежит к берегу. Всё время мешают камни, воронки и тела... Много тел...

Она уже посреди пляжа, когда над бухтой стремительно восходит жаркое солнце. Текут скалы, плывёт броня ракетноносца... Звёздочка понимает, что её нет... нет совсем...

Это был лишь краткий миг.

Скалы на месте, солнце тоже... Ракетноносец спокойно касается днищем морских волн. Вот он уже посреди бухты, начинает медленно погружаться. Вот уже его нет совсем...

11.

...Ганзи Звёздочка находит на берегу, за одним из обломков скалы. Борозда, оставленная ракетноносцем, тянется совсем рядом. Ганзи сидит, прислонившись к камню, смотрит в небо. Ранец с бомбой валяется неподалеку.

– Ганзи? – шепчет Звёздочка.

Он не может ответить. Потому что нечем набрать воздуха – грудь пробита насквозь...

Сзади шорох задетых камешков. Это Бато. Как это ни странно, он совершенно спокоен. И голос его тоже спокоен:

– Бомбу он снял... А детонатор всё равно сработал.

– Он ещё жив?

– Клиническая смерть... Осталась минута-две...

– Я постараюсь...

Бато качает головой:

– Бесполезно.

– Я все равно попробую.

– Ну, попробуй...

Звёздочка укладывает Ганзи на каменную крошку берега. Невидящий взгляд упирается ей в лицо. Ладонки ложатся по краям ужасной раны, правая упирается точно в нашивку с улыбающимся солнышком...

Она готовится к боли, бесконечной, смертельной, но вместо этого по рукам течёт радость. Беспредельная радость, заставляющая дрожать всё тело. Так вот что испытывают ками, умирая...

То, что заполняет Ганзи, никак не кончается, а Звёздочка продолжает это принимать... И вот уже плывёт сознание, слабеют мускулы... Звёздочка падает... падает... Загадай желание... Я хочу... Я хочу, чтобы Ганзи жил...

12.

Звонок только что отзвенел, класс опустел. Звёздочка выходит последней.

– Привет, Звёздочка! – это Танки, она на год старше и учится в другом классе. – Придёшь сегодня? У нас вечеринка...

– Наверное... А можно, я приду не одна?

Танки улыбается.

– Конечно! Так я жду вас обоих...

Танки убегает. Звёздочка идёт по опустевшим коридорам, спускается по лестнице. Старенькая вахтёрша дремлет на своём стульчике.

А на улице её захватывает осень. Небо светлое, мягкое, тихо падает с деревьев школьного парка золотая листва... И воздух пахнет чем-то неуловимым, осенним...

– Привет, Звёздочка...

Ганзи стоит у ограды. На нём джинсы и лёгкая куртка, отросшие за лето волосы забраны белой банданой.

А взгляд полон света... Как всегда, когда он смотрит на неё...

13.

Ками Ганзи и стрелка-медбрата Звёздочку похоронили вдвоём, в отдельной могиле. На камень, что положили сверху, прикрепили две нашивки – чёрную, с улыбающимся солнышком, и белую, с красным крестом.

Когда все ушли, остались стоять только Танки, Бато и Гаюс...

– Бато... – сказала Танки. – Когда мы умрём, нас тоже похоронят вместе?

– Конечно! Куда же я от тебя денусь?

Гаюс закатал левый рукав и сделал на плече двенадцатую зарубку...

Надежда КАЛАШНИКОВА

Квэнталэ о Мелькоре и Лютиен

Глава 1. О том, как трудно застать Мелькора врасплох

Скучающий взгляд Мелькора останавливается на летучей мыши, влетевшей в тронный зал следом за большим лохматым волком. Волк похозяйски разлётся у подножия трона; крылатая же тварь чем-то тревожит Владыку Тьмы – и он, нахмурившись, проверяет её на истинность.

Вот так сюрприз! Эльфийская девица поднимается с колен – рухнула на пол с высоты полёта мыши, когда Мелькор снимал чары. Сделав шаг вперёд, говорит, и голос её нежнее весенней капли:

– Я Лютиен, дочь Тингола. Дозволь спеть и станцевать для тебя, Владыка.

Тот машинально кивает, очарованный её красотой. «Она будет моей», – моментально решает Мелькор. Только вот как вложить эту идею в хорошенькую черноволосую головку? Она наверняка ведь воспитана на байках про страшного и ужасного Моргота...

«Лютиен... Лютиен Тинувиэль, Прекраснейшая из созданий Илуватара», – вспоминает Мелькор, и желание заполучить такую драгоценность лишь усиливается. Разум лихорадочно перебирает и отбрасывает варианты

соблазнения: серенады, цветы, комплименты – всего этого в её жизни наверняка три телеги и ещё обоз. Власть и золото тоже вряд ли помогут здесь...

И тут вала озаряет. Ну разумеется! Наверняка пристальное внимание красавице уже в зубах навязло. Так почему бы не прикинуться равнодушным? И даже более того – не поведать Лютиен, что её красота не так уж и безупречна?.. Шок от подобного ей обеспечен, а это уже сильная эмоция...

«Воистину надо быть Отцом Лжи, чтобы язык повернулся это чудо назвать иначе, чем Прекраснейшей... Но мне не привыкать, – мысленно усмехается Мелькор и тут же хмурится: – Однако... что это она задумала?»

Лютиен снимает плащ, продолжая кружиться в танце и незаметно подбираясь всё ближе и ближе к трону. И вот, когда она отточенным движением уже почти бросила его в лицо Мелькору – тот резко вскидывает ладонь, и плащ с сонным заклятьем, завертевшись волчком, выскальзывает из рук Тинувиэль и улетает к Берену. Волк мгновенно клонит тяжёлую голову к полу и засыпает. Эльфийка вскрикивает: она осталась один на один с Врагом Мира в его крепости! Какой-то краткий миг решил всё...

– Неужели эльфийская девица, хоть и дочь майа, всерьёз надеялась обыграть вала на его территории? – вкрадчивым голосом вопрошает Мелькор. – Однако... Похоже, людские теории о том, что красавицы не блещут умом, верны...

Несмотря на страх, Лютиен вспыхивает: о её уме никто ещё не отзывался так пренебрежительно. Честно говоря, её умственные способности как-то вообще никто особо не обсуждал – всем хватало неземной красоты.

А вала небрежно продолжает, глядя на неё:

– Эльфы вырождаются без моей помощи. О тебе ходят слухи, что ты прекраснейшее создание Илуватара, песни твои очаровывают, а движения лишают разума всех мужчин в пределах досягаемости. Так вот, я разочарован. Ничего подобного я не увидел... – и вздыхает очень натурально, опуская глаза, чтобы скрыть их жаркий блеск.

Лютиен слышит подобное впервые и, задыхаясь от возмущения, лихорадочно ищет достойные слова для ответа – и не находит.

Мелькор делает знак рукой, и орки подхватывают Лютиен, другие – Берена, с которого по ещё одному мановению властной руки спадает обличье волка, и ведут к выходу.

– Куда?.. Берен, нет!.. – крик эльфийки эхом отдаётся под сводами зала, и Мелькор невольно замирает, вслушиваясь – голос её великолепен даже в отчаянии.

– А вы думали, за проникновение в чужой дом с целью грабежа вас по головке погладят и плюшками накормят? – смеётся вала и поправляет корону с Сильмариллами. – Посидите под замком столетие-другое, авось я к тому времени придумаю, что с вами делать... Впрочем, для твоего дружка проблема станет уже неактуальной, – «успокаивает» он Лютиен.

...Когда эхо шагов и крики девы смолкают, Бауглир откидывается на троне и жмурится, как довольный кот у крынки с жирной сметаны.

– До чего же хороша девчонка, – мечтательно произносит он и, подперев кулаком голову, вспоминает её мелькающие в быстром танце ножки и дивный голос, ласкающий даже его сомнительной чистоты душу.

Глава 2. О том, как Мелькор философствовал

Над Ангбандом сгущаются тучи, и вечерняя мгла заползает с окон раньше обычного. Но в зале на стенах горит множество факелов, и от них по-своему уютно. Лютиен не может не признать это, хотя и зябко поводит плечами, стоя перед тронем Владыки Тьмы.

– Сегодня довольно прохладно. Выпей и согреешься, – говорит он и, отсалютовав бокалом с вином, протягивает его деве.

Лютиен гордо, как и положено пленной эльфийке, скрещивает руки на груди:

– Я скорее умру, чем соглашусь принять что-нибудь из твоих рук!

Отставив бокал, Мелькор демонстративно оглядывает свои обожжённые ладони и ядовито отвечает:

– Да-а... из таких страшных рук, должно быть, и впрямь противно что-то брать столь возвышенной деве. А ещё говорят, эльфы милосердны и не смеются над врождённым или приобретённым уродством...

– Не в твоём случае, – сухо произносит Тинувиэль и поджимает губы.

– Впрочем, я давно убедился, что эльфы любят сочинять про себя красивые и абсолютно неправдоподобные истории, – продолжает вала, будто не слыша собеседницу. И, внезапно вскидывая на неё глаза, усмехается: – А если серьёзно – какова ещё причина твоего отказа? Уж не думаешь ли ты, что я решил тебя отравить собственноручно, не найдя способа попроще в родном доме с армией слуг?

Лютиен вновь теряет весь запас слов, потому как именно это она и подумала. Терзания её написаны на прекрасном лице, и Мелькор беззастенчиво любителю им, пока эльфийка разглядывает сложный узор на мраморе пола в поисках достойного ответа.

– Может, я и не слишком умна, – заявляет она наконец, – но уж лучше быть дураком, чем иметь твоих размахов ум – и обращать его к злу.

Бауглир удивлённо вскидывает бровь: такого от смазливой девицы он не ожидал. Вслух назвать себя «не слишком умной» – надо иметь недюжинную смелость для подобного признания и этот самый проклятый ум, чтоб просто это понять... Но на вызов надо отвечать, и вала разводит руками:

– Каждому – своё. Если бы предложили выбор мне, я выбрал бы ум, и неважно, чем мне придётся за него пожертвовать: красотой ли, – он вновь демонстративно разворачивает к эльфийке обугленные ладони, – или тем, что вы называете странным словом «душа», имея о ней весьма туманное представление.

– Ты о ней знаешь больно много!.. – в запале восклицает дева и тут же осекается: всё-таки она в его руках, надо как-то поскромнее себя вести...

Мелькор вновь усмехается. Определённо, девчонка нравится ему всё больше и больше. Смелая. Предана своим, хоть и ошибочным, идеалам и готова их отстаивать даже перед ним. На это осмеливались далеко не все великие воители...

– Представь себе, знаю, – спокойно продолжает он беседу. – Я видел, как их творили... и сам приложил к этому руку.

– Ты? Ты можешь только искажать и извращать уже созданное, – а, началась старая песня! Как же его бесит порой эльфийская узколобость...

– Я видел, как рождались души, – голос разносится под высокими сводами, и, кажется, даже тень Моргота вырастает, хотя сам он не двигается с места. – Я наблюдал, как Безначальный Огонь наделил их пламенем духа и жадной жизни. Они были прекрасны. Ровные и стройные, как на подбор, огоньки, повернутые в сторону своего родоначальника – Безначального Огня. Понимаешь, Лютиен? Все – в одну сторону... Все – одинаковые... И стремились они туда же, откуда вышли. Обрато домой. Спрашивается, зачем тогда было их создавать?.. Сидели бы с тем же успехом дома...

– И я не выдержал, Лютиен. Я вмешался. Сбил их с единственного пути – потом скажут, что с единственно правильного... но разве так бывает?! Я внёс сомнения, внёс разброд и шатания – но огоньки заколыхались под ветром. Сменили направления. И каждый начал искать своё. Да, кто-то погас до срока, но дыма без огня не бывает... Но мир обрёл краски, Лютиен. Живые, искренние в своих метаниях и поисках и отныне непреложном выборе пути. Я рад видеть мир, каким он стал. И рад, что поучаствовал в его создании – пусть это было всего лишь Искажением – но без него вы бы никогда не поняли цену отголоску Безначального Огня в своих душах...

Мелькор замолкает и задумчиво отхлёбывает вино. Ржавый свет факелов вспыхивает искрами на Сильмариллах, высвечивает три чернеющих в ряд шрама на скуле – след от когтей Торондора. Странно, но они почти не портят его.

Тёмный Владыка делает знак, и орки уводят Лютиен. Она даже не сопротивляется – настолько поразило её услышанное.

Глава 3. О том, как Отец Лжи правду говорил

Берен мечется по темнице разъярённым волком. Личина с него давно спала, но нервное хождение из угла в угол и периодическое бросание на стены и дверь других ассоциаций не вызывают.

Он не помнит, как оказался здесь. Не знает, где Лютиен и что с ней. И со злости проклинает всё подряд: упёртого Тингола, собственную опрометчивость и глупость – и даже прекрасный солнечный день, когда он повстречал Тинувиэль на лесной поляне. Иначе б она не оказалась сейчас в руках Моргота...

А разве мог этот безумный поход закончиться иначе? На что они рассчитывали – на чудо?.. Берен дивится собственному безрассудству – и не находит ему оправданий. Он так погружён в невесёлые мысли, что

почти не притрагивается к еде. И даже не удивляется тому, что его вообще ею снабжают – и вполне сносного качества.

Дверь внезапно бесшумно открывается, и на пороге возникает сам Мелькор. С рычанием сын Барахира бросается на него, становясь и впрямь похож более на зверя, чем на человека. Но невидимая стена, прочнее каменной кладки Ангбанда, отбрасывает его назад, и он неуклюже приземляется на кучу соломы, служащей матрасом.

– Какое, однако, милое отношение к хозяевам, – усмехается Мелькор. – Никакого понятия о манерах. И что только в тебе нашла столь утончённая дева, как Лютиен?

– Не смей произносить даже её имя, – хрипит Берен. – Что ты с ней сделал, проклятый искаженец?

В бездонных, как ночная мгла, глазах вспыхивают мечтательные огоньки.

– Ну, я не исказил её ещё пока, – отвечает вала. – Но она уже сама готова молить о большем...

Двусмысленность фразы подбрасывает Берена, и он, начисто забыв обо всём, вновь кидается на Мелькора. С тем же успехом. В этот раз Бауглир просто опутывает его невидимыми цепями, чтоб не трепыхался зазря.

– О, какой горячий темперамент, – насмешливый голос бьёт острее бича. – А с ней ты был также горяч, как сейчас? – Вала придвигается ближе к человеку и почти шепчет на ухо: – Знаешь... если судить по её поведению, она не знала мужчины... – и, видя боль в синих глазах, понимает, что угадал – и с предположением, и с пыткой для пленника.

– Ничего, скоро я исправлю это недоразумение, – продолжает он, упиваясь почти осязаемым отчаянием на лице Берена. – Ведь нельзя же допустить, чтобы такая красота принадлежала – как там по-вашему? – старой деве. Но к этому цветочку нужен особый подход... Впрочем, я не дам ей зачахнуть, – уверенно заявляет вала. – Не знаю, отчего ты прохлопал столько драгоценного времени, будучи рядом с ней...

Чёрный его плащ взметает пыль и мелкие рассыпанные по полу соломинки. На пороге Мелькор оборачивается и, прежде чем снять чары, усмехается напоследок:

– Ты сильно-то не расстраивайся. Буду держать тебя в курсе событий, чтоб ты не чувствовал себя совсем обделённым.

Со стоном откинувшийся на солому Берен ещё долго слышит из-за двери демонический хохот. Отец Лжи смеётся, потому что всё, сказанное им, на сей раз оказалось правдой.

Глава 4. О том, как Лютиен раскритиковали

Лютиен вновь стоит перед Владыкой Мрака. Кажется, это стало уже своеобразной вечерней традицией. С той лишь разницей, что сейчас он не восседает на троне, а ужинает за вполне обычным столом.

– Раз из моих рук ты ничего не берёшь, более ничего и не предлагаю, – заявляет хозяин и смачно закусывает ароматной куриной ножкой глоток

терпкого вина. Даже до стоящей в пяти шагах эльфийки долетает соблазнительный запах жаркого, и едва-едва угадывается букет благороднейшего вина Средиземья. Лютиен сглатывает: ей приносили только хлеб и фрукты после того, как от мяса она категорически отказалась, вспоминая жуткие слухи о том, что орки питаются эльфятиной и человечиной.

Но в руках Мелькора курятина. Сочная, покрытая румяной корочкой, со вкусом приправленная. Попросить? Да лучше умереть с голоду!..

Вала меж тем расправляется с едой, вытирает руки об узорчатую (и кто только здесь таков мастер?) салфетку и откидывается на резную спинку стула, неспешно потягивая вино.

– Ну что ты такая скучная, Лютиен? – протяжным голосом вопрошает он. – Не танцуешь, не поёшь, зарываешь таланты в землю... Не хочешь делить со мной трапезу, как гостя – развлеки меня, как служанка.

Эльфийка вскидывается:

– Я не служанка и не буду ею! А на трапезу ты меня и не приглашал... – и прикусывает язык, не желая подавать и виду, что голодна.

Но хозяин лишь усмехается и ловит на слове:

– Служанкой не будешь, а гостьей, значит, быть согласишься? – прищуренный взгляд и вновь усмешка: – О, я несказанно рад и счастлив в сем невзрачном обиталище принять дориатскую принцессу! Владения у меня скромные... всего лишь Утумно на севере, Ангбанд на западе, Тол-ин-Гаурхот на юге... На востоке вот ничего нет, печально...

– Но довольно о грустном, – сегодня Мелькор не в настроении философствовать. – Лютиен, может, ты всё же станцуешь для меня?

Та не отвечает, лишь скрещивает руки на груди.

– Я в прошлый раз не разглядел толком твоё искусство, – продолжает вала, – и мог неверно его оценить. Сама понимаешь – обстановка не способствовала... Давай сейчас, когда никто никому не торопится.

Тинувизель стоит ещё какое-то время – и внезапно начинает двигаться, ведомая ей одной слышной мелодией. Пламя факелов обливает изящную и невесомую, как облако, фигуру; подчёркивает белизну запястий, выглядывающих из рукавов-крыльев. Мелькор наблюдает за ней в своё удовольствие: Лютиен сосредоточена лишь на танце, ей, как истинному творцу, неважны чужие оценки, и она не смотрит по сторонам в поисках одобрения.

«Великолепна, – думает вала. – Просто восхитительна! Какая грация, какой полёт у тела, что не умеет летать по определению! И этот изгиб талии, такой манящий и чувственный... что же ты делаешь, девочка, так же нельзя!.. И при этом ни грамма пошлости... конечно, у меня её хватит на всю Арду и ещё останется, но... это же уметь надо... так разжигать столь целомудренным способом...»

Дыхание Мелькора учащается, и он чуть не пропускает момент, когда эльфийка вскидывает руки в последнем движении – и останавливается.

Быстро натянув на лицо маску равнодушия, вала подпирает кулаком щеку и изображает глубокую задумчивость.

– Даже не знаю, что и сказать, – произносит он спустя некоторое время. – Должно быть, с эльфами дело совсем худо, если они видят жемчужину красоты там, где не ночевал и моллюск... Прости, Лютиен, – переводит он взгляд на эльфийку, с удовольствием отмечая про себя, как потускнели её глаза и обмякли плечи, – я не хотел тебя обидеть, но... И Отец Лжи порой говорит правду – но тогда она и впрямь горька. Но вы же считаете, что лучше горькая правда... и далее по тексту? Может, если чаще тренироваться...

– Достаточно, я всё поняла, – сдавленный голос. Сдерживает слёзы? Ну, пусть поплачет, говорят, иногда полезно...

Когда Лютиен уведят – даже не держа под руки, она идёт сама, торопясь скрыться от Мелькора и его ранящих слов – вала подцепляет кувшин с холодной водой и жадно опорожняет его прямо из горла. Не помогает: танцующая в отблесках пламени Лютиен всё ещё стоит перед глазами.

– А не навестить ли мне Берена, – бормочет Мелькор, – и не выдать ли желаемое за действительное?..

Глава 5. О том, сколь коварны сердца красавиц

Лютиен в крепости Ангбанда уже третий месяц. Комната её вполне сносная, если же не обращать внимания на тонкую, но удручающе плотную вязь решётки на окнах – так и вовсе замечательная. Обращаются с ней все вежливо и даже учтиво – от Хозяина Ангбанда до последнего орка на побегушках. И это безмерно удивляет Тинувизль: если верить бытовавшим среди эльфов историям, её давно должны были пустить по кругу не на один раз, потом расчленив и связать её кишки с кишками Берена – и чтобы оба при этом были ещё живы и всенепременно в сознании.

Берен... Тревога за него – единственное, что угнетало здесь деву, не считая тоски по дому. Лютиен упросила Мелькора показать его – и тот согласился, но поставил условие: она его увидит, он её – нет. У эльфийки не было выбора, и она согласилась.

Руки-ноги на месте, целые. Снова противоречие привычному образу ангбандского пленника – обязательно искорёженного, с переломами всех двухсот с чем-то костей и выколотыми глазами...

Глядя, как трепетно Лютиен выискивает повреждения на милом и, не найдя таковых, облегчённо вздыхает, вала кривит уголки губ. «Что ты знаешь о пытках, глупая девочка... Глупые эльфы! Неужели вы не понимаете, что мукам душевным достойную альтернативу трудно создать, даже пусть я в ход всю слаженную палаческую команду? А ещё Перворожждённые... Папа, я разочарован твоими творениями... или тварями?..»

Внутренний диалог с Отцом-Создателем прерывает тихий, какой-то обречённый голос Лютиен:

– Моргот, – впервые она называет его по имени, пусть и нелюбимому им самим.

...Берен оброс, глаза его ввалились, щёки запали. Но не это смутило Тинувиэль: и при первой их встрече сын Барахира не слишком блистал красотой. Но, наблюдая, как ходит Берен из угла в угол по темнице, словно зверь по клетке, и бормочет лишь её имя – то шёпотом еле различимым, то вскрикивая так, что, кажется, вот-вот задрожат и рухнут стены – Лютиен почему-то вспомнила Мелькора. Его равнодушный взгляд – он первый, кого не пленила её красота. Первый, кто сказал, что на самом деле она вовсе не здорово танцует и поёт. И она впервые задумалась: а так ли она хороша, как твердят вокруг чуть ли не с рождения?..

Мелькор каждый день разрушал её старые представления об орках, о добре и зле, о себе самом. Далеко не со всем Лютиен была согласна – скорее наоборот, и порой яростно кидалась на защиту той или иной идеи, впитанной с младых ногтей. На что Мелькор отвечал – тирадой или насмешливой репликой, но неизменно заставляя переосмыслить истинные причины того или иного явления. Эльфийка почти всегда уходила от него задумчивая – а в зарешённой комнате было много времени для размышлений.

...К тому же он не пытался её соблазнить. А Прекраснейшее создание Илуватара за свои несколько веков порядком устала от того, что все её хотят и по ней сохнут. В больших количествах это неимоверно раздражает. И потому Лютиен наслаждалась интеллектуальными поединками-спорами с Врагом Мира, хоть и осознавала, что наверняка ему это смешно. Лишь где-то на краешке сознания то и дело всплывала коварная мыслишка: почему же он всё-таки к ней столь равнодушен? На вид – вполне себе нормальный мужчина... посимпатичней иного эльфа будет, даром что хром и в шрамах...

И среди круговорота мыслей о Мелькоре и о философских материях у Лютиен почти не оставалось времени – или желания – подумать о Берене. Увидев же его и услышав, как беспрестанно твердит он её имя, подобно безумцу, эльфийка принялась лихорадочно вспоминать их встречи, прогулки и общение... И поняла, что общения-то у них и не было. Берен был очарован ею, как и многие другие. Она выбрала его и его любовь среди многих прочих, но вёл он себя как типичный воздыхатель: смотрел в глаза, держал за руку, гордо спорил с Тинголом, дал безрассудную клятву... И ничего не знал о ней – настоящей. А может, она сама себя до сей поры не знала?..

...Глядя на Берена, Лютиен отчётливо понимает, что не хочет повторения, получи она возможность сейчас уйти с ним рука об руку. Она бы предпочла провести вечность здесь, в Ангбанде, по вечерам разговаривая с Владыкой Тьмы, а днём танцуя в своей комнате – Тинувиэль не могла бросить любимое занятие от чьих-то критичных слов.

Сердце сдавливают костлявой рукой, на прекрасное лицо ложится тень печали и сожаления.

– Моргот, отпусти его. Я не люблю его более... а потому нет причины ему томиться здесь.

Волосы Лютиен заслоняют взгляд, и потому она не видит, какая торжествующая улыбка на мгновение пересекает лицо Мелькора.

Глава 6. О том, как Саурону удалась пакость

– Бестолочь, как стоишь?! Как устав соблюдаешь?!.. – звук зуботычин летает на плацу уже который день. Саурон срывает злость на подчинённых вовсю – а потому придирается к каждой мелочи. Учитывая характер орков, причины для придинок найти труда не составляет.

– Разойдись! – машет он рукой в перстнях и, развернувшись, нетвёрдой походкой идёт обратно в крепость.

С размаху падает в кресло и распечатывает очередную бутылку вина. Оглядывается в поисках стакана и, не найдя такового, вновь машет рукой и присасывается прямо к горлышку. Жидкость в бутылке стремительно уменьшается, а настроение майя и не думает улучшаться.

Его повелитель совсем потерял разум с этой девкой. Комнату ей выделил, каждый вечер разговоры по три часа ведёт, а на верного слугу вообще начинял с вершины Тангородрима. Когда Саурон с разорванным горлом кое-как долетел до крепости и рухнул практически под ноги Мелькору, тот лишь брезгливо поморщился и велел марать узорчатый пол где-нибудь в другом месте. Мол, узоры эти он самолично выбирал, разрабатывая дизайн Ангбанда, а некоторые даже и сам создал, а всякие неудачники труд его не ценят, словно какие-нибудь паскудные эльфы. А сейчас не отлипает от «паскудной эльфийки» – той, из-за которой Саурон подпортил репутацию безупречного слуги в глазах Мелькора. Спрашивается: где справедливость?!

Обхватив руками голову, майя задумался. Внезапно идея, великолепная в своей пакостности – в лучших традициях Владыки Тьмы, чего он и требовал от подданных, между прочим, – освещает полыхнувшие жёлтым огнём глаза. Допив остатки вина из бутылки и сунув за пазуху непочатую, Саурон отправляется к темницам.

Распахнув дверь камеры Берена и поигрывая ключами от неё, майя с порога берёт быка за рога:

– У меня к тебе деловое предложение, и я дважды не повторяю. Могу устроить тебе побег. Прямо сейчас. Решай: да или нет?

Вскрикнув в очередной раз «Тинувиэль!», человек оборачивается и смотрит на Саурона мутным взглядом. Встряхивает головой, но нет, наваждение не исчезает: ближайший помощник Мелькора стоит и нетерпеливо прищёлкивает пальцами:

– Соображай быстрее, я же могу и передумать.

– Я никуда не уйду без Лютиен! – ну конечно, чего же ещё ждать от влюблённого остолопа. Саурон закатывает глаза:

– Твоя Лютиен уже давно сохнет по Мелькору, равно как и он по ней. Это мог не заметить только слепой или тупой в Ангбанде, но таковым здесь однозначно являешься ты, так что прощай, но последний раз предлагаю возможность что-то исправить в своей судьбе.

– Что здесь исправишь? – безнадежность в голосе человека злит майа, и он взрывается:

– Ты молодой здоровый балбес! С руками, ногами и, как это ни странно, головой на плечах! Какого Валинора ты ставишь на себе могильный памятник при жизни – из-за бабы?! Да ещё той, что променяла тебя ни за волчий чих на железку с камушками?..

Захлопнув дверь, Саурон с размаху падает на кучу соломы рядом с пленником и выуживает из-за пазухи заныканную бутылку. Сорвав пробку, протягивает Берену. Тот ошарашено смотрит на заклятого врага и внезапно замечает, что глаза его мутны и печальны, и рука человека сама собой обнимает предложенную бутылку.

– А что, – говорит Берен, отдышавшись после нескольких глотков – вино крепкое, а он мало притрагивался к еде всё это время, – я согласен! Если ты, конечно, не шутишь...

Саурон обращает его в летучую мышь и пристраивает себе на плечо. Не сразу попадая в замочную скважину, закрывает камеру и идёт на балкон верхнего яруса, представляя физиономию Мелькора завтрашним днём и мерзко хихикая.

Глава 7. О том, как майа, эльф и человек пьянку устроили

Нежные пальцы перебирают струны мандолины. Голос тоскливо поёт что-то о неразделённой любви и неприступном сердце красавицы, лишившей несчастного певца покоя и сна, предпочтя ему, такому восхитительному и талантливому, какого-то жалкого смертного.

Берен разглядывает сидящую у дороги сгорбленную фигуру и невольно заслушивается. Песня задевает свежие раны и в его душе, но, когда певец в шестой раз начинает тот же мотив, не выдерживает и окликает:

– Эй! А чего другого в репертуаре нет?

Певец вскидывается и резко оборачивается. И тут же гримаса презрения коверкает эльфийское лицо.

Похожее выражение ложится и на лицо человека:

– Даэрон... Не ожидал тебя здесь увидеть.

– А я – тебя, – с неприязнью отзывается тот, подхватывая музыкальный инструмент и поднимаясь сам. – Где же твоя обожаемая Лютиен, почему я не вижу её под ручку с оборванным бродягой? Она не выдержала твоего козлиного духа и упала в обморок на дно ручья, в который ты последний раз окунался полгода назад?

Берен хмурится: вот уж это настолько жалкая попытка оскорбить, что даже смешно. Только нынешним утром он запрокидывал голову под водопадом, жмурясь и порыкивая от удовольствия и бодрящего холода.

Но бросившая любовь сделала Берена сильнее и мудрее, и потому он уже не кидается на эльфа с кулаками, как не преминул бы сделать раньше. Только глаза его грустнеют, когда он говорит:

– Нет больше Лютиен Тинувизэль, Прекраснейшей из детей Илуватара. Есть черноглазая эльфийка с почерневшим сердцем, что скоро станет Тёмной Владычицей и женой Моргота Бауглира.

– Что... Как... – мандолина падает из рук Даэрона и жалобно звякает. – Ты... ты пошутил сейчас, да? – кричит певец, хватая Берена за ворот рубахи и пытаясь встряхнуть. – Ты поиздеваться решил надо мной?!

– Очень мне это надо! – отдирает человек цепкие пальцы от своей одежды. Тот лишь вцепляется сильнее, и не миновать бы им потасовки, но звучный голос окликает незадачливых дыхателей:

– О чём жаркий спор? Кому помочь, кому синяков под рёбрами не хватает? Обращайтесь, у меня сапоги кованые, от души поставлю, не пожалею!

Даэрон неохотно отпускает Берена – и вскрикивает. На телеге, запряжённой великолепным совершенно не тягловым конём, восседает на козлах тёмный майа и вопрошающе смотрит на эльфа и человека.

– А, Саурон, – приветствует того Берен, как давнего знакомого. – Это ты с базара, что ли, едешь?

– Да вот, решил пополнить запасы спиртного, – отвечает англандский главнокомандующий. – А то дома такие дела творятся, что без бутылки не разобраться, – и он кривит губы в горькой усмешке.

Даэрон силится что-то сказать – но из его горла вылетает только булькающий хрип. Саурон, не обращая на него внимания, внезапно спрыгивает с козел и лезет под дерюгу, которой прикрыта телега.

– А давайте выпьем, мужики! – азартно восклицает он, потрясая сразу тремя бутылками великолепного дорвинионского. – Горе у нас одно на троих, вот и зальём его втроём... Мелькор мне тут такую взбучку устроил за то, что я, видите ли, пленника упустил, – хмыкает он, глядя на Берена, – что мне как-то и возвращаться не так чтобы сильно хотелось...

Берен, помнящий, что собутыльник из майа толковый, без лишних слов присаживается рядом. Даэрон сперва смотрит на них, закопав челюсть куда-то глубоко в муравейник под ногами, потом, махнув рукой, присоединяется.

– ...Хорошие вы мужики, – расчувствованно бормочет Саурон спустя четыре часа, обнимая не вяжущих лыка человека и эльфа за плечи. – А знаете, я, может... я, может, обратно к свету вернусь с таким раскладом! Ну, раз Мелькор слуг верных не ценит – не, ну какого Валинора, пусть без них остаётся! Без меня, то есть. Сострою невинную рожу, покаюсь, пообещаю века три на них бесплатно где-нибудь лес валить – и примут обратно как миленького...

Собеседники его не слышат. Эльф с грохотом падает, вновь опрокинув свою мандолину. Берен уже давно храпит, склонив голову на плечо Саурону.

Глава 8. О том, как полезно иметь хорошую родословную

Летучая мышь с режущим уши свистом влетает в открытое окно вместе с вечерней прохладой. На колени Мелиан, мирно вышивающей ирисы, падает конверт, скреплённый печатью в виде оскаленной головы

дракона. Майа вскрикивает и смотрит на него, как на ядовитую змею, не решаясь даже прикоснуться, не то что вскрыть.

На крик в дверь заглядывает встревоженный Тингол:

– Что случилось?

Мелиан дрожащими руками берёт, наконец, конверт и протягивает мужу:

– Вот...

Летучая тварь продолжает сидеть на подоконнике, озаряемая заходящими лучами солнца, и даже не думает убираться.

Тингол быстрыми шагами пересекает комнату и рвёт зубами ненавистную печать. Пробегает глазами письмо. Челюсть его медленно отвисает по мере чтения всё больше и больше.

– Прочитай ты, – хрипло произносит он. – И вслух! Может, у меня началась эта, как её, адан, зовут... белая горячка?!

Мелиан с опаской принимает послание и начинает читать:

«Дорогие мои ада и амил! Я живу хорошо, у меня всё есть: Ангбандская крепость, куча орков (кстати, они милые, если их помыть) и пара чудесных ручных драконов. Вчера мы на них катались, было так весело!.. Правда, я сначала боялась упасть, но Мелькор держал меня так крепко, что я успокоилась на этот счёт.

Ах да, забыла самое главное, ради чего и пишу: приглашаю на нашу свадьбу. Двадцать пятого августа сего года я стану Тёмной Владычицей и женой Владыки Мелькора. Он хочет увидеться с тобой, ада, и поговорить о выкупе за невесту. Кажется, он упоминал что-то об острове Тол-Гаинхорт... а впрочем, я могу и ошибаться, я ещё не выучила здеишнюю географию должным образом.

Ада, ты, как всегда, оказался прав: встреча с Береном была ошибкой. Впрочем, я не жалею, что ушла за ним, иначе бы никогда не повстречала свою настоящую судьбу – моего ненаглядного Владыку. Кстати, про его уродство слухи распускают, видимо, из чистой зависти. Такого истинно мужественного очарования я не встречала ни у одного из своих поклонников (а согласишься, мама, что по их количеству я обогнала даже тебя!).

Засим откланиваюсь и жду вас на предстоящей свадьбе. Любящая дочь Люттиен, 30 июля ... года».

Листок медленно выскользывает из ослабевшей руки Мелиан: такого она и в страшном сне не могла предвидеть.

– Люттиен... Мелькор... Эру... – и падает в обморок.

Тингол резво идёт за водой и приводит жену в чувство, попросту выливая стакан холодной жидкости той на лицо.

Сам же он вертит стакан в руках и бормочет под нос:

– Не, ну Мелькор, конечно, Враг Мира и всё такое... Но он хотя бы бессмертный, а значит, бедной девочке не придётся выбирать тяжкую смертную судьбу. Да и владения у него неплохие – Ангбанд, Тол-ин-Гаурхот, – эльф увлекается перечислением достоинств тёмного вала,

загибая пальцы, и глаза у него загораются, – к тому же сколько, должно быть, золота в подвалах... А Сильмариллы, ты только подумай – Сильмариллы! – оборачивается он к жене, и мечтательная улыбка поселяется на губах Тингола.

– Да к тому же... – задумчиво чешет он затылок спустя пять минут раздумий, – родословная у него хорошая. Не подкопаешься.

Мелиан всё это время невидяще смотрит в никуда и, кажется, пребывает в полной прострации. Но при словах мужа о родословной вздрагивает, поднимает на него огромные глаза и шепчет:

– О, Эру... Что же за дети у них родятся?..

Глава 9. О том, как Мелькору цветы помешали

Лютиен в чёрном струящемся платье не спеша поворачивается у большого, в рост, кованого зеркала.

– Ты прелестна, – хрипловатым обволакивающим голосом произносит Мелькор, подходя к ней. Руки вала вскидываются для объятий, но Тинувиэль со смехом уворачивается и грозит пальчиком:

– Мы ещё не женаты!

– Ну вот, опять ты за свои старые эльфийские сказки, – возмущается Бауглир. – Я и без того тебя обхаживал полгода!

– Подождёшь ещё пару недель, – беспечно отвечает Лютиен и перепархивает на другую половину комнаты, подальше от Мелькора.

Тот провожает её уже не скрываемым откровенным взглядом, и эльфийка признаётся себе, что это приятно. Теперь она лучше понимает свою цену – и свою ценность. В том числе и для Мелькора.

Вала неслышно перемещается к ней за спину и, почти касаясь заострённого уха Лютиен, шепчет:

– Ты же будущая Тёмная Владычица. Тебе положено нарушать правила... а ты держись за них мёртвой хваткой. Может, хотя бы поцелуемся?

Тинувиэль с сомнением смотрит на Мелькора. Поцелуй, пожалуй, можно себе позволить... Всего один. Эльфийка давно уже втайне мечтает прикоснуться к Владыке Тьмы, и потому, тряхнув головой, соглашается:

– Ну, хорошо. Но только поцелуй, без шуточек!.. Тёмным доверять нельзя...

Кладёт ладони на плечи вала и, закрыв глаза, тянется к его лицу. Мелькор расплывается в довольной улыбке: как же, Эру возьми, приятно, когда в результате хитрой игры добиваешься своего! Когда первая красавица Средиземья *сама* льнёт к тебе, *сама* признаёт тебя самым умным, желанным и любимым – это что-то... Ни в какое сравнение не идёт одна добровольная душа с сотней, да что там – хоть стотысячной ордой слепых рабов, подгоняемых лишь страхом и приказом.

«Однако, я что-то опять не к месту расфилософствовался», – думает вала и, наконец, накрывает губы Лютиен своими. Поцелуй затягивается, руки Мелькора сами собой перемещаются на... гхм... почти спину эльфийки и, притягивая к себе, не желают никуда убираться.

– Эмм... – скрип двери отрезвляет Лютиен, и она разрывает-таки поцелуй, оборачиваясь. Мелькор притягивает её крепче к себе и рывкает:

– Кого там принесла светлая сила?!

– Я... только хотел спросить, какие цветы брать на венки для драконов, – заикаясь, произносит орк. – Просто ромашки он сжевал в один присест, а на розы жалуется и говорит, что у него аллергия на запах...

– Дракоши! – лицо Лютиен расцветает, и она, воспользовавшись замешательством вала, выскальзывает из кольца рук и бежит к двери. Подхватив под локоть покрасневшего орка, увлекает того на выход, щебеча что-то лестное о Глаурунге и Анкалагоне. Под конец упоминается Кархарот, и Мелькор рычит не хуже последнего: Лютиен и зверинец – это надолго.

«Ну, ничего, – утешает он себя, хромающей походкой подойдя к зеркалу, – через пару недель эльфы-тихоходы доберутся до Ангбанда, и можно будет отыграть-таки свадьбу... и заодно всласть на ней повеселиться...»

Наталья КОЛЕСОВА

Двери

Дом возвышался, точно крепость.

Хотя в нём было всего-то пять этажей, на фоне остальных приземистых, квадратных, вросших окнами в тротуар, он казался «высоткой». Или нет, всё-таки крепостью – величественной, мощной, даже грозной.

... Центр небольшого южного города был пыльным, зелёным и старинным. Его запрещали застраивать новыми домами, разве что выдержанными в том же стиле, и высотой не больше трёх этажей. Я потихоньку оторвалась от нашей шумной энергичной компании, свернула за угол – и растворилась в тихих малолюдных улицах. Греческая, Итальянская, Немецкая... Улица Контрабандистов – рассказывают, здесь до сих пор сохранились тайные ходы-выходы к морю и к центру города, а по вечерней темноте на ней можно запросто заблудиться. Каждый кованый козырёк, дверь, ворота, даже решётки на узких окнах домов были причудливы и неповторимы. А ещё повсюду лежали, сидели и стояли кошки, либо настоящие, разморённые жарой, либо настороженно и изящно застывшие – в глине или в металле.

Я заглядывала в приоткрытые ворота. Дворы оказались куда больше фасадов домов, тянулись чуть ли не на полквартала: многочисленные деревянные пристройки, лестницы, веранды, бельё на веревках. Клумбочки и клумбы с крупными южными цветами, названий которых я даже не знаю. Вьюны оплетали столбы и решётки веранд густой, яркой массой, почти не колыхавшейся на сильном ветру... Я смущённо и рассеянно улыбалась хозяевам, посиживающим на скамейках и вынесенных из дома стульях, и возвращалась из дворовой тени на оглушающее солнце улиц.

Высоко в ясном – ни облачка! – небе созрел готовый к полёту тополиный пух; не коробочки-клубки, как у нас на севере, а настоящие абажуры. Я

представила, как один из них раскрывается прямо над головой и накрывает пушисто-белым одеянием меня – снегурочку, заблудившуюся в лете... Одурающе пахло акацией, просто физически ощущались сладкие жёлтые волны, испускаемые непривычно высокими деревьями.

Я шла, шла и шла. Заблудиться не боялась – по привычным масштабам город мал и несложен. Тут ходит-то всего пара-тройка автобусов и трамваев. Выбрела к лестнице, зигзагом идущей с холмов вниз, к деловитому шумному порту. Прошла мимо купающейся в желтовато-зелёном море набережной с пёстрыми зонтиками столиков и загорелыми уже (всего-то май месяц!) лицами и телами.

Разглядывала плитки у себя под ногами – кое-где ими, разноцветными, фигурными, были выложены причудливые медальоны со львами, гербами и каменными розами, – посматривала по сторонам, наслаждаясь яркими красками фасадов и зелени.

И потому дом – серый, массивный, охвативший полукольцом, пожалуй, весь квартал – возник передо мной неожиданно.

Дом возвышался крепостью. Дом внушал робость. Дом... выглядел домом, надёжно скрывающим в своей каменной глубине, тайной сердцевине, нечто нежное и бесценное. Даже яркие пятна белья на балконах и выдуваемых наружу сквозняком занавесок впечатления не смягчали – дом просто маскировался.

Арка нависла надо мной тёмным прохладным провалом. Казалось, порви шагом прозрачную ткань тени – и пересечёшь некую тайную границу. Я даже невольно задержала дыхание, прежде чем нырнуть внутрь. Арка была глубокой, сыроватой, контуры серых плит кое-где подчеркивал тёмно-зелёный бархат мха...

Свет, цвет и звук обрушились на меня, как будто я шагнула на ярко освещённую сцену театра. Двор оказался просто огромным, окольцованный домом, точно природным утёсом. Здесь, под его укрытием, цвели самые яркие цветы и самые зелёные в мире деревья – во всяком случае так показалось мне, ступившей из тени в ослепительное пространство двора. Народу было немного – всё-таки рабочий день в разгаре – дети, бабушки, молодые мамы с колясками. И опять же – кошки. Спящие, играющие, нехотя уступающие дорогу медленно едущим машинам.

Кодовые замки и домофоны на дверях подъездов отсутствовали. Да и сама дверь – лёгкая, фанерно-деревянная, – просто привет из советского детства. Внутри было так же темно и прохладно, как перед этим – в арке. Скользя ладонью по гладким деревянным закруглённым перилам, я поднялась по выщербленным ступеням на пару пролётов. Посмотрела вверх – даже голова закружилась, словно я заглянула в глубокий колодец. Крепость-дом, что же ты прячешь?

Было очень тихо. Так тихо, что я даже вздрогнула, когда вдоль стены бесшумно скользнула ещё одна обитательница дома. Кошка.

Казалось, кошка меня ожидает. Во всяком случае, она стояла на крыльце, подрагивая задранном хвостом. Коротко мурлыкнула и, неспешно сбежав

со ступеней, направилась к двухэтажному дому посередине двора. Самый обычный дом самой же обычной архитектуры – куб с плоской крышей. Кажется, даже не жилой, окна на втором этаже забиты досками. Возле распахнутой входной двери – несколько вывесок разного формата и цвета. Я шла следом, разглядывая чёткий черепаховый узор кошачьей шкурки – за таких кошек отдают большие деньги, а тут они просто обычные дворовые...

Вывески на стене промелькнули мимо невнимательного взгляда. Магазин номер... МУ... городской клуб развития чего-то там... Я сделала круг по небольшому тёмному холлу: все двери закрыты, а ведущая на второй этаж ещё и заколочена двумя досками крест-накрест (но как-то неубедительно, точь-в-точь замок на двери в деревне, который бабушка навешивала перед тем, как пойти в магазин). Я даже подёрнула доски на пробу. Те поддавались. Будь я ребёнком, непременно б проскользнула наверх, запретный плод сладок...

– Ох!

Мужчина, распахнувший створки двери небольшого магазинчика, оглянулся на мой испуганный возглас.

– Здравствуйте, вы к нам?

– Да вот... зашла...

Свет притягивал меня, словно ночного мотылька. Низкий порог, полукруглый прилавок, занимающий чуть ли не весь магазин. Окна без занавесок. Белый и жёлтый цвет стен, тёмно-коричневый – прилавка и полок. Продавец (хозяйин?) – зелёные глаза, тёмные волосы, резкий профиль, лет тридцати – не обращая на меня внимания, разбирал что-то на полке. И слава богу, а то как уставятся на единственного покупателя...

Я прилипла к прилавку. Карты, ракушки, тусклые монеты, деревянные резные фигурки, кусочки то ли разноцветных стекол, то ли камней, веточки окрашенных кораллов... На стенах на специальных штырях висели металлические колокольчики всех размеров – вплоть, кажется, до корабельной рынды. Якоря тоже наличествовали, но, слава богу, сувенирных размеров, иначе в магазине вообще не развернуться.

А ещё тут были альбомы с марками. Я листала их; пахло пылью, кожей и старой бумагой; наслаждалась названиями стран, которые в детстве звучали как сказка. Бурунди, Шри-Ланка... Кажется, вот эти даже были у меня в альбоме!

– Нравятся? – мужчина, поглядывая на меня, стирал пыль с гигантской раковины, лежавшей на подоконнике.

Я с лёгкой ностальгией закрыла альбом.

– Жаль, я уже не собираю марок.

Мужчина кивнул.

– Ну, может, вы собираете что-нибудь другое?

Я окинула взглядом прилавок. Я бы с удовольствием ещё здесь задержалась, но, похоже, пора и честь знать...

– Нет, ничего не собираю. До свидания.

– Каждый из нас что-нибудь да собирает, – говорил мужчина, листая тяжёлый иллюстрированный альбом. – Кто-то коллекционирует свои беды, кто-то разбитые сердца, кто-то минуты радости...

Я задержалась на пороге. Кажется, меня вовсе не вынуждают сделать покупку – ему просто захотелось поговорить. Надо же, философ!

– А что собираете вы?

– Редких посетителей.

Да уж, народу тут явно не густо!

– Жаль, что ваш магазинчик расположен в таком неудобном месте. Знаете, я ведь на вас наткнулась совершенно случайно. Просто зашла за кошкой...

Хозяин блеснул на меня взглядом.

– Вас привела кошка? Хорошая примета.

У него оказалась такая яркая и располагающая улыбка, что я невольно улыбнулась в ответ.

– Да у вас не город, а просто какой-то кошачий рай! Куда не пойдёшь, везде на них наткнёшься...

– Не спешите, можете разглядывать витрину сколько угодно. Я же не говорил, что коллекционирую покупателей... А хотите чаю? Понравился наш город? – он как-то вдруг оживился и заторопился.

– Да. Очень. В смысле хочу чай, и город – да, понравился.

Слово за слово – и мы с Димой неожиданно разговорилась.

Я люблю старые городские дома. Не усадьбы или дворцы, просто построенные в позапрошлом и прошлом веке, одно или многоэтажные – значения не имеет. В любом городе я нахожу такие улицы и брожу, широко раскрыв глаза, чтоб, не дай бог, не упустить чего. Наверное, надо было стать архитектором, изучать все эти пилястры-карнизы-фонари, архитектурные стили и с первого взгляда угадывать десятилетие, в котором построен каждый конкретный дом. Но смогла бы я тогда просто смотреть с замиранием сердца и наслаждением? Да ещё и наверняка проектировала здания типовой застройки – народу нужно дешёвое и быстро строящееся жильё...

– Сейчас модно поворачиваться лицом к природе, стремиться вырваться из города... А я вот до мозга костей горожанка. Знаете, я даже разговариваю с домами!

– Значит, вы коллекционируете дома? – уточнил Дима.

Я засмеялась.

– Да, в некотором роде! Кое-какие даже фотографирую.

– Тогда вам будет интересно это, – он двинул по прилавку альбом. Я пролистнула тяжёлые глянцевые страницы. Великолепные виды Парижа, Питера, Рима...

– А вы на мелочи не размениваетесь, коллекционируете сразу города?

– В некотором роде, – повторил он мои слова. – Хотите, покажу вам город? Дима смотрел на меня так внимательно, что казался напряжённым.

– Я, в общем-то, уже многое видела.

– Да, кое-что вы видели, – согласился Дима. – Но я покажу вам свой город. Свои любимые места.

Ну, будем надеяться, что он не работает с преступной группой, заманивая и грабя беззащитных туристов. Чего у меня брать? Сотню в сумочке?

– Я... – я нерешительно качнула этой самой сумочкой. – Я не знаю...

– Решайте, – он выглянул в окошко. – Темнеет уже. Если не согласны, просто провожу вас до дома.

И правда, вечер уверенно наступал на разморённый солнцем город, обещая прохладу и ровный ветер с моря. Да ещё крупные яркие звёзды и круглую, яркую, как прожектор, луну.

Я согласилась.

За исключением любви к старым домам человек я благоразумный и потому тут же отзвонилась друзьям, у которых остановилась. Мой добровольный проводник запер свой магазинчик и посмеивался, слушая отчёт с подробностями.

Когда я отключилась, сказал вежливо:

– Надо было вам ещё мой паспорт дать, чтобы вы зачитали им паспортные данные.

– Надо было, – согласилась я. – Куда идём?

– Выбирайте.

– Что выбирать? Сторону света?

– Дверь.

– Что?

Дима махнул рукой на освещённые тусклой лампочкой покрашенные синей краской двери.

– Это что, какой-то ритуал? – спросила я подозрительно. А если он всё-таки какой-нибудь... Синий Борода и держит за этими дверями наивных, размякших на южном солнце туристов? Ведь кроме нас в доме никого... хотя вон же, за распахнутой дверью, смеются люди, кричат дети...

– Можно сказать и так, – согласился Дима. – Показываю я, а выбираете вы. Ну, не робейте, Настя!

Я совершила ещё один круг почёта по небольшому холлу, честно приглядываясь к дверям. Различались они только степенью отколупанности краски и ручками. Господи, ну что ещё за игры!

– Вот эта, – ткнула в третью по счёту. Надеюсь, не туалетную.

– Эта, – повторил Дима.

Я посторонилась, с подозрением наблюдая, как он подошёл и взялся за расшатанную ручку-скобу. Когда я пришла сюда, все двери были заперты, я каждую подёргала. Дима сосредоточенно смотрел перед собой, словно прислушиваясь. Лицо его стало напряжённым, почти осунувшимся от непонятого усилия. Что-то еле щёлкнуло – с той стороны.

Опять эта его яркая улыбка – точно вспышка в тусклом свете холла.

– Отличный выбор, мадам!

Дима распахнул дверь, и волосы мне шевельнуло влажным порывом ветра. Я сделала шаг, ещё шаг, переступила порог...

Пересекла границу.

Под ногами – плиты набережной. Море, звёзды, далёкие огни фонарей... смех внизу, на пляже.

Я оглянулась. Дима стоял рядом, дверь за его спиной – металлическая, еле различимая в темноте в крутом склоне холма. Но ведь море же... море же осталось далеко, совсем в другой стороне... и где... где дом?

Дима смотрел на меня, слегка склонив голову, точно выслушивая все мои незадаанные вопросы и предположения.

Повторил негромко:

– Хороший выбор. Твой выбор, Настя. Пройдёмся?

Мы шли по длинной и тёплой набережной... плиты под ногами реальны... смотрели, как внизу, на песке танцует пёстрая весёлая толпа... рука, поддерживающая мой локоть, реальна... свернули на идущую вверх мощёную булыжниками улочку с коваными старинными фонарями, побрели по тихому сонному городу, заглядывая в тепло светящиеся окна... Реально, реально, всё реально.

Дима проводил меня до дому.

– Придёшь завтра?

– Приду.

Быстрое прикосновение к руке, улыбка, эхо удаляющихся шагов. Под фонарём уверенно кружилась мошкара. Всё, всё реально.

Сон, поняла я, проснувшись.

Сон, отмахивалась во время трудового дня от наплывающих воспоминаний.

Сон, твердила упрямо, подходя к «крепости».

И только увидев улыбку Димы, поняла, что сном было не всё. И он при виде меня, кажется, вздохнул с облегчением – неужели тоже думал, что я ему приморочилась?

Заказчики были деловиты, но снисходительны: на сегодня хватит, мы всё понимаем, море, солнце, бегите, развлекайтесь, отдыхайте... Крутите романы, добавляли они про себя.

Роман закрутился. Правда, даже не знаю, с кем – с Димой? С городом?

Я открывала – выбирала – дверь за дверью.

Часы на высокой башне. Старая ратуша. Солнце бросает разноцветные брызги в стекла витражей.

– Дим, этот город... он вообще существует?

– Конечно, существует.

– На самом деле?

Плывущие по реке гондолы – по реке или всё-таки по небу? Звёзды сверху и внизу одинаково яркие и золотисты... Одинаково влажно мерцают.

– На самом деле. Наши воспоминания...

Лабиринт узких мощёных булыжником улиц. Эхо наших шагов. Крепостной зубец над густо-синим морем.

– Сны...

Фонтаны. Целая улица фонтанов. Недействующие, с накиданными на дно монетками на счастье. Работающие: перья воды; прозрачные потоки, текущие по разноцветным плитам; сплетающиеся струи, танцующие, играющие с высотой, цветом. И с нами.

– Наши мечты...

Когда я выбрала заколоченную дверь на второй этаж, Дима впервые меня поцеловал.

Не там, конечно.

Мы шагнули из двери на террасу: город раскинулся перед нами в бархатной шкатулке ночи, точно сверкающий драгоценный камень; было непонятно, где он переходит в море, где море прорастает в небо.

– Как красиво!

Дима казался таким же замороженным, как я. Во всяком случае, он долго смотрел, стоя со мной рука об руку. А потом повернулся ко мне и сказал серьёзно:

– Спасибо.

– За что? Это же твой город?

– Без тебя я здесь никогда не был. Ты мне это показала. Так что это теперь и твой город.

И поцеловал меня.

Он же первый напомнил мне об отъезде:

– Не уезжай.

Был пятый день в городе. Мы лежали у моря – плиты, накопившие солнечное тепло, щедро делились им на закате.

– Не уеду пока, – лениво отозвалась я. – Ещё целых три дня.

Дима молчал долго.

А на прощание повторил:

– Не уезжай.

Ехать, действительно, особой необходимости не было, можно было созвониться, выпросить отпуск...

Но я неожиданно очнулась. Откуда-то появилось странное ощущение, что каждый раз, когда я выбираю дверь, я оставляю за ней кусочек себя. Сияющий драгоценный кусочек то ли души, то ли чувств, то ли старого увлекательного сна. Дима делился со мной, но ведь и я делилась с ним: может, мечтами, может, собой? А вдруг однажды окажется, что я осталась здесь вся, без остатка, что я никогда уже не стану целой и не смогу жить... без Города? Без Димы?

Слишком быстро, слишком много. Слишком серьёзно.

Я запаниковала.

Надо уехать – хотя бы на время.

Понять, разобраться.

А он открывал и открывал передо мной новые двери. И уже не просил – просто смотрел на меня, как будто напоминал. Как будто прощался.

Словно я умирала – день за днём.

Это очень раздражало: ведь между нами же всего сутки на поезде, я буду приезжать...

Он качнул головой.

– Ты не приедешь.

– Не приеду, если ты так хочешь! – взвилась я.

В последний вечер он сидел на ступенях магазинчика. Ждал меня.

– Ну что? – неловко сказала я под его молчаливым взглядом. – Прогуляемся напоследок?

Дима опустил глаза и поднялся. Сказал негромко – привычное:

– Выбирай.

– Вот эта.

Дима наклонил голову, словно прислушиваясь к тому, что происходит за дверью. Мне казалось, или он открывал двери всё с большим и большим трудом?

Оглянулся через плечо.

– Твой выбор, Настя.

И дёрнул ручку. Я вышла на свет и ошеломлённо застыла. Свет был серый. Серый, тусклый. Огромный пустой двор. Не пустой – заваленный мусором, битыми кирпичами, обвалившимися плитами. Дом всё ещё стоял, но крепость уже пала: тёмные провалы окон, серые плиты сорваны, под ними – бесстыдно обнажённые чёрные кирпичи – как уродливый шрам на лице от ожога. Дом сдался, потеряв свою сердцевину.

Я резко обернулась

– Что это?! Что случилось?

Дима неподвижно стоял в дверях единственной уцелевшей стены; с неба падал то ли серый снег, то ли пепел, припорошивал волосы сединой. Глаза его тоже казались серыми. Как будто вылиняли.

– Ты выбрала дверь, – сказал он негромко.

– Я ошиблась!

Я вбежала обратно, потянула за собой Диму: тот нехотя, тяжело поддался, точно не хотел уходить из разрушенного двора.

– Открой вот эту!

Тусклое низкое небо, море бьёт, подмывает набережную – бетон под ногами сотрясается и дрожит от мощных гневных ударов. Проржавевшие перила прогнуты и висят, поваленный фонарь макушкой-плафоном зарылся в песок пляжа. Впрочем, и пляжа-то считай нет – его проглотило море...

– Я ошиблась! – прокричала я сквозь рокот, Дима молча кивнул и первым шагнул за порог ржавой, повисшей на одной петле двери.

Я была беспощадна. Я заставляла открывать его всё новые и новые двери – и те, где мы с ним были вместе, и те, за которыми я побывать не успела.

Везде было одно и то же. Серость. Разрушение. Глухие промышленные стены без окон. Старые бараки. Заросшие крапивой остовы домов.

Наш город умирал.

Я не замечала, каких усилий всё это стоило Диме – пока не потребовала открыть двери, ведущие на второй этаж.

Дима прислонился к стене и качнул головой.

– Нет. Всё. Я больше не могу...

– А я – могу! – крикнула я в его серое при тусклом свете лицо, рванула на себя перекрещенные доски, створки дверей распахнулись вместе с ними. Я взлетела на второй этаж.

Под ногами скрипели осколки стекла, ныли старые, облезшие доски пола. Полуобрушившийся балкон. Затхлость. Пыль. Здесь никто не бывал уже очень давно.

Дима сидел на ступенях крыльца. Я спустилась к нему.

– И что, это – всё?

– Да. Всё. – Дима не повернул головы. – Магазин закрывается.

Он даже не обнял меня на прощание. Просто встал и ушёл, растворился в сладко пахнущей южной ночи. Он не пришёл провожать меня на вокзал, хотя знал, во сколько уходит мой поезд. А мы ехали на север и, вопреки всем законам природы, нас встречала осень. Серая. Холодная. Промозглая.

Через пару недель я позвонила знакомым, попросила найти тот дом и магазинчик, передать хозяину мой телефон и адрес электронки. Дом они нашли, но дверь оказалась приколочена к косякам, наглухо.

А магазин, по словам жильцов, не работает уже давным-давно...

Никто из старожилов не помнил такого холодного лета.

В июне желтели и падали листья.

В июле пошёл снег.

Я люблю старые городские дома. Я всё ещё разговариваю с ними. Но часто щекочет сердце и память воспоминание – о том, что я видела когда-то. Где-то. Скорее всего, во сне.

Дежавю называется...

А ещё я сегодня увидела идущую по коридору офиса кошку. Кошка была обычной, городской, обычного же пятнистого окраса. Независимо подняв хвост, она прошествовала вдоль стены и исчезла за неприметной дверью. Я ошарашила своего важного собеседника тем, что повернулась к нему спиной и устремилась вслед за кошкой.

Шаг. Ещё шаг. Коснуться ручки, медленно повернуть...

Швабры.

Тряпки.

Ведро.

Кошка, недовольная тем, что обнаружили её маленькое убежище, вопросительно мяукнула. Я прикрыла дверь и повернулась к прерванному на полуслове собеседнику, изобразив на лице улыбку. Надеюсь, ослепительную.

– Извините, так на чём мы остановились?

Но знаете, что?

Я теперь всегда буду открывать двери. Может быть, однажды, я выберу, найду ту и увижу часы на тающей в ясном небе высокой башне и зубец дома-крепости. Услышу шум моря.

И темноволосый мужчина вскинет голову и блеснёт мне навстречу яркой улыбкой.

Надо только выбрать.

Сергей ЗАГНУХИН

Три... м-м-м... чудака и одна девушка

Три молодых, но о-о-очень талантливых мага: добряк Ма, розовощёкий толстяк Пиг и красавчик Лион возвращались из знаменитейшей магической школы города Дурсбурга, закончив курс повышения квалификации по некромагии.

Миновав небольшой городок Франкеншберг, поддерживая реноме вновь приобретённой специализации, пообедать решили на кладбище.

Отобедав на ступеньках небольшого, но уютненького на вид склепа (если можно так сказать про склеп) начинающие мерлины обратили внимание на мраморную доску с эпитафией.

Красивая золочёная надпись гласила:

«Здесь покоится прекраснейшая Галатея Пандорини,
покинувшая этот бранный мир в самом расцвете своей красоты...»

Нижняя часть доски с продолжением надписи откололась или была отбита и лежала на земле, явив миру неприглядную свою изнанку, вроде как бы даже и не совсем мраморную.

Но наши кандидаты в магистры после сытного обеда поленились прочесть надпись полностью, а пустились фантазировать, как же могла выглядеть прекраснейшая, до того как...

И так слово за слово, делом по столу, решили они на практике применить вновь приобретённые знания и умения, вернув этому бранный миру Галатею Пандорини в самом расцвете.

День для подобных опытов был подходящий, астрологическая обстановка тоже благоприятствовала. До наступления ночи приготовили всё необходимое. С приходом темноты проникли в склеп, скинули крышку саркофага и приступили...

Первым приступил толстяк, как более других дружный со стихией земли и восстановил прекраснейшую плоть, Ма наполнил сосуды кровью и запустил сердце, а Лион вернул в лёгкие дыхание жизни. Совсем под утро, встав вокруг уже почти живой Пандорини, предельным напряжением объединённых своих магических способностей они призвали душу прекраснейшей, так, правда, и не поняв, откуда призвали.

С первым лучом солнца возрождённая восстала из гроба. Воистину, она была прекраснейшей. Это было видно воочию, так как одежда её за время упокоения успела истлеть почти полностью.

Три сотворителя стояли, как громом из-за угла поражённые. Оттаяв немного стали громко восхищаться красавицей и собой заодно. Постепенно восхищения перешли в сначала невнятный, а потом всё более и более яростный спор о том, чей вклад в это дело больше и кто, соответственно, имеет право...

А так как кричали они одновременно, разобрать что-либо было довольно сложно. Из криков добряка разбиралось только что-то типа «...на всех хватит...», красавчик похоже упирал на «...сама выберет...». Чем же аргументировал розовощёкий Пиг разобрать было решительно невозможно.

Словесная перепалка плавно перетекла в обыкновенную потасовку, а потом и в магический поединок.

Нововозрождённой такие сцены, похоже, были не в диковинку. Сидя на краю саркофага, внимательно следила она за всеми перипетиями дискуссии взглядом завсегдатая ипподрома.

Увы! Пришедших к финишу не было. Кому словом, кому делом, кому магией, а кому простым булыжником, но всем досталось сверх меры, совместимой с жизнью. И отправились они опытным путём узнавать тайны некромира, оставив свои тела живописной группой упавших с высоты собственного роста. Благо и строение было вполне подходящим.

Галатея же красивой летящей походкой покинула место разыгравшейся драмы, и только подозрительное солнце и легкомысленный ветер могли проследить за её путем, может быть, чтобы удивить месяц, который пропустил всё по причине новолуния.

А всего-то и надо было нашим, увы, уже вечно молодым и слишком нетерпеливым Пиг, Ма, Лиону перевернуть отколотую часть досочки с эпитафией и прочитать:

«...к великой радости всех её сограждан, ибо красота её свела в могилу больше жителей города, чем моровое поветрие».

Ох, чует наше сердце, помог кто-то в своё время прекраснейшей покинуть этот бранный мир в самом расцвете.

Ну, может, жив ещё какой-нибудь долгожитель-франкеншбержец, помнящий те времена, и даже в здравом уме и твёрдой памяти, или в муниципальной библиотеке сохранилось грозное предостережение потомству, которое поможет горожанам пережить вторичное пришествие прекраснейшей с меньшими издержками.

Вот так, в очередной раз, недостаток информации привел к неверным решениям.

Я была богом

Я была богом. Не богиней – богом. Весёлым и щедрым разгильдяем. Беззаботным олухом. Как ещё назвать любителя выпить и покутить?

Бог накрывал столы и звал своих друзей на очередной праздник. Если такового на календаре не значилось, он придумывал его тут же, на ходу. Повод мог быть любым – от хорошей погоды до событий межпланетного масштаба. А как-то раз он объявил «день былинки, пробившейся сквозь асфальт» и отправил каждого искать такие травинки и наблюдать за ними. После этого пошли на убыль жалобы на плохие условия и собственное бессилие.

Итак, бог готовил угощение и созывал друзей. Любой желающий мог прийти на огонёк. До поздней осени он расставлял столы под открытым небом, и прохладный вечерний воздух горячил лица собравшихся, а сердце невольно сбивалось с привычного ритма.

Еды, вина и музыки хватало до глубокой ночи. Бог танцевал со всеми красавицами, но все знали: это лишь на ночь, не дольше. Многих это не смущало: он был хорошим любовником и платил щедрые алименты. А сам он был не прочь передать часть силы многочисленному потомству.

Но в предрассветные часы он уходил. Пьяный, счастливый, влюблённый – уходил, и не могли его удержать ни тёплая компания, ни нежные объятия. Бокал оставался недопитым, аккорд – недоигранным, фраза – недосказанной. Он оставлял всё и шёл – не зная куда, не ведая зачем, не понимая к кому. Шёл, страдая дикой головной болью с похмелья и при этом стремительно и неумолимо трезвея. В животе булькало выпитое вино вперемешку с ужином, тряслись руки и ноги, дрожало всё тело от танцев и бурного секса – а голова становилась ясной, почти кристально прозрачной и холодной, как свежевывапавший снег.

Он шёл по дороге или где придётся, мог шагать напрямиком через лужи. Смотрел на холмы, города, деревья, проезжавшие редкие ночью машины – и сердце будто кто-то сжимал когтистой лапой. Округа выглядела мирно, но всё его существо каждой клеточкой чувствовало, что чего-то не хватает. Кто-то внутри него ворчал, гудел, ругался, плакал, умолял... страстно хотел чего-то. А чего – он никак не мог понять.

И тогда бог принимался творить. Он зачерпывал горсть воды, поднимал упавший грязный лист, ловил первый лучик солнца – и создавал из этого клочка материи и энергии всё, что хотел. Дома и ракеты, животных и камни, людей и леших, и гномов, и ещё тысячу удивительных существ... а главное – чувства, мысли, эмоции: радость, гнев, удивление, привязанность, лень и смелость... Тасовал всё это, как колоду карт, смешивал и менял местами.

Солнце стояло высоко в зените, а порой и вовсе клонилось к закату, когда бог жадными глотками пил наскоро сотворённую холодную воду и отключался под ближайшим кустом. Светлые волосы слипались от пота, в одежду набивалась пыль пополам с репейником... и всё же от

этого полумальчишки-полуюноши невозможно было отвести глаз. Даже во сне сохранялась какая-то странная блудливо-тоскливая полуулыбка на его лице. Как будто он кого-то очень хотел встретить и никак не мог найти...

И однажды встретил.

Это был совершенно обычный будний день. Бог озабоченно шёл по своим делам, обдумывая сразу с десяток необходимых действий и вмешательств в разных частях континента, – и на мосту увидел девушку. Синее платье, синие глаза, тёмные волосы. Это всё, что успел отметить его разум, прежде чем дать команду «reset».

Конечно, он с ней заговорил. А она лишь смеялась – и молчала. Она была немая. А ещё – бог сам не знал, как это понял столь ярко и отчётливо – это была Мечта. Та самая, по которой тосковал и без которой бескрайний простор был тесен, как сапог на три размера меньше положенного.

Они переспали тут же, на полусгнивших шатающихся досках моста. Даже не одевшись, она посмотрела на него в упор, так что синева глаз едва не поглотила его с головой – и растаяла, нырнув в горизонт. Ей не было нужды всё время быть в теле, как и ему.

Не было ничего, абсолютно ничего выдающегося и оригинального ни в ней, ни в ситуации. А всё-таки с тех пор он искал её – повсюду. В толпе людей и среди безвоздушного пространства. Иногда находил, и она оставалась рядом какое-то время, потом ускользала опять. Однажды бог не выдержал и посадил её в банку. Обычную трёхлитровую банку, как бабочку. В размерах уменьшил, конечно. Целый день она стояла у него на виду, и он мог носить её, прижав к груди. А она молчала – и смотрела сквозь стекло... и сквозь него.

Бог разбил банку, бросив с вершины самой высокой горы своего мира. А потом он плакал, и слёзы из зелёных глаз падали вниз огромными ледяными сосульками и почему-то не разбивались.

Иногда Мечта приходила сама. Садилась рядом, скромно сложив руки, и смотрела, как бог творит. Она не умела делать абсолютно ничего – только смотреть, смеяться и заниматься любовью. Ей не было нужды что-то делать – она сама была делом. И в эти редкие спокойные минуты бог был счастлив. Счастлив так, как никогда за свою бог весть сколько длившуюся жизнь.

А потом Мечта пропала. Не приходила сама, и бог не мог её найти нигде в округе. Он стал искать настойчивее – а результат оставался тем же. Её больше не было.

Он ждал её. Ждал, пока в соломенных волосах не появилась седина, и он уже не смог вселяться в тело юноши. Теперь он ходил в обличье усталого сорокалетнего мужчины. Тело покрылось шрамами – кровь кипела от напряжения, кожа лопалась, и красное лилось на землю, удобряя её. Потом вырастали самые изысканные цветы – бог надеялся, что Мечта заметит эту красоту и спустится полюбоваться поближе. А она всё не спускалась.

Чтобы забыть о ней, бог отправился в путешествие по Вселенной. Он надеялся, что смена красок, чувств и движений заглушит воспоминания. Шатаясь по чужим мирам и влипая в переделки, бог стал богат мудростью... но это не могло вернуть ему ни спокойствия, ни счастья.

А время текло. По крупичкам и песчинкам – оно утекало, а куда – не знал и сам бог. Высыхали реки, в каменную крошку превращались горы, материки меняли свои очертания. История людей и иных существ сменила окраску столько раз, что белое успело забыть о том, что когда-то было чёрным. А бог всё не мог забыть о Мечте.

Энергия иссякала, а подпитки не было. Бог понял, что скоро он сможет передвигаться лишь в виде дряхлого старика. И хотя надежды почти не осталось, он не захотел так выглядеть – вдруг вернулась бы его возлюбленная? О том, что она может быть старухой ещё древнее его, он предпочитал не думать.

И в отчаянии бог закричал на всю Вселенную. О яркой любви и глухой тоске, о том, как тяжело творить, когда никто этого не ценит. О том, как жизненные соки утекали в никуда, как материя умирала, не успев родиться и обрести форму. Как обшаривал задворки и закоулки мироздания, чтобы найти Мечту. Как отжил свой огромный век бога, так и не найдя её.

И тогда бог проклял Мечту. Тоже – на всю Вселенную. А потом... Он не планировал это. Просто, мельком увидев какую-то светящуюся точку далеко внизу, он вдруг развил бешеную скорость и помчался ей навстречу, прессуя время и энергию в маленький комочек, теряя на ходу память и сознание. А главное – чувства... боль... тоску... стремление... надежду... До последнего вздоха – надежду...

Я была богом. У него всё же было неплохое чувство юмора: он предпочёл превратиться в девушку. Может, решил, что женщинам больше везёт в любви?.. Что их жизнь более спокойная?..

Чудак человек! Даром что бог. Мне, конечно, повезло в любви... и какое-то время мне удалось пожить спокойно, тихо и мирно. Но что такое жалкие пара десятков лет по сравнению с его вечностью!.. А в моей жизни он больше покоя уже не найдёт.

Бог недооценил человека, если рассчитывал среди людей найти забвение Мечты. Она зовёт и манит, греет и выворачивает наизнанку, ускользает, но кажется, что – протяни лишь руку – она рядом...

Мне не кажется. Я могу протянуть руку и потрогать. Не знаю, где эта богиня шаталась миллионы световых лет, но она явно была в курсе событий. Потому что, как только бог упал на Землю, чтобы стереть себе память и душу, – она тоже превратилась в человека, упав почти рядом... и почти сразу, отстав лишь на год. На какой-то земной год! Мерзавка...

...Она была хорошей любвиницей. Не захотела упускать своего и на сей раз, превратившись в парня. Ещё эта зараза решила вставить контактные линзы, видимо, думая обмануть меня нехитрой игрой тонов синий – зелёный.

Но чёрта с два! Я узнаю тебя, даже если ты станешь белым медведем и будешь лежать, закрыв глаза и уткнув нос в снег! Я тебя просто учую,

даже с сильнейшим насморком. И теперь... о, теперь ты можешь говорить! Я вытрясу из тебя всю душу, всю правду, где тебя носило! Ты у меня попляшешь, проклятая синеглазая зар-р-раза!..

Ой... всё не могу привыкнуть. Уже зеленоглазая.

Как я.

Не зря же я была богом...

Надежда КАРПОВА

Почти человек

(Отрывок из романа «Кровь Хранителя»)

Она познакомилась с Золотым Драконом, когда ей было шестнадцать лет. Тёплым летним вечером в трактире остановился небогатый купец, едущий по торговым делам. Но Эстела сразу его узнала, случайно встретившись с ним взглядом. Она, как и все дети в деревне, любила в детстве слушать рассказы Гиланора; мудрец частенько приезжал в родную деревню проведать сестру и племянников. Поэтому Эстела прекрасно знала, что означают зелёные глаза у человека – в стране, где зелёных глаз у людей почему-то не бывает. В первый момент она растерялась и не смогла этого скрыть. Он понимающе улыбнулся ей и пошёл просить комнату на ночь. Эстела, вытиравшая в этот момент столы в зале, от потрясения выронила тряпку и долго не могла прийти в себя. У неё в голове не укладывалось, что можно встретить Покровителя Эльдананда вот так вдруг – и где?! – в захолустном трактире. Конечно, она знала легенду, что Золотой Дракон может принимать любой облик и незнанным путешествовать по стране. Но одно дело – знать, и совсем другое – неожиданно столкнуться с ним лицом к лицу.

Эстела весь вечер, пока он ужинал в общей зале, не сводила с него взгляда. Он это прекрасно замечал и то и дело ей улыбался. Но что поразило девушку больше всего: на него никто не обращал внимания. Его что, больше никто не узнаёт?

Подавая ему ужин, Эстела хорошо его разглядела. Высокий, стройный, мускулистый, выглядит очень молодо, хотя по легенде ему не меньше тысячи лет. Золотистые вьющиеся волосы до плеч, изящные манеры, и вообще, он гораздо больше походит на красавца-донжуана, любимца женщин, чем на купца. Чувствуя, что у неё уже голова идёт кругом, Эстела поспешила уйти.

Она залезла на крышу конюшни, села, обхватив колени руками, и стала смотреть на звёздное небо. Это её любимое место, она частенько в хорошую погоду приходит сюда и часами смотрит на звёзды. Вот и сейчас, Эстела потеряла счёт времени и не знала, сколько просидела так: замороженная мерцанием мириадом звёзд-алмазов на чёрном бархате ночи. И вдруг почувствовала, что она не одна. Резко обернувшись, увидела ЕГО: он сидел рядом и тоже смотрел на звёзды. И Эстела неожиданно для себя спросила:

– Как это, летать?

– Здорово. Никогда в жизни мне ничто не нравилось больше, чем полёт. Хочешь полетать со мной?

– Нет.

– Почему? Боишься?

– Не боюсь. Просто люди не созданы, чтобы летать. Так что незачем заблуждаться, будто и нам подвластно небо.

– Значит, ты – реалистка? Но я не припомню, чтобы людей когда-либо что-либо останавливало, если им чего-то очень хочется. В природе человека идти напрямую к желаемому, перешагивая через преграды и плюя на запреты. Если человеку что-то приспичит, он мигом отыщет для этого средства. Проверено многотысячелетней историей человечества.

– К чему ты всё это говоришь?

– К тому, Эстела, что, если ты любишь небо и хочешь полетать, лови подвернувшийся случай и наплюй на всё остальное.

– Ты меня искушаешь?

– Нет, просто предлагаю тебе полетать со мной. Ты же хочешь этого.

– Откуда ты знаешь? В моих мыслях прочёл, да?

– Я никогда не читаю мысли без крайней необходимости. Сейчас такой необходимости нет.

– Тогда откуда ты знаешь моё имя?

– Тебя звал отец. Он всегда кричит так громко – все в зале слышали, как тебя зовут.

– А как ты меня здесь нашёл?

– Я вышел вслед за тобой и видел, как ты сюда залезала. Некоторое время раздумывал, стоит ли идти следом. Потом всё же решил пойти.

– Почему?

– Потому что ты мне понравилась. Я что, уже и с понравившейся мне девушкой поговорить не могу?

Эстела растерянно уставилась на него: такого она услышать не ожидала. Она была не красавица, и характер у неё был совсем не подарок. Она об этом знала и привыкла, что парни с ней встречаться не хотят, а весёлые пригожие девчонки смеются над её недостатками и говорят, что на такую никто не позарится. И вдруг красавец-мужчина заявляет, что она ему нравится. Есть от чего растеряться. Правда, он не человек (или не совсем человек), но всё же... Эстела опасливо на него поглядывала, не зная, что и думать.

Когда молчание совсем уж затянулось, девушка решила сменить тему:

– Почему на тебя никто не обращает внимания и никто не узнаёт?

– Потому что я отвожу всем глаза.

– А мне, значит, нет?

– Тебе тоже, но на тебя заклятье не действует. У тебя сильный магический потенциал – хоть ты и не маг, но подсознательно защищаешься от влияния на твоё сознание.

– И что, я одна такая?

– Здесь, в твоей деревне, да. А вообще таких людей достаточно много по всей стране. Если два таких человека женятся, то с большой долей вероятности их дети родятся магами. Именно поэтому иногда у обычных родителей появляется ребёнок-маг. И вовсе необязательно, что он незаконнорожденный отпрыск какого-либо дворянина, как многие люди привыкли думать. Я несколько раз видел, как сердитый муж, уверенный в неверности жены, избавлялся от такого ребёнка; даже если несчастная женщина в принципе не могла приблизиться ни к одному дворянину ближе, чем на сто метров. Я заботился о судьбе этих детей, как мог. О тех, о ком знал. Боюсь, их было значительно больше.

– А разве ты не всё знаешь?

– Конечно, нет! Всё знать невозможно. Это только Богу под силу.

– Кому?

– Вот и ещё одно последствие моего появления, – вздохнул он. – В Эльдананде забыли, что такое религия. И это одна из причин, почему вас не любят другие страны: они считают вас безбожниками. Бог – это Создатель мира, Эстела, Творец. И боюсь, он меня не похвалит за то, что в этой стране перестали его чтить.

– Разве ты можешь с ним говорить? – поражённо спросила Эстела.

– Нет, – засмеялся он. – Это не может никто из живущих. Хотя некоторые люди в заблуждении считают иначе. Однако после смерти все мы встречаемся с Творцом и даём ему отчёт о прожитой жизни. И я когда-нибудь с ним встречусь.

– Но ты же бессмертен!

– Бессмертие бывает разное. Живу-то я долго, но меня тоже можно убить. У меня не настолько завышенное самомнение, чтобы считать себя неуязвимым и непобедимым.

– А что же тогда будет с нами? – испуганно прошептала Эстела. – С Эльданандом?

– Успокойся. Я не собираюсь умирать прямо сейчас. Я просто хотел сказать, что и я рано или поздно встречусь с Творцом. Но это может произойти и через тысячу лет, и через две, и позже...

– Да, конечно, – Эстела рассердилась на себя за свой испуг, и на него – что заставил столько времени думать о себе. Ещё ни один мужчина не задерживался в её мыслях дольше нескольких минут. Это нужно было прекращать, пока всё не зашло слишком далеко.

– Я пошла спать. Уже слишком поздно, а у меня завтра много работы.

– Так ты не хочешь полетать?

– Я же сказала: нет! – от злости её голос прозвучал слишком резко, и Эстела поспешила уйти – пока он не начал рассказывать ещё что-нибудь интересное, а она окончательно не забыла про всё на свете...

Золотой Дракон остался в деревне, но никого не удивляло, что «купец» живёт себе в какой-то захолустной деревеньке, не намерен никуда уезжать и даже не думает заниматься торговлей. «Наверное, опять магия», – с досадой

думала Эстела, догадываясь, что он остался из-за неё. Она пыталась его избегать, но, живя под одной крышей, это трудно делать. Они то и дело сталкивались: в зале трактира, где он завтракал, обедал или ужинал, а она подавала еду. Или на речке, где она стирала, а он просто гулял в окрестностях деревни – и почему-то чаще всего вдоль берега. Любовался, как солнце играет в струях воды, но не реже смотрел на неё. Однажды Эстела не выдержала и вспыхнула:

– Зачем ты за мной всё время ходишь?! Что тебе надо?! На кой... ты здесь вообще остался? Ехал бы себе своей дорогой!

– Мне некуда ехать, Эстела, – немного грустно сказал он. – Меня нигде не ждут. А просто так ездить туда-сюда без цели и смысла слишком тоскливо, чувствуешь себя неприкаянным и никому не нужным.

– Тогда на кой... Зачем ты вообще пошёл в это путешествие? Сидел бы в своей Долине!

– Там ещё тоскливее. Там никого, кроме меня нет, и моё одиночество ощущается ещё острее. Здесь, по крайней мере, вокруг люди, есть с кем поговорить. К тому же, я хочу знать, что происходит в стране, как люди живут.

– Вот и езжай узнавай! Чего ты здесь-то торчишь?

– Но здесь тоже люди живут, – мягко улыбнулся он.

– Но здесь нет ничего интересного! Обычная скучная жизнь.

– Именно поэтому мне здесь интересно. Потому что сам я никогда не жил такой жизнью. Когда жизнь чересчур насыщенная и интересная – это тоже надоедает. Хочется чего-то простого и обыденного.

– И поэтому ты здесь столько торчишь? – съязвила Эстела.

– Нет, я остался главным образом из-за тебя. Ты самое удивительное чудо в этой деревне. За тобой никогда не скучно наблюдать.

Эстела ошарашено уставилась на него. Он назвал её чудом! ТАК назвать её не додумался бы ни один мало-мальски здравомыслящий человек. Её называли шпилькой, сорванцом, язвой, дикой кошкой, но чудом!.. У Эстелы все мысли смешались.

С трудом взяв себя в руки, она попыталась спросить в прежнем язвительном тоне, но вместо этого в её голосе явно прозвучала растерянность:

– И что может быть интересного в том, как я стираю или подаю еду?

– О, это очень занимательно. Ты всегда стираешь так, словно воюешь с врагом и с каждым ударом стремишься выколотить из него жизнь. Прямотаки с остервенением.

– Правда? Никогда не замечала...

– А на стол подаёшь с таким видом, будто делаешь всем величайшее одолжение. У тебя всегда при этом прямая горделивая осанка и стальной взгляд, подобный клинку. Посетители не осмеливаются лишней раз шевелиться в твоём присутствии из опасения, что ты проткнёшь их своим взглядом, как муху булавкой.

– Не может быть, – недоверчиво сказала Эстела.

– Может. Просто ты за собой не замечаешь – думаешь всё время о чём-то своём. Знаешь, когда я наблюдаю за тобой в такие моменты, я представляю, как прекрасно ты смотрелась бы в бою: на коне, в кольчуге и с мечом в руке. Этакая бесстрашная дева-воительница, все враги от тебя бы в ужасе разбежались. В такой обстановке ты выглядела бы гораздо уместней, чем здесь. Тебя переполняет буйная энергия, а выплеснуть её тебе некуда.

– Предлагаешь мне пойти повоевать?

– Я ничего не предлагаю. Я просто восхищаюсь тобой.

Эстела окончательно растерялась.

– Но я же... я же грублю тебе постоянно!

– А с чего ты взяла, что я хочу уважительного обращения, постоянных поклонов и рабского подчинения? Мне всё это уже осточертело. Ты мне потому и нравишься, что высоко держишь голову и обращаешься со мной, как с равным себе. Рядом с тобой я чувствую себя человеком, а мне как раз этого и недостаёт.

– Чувствовать себя человеком?

– Да. Потому что тогда я перестаю ощущать себя одиноким.

– А ты одинок?

– Безмерно. Настолько, что иногда от тоски выть хочется. На самом деле, если честно, только поэтому я бегу из своей Долины сюда, в Эльдананд.

И такая при этих словах тоска была в его взгляде, что Эстелу остро кольнула в сердце жалость. Она с другой точки зрения посмотрела на происходящее и перестала от него бегать. Теперь они частенько сидели вечерами, когда Эстела освобождалась от работы, то на крыше конюшни, то на берегу речки и болтали обо всём на свете. Дракон столько всего знал и так увлекательно мог рассказывать, что Эстела, слушая его, забывала обо всём. Она даже забывала вредничать и вела себя как все юные девушки.

Сколько это продолжалось – неизвестно: Эстела совершенно потеряла счёт времени. Только в одно прекрасное утро вдруг с ужасом осознала, что влюбилась по уши. И в кого! Целый день провела в душевных метаниях, избегая его, и под вечер решила прекратить эти отношения во что бы то ни стало. Слишком далеко всё зашло – не следовало этого допускать. Это же чистое безумие! Она и... ОН.

Решительно направляясь вечером на берег речки, чтобы заставить его уехать, она с ужасом размышляла, как же её угораздило в него влюбиться. И пришла к выводу: это потому, что он не похож на других людей. Нет, в физическом плане он от людей ничем не отличается, по крайней мере, Эстела этого не заметила. Да и думает он, как люди. Но он всегда вёл себя с Эстелой не как все знакомые ей мужчины: не приставал, не разделял взглядом, ничего не требовал от неё и никогда не оборачивался вслед каждой юбке. Эстела вообще не видела, чтобы он замечал какую-нибудь другую девушку. Ей, не привыкшей к мужскому вниманию, было так приятно, что хоть один мужчина из всех окружающих его женщин замечает только её. И какой мужчина! Ну, как тут было не влюбиться?

Эстела тяжело вздохнула. Она не представляла, как сможет с ним расстаться. Но их отношения ничем хорошим закончиться не могут. Кто он – и кто она? Разница огромная! Лучше расстаться сейчас, потом ещё больнее будет. С этими думами она вышла на берег речки и остановилась. Он стоял впереди, к ней спиной, опустив голову – во всей его фигуре, в опущенных плечах ощущалась какая-то беспомощность, словно он не знал, что делать. Эстела почувствовала, что её решимость тает. Надо бежать, пока он её не заметил. Но было уже поздно. Почувствовав её присутствие, он резко обернулся и стремительно подошёл к ней. Его глаза заблестели.

– Эстела! Ты пришла, а я уже боялся, что ты решила меня бросить.

– Я... – начала было Эстела.

– Не бросай меня, прошу тебя! Ты мне так нужна! Ещё ни одна женщина за всю мою жизнь не завладевала моим сердцем и душой настолько, как ты. А моя жизнь была очень долгой.

– Но я... – сделала ещё одну попытку Эстела почти жалобно. Её решимость стремительно таяла под его сияющим взглядом.

И тут он сделал вещь, от которой все приготовленные слова моментально вылетели у неё из головы. Он поцеловал ей руки! Осторожно так взял в свои и легонько поцеловал обе. Ещё ни один мужчина не целовал ей рук! Словно она благородная дама, леди... Мысли у Эстелы вмиг разбежались – она стояла, растерянно глядя на него. А он взглянул ей в глаза и вдруг серьёзно спросил:

– Скажи, ты меня любишь? Хоть немножечко?

– Люблю... – прошептала Эстела, начисто забыв, что не собиралась ему этого говорить.

Он облегчённо вздохнул, словно с его души тяжесть сняли, и поцеловал её в губы. Эстела обречёно подумала, что сопротивляться ей совсем не хочется, а надо бы, если трезво подумать. Но трезво рассуждать она была уже не в состоянии. Ну, что она могла с собой поделать, если ей хотелось этого?! Хотелось больше всего на свете... И не было ничего удивительного в том, что через некоторое время они оказались в ближайшей рощице на траве в объятиях друг друга, разбросав одежду где-то по пути...

Проснулись они перед самым рассветом оттого, что замёрзли. Дракон взглянул на дрожащую Эстелу, обнял её и сказал:

– Давай, согрею.

Эстела, взяв себя в руки и снова начавшая трезво мыслить, сказала: «Нет!» – и попыталась вырваться.

– Успокойся, глупая! – воскликнул он, удерживая её. – Не трону я тебя, если ты не захочешь! Я же магией предложил согреться! А ты о чём подумала?

Эстела затихла и перестала вырываться. Он закрыл глаза, и вокруг них воздух стал стремительно теплеть, пока не стало почти жарко. И сам он стал очень тёплым. Эстела начала отогреваться и расслабляться. И тут он вдруг спросил:

– Почему ты сбежать хотела? Даже если бы я и по-другому предложил согреться, ведь всё уже случилось – чего теперь бояться-то? Или ты уже жалеешь о том, что произошло?

– Не следовало этого допускать, – глухо сказала Эстела. – Я пришла вчера, чтобы сказать, что нам нужно расстаться, а в итоге... я потеряла голову.

– Что-то я не пойму: ты меня любишь?

– Да! – с досадой сказала Эстела.

– Тогда почему...

– Потому что не выйдет из этого ничего хорошего! Я человек! А ты... Дракон. У нас разные пути и разные судьбы. Не может у нас быть ничего общего!

– Разве? – его глаза странно потемнели и стали какими-то отрешёнными.

Эстела испугалась неизвестно чего и заторопилась всё высказать:

– Мы принадлежим к разным расам. Наша любовь – это безумие! Мы слишком сильно отличаемся. Я – человек, моя жизнь коротка: мелькнёт, как вспышка, и погаснет. А ты – дракон, ты будешь жить ещё долго. Уже через каких-то сорок лет я стану старой и некрасивой, а ты останешься всё таким же молодым. И что тогда? Нет, я не хочу этого! Нам нужно расстаться. Будет больно, но так будет легче нам обоим. Уходи!

– Значит, ты всё уже для себя решила? – как-то обречёно спросил он.

– Да!

– Но ты кое в чём ошиблась и кое-чего не учла...

– Я не хочу ничего знать! Уходи!

– Боишься, что это поколеблет твою решимость? Но я всё же скажу. Ошиблась ты в том, когда причислила меня к другой расе. Моей расы не существует. В принципе. Я – один во всём белом свете. И если я не могу никаким боком причислить себя к людям, тогда я вечно буду одинок. Ты этого хочешь? Обречь меня на беспроектное одиночество именно теперь, когда я поверил, что, наконец, от него избавился?

– Не дави на жалость, – хмуро сказала Эстела, изо всех сил стараясь не поддаваться.

– Ладно, – его глаза ещё больше потемнели и стали похожи на предгрозовое небо. Эстела поёжилась под его взглядом, а он нарочито спокойно добавил:

– А не учла ты нашего ребёнка.

– Какого ребёнка?! – опешила Эстела. – Мы же были... вот только что... несколько часов назад... даже если и так, то определить это ещё невозможно. Как ты можешь это знать?!

– Да вот знаю. Маг я или кто?

Эстела ошеломлённо смотрела на него. Потом начала нервно ходить туда-сюда, ёжась от дуновений холодного утреннего воздуха по обнажённой коже и напряжённо раздумывая. Остановилась. Посмотрела на него и сказала:

– Даже если и так, это ничего не меняет. Ребёнку в любом случае нужна нормальная жизнь, как у всех: дом и друзья, шалости и игры, большие шумные праздники и так далее... Ты не можешь всего этого ему дать.

– Ты в этом так уверена? А ты не допускаешь мысли, что такая же жизнь нужна и мне самому? Что я тоже хочу жить, как все?

– Что за чушь? Ты не можешь жить, как все. Ты – не такой, как все! Ты – не человек!

Дракон печально посмотрел на неё.

– Я больше человек, чем ты думаешь, Эстела. И я имею на этого ребёнка столько же прав, как и ты. Это мой ребёнок.

– Я не позволю тебе его у меня отнять!

– Я и не собирался этого делать. Как же плохо ты меня знаешь. Но уходить из его жизни я не собираюсь.

– Я запрещаю тебе говорить ему, что ты его отец! Не лишай его покоя! Пусть он живёт обычной жизнью, как все дети.

– Ты не можешь мне запретить. Ты можешь изгнать меня из своей жизни, но не из его.

– А я тебе запрещаю! Не смей вмешиваться в его жизнь, иначе я тебя возненавижу!

Он молча развернулся и пошёл прочь, не желая продолжать этот бессмысленный спор.

– Слышишь? Не смей!

Он остановился. Обернулся. Долго смотрел на неё. В его глазах мелькали тени непонятных эмоций. Наконец, печально сказал:

– Если будешь несчастна, вспомни – это ты меня бросила, а не я тебя. Я просто тебя любил. И не пеняй на судьбу: судьба давала тебе в руки счастье, а ты, испугавшись трудностей, выкинула его и растоптала. Прощай.

Он развернулся и вдруг начал стремительно превращаться. Это зрелище не было отвратительным. Его окутала лёгкая, светящаяся зелёным дымка, контуры тела поплыли, и он стал стремительно увеличиваться в размерах. Не намного. Всего раза в три побольше человека. В высоту. И ещё столько же в ширину. Потом дымка исчезла, и в первых лучах встающего солнца во всей красе предстал Золотой Дракон – такой яркий и красивый, что у Эстелы дух захватило. Он повернул голову на длинной шее и в последний раз взглянул на стоящую обнажённую девушку, словно стремясь запечатлеть её в памяти. Взглянул такими знакомыми до боли зелёными глазами, умными и печальными. Потом отвернулся, взмахнул крыльями и взмыл в воздух. Порывом ветра Эстелу чуть не сдуло. Она удержалась за куст и, когда ветер утих, взглянула на небо. Дракон стремительно набирал высоту и улетал в сторону гор. Несколько секунд Эстела могла любоваться потрясающим зрелищем летящего дракона, потом он стал почти не виден, только золотистая искорка на востоке в лучах солнца. «А ведь могла бы сейчас лететь на его спине навстречу солнцу и наслаждаться видом с высоты и свежим ветром в лицо», – как-то отрешённо подумала она с щемящей тоской в сердце. Потом поёжилась от холода и вспомнила, что ещё не одета. Во время их спора она совсем забыла об этом. И опять замёрзла. «А в его объятиях было так тепло...» – она с трудом отогнала эту мысль от

себя и пошла искать своё платье. К тому времени, когда полностью оделась, она заставила себя не думать о нём и не сомневаться в своём решении. Но тяжёлый осадок в душе остался...

Дарья ОРШАНСКАЯ

Машенька

Маша шла по тротуару, стуча каблукочками. Было лето, а у Маши было отличное настроение: она наконец-то сдала экзамен и стала настоящей ведьмой.

Внешность у Маши была как у профессиональной ведьмы: черноволосая, зеленоглазая и худая, она была с ног до головы обвешана различными браслетами и кольцами. На шее у неё красовалась подвеска с фэн-шуевским изображением равновесия: две обнявшие друг друга капли. Она была небольшого роста – даже на высоких каблуках она казалась ниже большей половины прохожих.

В Содружество ведьм Маша попала абсолютно случайно. Просто однажды она пошла со своим парнем – теперь уже бывшим – на праздник в честь Дня города. По дороге молодые люди поругались, и Маша, разозлившись, отправилась домой. Она шла, не обращая внимания, куда идёт, до тех пор, пока не оказалась в каком-то узком переулочке с обшарпанными домами. Маша, несмотря на то, что родилась в своём родном городе семнадцать лет назад и считала, будто знает свой родной город, как пять пальцев, заблудилась. Она ни разу не была в этом месте.

Тогда было уже довольно поздно. Где-то за домами раздавался грохот фейерверка. А Маша не представляла, как ей выбраться из этого незнакомого места ближе к дому...

Спасла её незнакомая темноволосая женщина. Она сначала как-то странно посмотрела на Машу и сказала, что отведёт её на главную улицу, если та согласится сначала пойти с незнакомкой. Ей нужно было срочно показать Машу какой-то Наставнице...

Маша сразу же отказалась, заявив, что найдёт дорогу сама. Она повернулась и зашагала по переулочку. Она завернула за угол и... оказалась стоящей лицом к лицу всё с той же женщиной! Ничего не понимая, Маша попятилась, забежала под арку и опять оказалась рядом с незнакомкой! Поняв, что убежать всё равно не удастся, Маша вздохнула и решила довериться удаче, которая, если честно, редко её подводила, как не подвела и в этот раз.

От Наставницы Маша узнала много нового. Например, что настоящая ведьма рождается лишь один раз в десять лет. И что Сила у Маши огромная, и что встречается такая не чаще, чем раз в сто лет. В общем, Маша оказалась природной ведьмой.

Она легко научилась многим несложным фокусам, как-то: заговаривать бородавки, быстро отращивать ногти на руках, незаметно связывать узлом шнурки у ничего не подозревающих мальчишек... Многое она умела, но

всё по мелочи. На сильные заклинания у Маши не хватало времени и терпения. Впрочем, Наставница считала все могущественные заклинания опасными и не учила им никого. А Маша подозревала, что Наставница и сама не очень хорошо знает эти заклятия, или не знает вовсе. Поэтому и не обращала на это никакого внимания.

Тот фокус, которым огорошила её темноволосая Жрица в первый день их знакомства, был совсем прост. Назывался он развязкой времени, хотя и имел абсолютно противоположную суть. Время усилиями ведьмы сворачивалось в кольцо, возвращая подвергнувшегося заклятию человека в один и тот же миг. Этому заклинанию Маша выучилась в первые дни своих занятий с Наставницей.

В Содружестве не было мужчин. Когда Маша спросила об этом Наставницу, та презрительно ответила, что Сила мужчин очень слаба, или её нет совсем. Маша не поверила. И тогда Наставница объяснила ей, что огромная часть мужчин напрочь лишена магии. Маги-мужчины рождаются слишком редко и в большинстве своём вообще не знают о дарованной им Силе. Хотя, поколебавшись, добавила Наставница, бывает, что у мужчин проявляется такая Сила, о которой женщины не имеют понятия. Но такое происходит очень и очень редко. В истории зарегистрирован лишь один такой случай... Мерлин – один из великих магов, но и он владел больше умом, чем Силой... На логичный вопрос Маши, а кто же, если не Мерлин, владел такой огромной Силой, Наставница ответила, что это имя ей ничего не скажет, и продолжила занятия. Но теперь Маша чувствовала ревность... хоть и не знала, к чему. Просто она привыкла думать, что она сильнее всех магов, а теперь оказалось, что кто-то когда-то был могущественнее её... Мысленно обругав себя за свою глупость, Маша почти забыла о рассказе Наставницы.

Теперь она стала ведьмой. Но чтобы официально обрести Силу, ей нужно было пройти ещё какой-то экзамен. Наставница ни словом не обмолвилась о том, что ждёт Машу впереди, и это было странно. Обычно она всегда рассказывала своей любимице о следующем испытании.

Было лето и было жарко. Маше не хотелось садиться в душную маршрутку. Хотя топтать пешком было далековато, Маше ничего больше не оставалось... Да и прогуляться по улицам родного города, который в последние годы стал красивее и чище, было очень приятно.

Её встречали. Одна из Жриц стояла у двери, прислонившись спиной к косяку. Она выглядела очень уставшей.

– Ну, наконец-то, – воскликнула она хрипло, взглянув на затягивающееся тучами небо. – Обещают грозу с градом. А ты ещё и опаздываешь. Пойдём. Наставница уже ждалась.

В прохладном помещении Храма было полутемно и немного душно. Окна были завешаны тёмной тканью. В большой зале было пусто, только посередине был выложен круг из свеч, горевших ровным пламенем.

– Ну, вот и ты, – ворчливо донеслось откуда-то из-за завесы огня. – А я уже устала ждать.

Наставница поднялась на ноги и шагнула к Маше. Это была сухая и высокая пожилая женщина, в годах, но ещё не старая. У Наставницы не было детей, поэтому Машу она воспринимала как свою приёмную дочь.

– Прости, – выдохнула Маша. – Просто я ...

– У тебя сегодня важный экзамен, – хмуро прервала её Наставница. Жрица, поняв её настроение, тотчас же исчезла. – Сегодня тебе нельзя было опаздывать.

Маша опустила взгляд в пол. Когда Наставница злится, нужно молча воспринимать все её слова, какими обидными бы они не были.

Как ни странно, в этот раз Наставница не стала распространяться о Машиной несостоятельности, а, втянув воздух трепещущими, как у гончей, ноздрями, сообщила:

– Тебе сейчас придётся сделать выбор. От которого будет зависеть твоя последующая жизнь.

Маша удивлённо подняла глаза.

– Выбор?

– Тебе придётся узнать, кто ты такая... и зачем пришла в этот мир. И является ли мир, в котором ты находишься, твоим родным. Если на последний вопрос ты получишь утвердительный ответ, твоя жизнь будет такой же, как была до прихода сюда. Если нет – тебя ждёт долгий путь домой из того мира, где ты окажешься. Если, конечно, ты вообще захочешь вернуться сюда...

– Наставница... – растерянно пролепетала Маша.

– Ты должна пройти это. Я в молодости тоже совершала этот обряд. Тогда я попала в... очень далёкие отсюда земли. Я нашла дорогу домой и вернулась! В тот же миг, когда отсюда ушла. Это было непросто. Но я получила звание ведьмы и стала Наставницей. Все те, кто отказались, были с позором выгнаны и лишены официального звания... Я надеюсь, ты не хочешь быть одной из них?

– Но Наставница... – Маша уже начала понимать, какую авантюру затевает её учитель, и начала противиться этому. Однако Наставница не давала ей сказать ни единого слова против, прерывая Машу каждый раз, когда та пыталась открыть рот.

– Ты хочешь лишиться Силы? Хочешь стать как те жалкие колдуньи, что в частных салонах предсказывают судьбу по картам Таро, которые ещё ни разу ничего не сказали правильно? Хочешь гадать по руке, как те нищие цыгане, что побираются по площадям и вокзалам?

– А у меня есть выход? – угрюмо пробормотала Маша.

– Есть. Ты знаешь, – в голосе Наставницы вдруг появились тёплые нотки. – Настоящая ведьма должна пройти это. Она должна знать, где её корни. Выполнив ритуал, она станет лишь сильнее и опытнее.

Маша глубоко вздохнула. Разве не о звании ведьмы она мечтала с того момента, когда узнала, что обладает Силой?

– Что я должна делать? – спросила она.

– Все просто. Разденься и встань в выложенный свечами круг. После читай Песнь Забвения. Всё ясно?

Спустя пару минут Маша уже стояла в центре зала. Вокруг высился круг из свечей. Маше приходилось не шевелиться, чтобы не задеть ни одну из них. В воздухе запахло миртом и жасмином. Наставница приготовилась читать заклинание.

И тогда Маша воздела руки над головой. Чёрные волосы волной скользнули по обнажённой спине. Маша пела Песнь Забвения – одну из тех, что поют, помогая душе отделиться от тела и отправиться в бесконечный и бессмысленный полёт. За спиной неспешным речитативом говорила что-то Наставница. Сладковатые запахи кружили голову. Мелодия песни завораживала. И Маша почувствовала, что летит – летит куда-то вдаль, так высоко, как ещё ни разу не улетала она во сне. Ей не было страшно. Только почему-то было безразлично всё, что происходило вокруг неё. А душа пела, взмывая куда-то ввысь под звуки Песни Забвения...

...Кир сидел на табурете в дальнем конце зала. Такое уж было условие: не-маги могли присутствовать на ужине, но обязаны были находиться в самом дальнем, плохо освещённом углу, там, где их никто не замечал.

Кир с детства мечтал стать магом. Он вырос сиротой. Колыбель с мальчиком подбросили в приют поздней ночью; никто не видел, кто это сделал. И Кир воображал себя то сыном великого правителя, то отпрыском известной купеческой семьи. В своих мечтах он был и всемогущим магом, и богатейшим из смертных, и храбрейшим из героев всех земель – от северных и до южных.

На самом же деле всё было куда проще и неинтересней. Его, Кира, одним из немногих отдали в Школу магов – но не в качестве ученика, а в качестве прислуги, которой в Школе вечно не хватало.

В первые дни своего пребывания в Школе Магов Кир старался чаще показываться на глаза Ирину – директору Школы и Верховному магу, а вдруг он да обнаружит в старательном мальчишке какой-нибудь скрытый магический талант? Но время шло, а отношение Верховного мага к Киру не менялось ни на йоту. И тогда Кир отстал, наконец, от Ирина.

Вчера Киру исполнилось восемнадцать лет. По законам страны, где он жил, со времени наступления восемнадцатилетия человек считается совершеннолетним. Он уже начал подумывать о смене места работы, но пока никто не мог предложить ему что-то лучше того, чем он зарабатывал на жизнь в течение вот уже трёх лет.

Ученики уже заканчивали трапезу. Как же разочаровался Кир в мире магии за те годы, что работал в Школе! Если бы он знал, что все маги – вредные зазнайки, он бы никогда не стал работать в этом месте. Отказался бы. Наотрез.

Были, конечно, и исключения. Были в Школе по-настоящему умные и мудрые ученики. Но таких единицы...

Кир вздохнул и поднялся со своего места. Нужно убрать посуду и отнести её на кухню, а после выскоблить и без того чистый деревянный пол. Но делать что-то не хотелось. Хотелось сесть у огня и уснуть...

Он уныло принялся собирать со стола миски. Вот ведь кому-то повезло! Они обладают магической силой, они знают и понимают законы природы. А он, Кир...

Что он умеет делать, кроме как мыть посуду и до блеска выскребать грязные котлы?

...Спустя пару часов Кир, наконец, освободился от ненавистой повседневной работы. К этому времени уже взошла луна, звёзды мириадами призрачных светлячков мерцали на безбрежной синеве неба. Ученики что-то обсуждали; одни сидели, уткнувшись в книгу и не оглядываясь по сторонам, другие кричали на своих собеседников и размахивали руками, творя в тёплом сухом воздухе комнаты многокрасочные иллюзии.

Киру вдруг почему-то стало грустно. Среди этого шума и гама места для него не находилось. Остальная прислуга, шепчась, расходилась спать. Несколько мужчин, набив трубки табаком, отправились курить. Кир не переносил запах табачного дыма, однако всё же решил тоже немного постоять на крыльце. Но он не хотел разговаривать с остальными мужчинами, поскольку, не смотря ни на что, они всё ещё считали его неоперившимся юнцом, каким он был когда-то. Поэтому он тихо выскользнул самым последним и решил обойти Школу кругом.

Ночной воздух, напоённый ароматами цветов, подействовал на него успокаивающе. Кир уже почти смирился с тем, с чем раньше был не согласен, почти стал частью окружающего его ночного мира, почти влился в безукоризненную гармонию темноты, как вдруг он увидел...

Кто-то или что-то лежало под раскидистым тополем, растущим почти у крыльца Школы. Подойдя поближе, Кир обнаружил, что это человек. Да, человек... Девушка, совсем молодая, почему-то без одежды... Она лежала ничком, её длинные чёрные волосы разметались по траве.

Кир нахмурился. В Школе учениками были лишь юноши – считалось, что именно мужская магия наиболее чиста и сильна. Нет, конечно, здесь были посудомойки и поварахи, но все они были уже в возрасте. Молоденьких девушек на кухню не принимали...

Откуда же она взялась? Дышит ли она? Да, дышит. Ворота в Школе – волшебные, просто так через них пройти никто не сможет...

Кир укутал девушку своей курткой. Что делать дальше? Его рука случайно коснулась лба девушки. Кир, вздрогнув, отёрнул ладонь. Лоб был ужасно горячим.

...Скрипнула дверь кухни. По ступенькам грузно спускалась женщина-повариха, держа в руках бадью с отбросами.

У Кира будто гора с плеч упала. Теперь всё будет в порядке!

– Эй! – замахал он рукой. – На помощь! Тут человеку плохо!

– Да что же это такое творится-то, – запричитала повариха, бросаясь к Киру. – Подруга твоя, что ль? – Кир отрицательно мотнул головой. – Бедняжечка, вся горит... Ну-ка, помоги-ка мне. Бери её на руки и неси ко мне в комнату. А я пока за чародеем-травником сбегая... Он быстро любую хворь вылечит. Только не смертельная была б...

Кир, молча кивая, шёл следом. От этой шумной, громкой и доброй женщины исходила такая уверенность в том, что ничего плохого случиться просто не может, что он сам обрёл веру. В себя, в свои силы, в то, что симпатичная незнакомка будет жить – и жить долго.

Когда Кир нёс девушку через коридор, прилегающий к гостиной, все маги, каким-то звериным чутьём уловив, что запахло жареным, оторвались от своих занятий и принялись глазеть на Кира. Кир почувствовал, что его бросает в жар. Девушка не была тяжёлой, нести её было довольно-таки легко. Он постарался закрыть незнакомку своими руками от этих назойливых взглядов, защитить её от молодых колдунов, которые, впрочем, почти сразу же вернулись обратно в гостиную, к своим прерванным спорам и диспутам. Хотя двое или трое всё-таки остались стоять в дверях, жадно глядя вслед Киру. Но тот уже не смотрел на них. Его взгляд был обращён к Мастеру Трав и Зелений, который через весь коридор нёсся к парню.

– Жива? – осведомился Мастер, шумно переводя дух. Мастеру было уже лет под сорок. Это был плотный, но не толстый мужчина, одетый в свои любимые цвета: зелёный и коричневый. – Неси её сюда, – он открыл дверь какой-то полутёмной комнаты, и Кир почти сразу вспомнил, что это лазарет. Или понял – по запаху, царящему внутри.

Он осторожно опустил девушку на кровать. Длиннополая куртка сползла с груди незнакомки, заставив Кира покраснеть. Он поспешно сдёрнул свою куртку с девушки и, не глядя, накрыл больную одеялом. Мастер, стоя неподалёку, смешивал в глубокой круглой плошке какие-то травы, и у Кира появилось, наконец, время рассмотреть девушку как следует.

На первый взгляд это был ещё совсем ребёнок. Румяные щёки, загорелая кожа и длинные ресницы делали девушку похожей на куклу – такую, какими играют купеческие дети. Девушка была какая-то трогательно-беззащитная. Такую хочется оберегать, как пламя свечи от ветра.

Подошёл, наконец, Мастер. И тут же нахмурился.

– Странно, – сказал он. – Очень странно. Здесь нужно будет посоветоваться с Ирином... Послушай-ка, парень, а где ты её нашёл? Повариха прибежала ко мне, кричит, что там ребёнок умирает... Я, не уточняя, помчался сюда... и что увидел? Взрослую девушку, которая больна неизвестно чем, которая попала в Школу неизвестно как и которая обладает... хм... неважно...

– Я нашёл её под деревом, – сказал Кир, посчитав монолог Мастера законченным. – Она лежала рядом с выходом из кухни. Повариха вышла, и я позвал её на помощь.

– Это всё? – спросил Мастер, смотря Киру прямо в глаза. Кир кивнул, чувствуя себя полным идиотом. Он не любил, когда ему смотрели в глаза, он не умел вынести этого, а маги Школы умели проникать в душу, как никто другой.

– Хорошо, – сказал, наконец, мастер. – Большое тебе спасибо... Можешь идти, дальше, я думаю, мы разберёмся без тебя.

Кир, пятясь к двери, кивнул. Он, не отрываясь, смотрел на девушку, закрывая за собой тяжёлую створку двери.

...Маша очнулась, как от толчка. Только что она стояла в сооружённом Наставницей кругу. Или это было не так недавно? Может быть, с того момента прошли дни? Недели? Месяцы? *Года?*

Века?

В полутёмной комнате, где была Маша, пахло какими-то неизвестными травами. Кровать, на которой она лежала, была мягкой и удобной. Всё вокруг дышало спокойствием. Несмотря на это, Машу прошиб холодный пот. Куда она попала?

Внезапно как-то негромко и совсем по-домашнему скрипнула дверь.

Маша резко повернулась в сторону, откуда шёл звук, ожидая увидеть всё, что угодно, сотворив на всякий случай Запирающее заклинание.

На пороге стоял мужчина, которому было уже явно за сорок. Это был полный человек с пробитыми проседью тёмно-каштановыми волосами и большим, картофелиной, носом. Одет он был в какие-то зелёноватые болотные цвета. Даже плащ мужчины, доходивший до лодыжек, был тёмно-салатовым. От незнакомца исходил невыветривающийся запах лечебных трав. Так же пахло от одной знакомой Маше Жрицы...

Кто же тогда этот мужчина? Ведьмак?

...Вслед за незнакомцем в комнату скользнул какой-то парень, высокий и стройный. В руках у него был поднос с непонятными сосудами и тарелочками. Он аккуратно прикрыл за собой дверь.

Мужчина неспешным шагом подошёл к окну и распахнул тяжёлые ставни. Яркий солнечный свет залил комнату. А после этого он как-то очень просто прошёл сквозь сотворённое Машей заклинание. Парень попробовал шагнуть следом, но врезался в невидимую стену, едва не уронив поднос со своими драгоценными склянками. Недоумённо потирая лоб, он отступил назад, к окну.

– Как... как вы это сделали? – задыхнулась от удивления Маша, порываясь встать.

– Лежи, – мужчина надавил ей на плечи, заставляя лечь. Маша, не решившись спорить, опустилась на кровать, до подбородка укрывшись одеялом. Уголкем глаза она заметила, что незнакомый ей парень встал у окна и с любопытством смотрит на всё происходящее. Маша хотела было обидеться, но передумала. Уж очень симпатичным был парень... Даже красивым. У него были правильные черты лица, высокий лоб и прямой нос...

– Как ты сюда попала?

– А? – Маша, занятая собственными мыслями, не услышала слов мужчины.
– Хорошо. Давай сначала представимся. Я – Мастер Трав и Зелений. А тебя как зовут?

– Мастер – это не имя, – пробурчала Маша. – А своё имя ведьме говорить нельзя.

– Даже так? – почему-то улыбнулся Мастер. – А прозвище?

– Прозвище? – задумалась Маша. – Его нет... Ладно. Называйте меня... м-м-м... называйте меня Кошкой.

– Итак, Кошка, – Мастер ничуть не удивился придуманному Машей имени, – вопрос первый: как ты сюда попала?

– Как попала? – Маша, похоже, увлеклась разглядыванием парня, одиноко стоящего у окна. – Считайте, что с помощью магии.

– Замечательно, – Мастер дружелюбно улыбнулся, однако глаза его оставались спокойными и пронизательными. – Вопрос второй, самый сложный: кто ты такая?

Маша резко повернулась к Мастеру. Что он имеет в виду?

Поняв её смущение, Мастер пояснил:

– Ты находишься в Школе Волшебства. Здешние ворота заколдованы от внешних гостей. Даже прислуга не может так просто выйти отсюда. Ты же проникла сюда без приглашения, более того, даже без разрешения... И вот теперь я спрашиваю тебя: кто ты такая и какой магической силой ты обладаешь?

– Я ведьма, – пробормотала Маша. Как ответить на вопрос, ответ к которому ты ещё не подобрала сама? – А... я... вы не можете мне сказать, где именно я нахожусь? – под конец фразы голос Маши совсем упал. Она была растеряна.

– Хм, – если вопрос и смутил Мастера, внешне он этого никак не показал. – Наша страна называется Неллхаса. Наши маги известны везде, где ступала нога человека. Мы граничим с Королевством Эльфов и с другой страной, Аларонью, которая постоянно вступает в захватнические войны с другими государствами. Но нас они не трогают, так как мы заключили мирный договор, гласящий, что наши маги будут работать у них, а взамен они должны предоставить нам охрану от других стран и народов. В особенности от...

– Погодите. Вы сказали – эльфов?! – у Маши от услышанного закружилась голова. – Просто у меня такое ощущение, что я каким-то образом попала в сказку. Или в фантастический роман...

– Рассказать тебе всё, что ты просишь, за день невозможно, – Мастер поднялся с кровати. – И вообще, мучить нездорового человека разговорами, я считаю, кощунственно. Вот этот молодой человек, – он кивнул на парня, который при словах мага встрепенулся, – этот молодой человек будет с тобой вместо няньки. Можешь спрашивать у него всё, что захочешь. А меня прошу простить – меня ждут ученики. Поговорим с тобой завтра, Кошка.

Маша невольно вздрогнула, услышав непривычное ещё слуху прозвище. Мастер улыбнулся, заметив это, но ничего не сказал, лишь заметил:

– Это твоё заклинание... Уж слишком оно простое и не сможет задержать ни одного мало-мальски хорошего мага. Я тебя как-нибудь научу настоящему Охранному заклинанию. А этим не пользуйся, пожалуйста, чтобы не злить более старших и опытных магов. И вот ещё что... выйди на некоторое время на воздух. Тебе это будет полезно. Кир, – Мастер повернулся к парню, – ты всё понял?

Тот кивнул.

– А как же?... – начал он, но Мастер его прервал.

– Работа на кухне? Ничего страшного, на пару дней тебя кто-нибудь заменит. Теперь твоя работа – эта молодая особа. Ясно?

– Да, мастер, – кивнул парень с какой-то затаённой радостью в глубине глаз. Видимо, решила Маша, его уже очень достало то, чем он зарабатывает на жизнь.

Мастер, кивнув Маше на прощание, переступил порог комнаты, захлопнув за собой тяжёлую створку двери. Маша посмотрела на парня.

– Тебя зовут Кир? – спросила она.

Тот кивнул.

– Да. А ты – Кошка. Очень приятно. – Он отвернулся и зашагал к тяжёлому резному шкафу, незамеченному Машей ранее. Порывшись на полках, он достал какое-то тряпье, смутно напоминающее одежду, и тяжёлый тёплый плед.

– Держи, – протянул он ей тряпье. – Оденься, снаружи прохладно.

Задохнувшись от возмущения, Маша нашла-таки в себе силы заявить:

– Я эту фиговию надевать не стану.

– Но больше надеть нечего, – сообщил Кир и, поглядев на девушку кристально честными глазами, сообщил: – Я подглядывать не буду.

Девушка, назвавшая себя Кошкой, сидела на крыльце, совсем рядом с тем местом, где нашёл её Кир. Она, не мигая, в упор смотрела на ворота Школы. Киру было сложно понять, чем тяжёлые, окованные железом и медью створки могли заинтересовать девушку. Красотой ворота не отличались, они были чисто функциональной вещью: через них можно было пройти, за ними можно было скрыться, защититься от нападающего, но любоваться ими... Кир пожал плечами.

Он был рад, что его освободили от набившей оскомину работы на кухне. Следить за Кошкой было, может быть, не легче, но куда интереснее... тем более что девушка была безусловно красива.

Но вот Кошка поднялась с места. Кир встрепенулся, хотел было вскочить следом, но передумал. Ничего запретного Кошка не делала. Она всего лишь шла к воротам.

Вот она остановилась. Задумалась над чем-то. Вытянула вперёд руки. Может быть, Киру показалось, но в какую-то долю секунды он увидел, как между пальцами девушки промелькнула зеленовато-жёлтая молния.

Запахло дымом. Кир готов был поклясться, что молния ударила в створку ворот. Но, как бы то ни было, на воротах не осталось даже царапины.

– Эй! Девчонка! Ты что делаешь?!

Во двор выбежал один из учеников Школы. Кир знал его и тайком недолго любил. Ученика звали Ренно, и он был известен всей Школе, как талантливый маг и ужасный забияка.

Ренно тем временем подбежал к Кошке.

– Какого чёрта? – сквозь зубы спросил он.

Кир моментально вскочил на ноги. Что делать? Сбежать за Мастером? Или позвать кого-то из прислуги?

– Тебя не спросила, – звонко откликнулась Кошка.

– Ты кто такая? – будничным тоном, таким, каким разговаривают с младшим или слугой, спросил Ренно. – И что здесь делаешь?

Кир видел, как на лице Кошки появилась гримаса презрения. Ну нет, тут добром не кончится... Если Кошка выскажет всё, что у неё и так крупным шрифтом написано на лице... Кир, не колеблясь, подлетел к девушке.

– Она гостя Школы, Ренно, – выпалил он, пытаясь смотреть прямо в глаза будущему магу. Хотя раньше он не торопился ссориться с учениками. Прекрасно понимая, чем для него это может закончиться. – Мастер Трав и Зелый сказал мне присматривать за ней.

Ренно что-то прошипел сквозь зубы. Кир готов был поклясться, что тот выругался, но на своём родном сарремском. В Школу прибывали ученики из многих стран.

– Кто я?! – вдруг взбесилась почему-то Кошка. Размахнувшись, она влепила Ренно такую пощёчину, что тот едва не упал. Кошка тяжело дышала, её глаза горели. Похоже, она знает сарремский, запоздало догадался Кир.

Ренно прорычал что-то ещё, но уже в сторону, чтобы не слышала Кошка.

– Кто привёл её в Школу? – спросил он, повернувшись в сторону Кира, и тот с удовлетворением увидел четыре красных полосы на щеке юного мага. С чего это я так радуюсь, спросил он у себя самого. Ведь мы с Ренно даже не враги...

– Никто, – нейтральным тоном ответил Кир. – Все вопросы к Мастерам. Я всего лишь слепое выполнение их воли...

По лицу Ренно ясно было видно, что он думает и о Кире, и об учителях вообще.

– Я проверю, – неизвестно кому пообещал он и, развернувшись, зашагал к Школе. Киру хотелось плясать и смеяться. Ренно не привык, чтобы ему давали отпор, и вот, на тебе...

– Подлец, – прошипела Кошка.

– Зря вы так сделали, госпожа, – сообщил Кир, чувствуя, что по лицу против его воли расплзается улыбка. – Он один из лучших учеников, к тому же из знатного рода.

– Ну и чёрт с ним, – сказала Кошка и повернулась к Киру. – Какая я тебе госпожа! Не издевайся. А с этим проклятием рода своего я ещё разберусь.

Кир кивнул.

– Ты знаешь сарремский, го... Кошка?

– В жизни не слышала, – честно призналась та. И, уловив удивлённый взгляд Кира, добавила:

– А вот его слова насчёт того, кто я такая и кем была моя мать, я почему-то поняла. Не спрашивай, как и почему. Если честно, – вздохнула она, мне было бы интересно узнать, каким чудом я понимаю ВАШ язык. А уж с сарремским... – она махнула рукой. – А уж с сарремским как-нибудь потом разберусь.

«Мы – не такие... мы – другие...»

Чей-то голос, низкий и сухой, как шуршащие под ногами песчинки, настойчиво пробивался в уши. Маша оглянулась, но никого не увидела. Вокруг была темнота.

– Кто ты? – закричала она срывающимся голосом. – Выходи! Что тебе нужно от меня?!

Совсем рядом кто-то засмеялся. Почему-то именно этот смех придал Маше злости.

– Кто ты, чёрт побери?! – закричала она снова, но теперь уже смело и громко. – Трус! Хватит прятаться!

– Всё равно ты меня не увидишь, – лукаво прошептал хриплый женский голос прямо под ухом.

– А ты покажись! Посмотрим!

И тишина. А после – ощущение, будто падаешь в бесконечную ледяную бездну...

– Кошка!

Маша резко подскочила. На неё в упор смотрел Кир. В глазах его было беспокойство.

– Ты кричала во сне, – сказал он. – Что-то страшное приснилось?

Маша кивнула, не зная, что сказать. В ушах до сих пор стоял хриплый смех неизвестной женщины...

– Я в порядке, – сказала, наконец, она.

Маша жила в Школе уже вторую неделю. Каждый день к ней приходил Мастер Трав и Зелений, взявший, видимо, девушку под свою опеку. Кир, этот забавный симпатичный парень, уже давно стал привычным, как свет солнца. Хотя он и раздражал иногда Машу до безумия своим непониманием самых простых вещей, с ним всё равно было интересно поговорить. Просто поговорить ни о чём...

Благодаря Мастеру Маша научилась множеству новых заклинаний. Мастер гордился своей способной ученицей. Однако, кроме него, никто из преподавателей Школы не обращал на Машу никакого внимания. И Маша недавно узнала от Кира, почему. Если в её мире девушку уверяли, что магией владеют только женщины, то здесь всё было с точностью до наоборот. В Школе Магии учились только юноши от тринадцати до девятнадцати лет. Будущие маги. Волшебниц и ведьм в этом мире не было...

...Кир каждый день ожидал, что Ренно решится отомстить. Но почему-то ничего не происходило. Кир уже начал надеяться, что тот забыл всё или просто решил не обращать ни на что внимания. Однако на самом деле знал, что это не так. Ренно, этот отпрыск купеческого рода, никогда никому ничего не прощал. Даже тогда, когда приехал сюда впервые – тринадцатилетним мальчишкой, без друзей и образования, но с презрительной гримасой на лице и стремлением доказать всем, что он – лучший!.. Что на самом деле почти было правдой – Ренно числился в лучших учениках Школы как один из самых способных и старательных.

У Маши к Ренно сложилось стойкое чувство презрения. Но она была настолько уверена, что её магия сильнее магии Ренно, что ни о чём не задумывалась. Хотя стоило бы...

– Ну, как ты не понимаешь, – толковывал ей Кир, сидя за столом для игры в сквор. – Эта фишка ходит так. Сюда ты поставь её не можешь!

– Не знаю... И вообще мне эта игра не нравится. Она скучная! – Маша обиженно отвернулась. Далась ей эти фишки!

– Такая игра помогает развивать внимание. И ещё скоротать время, – пожал плечами Кир.

– Это неинтересно... я и дома в шахматы наигралась! Не спрашивай, что за игра, она ещё хуже, чем эта! Лучше расскажи что-нибудь!

– Например? – поднял брови Кир.

– О себе. Ну, где ты жил до того, как пойти работать сюда.

Кир насупился. Ему не понравилась новая тема разговора. Однако отказать Маше он не мог.

– Мне, вообще-то, нечего рассказывать, – сказал он, тщетно пытаясь придумать, как заставить Машу снова играть в сквор. – Детство я провёл в сиротском приюте. Никто не знал, кто мои родители. В приюте не было ничего интересного, уж поверь мне. А потом, когда часть детей отправляли работать в другие места, я стал слёзно проситься сюда.

– Почему?

– Не знаю. Может быть, потому что с детства мечтал стать кем-то большим, чем просто сиротой. Мне хотелось стать магом. Или принцем. Но, видимо, не суждено. А ещё в приюте было жутко скучно. Здесь, правда, не намного веселее, да и ученики такие вредные... Наверное, тогда я думал, что тут будет лучше.

Кир и Маша разговаривали в гостиной комнате. Здесь обычно было полно юных магов, но сейчас время было позднее, и все спали. Факелы на стенах уже давно погасли, в камине с негромким треском догорали поленья. Было тихо и уютно. В комнате было полутемно, и лишь рядом со столом, где сидели Кир и Маша, одиноко горела свеча. И Маша, и Кир пытались говорить потише, но иногда у них это плохо получалось.

Кир замолчал. Он вспомнил дом, где вырос, где было много грубых, вечно орущих детей... и почувствовал, что не прочь заглянуть туда, где прошло его детство. Такие мысли посетили его впервые и, надо сказать,

Кир немало им удивился. А Маша вспомнила свой дом, родителей и младшую сестрёнку, и только тогда поняла, как сильно по ним соскучилась. А ещё ей вспомнилась Наставница, черноволосая жрица и...

Откуда-то из коридора раздался резкий скрипучий звук. Кир и Маша одновременно подняли головы.

– Что это было? – шёпотом спросила Маша. Кир, нахмурившись, пожал плечами.

– Я пойду проверю, – сказал он. Маша тут же вцепилась в его руку.

– Я с тобой, – заявила она. На самом деле ей было немного страшно оставаться одной, но она, конечно, предпочла в этом не признаваться.

Кир молча кивнул и, стараясь шагать бесшумно, подошёл к лестнице. Внизу не горели факелы. В Школе было темно.

– Постой, – шепнула ему Маша. Прodelав непонятные пассы руками, она шепнула что-то себе под нос – и на её ладони появился блекло мерцающий в темноте шарик, словно сотканный из множества тончайших нитей света. Маша подняла шарик повыше. Огонёк оторвался от её ладони и медленно поплыл в воздухе. – Идём, – сказала Маша, и они двумя неслышными тенями заскользили по коридору.

В каменном мешке, каким и являлся на самом деле коридор, было настолько темно, что Кир не знал, чего ожидать за следующим поворотом. Если бы не огонёк Маши, он спотыкался бы на каждом шагу. В Школе царил тишина. Лишь хриплое дыхание двух людей, пробирающихся по коридору. И больше ничего...

У Кира мороз побежал по коже, когда он понял, что не слышит обычных ночных звуков: стрекота сверчков, вскриков летучих мышей... Ему стало казаться, что его уши заложили ватой, и теперь ничего не слышно. А может быть, он просто оглох? Кир прерывисто вздохнул, не услышав при этом звуков своего дыхания, и начал спешно придумывать, что бы такое спросить у Кошки, чтобы та не заподозрила, что ему страшно.

– Кир?

У Кира отлегло от сердца. Голос Кошки показался ему зазвучавшей в ночи прекрасной музыкой.

– Ну что ещё? – ворчливо спросил он.

– Ты ещё здесь? Не потерялся? – Киру показалось, что Кошка подавила смешок, но в этом он не был уверен. Темнота не позволяла ему разглядеть лицо спутницы. – Ты знаешь, – продолжала Кошка, – я думаю, что нам показалось. Пойду-ка я спать... а ты, если встретишь что-то страшное, ори во всё горло. Может быть...

Что там может быть, Киру так и не суждено было узнать. Потому что по коридору пронёсся громкий, полный боли крик.

– Что?.. – прохрипел Кир. – Что это было?

– Ох, не нравится мне всё это... – пробормотала Маша, взяла Кира под руку и негромко шепнула что-то. Крохотный шарик света погас, оставив после себя неприятный кислый запах. Коридор погрузился в темноту.

– Кошка!.. – голос Кира прозвучал испуганно.

– Ну?

– Там... в стене справа... должно быть окно! А снаружи горят факелы. Всегда горят!..

Маша послушно повернула голову вправо. Не было видно ни зги.

– А ставни?

– Что ставни? В Школе никто не запирает окна на ночь! – в голосе Кира звучал уже откровенный страх.

– Не паникуй раньше времени, – посоветовала спокойно Маша, хотя её внутри всё похолодело. Заклинание Тьмы, о котором ей рассказывала Наставница? Нет, не может быть! Слишком сложное, да, к тому же, чтобы выполнить его, человек должен иметь связь с тёмными силами. А если?..

– Кир!.. – его имя Кошка почти выкрикнула. Рука её настолько сильно сжала локоть парня, что тот вздрогнул.

– Что?.. – в отличие от Кошки, эти свои слова Кир почти прошептал.

– В этой Школе у меня один явный враг... Ренно! Ты давно его знаешь?

– М-м-м... – Кир замялся, не зная, что ответить на такой непонятный для него вопрос. – Я его, если честно никогда особо хорошо не знал...

– Не в этом дело, – Маша перешла на свистящий шёпот. Кир чувствовал волнение, исходившее от её слов. – У Ренно... есть тень?

В первый момент Кир хотел возмутиться. Нет тени?! Разве так бывает? Но после задумался... и почувствовал, как его пробил холодный пот.

– Кошка! Я НЕ ЗНАЮ!

Маша чертыхнулась.

– Здесь неподалёку есть факелы? – спросила она.

– Да... Нет... Не знаю, – растерялся Кир.

– От них может спасти лишь свет. До утра ещё далеко. Придётся поискать другой источник освещения...

Кир кивнул. Он НЕ ХОТЕЛ спрашивать у Кошки, от кого можно спастись лишь с помощью солнечного света.

– Здесь неподалёку кладовая. Там хранятся факелы, свечи...

– Веди, – Маша решительно сжала его руку.

– Так... если я не ошибаюсь, мы находимся почти в конце коридора... Нам прямо, а потом направо!

И они бегом припустились вперёд, уже не боясь упасть и ушибиться. Достигнув кладовой, Маша вновь зажгла огонёк.

– О, нет!

За дверью оказались лишь пара вымокших деревяшек, метла и огниво.

– Он всё предусмотрел, – прошипела Маша.

– И что теперь делать? – спросил Кир, но Маша его уже не слышала. В неверном свете зажжённого огонька Кир увидел гримасу, исказившую красивое Машино лицо.

– Выходи! – вдруг крикнула она так громко, что Кир вздрогнул. – Выходи, ты, трус, продавший душу Дьяволу! Неужели боишься? Боишься меня?

И Ренно не заставил себя ждать. Вдруг вспыхнувший яркий свет обрисовал стоящую посреди коридора фигуру в длинном плаще с капюшоном, брошенным на волосы. Маг молчал.

Кир поморщился от слепящего света, пытаясь разглядеть, кто скрывается под балахоном. Но в этот момент маг воздел руки над головой, и Киру показалось, что пол под ногами уходит куда-то вниз...

...Гул чьих-то голосов ударил в уши. Кир открыл глаза. Он стоял на круглом клочке пространства. Вокруг была темнота.

– Какого чёрта? – храбрясь, выкрикнул Кир. Он ощущал себя жуком, прочно сидящем на булавке в коллекции Мастера-травника.

Никакого ответа... впрочем, Кир этого и ожидал. Но непонятный хор голосов, льющихся со всех сторон, не стихал.

– Ну что, испугался? – злым смешком спросил чей-то голос. Чей-то? Ну конечно, это голос Ренно!

– Испугался? – переспросил Кир, не зная, что ответить невидимому собеседнику. Голоса смолкли, прислушались к разговору. – Я не боюсь тебя!

– Не боишься? Зря. А надо бы! Я ведь могу сделать с тобой всё, что хочу. Ты – никто без своей драгоценной ведьмачки! – голос зазвучал со злостью. Ага, задело за живое, догадался Кир.

– Где Кошка? – спросил он громко, чувствуя, как от звуков собственного голоса уходит прочь затаившийся в душе страх.

– Ты её больше не увидишь, – прошипел Ренно. – Она умрёт! Как и ты!

– Если бы ты хотел меня убить, ты бы не стал со мной сейчас разговаривать, – насмешливо сообщил Кир. И откуда только смелость взялась? – Говори, что тебе нужно!

– Нужно? – голос вдруг усмехнулся, и от этого смеха мурашки побежали у Кира по коже. Он вдруг понял, что Ренно и в САМОМ ДЕЛЕ может сделать всё, что угодно. Он ведь маг! Один из лучших в Школе. – Мне нужна твоя смерть, червь... Ну что ж... Игра началась! Отдаю этих двух людишек вам, верные мои слуги!

Тьма вокруг начала рассеиваться. Кир, наконец, смог увидеть, что происходит вокруг. И это ему не понравилось. Ой как не понравилось...

И он, и Кошка по-прежнему стояли в коридоре, в противоположном конце которого располагалась лестница. Но теперь проход к ней был закрыт десятками, а то и сотнями живых теней, простирающих руки к Киру.

– Нет! – выкрикнула Кошка. Она озиралась по сторонам, будто бы ища кого-то или что-то. Тем временем ближайшая тень подошла к Киру настолько близко, что тот смог её разглядеть...

У тени не было лица. Вместо него на шее топорщился непонятными складками комок постоянно меняющей очертания тьмы. Секунда – и на Кира смотрят глаза Верховного Мага, ещё секунда – и эти черты смываются, уступив чьим-то чужим, незнакомым и злым глазам...

– Кошка! – Кир почувствовал леденящий душу ужас, который явно заметила в его словах и его спутница. – Сделай же что-нибудь!

– Что? Что я могу сделать?! – Кир был почти удивлён, услышав в голосе медленно отступающей к стене Маши ярость. – Это же слуги Тьмы! Я не настолько пронизана светом, чтобы их усмирить! Даже моя наставница не смогла бы с ними справиться! В нашем мире считается, что ведьма – это женщина, обменявшая свою душу на невероятную силу. В нашем мире ведьма – нечисть, понимаешь?

– Ну и что? – прокричал Кир, отступая от теней, протягивающих руки к его лицу. Спина вдруг ощутила каменную кладку стены. Всё. Дальше отступить некуда...

– А с ними может справиться человек с чистой душой! Ясно? Ну, или какое-нибудь дитя природы вроде эльфа или гнома... у них в крови заложена ненависть ко всему... А-а!

– Кошка! – Кир метнулся в сторону, уходя от протянутых рук и пытаясь увидеть за спинами нападающих подругу. Не вышло. Весь коридор заполняла первозданная тьма.

Кир второй раз за вечер ощутил ярость. Ему вдруг стали противны все эти чёрные фигуры, словно сошедшие с доски по игре в сквор. Перед глазами почему-то мелькали искры. И Киру казалось, что эти искры вылетают из его ладоней.

Ближайшая тень вдруг замерла и повернула то, что было у неё лицом, к Киру.

– Пошла прочь, – тихо и отчетливо сказал Кир. – Убирайся с дороги.

И та вдруг послушно отошла, потащив за собой и всех остальных, стоящих рядом. Почему-то совсем не удивившись тому факту, что тени его слушаются, Кир шагнул к стене, откуда в последний раз слышал голос Кошки. Тени покорно расступались перед ним.

Кошка лежала у самой стены, свернувшись калачиком. Из правого плеча сочилась кровь, а лицо её было неестественно бледным. Кир, чья ярость исчезла сразу же при виде раненой Кошки, приподнял подругу за плечи. Та попыталась встать, но, ойкнув, упала на место. Тогда Кир поднял её на руки, как когда-то давно, и понёс к выходу. Он знал, что в Школе оставаться было нельзя. И, не представляя, куда идти, Кир вышел в ночную тьму, освещаемую лишь коптящими факелами. На него сразу же обрушились мириады ночных звуков, и, услышав их, Кир почувствовал, как груз последних часов падает у него с плеч...

Мастер Трав и Зелий, насвистывая, шёл по коридору. Утро было солнечным, во дворе Школы свистели птицы, и настроение у Мастера было превосходным.

Мастер направлялся к своей новой и очень способной ученице, Кошке, которая появилась в Школе непонятно откуда и как. Но, если честно, Мастеру было уже всё равно из какого далёка прибыла девушка. Мастер гордился девушкой и уже успел привязаться к ней, как к младшей сестре... или, судя по возрасту, как к дочери.

Мастер подошёл к двери лазарета, где так и жила в последнее время Кошка. Потоптавшись немного, Мастер негромко постучал. После минутной паузы

Мастер постучал ещё раз, но дверь ему так и не открыли. Тогда, забеспокоившись, Мастер толкнул посильнее дверь, и та вдруг распахнулась настежь...

Комната была пуста. Кровать Кошки, как и ни одна другая вокруг, не была тронута. Мастер, нахмурившись, захлопнул дверь и поспешил в гостиную, где, как он помнил, вчера вечером остались Кошка и Кир. Может быть, заигрались, забылись, или... да что угодно! Главное – найти Кошку...

В гостиной было пусто. Молодые маги ещё были на своих занятиях, никто из них с утра не заходил в эту комнату.

Мастер собрался было уходить, когда кое-что привлекло его внимание. Развернувшись, он пересёк комнату и подошёл к столу для игры в сквор.

На доске стояли фигурки, как будто кто-то играл и забыл их убрать. И многие из них были перевернуты, как будто люди, сидевшие за столом, уходили в спешке и нечаянно заделали некоторые из фигур.

Мастер Трав и Зелий тотчас же поднял тревогу. Но поиски не дали положительных результатов. Выяснилось лишь то, что вместе с девушкой по имени Кошка пропал и кухонный уборщик Кир...

– Когда они коснулись меня, я почувствовала боль... и холод одновременно. Как если бы я порезалась куском льда, а мелкие осколки остались в ране...

Маша лежала, спиной опершись на дерево, на плаще Кира, расстеленном прямо на земле. Сам Кир сидел рядом, осторожно перевязывая рану на плече Кошки. Он старался делать это очень осторожно, но всё равно по временам Маша сжимала зубы или ругалась хриплым шёпотом.

– Послушай, Кир, – Маша попыталась привстать, но Кир надавил ей на плечи, заставляя лечь. – Кир, а как ты это сделал?

– Сделал что?

– Победил их.

Той ночью Кир увёл из конюшни белоснежного жеребца Верховного мага, в чём сейчас почему-то абсолютно не раскаивался. После бешеной скачки в ночь и Маша, и Кир были настолько вымотанными, что, едва найдя подходящее место, легли и уснули прямо на голой земле, благо вокруг царило лето. Но, когда они проснулись (был уже вечер), обнаружилось, что рана Кошки совсем не такая пустяковая, как та уверяла вначале, и Кир, разорвав свою рубашку на лоскуты, принялся перевязывать плечо Маши. Сейчас, когда наступили сумерки, ему было немного холодно, да и давала знать о себе ночная мошкара, но Кир утешал себя тем, что Кошке сейчас, наверное, намного хуже, нежели ему.

Конь по кличке Алмаз преспокойно щипал траву, не обращая ни на что внимания. А Кир, взглянув на собирающиеся на небе тучи, подумал о том, что неплохо было бы найти место для ночлега.

– Ты не ответил, – нетерпеливо заёрзала Маша.

– Понимаешь, Кошка... – задумался Кир.

– Ой, ну не называй же хоть ты меня этим глупым именем! Меня зовут Маша. Ясно?

– Да, – Кир несколько удивлённо посмотрел на спутницу, продолжая, тем не менее, отвечать на заданный ему вопрос. – Понимаешь, Маша, я и сам не могу точно этого объяснить. Я им приказал, и они разошлись.

– Угу, – Маша исподлобья взглянула на Кира. – Классно! Он сказал, и они разошлись. У меня слов нет. А я ничего не смогла сделать...

Кир пристально взглянул на Машу: не обиделась ли та? Но Маша сидела, угрюмо смотря в небо. И Кир почувствовал: да, она обиделась, но только на себя одну.

– Я закончил, – Кир с сожалением кинул прочь остатки того, что раньше называлось рубахой. – Встать сможешь?

– Да, конечно, – Маша, цепляясь за Кира, поднялась на ноги. – Куда мы собрались идти на ночь глядя?

– Нам нужна крыша над головой, – объяснил Кир, лоя за уздечку Алмаза, который, лукаво кося бархатным глазом, пытался убежать прочь. – Собираются тучи. Не удивлюсь, если пойдёт дождь.

– Ну и куда мы пойдём? – нахмурилась черноволосая вредина. – Не будет никакого дождя... наверное. Всё равно, небольшой дождик ещё никогда никому не мешал.

– Небольшой. А будет не просто дождь, а гроза, может быть, с градом... Тем более что вон там стоит чей-то дом.

– Где? – вытянула шею Маша в указанном Киrom направлении.

– Видишь, среди деревьев огонёк мелькает? А теперь посмотри во-он туда. Видишь дым?

– Ну, вижу.

– Вот туда мы сейчас и пойдём. Да прекрати же ты бегать, скотина бессовестная! – не выдержал Кир. Конь радостно заржал и отпрыгнул за деревья.

– Ну как ты обращаешься с животными? Фи, да с таким красавцем по-другому надо. Ах, ты мой хороший, – Маша смело зашагала в сторону Алмаза. Тот, как ни странно, стоял на месте. – Иди сюда, милый мой... Не любит он тебя? Ну и чёрт с ним. Пойдём, а я тебя сеном угощу, или что там кони едят?... При случае, разумеется.

Кир, раскрыв рот, смотрел, как Маша преспокойно берёт строптивного коня за повод. Алмаз и не пытался убежать, преспокойно следуя за юной ведьмой. Та подошла к Киру и, самодовольно улыбнувшись, спросила:

– Так в какую сторону нам идти?

Вредное животное при этих словах фыркнуло, с ехидством косясь в сторону Кира.

– Иди за мной, – Кир зашагал сквозь лес, поставив себе в уме галочку сахара этому коню не давать! И морковки тоже. Пусть только попросит!

...Среди леса не было никакой деревни. Между деревьями стоял один единственный дом. И вид у этого дома был такой, будто бы он сейчас развалится.

Конь презрительно фыркнул.

– Привереда, – тут же отреагировал Кир.

Алмаз не ответил, но та-ак посмотрел на Кира, что тот понял: ни за что и никогда больше он не сядет на спину этому коню. Даже под угрозой смерти.

– Ой, ну что вы как малые дети, – усмехнулась Маша. Она поднялась на крыльцо и негромко постучала в дверь.

...Деду, открывшему Маше, спокойно можно было дать лет сто... если не больше, конечно. Маша посмотрела на жёлтое скукоженное, как сухофрукт, смуглое лицо старика и опешила: на неё с этого лица глядели очень молодые, совсем не подёрнутые старческой дымкой глаза.

– Добрый день, молодые люди, – приветливо улыбаясь своими узкими глазами-щёлочками, сказал старик.

– А... э-э... здравствуйте, дедушка, – нерешительно начала Маша. – Понимаете, дело в том, что...

– Вам негде переночевать? – каким-то чудом догадался старик. – Ага, и конь с утра не кормленный, а луговая трава – не еда для такого красавца... Ну, что ж, заходите. – И старик, повернувшись к Маше спиной, шагнул в полутьму домика. Маша, опешив, осталась стоять на крыльце, а Кир, пожав плечами, нерешительно шагнул за дедом...

...И тут же выбежал обратно с таким видом, будто бы увидел в маленьком домике как минимум царский дворец.

«Хотя, скорее всего, как раз наоборот», – решила Маша. Наверняка у старика в хижине просто жутко не прибрано, и именно из-за этого Кир вылетел оттуда как ошпаренный.

Размышляя подобным образом, Маша сама сделала шаг за порог... и едва не упала в обморок от увиденного ею. Просто она настолько не ожидала увидеть ничего подобного, что ей пришлось даже ущипнуть себя, чтобы поверить в реальность происходящего.

...В длинной комнате царил полумрак; свет исходил только от огромного камина, располагавшегося на противоположной стене от двери. Слева, у стены стоял большой аккуратный деревянный стол, уставленный всяческой снедью, рядом с ним возвышались резные стулья с длинными спинками. Под высоким потолком висели пучки различных лечебных трав, наполняющие комнату пряным ароматом. Рядом со столом высился деревянный шкаф, битком набитый разными книгами. И последний штрих – у камина, свернувшись клубком на мягком коврик, спала большая рыжая кошка.

– Ну ничего себе! – воскликнула наконец оправившаяся от шока Маша. – Как это всё сюда вмещается?!

– На самом деле, очень просто, – улыбнулся старик, появляясь рядом. – Хотя твои хоромы мне понравились куда как больше, – добавил он, обращаясь уже к Киру.

– А... ага, – только и смог пролепетать Кир, осторожно заглядывая в комнату.

– Хоромы? Что всё это значит?! Это ведь расширяющее колдовство, да? – требовательно спросила у старика Маша, которую на самом деле просто распирало от любопытства.

– Нет, не совсем, – старик махнул рукой, приглашая гостей за стол. – Здесь иное... Просто комната чувствует мысли людей и преобразует себя согласно их желанию.

– А почему она не... – начала было Маша, но старик прервал её.

– Нас здесь много, и поэтому я решаю, какой вид ей принять. Всё ясно? Есть ещё вопросы? Вижу, что есть... ну, может быть, сначала мы лучше поедим, а потом будем разбираться в тонких аспектах магии?

Никто не стал возражать на столь дельное предложение. И лишь тогда, когда все наелись до отвала, когда хозяин великодушно согласился покормить Алмаза, нетерпеливо переминающегося с ноги на ногу у крыльца, когда Кир сменил Маше повязку на руке, когда, наконец, ненасытный Алмаз отстал от старика, когда наступила поздняя ночь, старик смог уделить Киру и Маше минуту внимания. Хозяин быстро и как-то ненавязчиво сменил обстановку дома, поставив вместо стола и шкафа две кровати под пыльными пологам. Маша, чихнув, дождалась момента, когда старик увлечётся беседой с Киrom, и попробовала убрать эти пыльные тряпки. Она усердно представляла себе, как должна выглядеть нормальная комфортабельная кровать, но когда она открывала глаза, то видела тот же самый ужас с четырьмя столбиками.

– Послушай... а как тебя зовут? – краем уха услышала Маша, рассерженно чихая из-за поднявшейся пыли. Кир и старик сидели у камина, по-турецки скрестив ноги, и вели неспешную беседу.

– А какой вам толк от моего имени? – Маша, поняв, наконец, бесполезность затеянного ею, неслышным шагом подошла и села рядом. – Я же не спрашиваю ваших имён. Я – это я. Это всё, что вам нужно знать.

Кир удивлённо умолк. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием сучьев в очаге да хриплым мурлыканьем кошки, удобно устроившейся на коленях Маши. В ноздри бил запах сгорающих поленьев. Смешиваясь с царящим в комнате ароматом сушёных трав, он навевал что-то знакомое, что-то, что было в детстве, раньше известное, но давно забытое...

– А кто ты такой? – нерешительно спросила Маша.

Старик удивлённо поднял брови.

– Кто я? Для тебя это так важно? Видишь ли, сейчас я сам не могу с уверенностью ответить на этот вопрос. Когда-то ответ был прост и очевиден для каждого, и никто не стал бы спрашивать у меня, как моё имя... – старик лукаво покосился на Киру. – Но сейчас я умер. Умер для всех тех, для кого раньше я был и небом, и землёй, и ясным солнышком... Но остались и те, кто помнит. Да, когда вернёшься в свой мир, передавай от меня большой привет Анне.

– Привет... стой, в мой мир?! – опешила Маша. – Откуда ты...

– А вы подумайте на досуге, – усмехнулся старик. Маше в его голосе почудилась печаль. – Может, и поймёте. А нет – так спросишь у Анны, наставницы твоей...

– Я ничего не понимаю, – честно призналась Маша.

– Поймёшь. Со временем. Ну, утро вечера мудренее. Пора и спать. Ложитесь, дети. А я пойду вашего коня спать устрою.

Старик вышел, негромко хлопнув дверью. Кир и Маша удивлённо переглянулись и, пожав плечами, отправились, как им и было сказано, спать.

...Процессия прибыла в Школу поздно вечером. Привратник, дежуривший в холле с тех пор, как бесследно исчезли Маша и Кир, подскочив на своём месте, кинулся открывать. Мастер Трав и Зелий, которому не спалось, курил на крыльце у входа и видел прибывших во всей красе. Первым мимо подавшегося влево привратника проскакал всадник на чёрном коне. По одежде Мастер догадался, что это либо герцог, либо принц, либо – кто его знает! – и сам король. Следом на вороных конях во двор въехало ещё человек двадцать. Все они, включая человека в богатых одеждах, спешили. Мастер поспешил подойти.

– Добрый вечер, – сказал он приветливо, но без улыбки на лице. – С кем я имею честь разговаривать?

– Королевская экспедиция, – сообщил человек в богатых одеждах. Это был молодой мужчина лет двадцати–двадцати пяти, высокий, худощавый, со светлыми, разделёнными пробором густыми волосами. Его глаза были ярко-голубыми и очень властными. – Называйте меня Артуром. Без всяких титулов, – поднял руку он, заметив, что Мастер пыгается что-то вставить. – Мы прибыли издалека. У нас не так много времени, как хотелось бы, но этот вечер мы проведём в стенах вашей Школы. Все вопросы потом, а сейчас мне нужно знать главное. Где он?

– Простите?.. – поднял в удивлении брови Мастер.

– Мы ищем мальчика, которого привезли в вашу Школу несколько лет назад. Его имя Кир. В поисках его мы объездили всю страну. Мне нужно видеть его немедленно. Где он?

– Милорд, вы слишком торопитесь, – начал Мастер. – Зайдите в Школу, отдохните, я сейчас разбужу поваров, и они приготовят вам поесть и...

– Конечно, – терпеливо ответил гость, но в глазах его появился стальной блеск, показывающий, что сейчас с Артуром лучше не спорить. – Но сейчас мне важнее знать другое. Где Кир? – увидев, что Мастер замешкался, гость нахмурил брови. – Он здесь? – бросил гость резко.

– Он был здесь, – со вздохом признался Мастер. – До сегодняшнего утра. Он и одна девушка... Они исчезли. И никто не знает, куда они могли деться.

Гость поджал губы.

– Понятно, – сказал он. – Если вы не против, мои слуги отправятся спать. Они очень устали за день. Прикажите подать ужин. Могу я видеть директора Школы? Мне о многом нужно с ним поговорить.

...Вокруг царила осень. Жёлтый цвет был везде – и под ногами, и над головой. Но холодно не было. Как будто чьё-то дыхание согревало эти леса от мороза, заставляя людей снимать с себя тёплые вещи.

Маша шла по лесу, оглядываясь по сторонам. Дубы, клёны, ясени, тополя и лиственницы – все деревья были ей знакомы. Но росли они не так, как это обычно бывает, а рядами... будто чья-то гигантская рука посадила их так, повинувшись собственной прихоти. Ряд елей, дальше – ряд тополей... листья лились золотым дождем, падая с деревьев, кружась в воздухе...

...Маша подняла голову, всматриваясь в кроны деревьев, и, наконец, поняла, что же её смущало. У разных деревьев листья разного цвета – жёлтые, красные, бурые, малиновые... но здесь везде был только золотой цвет. И ни единого другого оттенка...

Маша вышла из-под сени деревьев на внезапно открывшуюся ей поляну. И, едва сделав шаг вперёд, тут же отступила.

На жухлой осенней траве лежал дракон. Одного цвета с опадающими листьями, он был бы незаметен, если бы не искры, вылетающие из его пасти и падающие на землю. Дракон был огромен. Его голова на длинной шее лежала на вытянутых передних лапах. И Маша чувствовала, что дракон болен. Ему плохо и очень больно... И откуда-то она знала, что в боли дракона есть часть её вины.

...Не сдержавшись, Маша подбежала к огромному зверю и обняла его за шею, шепча слова утешения... Дракон взглянул на неё. И столько было боли в этом взгляде, столько мольбы, что Маша почувствовала горячую слезу, медленно катящуюся вниз по щеке... До этого момента Маша вообще плакала очень редко, и почти никогда – искренне... Разве что в глубоком детстве...

– Я знала, что ты придёшь.

Маша резко обернулась. За спиной никого не было. Лишь падали листья, сносимые вниз с деревьев шаловливым ветром...

– Не ищи меня. Я повсюду. Ты не сможешь меня увидеть, пока... пока я сама этого не захочу.

Но Маша продолжала упрямо вертеть головой, выискивая ту, чей голос она уже слышала однажды во сне и – её не оставляло это чувство – не раз наяву...

– Ты меня не помнишь?.. – голос подождал, будто бы ожидая ответа. Маша молчала. Она обняла дракона и тихонько гладила его по голове. – Жаль... А я надеялась, что ты меня узнаешь.

– Кто ты? – тихо спросила Маша.

– Я? Я твой враг. Отчасти. И отчасти друг... Смотри как карты лягут, – голос хрипло хохотнул. – Я влезла в твои сны ради твоей же пользы, поверь мне. Но ты этого пока не поняла. Мы ещё встретимся с тобой, и не раз. А сейчас – смотри!

Маша упрямо взглянула вперёд, но ничего не происходило. И вдруг она ощутила, как нагрелась шея дракона. В ту же минуту поднялся ветер. Поднимая с земли мелкую пыль и сор, он бросил в лицо Маше облако песка. Та закашлялась и подняла руки, чтобы протереть глаза... А когда опустила их вниз, увидела на ладонях пепел. И вдруг почувствовала страшный жар...

...Она отскочила назад, всё ещё не понимая, в чём дело. И тут же догадалась, что горит дракон. Он, словно гигантская саламандра, извивался в пламени, появившемся из ниоткуда, охватившем землю и траву, а вместе с тем и его лапы. Дракон кричал, Маша слышала, как он молит о пощаде, но ничего не могла сделать... Она взглянула в жёлто-зелёные драконьи глаза и почувствовала боль и ярость. Ярость к тому, кто убил такое прекрасное создание.

– Я тебя ненавижу! – крикнула она в ясное светло-синее небо. – Слышишь, ты?! Ненавижу!!

...Ответом ей был короткий смешок, который, словно горсть листьев, ей бросил в лицо бродяга-ветер...

...Маша проснулась, чувствуя солёный привкус слёз на губах. Было ясное летнее утро, и солнечные лучи пробивались сквозь створки неплотно прикрытых ставней окна. Лучики отражались от стен, садились на мокрые ресницы, превращаясь в солнечные круги... Маша упрямо шмыгнула носом и вытерла слёзы краем лоскутного одеяла, чтобы никто не заметил того, что она плакала. Хотя, в общем-то, замечать было уже некому: в доме, на сей раз стилизованном под деревенскую избу, находилась одна Маша. И Кир, и гостеприимный хозяин куда-то ушли, оставив девушку в одиночестве. Где-то за стенами дома заржала лошадь. Алмаз, вспомнила Маша. Мы украли его из Школы... Вот же нам попадёт, если нас найдут...

Спрыгнув с кровати, она принялась лихорадочно одеваться, намереваясь выяснить, куда же все подевались. Но, не успела она подойти к двери, как та распахнулась, едва не ударив Машу по носу.

На пороге оказался Кир.

– Ой, привет! – воскликнул он, увидев, что Маша обиженно хмурится. – А мы с Обероном встали рано. Ему нужно было поставить в лесу ловушки для зверей, а я увязался за ним. Ну, как ты? Хорошо спала?

– Постой, постой, – не сразу сообразила Маша. – Вы пошли в лес – с кем?

– С Обероном, – терпеливо повторил Кир. Маша только сейчас заметила, что парень прямо-таки лучится от радости. – Он мне много чего рассказал и показал. И я теперь даже могу отличить водянку бледную от березняка...

– Таких растений не бывает, – прыснула Маша, аккуратно отодвигая Кира и спускаясь по ступенькам с крыльца. Откуда-то сразу же прискакал Алмаз и, дружелюбно фыркнув, потянулся к Маше. Та рассеянно его погладила, удивляясь про себя быстрой смене своего настроения. Только что она плакала, а сейчас хочется прыгать и смеяться... странно. Погода, наверное, так действует...

– Ещё как бывает, – пылко возразил Кир. – Березняк лечит от болезней почек, а водянка...

– От водянки, – ворчливо сказала Маша. – Ты его больше слушай. Мне Мастер Трав и Зелый рассказывал о многих травах, да и Наставница тоже, но вот ни о твоей водянке, ни о... как его там... подберезник?... ни разу не слышала.

– Березняк, – обиженно отозвался Кир. Маша села на ступеньку крылечка, отмахнувшись от Алмаза, наглым образом пытавшегося лизнуть её в нос. Кир, подумав немного, сел рядом.

– Знаешь, что меня беспокоит? Сейчас скажу. Кто он, наш гостеприимный хозяин? Колдун, Хозяин леса или просто леший?

– Не знаю, – ответил Кир, щурясь на солнце. – Мне больше другое интересно. Куда мы отсюда пойдём?

– То есть? – не поняла Маша.

– Ну, мы же не будем жить здесь вечно, да? И по лесу шататься я не привык... Ты знаешь, а мы ведь почти на границе нашей страны и Страны Эльфов.

Маша мгновенно обернулась к нему. Сонной рассеянности как не бывало.

– Ты сказал – эльфы?!

– Нет! То есть, да, я сказал, но... мы же туда не пойдём, я надеюсь? – строго спросил он.

– Ну, Кирюша, ну, пожалуйста... – заканючила Маша.

– Я кто? Кирюша?! Вот теперь уже точно не пойдём.

– Ну, пожалуйста... – молитвенно закатила глаза Маша. – Я же никогда в жизни живого эльфа не видела!

– Нет, ты не понимаешь... Ты же не из нашего мира, верно? – он вопросительно взглянул на Машу. Та кивнула. – Откуда-то издалека... Ты не знаешь, как относятся к эльфам люди и как они относятся к нам. У нас нечто вроде неписаного правила. Мы не лезем в их жизнь, а они – в нашу. Понимаешь?

– Они что, убьют нас, если мы пролезем через их границу?

– Вообще-то вполне могут, – кивнул Кир, хмурия брови. Такая перспектива явно была ему не по душе.

– Хм... ладно. Тогда что ты предлагаешь?

– Ну... можно добраться до ближайшего города, – начал Кир, – а там устроиться на работу...

– Что?! Слышать не желаю! Я не для того попадала в сказку, чтобы мыть посуду в какой-нибудь харчевне! И думать забудь!

– Ладно, – обиженно скривил губы Кир. – Тогда можно...

– Эй, молодые люди!

Маша и Кир одновременно подняли головы и увидели, что к ним спешит Оберон с настоящим зайцем в руках.

– Ну что? Обедать будем?

– Конечно! – воодушевился Кир, а у Маши при взгляде на несчастного зайца от жалости закружилась голова...

...Ренно слышал о том, что в Школу прибыли какие-то гости. Мало того, он видел их собственными глазами! Когда они шли по коридору, Ренно будто бы ненароком уронил сумку с книгами, взятыми в читальне специально ради этого случая. Гости прошли мимо, не удостоив его даже взглядом. Ренно сразу же запомнился высокий светловолосый мужчина. У

него был взгляд видавшего виды человека, и к тому же... внешне он очень напоминал того мальчишку, Кира. Ренно скрипнул зубами, нагибаясь за книгами. В ту ночь девчонке и Киру удалось скрыться, вернее всего, опять-таки благодаря той же ведьмачке. Но Ренно помнил обиду. Он вообще редко когда забывал что-то плохое. Хорошее – да, все добрые деяния окружающих исчезали из его памяти в мгновение ока. Но забыть причинённые обиды Ренно себе не позволял. И он мстил – всем и всегда. И в этот раз он не сомневался, что найдёт способ насолить сладкой парочке...

И вот эти гости. Он слышал, что они ищут Кира. Судьба будто бы сама помогала Ренно найти его!

За процессией шаркающей походкой, ссутулившись и от этого ещё больше напоминая старика, шёл Мастер Трав и Зелий. Ренно презрительно поморщился. Он не любил Мастера. Ему вообще не было знакомо чувство любви или уважения. Но он знал, что всё и все будут в его руках, когда он овладеет Знанием. А единственным путём к знанию являлись профессора. И он терпел их. Просто – терпел. Зная, что настанет день, когда все они будут подчиняться его власти...

И он знал, как сделать следующий шаг. Он уже просчитал свои действия на несколько шагов вперёд. Всё, что ему требовалось, – это немного везения...

Он знал, что приехавшим в их поисках понадобится хороший маг – если среди них такового не найдётся, в чём, если честно, Ренно и не сомневался. Все более-менее приличные волшебники носили на одежде знаки своих Школ – общепринятую символику, позволяющую отличить выпускников разных учебных заведений друг от друга. Этих знаков, разумеется, нельзя было найти на таких волшебниках-самоучках, которые отвергали школьное образование. Но таких людей Ренно за конкурентов не считал. На его руках и воротнике были вышиты серебряные молнии. А вот на вновь прибывших никакой символики не было...

За спиной Ренно из ниоткуда материализовался Ирин. Директор Школы любил неожиданные появления. Он всегда работал на публику...

– Добрый день, директор, – обернулся к нему Ренно с самым невинным выражением на лице. Ирин удостоил его кивком и не спеша отправился следом за исчезающим в конце коридора Мастером Трав и Зелий. Поэтому Ренно пришлось идти вслед за ним, пристраивая свой шаг к неспешному шагу директора. – Простите, а кто те люди, что прибыли в нашу Школу?

– Боюсь, что это секрет, Ренно, – директор смотрел вперёд, не достаивая своего ученика даже взглядом. – И я не имею права открыть его тебе.

– Простите, директор, я просто подумал, что вам не помешает и моя помощь, – аккуратно закинул удочку Ренно. И Ирин с готовностью проглотил наживку.

– Что ты имеешь в виду?

И тогда Ренно изложил директору свой план действий, убеждая своего собеседника в том, что без него, без Ренно, всё и вся полностью полетит к

чертям собачьим. Убеждать он всегда умел... И, кажется, Ирин поверил. По крайней мере, он сделал вид, будто заинтересовался, и после некоторых колебаний раскрыл своему ученику тайну прибытия в Школу не кого-то, а младшего наследного принца Северной Лесной страны, и то, какую роль в их планах играет Кир. И чем больше рассказывал ему Ирин, тем больше Ренно удивлялся и злился...

Кажется, старик всерьёз решил зажарить несчастного зайца. Нужно спасти беднягу, решила Маша.

Кир, расслабленно зажмурив глаза, сидел прямо на земле, опершись спиной на деревянную стену домика. Был полдень, грело солнце, не хотелось думать абсолютно ни о чём...

– Молодые люди, а можно я вам задам вопрос? – старик вышел на низенькое крыльцо. Связанный заяц остался лежать в полутёмной комнате. Маша бочком, делая вид, что ей ни до чего нет никакого дела, бочком протиснулась в дверь: спасти несчастное животное от такой незавидной участи, как жаркое.

– Да, конечно, – откликнулся Кир, тут же открывая глаза.

– А что вы собираетесь делать в ближайшем будущем? Нет, не подумайте, что я вас гоню, но поймите, что вечно оставаться здесь...

– Было бы по крайней мере невежливо, – глухо откликнулась откуда-то из домика Маша. – Знаем, знаем. Не представляю, что намерен делать Кир, а вот мне давно уже пора уходить отсюда... Я домой хочу, и вообще... Ай!

Машин вскрик потонул в грохоте переворачиваемой мебели. Из-за двери выпрыгнул заяц и с бешеной скоростью понёсся к лесу.

Из двери выглянула Машина голова с запутавшимися в волосах невесть откуда взявшимися палочками, соломинками и паутиной.

– Наглец, – нахмурившись, сказала она. – Я его освободить хотела, а он ещё и пинается... Так и ускакал с завязанными передними... Ой, то есть я...

– Освободила, значит? – Старик задумчиво посмотрел вслед убежавшему обеду и присел рядом с Киром. – А ну и ладно. Ты... знаешь способ покинуть этот мир?

– Я? Нет... пока нет. Но уж если его нашла Наставница, и, тем более, Жрица... Думаю, как-нибудь я справлюсь.

– Как справишься? – в голосе старика появилась какая-то странная напряжённая нотка. – Что конкретно ты...

– Не знаю, – угрюмо выдохнула Маша, прервав тем самым изливания старика. Она села рядом со всеми. Из-за угла неожиданно показался Алмаз; он подошёл к Маше и дохнул ей в затылок, надеясь привлечь внимание, но, так как та не обернулась, нервно взмахнул хвостом и отправился к дереву – поспать в теньке.

– Тогда как ты собираешься вернуться домой? – спросил старик. Повисла тишина. Маша сидела, уткнувшись взглядом в землю, и явно не собиралась ничего отвечать.

– Маш, – немного нервно сказал Кир, тем самым разорвав напряжённую тишину. – Понимаешь, я... Мне некуда деться, в Школу мне возвращаться нельзя, и я думал, что... я... в общем, не знал, что ты захочешь идти одна.

– Да, конечно же, я возьму тебя с собой, дурачок, – угрюмо ответила Маша, но в голосе её почему-то сквозила ласка. Будто бы она разговаривала со своим младшим братом, маленьким, но всё равно любимым. – Просто я не была уверена, что ты захочешь идти со мной на поиски... сама не знаю чего.

И опять все умолкли. Слышно было лишь посапывание задремавшего Алмаза да тихий шелест ветра в кронах деревьев.

– Просто я... Я думала, что всё будет иначе, – сказала наконец Маша срывающимся голосом. Кир удивлённо посмотрел на неё. – Ну, обычно ведь во всяких приключенческих книгах пишут, что... там же события происходят как-то сами собой, одно за другим, как бы вырастают друг из друга. И герою ничего не нужно делать или что-то искать, он просто идёт следом за своей Судьбой, зная, что с её помощью он, в конце концов, отыщет свою принцессу, победит всех драконов и завладеет огромным замком... Он может вернуться домой, но может и остаться в сказочном мире... В жизни же всё по-другому! Так не бывает! Я... я просто не знаю, что мне сделать, куда пойти, где найти того, кто укажет мне дорогу домой, понимаете? А мне почему-то очень хочется домой, я и не знала, что буду так сильно скучать по всем...

Голос Маши сорвался; она наклонила голову и закусила губу, чтобы не разреветься. Что-то не то с ней творится, никогда ещё она не чувствовала себя настолько уязвимой...

Старик глубоко вздохнул.

– Я не могу сказать тебе ни слова в утешение, – сказал он ровным, бесцветным голосом. – Но я расскажу тебе одну историю... Когда-то на свете жил один человек. Жил он как все остальные – не плохо, но и не хорошо. У него была работа, но не было семьи. У него было много знакомых женщин, но он искал чего-то другого, искал свою единственную и неповторимую...

И вот однажды, идя по улице, он увидел женщину. Она была обычной, не выделялась ни особой красотой, ни грацией, но, увидев её, человек понял, что нашёл именно ту, кого ждал всю жизнь. Он влюбился в эту женщину с первого взгляда. И то, что она была ведьмой, ничуть не охладило его пыл.

Он добивался внимания этой женщины долгое время. Та поначалу не обращала на нового ухажёра внимания, но через некоторое время проявила-таки интерес. В женихах этой женщины ходил какой-то высокопоставленный чиновник, и она не могла так просто с ним расстаться.

Когда человек понял, что его любовь взаимна, он решил сделать женщине предложение. Он пригласил её к себе, пообещав романтический вечер. Когда она пришла, то увидела горящие в полутьме свечи и красиво накрытый стол. Он подошёл к ней и спросил, будет ли она его женой. Она

ответила согласием. Но их хрупкому счастью суждено было разрушиться в тот же вечер...

Во время их ужина в дверь постучали. Влюблённые решили затаиться, сделать вид, что их нет, и покинули комнату. Они вышли на террасу, прилегающую к дому, и тут-то всё и случилось...

Какие-то вооружённые люди в форме окружили их. Вперёд вышел мужчина в дорогом чёрном костюме, которого невеста сразу же узнала. Их разговор был коротким. Он спросил, любит ли она его, а она сказала, что выходит замуж. Что ей сегодня сделали предложение. И посоветовала убрать пришедших боевиков из сада.

– Что же, это твой выбор, – сказал тогда человек в костюме и отдал приказ стрелять на поражение. Влюблённые испуганно отступили, когда их обступила толпа вооружённых людей...

– Да, это мой выбор, – выдохнула вдруг женщина. – Я во всём виновата, я знала, что так будет. Я должна всё исправить.

Человек смотрел на свою невесту и не узнавал её. Только тогда он в полной мере понял, как выглядит рассерженная ведьма...

Женщина прочитала заклинание, но что-то в этом заклинании у неё получилось неправильно, потому что ветер, подувший из ниоткуда, начал засасывать невесту куда всё, что было в саду – начиная слетевшей с деревьев листвой и заканчивая стоявшими на террасе людьми.

Старик замолчал. После ещё раз прерывисто вздохнул.

– Она не смогла остановить вихрь, а я не смог удержаться на ногах. Очнулся я уже здесь, на этой поляне, не в силах исправить что-то. Я много бродил по свету, пытаюсь вернуться, объяснить, получить объяснения, сказать, что люблю, услышать, что до сих пор любим... Но ничего не выходило, я старился, а когда состарился совсем, вернулся сюда, построил себе этот домик и стал жить. Однажды в грозу я спас от смерти одного мага, и тот, пока жил здесь, научил меня многому из того, что знал сам. В благодарность он наделил мою избушку возможностью превращаться в любой дом, с любой обстановкой. Иллюзорной, конечно... Но мне для счастья и этого хватало. Да нет, неправда... Мне другое нужно для счастья. Мне нужно ещё раз увидеть её, поговорить с ней...

Кир молчал, стиснув зубы, он глядел на старика, неожиданно открывшегося как бы изнутри. Кир много чего не понял из рассказа старика, но главное он осознал для себя и не стал уточнять детали.

Маша, низко опустив голову, изучала свои ладони.

– Анна, – наконец сказала она.

– Что? – не понял Кир. Старик поднял голову.

– Её ведь звали Анна, верно? Но я не понимаю... Как вы узнали, что я её ученица?

Кир непонимающе переводил взгляд с Маши на старика.

– Просто... уж очень ты на неё похожа. Те же привычки, манера говорить... Я подумал было, что ты её дочь, но потом понял, что ошибся.

Ты знаешь, я ведь тоже искал выход, но так и не смог найти. Может быть, тебе удастся... От того мага я слышал, что все тайны магии известны эльфам. Они могли бы помочь, если бы не были столь агрессивны к любому, кто не относится к их племени. Хотя и их можно понять: слишком долго люди боялись их и слишком много уничтожали из-за этого глупого страха...

– Ты предлагаешь нам отправиться к эльфам? – Кир подумал, что ослышался.

– Предлагаю. Но не заставляю. В конце концов, вам решать, куда пойти. Просто я хотел помочь...

Старик поднялся с земли и, ссутулившись, поднялся в свой домик. Кир и Маша молча глядели ему вслед...

...Над головой шелестели листьями дерева. Под ногами причудливо переплетались живым узором тени. Кир глубоко вдыхал живительную прохладу леса, наслаждаясь неповторимым запахом лета и свежести...

...Одно было плохо: то, что Маша пыхтела за спиной, как паровоз.

– Ты не можешь потише? – в который раз взмолился он.

– Не могу, – огрызнулась та, уже привычно смерив Кира обиженно-рассерженным взглядом. – Во-первых, духота невыносимая. Во-вторых, надоело уже всё! И лес этот без тропинок, и деревья... через них даже солнца не видно, между прочим! И вообще, я себе ноги стёрла! И как вы в такой обуви ходите?! Это же жутко неудобно!

Кир вздохнул, но предпочёл промолчать. А то опять заведётся, и не остановишь. Жаль, что коня пришлось у старика оставить, а то, действительно, ехать было бы удобнее. Но пробираться сквозь такую чащобу на Алмазе Киру бы не позволило простое чувство жалости. Хотя представив, как белоснежный красавец обдирает бока о шершавую кору деревьев, Кир мстительно улыбнулся и, ещё раз пожалев об оставленном коне, зашагал дальше.

Гостеприимный домик старика они покинули около часа назад. И за это время Маша уже успела устать, надо же... Хозяин проводил их, прощаясь, как с лучшими друзьями или родственниками, указав, куда идти и как добраться до эльфов, не угодив в трясину или канаву. Откуда у него такая информация Кир не знал, да и спрашивать было не очень удобно. Однако же, видимо, памятуя об отпущенном зайце, еды в дорогу старик им не дал. Кир попросить постеснялся, а Маша об этом даже не задумывалась. И теперь она шла, что-то тихонько бубня себе под нос.

– Вот ведь лес дурацкий, и как тут люди ходят? Эльфы в смысле... Нет, надо сюда хорошую бригаду асфальтоукладчиков, и срочно... А то уже заколебалась – то яма, то канава... А говорят, что только в России такие беды, ага, как же... Дураков, по-моему, везде хватает, а вот дороги в этой... как её... не важно, стране вашей... жуткие!.. Нет, ну вот если я ещё раз споткнусь... Ну всё, честно, я за себя не отвечаю... А-а! Нет, мне это надоело. Серьёзно. Кир!

– Ну что? – с готовностью откликнулся Кир, уже битых полчаса прислушивающийся к монологу Маши.

– Слушай, а может, тот старик ошибся? И нету тут никаких эльфов, а? Слушай, давай повернём назад, пока не стемнело. Может, ещё и дорогу обратно найдём... Нет, ну представляешь – ночевать под крышей, а не под этими дурацкими деревьями, а? – Кир не отвечал. – Знаешь, что я решила? Пойдём уж лучше в какую-нибудь деревеньку. Там и поесть можно, и я куда-нибудь гадалкой устроюсь. Буду людям за деньги будущее предсказывать? А что, так многие делают. Стыдно, конечно, но всё лучше, чем по лесам всяким шастать. Нет, мне правда кажется, что тут никто не живёт. Посуди сам – ни тропинки, ни дорожки, лес и лес кругом... Нет, ну ты представляешь себе, чтобы кто-то жил в таких антисанитарных условиях? А тем более эльфы? Слушай, а ты вообще точно уверен, что они есть? Потому что мне лично про них сказки рассказывали, когда я маленькая была. Щас, вспомню... Как же она называлась... Властелин чего-то-там-ой, мамочки!!!

Кир оглянулся на свою спутницу, тем самым неосознанно шагнул влево. И тут же понял, в чём дело, а поняв, похолодел от ужаса. В дереве, рядом с которым он только что стоял, качалась стрела. Она абсолютно бесшумно просвистела мимо и впилась в кору настолько глубоко, что вынуть её Кир не смог бы, даже если захотел.

– Кажется, мы пришли, – с трудом сглотив, сказал он. В кончиках пальцев как-то неприятно покалывало, в ушах звенело, а так, в общем-то, было всё в порядке. Если не считать чувства смертельного ужаса, конечно...

– Куда пришли? – не поняла Маша, с удивлением и некоторым сочувствием глядя на Кира, будто бы спрашивая у самой себя: а не тронулся ли он случайно умом?

– Эльфы, – с трудом сказал Кир. – Это эльфийская стрела!

– И где они? – кажется, Маша совсем не испугалась; она, наоборот, вертела головой во все стороны, высматривая сказочных существ.

– Не знаю, – Кир отступил к дереву; взгляд его, казалось, был прикован к торчавшей из ствола напротив стреле. – Эльфийские лучники... Их не увидишь до тех пор, пока их стрела не вопьётся тебе в горло, пока ты не услышишь последний стук своего сердца, пока не выдохнешь в последний раз воздух... И только тогда над тобой склонятся их беспощадные и красивые лица с глазами, сверкающими, как...

– Глупости, – звонко рассмеялась Маша. Кира передёрнуло. – Кстати, ты стихи писать не пробовал? Мне кажется, у тебя бы получилось... Эй, эльфы! Ау! Вы здесь?

Кир со страхом всматривался в качающуюся листву деревьев. Но лесные великаны молчали. Они не удивились словам девушки-чужестранки, и не рассердились, как этого боялся Кир. Они будто бы не заметили дерзости смертных, продолжая свой извечный разговор, прерываемый, разве что, приходом холодов...

– Здесь, – раздался за спиной насмешливый голос, ясный и звучный, как звон колокольчика. – А вот вас мы не приглашали...

Маша и Кир одновременно обернулись. Причём Маша восхищённо присвистнула, а Кир как-то странно позеленел.

Потому что на нижней ветке близрастущего дерева стоял эльф.

В общем-то, он был очень похож на человека, но был маленького роста и очень стройный. У него были странного вида остроконечные уши и прямые и светлые, почти белые волосы. У эльфа был маленький курносый нос, насмешливо улыбающийся рот и огромные глаза, которые и впрямь сверкали под густой тенью деревьев. Эльф стоял на ветке раскидистого вяза так легко и просто, будто бы его ноги опирались о землю.

– Пстой, – раздался холодный голос где-то рядом. – Мы и вправду их не звали.

Теперь Маша уловила лишь лёгкий шелест, когда рядом с первым эльфом очутился ещё один, вернее, одна. Это была красивая эльфийская девушка, с копной таких же светлых, но вьющихся локонами волос. У неё был ледяной взгляд, чем она Маше сразу же и не понравилась. В руках девушка держала заряженный лук, вернее всего, тот самый, от стрелы которого только чудом уклонился Кир.

– Занятно, – первый эльф ухмыльнулся и сел на ветку, закинув ногу на ногу. Похоже, всё происходящее забавляло его. – Люди не были в этом лесу уже много лет. Что же вынудило их изменить своим привычкам?

Маша оглянулась на Кира. Лицо его уже приняло нежно-салатовый оттенок. Похоже, ещё чуть-чуть, и парень грохнется в обморок. Придётся брать инициативу в свои руки...

– Здравствуйте, – начала она.

– Да уж спасибо, здравствуем, – последовал насмешливый ответ эльфа. Девушка-эльфийка, сжав губы, молча смотрела на Машу, не выпуская, впрочем, из рук своего лука. Это отнюдь не придало Маше храбрости.

– А... э... Нет, ну перебивать же просто невежливо! – Маша сама не понимала, что говорит. В ответ она услышала звонкий смех. Удивлённо подняв глаза, она увидела на дереве рядом ещё одного эльфа, темноволосого и гораздо более старшего на вид, чем те двое. Этот новый пришелец спустился вниз, к своим товарищам, и, усевшись рядом с ними, продолжал смеяться. Первый эльф вторил ему. Девушка же стояла, нахмутив брови; руки её едва заметно подрагивали. Вдруг она натянула тетиву, и стрела уткнулась прямо в лицо Маше.

– Ещё одно невежливое слово, – процедила она сквозь зубы, – и я больше не смогу удерживать эту стрелу. А ей очень хочется прикончить какого-нибудь смертного!

– Эй, эй, потише, – замахал руками первый эльф. – Ты же не хочешь, чтобы наши гости подумали о нас плохо? Продолжай, человек. Я слушаю.

Кир издал какой-то непонятный звук. А Маша почувствовала, что в ней медленно закипает ярость.

– Убери лук, – сказала она.

– Что?! – удивлённо вскинула ресницы эльфийка.

– Ты слышала! – сорвалась-таки Маша. Она давно уже не чувствовала себя такой злой... наверное, с момента разговора с Ренно. Разве она заслужила такое обращение? И если да, чем? Тем, что родилась человеком?! – Убери оружие, я сказала!

Губы эльфийки сжались. Она, не медля ни секунды, почти автоматически спустила тетиву.

Ни оба эльфа, ни Кир не успели ничего сделать. Хотя нет, Кир, кажется, даже умудрился вскрикнуть... Но Маша ждала этого и уже приготовила заклинание. Совсем простенькое, оно лишь заставляло предмет исчезнуть в одном месте и появиться в паре метров от него. Но иногда и этого оказывалось достаточно, чтобы вызвать шок. Так и сейчас Маша, расслабившись, заставила стрелу исчезнуть прямо у её носа, а после появиться уже за её спиной.

В наступившей тишине стрела негромко стукнула о кору дерева. Маша безмятежно улыбалась.

Первым тишину нарушил светловолосый эльф.

– Нет, малышка, – сказал он. – С этим твоим произволом пора кончать. Хочу – стреляю, хочу – не стреляю... Вот честное слово, расскажу отцу. Тогда узнаешь!

Эльфийка молча глядела на Машу. Взгляд её выражал удивление, лёгкий испуг, недоверие и обиду одновременно.

– Как ты это сделала? – совсем по-детски спросила она.

– О, очень просто. Я, видишь ли, ведьма, – простодушно ответила Маша.

– Интересно, – темноволосый эльф обменялся со вторым многозначительным взглядом. Светловолосый не спеша поднялся с места.

– Вы делаете забавные вещи, – сказал он, спрыгивая на землю. Он оказался выше, чем думала Маша, – его лицо было наравне с её лицом. Хотя, например, для того же Кира эльф был бы не выше подростка... – Моё имя Роллаон, а это моя сестра, – он кивнул головой на светловолосую эльфийку, – её зовут Лиллилион. Хотя лично я называю её просто Лин...

– Меня зовут Маша, – отозвалась девушка. Она почему-то сразу поняла, что назваться глупым прозвищем «Кошка» значило бы обидеть благородных эльфов. – А вон тот парень, – она с некоторым смущением обернулась к своему зелёному, как окружающий лес (маскируется он, что ли?) спутнику, – это Кир. Мы пришли к вам, чтобы...

– Нет, – темноволосый эльф мягко спустился вниз. В его движениях, в тоне голоса Маше почудилось что-то по-царски властное. – Все слова позже. Похоже, нам придётся нарушить все обычаи и пригласить вас в наше селение. Уж слишком вы нас заинтриговали. Идите за Роллаоном, он приведёт вас. Лин, – он добавил ещё несколько слов на непонятном звучном языке, и девушка-эльф покорно зашагала к нему.

– Эй, – подмигнул Маше Роллаон, – идите за мной. Вообще-то мы ещё никогда не приводили чужаков в наш посёлок... хотя нет, было такое –

когда подписывали соглашение... Слушай, а твой друг так и будет стоять как каменный или пойдёт с нами?

– Что за глупости? Он идёт. Кир! – но на парня её крик не произвёл никакого впечатления. Он так и продолжал стоять с выражением благоговейного ужаса на лице, не отрывая глаз от негромко совещающихся Лины и царственного темноволосого эльфа. Маше пришлось даже подтолкнуть его, чтобы тот сделал пару шагов вперёд.

– За мной! – крикнул ей Роллаон, шедший впереди. А Маша подумала, что всё же придётся ещё немного помучиться, шагая по лесу без тропинок...

...Когда объявили привал, Ренно уже начало казаться, что сейчас он сам упадёт на землю и никогда больше не встанет. Он неловко сел рядом с Артуром – так звали высокого светловолосого человека, главного в этой экспедиции. Весь день Артур носился на своём коне взад и вперёд, высматривая дорогу получше, приказывал, давал какие-то указания своим людям... Ренно ехал сзади, тщетно пытаясь разобраться в царившей вокруг него кутерьме. Непонимание простых основ походной жизни вызывало в нём угрюмое чувство злости. Весь день он с трудом удерживался на спине своего жеребца – за время, проведённое в Школе, он напрочь разучился держаться в седле. Но дал себе слово, что наверстаёт упущенное.

Краем уха прислушиваясь к разговорам, он выяснил для себя кое-что важное. Кира ищут по приказу короля, точнее, императора одной из близлежащих стран... Кажется, раньше она была огромной державой, но после войны с Аларонью раскололась на несколько небольших кусков. Родина этих людей звалась Серремом, а Артур, как оказалось – сын короля... старший сын от второго брака. Так-так, значит, есть ещё один? Не дай бог им окажется...

– Простите, господин маг, – услышал он прямо над ухом и поднял голову. Рядом стоял мужчина лет двадцати–двадцати пяти и чуть насмешливо кривил губы. Ренно в ответ презрительно нахмурился. – Вы случайно не голодны? А то мы только что приготовили еду. Хотя, наверное, вы можете наколдовать её себе сами, чтобы не остаться голодным...

В этот раз в голосе мужчины явно сквозила насмешка. Ренно, не отводя глаз, смотрел в его лицо. У мужчины были красивые чёрные волосы и небольшие усы, подкрученные вверх по последней моде.

– Если ты не замолчишь, – прошипел Ренно, – то захлебнёшься собственной кровью.

В глазах насмешника не мелькнуло даже удивления. Взгляд его оставался всё таким же ироническим.

– О, конечно, вы великий маг, – сказал он. – Идите, вас дожидается обед. Или вам помочь лёгким пинком?

Он заливисто рассмеялся над своей шуткой. А Ренно, прошипев себе под нос заклятие, стянул завязки его сапог одним узлом. Для начала. Просто ему не очень хотелось злить Артура до конца экспедиции, до того момента, когда они найдут ведьмачку и того мальчишку. А потом он им всё припомнит...

– Берегись, – сказал Ренно с жуткой усмешкой. – Ночи тёмные. А ты один.

Мужчина с такой же усмешкой и, тем не менее, небольшой долей удивления взглянул на него. А Ренно поднялся с места, мысленно пообещав своим Теням принести в жертву ещё одну душу. Чёрную почти настолько же, насколько была тёмной его собственная...

Где-то далеко, за лесом, ближе к горам, завывали волки. Ренно вздрогнул и взглянул на небо. Луна, чуть заметно сияя на небе своим бледным ликом, уже возвещала скорое наступление ночи. «А ведь скоро полнолуние», – подумал Ренно, и от этой мысли его почему-то бросило в дрожь.

День клонился к закату. Над головой неспешно шелестели листвою деревья, перешёптываясь о каком-то своём, только им известном секрете. Птицы свистели и кричали над головой, а мелкие мошки крутились перед носом. На небольшой полянке в самой гуще леса эльфы готовили большой костёр. Маша и Кир, приведённые сюда и оставленные следить за приготовлениями неизвестно к чему и скучать, сонно озирались по сторонам, изредка перебрасываясь парой фраз. Хотя нет, сонной выглядела одна лишь Маша, Кир же оглядывался по сторонам с такой скоростью, что девушке уже начало казаться, будто его шея вот-вот сломается.

– Блин, о гостях вообще не думают, – зевая, в который раз пожаловалась Маша.

– У них не бывает гостей, – далеко не в первый раз принялся объяснять ей Кир. – Они живут одни, как настоящие духи леса, и никого не принимают. Исключений немного...

– Что, они в гости даже друг к другу не ходят? – усмехнулась Маша. Они оба сидели на земле, прислонившись к раскидистому дереву. Эльфы же свободно порхали с верхних ветвей на землю и обратно; издали казалось, что они просто перелетают с места на место.

– Не знаю, – ответил Кир. Его глаза блестели. – Ты посмотри-ка, они надевают какие-то костюмы!

– Что? – Маша лениво взглянула вперёд. – Да действительно... Какие-то хламиды, сделанные из... травы? И цветов, да? Интересно-интересно, к чему это они готовятся? А знаешь что, Кир?..

– Что? – нетерпеливо переспросил тот, когда Маша вдруг умолкла.

– Насколько я знаю, – каким-то бесцветным голосом продолжила Маша, – людоеды тоже перед тем, как съесть свою жертву, наряжаются и танцуют ритуальные танцы. Они кормят жертву до отвала, а потом – кидают в котёл с кипящим маслом! Ну, или водой, если масла нет. Или же если они практикуют диетическую кулинарию...

У Кира округлились глаза. Он, тщетно пытаясь что-то сказать, испуганно глядел на Машу. А та, увидев выражение его лица, звонко засмеялась:

– Ну, ты даёшь! Ты что, мне поверил? Поверил этим сказкам про людоедов? Да ладно тебе. Насколько я знаю, эльфы вообще питаются одними овощами и фруктами.

– А... ты... ты же говорила, что знаешь про эльфов только по сказкам, – промямлил Кир, но по лицу его Маша видела, что он пускай немного, но успокоился. Конечно, ей хотелось ещё попугать столь доверчивого слушателя, но она решила, что лучше не стоит. А не то Кир испугается и наделает каких-нибудь глупостей...

– Перестань, – ободряюще улыбнулась она. – Стоило им приглашать нас сюда и держать столько времени только ради того, чтобы съесть? – Кир облегчённо вздохнул – поверил, и тут Маша уже не удержалась. – Нет, тут всё намного сложнее. Может, скальп снять хотят, а может, в жертву своим богам принести – кто знает?

Кир снова застучал зубами. А Маша ещё битых полчаса развлекалась тем, что пугала Кира всеми теми страшилками о нечисти, которые слышала от мамы и подруг ещё в детстве. И, как ни странно, Кир верил почти всему, что слышал. Маша отрывалась по полной...

...Когда солнце уже окончательно село за деревья и на небе стали появляться светлячки звёзд, к Маше и Киру, озирающемуся по сторонам теперь уже не с интересом, а с откровенным испугом, подошёл Роллаон.

– Ну, как проводите время? – спросил он. И, понизив голос, добавил:

– Очень жаль, что вам пришлось столько времени ждать. Вы, конечно, устали. Но после церемонии мы вернёмся в посёлок, а вы пойдёте с нами. Вот там-то вы и отдохнёте...

– Церемонии? – заинтересовалась Маша. Кир же сидел, выпрямившись, как натянутая струна, готовый каждую секунду либо убежать в лес, либо драться не на жизнь, а на смерть. Отодвинувшись как можно дальше от пришедшего эльфа, Кир, похоже, не слишком вникал в то, что он говорил.

– Да. Церемонии... Ах да, вы же не в курсе... В общем, так. История длинная, поэтому многое я пропущу, ладно? У нас есть легенда, передаваемая от поколения к поколению. Легенда о том, что однажды, когда цикл этого мира будет подходить к концу, появится...

– Подожди-подожди, – бесцеремонно прервала эльфа Маша. – То есть? В смысле, как цикл какого-то мира может... э-э... подходить к концу? Разве мир не?..

– Мир не может существовать сколько угодно, – Роллаон, видимо, торопился. Он прервал Машу на полуслове и принялся рассказывать уже чуть ли не скороговоркой. – У любой вещи, у любого существа есть... м-м... свой срок жизни. Ничто не вечно. И мир тоже исчезает. Из него уходят и жизненные силы, необходимые для существования живых существ, и магия – в первую очередь именно она, как ни странно... Но мир можно воскресить, вернув в него те Силы, что он потратил за весь цикл своего существования. А в нашей легенде говорится, что когда время нашего мира подойдёт к концу, явятся те, кто поможет спасти его. Двое – огонь и вода, небо и земля, мужчина и женщина... Женщина будет обладать магией, а мужчина – только ему одному данной Силой, Силой, способной разрушить мир до основания – либо же спасти его. И

эти мужчина и женщина должны быть людьми, понимаете? Люди, а не эльфы.

Сначала легенде не верили. Многие мудрецы считали, что это невозможно. Ведь давно известно, что лишь эльфийские женщины обладают Силой магии, люди же об этих Силах забывают с рождения. Есть, конечно, исключения – человеческие маги. Но это всегда мужчины, а не женщины.

А сегодня мы встретили тебя. И всё сразу переменялось.

– Стой, – нахмурилась Маша. – Это всё мне ой как не нравится... То есть ты хочешь сказать, что мы с Киром ещё и этот мир должны спасти?! Нет, я, конечно, хотела приключений, но не настолько же... А это точно мы?

– Суди сама, – пожал плечами светловолосый эльф. – Других женщин-магов в этом мире нет. А ты вообще точно из этого мира? У тебя и привычки другие, и странная манера речи...

– Нет, я не отсюда, – коротко ответила Маша. – Мир умирает? Это точно, да? А раньше такое уже происходило? Ну, я хочу сказать, миры уже когда-нибудь кто-нибудь до меня оживлял? Фу, как некрасиво это звучит!

– Нет, – с убийственной кротостью заверил её Роллаон. – Ты будешь первой. Точнее, вы... А этот... Кир, он точно обладает Силой? Кстати, почему он дрожит? Ночь ведь тёплая.

– Насчёт Силы не знаю... – Маша с сомнением взглянула на своего друга, и впрямь трясшегося, как осиновый лист. Интересно, что его так испугало? Неужели разволившийся на поляне костёр? – А дрожит он потому, что, наверное, простыл. Да, точно! Грипп подхватил, температура поднялась, вот теперь его и колотит!

– Можно сварить настой из трав, который сразу же повышает силы... – начал было Роллаон, глядя на сооружённую на полянке пирамиду из веток, которой предстояло полыхать огнём. Но Маша его опять прервала.

– Подожди, это всё потом. Ты мне лучше объясни: что за церемония такая? Что вы делать собрались?

– Всё просто, – объяснил ей Роллаон. – Эйт... ну, жрец наш, в какой-то мере... он вызовет на разговор Силы всех стихий: воды, воздуха, земли и огня. Он откроет проход в наш мир энергии космоса, которая примется его разрушать. Эта энергия всегда была направлена в наш мир, но после того, как началось его старение, Эйт закрыл канал связи. Если бы энергия космоса попадала в наш мир всё это время, она непременно бы его уже разрушила.

– Гм. – Маша неловко кашлянула, не зная, как быть. – Слушай, Роллаон, а если этот канал вообще не открывать? Что тогда будет, а?

– Энергия всё равно прорвёт нашу защиту и найдёт себе путь. Лучше использовать её в мирных целях. Вам с Киром будет отмерено ровно две недели на поиски канала связи с космосом, а когда это время пройдёт – наш мир состарится, и тогда уже ничего будет нельзя изменить. Магия уйдёт, детей будет рождаться всё меньше и меньше, болезни захлестнут человечество... Гномы, хоббиты, великаны, мы, эльфы, в конце концов,

то есть все существа, ведущие своё происхождение от магии, – все они исчезнут. Мне продолжать, или ты уже всё поняла?

– Поняла. Не надо. А я-то просто хотела домой вернуться... – уныло сказала Маша.

– Вернёшься, не горюй, – вдруг подмигнул ей Роллаон. – Если захочешь.

Вспомнив, что те же слова ей говорила Наставница, Маша пристально взгляделась в лицо эльфа, но кроме добродушной улыбки, притаившейся в глазах и уголках рта, ничего не заметила.

– Ладно, – глубоко вздохнула Маша. – Если приключения, так по полной программе. Киру я потом сама всё объясню, а не то он... э-э... может чего-нибудь неправильно понять, ладно? А ты не можешь меня познакомить с этим вашим жрецом... Эйтом, кажется?

– Обязательно, – кивнул Роллаон, торопливо вставая с места, – но потом, всё потом... Церемония уже начинается.

– Что? – удивилась Маша, оборачиваясь. – Уже?..

За её спиной трещал сучьями огромный костёр, искры от которого улетали далеко в потемневшее за время их с Роллаоном разговора небо. Кир как замороженный смотрел в огонь, не замечая ничего вокруг. Во взгляде его больше не было панического страха; казалось, что костёр загнипотизировал его, забрал к себе волну. Маше стало как-то не по себе, и чтобы окончательно развеять все свои сомнения, она подседа поближе к Киру и тронула его за плечо.

– Эй, – тихонько окликнула она его, – ты что, заснул?

– А? Нет, – Кир посмотрел в глаза Маше, и та на секунду увидела что-то такое в его взгляде, что заставило её тихонько охнуть. – Что с тобой? – тревожно спросил Кир. Сейчас он был тот же, прежний Кир.

– Нет, ничего, – сказала Маша и повернулась к костру. Но в глубине души она была уверена, что видела что-то в глазах Кира, какую-то невообразимо огромную Силу, ту, что была сродни по природе своей огню, пылающему на поляне... – Просто... просто... слушай, они, кажется, танцуют?!

– Да, – Кир тоже смотрел прямо перед собой, и в голосе его уже слышалось лёгкое беспокойство. – А ты уверена, что это не ритуальный танец, после которого нас съедят?!

– Уверена, – Маше трудно было отвести взгляд от танцующих эльфов – настолько пластичны и грациозны были их движения. Они были похожи на парящих у самой земли бабочек. – Я сейчас разговаривала с Роллаоном, и он мне многое объяснил... Зря ты его не слушал. А этот ритуал не имеет ничего общего с убийством вообще. Правда, красиво?

– Да, – в голосе Кира было столько всего – и облегчение, и восхищение, и радость, – что Маша едва не рассмеялась. – Здорово. Я ни разу ещё ничего подобного не видел.

А Маша вдруг вспомнила о том, что последует за ритуалом, и о том, что неплохо бы Киру знать, что путешествие их продлится ещё очень долго и пока неизвестно, чем закончится. Но ничего рассказать ему не

успела – едва она открыла рот, как на поляну к костру, заключённому в круг между танцующими, вышел высокий светловолосый эльф, одетый в непонятную рваную тогу и тёплый тёмно-синий плащ с золотистым подбоем. Кир и Маша уставились на этого незнакомца. По тому, что танцоры при появлении этого эльфа расступились, а так же по той тишине, которая воцарилась при его появлении, Маша поняла, что это – уважаемый в селении эльф, вернее всего, тот самый Эйт, здешний жрец.

– Приветствую вас, дети леса! – воздев руки к небу, негромко сказал жрец. Маша не сразу сообразила, что обращается тот к эльфам. – И вас, духи луны... *Эль риа протеллас! Ио том ист...*

– Что он говорит? – нетерпеливо переспросил Кир, но Маша только шикнула на него, не отрываясь глядя на эльфа. Во всей его осанке было что-то такое, отчего мурашки по спине бегали, как сумасшедшие. И Кир замолчал, всей кожей почувствовав, насколько полным и почтительным было молчание, насколько внимательно прислушиваются эльфы к словам своего жреца. Если закрыть глаза, то можно было поверить в то, что на поляне ты один, больше никого и ничего вокруг, не считая негромко вещавшего на непонятном тебе языке оратора. Но тут под ухом шумно задышала Маша, и Кир поспешил открыть глаза, боясь пропустить что-то интересное.

И понял, что сделал это вовремя. У горящего ярко-красным огнём костра стоял Эйт, воздев руки к небу. Он улыбался. Луна, вышедшая из-за облака, освещала его фигуру, выхватывая любую, даже самую мельчайшую чёрточку его обращённого к небу лица. Глаза эльфа были закрыты. Он словно прислушивался к чему-то, что слышать мог один лишь он.

И вдруг в следующую секунду все эльфы поднялись на ноги. Не было никакого приказа, не было какой-либо суеты или поспешности, – они просто поднялись со своих мест так, как сделало бы это существо с единым разумом и единой волей. Маша и Кир, переглянувшись, тоже вскочили. Они поняли, что сейчас что-то должно случиться.

...Пламя костра стало менять свой цвет от алого к тёмно-фиолетовому, а от фиолетового – к нежно-голубому. В конце концов, огонь почти потух, оставив от себя лишь голубоватые язычки неяркого пламени, выбивающиеся из-под горящих, налившихся изнутри багрянцем сучьев. Вся поляна погрузилась в темноту, если не считать того света, который давали луна и неровные всполохи голубого пламени костра.

Со всех сторон полилась песня, звучащая на незнакомом языке. Кир и Маша удивлённо закрутили головами. Они не видели эльфов, они едва могли различить в темноте фигуры друг друга, хотя сидели почти вплотную, но почему-то были уверены в том, что поют все окружающие их эльфы – до одного, включая самых маленьких детей, которые до того, как спустилась темнота, постоянно путались под ногами, играя во что-то. Маша и Кир, почти не дыша, восхищённо молчали. Они пытались запомнить мелодию песни, но не могли, хотя и чувствовали, что музыка уже где-то глубоко внутри и что учить её не нужно, они и так прекрасно её знают.

Всё это время взгляды ребят были прикованы к Эйту, который не пел, а лишь улыбался чему-то только ему одному понятному, и делал непонятные движения руками. Вдруг Эйт нахмурился. Он принялся совершать те же движения, что и раньше, но видно было, что сейчас ему приходится уже гораздо труднее. Руки его дрожали, а по вискам струился пот. Кир заворожено наблюдал за ним, уже не улавливая мотива песни. Он каким-то звериным чутьём понимал, что всё, что сейчас здесь происходит, зависит именно от этого светловолосого жилистого эльфа, и, если у него ничего не получится, то произойдёт что-то ужасное... Эйт вдруг замер, опустив руки и прислушиваясь к самому себе. Кир подумал было, что эльф сдался, но по нахмуренным бровям понял, что тот всё ещё ведёт борьбу с кем-то невидимым, но очень сильным... Нужно как-то помочь ему...

Но как?!

Кир вдруг ощутил какое-то движение рядом с собой. Он оглянулся, но ничего не увидел. А когда вновь посмотрел на Эйта, то с удивлением обнаружил, что Маша бежит к нему. По её сосредоточенному лицу Кир понял, что она присоединилась к той борьбе, что вёл жрец, и что бой ожидается не на жизнь, а на смерть.

Маша, подбежав к Эйту, остановилась, будто бы не зная, что предпринять. Но спустя всего секунду она решила на что-то и, шагнув ближе к светловолосому эльфу, взяла его за руки, крепко сжав пальцы. Мучительные складки на лбу Эйта разгладились, но всё равно видно было, что ему непросто. Маша глубоко вздохнула и тоже закрыла глаза.

Некоторое время ничего не происходило, но вот Кир осознал, что песня эльфов начинает стихать. Подул ветер, усиливаясь с каждой секундой. Костёр, мигнув последний раз, потух. И природа, и люди, будто бы застыли в ожидании чего-то. Чего-то страшного, но невообразимо прекрасного...

И чудо не заставило себя ждать. Облака, лёгкой вуалью закрывающие небо, расступились. С неба на землю пролился поток света. Поток был цвета лунного луча, он не слепил, а только освещал своим мягким светом поляну. И Кир вдруг ощутил, что ветер исходит из этого потока света! А через минуту понял, что это не поток света, а вихрь, сотканный из лунных лучей, отдающий свет, но забирающий в себя всё, до чего дотронется, будь то земля, трава или живой человек... Кир оглянулся на Машу и Эйта. По их напряжённым фигурам невозможно было предположить какого-то положительного исхода этого столкновения природы с энергией лунного света. Нужно помочь им обуздать этот поток первозданной энергии! Нужно...

И вдруг Кир почувствовал, что ноги сами несут его к тому месту, где стояли Маша и жрец. Он сам не понимал того, что делает, но в душе его была настолько сильная уверенность в своих действиях, что он не колебался ни секунды.

Каким-то краем ещё работающего сознания Кир успел отметить изумлённый Машин взгляд, странную отрешённость на лице жреца и непонятную черноту их глаз... но тут же забыл обо всём.

Он стоял у потока.

Он знал, что следует делать.

И он взял поток в руки, как обиженного котёнка, согрел его в своих ладонях, приласкал. Он почувствовал ответное тепло потока и его ласку. Он даже успел улыбнуться, – прежде, чем поток, полыхнув голубоватым сиянием, исчез насовсем. Кир восхищённо выдохнул и повернулся к Маше. Та смотрела на своего приятеля с абсолютно нелогичной смесью радости, восторга и зависти на лице. А Кир почувствовал, что земля почему-то плавно уходит из-под ног...

...Ренно, крадучись, приближался к тому костру, у которого устроился Артур. Посланник короля совсем не выглядел уставшим, по его лицу можно было предположить, что он готов всю ночь скакать вперёд, лишь бы выполнить поставленную перед собой цель... Какую, интересно?

– Прошу прощения... Артур, – негромким льстивым голосом сказал Ренно, присаживаясь к костру, – я вижу на вашем лице печать печали. Отчего вы грустны?

Сегодня Ренно специально выбрал величественный, но с тем и уважительный тон учителя-мага. Ему хотелось произвести впечатление... а так же заслужить доверие, если удастся.

– Я? Нет, – Артур хмуро взглянул на Ренно и снова уткнулся взглядом в огонь. – Прошу прощения, ученик мага, вы не обидитесь, если я напомню, что это не ваше дело?

Ренно едва не закрипел зубами: Артур в точности скопировал тон, с которым тот обратился, но добавил от себя небольшую долю презрения. Да к тому же обращение «ученик мага» заставило Ренно почувствовать себя униженным. Но он терпеливо проглотил и это, выдавив на лице довольно правдоподобную всепрощающую улыбку.

– Извините меня, Артур, но это моё дело. На меня была возложена обязанность охранять эту экспедицию, но это невозможно, если я не буду знать целей этой кампании.

– Верно, – добавил Артур после недолгого молчания, всё так же не поднимая глаз от огня, – твоё требование справедливо. Обещаю, когда будет возможность...

– Артур, – из темноты вынырнул один из сопровождающих, явно намереваясь сообщить что-то, но, увидев рядом с Артуром непонятого мага, мужчина передумал и умолк.

Артур поднял тяжёлый взгляд своих холодно-голубых глаз на Ренно.

– Господин маг упрекал меня в том, что мы ему не доверяем, – сказал он. – Вот отличная возможность доказать ему, что это не так. В чём дело, Тэр?

– Неподальёку отсюда, – начал пришедший мужчина, – замечена странная магическая активность.

– Что именно? – заинтересовался Артур. Ренно тоже наострил уши.

– Мы видели огромный столб света, как будто соединивший небо и землю, – отрапортовал Тэр. – Он был виден несколько минут, а после исчез.

Артур рывком поднялся на ноги.

– Где это было? – спросил он. От его сонно-угрюмой усталости не осталось и следа.

– В эльфийском лесу. Там, где, по нашим сведениям, находится их селение...

Артур закусил губу, глядя на чернеющий вдаль лес. Ренно видел, что взгляд его выражал странное торжество.

– Отлично. Скажи остальным, что путь наш теперь будет проложен через этот лес. Мне нет дела до твоих мыслей, – добавил он сурово, видя, что его подчинённый хочет что-то возразить. – Лучше отдохни. Завтра нам предстоит трудный путь...

– Ох! Где я?

– Лежи-лежи, – Маша заботливо поддержала Кира за плечи. – Мы в эльфийской хижине. Нас сюда привёл Роллаон. И он, и Лин, и тот, другой, – ну, помнишь, такой царственный эльф? – они все восхищены тем, что ты сделал сегодня на поляне.

– А что я сделал? – сознание возвращалось медленно, так же, как и память. Он огляделся. Низкий потолок, переплетённые друг с дружкой стены, три небольших окна... Кир лежал на кровати, устроенной прямо на полу, а рядом стояла светящая каким-то призрачным, но в то же время тёплым блеском лампа.

– Ты так нам с Эйтом помог! – принялась взахлёб рассказывать Маша. – Мы этот поток почти из рук выпустили, а если бы мы это сделали, то он мог бы многое разрушить на своём пути! И ты так вовремя появился! И вообще – как ты это сделал?!

– Не знаю, – Кир сел, осматриваясь. – Сделал что? Сейчас день или ночь?

– Сейчас утро, – терпеливо объяснила Маша. – Вообще ты тут дрых, как... не подумай ничего плохого, но спать почти двенадцать часов – это просто свинство!

Кир не слушал её. Он всей кожей впитывал в себя частички того мира, где находился сейчас – мира эльфов, практически мира легенд, которые слышал ещё в детстве. Подумать только – он в эльфийском доме!.. Ему казалось, что здесь всё другое – начиная с запахов и кончая солнечным светом. Даже пылинки, скорее всего, здесь тоже другой формы, нежели в обычном мире, мире людей...

– ...И тогда Эвиллир сказал, что даст нам проводника, который поможет нам покинуть леса. И вообще, нам надо торопиться – ведь конец света...

– Что?! – вытаращил глаза Кир, глядя на Машу, как на сумасшедшую.

– Ой! Ты же не знаешь... В общем, наша миссия – спасти мир. Почему-то это должны сделать именно мы. А эльф, которого посылает с нами Эвиллир, поможет нам найти место, откуда этот конец света можно будет предотвратить.

– Ты... шутишь? – Кир недоверчиво смотрел на Машу. – Кстати, а кто такой этот Эвиллир?

– Он – вождь здешних эльфов. Помнишь, такой темноволосый, который нас вчера в лесу встретил? Король, можно сказать, некоронованный, правда... Он – один из Старейших, тех, кто привели эльфов в этот мир. Ой, мне столько легенд за эту ночь рассказали! Объяснили тоже многое... И Эйт – ну, жрец, колдун, помнишь его? – научил меня паре-тройке отличных заклинаний. Теперь я могу...

– Так ты серьёзно насчет конца света? – жалобно взглянул на неё Кир. – И что мы должны с ним сделать? Как его предотвратить?!

– Ой, только не реви, – рассерженно отмахнулась Маша. – Сейчас я всё тебе расскажу.

...Рассказ Маши занял не так уж и мало времени – перевалило уже за полдень, когда двое незадачливых спасителей мира сего спустились из домика, находящегося, кстати, на самой вершине многолетнего тополя.

– Ну, наконец-то, – поприветствовал их улыбкой Роллаон. – А я уж начал думать, что люди спят круглые сутки.

– Нет, не круглые сутки, – обиделась Маша, – ну, почти... Ой! Привет. А ты кто?

Из-за спины Роллаона вынырнул подросток-эльф с такими же светлыми, как и у самого Роллаона, волосами. Он встал чуть сзади, честно смотря на Машу и Кира своими небесно-голубыми глазами.

– Это Иллиор, – представил Роллаон, подталкивая младшего эльфа поближе. – Он – мой брат. И ваш проводник.

– Он?! – нахмурилась Маша. – Роллаон, ты что – издеваешься?!

– И в мыслях не было, – ухмыльнулся тот. – Да, кстати, вот вам новая одежда. А то в таком виде вряд ли можно показаться не только в городе, но и в деревне...

Маша взглянула на себя и поняла, что Роллаон прав: грязная и порванная местами одежда обязательно привлечёт ненужное внимание. Кир, так тот вообще до сих пор ходит в оборванных по колени штанах и кожаной безрукавке – рубашку он, помнится, порвал на лоскуты, чтобы завязать прошлую Машину рану, так удачно вылеченную тем стариком-магом. Из-за их внешнего вида путешественников спокойно примут за попрошаек или ещё за кого...

– Роллаон, – Маша подняла глаза от свитка с одеждой, – а ты не думаешь, что эльфийская одежда в человеческом городе тоже может привлечь к себе внимание?

– Маша, – фыркнул от смеха тот, – не держи нас с Эвиллиром уж совсем за глупых. Это человеческая одежда. Точнее, почти человеческая – идеально похожего образа наши ткачи так и не сумели создать. Но в любом городе вы сможете сойти за подмастерьев – или путешественников, это уж как вы сами решите. Единственное, что меня беспокоит – это Иллиор. Его глаза, уши... и ещё некоторые приметы спокойно выдадут его. Да,

Маша, – в ответ на вопросительный взгляд девушки ответил Роллаон. – Иллиор не просто выведет вас из лесов, но и доведёт до места.

– Понятно, понятно, – фыркнула Маша. – Глупо это всё как-то... Скажи хоть, куда мы отправимся?

– После того, как выйдете из нашего леса, вы не вернётесь в вашу страну... Неллхаса, кажется? Вы пересечёте границу, соединяющую нашу страну – небольшую, надо сказать, – с Аларонью. Оттуда вы направитесь на юг. Там, у подножия гор...

– Постой-ка, – встревожилась Маша, – границу чужой страны? А как насчёт языка? Мы что, должны молчать как рыбы всё время нашего путешествия?! А если мы заблудимся? Как мы спросим дорогу?

– Ничего страшного, Иллиор говорит на местном наречии. Он вообще знает множество языков, и это было одной из тех причин, по которой мы отправили его с вами.

– Но Роллаон, – прошипела Маша, – это же ещё совсем мальчишка! Он ниже меня на голову! А я, если ты не заметил, невысокого роста...

– Ему на десять лет больше, чем вам, – ровным голосом заметил эльф. Увидев лицо Маши, на котором была написана непередаваемая смесь удивления, ужаса и восторга, он усмехнулся. – Да. Мы, эльфы, развиваемся по отличному от вас, людей, законам. И срок нашей жизни не настолько короток, как ваш.

– Офигеть, – тихонько промурлыкала Маша. – Зашибись! С ума сойти...

– Что? – не понял Роллаон.

– У меня просто нет слов!!! – прокричала Маша. После чего, надувшись, она полезла обратно в хижину. Примерить полученную одежду.

После обильного обеда (состоящего, кстати сказать, только лишь из овощей, фруктов и сладких кореньев) Маша, Кир и Иллиор получили инструкции от Роллаона, Эвиллира и Лины. Вообще-то в основном от последней, потому что первые два смешливых эльфа только молча хихикали, слушая перепалку Лиллилион и Маши.

– Что?! Чтобы такая мочалка белобрысая мне ещё и указывала? Тебе больше ничего не нужно??

– Как ты меня назвала?! Ты, лягушка черноволосая! Ну, я тебе покажу дополнительных лошадей для перевозки имущества! Сама подумай, откуда у бедных путешественников они могли взяться?

– А путешествовать с рюкзаком за спиной не пробовала?! Я как-то раз попыталась – было дело! Потом три дня в себя приходила...

– Стойте, стойте, – переборов смех, встрял в разговор Роллаон. Кир сидел тут же, с интересом прислушиваясь к спору, но не говоря при этом ни слова. – Предлагаю: дать вам на каждого по одной лошади. На них вы повесите и все свои вещи, и сами поедете! Ну, как?

– Ну-у... – в один голос протянули две привереды, каждая всё ещё надеясь настоять на своём. Если Маша пыталась выторговать дополнительную лошадь, чтобы тащить продовольствие, то Лина, наоборот, пыталась

сохранить этих самых лошадей в целости и сохранности в эльфийских конюшнях.

– Согласны, – почему-то решил за всех Кир, поднимаясь из-за стола. Разговор, вернее, спор, проходил как раз в обеденном доме, как называли его эльфы. И Маша, и Лина удивлённо уставились на него, но возражать не стали...

...Путь до эльфийского леса занял всю ночь и весь день. Ренно, тщетно пытаясь гордо выпрямиться в седле, завистливо глядел на Артура. Тот, казалось, был околдован, либо просто обладал неутомимой жизненной силой. Он отдавал приказания, то посылая своих людей вперёд, то заставляя их охранять тылы. А Ренно, глядя на всё это, с трудом удерживался от зевоты...

– Приехали, – Артур выпрямился и почему-то взглянул на Ренно, ехавшего чуть сзади. – Мы уже во владениях эльфов. Оружие на изготовку! Но не вздумайте стрелять! Если кто решится – обещаю, что мало вам не покажется...

Ренно, прищурившись, оглядел лес, тихим шорохом веток притаившийся вокруг. На первый взгляд рядом никого не было, но Ренно ясно ощущал присутствие каких-то существ...

– Кто вы, чужаки? – раздался вдруг громкий властный голос. Всадники, охнув от удивления, принялись озираться по сторонам, но по-прежнему никого не видели. Артур нахмурился. А вот Ренно, кажется, смог засечь одного из эльфов. Точнее, одну...

– Мы пришли к вам с миром, – громко сказал Артур. – Мы ищем путешественников, проходивших через ваши леса. Вернее всего, их было двое – девушка и юноша...

– Живыми через наши леса проходят лишь те, кому встреча с эльфами была уготована судьбой, – холодно сказал голос. – Вас нельзя назвать одними из них. Уходите. Если вы покинете эти места сейчас же, мы не причиним вам вреда.

– Вы не можете так поступить! – выкрикнул Артур. В голосе его слышалась хрипкая злость. – Мы проделали огромный путь! Скажите хотя бы, куда они направились!

– Они живы, – сказал голос. – Этого с вас достаточно. Прощайте. Уходите из этих лесов, если не хотите ощутить холод наших клинков в своей груди.

Ренно, улыбнувшись, опустил поводья и слегка приподнял руки. Губы его шептали что-то, а между пальцами стал высвечиваться бледно-малиновый огненный шар...

– Труссы, – прошипел Артур. – Видимо, приветливость настолько не входит в эльфийские традиции, что вы стали настолько равнодушными и грубыми ко всему и всем.

Ренно насмешливо раздвинул губы. Энергия от спрятавшегося эльфа уже входила в его сознание, заполняя его. Эта энергия способна была на многое – в том числе и на то, чтобы создать ещё одного демона ночи, верную ему тень... Но Ренно с сожалением пришлось напомнить себе, что

нельзя высасывать энергию из девчонки целиком. Это не в его интересах. Но жертва уже почти готова. Осталось только лёгким движением пальцев сорвать её на землю...

...Негромко зашелестели ветки ближайшего дерева. Артур, нахмурившись, развернул свою лошадь, настойчиво вглядываясь в хитросплетённый узор листьев. И тут же под копыта его коня с лёгким вскриком упала девушка-эльфийка. Судя по всему, она была без сознания.

Ренно, нехорошо улыбнувшись, выехал вперёд, оттеснив Артура.

– Ну, – иронично крикнул он. – У нас есть пленник. Кто из вас хочет проверить, на что способен ученик Школы Магии? – при произнесении подобной формулировки Ренно самого чуть не передёрнуло, и поэтому он добавил злобы в голос. – Кто?

– Лина! – гортанно воскликнул кто-то. И тут же перед лошадью Ренно приземлился невысокий темноволосый эльф. Глаза его отливали холодом, а губы были презрительно сжаты.

– Хорошо, – сказал он. – Вы вынудили нас к контакту. Роллаон, – обратился он к кому-то, и с близ растущего дерева спрыгнул ещё один эльф, на этот раз светловолосый. – Мы готовы вас выслушать.

...Маша, Кир и Иллиор шли уже достаточно долго, когда эльф разрешил-таки сделать привал. Маша, не удержавшись на ногах, мешком упала на землю. Сколько за весь этот день она ни просила (или, точнее, требовала – со слезами и угрозами одновременно) беспощадного эльфа убавить шаг и отдохнуть немного, тот, упрямо тряхнув копной светлых волос, отвечал: «Меня наняли вашим провожатым, что означает, что няней вашей я не буду», – и, прищпорив коня, скакал вперёд с удвоенной скоростью.

А Маша просто не умела ездить на лошади! Но, боясь выглядеть неумехой в глазах Кира и белобрысого эльфа, столь же насмешливого, сколь и его брат, она гордо выпрямляла спину и старалась прочнее держаться в седле. Вообще, до этого дня Маша ездила на лошади в своей жизни всего лишь раз – тогда, когда, украв из конюшни Алмаза, они с Киrom бежали из Школы. Но в тот день всё вышло настолько спонтанно, что об усталости времени думать не было. А сейчас у неё болела спина, ноги затекли, а в ушах стоял какой-то странный шум. Кир отправился привязывать лошадей, опасно держа поводья, – наверняка ещё помнил урок Алмаза! А Иллиор, понимающе взглянув на Машу и почему-то ухмыльнувшись, начал зачем-то продирается сквозь густые заросли близ растущего кустарника.

Маше уже не было никакого дела до забот эльфа. Прислонившись к дереву, она впала в какое-то полусонное состояние. Она слышала ночной ветер, шумящий в листве, шелест мотыльков, садящихся ей на плечи, но не могла даже приоткрыть глаза. В голове была поразительная пустота.

– Эй, Маша.

Маша честно попробовала разлепить ресницы, но ей это не удалось. Она охнула и приподнялась со своего места, в надежде обнаружить того, кто её звал. И тут же её плечи схватили тонкие заботливые пальцы, а

чьи-то руки поднесли к губам кружку, наполненную горячей пахучей жидкостью.

– Пей.

Маша послушно отхлебнула терпкого травяного настоя. И внутри тут же разлилось тепло, как будто она глотнула спиртного. Маша открыла глаза. Рядом с ней сидел Иллиор. Он подмигнул ей.

– Прости, – сказал он. По голосу эльфа вряд ли можно было заподозрить, что тот в чём-то раскaiвается. – Я видел, что ты не умеешь ездить на лошади, и знал, что ты очень устанешь. Но поверь, если бы я позволил тебе остановиться, было бы гораздо хуже, чем сейчас. И ты бы вряд ли смогла подняться с места. А так мы будем в лежащем на нашем пути городке уже завтра днём.

– Садист, – слабо прошептала Маша. – Маньяк...

– Кто? – удивился эльф, а из-за деревьев показался Кир. Вот он-то как раз усталым не выглядел. Скорее наоборот, он был полон сил и, казалось, готов был сейчас же сесть на лошадь и отправиться дальше.

– Ну что? – спросил он. – Вы уже костёр развели? Здорово... А что у нас на ужин?

Маша, застонав, опустила на место. Нет, этот мир был явно не для неё...

... Наотрез отказавшись от еды, Маша легла на землю и, завернувшись в подаренный эльфами плащ, попыталась заснуть. И сон тут же сморил её, заставил налиться свинцом ресницы, увлёл за собой в мир грёз...

Маше снова снилась осень. И снились драконы. Золотые, зелёные и багряно-красные – они были настолько прекрасны, что Маша не могла отвести взгляд.

– Нравятся?

Маша резко обернулась. Но за спиной стоял всего-навсего Кир.

Всего-навсего?

Кир был одет как король – впрочем, так одеваются и наследные принцы, наверное... Одежда, расшитая драгоценными камнями и украшенная золотой нитью сверкала в щедрых лучах заходящего солнца.

– И мне нравятся, – Кир улыбнулся и как-то странно присвистнул. Откуда-то из-за желтеющих крон ясеней вылетел зелёный с золотым отливом дракон. Сделав пару кругов над замершими людьми, он опустился вниз.

– Это мой любимчик, – пояснил Кир. – Его зовут Ураган. Он ещё маленький, по драконьим меркам...

Маша с удивлением наблюдала за тем, как Кир гладит дракона по чешуйчатой шее. Потом кивнула.

– Странно, – сказала она. – И ты его не боишься?

– Нет, – Кир улыбнулся и хлопнул дракона по спине. Тот фыркнул и взмыл ввысь. – Мне говорили, что это у меня в крови. Другим людям приходится прилагать много усилий для того, чтобы подчинить дракона своей воле, а я... Меня они почему-то слушаются. И любят, как, впрочем, и я их.

Маша понимающе кивнула и вновь подняла глаза к небу, наблюдая за сверкающими телами огненных ящериц.

– Ну, поняла теперь?

Маша резко обернулась. Эти слова сказал не Кир. Вообще непонятно было, кто их произнёс – в лесу кроме них двоих никого не было, а драконы, как это известно, не умеют разговаривать. И всё же у Маши было такое ощущение, будто бы она уже слышала этот чуть сумасшедший голос, сухой, словно перебираемые ветром песчинки...

– Что, неужели так и не?.. – голос не закончил, разразившись хриплым смехом. Маша взглянула на Кира. Тот, как ни в чём не бывало, смотрел в небо.

– Не думай, он нас не слышит, – вкрадчиво сказал голос. – Только ты и я.

– Что тебе нужно? – угрюмо спросила Маша.

– Мне?.. Неправильный вопрос. *Тебе* нужна я.

И тут же мир взорвался сполохами огней и красок. Жёлтые листья, поднятые ветром, закружились ураганом над сонной поверхностью земли. А через секунду и земли уже не было – всё поглотила какофония красок и звуков.

– Маша!

– Нет... Нет... – Маша слабо пыталась отмахнуться от чих-то рук, но не смогла. Она открыла глаза. На неё пристально смотрел Иллиор, придерживая девушку за плечи.

– Что ты видела? – серьёзно спросил он.

Вместо ответа Маша огляделась. Была ночь. И Кир, и Иллиор, вероятно, давно успели лечь спать. Только вот эльфа разбудило что-то... или кто-то...

– Это был просто страшный сон, – твёрдо ответила она.

Эльф недоверчиво хмыкнул.

– Странный сон? Ты выдаёшь желаемое за действительное. Это было послание. Я это почувствовал. Что ты видела?

Маша открыла было рот... но ничего не сказала. Она вспомнила виденные ею прежде сны. Вспомнила странно одетого Кира. Вспомнила драконов и странный хриплый голос, одновременно совершенно незнакомый и вместе с тем живущий где-то глубоко внутри...

Маша посмотрела в глаза Иллиора и покачала головой.

– Нет, Иллиор, – сказала она. – Эти сны только для меня.

Иллиор молча и как-то угрюмо посмотрел на неё. А через секунду исчез – растворился в ночной прохладе. Маша ещё несколько секунд видела его сверкающие в темноте, как у кошки, глаза, но потом и они исчезли. Тогда, вздохнув, Маша легла на своё прежнее место, прекрасно при этом понимая, что заснуть ей удастся не скоро...

Ренно, скрестив руки на груди, стоял чуть позади Артура. На губах его играла неприятная зловещая усмешка. Господи, насколько же легко было заставить эту девчонку упасть! Насколько просто было высосать всю её жизненную энергию! Либо эта эльфийка совсем ещё несмышлёныш, либо слухи о силе эльфийской магии очень преувеличены...

Артур разговаривал с предводителем эльфов, который назвался Эвиллиром. Это был хмурый, серьёзный эльф, при своём невысоком росте

умудряющийся сохранять царственное величие в каждом движении. И в глазах Артура уже начало светиться уважение к этому необычному эльфу. «Глупец!» – прошипел про себя Ренно. Насколько проще было бы вытянуть всё, что эти эльфы знают на самом деле другим способом, более болезненным и менее принятым во всех более-менее развитых странах...

А эльф говорил неохотно. Да, двое людей были в их селении. Да, они ушли беспрепятственно. Почему? Прошу прощения, но у эльфов тоже могут быть причины не выдавать свои секреты... Возраст? Но возраст – это дело спорное. Эльф не может судить о возрасте человека, люди развиваются по другим законам... Внешность? Обычные люди, ничем не отличающиеся от других представителей рода своего. Был ли кто-то из них магом? От этого вопроса Эвиллиру отвертеться не удалось. Нет, магом из них никто не был. А колдуньей?..

– Это были они, – сказал радостно Артур. В глазах его появился какой-то странный лихорадочный блеск. – Наконец-то мы напали на их след! Седлайте коней и...

– Прошу прощения, – на землю с дерева бесшумно соскользнул Роллаон, – но мы не можем пропустить вас через наш лес. Таковы уж законы, извините.

– Но подумайте, – вежливо сказал Артур, – ведь нам придётся делать огромный крюк, а между тем дело, из-за которого мы преследуем этих людей, чрезвычайно важно не только для нашего государства, но и для всей планеты в целом! – под конец фразы терпения в голосе Артура осталось ровно столько же, сколько было насмешки в голосе Роллаона – то есть почти совсем ничего.

– Мы не можем нарушать свои традиции из-за дел простых людей, – вежливо, но твёрдо отрезал Эвиллир.

Артур не нашёлся, что ответить. И эльфы, сделав жест прощания, исчезли за деревьями.

Артур чертыхнулся.

– Мы были почти рядом! Эй, – крикнул он своим людям, – разворачивайте коней. Курс на юго-восток! И живей, живей! Мы должны догнать их, – сказал он, обернувшись к Ренно. Ренно ухмыльнулся, стараясь, чтобы усмешка его выглядела как можно более нейтрально. – Мы должны...

– И это город?!

Кир оглянулся. Маша стояла, патетически воздев руки к небу и раздражённо глядя на Кира.

– Ну, не столица, конечно, – пожал плечами он. – Небольшой портовый городок. Здесь устье реки Идры. И сам город так и называется – Идра.

– С ума сойти! Идра. Получше не могли названия придумать? Можно поинтересоваться – а что мы тут забыли?! Надоели эти скитания верхом на лошадях... С ума можно сойти от этой тряски. Да ещё завели в какое-то захолустье. Да у нас самый старый совхоз выглядит лучше, чем эта деревенька! И курицы у нас по улицам не бегают. И вообще...

– Ты можешь потише? – прошипел Иллиор. Он шёл, надев плащ с капюшоном, и глядел на окружающих людей чуть-чуть исподлобья; ссутулившись, он как будто старался казаться меньше, чем есть на самом деле. – Мы сейчас войдём в ворота. Нам не нужно, чтобы нас заметили! Так что держи рот на замке, к приезжим здесь присматриваются особенно пристально.

Маша вынужденно замолкла. И вовремя – у ворот они увидели двух коренастых, крепко сбитых мужчин, одетых в какие-то драные рубашки, из-под которых проглядывала кольчуга.

– А ну, стойте, – сказал один из них басом. – Кто такие и куда направляетесь?

Незадачливые путешественники растерянно переглянулись. Они не были готовы к тому, что их встретит стража.

Спас положение, как это ни странно, Кир.

– Мы – подмастерья, – каким-то назойливым, просящим голосом заканючил он. – Пропустите нас, пожалуйста, мы идём уже много времени. Мы далеко от своего дома, а в селениях, где мы останавливались, работы не найти. Вот мы и решили, что в таком большом городе, как ваш, мы сможем...

– Ладно уж, проходите, – великодушно хмыкнул второй. – Дети, – шепнул он своему напарнику, когда путешественники вошли в город, – у меня дочь такого же возраста. А вот работают, ишь ты! Не то что моя...

Иллиор уважительно взглянул на Кира.

– Молодец, – сказал эльф. – Я бы так быстро не сообразил.

– Да, здорово ты их, – подтвердила Маша. – Но они тоже хороши! «Такой большой город, как ваш»... Нет, они хоть раз из дома нос высовывали? Как можно было поверить в то, что этот город можно назвать большим?! Да, по-моему, эта ваша Школа – и та больше!

...Прошагав где-то за полчаса городок из конца в конец, друзья остановились у гостиницы на окраине города и заспорили. Маша упорно настаивала на том, чтобы «отдохнуть, наконец, день по-человечески» и отправиться в ту же придорожную гостиницу – или трактир, по-местному. Иллиор, насупившись, заявил, что такими черепашьими темпами они будут на месте не раньше, чем через год, а это слишком много, а ведь на них возложена великая миссия – спасти мир. И если Маша этого не понимает, то она далеко не самый умный человек в мире. Кир разумно удержался от комментариев, предоставив эльфу и Маше спорить до посинения. В конце концов, те пришли к компромиссу: остаться в придорожной гостинице на ночь, а рано утром пуститься в путь и постараться наверстать всё, что должны были успеть за оставшееся от этого дня время. Кир горестно вздохнул, представив завтрашнюю бешеную скачку, Иллиор обиженно нахмурил брови. Одна Маша, казалось, была само спокойствие и умиротворённость; мурлыча под нос какой-то весёлый мотивчик, она первой вошла в полутёмное помещение трактира. И лицо её разочарованно вытянулось.

Это было старое, ветхое здание, изнутри оказавшееся гораздо грязнее, чем снаружи. Вывеска на двери обещала спокойный отдых – так вот, об этом отдыхе приходилось только мечтать. За вытертыми деревянными столами сидели посетители – причём в основном обыкновенные пьянчуги, пришедшие выпить по рюмочке вина, либо крестьяне, уставшие за день от непрерывной работы на своём поле и зашедшие сюда глотнуть холодного пива, узнать последние новости и рассказать новую сплетню. Сам хозяин трактира, сидевший за пыльной липкой стойкой, уставленной стаканами, тоже не предвещал ничего хорошего. Но именно к нему и направился Иллиор, отодвинув в сторону остолбеневшую Машу.

– Здравствуйте, – решительно сказал он. – Мы хотели бы остаться в вашем заведении на ночь.

– Пожалуйста, – лениво протянул хозяин. – Комната на втором этаже, вон по той лестнице. Поднимитесь и сразу же увидите дверь... Оплата пятнадцать серебряников. Оплачивать перед въездом в комнату, – добавил он.

Маша открыла рот, чтобы заспорить. Такая цена за какую-то вшивую комнату! Но Кир толкнул её локтём в бок, и Маша вместо гневной тирады только ойкнула. Воспользовавшись её молчанием, Иллиор вынул из кошелька, висевшего на поясе, несколько медных и серебряных монет, отсчитал нужную сумму и, развернувшись, зашагал через наполненный людским гомоном зал. Кир легонько дёрнул Машу за руку, прося идти следом; та фыркнула, но подчинилась. И вслед за эльфом зашагала по старой скрипучей лестнице.

– Наглость какая! – возмутилась она, оказавшись, наконец, рядом с эльфом, который, нахмурившись, открывал тяжёлую дверь снятой комнаты. – Столько за какую-то комнату! Да на эти деньги... На эти деньги...

– Приличная комната стоит двадцать медяков, – насмешливо сообщил эльф, заходя внутрь комнаты, впрочем, вполне чистой и просторной. – Если не знаешь – в одном серебрянике десять медяков. Остальная сумма – за молчание.

– За какое ещё молчание?.. – начала было Маша, но Кир прервал её.

– Хозяин понял, что Иллиор – эльф, – тихо сказал он.

Маша открыла рот.

– Но как...

– Это, оказывается, не так просто скрыть, – объяснил, нахмурившись, эльф. – Но, Кир, как ты понял...

– Не знаю, – Кир смутился и поспешил перевести разговор на другую тему. – Вы не голодные? А то здесь можно купить настоящую еду, ещё горячую, что в нашей с вами походной жизни встречается не так уж и часто...

– Да, – переглянувшись, решили Иллиор и Маша.

– Отличная идея, – сказала Маша, глядя на Кира так, будто бы впервые его увидела. – Спустимся вниз и поужинаем.

...На этот раз к лениво развалившемуся за стойкой хозяину подошёл Кир. Глядя на то, как парень умело торгуется, Маша снова вспомнила свой недавний сон. Кир – Повелитель Драконов...

Интересно, а в этом мире точно есть драконы? Или это был всего-навсего сон?

Нет, вряд ли. Это был знак. «И я прекрасно это знаю», – усмехнулась Маша. Сев на деревянную лавку, она брезгливо провела пальцем по столу. Ну надо же, почти что чистый...

– Слушай, – шепнул ей на ухо Иллиор. Маша тут же обернулась к эльфу и прочитала в его глазах тревогу. – Не нравится мне здесь. Здесь присутствует магия... И очень мощная. Где-то рядом волшебник. Нет, Маг, и сильный... Ты ничего не чувствуешь?

Маша прислушалась к своим ощущениям и замотала головой.

– Нет, – твёрдо качнула головой она. – Хотя меня этому, на самом деле, и не учили. А чем отличается волшебник от мага?

– Мага, – поправил её Иллиор. – Мага с большой буквы... Не понимаешь разницу? Вот, например, ты – ведьма. Если бы полностью обернулась к Свету, то стала бы волшебницей, как многие наши женщины... У здешних людей волшебниц не бывает, да и Маги попадаются редко. В основном колдуны да волшебники...

– Я всё равно не понимаю.

– М-м... Знаю. Колдун – это тот, кто не гнушается прибегать к самым изощрённым методам, иногда преступая при этом правила чести, – и всё для того, чтобы добиться своего. Колдун – ведун земли, он связан с её духами. Волшебник равен ему по Силе – но его душа принадлежит Свету, он не хочет и не может делать зло. А настоящий Маг... Он как бы стоит над всеми остальными. Его Сила – это сила самой природы, ветра, морской воды, небес... Маг рождается один на тысячу волшебников и колдунов.

– Здорово, – приподняла брови Маша. И тут же вскрикнула. – И ты чувствуешь здесь такую Силу?! Силу настоящего Мага?!

– Да, – прошипел Иллиор. – И можно потише?! Ты привлекаешь ненужные взгляды...

Маша оглянулась, но не заметила ни одного человека, который смотрел бы в их сторону. Она фыркнула и повернулась к эльфу. А рядом уже стоял Кир с подносом, уставленным тарелками.

– Приятного аппетита, – сказал он, расставляя тарелки по столу. А Маша даже вздрогнула, услышав такое обычное для её мира пожелание. Но тут почувствовала запах, исходящий от кушаний и поняла, насколько голодна. Не говоря больше ни слова, она набросилась на еду. Впрочем, Кир с Иллиором тоже от неё не отставали.

Наевшись, Маша удовлетворённо откинулась на стуле. И тут же почувствовала на себе чей-то взгляд. Она оглянулась, но не заметила ничего подозрительного. Тогда, нахмурившись, она скосила глаза под

особым углом, как тому её учила Наставница. Это было простенькое, но безотказное заклинание.

Ничего!

– Так не бывает, – пробормотала Маша, уже не скрываясь ища глазами наблюдателя. Магия полностью поглотилась! Этого не может быть, Сила после произнесённого заклинания направляется на объект заклятия, либо же растворяется в окружающей среде – если тот, на кого ты направил свои силы, был магом и сумел отбить чары. Но сейчас Силы, потраченные Машей на заклятие, просто исчезли в никуда, растворились!

– Кир, Иллиор, – Маша склонила голову, обращаясь к друзьям как можно тише. – Мне здесь очень не нравится. По-моему нам лучше уйти.

– А в чём дело? – наивно удивился Кир, прожёвывая откушенный кусок.

– За нами наблюдают, вот в чём!

Иллиор нахмурился, втягивая ноздрями воздух.

– Ты права, – сказал он. – Кир, вставай. От голода ты уже не умрёшь. Вернёмся в комнату. Не стоило нам спускаться – если за вами... то есть за нами следят...

Не договорив, эльф поднялся с места и уверенно зашагал сквозь зал. Маша направилась за ним следом. Кир же, уныло оторвавший от себя тарелку с едой, плёлся где-то в хвосте.

...Ещё не успев войти в комнату, Маша уловила присутствие чужого человека.

Дверь едва не полетела с петель от сильного пинка ногой.

– Кто вы такой и что вам от нас нужно?

В комнате у окна, прислонившись спиной к стене, стоял старик, одетый в длинный балахон. Его длинная борода книзу была заплетена в косу, а глаза сквозь толстые стёкла очков смотрели до странного весело.

Следом вошёл накупившийся Иллиор.

– Ой, пустите... – в дверь сунул нос Кир. – А что тут происходит?.. Ой... Ирин?!

Верховный Маг ласково улыбнулся и кивнул головой.

– Директор Школы? И какого чёрта вам от нас надо?! – похоже, одну только Машу не покинула привычная самоуверенность. Иллиор же, удивлённо взглянув на Мага, подошёл к нему и сказал:

– Извините, что подозревал вас, Учитель. Я не знал о ваших планах...

В голосе эльфа слышались уважение, почтение – и вместе с тем укор. Как же так, Ирин не дал знать о своих намерениях?..

– Постой. Учитель? Я ничего не понимаю, – Маша захлопала ресницами. Она, наконец, ощутила, с каким уважением и благоговением относятся её спутники к Верховному Магу. – Что вы, в конце концов, здесь делаете??

– Всё очень просто, – сказал маг. Его голос был глубоким и вместе с тем мягким. Маг лукаво смотрел на девушку, и губы его кривились в едва заметной улыбке. – Я пришёл, чтобы сообщить вам не самые приятные новости. Дело в том, что...

– ... Не может быть!

Возглас Артура заставил Ренно обернуться. Ученик мага сразу же понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Он незаметно подошёл к Артуру и стоящему перед ним человеку, который, как понял Ренно, был шпионом – лазутчиком, доносчиком, – человеком, приносящим новости. Похоже, сегодняшние вести были не самыми приятными...

Артур даже не обратил внимания на появление Ренно. Артур хмурился. Его ноздри шумно втягивали воздух. Человек, стоящий рядом с ним, склонился в поклоне, явно опасаясь гнева своего владыки.

– Что-то случилось, господин? – льстиво поинтересовался Ренно, стараясь между тем, чтобы голос его звучал как можно менее наигранно.

– Да, – коротко ответил Артур. И повернулся к готовящемуся на отдых лагерю.

– Слушайте меня! – зычно крикнул он. Головы обитателей лагеря тут же повернулись в его сторону. Кое-кто даже потянулся за оружием. – Дело в том, что дружественная ранее Аларонь сегодня ввела военное положение. Она перестала бояться магов и наших клинков. Не знаю, что было тому причиной, но факт остаётся фактом. Поэтому ровно половину из вас я отправляю обратно в княжество. Мы обязаны помочь нашим союзникам – Неллхасе. Того требуют законы чести. И постарайтесь оправдать звание «летающих призраков». Остальные же останутся со мной. Маг в том числе, – Артур хмуро взглянул на Ренно, и тот, стараясь скрыть свою радость, кивнул. Он уж начал думать, что его отправят обратно в Школу – на защиту своей ненавистной страны... которая, впрочем, даже не являлась его родиной. Страной его детства был Серрем – страна, где было много солнца и красивых девушек. Ренно порой очень жалел о том, что покинул родные места. Но предпочитал не вспоминать о том, что Артур – тоже выходец его родной страны. – Киллир также останется со мной, – продолжал тем временем Артур. – И оба моих военачальника. Они сами отберут лучших бойцов. После короткого совещания отбой. Теперь нам придётся двигаться с удвоенной скоростью. – Артур помедлил и добавил: – Остаётся совсем мало времени.

Артур отошёл в сторону, а Ренно задумался. Уж очень много загадок подкинул за этот вечер начальник экспедиции... Для выполнения какой миссии осталось так мало времени у Артура? Какого чёрта эта миссия значит для государства, если с Артуром – не наследным принцем, явно, но с чиновником высшего класса – отправляют отряд «летающих призраков»?!

Да и сама война. К чему она? Алароньцы перестали бояться магов? Быть не может. Маги переметнулись на сторону противников? Тоже вряд ли возможно. Да сам верховный маг Ирин этого не позволил бы. А подкупить его нельзя. Как подкупить человека, у которого и так всё есть?

Странно. Очень странно. Но Ренно решил не строить далеко идущих планов. Половина отряда отделяется, это хорошо. Остаётся ещё половина. Их можно подкупить – но это вызовет подозрения, отравить – тоже

небезопасно... В бою они погибнут вряд ли – это же «летающие призраки», отряд специально подготовленных воинов-убийц, тех, кого тренировали с детства. Если им что-то приказывают, они не раздумывают, а выполняют... Остаётся отрава. Но такая, которую никто не сможет обнаружить – без вкуса, без запаха... Может быть, с замедленным действием?.. Кое-что подобное давно уже было у Ренно на примете. На крайний случай остаются Тени, но это уж действительно на крайний случай... Тени не должны так часто получать пищу. Тем более – воинов-убийц. Если количество достаемой им информации достигнет критического предела, случится непоправимое...

Тени могут начать мыслить.

Это страшнее всех войн, вместе взятых.

Это – смерть, идущая, не останавливаясь, по земле. Собирающая свою страшную жатву...

Ренно вздрогнул.

Нет, он не боялся за остальных людей. Он просто знал, что в данном случае первым погибнет именно он. Как барьер, отделяющий Теней от желанной свободы...

– ...Да пойми ты, Кошка, – маг уже с полчаса втолковывал непонятливой Маше всего-навсего одну простую вещь. – Ну не мог я оставить Ренно в Школе.

– А, по-вашему, это куда лучше – пустить его по нашему следу, да?!

– Нет. Но если бы он был там же, где и я, он мог – нет, я уверен, что он именно так и поступил бы! – он попытался бы проследить за мной. Нашёл вас, а потом...

– Что? – жалобно спросил Кир.

– А потом убил бы вас. Да, Кир, и даже я не смог бы ему помешать. У него в запасе есть такая сила, которую даже я смогу одолеть – может быть, смогу, – с огромным трудом.

– Тени, – тихо сказала Маша.

– Я рад, что ты поняла. Поэтому я решил, что будет разумнее отправить его с поисковой миссией, а самому отправиться вам навстречу.

– А как вы догадались, что мы пойдём именно в эту сторону? – спросил Кир. Он жадно ловил каждое слово мага.

– Кир, – покачал головой Ирин. – Не принимай меня, пожалуйста, за старого глупца. Я очень надеюсь, что это неправда... не настолько я ещё и стар, не находишь?.. Я ещё с первого дня твоего появления в Школе видел, что ты наделён огромной Силой... Я не мог только опознать её природу. К сожалению, когда я понял, что это за Сила, было уже слишком поздно. Вы с Кошкой к тому времени покинули стены Школы.

– А зачем эти люди ищут Кира? – перебила Маша. Ирин нахмурился, но всё же ответил.

– Он нужен им. Для той же цели, что и эльфам. Впрочем, есть ещё кое-что, но об этом не сейчас. Извини меня, Кир. Прости. Я не могу открыть тебе сейчас эту тайну... Иначе всё пойдёт не так, как нужно.

Кир удивлённо приподнял брови, но спорить не стал. Он, как и Иллиор, боготворил престарелого мага.

...В отличие от беспардонной Маши.

– Ну уж нет, расскажите, будьте так любезны! Сколько можно всё скрывать?! Мы рискуем жизнями, идём, не зная, куда именно... а у вас всё сплошные секреты! Это же... нечестно!

– Маша, – тон Ирина был неуловимо спокойным. Но в нём чувствовалась усталость. – Поверь, если я не говорю вам чего-то, значит, так нужно. Ренно я тоже не открыл всей правды. Просто если эта информация станет доступной всем... очень многое изменится. Сейчас эту тайну знаю только я и Артур. И у меня нет оснований полагать, что тот собирается её делать достоянием толпы.

Маша замолчала, сосредоточенно сопя. Она не могла примириться с тем, что ей кто-то указывает, как жить, но почему-то верила магу. И не могла понять и простить самой себе этой слабости.

...А Ирин вдруг улыбнулся. И у Кира почему-то от этой улыбки полегчало на душе.

– Ну, молодые люди, не знаю, как вы, а я лично проголодался за время долгой дороги. Спустимся вниз или попросим принести ужин сюда? Второе, оно вернее будет... А потом составим наш маршрут на завтра. Нужно хорошо отдохнуть. Нас ожидает длинная дорога...

– Армия надвигается с запада, – быстро говорил Киллир. Он скакал рядом с Артуром, и Ренно, ехавшему сзади, приходилось вслушиваться в их слова. – Сначала они завоюют провинции, после – двинутся на столицу. Хотя я лично на их месте первым делом завоевал город, где находится Школа...

– Не отвлекайся, – велел Артур. – Продолжай.

– Их армии очень многочисленны. Боюсь, даже маги не смогут защитить нашу страну. Тем более, учитывая то, что Верховный Маг покинул пределы Школы...

– Что ты сказал?! – Артур развернул коня и встал перед Киллиром. Тот вынужденно остановился. Ренно наострил уши. – Ирин покинул Школу?!

– Да, – чуть удивлённо пожал плечами Киллир. – И это совсем не секрет. Он уехал на Сбор Магов, к Синегорью – поправлять здоровье, что, учитывая преклонные годы Мага, совсем не удивительно.

– Ну, Ирин, – сквозь зубы процедил Артур, глядя на свою уходящую вперёд армию, – ах ты, старый лис... А эльфы? Неужели тоже подстава? Не верю... Похоже, он знает, где дети, – обратился он вновь к Киллиру. Ренно заметил, что глаза Артура сияют каким-то странным огнём. – Он наверняка знает, но нам не сказал. Почему?

– Ну, у него могли быть причины... – начал было Киллир, но осёкся, глядя на проезжающего мимо Ренно, который решил, что получил всю возможную информацию и теперь, дабы не вызвать подозрений, неспешно догонял остатки армии Артура.

Артур серьёзно посмотрел и кивнул.

– Да, – задумчиво сказал он, глядя вслед ссутулившемуся магу. – У него были свои причины...

...Мысли же Ренно пугались. Он понял, что Верховному магу нужно было отдалить своего ученика от себя, но зачем?.. Не легче ли оставить его, Ренно, в школе, где он был бы под бдительным присмотром учителей? Зачем нужно устраивать подобную провокацию?

Но вернёмся к делам насущным. Всё, что мог, Ренно уже узнал от Артура. Значит, оставалось только устранить последнего как ненужную пешку. Отравить, убить ночью – что угодно. Да, сказал самому себе Ренно, над этим явно нужно подумать...

...К вечеру следующего дня Ирин и его маленький отряд доехали до южных границ. Верховный Маг остановил своего верного Алмаза (чьё присутствие не слишком радушно было воспринято Киром) и взглянул на высящиеся почти у самого горизонта горы.

– Отлично, – сказал он. – Мы сумели скрыться. Теперь самое страшное, что нам грозит – не успеть вовремя...

Но Кир заметил тяжёлую складку, протянувшуюся по лбу Мага. Ирин явно знал больше, но по какой-то причине не хотел об этом говорить...

...Когда стемнело настолько, что путники уже перестали различать очертания своих собственных рук, держащих поводья, Ирин решил сделать привал. Усталые, не в силах даже поужинать, путешественники валились на расстеленные по траве плащи и засыпали. Самым бодрым, несмотря на преклонный возраст, выглядел Ирин, успел отметить Кир, прежде чем погрузиться в сон.

Тихий лес накрыл путешественников густой, прохладной тенью. Все они, устав за день, мирно спали. Один лишь старый маг, зевая, сидел у огня разожжённого костра. Время от времени его голова склонялась вниз, и Ирин принимался громко сопеть. Но спустя секунду маг поднимал голову и, оглядевшись, вновь принимался сторожить сон своих друзей.

Но вот его голова склонилась ниже... широкополая шляпа мага свалилась с неё, обнажив седую макушку. Ирин даже не заметил этого. Он уже крепко спал, убаюканный по-домашнему уютным потрескиванием костра.

И тогда из-за деревьев неслышно выскользнула человеческая фигура. В неверном свете языков пламени блеснула серебром острая сталь. Человек был одет во всё чёрное и сам казался тенью.

Человек, осторожно взглянув на спящего мага, тихонько пробрался мимо и подошёл к мирно сопящему Киру. Рука, в которой был зажат острый нож, взвилась в воздух...

– Ах ты сволочь! ОСЛЕПНИ!

Внезапная ослепительная вспышка, громкий женский вскрик... Кир, проснувшись, едва сдержал вопль ужаса. Рядом с его головой был воткнут в траву острый клинок.

– Эльфийская работа, – хмуро сказал Иллиор, выдернув нож из земли. Молодой эльф казался заспанным, но вот глаза его горели энергией.

– Кошка, Кошка, – покачал головой Ирин. – Ну зачем ты так с молодой леди? Я прекрасно знал о её приближении. Она следовала за нами от самого города. Кроме того, над Киром была магическая защита. *EPPO!*

От громового голоса мага с деревьев слетели птицы. Девушка, катающаяся по земле, зажав ладонями глаза, вдруг замерла. Кир вздрогнул, а Маша рассмеялась хриплым гортанным смехом.

– Ну, Ирин... Вы же знали, да? И как я сразу не догадалась... Вот ведь дурочка!

– Что... что происходит? – промямлил Кир.

– Дорогой мой Кир, это было покушение, – лучисто улыбнулся Ирин. – Покушение на твою жизнь... похоже, кто-то знает больше, чем говорит. Ну, да и ладно. Милая леди, вы в состоянии отвечать на вопросы?

Девушка стояла, протирая глаза. Потом она отняла руки и пристально взглянула на ладони.

– Крови нет, – буркнула Маша. – И не должно было быть. Это лишь видимость. Фикция.

– Довольно гнусное заклинание, – сказал Ирин. Маша, услышав укор в его голосе, насупилась. – Но мы ждём вашего ответа. Или вы не говорите на нашем языке?

– Спрашивайте.

Голос у девушки оказался густой и чуть с хрипотцой. Кир подошёл поближе, преодолевая дрожь в коленях. На первый взгляд девушка не была красавицей. Узкий шрам на скуле, взлохмаченные короткие волосы цвета догорающих углей... и совершенно ледяной и отрешенный взгляд! Кир, холодея, понял, что перед ним настоящий убийца-профессионал.

– А вот это вот ты брось, – мягко сказал Ирин. Повёл рукой – и из пальцев девушки выпало тончайшее, но очень острое лезвие и подкатилось к ногам мага.

Маша осторожно подняла лезвие.

– Отравленное, – сморщившись, сказала она.

Услышав скрип натягиваемой тетивы, Кир обернулся. За спиной стоял Иллиор, держа в руках заряженный лук. Он целился в девушку.

– У неё был нож эльфийской работы, – сказал эльф. – Мы не отдаём никому наше оружие. Забрать его можно, только убив одного из нас.

– Ну, милая, – один только Ирин, казалось, излучал добродушие, – вам предъявлено слишком много обвинений. Убить себя вы не сможете, одного из нас – тем более. Так что вам придётся волей-неволей дать нам нужную информацию...

– Я наёмник, – сказала девушка. Фразы её были резкими, отрывистыми. – Нож был моего отца. Не убивайте меня.

Она открыто посмотрела в глаза Ирину. Иллиор опустил свой лук. На лице его было написано удивление и недоверие одновременно.

– Я верю тебе, – сказал Ирин. – Ответь: кто тебя послал?

– Я не знаю заказчика, – сказала она. Ирин сделал Маше, Киру и Иллиору знак садиться – разговор предстоял долгий. Все последовали совету, однако Маша смотрела на мага рассерженно. Наёмница же стояла перед Ирином – как на эшафоте перед казнью, невысокая, но стройная, прямая, как струна. – Я из клана наёмных убийц. Это было моё первое задание.

Маг кивнул.

– Да, я вижу. На твоих руках есть кровь, но это не невинно убитые... Ты сама-то понимаешь, что тебе выдали билет в один конец?

– Я готова была погибнуть, – мотнула головой девушка, но скулы её предательски побледнели при этом. Она готова была убить себя, будучи в состоянии аффекта, но сейчас уже начала раскаиваться в этом своём решении.

– Не верю, – качнул головой маг. – И не смогу поверить, Прися... Да ты не удивляйся, – добавил он, когда девушка взглянула на него удивлённо, – такая уж моя работа – знать все имена...

– Ирин, – мотнул лохматой головой Кир. – Я не понимаю. Если она наёмница, то...

– Мы должны передать её в руки стражи, не так ли? – опередил Кира старый маг. – Да, должны. Но не обязаны...

Наёмница встревожено посмотрела на Кира. Впервые в глазах её мелькнул страх.

– Лучше убейте сразу. Не хочу гнить в тюрьме...

– За такое полагается смертная казнь, – резко сказал Кир. Он, казалось, вдруг резко обрёл самоуверенность. Будто только что понял, что убить собирались не кого-то другого, а именно его. – Ты не смерти боишься, а позора. Если не ошибаюсь, по правилам вашего клана тех, кто не смог выполнить задание, ждёт мучительная смерть?

– Кир, – попыталась одёрнуть его Маша, удивлённая несвойственным парню поведением. Но тот не слушал.

– А может быть, ты тянешь время, пытаешься только довершить начатое? Или у тебя есть друг, сидящий в кустах и ожидающий, когда ты заговоришь нам зубы? И тогда он...

– Кир!

Вопль Маши заставил Кира обернуться и посмотреть на девушку. А Маша, размахнувшись, вlepила слабонервному путешественнику пощёчину. Кир, насупившись, замолчал.

– Ну вот, все и успокоились, – миролюбиво сказал Ирин. Может быть, это ей показалось, но Маша явно видела искорки улыбки в глазах мага. Он хоть когда-нибудь серьёзным бывает? – Кошка, займись Киром. Похоже, у него нервный срыв. А мы с Иллиором решим, что делать с незваной гостьей.

Маша послушно усадила Кира на землю и потянулась за сумкой эльфа – тот вечно таскал с собой какие-то травы, настойки и прочие лечебные штучки. Эх, хорошо бы сейчас среди них валериану найти, а то Киру,

похоже, совсем худо. Вон аж зубы стучат. Действительно, плохо ему... Но, готовя лечебный отвар, Маша тем не менее прислушивалась к разговору. Ей странно было то, что старый маг так относится к убийце-наёмнику. Таких, кажется, не любили во все времена...

– Мою мать убили за связь с эльфом, – девушка, не скрывая не единой детали, продолжала свой рассказ. – Отца долго пытались найти в лесах, но не смогли. Пару раз меня пытались выкрасть – я сама этого не помню, это мне рассказывали. Говорят, кого-то смогли даже ранить... кого-то из эльфов, я имею в виду, – сказала она нахмурившегося Иллиору. Тот шумно засопел, явно намереваясь что-то сказать, но почему-то не стал прерывать рассказа. – После этого набег на наш посёлок были прекращены. Некоторые говорят даже, что отца убили во время одного из таких ночных налётов. – Маша ощутила в голосе девушки едва заметную грусть. – Но я не верю. Меня тренировали, как и всех других детей. Отличало меня лишь то, что я чуть лучше вижу в темноте, и слух у меня более чуткий... ну, и пара других мелочей. Наши наёмники всегда пользовались спросом. И вот однажды вечером в дом нашего старосты постучал человек, закутанный в плащ с ног до головы. Не знаю, о чём они говорили, но после этого староста сразу пришёл ко мне. Он говорил, что, наконец, пришло моё время, что я уже взрослая и что смогу пройти испытание. Что я не покрою позором наше племя и оправдаю его доверие. И он послал меня сюда.

– Но? – тихий голос мага даже Маша не сразу уловила. Но наёмница услышала и почти так же тихо пояснила:

– На первое задание отправляют в девятнадцать. Мне семнадцать. Это раз. Во-вторых, мне очень не понравился его взгляд. Староста... он будто боялся смотреть мне в глаза. Два. И третье... я не могу объяснить. Просто странно это всё... Почему именно я?

– Всё очень просто. И в своё время ты получишь ответы на всё вопросы, – мягко, ласково сказал маг. – Я вижу, как ты устала. Иди спать. Завтра нас ждёт долгая дорога.

Девушка послушно кивнула и, на прощанье обведя взглядом всех, кто сидел у костра, отошла к деревьям, завернулась в плащ и мгновенно уснула.

Было тихо. Только потрескивали сучья, горевшие в костре. Алмаз неслышно подошёл к Маше и тронул её губами за ухо. Маша погладила коня по бархатной морде. Кир как-то странно при этом дёрнулся, едва не расплескав зелье, налитое в кружку. Иллиор сидел где-то в тени, задумавшись. Всё вокруг дышало покоем. И тут Маша вдруг со странной ясностью ощутила, что это её совсем не смущает...

– Ирин!!

– Чуть потише, Кошка, – укоризненно взглянул на неё маг. – Почти все уже спят...

– Неправда, только наёмница и Кир. Вот! Точно! Почему вы её оставили? И почему меня это не удивляет? Колдовство, да?! Опять? И почему я так не умею?!

– Тише, Кошка, тише... Да, я оставил Присею. Мотивы у меня есть, поверь. А вам я просто внушил понимание того, что знаю сам я. Неосознанно, конечно, но вы знаете, зачем мне Присея. Потом поймёте точно. И запомни: её зовут Присея. Просто запомни. Пожалуйста.

– Да, – Маша, обезоруженная серьёзным тоном мага, готова была его слушаться во всё. И это была уже не магия – просто уважение к тому, кто старше, умнее, мудрее... – Ирин, а какие у нас планы?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, Аларонь – это же воюющая с этой страна, да? А мы переступили её границу. Нас теперь каждый сможет заметить и донести... куда следует. И боюсь, нас власти любого города не встретят с распростёртыми объятиями...

– Брось, – Ирин вновь перешёл на привычный ему ласково-мягкий, и вместе с тем лукавый тон. – Я маг. Верховный Маг, если ты забыла. Да и ты не последняя простушка. Положись на меня, хорошо? Я что-нибудь придумаю...

...На первый отряд они наткнулись рано утром. Ирин хмуро сделал всем остальным знак остановиться. Прятаться путники не пытались: их было слишком много. К тому же, рыцари наверняка заметили группу раньше, чем те – их.

По глазам Иллиора Маша прочитала мрачную решимость драться. Кир, кажется, тоже пришёл к таким выводам. Но если Маша только приготовилась к неизбежной стычке, то Кир, похоже, сразу же стал прощаться с жизнью.

...Рыцарей было пятеро. Учитывая их мечи и навыки в драке, Маша, пожалуй, в любое другое время тысячу раз подумала, прежде чем связываться с ними, но в этот момент рядом был Ирин. И одно только его присутствие уже грело душу, как тёплый лучик солнца пасмурным осенним днём.

– Кто вы такие? – произнёс первый рыцарь, и не подумав спешиться. Путники, в свою очередь, тоже не стали слезать с коней. Лицо говорившего было закрыто забралом шлема. Все пятеро мужчин были закованы в железо с ног до головы, и Маше даже становилось жалко их лошадей. Ещё бы – такую груды металла на себе каждый день таскать...

– Мы... – начал было Кир, – но Ирин жестом дал ему знак молчать.

– Мы лишь путешественники, – твёрдо сказал он. Маша, наверное, единственная из присутствующих заметила слабо светящиеся серебряные нити, протянувшиеся от ладоней мага к рыцарям. Ирин использовал одно из заклинаний высшего уровня – полное внушение человеку того, что сообщает говорящий. – Мы для вас не имеем ровно никакого значения. Пропустите нас.

И в ту же секунду Маша едва не вскрикнула – нити заклинания мягко отприкоштели и заметались в воздухе в поисках того, к кому можно прицепиться! Ирин поймал их на открытую ладонь. Маша нервно проглотила слюну.

– Антимагическая защита... – прохрипела она.

– Они пытались воздействовать на нас колдовством! – закричал рыцарь, со скрежетом вытаскивая из ножен огромный меч. – В атаку!

– О, чёрт, о, дьявол, о... Блин!! – Маша спешно пыталась вспомнить заклинание иллюзии – создания нереальных предметов, людей и животных. Вот бы сейчас создать призрачных противников! И пускай бы рыцари с ними дрались...

Под ухом пропела спущенная тетива. Это Иллиор, прицелившись, выпустил стрелу в ближайшего противника, попав ему в ногу. В следующую секунду эльф уже ловко соскочил с коня и, гикнув, запрыгнул на дерево. Спустя мгновение оттуда сорвалась ещё одна стрела, попавшая в плечо одного из рыцарей.

В суматохе внезапного боя один только Ирин был, как обычно, само спокойствие. Сделав Маше, Киру и наёмнице знак не двигаться с места, он лёгким движением руки направил заклинание – но в этот раз не на рыцарей, а на их лошадей. Маша узнала эту синевато-зелёную волну заклятия – это было заклятие превращения, трансфигурации вещей. Лошади рыцарей, похоже, магической защитой не обладали, потому что спустя секунду закованные в железо воины уже стояли на своих собственных ногах, а пять мышей необычного рыжевато-голубого цвета разбежались в разные стороны.

Оказавшись на земле, рыцари, казалось, на какой-то миг опешили, но, впрочем, тут же принялись атаковать. Двое раненых Иллиором старались держаться за спинами товарищей.

– Ирин, их слишком много! – крикнул Иллиор. Маг чуть-чуть нахмурил брови.

– Ой, вспомнила! – радостно возопила Маша, делая пассы руками. Но Ирин одним взмахом ладони обрубил начавшую ткаться нить заклинания. Он поднял руку тыльной стороной вверх – и рыцари застыли на полушаге, полувздохе, полудвижении...

– Нет! Зачем?! – обиженно воскликнула Маша, а маг, выпрямившись на спине безропотно несущего его Алмаза, спокойно объяснил:

– Нет смысла создавать иллюзии для борьбы с иллюзиями.

– Не понял, – тряхнул головой Иллиор, намереваясь что-то добавить, но Маша перебила его.

– Это?! Иллюзии? Быть не может!

– Но стрела, – подал голос Кир, глядя на замерших перед магом рыцарей, – она же попала вон в того! А если бы это был мираж, она прошла бы насквозь...

Ирин, не отвечая, прошептал заклинание. Нападающие мгновенно исчезли. Две стрелы с глухим стуком упали на землю.

– Стрела могла попасть в иллюзию, – хмуро сказала Маша, поднимая обронённые стрелы, – но только при условии, что иллюзия эта была самого высокого качества. Такую можно только рассеивающими чарами убрать – другие заклятия на них не действуют. А как вы поняли? –

обратилась она к Ирину. В глазах её читались и зависть, и уважение одновременно. – Как догадались, что это не настоящие люди?

– Ну, на то я и Верховный Маг, – с улыбкой сказал Ирин. И, увидев в глазах Маши немой вопрос, рассмеялся:

– Просто я, похоже, чуть внимательнее всех вас, вместе взятых! – в голосе мага появилась нотка самодовольства; он явно поддразнивал юную ведьму. – Да дело в том, что у них трава под ногами не приминалась. Представляете, сделать такую сложную иллюзию и забыть о подобной мелочи!

И Ирин разразился смехом. Вслед за ним рассмеялась и сама Маша, а уж после – остальные. Все, кроме наёмницы. Маша начала уже всерьёз сомневаться в том, что Присяга вообще умеет улыбаться...

– Ну ладно, – отсмеявшись, сказал Ирин. – Пора нам в путь. Дорога длинная, пройти нам нужно много, а тут ещё, избави нас Небо, может заявиться настоящий отряд рыцарей. Поэтому, я считаю, нам лучше побыстрее отсюда убраться.

Спорить никто не стал, возмущаться – тоже. Даже непокорная Маша безропотно села на коня и последовала за негласной главой их отряда – магом Ирином.

...Они уже приближались к границам страны, и Ренно понял, что сейчас самое время действовать. Он решил обойтись малой кровью, решив, что отравить половину отряда будет несколько подозрительно. Тем более что сам Артур нужен был ему живым. Пока живым...

Немного магии – и донесение от начальства подоспело как раз к сроку. Не будем упоминать о том, чьей рукой оно было написано...

– Боюсь, что всё гораздо хуже, чем мы думали, – сказал Артур, поднимая глаза от свитка. – Главнокомандующий сообщает, что на границах завязался совсем уж неравный бой. Маги почему-то не идут на помощь. Наверное, боятся... – уловив едва заметное презрение в словах Артура, Ренно усмехнулся. – Но, так или иначе, мне придётся отправить лучших из своих людей на эту кровавую бойню, как бы мне этого и не хотелось... Ладно, – Артур выпрямился в седле. – К чему тратить время на слова. Со мной останутся Киллир, Оррин и Переаст. Маг, – Артур пристально взглянул на Ренно, – тебе решать, останешься ли ты с нами или пойдёшь туда, куда отказались идти многие твои братья.

– О, великий полководец, – с насмешкой, заметной лишь для него одного, ответил Ренно. – Конечно же, я останусь с тобой. Поскольку я не могу оставить ваш и без того небольшой отряд без защиты...

Артур, не дослушав, развернул коня и бросился вперёд. Злорадная усмешка искривила губы мага.

«Скачи, скачи, глупец, иди навстречу своей судьбе, не подозревая, что это совсем не твоя святая судьба. Ищи, ищи Кира, радуйся близости к этой своей цели, не подозревая, что это я тебя к ней веду. Ты не чувствуешь, не знаешь ещё того, что прочно поселилось в сердце твоём.

Ты считаешь, что ты светел, но знай – над тобой Тень. Огромная, всепоглощающая... Вряд ли, друг мой Артур, ты сохранишь рассудок до конца похода...»

...Кир ехал молча. Он был зол на себя.

Всё происшедшее за последние недели выбило его из колеи. Сначала – появление Маши в Школе, следом – бегство из места, которое он раньше всерьёз считал своим домом. Новые люди, новые тайны... Киру никогда ещё не было так плохо. Он пытался осмыслить свои собственные действия, но чувствовал лишь, что это не поможет. В мире всё перевернулось, струнулось с места.

– Эй, Кир! – Маша, с трудом справляясь с норовом своего коня, подъехала к парню как можно ближе. Точнее, настолько близко, насколько этого желала её своенравная лошадь. Не у одного Кира были проблемы с этими животными... – Не кисни! Что с тобой?

– Всё в порядке, – угрюмо ответил Кир. А Маша, взглянув пристальней в его глаза, качнула головой.

«Ты потерялся, Кир, – подумала она. – Ох, и потерялся... Ты не можешь найти себя, своё место в жизни. Мне это приспособление к новому месту обитания далось куда как легче. А ты просто чересчур привык к своей Школе – ты никогда и не выходил за её пределы. Ты и не знал, что она есть вообще – жизнь за пределами того мирка, который ты сам себе навязал...»

– Мы приближаемся, – тихо сказал Ирин, и из головы Маши тут же вылетели все мысли. Она тревожно взглянула на мага.

– Вы уверены? – спросила она.

– Да, – Ирин чуть попридержал Алмаза, чтобы Маша подъехала ближе. – А ты сама этого не чувствуешь?

Маша осеклась на полуслове. И прислушалась к себе.

И услышала мягкий свист где-то в груди.

Шорох, шёпот...

Что-то, скрытое прежде веками, рвалось наружу. Что-то радужно-прекрасное, отчаянно-смелое и зовущее...

Как золотистый глаз дракона?..

Маша тряхнула головой. И нерешительно ответила:

– Да. Я чувствую... что-то.

Ирин улыбнулся.

– Я так и знал, – сказал он. Маша нахмурилась. Ей не понравилось то, что в словах мага вполне мог быть заложен какой-то другой смысл, кроме очевидного.

– Значит, мы уже близко? – обрадовался Иллиор. – Прибавим шагу!

Наёмница молча кивнула, Кир просто тронул носками сапог бока своего коня – и тот тут же перешёл в лёгкий галоп. А Маша, глядя им вслед, подумала, что её-то собственный конь вряд ли будет слушаться с таким же покорством...

...Этой ночью она снова видела во сне Кира. И драконов. Но голос, слышимый ею каждую ночь до этого, бесследно исчез. Растворился в метели золотой листвы, исчез, сожжённый огненным дыханием дракона...

Маша открыла глаза. Рядом сидел Иллиор и вертел в тонких пальцах зелёно-оранжевый лист, слетевший с соседнего клёна.

– Осень наступает, – невнятно сказал он и, бросив сухой лист в траву, поднялся на ноги. Маша глядела ему вслед с беспокойством. Что было нужно белокурому эльфу? Просто так он тут сидел или же *слушал сны* Маши?

...В полдень, сверившись с картой, седовласый маг заявил, что им осталось совсем немного.

– Но впереди, – сказал он, почему-то пристально глядя на Машу, – впереди пост. Мы должны объехать его так, чтобы они не заметили.

– Подумаешь! – фыркнула Маша. – Наложить заклятие смещения звуков – и вместе с ним искажения пространства. Пара пустяков.

Она осеклась, увидев, что Ирин качает головой. Выражение его лица было серьёзным. Очень серьёзным.

– Нет. Впереди *магический* пост, Маша.

Иллиор насупился. Кир нетерпеливо заёрзал в седле.

– И что нам делать?

Это произнесла наёмница. Присяж... Маша обернулась и взглянула на девушку. Глаза той мерцали каким-то странным светом...

– Надеяться, что нас не обнаружат, – пожал плечами Ирин. – И быть тихими...

– Как мышки, – буркнула Маша. Ирин обернулся к ней и вполне серьёзно кивнул.

– Вот именно. Как мышки. Спешитесь, – голос мага обрёл командирские нотки. – Возьмите лошадей за поводья. Уберите всё, что могло бы вызвать ненужный шум – всё, что гремит, бренчит... Маша, тебя это в первую очередь касается – звон твоих браслетов может нас выдать. С лошадей снимите все вещи. Понесём в руках.

...Спустя пару минут они уже вышли к небольшой прогалине в лесу. Всюду лежали покрытые мхом срубленные деревья. А сверху над ними возвышалась грубо сделанная из стволов тех же деревьев башенка – двухъярусная, под крышей которой сидели трое одетых в кольчугу людей.

– А вот теперь всем очень тихо, – едва слышно сказал Ирин. – Я накладываю антимагическую сеть, чтобы нас не смогли засечь охранные заклинания. Заклинание сложное, поэтому прошу не мешать.

Все послушно притихли. Иллиор сделал пару шагов вперёд, пытаясь разглядеть получше, что представляет из себя пост в лесу. Маша, обречённо вздохнув, сжала пальцами повод своей лошади. Наёмница подошла к ней поближе, ступая мягко, как кошка. Кир стоял рядом и, судя по выражению его лица, чувствовал себя крайне неудобно...

Всё случилось за какую-то долю секунды. Ирин делал в воздухе пассы ладонями и шептал какие-то только одному ему известные слова. Лицо его было напряжённым.

...А к Маше пришло внезапно ощущение того, что что-то неправильно. Даже не ощущение – чёткое чувство, твёрдая уверенность! Она видела лицо мага, который... Она чувствовала чьё-то присутствие...

– Маша!

Крик Иллиора прозвенел в ушах. А Ирин уже обрушивал серебристую цепь своего заклятия на нападающих – их было пятеро, одетых в кольчугу солдат. Они выскочили из кустов, прикрытые магической защитой, равной которой сейчас пытался окружить своих спутников старый маг. Они тоже были магами, эти воины – Маша сразу это почувствовала. И ринулась к Ирину, который творил уже другое заклинание – судя по наливающемуся огнём шару в его руках, смертельное. Но не успела...

Её опередила Прися.

Наёмница, совершив отчаянный прыжок, встала рядом с магом. Голоса мага и медноволосой девушки слились воедино...

Мелькнула вспышка, от которой захотелось закрыть глаза. А когда у Маши появилась возможность что-то разглядеть – солдат поблизости уже не было.

От поста спешили ещё трое. С ними справились быстро: Маша послала в одного из них заклинание затормаживания, Иллиор и Кир справились с двумя остальными. А после обернулись к старому магу и наёмнице.

Те, похоже, и не заметили повторного нападения. Ирин как-то совсем по-отечески держал наёмницу за руку, а та ему что-то тихо говорила. И, судя по лицу Ирина, нечто чрезвычайно важное.

– Ирин, – позвала Маша. Маг не обратил на неё внимания.

– Что происходит? – спросил Кир.

Хмурый, впрочем, как и всегда, Иллиор подошёл ближе.

– Не представляю, – хрипло сказала Маша.

– О боги леса, – закусив губу, прошептал Иллиор. Взгляды Маши и Кира переметнулись к нему.

– Что? – нетерпеливо спросила Маша. – Что ты?..

– Я знал, – качнул головой эльф, не отрывая взгляда от мага с Присеей.

– Я всё это время знал, но не хотел верить...

– Что ты знал? – сорвалась на крик Маша. – Что такого ты знал? Что такого знают все, чего не знаю я одна? Объясни мне! Почему Прися обладает магией?!

– Она моя сестра, человек. Она эльф, – и Иллиор в ту же секунду сорвался с места. Он подлетел к Присее и крепко обнял её. Ирин, казалось, совсем не был удивлён таким бурным проявлением чувств.

Маша обернулась к Киру. В глазах того ещё сквозило удивление, но недоумение, испуг... и что-то ещё, бывшее до этого в его взгляде, бесследно исчезло. Кир знал. Он знал!

Кир нетвёрдыми шагами подошёл к Присее.

– Я так и думал, – сказал он. Маша вздрогнула. – Я чувствовал, что это ты.

– Ирин, – вновь позвала Маша. Она была уже на грани истерики.

На этот раз старый маг послушно повернул к ней голову. Взгляд у него был ласковый, но вместе с тем чуть настороженный.

– Я... Мне... Ответь, Ирин, – Маша нервно ломала пальцы. – Это значит... Ведь правда, да?! То есть всё, что было, – всё зря?! И я не...

– Маша, – мягко сказал Ирин.

– Ну, ты же знал! – выкрикнула Маша. – Так какого чёрта ты морочил мне голову?! Я думала, переживала... А зачем?! Ведь это Присяя должна была сделать, так? Она должна спасти этот мир?

Маг молча кивнул. Глаза его изучающее смотрели на Машу.

– Так зачем? Я не понимаю! Я думала, что нужна здесь! И Наставница говорила... А всё было зря! Слушай, Ирин, зачем тогда ты меня здесь держишь, а? Ты ведь всемогущий маг! Ну, верни меня домой!

Ошалелый, испуганный поведением Маши, Кир шагнул было вперёд, но Иллиор остановил его.

– Подожди, – шепнул он тихо. Кир замер на месте.

– Я не могу, – просто ответил девушке Ирин.

– Вы просто не хотите, – угрюмо ответила Маша. – Вы не понимаете!

– Я прекрасно понимаю. Ты теперь не видишь смысла оставаться там, где твоё присутствие необязательно? Но послушай. У тебя всегда была цель? То, ради чего ты шла? Не отвечай, подожди. Неужели ты всегда знала, зачем появилась здесь? Зачем покинула свой мир? Своих друзей, свою наставницу? Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что вряд ли. Ты не знала о своей миссии до тех пор, пока не пришла к эльфам.

– Это не...

– Подожди. Я не закончил. Я, наверное, не в силах доказать тебе многогранность мира, как и то, что многие наши поступки влекут за собой такие события, о которых мы подчас не можем даже подозревать. Мы не можем решать за других, потому что не в силах решить за себя. И ты не можешь сейчас уйти, Кошка. Я не могу тебя отпустить, потому что не я тебя сюда перенёс. Ты всё поймёшь, когда придёт время. Когда ты выполнишь то, для чего пришла сюда. Ты, конечно, можешь покинуть нас, но вряд ли этого хочешь. Да и мы, признаюсь, тоже этого не хотели бы. Ты ведьма. Но если захочешь, можешь стать Магом. Магом с большой буквы. Всё в твоих руках. И судьба мира сего тоже.

После речи Ирина повисла тишина. Маша угрюмо молчала, кусая губы. Иллиор так и продолжал держать Кира, хотя тот даже не пытался вырваться. А Присяя, не отрываясь, смотрела в лицо Маши.

– Я не вижу смысла, – тихо сказала Маша.

– Сейчас нет. Но придёт время, и ты всё поймёшь, – мягко сказал Ирин. Глаза его снова лукаво улыбались. – Поверь мне.

Маша подняла взгляд на мага и кивнула. После молча подошла к своему коню и сгрузила на него вещи, в пылу битвы брошенные на землю. Иллиор, Кир и Присяга молча наблюдали за её действиями.

– Ну, что застыли? – рассмеялся вдруг Ирин. Смех его, как ни странно, тут же снял всеобщее напряжение. – Нам ещё предстоит долгий путь. По коням!

...Дыхание Артура учащалось. У него был жар. Ренно с улыбкой смотрел на мучения бывшего начальника экспедиции. Последний день пути дался Артуру гораздо тяжелее, чем все предыдущие. Может, дело было в непонятной хвори, внезапно приключившейся с его приближёнными и по непонятной причине лишь слегка затронувшей его самого.

...Они ехали гуськом по узкой тропинке, вьющейся между стволами деревьев. Артур – впереди, следом трое его подчинённых, последним – Ренно. Он, как замыкающий, видел лишь спины своих спутников, но, тем не менее, всё равно прекрасно знал, что сейчас происходит.

Подсыпанный в еду порошок действовал медленно. Но зато верно... Действие этого вещества было почти необратимо. Сейчас в душах троих подчинённых Артура происходят страшные вещи. Добро полностью вытесняется Злом, все светлые качества их душ уходят безвозвратно. И человек превращается в живую Тень – существо, полностью контролируемое его, Ренно, волей. Были, конечно, случаи, когда действие порошка было чересчур медленным – всё зависело от личных качеств человека, от того, насколько светла была его внутренняя сущность. Иногда перерождение не происходило вовсе. Но сейчас Ренно сомневался, что эти трое профессиональных убийц настолько чисты, что смогут победить валь Тьмы, что застилала их глаза, заставляя кровь чаще стучать в висках, а дыхание – ускорять свой темп.

С Артуром Ренно решил пока не совершать ничего необратимого. Тенью его можно сделать всегда, но – зачем? У Ренно и так хватает верных слуг. А вот человек, полностью подвластный его воле – это уже куда лучше. Исходя из таких соображений, Ренно и подсыпал в порцию Артура лишь треть нужной нормы.

Ехавший впереди Киллир обернулся и угрюмо посмотрел на Ренно. В глазах всадника горела матово-красная дымка. Ренно удовлетворённо кивнул.

– Останови тех, кто впереди, – приказал он. Всадник молча повиновался.

Они спешили. Ренно, не говоря ни слова, подошёл к коню Артура, всё ещё сидевшего верхом, и взял животное за поводья.

– Спускайся, – сказал Ренно. – Нам нужно поговорить.

– Что ты сделал? – Артур, не подвластный до конца воле мага, тем не менее послушно спрыгнул со спины лошади. – Как ты посмел?.. Что ты сотворил с моими людьми?..

– Это теперь мои люди, – Ренно позволил себе усмехнуться. – И ты теперь тоже мой. Мы сейчас поедem туда, куда я вам скажу. И делать вы будете то, что Я вам скажу. А ты, Артур, будешь молчать и не высовываться. Ясно?

Трое подручных ответили тихим слаженным хором. Артур молчал, с ненавистью глядя на Ренно.

– Гадкий колдун, предатель своей страны... ты околдовал их разум. Как ты... ты...

Ренно с презрением смотрел на него. Он ждал, зная, что ненависть сейчас – лучший ему помощник. Ненависть помогала вылезти из закоулков разума тому, чему не было названия. Она помогала Тьме.

– Ты будешь мне подчиняться.

И когда Артур поднял глаза, Ренно увидел в них багровый отсвет.

– Буду, – глухо раздался ответ.

– Замечательно, – в глазах Ренно светилось торжество. – Я увеличу скорость нашего продвижения. Мы будем ехать всю ночь, не останавливаясь, ясно? Курс на юго-восток. За мной!

Ренно тронул бока своего порядком уставшего коня, который, с трудом сделав рывок, перешёл на лёгкую рысь. Следом ехали три бойца из клана «летающих призраков». Замыкал процессию сжавшийся в комочек, закутавшийся в свой плащ Артур...

Медленно, но верно наступал вечер. Небо сначала окрасилось всеми оттенками розового, затем – пожелтело, стало темнеть и, наконец, заиграло первыми, ещё неяркими светлячками звёзд. Вокруг шумно стрекотали какие-то насекомые, над головой шумел листьями засыпающий лес.

Маша вздохнула. Всё вокруг дышало покоем, а вот у неё на душе было почему-то беспокойно. Кир, Иллиор, Присяя и Ирин – все они, казалось, наслаждались свежестью приближающейся ночи и ни о чём не думали. А вот в груди Маши поселился какой-то непонятный червячок, который с упорной настойчивостью вгрызался в сердце, с каждой минутой всё сильнее и сильнее. Уже не радовал хоровод звуков и запахов, чьё царство было вокруг. Весь мир как бы съёжился, сосредоточился в одной точке, упорно не желая выпускать Машу из своих терпких и жёстких объятий.

...Деревья стали редеть. Лошади уже не продирались сквозь густую чащобу кустарника, а шли свободно и неспешно, будто на прогулке. Белоснежный Алмаз, фыркнув, ускорил шаг, стараясь, как и прежде, с царским величием нести своего седока. Иллиор, усмехнувшись, пришпорил своего коня и вырвался вперёд. Обиженный Алмаз скакнул было следом, но был остановлен Ирином.

– Иллиор, вернись назад, – глухо приказал маг.

– Зачем, учитель? Ой, то есть я уже иду! Ой... боги леса!

– В чём дело? – Маша сочла своим долгом вмешаться.

Ирин обернулся и смерил Машу долгим пронзительным взглядом.

– А дело в том, что мы уже на месте, – просто сказал он.

– Что, уже? – Маша почувствовала, что напряжение отпускает. – Ну, ничего себе! И ты молчал?! – Она хотела было рвануть следом за эльфом, но Ирин остановил её.

– Пстой. Не так. Встань ногами на землю. Это колдовское место. Не стоит обижать его глупым пренебрежением.

Маша, широко раскрыв глаза, кивнула. И тут же спешила. Следом прыгнули со своих коней и Присяя с Киrom. Маша посмотрела было на них, но тут же отвернулась. Почему-то при взгляде на эту парочку ей становилось грустно... и чуть-чуть обидно.

Ирин, взяв Алмаза под уздцы, зашагал вперёд. Маша двинулась следом. Кир и наёмница тоже не отставали.

...Деревья внезапно расступились перед магом, обнажая огромную поляну, заросшую высокой, по пояс, травой. Размеры этой скрытой в лесу поляны впечатляли. Кроме того, она была абсолютно круглой. Деревья робко примостились по краю внешнего кольца, не решаясь шагнуть дальше.

Иллиор стоял по грудь в траве. Конь его, недоверчиво прядя ушами, стоял рядом.

Эльф обернулся.

– Что мы должны делать, учитель? – спросил он.

– Ещё не пришло время, – сказал Ирин. Глаза его излучали какой-то странный свет, видимый даже в царившем вокруг сумраке. – Мне нужно собраться с силами, да и не мне одному... Дети мои, – он обернулся к Киру и Присее, – постарайтесь внутренне подготовиться к тому, что вас ждёт. Сам я вам в этом не могу помочь. – Ирин положил руку на плечо наёмнице, и та с готовностью кивнула. Маша скорчила недовольную гримаску. В её сердце вновь возвращалась тревога...

– Маша, Иллиор, – Ирин обернулся к девушке, – мне понадобится ваша помощь. Вы оба владеете магией. Вы оба сможете выполнить свою миссию. По крайней мере, я очень на это надеюсь... Идите в центр поляны и постарайтесь расчистить место для костра. Боюсь, без сил природы мы здесь не обойдёмся... слишком много времени прошло. И найдите мне воду. Ручей, озеро – что угодно! Всё. Присяя, Кир, идите за мной.

И Ирин зашагал к негустой кромке леса, хищно оскалившейся иголками хвойных деревьев. Маша оторопело смотрела ему вслед. «Найдите воду!» Что он этим хотел сказать?!

– Что будем делать? – она взглянула на Иллиора. Тот стоял, угрюмо глядя под ноги.

– Давай поделимся. Я подготовлю костёр, а ты ищешь источник. Идёт?

Маша молча пожала плечами. Иллиор, восприняв это как согласие, двинулся ближе к центру поляны, туда, где Ирину нужно было устроить костёр. «Ирин! Вечно Ирин! Он зарвался, этот Верховный Маг! Нет, ну почему всегда он, именно он решает, что делать всем остальным?!»

Бурча подобным образом, Маша, тем не менее, вошла в темнеющий лес и упрямо зашагала куда-то вдаль. Через пару минут своего продвижения она поняла, что таким методом ничего не добьётся, и принялась вспоминать заклинание, подчиняющее водную стихию.

– Оно у меня никогда не получалось, – прошипела она себе под нос, тем не менее совершая все необходимые движения. Это заклинание помогало почувствовать воду и найти её даже там, где, казалось бы, сделать это практически невозможно.

Маша замерла, вытянув вперёд руки и сложив пальцы наподобие веера. Она должна почувствовать наличие водной стихии, должна...

Ветерок, приятно обдувающий лицо, вдруг вернулся с чистым речным запахом. Маша радостно улыбнулась. Получилось!

...Это оказалась даже не речка. Просто – маленький ручеёк, пробивавшийся сквозь мох у корней многолетней лиственницы. Свежий и чистый, он упрямо продирался сквозь лесную поросль, неся свои воды сквозь лесную чащобу. Маша присела рядом и умылась холодной водой. Потом сделала глоток. От выпитой воды сразу же заломило зубы – настолько холодной она была, но зато Маша теперь чувствовала себя свежей, как никогда. От неясной тревоги и тоски не осталось и следа.

Потом Маша застыла в нерешительности. Ирин потребовал найти ручей, но не сказал, что нужно сделать, когда найдёшь его. Недолго думая, Маша сорвала с пояса походную суму, доставшуюся от эльфов, и принялась искать флягу. Найдя, она сорвала зубами пробку и опустила сосуд в ручей. А после с чувством выполненного долга зашагала обратно к поляне.

Где-то ближе к середине поляны Иллиор развёл костёр. Сучья, которые он кидал в огонь, издавали громкий треск, а сам костёр был настолько высоким, что, казалось, пламя упирается прямо в небо.

– Ничего себе, – тихо сказала Маша, подходя ближе. Рядом с ослепительным пламенем огня стояли и все остальные. Ирин что-то тихо говорил Присее и Киру. Те внимательно слушали.

– Маша! Ну, наконец-то, – обрадовался маг, увидев девушку. Присея за его спиной облегчённо вздохнула. Кир же утирал пот со лба. Он выглядел как никогда неуверенно...

– Я нашла вам ручей, – сообщила Маша. – Вот только не знала, что с ним делать. Я принесла вам воды, – она протянула Ирину флягу, но тот не торопился взять её.

– Направление, – бодро сказал-спросил он.

– Юго-восток, – отчеканила Маша. – Но если вам нужно было только направление, зачем тогда...

– Чтобы занять вас делом, – с улыбкой ответил маг. – И чтобы не путались под ногами... Извини, Маша, но это правда.

– Да ну вас, – обиделась Маша, вынимая пробку из фляги и наклоняя её горлышко к земле. – Надоело...

– Стой! – Ирин схватил её за руку, не давая расплескать ни капли воды. – Откуда?..

– Как откуда?! – опешила Маша, вырывая руку.

– Постой-ка... – Ирин поднёс флягу к носу. Понюхал. Потом сделал глоток и поднял сияющие глаза к лицу Маши. – Не могу поверить... Настоящая

вода – здесь!.. Невероятно... Сами силы стихий помогают нам. Спасибо, Маша, – он кивнул девушке, словно бы отвешивая лёгкий поклон. – Ты не представляешь, что... и как ты смогла найти... Впрочем, сейчас это не важно, – опомнился маг. – Есть куда более первостепенные дела. Присяе, Кир, Иллиор! Выпейте по глотку. Усталость сразу же исчезнет. И ещё... эта вода поможет вам подчинить себе силы, заложенные в вас.

– Но Ирин, – Маша уцепилась за рукав мага, – объясни! Чем эта вода так необычна? Она волшебная?

– Нет, – глаза мага сияли, как два маленьких солнышка, согревая, но не опаяя. – Она просто настоящая. И хватит об этом, ладно? Я с удовольствием расскажу тебе обо всём. Но только не сейчас. Не сегодня.

– Хорошо, – Маша разочарованно отошла от мага и подошла туда, где уже стоял Иллиор, глядящий на костёр, будто заворожённый игрой пламени.

Ирин совершал последние приготовления. Он поставил двух участников происходящего по разные стороны от костра. После помешал горящие угли и произнёс тихонько что-то. Пламя тут же приобрело фиолетовый оттенок.

– Силы стихий! – прокричал маг чистым, звонким голосом, который разносился далеко вокруг. – Я призываю вас прийти ко мне! *Еннаро тиотт ехнул ротт...*

Пламя костра вспыхнуло ярче. Иллиор и Маша встали так, чтобы видеть и Кира, и Присяею. Все – и участники колдовства, и его наблюдатели, – были словно заворожены, зачарованы действием. Маша не видела ничего, кроме малиново-лиловых отблесков. Ей казалось, что огонь стал частью её самой, частью того, что она так долго искала...

...Ветер внезапно усилился. Начали собираться тучи. Мелкий дождик простучал свою барабанную дробь по тугой плоти листы, а после – пролился густой пеленой на костёр. Но пламя не погасло; наоборот, оно стало светить ровнее и ярче. Изо всех сил дующий ветер тоже не смог ничего сделать, единственное, что оказалось ему по силам – превратить пламя в яркий, слепящий силой своего света столб огня, упирающийся в небо. Маша вздрогнула. Ей вспомнился лес эльфов и происходившее тогда волшебство.

– *Амме оrego ынь иркасаттап. Аве... Оре...*

Пламя вспыхнуло, заставив Машу и Иллиора отскочить подальше, в траву. Всё, что они теперь видели, – это три чёрные фигурки и всё застилающая пелена огня...

...Маша, казалось, вообще утратила способность видеть и слышать. Поэтому, уловив краем уха чьи-то крики, она не сразу обратила на них внимание. Багрово-красная пелена очень медленно спадала с глаз. Просто Маше не хотелось верить в то, что кто-то осмелится нарушить таинственный ход заклинания Четырёх Стихий...

...Из-за укрытия деревьев на поляну высочили всадники. Их было четверо, и неслись они во весь опор. Маша с ужасом поняла, что спустя какие-то секунды они будут здесь. Она даже узнала их главаря, это был

Ренно – ученик Школы магии... Она поняла, что не может просто ждать их появления. Ей захотелось что-то сделать, она даже подняла руки для заклинания...

...И застыла, сражённая необыкновенно прекрасной, первозданно-дикой силой, которую сейчас ощущала. Краем глаза она видела, как Иллиор целится из своего лука в приближающихся всадников, но не обратила внимания. Это уже было не важно. Гораздо важнее было то, что происходило за спиной...

Она обернулась, и ветер растрепал её волосы. Ирин стоял лицом к Маше, сжав губы и подняв свой посох к небу, а рядом с ним – Присяя и Кир. Но с ними произошла непонятная, ошеломляющая трансформация. Выражение их лиц изменилось, оставшись прежним разве что у престарелого мага. Глаза их горели живым огнём, отблеском того, что сиял сейчас за их спинами. Присяя обрела то, чего так не хватало её фигурке – могущество, присущее эльфам; то, дыхание чего ощущалось во всех без исключения детях леса. А Кир... Он стал самим собой.

Он стал Киrom из её снов.

Разглядывая своих друзей, Маша не сразу обратила внимание на столб огня. А когда посмотрела, поняла, что тот уже не опирается своим остриём в небо.

Пламя лизало ей ноги.

Ветер раздувал её кудри.

Дождь ласковыми каплями падал на лицо.

Трава под ногами мягко шелестела, успокаивая.

А в грудь упирался тонкий луч мягкого золотистого света, идущий откуда-то из середины костра, оттуда, где земля смешивалась с огнём, а дождь – с ветром...

– Пой, Кошка! – Маша не сразу узнала голос мага. – Ты знала свою роль и не могла смириться с нею. Пришло время открыться. Пой!

И Маша запела.

Она знала, что делает. Она знала, что держала это заклинание глубоко в своём сердце ещё до того, как пришла в этот мир. Она знала наизусть каждое слово, каждый звук мелодии... Да, обычное заклинание можно произнести неспешным речитативом, но для Великого Заклинания нужен самый сильный связующий элемент во Вселенной.

Нужна музыка.

Маша пела, и время, казалось, замедляло свой бег. Оно будто прислушивалось к звукам музыки, срывающимся с губ девушки. А прислушавшись, замирало, пытаясь понять и ощутить невыразимую красоту происходящего.

Маша раскинула руки. Ей казалось, что она летит, а в груди играл огонь... Живой огонь.

Иллиор, оглянувшись, замер. Натянутая тетива лука в его руке дрожала.

Приближающиеся всадники во главе с Ренно тоже застыли вдруг на месте.

Потому что рядом с тремя людьми и одним эльфом при свете угасающего костра они увидели золотистого дракона.

При свете догорающих углей чешуя дракона матово переливалась. Дракон повернул свою шипастую голову на длинной тонкой шее и дунул огнём в Ренно. Тёмный маг с воплем отскочил, упав с лошади, но успев оградиться заклинанием, а вот остальные трое всадников не смогли защититься от всепожирающего языка пламени.

– Маша! – прикрикнул Ирин.

Дракон, фыркнув, повернул к нему свою голову. Изумрудно-зелёные прорези глаз величаво и лукаво взглянули на мага.

– У тебя нет времени на развлечения, – строго сказал маг. Он намеренно обращался к своей подопечной в таком тоне. Он знал, что это было единственным средством перебороть эйфорию от превращения. – Тебе сейчас предстоит непростая задача. Ты должна... и ты это знаешь. Главное, чтобы звериные инстинкты не взяли над тобой верх. Понимаешь? Иначе всем нам придётся плохо.

Маша кивнула. Теперь её взгляд был уже вполне осмысленным.

– Я готова, – прошелестела она. Собственный голос напомнил ей лёгкий хруст сухих песчинок.

– Тогда лети, – сурово кивнул маг. – И... удачи тебе.

Маша, втягивая ноздрями прохладный ночной воздух, распахнула свои кожистые крылья. Её переполняло ощущение счастья.

– Нет!!

Маша стрелой взвилась в небо. Крик Ренно она услышала уже будучи в воздухе.

– Я не позволю! – молодой маг стоял на земле; из порезанной в клочья щеки его бежала кровь. – Я не дам тебе сорвать все мои планы, слышишь?! Не дам!!

Он поднял руку вверх – и с пальцев его заструилась Тьма. Она лилась какими-то рваными клочьями, медленно и плавно заполняя собой воздух. И Маша с ужасом почувствовала ледящую силу этой Тьмы, поняла, что не может противопоставить ей хоть что-то... Она взмахнула руками-крыльями и рванулась вверх – всё выше и выше, в надежде, что Тьма её там не достанет... Внизу что-то кричал Ирин; Иллиор, Кир и Присяя гомонили на все лады – тоже, наверное, читая заклинания... Но это не помогало. Маша летела, задыхаясь, всё быстрее и быстрее, но Тьма обволакивала её, загоняя в густой наэлектризованный кокон ледяного холода, высасывающего кровь, тепло из тела, мысли – из головы, а из сердца, казалось, исчезало желание просто биться... Дышать становилось всё труднее и труднее. Золотистый свет, исходивший от чешуи, померк, глаза не могли ничего разглядеть в чернильно-чёрной пустоте внезапно наступившей ночи. Точнее, ночь давно уже заявила свои права на этот мир, но только сейчас она решила показать себя во всей красе.

Маша поняла, что не сможет больше удерживать исчезающую ниточку сознания. Вокруг была одна только Тьма – и ни лучика света. Даже огонь, горевший прежде в груди, погас. Наваливались на плечи ставшие уже знакомыми тоска и какая-то ледяная безысходность...

На какой-то миг Маша потеряла способность думать, а когда вновь пришла в себя, то больше не была драконом.

...Теперь она была человеком.

Девочкой Машей в лёгком платье цвета желтеющей листвы.

А вокруг снова царила осень...

...Маша была в лесу. В том самом лесу, который прежде так часто видела во сне...

...Был день. Тёплый, солнечный, медленно клонящийся к закату...

Здесь, на этом самом месте, Маша обычно встречалась с Киром. Но сейчас его почему-то не было рядом... Вокруг было одно лишь режущее глаз пестрение красок. Жёлтый, буро-зелёный, багряный, красный, коричневый... И чистый изумрудный мох у корней деревьев...

Вода!

Она журчала точно так же, как и в реальном мире. Маша помнила, как зачерпнула воды во флягу и отнесла... кому? Маша сохранила в памяти чьи-то добрые глаза и серебро волос, но больше... всё остальное как будто стёрлось. Будто бы так оно всегда и было – она, Маша, этот осенний лес и призывное журчание ручейка...

Маша нагнулась и зачерпнула пригоршней воду. И вновь ощутила холод...

– Ну! Ты вернулась?!

Маша рывком поднялась с колен и обернулась – к той, что с ней говорила. Голос был знаком до боли – хриплый, чуть лукавый, – и очень сухой, будто медленно текущие из ладони песчинки...

Говорящего не было видно. Голос, казалось, исходил из ниоткуда.

– Кто ты? – спросила Маша. Осенний лес молчал, не желая объяснять очевидное. – Где ты?

– Я здесь!

Между стволами деревьев промелькнула гибкая женская фигура. Маша не видела лица, она разглядела лишь, что одета женщина была в краски окружающего леса.

– Постой! – Маша кинулась следом. – Подожди! Я должна узнать...

Маша бежала, летела вслед за одетой в жёлтое фигурой. Несколько раз ей казалось, что она уже почти поймала незнакомку за подол платья, но та всё же умудрялась ускользнуть – в самую последнюю секунду. Маша запыхалась, уже начиная терять надежду на то, что увидит, наконец, этот ускользающий призрак, – когда деревья резко кончились. Маша, не ожидая этого, пробежала несколько шагов вперёд, пока не поняла, что вылетела на большую округлую поляну, конец которой терялся где-то вдаль, на горизонте.

Маша осмотрелась по сторонам. Незнакомка стояла рядом, в двух шагах впереди. Это была молодая девушка одного с Машей роста, с тёмными, почти чёрными волосами. Лица её не было видно – знакомка стояла спиной. Высокие травы, которыми заросла поляна, доходили ей почти до пояса.

– Эй! – окликнула Маша. Незнакомка не обернулась. Она стояла абсолютно без всякого движения, подняв лицо к небу. На волосы знакомки падали солнечные блики, заставляя их вспыхивать золотистыми искрами. Маша насупилась, ощущая в сердце стремительно растущий страх. – Отзовись, не молчи!

Незнакомка хрипло рассмеялась... и обернулась.

И посмотрела на Машу своими зелёными, чуть безумными глазами. В зрачках играло пламя...

Маша вскрикнула. Отступила на два шага. Страх не исчез, – наоборот, увеличился втрое.

А вместе с ним в сердце пришло удивление...

Потому что Маша смотрела на саму себя.

На свою точную копию, у которой в глазах пляшут язычками пламени маленькие злые чёртики...

– Кто ты? – выдохнула Маша.

Собеседница хрипло усмехнулась.

– Я? – она не отрывала глаз от Машиного лица. – Я это ты, и ты это знаешь. Только притворяешься... Ты всю дорогу, приведшую тебя сюда, притворялась, что меня нет... Что я сон, фантазия, мираж! Но нет, милая. От меня тебе так просто не избавиться...

– Кто ты?.. – прошептала Маша, отступая ещё на пару шагов.

– Я – это та ты, которая не знала о существовании этого мира. Не знала о себе самой в этом мире. Не знала своей Силы и, не соизмеряя её, расходовала по пустякам... Я – это та ты, которая жила в веке каменных домов и улиц. Я – это та ты, которая слонялась по лабиринту городов, не зная, что её гложет и ищет... Я – это ты, Маша. Я – это больше, чем ты.

Маша, прерывисто выдыхая воздух, отступала к лесу, надеясь там найти защиту. Но деревья почему-то будто отодвигались от девушки, становились недостижимыми...

– Я – это ты, Маша! – знакомка, следующая за ней по пятам, раскинула руки. – Но я больше тебя. Ты привязана к этому миру... А я нет. – Она повышала голос с каждой секундой. – И я уйду отсюда... А вот тебе это уже не суждено!

Рывок – и раскинутые руки обернулись крыльями. Чёрными, кожистыми крыльями непропорциональных телу размеров. Маша, замерев, смотрела на происходящее. Собеседница трансформировалась. Превращалась в дракона...

Чёрного, как сама ночь, как порождение Тьмы... Тьмы, струящейся с кончиков пальцев...

Маша тряхнула головой. Что-то упорно лезло в мозг из глубин памяти.

Что-то очень важное...

– Ой!

Машу как током ударило. Она вспомнила. Вспомнила всё.

– Ренно...

Она смотрела на дракона, парящего над ней, готовящегося атаковать, и её душу наполняла ненависть.

– Нет.

Она раскинула руки в стороны.

– Ты никогда не станешь мной...

Подняла ладони к небу...

– Я смогу.

Приятное покалывание в пальцах... Колющая боль в середине ладони...

– Я должна!

Маша выпрямилась.

– Я обещала им!..

Она расправила крылья и стрелой метнулась в небо, туда, где её ждал чёрный дракон Тьмы. Сама Маша вновь была золотистого цвета; а несущие её вверх раскрытые кожистые крылья неярко светились, излучая тепло...

...Схватка была короткой. Кир смотрел в небо, где кружились два дракона – золотой и чёрный, будто сотканный из самой Тьмы... Впрочем, так оно и было. Был момент, когда Кир уже отчаялся верить, перестал надеяться... Когда землю накрыла чернильная вуаль, закрывающая всё вокруг – и испуганное лицо Присеи, и собранное, но сердитое Иллиора... Исчез даже свет, излучаемый посохом Ирина... И тогда Кир со страхом подумал, что...

...Но тут мрак рассеялся. Не до конца, правда. На земле осталась ночь – уж она-то не собиралась сдавать свои права. Но в этой ночи был залог скорого рассвета, того, что восход – возможен, хотя и очень не близок, и поэтому страшной темнота уже не была... К тому же, озарённая всполохами звёзд...

...И золотистым сиянием тела дракона, кружащегося в воздухе...

Они задрали головы и смотрели. Никто из них не пытался помочь своим неумелым колдовством. Ренно же, наставший такие страшные чары, лежал без сознания. А жив ли он был?.. Как ни странно, Кира это сейчас волновало меньше всего.

Потому что он следил за Машей и Тенью. Он чувствовал ненависть, исходящую от Маши – и страшную, всепоглощающую безразличность Тени...

У чёрного дракона не было души. Была одна лишь задача: уничтожить...

Кир прерывисто вздохнул. Он сейчас как будто чувствовал запах ветра, дувшего в высоту, и его губительный холод, не страшный, впрочем, для тела огненного дракона. Люди всегда боялись высоты, а вот драконы – нет... Кир чувствовал запах огня, вкус огня во рту... Сейчас он и сам был драконом...

...Маша не сдавалась. Она нападала вновь и вновь, но Кир чувствовал, что справиться ей не дано... Он видел выражение лица старого мага и понимал: слишком поздно... Слишком силён оказался враг, чересчур расчётлив и хитёр...

...Маша зарычала и, сложив крылья, кувыркнулась в пике. Дракон Тьмы явно не ожидал этого, но, тем не менее, увернулся. И в ответ ударил обидчицу хвостом...

Маша закричала. Она уже помнила эту боль – как тогда, когда Тени напали на неё в стенах Школы... Тогда они лишь коснулись её – и всё тело охватила жуткая, чудовищная боль. Уносящая рассудок и волю, вводящая в дебри собственного сознания...

Сейчас боль была в несколько раз сильнее.

Маша рывками заставляла своё тело держаться в воздухе. Она уже понимала, что не сможет победить в этой схватке. И это понимание заставляло всё тело наливаться свинцовой тяжестью, ожидая расплаты. Ещё один удар, и...

– Нет!..

Маша взглянула вниз, испугавшись полубезумного крика Кира. И именно этот момент чёрный дракон выбрал для того, чтобы атаковать. Он раскрыл хищную пасть и кинулся к противнице...

...Не понимая, почему каждое его движение стало столь медленным. Вот она, добыча! Но только почему-то всё дальше и дальше от него самого...

Дракон Тьмы рыкнул и сложил крылья. Он отказался от борьбы сразу же, как только понял её бесполезность. И тут же камнем рухнул вниз...

А зелёный дракон, парящий рядом, довольно рявкнул и поспешил подхватить падающую уже Машу своими крыльями...

– ...Да жива она, жива! И рану мы быстро зарастим, не беспокойся, – вещал рядом негромкий голос Ирина. Маша вздрогнула. Престарелый маг объяснял кому-то с упорством практикантки, впервые пришедшей к младшеклассникам. – Да, и ты тоже здоров, не волнуйся. Рана уже почти зажила. Учись приземляться, мой юный друг, иначе...

Маша открыла глаза. Маг тут же замолк.

Маша лежала на траве у подножия сосны. Рядом бежал ручеёк. И как она сразу не уловила журчание воды под ухом?

– Ну вот, я же говорил, – удовлетворённо сказал Ирин. Маша повернула голову. Ирин, Кир, Иллиор и Присяя сидели рядом, глядя на неё с одинаковым интересом и... чуть-чуть – со страхом? Из-за их спин выглядывала лукавая морда Алмаза. – Настоящая вода поможет лучше всяких там заклинаний.

– Кто бы говорил, – фыркнула Маша, поднимаясь. Кир тут же протянул ей свою руку, помогая встать на ноги. – Директор Школы Волшебства, Верховный Маг... или как это там у вас называется? А говорите о пользе какой-то воды перед заклинаниями. Это как если бы народная целительница – травница принялась бы расхваливать аспирин, а не свой любимый тысячелистник.

– Не смешно, – надулся Иллиор, а Прися согласно кивнула. – Это не просто там вода. Ты чуть не умерла, и только вот этот ручеек спас тебя от гибели.

– Ух ты... настоящая живая вода? – Маша с интересом обернулась. – Ну, ничего себе... Стоп. А что было? В смысле... – она нахмурилась и потёрла рукой лоб. – Я плохо помню. Но там, кажется, был... ещё один дракон?.. И мне почему-то кажется, что это был...

– Это был Кир, – улыбнулся Ирин. Кир же отчего-то смутился и уткнул взгляд в землю. – Понимаешь, Кир – не простой ребёнок. Он – сын короля граничащей с нами страны. И... как бы это сказать, Кошка... эта страна не совсем обычна. У нас в стране живут маги, а у них...

– Оборотни, – тихо подсказал Кир. Маг кивнул.

– Именно. Вся страна состоит из родовых общин, члены которой умеют и имеют право превращаться в различных животных. Члены же королевской семьи могут превращаться...

– В драконов, – хрипло сказала Маша. Она уже всё поняла. И обернулась к Киру. Тот стоял с каким-то странным выражением лица, будто бы извинялся за несуществующие грехи...

– Ты знал?

Кир покачал головой. Теперь он был серьёзен и смотрел прямо в глаза Маше. Чуть робко смотрел.

– Нет. Я узнал об этом только сейчас. Точнее... – он замялся.

– Он вспомнил, – мягко пояснил Ирин. – Оборотень знает своё место и время.

– Подожди-подожди... А те люди, которые были на поляне? Что с ними? И кто они?

Глаза Ирина стали чуть грустными.

– Ты же знаешь. Ты их спалила своим дыханием. Это были люди Артура – старшего брата Кира. К сожалению, их нельзя было спасти, Тьма съела их души.

– А Ренно? – посурела Маша. – И если это люди брата Кира, то где же сам его брат?

– А вот этого я не знаю, – Ирин ответил лишь на последний вопрос. – Артур исчез. Он был человеком с сильной волей, и я не думаю, что он так просто сдался бы Тьме. Надеюсь, что мы сможем его найти. Или когда-нибудь узнаем о его судьбе.

– А что с Ренно? – повторила свой вопрос Маша. Но все промолчали, отводя взгляд. Никому не хотелось рассказывать о том, как сошедшая с ума Тьма сожрала своего собственного хозяина – и лишь потом, общими усилиями Ирина, Присеи и Иллиора ушла в небытие...

– ...Понимаешь, Маша, – говорил Ирин, когда они не спеша шли по лесу, – обратно, туда, откуда пришли, – к столице, а может быть, и к Школе, – та Тьма, которой владел Ренно, и была, по сути, тем самым

мировым злом, победить которое ты должна была. И, одолев того дракона, ты тем самым спасла наши земли от угрозы.

Алмаз коротко фыркнул, ткнув Машу носом в спину. Он будто бы спрашивал: довольна ли Маша ответом? Успокоится ли на сказанном? Но Маша отступить не собиралась.

– Ладно, предположим, это я поняла. Но вот смотри. Артур – он же старший сын, да? По законам наследования трон должен был занять он, а не Кир! Тогда почему Кира все так отчаянно искали?

– Потому что Кир – Сын Короля и Королевы, – чуть устало сказал маг. Кир, шедший рядом, тоже навострил уши. – Артур же – внебрачный сын, сын женщины из клана Лисицы – и самого Короля. Понимаешь? Он – результат смеси двух кровей. Он был лишён права на трансформацию... Что для оборотня считается огромным позором. Его отряд – Призраки – был полностью сформирован из лучших бойцов, способных порвать врага на кусочки и в своём облике, и в облике зверя, а вот он сам... У него был талант полководца. За это его и уважали при дворе.

– Не говорите «был», – попросил вдруг Кир. В глазах его была грусть.

– Ты же его никогда не видел, – осторожно сказала Маша.

– Ну и что.

Маша и Кир замолчали. Не могли уговориться лишь Присяя с Иллиором. Они шли чуть позади и не прекращали разговора с того самого момента, когда путники тронулись в путь.

Некоторое время Маша и Кир шли молча, слушая негромкую перебранку за спиной. Кажется, эльф и наёмница о чём-то увлечённо спорили.

– Ну вот, – бодро сказал Ирин, – скоро мы выйдем к небольшому городку неподалёку. Конечно, он поменьше будет, чем Идра, где мы встретились, но всё же...

– Стойте, – поднял ладонь вверх Кир. Маша замерла, глядя на своего друга. Тот, казалось, к чему-то прислушивался.

– Нет, – облегчённо выдохнул тот через пару минут, подняв кристально-чистые глаза на мага. – Показалось. У меня было такое ощущение, будто...

– Показалось?!

– Ничего подобного, – Маша втянула ноздрями воздух. – Здесь явно кто-то есть. Кто-то... – она поморщилась, пытаясь подобрать слова. – Он живой. Но не совсем...

– Постойте-ка, – Ирин протянул посох вперёд. – Да... Кир, Маша, видите? Там, у сосны.

Маша первой разглядела тело лежащего человека и побежала к нему, но Кир всё равно её опередил. Рванувшись прямо с места, он вихрем подлетел к незнакомцу.

Тот лежал ничком, раскинув руки. Волосы его разметались по сырой земле. Кир осторожно приподнял голову незнакомца. Тот застонал.

– Нет, – с болью в голосе сказал Кир. – Это... это...

– Это Артур, да? – догадалась Маша. – Ирин, это ведь он? Вы не можете ему помочь?

– Он какой-то очень бледный, – сказала Прися. Сев на корточки, она перевернула мужчину на спину. – Но вот ран на теле нет.

– Это вина Ренно, – стиснул зубы маг. Впервые за все эти дни Маша с удивлением заметила в глазах Ириной беспокойство. – Я боюсь, что здесь бессилён. Душа Артура наполовину опустошена темнотой. Всё, что будет дальше, зависит только лишь от его воли.

– Нет! – воскликнул Кир. Он сидел, сжав ладонь Артура, и с болью смотрел в его лицо. – Так нельзя!

– А если я попробую? – робко спросила Маша. Ирин внимательно, будто бы изучающе взглянул на неё.

– Нет. Одна ты не справишься, – сказал он наконец. – Боюсь... впрочем, ладно. Кир, помоги нашей колдунье.

Маша чуть удивлённо приподняла брови, но спорить не стала. Она вообще в последнее время предпочитала не ссориться с магом, очевидно, в глубине души понимая, что тот всё равно останется прав.

– А что делать-то? – растерянно поинтересовался Кир.

– Возьми Артура за руку, – велел Ирин. – Вторую ладонь положи на лоб. Кошка, сделай то же самое. А теперь попытайтесь с ним поговорить...

– Поговорить?

Ирин не ответил, а Маша, робко взяв Кира за ладонь, взяла руку Артура.

– Просто слушай, – сказала она. Кир удивлённо взглянул на неё, но, тем не менее, кивнул.

Маша закрыла глаза. Кир поступил точно так же. Повисла напряжённая тишина.

Кир некоторое время сидел, упорно вслушиваясь в свои ощущения. Он не чувствовал абсолютно ничего. Слышал он только лишь живой шелест листьев вокруг...

– Ой!

Кир нахмурился. Что-то, коснувшееся его только что, теперь упорно ускользало, отказываясь подчиняться...

«Артур?»

Темнота. И чьё-то присутствие неподалёку...

«Артур...»

Это был он, Кир чувствовал. Но не мог найти, окликнуть его, заставить подождать...

– Постой, Кир! – это уже был голос Маши. – Не так!

...Как будто бы мерцание света вдали... Кир упорно спешил к нему, пытаясь, вместе с тем, разжечь его ярче, теплее...

...Свет. Ласкающий, манящий... К нему спешит любой, кто его видит...

– Артур?

Чья-то тень... дыхание жизни, призывок эха... Вдали раздался смутно знакомый голос.

«Кир, брат... я нашёл тебя, но слишком поздно...»

– Нет, Артур, нет!

Тень Артура отступила назад. Шаг, ещё шаг...

– Нет, Артур! Не уходи! Вот же я, здесь!

Тень в нерешительности остановилась.

– Ты нашёл меня! Так не бросай же теперь!

Маша подняла руки – и над головой загорелся хоровод ярких звёзд. Теперь Кир уже ясно видел лицо Артура.

– Но... уже слишком поздно, – неуверенно сказал Артур. – Мой путь уже предопределён. Я уйду... и тут ничего нельзя сделать...

– Нет, Артур! – Кир бросился к брату и схватил его за руку. Тот вздрогнул, но руки не отнял. – Ты со мной – значит, всё правильно! Больше ничего не важно, понимаешь? Мы вместе – как и хотел наш отец!

– Откуда ты... Впрочем, неважно, – Артур взглянул в глаза Киру. В его собственном взгляде была боль. – Отца нет, Кир! Он мёртв. Я обещал ему... поклялся на смертном одре... я сказал, что верну тебя! Найду и верну. Мы много лет тебя искали, а я дал слово, что...

– Так верни же меня! – на глазах Кира были слёзы ярости. – Верни меня! Выполни клятву! Ты сделал лишь половину обещанного, не так ли? Что тебе мешает выполнить вторую половину своего обещания?!

Тень Артура с каждой секундой наполнялась жизнью. Перед Киром стоял уже не фантом – полноценный человек.

Темнота вокруг взвыла. Она поняла, что теряет своего пленного, и захотела его вернуть.

– Нет! – выкрикнул Кир. – Маша! Нам нужно выбраться отсюда!

– Дай руку.

Голос Маши – спокойный и тёплый – вернул Киру уверенность в себе. Он протянул ладонь вперёд – и почувствовал ответное пожатие.

– Закройте глаза! – приказала Маша.

Кир последовал совету – а через секунду вывалился на лужайку рядом со своим братом и спокойно улыбающимися магом Ирином и Машей...

– Ну вот, – довольно сказал Ирин. Он стоял на вершине холма. Маша не спеша поднялась следом. Отсюда был виден небольшой городок, раскинувшийся на берегу полноводной судоходной реки. – Отсюда нас увезут с почётным эскортом. До самой столицы... А оттуда – в Школу, или в соседние страны, кому куда.

– Нет, Ирин, – мотнул головой Иллиор. Маша взглянула на него. Эльф стоял, обняв за плечи Присею. Наёмница выглядела слегка смущённой, но отстраниться не пыталась. – Мы хотели бы вернуться в наши леса. Я просто обязан показать их Присее... она там даже никогда не была. Мы не хотим в шумный столичный город, – Присея согласно кивнула. – Прости, но удел эльфов – тишина и покой.

– Понимаю, – кивнул Ирин. – Что же, я дам вам на время Алмаза, но при условии, что, как только он доставит вас, вы отпустите его. Дорогу

домой Алмаз найдёт. На нём вы скорее поспеете. Он – не просто конь. Быстрее его нет на свете.

Иллиор, просветлев, кивнул, а Присяя улыбнулась. Улыбнулась впервые на памяти Маши. И улыбка эта так украсила её лицо, что Маша невольно загляделась.

– С вами всё ясно. Маша?

Маша удивлённо подняла глаза на мага.

– По-моему, тебе пора домой.

Маша кивнула. Она вдруг поняла, что и думать забыла о своём возвращении. Столько всего произошло...

– А вы можете меня вернуть?

– Теперь – да. – Маша в ответ кивнула снова, теперь уже с каким-то растерянным видом. Иллиор перевёл взгляд на братьев. – Артур, Кир? Мы с вами спускаемся в город.

Те тоже стояли, обнявшись. В Артуре, казалось, проснулась какая-то грубоватая нежность, и он обнимал Кира так, будто бы был его отцом. Впрочем, вероятно, так оно и будет... Артур сможет заменить Киру его умершего родителя, решила Маша.

...Если Артур был счастлив и умиротворён – несмотря на всё происшедшее, то Кир казался встревоженным.

– Ты уйдёшь? – прямо спросил он.

Маша кивнула. Она почему-то старалась не смотреть Киру в глаза.

– Оставайся, – просто сказал он.

– Но... Маша растерялась. – У меня там мама, сестра... родные, Наставница... Как я могу их всех бросить?..

– Решать тебе, – мягко улыбнулся Ирин, глядя на девушку. А та смотрела на город, расстилающийся у подножия холма. Она вдруг поняла, что отчаянно не хочет возвращаться домой...

– Нет, – мотнула она головой. Посмотрела прямо в глаза Ирину. – Я должна.

– Ну что же, – в старческих глазах мага, казалось, промелькнула печаль. – Я не имею права тебя задерживать. Держи, – и Ирин выкинул вперёд левую руку – отвесно вверх, а потом неуловимо быстрым движением опустил её вниз. На ладони его теперь сиял мягким светом фиолетовый лучистый шар – маленькая звёздочка. Маша заморожено подставила руки. Звёздочка на ощупь была пушистая, чуть колола пальцы своими лучами. От неё исходило тепло. – Тебе нужно уйти туда, где тебя никому не будет видно – вспышка этого шарика очень болезненна для глаз. Чтобы вернуться домой просто сожми его между ладонями и пожелай вернуться. Всё.

Ирин смотрел на Машу. Та нерешительно держала звёздочку на ладони, не отрывая взгляда от её сияния.

– Как всё просто, – сказала она наконец. Подняла взгляд на старого мага. Глаза её были совершенно сухими. – Но...

Она не закончила. Просто бросилась на шею Ирину. Кир неловко улынулся, глядя на Машу.

– Спасибо вам, Ирин, – прошептала она. – За всё – за всё!

– Пожалуйста. – Ирин взглянул ей в глаза. Пристально, внимательно. – А ты не будешь потом жалеть?

Маша не нашлась, что ответить. Её тут же сгребла в охапку Присяя.

– Прощай, Кошка! – наёмница сжала её так сильно, что та была даже не в силах пискнуть. Иллиор молча стоял рядом.

– У эльфов нет такого обычая, – смущённо сказал он. Маша улыбнулась и чмокнула его в щёку. Тогда лицо эльфа стало нежно-малинового цвета.

Присяя рассмеялась. Она стала совсем другой, – с удивлением заметила Маша.

К Маше подошёл Кир. Он был серьёзным.

Маша молча смотрела на него. Ей не хотелось говорить первой.

Кир глубоко вздохнул.

– Ну что, – сказал он, глядя куда-то в сторону. – Ты так решила, и этого не изменишь. Желаю тебе счастья.

– Спасибо, – растерялась Маша. А Кир, криво улыбнувшись, отошёл к Ирину.

Маг снимал со своего коня поклажу. Иллиор ловко вскочил в седло. Помог Присее сесть сзади.

– Прощайте! – крикнул он. – Ирин, будете в наших лесах – не забудьте и про нас! Кир, ещё увидимся! Правь достойно! Удачи тебе, Кошка-а!

Они скрылись из виду, потерявшись среди деревьев. Маша глубоко вздохнула.

– Что ж, теперь наша очередь, – лукаво улыбнулся Ирин. Он уже сидел на коне, оставленном Иллиором. – Пора нам в город. Прощай, Маша. Вспоминай о нас. Едьте за мной, молодые люди, – приказал он и первым начал опасный спуск вниз. Кир, не оглядываясь, направил свою лошадь за ним. Артур, кивнув на прощание Маше, поехал следом.

Маша заставила себя отвернуться и зашагать в лесную чащобу. Мысли её были всё ещё там, рядом с тремя всадниками. «Их пьеса продолжается, – подумала вдруг она, – а вот моя уже закончилась».

Посчитав, что зашла уже достаточно далеко в лес, она остановилась рядом с каким-то раскидистым деревом и оперлась спиной на его ствол. Фиолетовая звёздочка Ирина грела ладони. Вот он, билет домой...

Но почему же тогда так не хочется?..

Она покрепче взяла шарик, накрыла его ладонями. Прижала их – одну к другой. Закрыла глаза и представила себе лицо мамы...

...Вспомнила высохшее, измученное лицо Наставницы...

...Вспомнила жаркий летний воздух родного города. Вспомнила его беззвёздные ночи...

...Жёлтые огоньки окошек и свет фонарей по вечерам...

...Родной институт, где так много ещё нужно сделать...

...Забывшие мечты, желания, мысли...

...И вдруг с удивлением поняла, что все её мечты остались здесь.

Она открыла глаза. Вокруг было всё то же прохладное спокойствие леса. Она глубоко вдохнула в себя запах свежей зелёной листвы и взглянула на шарик в ладонях...

Фиолетовая звёздочка медленно таяла. Секунда-другая – и она растворилась совсем.

Ведь Маша нарушила главное условие. Она *не захотела* домой.

Отряхнув зачем-то ладони, Маша зашагала туда, откуда, по её мнению, она пришла. Судорожно вспоминая дорогу, пытаюсь сориентироваться по растущим рядом деревьям...

...И вдруг заметила Кира, который тихо сидел у широкого дуба.

– А... ты что тут делаешь? – только и смогла спросить она. Кир тут же вскочил на ноги и широко улыбнулся.

– Я ждал яркой вспышки, – сказал он. – И всё равно на что-то надеялся.

– Но вы же уехали, – жалобно сказала Маша.

– А я вернулся, – сказал Кир. – Потому что...

Он замялся, отвёл взгляд в сторону.

– Знаешь, – сказал он наконец, – моя страна – это страна оборотней. В ней много кланов, в которых живут люди, умеющие превращаться только в одно животное. Они не имеют права вступать в брак с представителями других кланов. Иначе их дети потеряют способность к трансформации, как это случилось с моим братом Артуром...

Маша молчала. Она просто слушала.

– Тебе нужно задать всего один вопрос, – сказал Кир, заглядывая ей в глаза. – Очень простой...

– Ты – король. А по какому принципу выбирается королева?

Вместо ответа Кир вытащил из-за пояса кинжал и протянул его Маше – рукояткой вперёд. Это была очень искусная работа. На странно широкую рукоять была впечатана цветная миниатюра...

Два дракона. Золотой и зелёный. Обвив друг дружку, они летят меж облаков...

Маша перевернула кинжал. На другой стороне были вырезаны два человека. Мужчина и женщина в богатых, явно царских одеждах...

– Ты хочешь сказать... – Маша прервала саму себя. Она не отрывала взгляда от гравировки.

– Мой род – род зелёных драконов, – торопясь, стал говорить Кир. – Моя семья – это весь наш род. Мы не можем жениться на представителях своей семьи, на своих же кровных родственниках. Но среди людей других стран – а иногда и нашей собственной – всегда находятся оборотни-драконы. Золотые драконы. И, как это ни странно, числом, равным по количеству представителям правящей династии.

Маша подняла глаза на Кира. Тот тоже смотрел на неё.

– Ты бы не смогла уйти, Маша, – сказал он. – Я знал. Ведь это твой мир.

Маша закрыла глаза. Вдохнула полной грудью лесной воздух. И улыбнулась.

– Пойдём, – сказала она, посмотрев на Кира. Тот с улыбкой кивнул.

– Пойдём, – сказал он. – На холме нас ждут Ирин и Артур с лошадьми. Нас ждёт опасный спуск...

Любимый враг

(НФ + НФ в немного фэнтезийной обёртке)

Наталья КОЛЕСОВА

Любимый враг

Бой закончился. Я отодвинула щиток шлема; оттопырив нижнюю губу, сдула прилипшую ко лбу чёлку. Оглядела группу захвата. Трое Бойцовых Псов охраняли ближайшие ответвления коридора. Ещё двое присматривали за пленными гаятами, молча стоявшими у противоположной стены. Никаких знаков отличия, но, судя по ожесточённости, с которой они защищали базу, здесь командовал кто-то с железной волей.

– Мастер-инструктор?

Я поправила шлемофон.

– Слушаю.

– Докладывает Щенок Харта. Десант склады зачистил. Скоро будет у вас.

– Принято, – сказала я и посмотрела на пленных. Времени оставалось мало. Основную информацию они успели уничтожить, но, может, где-то что-то проглядели...

– Сергей, Фокс – обыск, быстро!

– Что обычно?

– Да, кассеты, диски, шифры...

Я сдвинулась – чтобы видеть пленных – и чтобы пленные видели меня. Изумительная пара, и не поймешь, кто из них имеет лучший нюх – рыжий Фокс или сутуловатый длинный Сергей – но если что-то осталось, это «что-то» они обязательно найдут. Не дарить же всё десантуре.

Тайна широко, с поскуливанием, зевнула и со значением поглядела на меня. Секунд через десять я услышала тоже и крикнула:

– Псы, подайте голос, чтобы нас с перепугу не перестреляли!

Мощный бас Блэка эхом разнёсся по коридорам.

– Мастер-инструктор! – Сергей протянул мне печатку-перстень. Импульсный ключ-код, замаскированный под драгоценный камень, подмигнул нам красным глазом. Засовывая его в карман, я обернулась навстречу приближавшемуся грохоту.

– А вот и наши герои! Сержант...

Шедший впереди десантник махнул ладонью где-то на уровне плеча: что-то среднее между отданием чести и раздражённо-нетерпеливой отмашкой.

– Опять вы здесь!

Заглянул в командный пункт, оглядел разбитую аппаратуру.

– Всё оцепить, всё обыскать... – он сверху с отвращением взглянул на меня. – Или уже обыскали?

Я скромно пожала плечами.

– Может, вам больше повезёт...

Бойцовые Псы без слов сдали позиции и подтянулись ко мне, с любопытством поглядывая на разгром, учиняемый десантом: взламывание сейфов, потрошение ящиков, обыск пленных. Особой вежливостью этот процесс не отличался, и у одного из гаятов сдали нервы – он развернулся и заехал солдату в челюсть. Ответ был молниеносным и неизбежным – выстрел в упор.

– Д-дьявол! – сержант ринулся к ним, я – следом, кто-то из пленных – тоже, остальные наоборот шарахнулись в стороны, псы раздражённо зарывкали, кто-то заорал: «Назад! Назад, твою мать, к стене!», загремели затворы... В общем, обычный дурдом.

Пленный был ещё жив: он корчился на полу, всхлипывая или вздыхая, и силился поднять голову, чтобы посмотреть – что же там такое у него творится в развороченной выстрелом груди. Я свалилась на колени рядом с успевшим чуть раньше гаятом, услышала его хриплое: «Подонки! Это же мальчишка!» Рывкнула:

– Заткнись! Держи голову! Врач есть?

– В складе.

Я глянула вверх, на переминавшегося рядом дэса.

– Ты... мазила. Давай сюда свой кулак. Ну! Дави вот здесь. Отпустишь – убью. Серый, где... Ага, вот. Дави, тебе говорят! Мясник чёртов, убить – и то не можешь!

– Мастер...

– Вижу, Серый, вижу... Сержант, убери ты от нас своих головорезов! Сгони их к той стене, что ли... а ты куда? Сиди! Дави!

Гаят, оскалившись, смотрел в лицо раненого.

– Он умирает?

– А ты думал... – пробормотала я. Под пальцами было горячо, скользко и больно. Бойцовые Псы сомкнулись вокруг нас. Я чувствовала их тепло и силу и...

Начали, сказала я.

...Я разжала веки. Сгорбившийся над раненым гаят смотрел на меня, не мигая, правым здоровым глазом. Левая половина лица разбита, и второй глаз просто не открывался. Здорово его приложили...

– Что уставился? – отсутствующе спросила я. – Эй, воjak, можешь отпустить!

Десантник завозился, убрал кулак, потёр запястье, потряс онемевшей рукой. Заметил удивленно:

– Эй! А кровь-то не идёт! Сдох?

– Ну да, тебе на радость, – проворчала я. Села поудобнее, опершись о колено. – Серый, поработай с аптечкой. Сержант! Советую вплотную заняться стрелковой подготовкой.

– Не сомневайтесь, – буркнул тот. – Всё, ведите их к выходу!
– Эй-эй-эй! – я развернулась на полу. – Это наши пленные! Мы их взяли!
– Ну да, конечно! Мы, значит, костями ложись, а вы приходите и снимаете сливки!

– Начнём с того, что без Псов вы эту базу хрен бы обнаружили. И командный пункт опять же взяли мы. Почти без потерь, заметьте! Улов наш, сержант. Так что, Псы, – ведите их.

– Мы благодарны вам, мастер... – негромко сказал гаят. Я сняла шлем, провела ладонью по мокрым стриженным волосам.

– Просто у наших с вами мальчишек сдали нервы.

Попыталась привстать на одно колено – справа меня подпёр твёрдый бок Волка, слева, чуть замешкавшись, подхватил гаят. Поднялась, проморгалась, переживая головокружение. Парень крепко поддерживал мой локоть. Хоть этому я была выше плеча, ужасно надоело задирать голову... Он смотрел на меня с очень странным выражением.

– Мастер... э-э-э... мэм?

Чего он так озадачился? А, у гаятов женщин в армию, кажется, не берут...

– Можешь называть меня просто, – посоветовала я. – Мастер-инструктор Бойцовых Псов. Да, доктор, теперь пациент ваш. Слышу-слышу, Волчара, догоню! Как ваше имя?

– Можете называть меня просто, – ровно отозвался он. – Пленный.

– Так. Ну что ж, пленный. У меня просьба. Мне сейчас трудно передвигаться без посторонней помощи...

Гаят моргнул.

– Я... что с вами? Вы ранены?

– Лечение всегда отнимает много сил, – пояснила я. – Не хочется путаться под ногами у десанта. Затопчут, чего доброго.

Он окинул меня оценивающим взглядом.

– Может, вас понести?

– Всю жизнь мечтала, – пробормотала я. – Знаете, я тяжёлая, хоть и компактно выгляжу. Да и представьте себе снимок во всех завтрашних новостях: гаят буквально носит на руках Пса, взявшего его в плен!

Угол его рта дёрнулся.

– Тогда – вашу руку, мастер-инструктор...

Мы ковыляли вдоль стеночки. В деловитой суматохе базы мало кто обращал на нас внимание, хотя посмотреть было на что – слепой ведёт хромого... Так что гаят мог в любой момент бросить меня и нырнуть в любую дверь или проход. Странно, что это не пришло ему в голову. Что-то я сдаю, думала я, Мастер мне голову оторвёт и будет прав – случись ещё какая заварушка, на кого бы я бросила Щенят...

Они явно считывали мысли. Первым вылетел пыхтящий Зак, заплясал вокруг, нетерпеливо поскуливая и толкая меня носом. Знаю-знаю, волновались...

– Мэгги, – сказал Мастер. – Мэг, ты в порядке?

– Я не ранена. Это не моя кровь. Мастер, я виновата.

– Иди сюда, – он вырвал меня из рук гаята, кивнул Заку – проводи – и понёс к вездеходу.

– Как голова?

Я с отвращением ткнула пальцем в кучу деликатесов на прикроватной тумбочке.

– Тащат с самого утра. Сок, фрукты, шоколад. Уверяют, жутко полезно. У меня уже живот, как мяч.

– Я спрашивал про голову, – напомнил Мастер. Я вздохнула.

– И она – тоже. Только судный.

Мастер уже снимал с руки браслет.

– Ложись.

– Мастер...

– Ложись, я сказал.

Я покорно стянула майку и улеглась на живот. Мастер сел, сдвинув меня бедром к стене. Положил на плечи прохладные ладони – они быстро теплели, покалывая кожу иголочками. Одновременно успокаивающие и будоражащие прикосновения...

– Не вздумай меня лечить, Мастер, – сказала я в подушку. – А то я тебя знаю.

– Даже и не собирался. Сделаю массаж, поспишь и к вечеру будешь как новенькая.

– Где нагоняй?

– Не будет тебе нагоняя. Псы всё рассказали. Пацан жив, в госпитале. Красавчик, с которым ты обнималась, в тюремном блоке.

– Красавчик? – с интересом спросила я, повернув голову.

– Красавчик-красавчик, сама выбирала... Лежи спокойно.

Я послушно замерла, искоса поглядывая на сосредоточенного Мастера. Тяжеловатое хмурое лицо, тяжёлое заматерелое тело. Он был самым старшим из здешних Бойцовых Псов, и на войну пошёл один из первых. Мы были влюблены в него – люди и псы – но для Мастера все мы были глупыми щенками... Если бы не эти его редкие задумчивые взгляды, если бы не эти нежные и сильные прикосновения: казалось, он не лечил, а ласкал меня. Я вздрогнула. Руки Мастера замерли.

– Что?

– Всё нормально.

– Выспишься, сходи в тюремный блок.

– Зачем?

– Похоже, мы словили большую птичку. Поприсутствуй на допросе.

– Мастер, я вообще-то переводчик с пёсего!

– Сходи-сходи. Они при тебе будут повежливее и не сумеют всё испортить.

Я зевнула.

– Такая большая политика, Мастер, а я такая маленькая, слабенькая, безобидненькая девочка...

Зак насмешливо фыркнул.

– Спи уж... тихоня.

Я проскользнула в дверь и дружелюбно улыбнулась недоуменно уставившимся на меня офицерам.

– Я тут в уголочке...

Села сбоку от гаята – с правой, здоровой стороны. Левая была залеплена заживляющим пластырем.

– Здравствуйте.

Он, помедлив, молча кивнул. Провёл ладонью по прямым тёмным длинноватым для гаятского военного волосам. И – вот странно – слегка расслабился. Не внешне – внутренне. Снаружи остался, каким был: прямой, подтянутый, лицо неподвижное, отсутствующий взгляд – в стену. Краснокожий в чужом племени. Так, значит, ты и есть та самая птица...

После почти безмолвного совещания офицеры, среди которых был и полковник-секретарь военного департамента, решили махнуть на меня рукой и вновь взялись за гаята.

– Сигареты?

– Пожалуй... – он взял тонкую зеленоватую палочку и, поднеся к губам, вопросительно взглянул на меня. Я кивнула. В гаятских сигаретах почти не было табака, а запах жжёных листьев напоминал мне родной Чандлер. Пленный глубоко затянулся, задумчиво выдохнул белый дым. Я сунула ладони между колен и ссутулилась, стараясь стать как можно незаметней. Судя по всему, они разговаривали уже давно, но так ни к чему и не пришли.

– Из допроса ваших подчинённых мы выяснили, что вы полковник Юджин Джервек, один из лидеров так называемой «зелёной оппозиции». Это так?

– Ну, раз вы мне это говорите... – медленно сказал он, провожая взглядом дымок сигареты. – Леди приглашена читать мои мысли?

– Нет, – извиняюще улыбнулась я. – К сожалению, не умею. Рада с вами познакомиться, Юджин. Я Мэг. Маргарет Рейнан.

Он учтиво поклонился, по-прежнему наблюдая за своей сигаретой.

– Если вы действительно из «зелёных», почему не сдали базу без боя?

Я с недоумением взглянула на задавшего вопрос офицера.

– Есть же разница между желанием прекратить войну и предательством, капитан Шуман! Юджин, могу засвидетельствовать, сопротивление было отлично организовано. Вы просто не учли Бойцовых Псов.

Джервек повернул голову и посмотрел на меня.

– Рад, что вы так высоко оцениваете мои военные навыки, мэм, – сказал совершенно серьёзно. – Псов мы действительно не учли. Вас трудно учесть. Сколько вас всего в армии?

Я улыбнулась.

– А вас – в вашей «зелёной» партии?

– Простите. Вы совершенно правы.

– Господа-господа! – призвал нас секретарь к порядку. – Кто, в конце концов, ведёт допрос? Мастер-инструктор, я не понимаю, что вы вообще здесь делаете! Выйдите!

Я выразительно прикрыла ладонью рот.

– Если мастер-инструктор уйдёт, – сказал Джервек в стену, – я буду молчать.

– Можно подумать, сейчас вы отвечаете!

– Ну, во всяком случае, разговор-то я поддерживаю, нет?

– Спасибо, Юджин, – сказала я, – мне очень хочется остаться.

– Как Игар?

– Кто? А, тот парнишка... В порядке. Спит, спелёнатый, как куколка.

– А как ваше здоровье?

– Неплохо.

– Что это было – колдовство?

Я засмеялась.

– Нет, у нас с колдовством туго! А как у вас на Гранде?

– Ещё встречается, – угол его рта пополз вверх. – Один Веймарский лес чего стоит.

– Лес? Что за лес?

– Не хотелось бы быть неучтивым, но... – полковник повёл рукой на молча слушающих нас офицеров, и я спохватилась.

– Ах да, продолжайте!

– Премного вам благодарны, мастер-инструктор, – ядовито отозвался секретарь.

Длился этот трёп ещё не менее часа, что было, по-моему, пустой тратой времени. Джервек ничего не собирался обещать и рассказывать, а применять химию к такому высокопоставленному лицу было не только бесполезно, но и опасно – у него явно стоял шоковый барьер, который скорее убьёт, чем позволит добыть информацию. Когда секретаря-полковника куда-то отозвали, притомившиеся офицеры запросили тайм-аут. К тому времени я уже настолько слилась с обстановкой, что мне даже налили кофе. Понюхав напиток – отдавало химией – я подняла глаза на наблюдавшего за мной гаята.

– Любите кофе?

– Не этот суррогат, – отозвался он.

– Настоящий у нас можно добыть только контрабандой.

– Как и у нас теперь.

Я отхлебнула навязчиво-сладкий напиток, отметив его оговорку: теперь. Объединённые силы всё ближе подходили к сердцу гаятской системы – Гранду. Интересно, эвакуируют ли они императорскую семью?

Полковник тоже сделал пару глотков. Помолчал, явно подыскивая тему для беседы.

– Вы давно на войне, мастер?

Кто-то из офицеров сделал движение, мы оба покосились, но, похоже, они не сочли это военной тайной.

– Достаточно, чтобы она мне надоела.

Он поднял бровь.

– Мне показалось, что вы чувствовали себя в бою вполне... уютно.

– Псы привыкли к простору. Даже эта маленькая планетка... как она называется? Гала?.. была для нас, как каникулы. Жаль, что мы вас так быстро обнаружили.

– Знаете – мне тоже очень жаль, – серьёзно согласился он.

– Ну да, ещё бы...

Мы одновременно оглянулись на ворвавшегося секретаря. Он старался казаться невозмутимым, но от него так и несло спешкой и волнением.

– Мастер-инструктор! – резко сказал он. Я сразу встала. Время шуток кончилось.

– Доброй ночи, господа, полковник...

Секретарь раздражённо отмахнулся. Опять не по уставу! Когда я только выучу все их формулировки? Идиотские, надо сказать, формулировки... Прибыл, убыл...

Я «убыла» из камеры, унося на спине взгляд гаята.

Джервек встал с откидной полки, неспешно застегнул мундир. Провёл рукой по волосам, окидывая взглядом маячившую за моей спиной охрану. С ожиданием посмотрел на меня.

– Добрый день, Юджин! Хотите прогуляться?

– Надеюсь, не в открытый космос? – осведомился он.

– Ну нет, туда – без меня! До госпиталя.

Гаят пошёл рядом, заложив руки за спину.

– Откуда такая уверенность, что я не попытаюсь напасть на вас, взять вас в заложники?

Я дружелюбно улыбнулась ему.

– Вы же не сделали этого позавчера!

– Да, – сказал он задумчиво, – вы были тогда не сильнее котёнка. Мне как-то в голову не пришло...

– Вот про это я и говорю. Да и наша служба безопасности обо всём позаботилась, – я мотнула головой на сопровождавших нас солдат. – Теперь сюда, Юджин.

Он молча повернул налево. Я забеспокоилась:

– Вам неприятно, что я называю вас по имени?

Гаят сделал рукой непонятный жест. Подтверждения? Отрицания?

– Просто... у нас это не принято. Юджином меня называют лучшие друзья или родственники.

– А как вас могут называть... а-у-у... лучшие враги? Полковник? Лорд Джервек?

Он быстро взглянул на меня. Я пожала плечами.

– Я же говорю, наша безопасность поработала. Кое-что о вас мы уже знаем.

Полковник коротко кивнул, принимая мои слова к сведению.

– Зовите меня Джервек.

– Хорошо. А меня...

– Знаю-знаю. Мастер-инструктор Бойцовых Псов Маргарет Рейнан.

– Немножко длинновато, зато всеобъемлюще. Ещё раз налево. Пришли.

Мы остановились у прозрачной стены общей палаты. Джервек вытянул шею.

– Который?

Я показала пальцем.

– Пятый слева. Он сейчас всё время спит, так что поговорить вы с ним не сможете. Дня через три...

Джервек уставился на меня.

– Вы уверены, что через три дня я буду ещё жив?

– Ещё как. Вы же, насколько я поняла, важная персона, и даже дураки из военного департамента будут за вас цепляться до последнего. Тем более – после объявленных вчера Грандом переговоров. По крайней мере, вас попытаются обменять на наших военнопленных... О, глядите, врачи занялись вашим парнишкой!

Джервек вновь повернулся к стеклянной стене. Я отступила ему за спину, одновременно вынимая носовые фильтры. Запахи обрушились со всех сторон, как оглушительная какофония – и как обычно, я на мгновение ослепла и оглохла, перестав воспринимать мир даже осязанием... Металла, так много металла вокруг, и пластика, и ещё оружия... И запах тысяч ног, ходивших по этому коридору, и запах сотен рук, касавшихся этих стен... Ближе, ближе, ещё ближе – я, наконец, сумела вычленить из нагромождения запахов запах стоявшего передо мной человека. Запах полковника Джервека. Запах здорового... почти здорового половозрелого мужчины, запах его любимого одеколона (кстати, не самого худшего на свете), кожи, волос, потовых и половых желез; запахи, которые он и сам не мог учуять, и которые не чуял никто из окружающих. Я вдохнула ещё раз, запоминая, отсеивая, укладывая в свою копилку запахов, и вернула на место фильтры.

Теперь я всегда могу взять его след, когда это понадобится. Если понадобится.

Джервек напрягся, и я отступила. То ли, забывшись, я подошла к нему слишком близко, то ли он просто не выносил, когда у него стояли за спиной.

– Что теперь? – спросил, оборачиваясь.

Я махнула рукой.

– Прогуляемся?

Мы не спеша «прогуливались» по пустынным в этом секторе коридорам космобазы. Наконец, не выдержав, я рассмеялась:

– Вы так наслаждаетесь моим обществом, что даже не хотите ни о чём спросить?

– Вашим обществом я действительно наслаждаюсь, – сказал он, скользнув взглядом над моей головой. – А вопросы не задаю, чтобы не поставить вас в неловкое положение – вдруг вам запрещено отвечать.

– Не знаю до конца, в чём тут дело, – сообщила я доверительно, – но, похоже, вам придали статус почётного пленника. Потому и заботятся о вашем моционе. Я – ваш почётный гид.

– А это, – он кивнул за плечо, – мой почётный эскорт?

– Ну да. Неплохие ребята. Крепкие.

– Мне бы хватило вас одной, – учтиво сообщил Джервек. – Я сейчас не в лучшей форме.

Ну да, как же, а потом этот слабак-гаят сносит тебе башку твоим же собственным бластером! Я поглядела на потолок и сказала жизнерадостно:

– Вообще-то у меня «жучок» в лацкане куртки! Так что если вам вдруг захочется поболтать о военных или государственных секретах, наша записывающая аппаратура к вашим услугам. Я, знаете ли, подсадная утка...

И я явственно услышала, как заскрипел зубами капитан Шуман.

Джервек слегка споткнулся. После чего посмотрел на меня очень внимательно.

– Вообще-то, я так и предполагал. А вам... вы не будете наказаны за своё предупреждение?

– Наказана? С чего вдруг? Я же не нанималась сюда шпионом. Хотите посмотреть нашу оранжерею? Думаю, это не секретный объект, а если ошибаюсь, меня сразу поправят.

Джервек последовал за мной с каменным лицом – похоже, моё легкомысленное отношение к воинской дисциплине его шокировало. Мы промаршировали по узким дорожкам парка, спугнув какую-то парочку; та, злобно собрав вещички, убралась из-под тяжёлых ботинок нашего кортежа. «В другой раз, дети мои», посочувствовала я, охранник за спиной хмыкнул.

Я довела пленного до моего любимого места – там, где крохотный ручеёк падал по каменным уступам в миниатюрный пруд, заросший ряской. С наслаждением разулась; прошлёпав босыми ногами по траве, умылась, намочив и голову. Встряхнувшись, села на землю, обнимая колени. Джервек прислонился спиной к иве. Я втянула воздух: добавить бы сюда ещё немного цветов... и ветра... и дождя – и можно представить, хотя бы представить, что я – на Чандлере.

Джервек наблюдал за мной из-под полуприкрытых век. Спина, как всегда, прямая, руки скрещены на груди. Никогда не раскрываемся, да? Не лицо – броня. Металлическая дверь. Так и хочется заложить взрывчатку.

Как ни странно, в этот раз он заговорил первым.

– Зачем вы привели меня сюда, мастер-инструктор?

Я криво усмехнулась.

– Ждёте подвоха? Просто расслабиться. Здесь я вспоминаю дом.

Он помолчал. И снова – очень неохотно, словно преодолевая себя:

– Чандлер – красивый мир?

Я моргнула. Хотя почему бы ему не знать, что Псы родом с Чандлера? Это ни для кого не секрет.

– Слишком слабо сказано. Чандлер – огромная, малозаселённая планета. У нас всего один крупный город. И много лесов. Гор. Рек. На Чандлере каждый может найти, что пожелает. Там нет... – я смолкла, подыскивая нужное слово, – искусственности.

Он смотрел на меня сверху, подняв бровь. Сказал непонятно:

– Вижу.

– А какой ваш дом? – поспешила я, пока он разговорился.

Джервек молчал, глядя перед собой.

– У меня старый дом, – ответил, наконец, когда я уже решила, что это – стратегический секрет. – Он принадлежал ещё моему прадеду. Очень просторный... хотя и несколько мрачноватый. В нём просто не хватает обитателей.

– А ваши родители?

– Отец умер, – сухо сказал он, и я поняла, что не стоит спрашивать о судьбе его матери.

– Дом, – услышала я и с удивлением обернулась, хотя ему было легче говорить, когда я на него не смотрела. Я просто не ожидала продолжения. – Это скорее замок. Маленький замок. Серые камни, башни, бойницы. Мой прадед был романтиком. Отец, потом я немного... осовременили его, ничего не меняя внешне. Вокруг парк. Большой парк. Немного заброшенный, но красивый. На севере он переходит в лес.

Он скосил на меня полуприкрытый глаз. Сказал задумчиво:

– Вам бы там понравилось.

– Лес? Ещё бы!

Я пересыпала песок в ладонях, пытаюсь представить, увидеть его глазами. На мгновение получилось: серый замок, скорее мощный, чем красивый, стоящий на зелёном холме, который огибают быстрая, мелкая, сверкающая на солнце река... но как она разливается в половодье... Самое красивое, самое родное место в мире и эта... этот странный мастер-пёс...

– Проходите, – услышала я равнодушный голос охранника и очнулась.

– А в чём дело?

Мы оглянулись. Охранники лениво теснили заглянувших в «мой» уголок солдат.

– Ах, простите! – сказал один с издёвкой. – Помешали любезничать пёсему мастеру с гаятским аристократишкой!

Вернее, вместо глагола он употребил другое слово, считающееся оскорбительно-неприличным во многих мирах.

– Проваливай, – сказал охранник.

Гогот. Охранники вновь отступили. Один из них, наклонившись ко мне, предложил негромко:

– Хотите, мастер, я ему потом морду начищу?

Я поглядела на него внимательней – даже не знаю, как звать. Сказала благодарно:

– Спасибо, но не надо. Я не обиделась.

Обидеться-то не обиделась, но прежнего настроения как не бывало. Я вновь натянула ботинки. Вставая, заметила незаконченное движение Джервека – он собирался подать мне руку, но в последнее мгновение передумал.

Дорожки в парке были узкими, гаят шёл рядом, то и дело задевая меня твёрдым плечом, но явно стараясь не наступать на короткую щетину травы – привычка космонавта, приобретённая в тесном пространстве баз и кораблей. Интересно, чем он занимался до войны? Ведь не сидел же безвылазно в своём замке?

– Мне показалось, или вас пытались оскорбить? – осведомился Джервек сдержанно.

– Не показалось.

– Это... из-за меня?

– Нет, из-за меня. Здесь направо.

Джервек молчал, поглядывая. Я пояснила:

– Некоторые мужчины странно реагируют на отказы.

Пауза.

– Вы отказали ему?

– Да.

Пауза. Любопытство боролось со сдержанной учтивостью гаята. И победило.

– А могу я спросить...

– Он воняет.

Пауза. Джервек осторожно вздохнул.

– Вот как?

Я покосилась. Он не понял.

– У Псов очень тонкое обоняние. Сами понимаете, не всякий запах им придётся по вкусу.

Я замедлила шаг, заглянув в приоткрытую дверь каюты. Джек по-прежнему лежал возле пустой полки. Его ноздри дрогнули, но он даже не открыл глаза, лишь, вздохнув, отвернул от нас лобастую рыжую голову. Поилка была полна, еда не тронута. Я коснулась его, опустившись на корточки.

Джек?..

Уходи, сказал он. Вздохнув, я поднялась и вышла к поджидавшему за порогом Джервеку.

– Эта собака...

– Пёс.

– Этот пёс уже несколько дней лежит там, я видел, когда меня водили на допросы. Он болен?

– У него погиб напарник. Если бы был транспорт, мы бы отправили его на Чандлер вместе с телом Кира.

Я шла, засунув руки под мышки.

– Когда теряешь напарника, на некоторое время слепнешь и глухнешь. Словно у тебя ампутировали что-то жизненно важное. Чуть ли не главное...

– Да, – сухо отозвался Джервек. – Это я могу понять.

Конечно. Он же солдат. Ему наверняка приходилось терять друзей...

– Мы вызвали девушку с четвёртой базы. Её пёс погиб полгода назад. Ещё раз направо. Пришли. Не утомлены прогулкой?

Его губы дрогнули.

– С удовольствием бы пригласил вас на обед. Но, боюсь, тюремный рацион...

Я засмеялась.

– Думаете, он сильно отличается от нашего? Разве что величиной порций.

Он глядел на меня, о чем-то раздумывая.

– Мы ещё увидимся?

– Если не запретят наши психи из контрразведки, – я протянула руку. –

До свидания.

Джервек с мгновение смотрел на неё. Я уже начала чувствовать себя глупо, как он взял мою ладонь. Но не пожал, просто задержал в пальцах. Прикосновение не было неприятным.

– Был рад провести с вами время, мастер-инструктор.

Ох уж, рад! Но, как ни странно, он говорил искренне.

Услышав шум за спиной, я недовольно оглянулась. Курсанты тоже оборачивались к выходу. У двери занимали позицию охранники. Джервек сажился за стол на самом верху аудитории. Вскинул ладони, извиняясь. Я вопросительно глянула на сидящего в первых рядах Мастера – тот соорудил невинную физиономию – чёрт побери тебя и твои опыты, Мастер!

– Разберём эту диспозицию... Псы, прошу внимания! Кальвин!

Занятие закончилось через полчаса. Псы и десантники потянулись к выходу, глаза на спускавшегося сверху Джервека; один из охранников скучающе следовал за ним. Я положила световую указку.

– Прошу прощения, мастер-инструктор, я помешал...

– Нет, это моя вина, – вмешался Мастер, неспешно подымаясь. Зак потянулся и сел. – Я дал разрешение побывать на экскурсии у тебя в аудитории. Здравствуйте, полковник.

Они обменялись короткими кивками. Мастер руки не подал – видно, он знал традиции Гранда лучше меня. Или врагам вообще руки не подают? Джервек смотрел поверх моей головы на гаснущий экран. Отёк и синяки у него почти прошли, и цвет тёмно-зелёных глаз стал ярче.

– Значит, в операции «Зеро» были задействованы Бойцовые Псы...

Мастер потёр пальцем бровь. Его что-то сильно забавляло.

– Ну да, с Мэгги во главе!

Джервек недоверчиво поглядел на него. На меня.

– Действительно?

Я пожала плечами.

– Вы слышали.

– Я думал, переводчику необязательно возглавлять боевые операции, – сказал полковник, машинально беря в руки указку.

– Мастер считает, мне нужно выгуливаться время от времени, чтобы я не перегрызла весь базовый состав.

Джервек внимательно рассматривал указку.

– В «Зеро» погибло несколько тысяч человек с той и с другой стороны. Вы считаете это – игрой?

– Я не могу запретить Мэгги воевать, если я правильно вас понял, – медленно сказал Мастер. – Это не значит, что я этого не хочу.

Зак подошел ко мне, подтолкнул башкой. Я послушно погладила его.

– У нас другая психология. Псы готовы играть до бесконечности. Они не замечают, когда игра перерастает в драку. Потом они зализывают раны, прощаются с погибшими. И снова начинают играть.

Джервек не отрывал глаз от указки. Мы с Мастером смотрели на него.

– Мне... трудно это понять.

– Разумеется, – сухо отозвалась я. – Ведь мы, в отличие от вас, не защищаем свой дом. Но, Джервек, вы начали эту войну и, пока она не закончится, мы вынуждены играть в ваши игры. А сейчас – я устала и хочу отдохнуть.

– Прошу прощения, – полковник очень осторожно положил указку, коротко кивнул нам и пошёл наверх.

Мастер проводил его взглядом. С интересом посмотрел на меня.

– Ты разозлилась.

– Он не имеет права указывать мне и тебе, что я должна делать!

– Это естественное желание для мужчины – защищать привлекательную женщину.

– Чёрта с два! Я ему интересна, да, потому что я – женщина-солдат. Насколько я знаю, у них в армии нет женщин. Во всяком случае, в боевых частях. Он чувствует себя сбитым с толку и не знает, как себя со мной вести – как с противником или как со слабой женщиной. Это его и привлекает.

Мастер хмыкнул.

– Неплохой психоанализ, Мэгги! Может, спросим самого испытуемого?

– Думаешь, он тебе ответит?

– Нет, но ты можешь послушать.

– Не понимаю я вашу затею со всеми этими беседами-экскурсиями. Чего вы добиваетесь?

– Когда враг перестаёт быть безликим, а превращается... допустим, в тебя, Мэгги, – стрелять становится куда труднее. У Джервека много власти. В его силах ускорить и облегчить переговоры и капитуляцию Гранда.

Я сморщилась.

– Неплохой спич, Мастер! А может, стоило подсунуть ему кого-нибудь поженственней и по... человечней, а? Чтобы он полнее ощутил радости жизни?

Мастер слез со стола. Сказал обыденно:

– Ну, насчет женственности... Зак вон от тебя без ума. Готов валяться, как щенок, чтобы ты ему брюхо чесала...

Он тяжело пошел наверх. Зак фыркнул:

– Это он – про себя!

Цокая когтями по металлическому полу, навстречу прошествовал серый Ферли, удостоив меня короткого кивка хвостом. Джервек оглянулся ему вслед. По реакции на псов всегда можно определить, кто новичок на базе.

Я хмыкнула.

– Первое время их хотели обязать носить намордники!

– Не удивляюсь, – серьёзно согласился Джервек.

– Мастер предложил начальнику базы завязать себе рот и попробовать командовать. Отстали. Вот моя комната.

Джервек медленно переступил порог. Поглядел налево-направо. Помоему, и разглядывать особо нечего: обычная офицерская каюта. Я, правда, хотела жить со Щенками, но Мастер настоял – сказал, буду очень уставать. И оказался прав. Не очень-то приятно быть плотиной, о которую с обеих сторон бьются волны...

– Садитесь, – предложила я, устраиваясь на своей полке. Джервек, заложив руки за спину, рассматривал снимки.

– Моя семья.

– Семья? У вас существует такое понятие?

– Не совсем традиционное. Родители-люди, вторые родители-псы, детеныши с обеих сторон.

– А в традиционном смысле?

– В смысле жена-муж?

Я помолчала. Семейные и половые отношения одни из самых деликатных в мире, чёрт побери этого Мастера со всеми его планами!

– Псы, как правило, моногамны, пока растят детей. Да и зачастую – позже. А у вас?

– У нас разводы очень редки. Традиции. Долг. А где ваша собака... э-э-э... партнёр?

– Напарник? – я засмеялась. – У меня его нет. Я своего рода уникам. Когда я родилась, в округе не было ни одного щенка, и я так и выросла, как... по мнению Псов – беспризорная. Но зато сейчас мне это очень пригодилось: я неплохо понимаю тех и других. Знаете, когда привыкаешь понимать друг друга не то что с полуслова – полумысли – часто не хватает терпения объяснять вроде бы совершенно очевидное. Многие Псы жалуются на человеческую тупость, а люди считают их заносчивыми полуживотными. Конфликт двух рас, знаете ли...

Джервек глядел на меня во все глаза.

– А между ними вы?

– Ну да, – я скромно пожала плечами. – Таков мой крест... Ого, похоже, бегут по вашу душу!

Ворвавшийся в комнату капитан Шуман имел встрепанный вид.

– Полковник, пройдётте со мной! Ваши соотечественники желают удостовериться, что вы живы.

Джервек неспешно поднялся. Повернул ко мне голову.

– Мастер-инструктор?

– О, конечно, я бы с удовольствием пошла с вами! – взмолилась я. – Никогда не была на настоящих переговорах!

Гаят кивнул морщившемуся Шуману, словно выдал своё милостивое разрешение, и также неспешно, прогулочным шагом отправился в центр связи.

– Полковник Джервек?

– Как видите, – сухо отозвался тот, даже кивком не приветствуя своего собеседника.

– Рады, что с вами всё в порядке.

– Вы называете это порядком?

– Простите, сэр. Мы должны были убедиться, что с вами... что вы живы, прежде чем продолжать переговоры дальше.

– Я смотрю, «зелёные» захватили большинство в генштабе?

– Очень благоприятные обстоятельства, сэр, просто ноль-штрих-один.

Надеемся на ваше скорое возвращение.

Джервек сухо кивнул.

– Я тоже.

Откинулся на спинку кресла, наблюдая за отключением связи.

– Вы удовлетворены?

– Что такое «ноль-штрих-один»? – любопытствовал Шуман.

– Гаятская поговорка, – рассеянно пояснил Джервек, – означающая высшую степень чего-либо.

– Вам придётся вернуться в свою камеру, полковник.

– Разумеется. Бесконечные переговоры, не так ли? Э-э-э... мастер-инструктор, не проводите меня?

Я молча пошла рядом. Я чувствовала, что наш полковник получил хороший удар под дых и всё никак не мог вздохнуть.

– Ноль-штрих-один... – пробормотала я. Джервек взглянул искоса. Охрана отставала на несколько шагов, негромко что-то обсуждая.

– Жаль, что я так плохо знаю гаятский, – посетовала я. – Вы подучите меня всем этим вашим разговорным тонкостям?

– С удовольствием, мастер-инструктор, – любезно согласился Джервек, приостанавливаясь на балконе над суетой огромного ангара станции. Вид действительно впечатляющий: боевые корабли, юркие разведчики, грузовые транспорты... Охранник лениво дотронулся до плеча полковника.

– Проходим, не останавливаемся!

– Да, – кивнул Джервек – как-то отсутствующе, точно самому себе. – Поторопимся.

И, сделав шаг, выдернул из расстёгнутой кобуры охранника бластер – второй солдат ещё только открывал рот, как Джервек рванул меня на себя, локтем больно сдавив шею.

– Осторожно! – сказал резко. – Дайте мне пройти к кораблю!

Глаза Мастера горели. Встревоженная морда Зака елозила у его плеча.

– Ты именно этого хотел, когда посылал меня в тюремный блок? – поинтересовалась я с сомнением.

– Мэг, – сказал Мастер и замолчал.

Я подняла ладони, привлекая его внимание к приковавшим меня к креслу наручникам. Такие же сковывали мои ноги.

– Я, конечно, могла бы отгрызть себе руку, – сообщила я. – Но сомневаюсь, что она снова вырастет. И... Мастер. Мне дурно от сильных запахов.

Так, два варианта освобождения отброшены. Мастер с силой потёр шею.

Рука Джервека легла на моё плечо. Я вздрогнула от неожиданности, и его пальцы сжались: не понять – успокаивающе или угрожающе.

– Дайте нам улететь, – сказал он ровно.

– Лети, если получится! – рыкнул Мастер. – Мэгги?

Я глубоко вздохнула. Ненавижу запах страха.

– Мастер. Полковник Джервек не хочет причинять мне вреда. Но он очень, очень торопится. Ему почему-то очень важно скорее попасть домой, и он может с отчаянья сделать что-нибудь не то. Мне бы не хотелось умереть такой молодой.

Мастер не сводил с меня пристальных серых глаз – похоже, пытался понять, говорю ли я то, что говорю... Я не врала. Плохо умею.

Мастер сказал, отворачиваясь:

– Ладно. Надеюсь, ты права. Дайте им выйти.

– Но, Мастер... – сказал кто-то за пределом видимости.

– Дайте им уйти, я сказал! – гаркнул Мастер, и экран погас.

Пальцы Джервека разжались.

– Так просто?

Я потёрла подбородком онемевшее плечо.

– Мне верят. Куда летим, полковник?

– Домой... как вы и сказали.

Я наблюдала за его уверенными движениями: если Джервек и задумывался, то совсем ненадолго.

Молчание – не самая сильная моя черта.

– И долго вы разрабатывали этот побег?

Он ответил не сразу – что-то переключил, нажал, задумчиво оценил результат... Отозвался спокойно:

– Почти с самого начала.
– Я оказалась самым удобным объектом?
– Очень удобным, мастер-инструктор, – любезно подтвердил Джервек.
– Почему вы так доверчивы?
Я поглядела на свои прикованные руки.
– Наверное, потому что у вас не было враждебных мыслей по отношению ко мне.

Пауза. Он тоже посмотрел на мои руки.
– А какие же мысли были?
Я пожала плечами и сморщилась от боли.
– Что было – то уплыло... И всё же, что случилось, Юджин? Что произошло?
Некоторое время Джервек задумчиво изучал меня. Казалось даже, хотел ответить... Но – коротко рассмеялся, повернулся к пульту.
– Я всё забываю, что с вами нужно держать ухо востро!
– Я тоже об этом подзабыла, – пробормотала я.

Мне разрешали смотреть видео: я без особого удивления обнаружила, что мы выглядим такими же безмозглыми убийцами, как и гаяты в нашем исполнении. От нечего делать проштудировала несколько учебников по истории и языку Гранда, но нигде не встретила выражения «ноль-штрих-один». Термин военных или разведчиков. Чем, интересно, занимается полковник в свободное от похищения несчастных Бойцовых Псов время?

Я могла бродить по левому крылу замка Джервек и очень небольшому участку очень большого парка. Замечательного парка. В общем-то, я не скучала, внушив себе, что это – своего рода принудительный отпуск. А уж когда на вторую неделю Джервек прислал мне гончих, жизнь и вовсе стала сносной. Правда, с гончими особо не поболтаешь. Как и с настороженными слугами и совершенно немymi охранниками. Так что когда, наконец, в замок прибыл его хозяин, я ему даже обрадовалась.

– Мэм, – сказал Джервек, являясь из солнечного утра и занимая место напротив. Едва не подавившись сладкой булочкой, я вытаращилась на него. Или я теряю нюх, или он действительно явился неожиданно даже для своих слуг: суется, они накрывали ему второй прибор.

– Полковник.... – я с усилием сделала глоток.

Он глядел в стол, и я могла беспрепятственно его рассматривать. В отличие от меня отдохнуть его так никто и не заставил. Джервек выглядел осунувшимся, но не таким озабоченным, как две недели назад. Если у него и были проблемы, он сумел их уладить. Сейчас полковник казался моложе, чем мне запомнилось. Тёмно-зелёные глаза, тёмные подстриженные волосы; худощавый – по сравнению с Мастером. Ни единого знака отличия, но чёрная шёлковая рубашка всё равно выглядела, как слегка смягчённый вариант военного мундира. Взгляд чуть сощуренных глаз скользнул по мне и устремился в открытое окно за моей спиной. Кажется, на сегодняшнее утро я была его проблемой.

– Вижу, вы не расстаетесь со своей формой, – заметил Джервек.

– Ну, видите ли, – я взялась за тонкую ручку фарфоровой чашки. – Я улетала в такой спешке, что не успела захватить с собой дорожные чемоданы.

Он сдвинул брови, размышляя над горячим бифштексом.

– Вас должны были обеспечить всем необходимым.

– Понятие необходимого у нас разное, – я глотнула кофе – да уж, не суррогат! – Ваша... а-а-а... домоправительница... кастелянша?.. была в ужасе, когда узнала, что я не ношу кружевные... как это?.. держатели груди. Грудь у меня и без того крепкая. Они мне совершенно не нужны, видите?

Его рука, потянувшаяся за маслом, замерла в воздухе, когда он взглянул в указанном направлении. Джервек согласился сдержанно:

– Да, действительно, ЭТО вам ни к чему. Ну, а всё остальное?

Я поморщилась.

– Раз я пленная, нет нужды бродить здесь, как ряженая обезьянка. Форма как-то подтягивает, держит настороже. Один раз рядом с вами я уже расслабилась, и вот, – я повела рукой, – результат.

Не глядя на меня, Джервек кромсал свой бифштекс.

– Сожалею, но в тот момент этого требовала ситуация. Это война, мэм, и...

– И чем меньше мы будем терзаться угрызениями совести, тем нам легче будет воевать, – подхватила я.

– Рад, что вы это понимаете.

– Я вообще понятливая. Справились со своей... ситуацией?

– Более или менее. Скорее более.

– Когда я могу вернуться домой?

– На днях будет заключено соглашение об обмене военнопленными.

Запрос на вас уже получен, так что, мэм, потерпите ещё немного.

– Кстати, почему вдруг «мэм»? Вы же знаете моё имя и звание!

– О вас мало кто знает, – сказал Джервек безмятежно. – И лучше будет, если вы останетесь обыкновенной пленной – без имени и звания. Иначе кое-кто захочет познакомиться с вами поближе и поосновательней.

Я хмуро разглядывала его. Что ж, это можно счесть своего рода извинением. Подонок.

Джервек протянул руку за бокалом.

– Кстати, о знакомствах. Если вы не против, я бы хотел, чтобы вы кое с кем побеседовали...

– Против? После двухнедельного заключения в вашем одиночном замке? Да хоть со вторым Джервеком!

Полковник слабо улыбнулся.

– Уверю вас, он гораздо приятней.

– И если ты ещё раз откроешь свою пасть, я вырву твой язык и засуну его тебе в задницу, где он и должен находиться, понял?

С этими словами я развернулась и чуть не налетела на парня, стоящего за моей спиной. Я едва заодно не рывкнула и на него – остановило выражение

тихого восторга, сиявшего в его карих глазах. А потом я увидела кучу народа, торчащего у парня за спиной, а потом память щёлкнула, и я, наконец, сообразила, кого едва не сбита с ног. Пфу-у...

– Познакомься, Кассио, – в голосе Джервека, словно в тисках, бился смех. – Это и есть та милая леди, о которой я тебе рассказывал.

– Прошу прощения, ваше высочество, – пробормотала я с досадой. – Это всё щенки.

– Щенки? – негромко переспросил он, по-прежнему не сводя с меня глаз. Ресницы – умопомрачительные.

– Ну да, – я отступила, махнув рукой на вольеру. – Люди полковника никак не могут усвоить, что им нужен простор.

Теперь принц смотрел на гончих. Тонкий, слегка горбоносый профиль. На бледных губах появилась слабая, какая-то больная улыбка.

– Вы уверены, что это щенки?

Я его понимала. Трёхмесячные мордорские гончие были уже ростом с добрую взрослую собаку, а их толстые тяжёлые лапы запросто могли переломить хребёт кошке, имевшей несчастье попасться им на пути. И всё же это были щенки – немного неуклюжие, с забавными тупыми мордами в складку и шалыми блестящими глазами.

– Ваше высочество, вы утомлены, время...

Я оглянулась. По знаку Джервека говоривший смолк и отступил. В свите произошла рекогносцировка – явно нехотя, медленно, оглядываясь, сопровождение убралось; остались лишь маячившие поодаль парни в форме стаховских телохранителей.

– Смотри, Юджин, – сказал принц.

– Да, я уже видел.

Меня Джервек тоже видел, но всё равно то и дело посматривал с незнакомыми искорками в глазах. Похоже, его рассмешила моя машинальная попытка изобразить подобающее случаю приветствие – нечто среднее между книксеном и отданием чести. Ну и что? Мне и самой смешно.

– А... – принц повернул голову. – Как с ними обращаться?

– Как с обычными детьми. Кормить, играть, давать вволю гулять на солнышке.

– А можно их сейчас выпустить?

– Я и собиралась. Только не стойте у них на пути – затопчут. Ну что, мои хорошие, погуляем?

Сопение и повизгивание сгрудившихся у дверей щенков превратились в торжествующий лай, когда чёрно-белый ком вывалился из клетки и понёсся вниз по зелёному склону. Принц и Джервек отправились вслед за ними. Рядом с полковником принц казался ещё тоньше и изящней – словно девочка-подросток.

– А можно я... – принц пошёл к кувыркающимся гончим.

– Осторожно! – но щенки уже узрели новый объект для игры и, налетев всем скопом, свалили парня с ног. Фыркнув, я ухватила за локоть рванувшегося Джервека. – Не мешайте, они же играют! Пара царпин...

Но он уже и сам остановился, наблюдая, как принц возится с сопящим и рычащим клубком и хохочет в голос. Со странным, надо сказать, выражением смотрел.

Вдоволь набарахтавшись, щенки развалились на солнышке, тяжело дыша и поглядывая друг на друга – не начнёт ли кто новую игру. Принц сидел на траве, почесывая розовое голое брюшко нежившейся девочки, самой маленькой из пятерых гончих.

– Через полгода вы с ними так уже не поиграете, – я присела рядом на корточки. – Выпросите одного себе у полковника. У вас есть собаки?

– Не такие.

– Только вам нужен хороший инструктор, а то этот подросший урод перегрызёт кучу народа, прежде чем вы успеете его остановить.

– Звучит заманчиво, – сухо сказал над моей головой Джервек.

Принц вскинул смеющиеся глаза.

– Не правда ли? Ну что, и кого мне взять?

– Выбирай сам.

Принц поглядел на прихватившую его палец гончую.

– Вот эту.

Я удивилась. Физически слабые люди обычно выбирают крупных злобных кобелей, стараясь компенсировать свою уязвимость или придать себе уверенность.

– Почему именно эту?

Принц тщательно почёсывал брюхо гончей. Сказал, не поднимая глаз:

– Она внушает... нежность, – и спрятался за бело-чёрный пух щенка. Длинные тёмные волосы упали на лицо.

– Идём, – сказал Джервек, помолчав. – Ты и вправду слишком много двигаешься сегодня.

Принц рассмеялся:

– Тетушка Юджин в своём репертуаре!

Но для того, чтобы встать, он и вправду должен был опереться на руку Джервека. Обернулся ко мне – почти застенчиво:

– Я был бы рад поужинать с вами сегодня. Это... не очень неудобно?

Я засмеялась.

– Неудобно ужинать с будущим императором Гранда? Да я себе никогда не прощу, если упущу такую возможность! Обо мне будут слагать легенды!

– Можно мне называть вас Маргарет?

– Запросто.

– А я Кассио. Кассио Эйджел.

– Ну да. Я уже догадалась.

Он рассмеялся. Слава богу, а то я думала, что все гаяты, вроде Джервека, способны в лучшем случае только на скупые улыбки...

– Конечно. Извините за глупость. Мы с Юджином ждём вас в восемь. До вечера, Маргарет.

– Пока.

Я провожала их взглядом. Когда они добрались до вершины холма, Кассио уже откровенно опирался на руку спутника.

За спиной – стена из каменных блоков, увитых цветущим плющом. Слева – освещённая фонарём узкая мощёная дорожка, ведущая вглубь парка, справа – вид на темнеющую лужайку. Высокие кроны деревьев кажутся чёрными на фоне закатного неба. Чуть поодаль от накрытого стола – маленький фонтан с перекрещивающимися струями.

– Не хотите попробовать наших вин? Это лёгкие закуски, надеюсь, они придутся вам по вкусу.

– Пахнет аппетитно.

Джервек сосредоточенно разливал вино. Кассио, тоже весь в чёрном (любимый цвет гаятов?), поднял прозрачный бокал, глянул тёмными блестящими глазами.

– У нас в семье существует обычай, который не принято нарушать – первый тост за Веймарский лес.

– За лес так за лес, – согласилась я.

– За лес! – сказал и Джервек. Сдвинутые бокалы тоненько запели: этот звук продолжал звенеть в воздухе, медленно угасая, когда я сделала первый глоток. Терпкое, крепкое, густое – и горечь и сладость в одном бокале...

– М-м-м... дайте вон то... пирожное? Да.

Я откусила – да чего там откусывать? Облизнула с губ нежный тающий крем. Перехватила взгляд Джервека – он смотрел на мои губы. Я почувствовала, как внутри меня разливается тепло.

– Люблю поесть, – сообщила я принцу, провожавшему взглядом третий бутерброд: и что их такими маленькими делают? – А вы что не едите?

– Не хочется.

Я кивнула.

– Болели? Ничего, у Джервека быстро наберёте вес – поневоле. У него так вкусно кормят. Вашего бы повара да нам на базу!

– Скучаете по своим? – спросил Кассио, крохотными кусочками отправляя в рот пирожное.

– Очень. Но полковник обещает скоро отправить меня домой.

– Ещё бы, – с каменным лицом сказал Джервек. – Мне вовсе не улыбается сидеть и ждать, когда на мою голову свалится десант Бойцовых Псов с вашим Мастером во главе!

– Нервирует, – согласилась я. – Хотя лично я бы не отказалась.

– А ваши собаки... – начал принц.

– Псы! – поправили мы с Джервеком одновременно.

– Они действительно разумны?

– Да уж поумнее многих людей!

– И как вы этого добились? Вывели новую породу?

Я засмеялась.

– Если бы мы! Когда домашних собак завезли на Чандлер, и они скрестились с местными волками, что-то произошло – мутация, толчок...

Учёные до сих пор об этом спорят. Это Чандлер... всё Чандлер. А потом уж псы начали разводиться нас.

– Как это?

– Псы же до сих пор не научились говорить. А общаться им хочется. Да и привязанность к людям у них, похоже, уже на генном уровне. Так что в своё время они начали выбирать из человеческих детёнышей тех, кто наиболее способен к телепатии, эмпатии... Существует специальное обучение, его разработали позже. Но до сих пор считается необходимым, чтобы дети с обеих сторон росли вместе с самого рождения.

– Хотите сказать, что Чандлер – планета телепатов? – недоверчиво спросил Кассио. В сумерках раздался мягкий смех Джервека. Я отхлебнула ещё. Нет, вино здесь ни при чём. Это Кассио так расслабляюще действовал на Джервека. А Джервек, в свою очередь, – на меня.

– Не пугайся, Кассио! Мастер-инструктор утверждает, что не умеет читать мысли. Так что все твои секреты останутся при тебе.

– Не все, – поправила я, ставя бокал. Что это? Сверчок? Чуть поодаль, в деревьях, осторожно пробовала голос птица.

– Не все? Что вы имеете в виду? Вы всё-таки читаете чужие мысли?

– Чужие эмоции. Пристрастия, антипатии, ощущения... Я могу, не видя вас, сказать, когда вы испуганы, взволнованы, возбуждены...

Теперь рассмеялся Кассио.

– Бедный Юджин! Он годами выработывал свой невозмутимый образ, а теперь приходит маленькая леди и грозит его разоблачить!

– Ну, не такая уж маленькая, – заметил Джервек, вновь откидываясь на спинку кресла – будто там, в темноте, подальше от меня, действительно чувствовал себя в большей безопасности. – Так вы всё-таки опасны, Мэг...

– Разве что если использовать меня как живой детектор лжи на допросах. Не думаю, что чувствовать и не скрывать, что ты чувствуешь, – опасно.

– У вас другой мир. Возможно, для вас это в порядке вещей. Традиции Гранда диктуют нам иной стиль поведения. Вряд ли мои солдаты поняли бы меня, если бы я стал вопить от страха, когда вы захватывали нашу базу на Гале!

Мы с Кассио с наслаждением захихикали, представив эту картину.

– А вы боялись? – поинтересовалась я.

Джервек задумался, покачивая в руке бокал. Принц подпёр подбородок тонкой рукой. Тёмные густые брови, сросшиеся на переносице, тёмно-карие большие глаза... Я перевела взгляд на бледнеющее в сумерках лицо Джервека. Та-ак...

Джервек посмотрел на меня сквозь полуприкрытые ресницы.

– А вы узнаете, если я сейчас совру?

– Попробуйте.

– Эта странная смесь... Страх. Азарт. Отчаянье. Ответственность за жизни моих солдат. Я думаю, вы тоже это испытывали.

И, будто поставив точку, сделал большой глоток. Блеснул на меня глазами.

– Ну как? Экзамен сдан?

Я нежно ему улыбнулась.

– Вот видите? Ничего страшного!

Кассио хихикнул.

– Хотел бы я, чтобы вы погостили у нас подольше! Я всё время пытаюсь понять, что чувствует этот бронированный орешек!

Джервек улыбнулся – плоховато что-то в этот раз у него получилось.

– Не советую, Кассио. Не надо. Не всякое знание приятно.

Лёгкий взмах длинных ресниц, взгляд – в свой играющий багрянцем бокал. Слова Джервека прозвучали как отповедь. И отповедь была принята.

– А вы не могли бы рассказать ещё о Чандлере? – спросил Джервек. Правда, он и тут оказался верен себе, добавив, – если это не противоречит вашей присяге...

Я фыркнула:

– Интересно посмотреть, как вы используете в военных целях сведения о Холме Песен!

Мне было что рассказать, а им – что послушать. Может, я что-то и приукрасила, но блеск глаз Кассио и задумчивая улыбка, о которой сам Джервек, наверно, и не подозревал, того стоили...

Я отхлебнула вина – смочить пересохшее горло, и удивилась, что свечи почти догорели. Вот так разошлась... Стало прохладно. Нет, это Кассио передёрнул плечами – тонкая шёлковая рубашка не спасала от ночного дыхания близкого леса.

– Поздно, – тут же сказал Джервек. – Кассио?

Я встала.

– Ох, и заговорили вы меня! Я здесь привыкла ложиться рано.

Мужчины поднялись следом.

– Благодарю вас, Маргарет, за прекрасный вечер, – церемонно сказал Кассио. – Это было...

– Поучительно? – посмеиваясь, подсказала я.

– Замечательно, – твёрдо закончил Кассио. – Спокойной ночи, леди Маргарет!

Так я уже превратилась в леди? Приятное обращение!

– Юджин, проводи свою гостью... Я сам! Ты же знаешь, я никогда не остаюсь один.

Горечь? Язвительность? Раздражение? Простившись с принцем, мы с Джервеком побрели по дорожке к «моему» крылу замка.

Слева, от леса, веяло прохладой. Справа – теплом от тела идущего рядом мужчины. Все спали – кроме той, ночной, бессонной птицы...

Я остановилась у своей комнаты.

– Спокойной ночи, полковник?

Джервек молчал. Значит, спокойной. Я повернулась к двери.

– Подождите... – он коротко прикоснулся к моему плечу. – Я вам благодарен. Очень благодарен.

– За лекцию о Чандлере?

– За Кассио. Он первый раз... он давно не был так... таким живым. Спасибо. Спокойной ночи.

Чёткий разворот – и нет его. А я-то настроилась на долгую подробную беседу о Кассио. Об его болезни. Об его отношениях с полковником Джервеком. Об... А, да что говорить! Спокойной ночи. Всем.

В сад я вылезла через окно – до чего же узкие у них окна, надо подсказать Джервеку! Выпрыгнула в мокрую траву. Воздух пах дождём и утренними цветами. Неохотно пробовали голоса птицы, пришедшие ночной на смену. Я засмеялась и бросилась вперёд – сквозь туман, траву, кусты, деревья, вздрагивая от ошпаривающих кожу ледяных капель. Вымокла мгновенно, и бежала, бежала – вниз по склону к реке, потом вверх, по холму, к лесу; мышцы, застоявшиеся, замякшие от безделья, ныли и сладко пели. Вверх-вниз, нырок под низкие ветки, кувырок, горящее лицо охлаждает роса, подпрыгнуть, повисеть, ветка гнётся, повернуться вполоборота налево-направо, позвонки хрустят, тянутся, тянется подрезанная раной мышца спины...

Я разжала пальцы и приземлилась перед запыхавшимся Кассио.

– А вы что?..

– Еле вас догнал, – сказал он, глотая воздух и слова. – Вы так... быстро... можно мне с вами?

Я рыскнула взглядом, принюхалась... а вот и телохранители за теми деревьями. Эти не запыхались. Пожала плечами.

– Да пожалуйста... бежим!

Так, вверх, вверх, мышцы немеют, врётся, одолеем... разве ж это горы, чихали мы на такие горы... Где там парень? Пыхтит, и что ему в голову пришло... Хорошо, из уважения к местным обычаям я надела шорты и майку, не оскорбить бы их высочество своей вульгарной задницей... Ага, здесь овраг, легко, без разбега... прыгнул. Неплохо, но свой темп я уже занимаю. Нажмём!

Вылетев на опушку, я оглянулась. Где он там? Ждать? Наклонилась, опершись о колени и переводя дыхание. Замок – вот он, рукой уже подать... Да где там Кассио? Я прошла вдоль опушки.

– Кассио!

Зов утонул в тумане, как в вате. Так. Я пригнулась и нырнула назад, под ветки деревьев.

Кассио корчился на траве, хрипя и кашляя. Один из телохранителей поддерживал его, второй что-то негромко говорил в микрофон. Ч-чёрт... Я присела рядом, взглядываясь в пошедшее пятнами лицо парня.

– Что это с ним?

Мы помогли ему приподняться, но он так и остался стоять на четвереньках, хрипя и мотая головой. Звуки рвались из его груди, клокоча и взрываясь где-то внутри, выдох – кашель, до рвоты... Я положила ладонь ему на ключицы.

– Кассио... тихо... успокойся... дыши... вот так... дыши...

Я взлетела в воздух и в сторону, едва не врезавшись в дерево. Вскочила – над принцем склонился Джервек. Со всех сторон сквозь кусты лომались люди. Ну, наконец-то...

– Кассио, – торопливо говорил Джервек. – Сядь. Наклонись вперёд. Хорошо. Доктор, быстрее!

Он поднял голову, сказал с яростью:

– Вы что?! С ума сошли?

Кассио вскинул руку, хрипя:

– Не-е... я сам... сам хо-отел...

– Молчи, – быстро сказал ему Джервек. – Дыши. Вот так.

Я поглядела на сомкнутые над Кассио спины. Хорошо. Ухожу.

Джервек пришёл через несколько часов. Остановился в открытых дверях моей комнаты. Сказал официально:

– Приношу свои извинения. Вы не ушиблись?

Я демонстративно потёрла плечо.

– Значит, обвинение в покушении на гаятского принца с меня снято? Извинения приняты. Можете идти.

Он, конечно, не сдвинулся с места. Опёрся рукой о косяк, точно перед ним лежала невидимая граница, которую не следует пересекать.

– Мне действительно жаль, – сказал более мягко. – Я очень испугался за Кассио.

– Как и в прошлый раз?

Джервек смотрел непонимающе. Я слезла с кровати, подошла к нему.

– В прошлый раз. Когда вы меня взяли в плен. Вы тоже испугались – за Кассио?

Он глядел на меня и молчал. Я требовательно ткнула его пальцем в грудь.

– Ну же, Джервек, скажите! Ноль-штрих-один – что это? Вы мне должны, скажите!

Не сводя глаз с моего пальца, нацеленного ему в грудь, Джервек разжал губы:

– Император в опасности.

– А ноль-штрих-ноль? – спросила я, уже зная ответ.

– Император мёртв. Это всё, что вас интересует? – спросил Джервек с досадой.

Я отошла и с ногами забралась на кровать.

– Не всё. У меня много вопросов – почему, когда, как? Но вы же на них не ответите.

Этот его жест я переводила «сожалею, но...» Джервек помолчал и сказал нехотя:

– Пришло сообщение: начался обмен военнопленными. Вылет в столицу в пятнадцать ноль-ноль.

Я подпрыгнула.

– И это сейчас, когда началось самое интересное?

Джервек улыбнулся.

– Оставайтесь, – сказал легко.

Я поглядела с подозрением:

– Что-то вы слишком быстро согласились... Нет уж, домой так домой!
Я действительно соскучилась. Вы дадите мне попрощаться с принцем?

– Обратное он бы мне не простил. Соберитесь.

– Мне очень жаль, что вы улетаете.

– Мне тоже, – искренне сказала я.

Мы стояли на посадочной площадке. Втроём, если не считать стаховских телохранителей – а их за людей и так никто не считал.

– Повар Юджина упаковал вам в дорогу небольшой гостинец. Те пирожные.

Я поглядела на Джервека. Он смотрел на меня – но как бы сквозь. Ветер перебирал его волосы.

– Наверное, уже завтра вы будете дома. Вы рады?

– Да, – сказала я, подумав. Днём раньше мне бы думать не пришлось.

– Ваше высочество, время...

Как там у них прощаются? Принц взял мою руку. Коснулся её губами.

– Я был очень рад познакомиться с вами, леди Маргарет. Джервек много про вас рассказывал, но вы оказались гораздо интереснее. Может, когда-нибудь, когда всё это закончится... Вы повторите ваш визит?

– Ну, если полковник вновь так бездарно замаскирует базу...

– Считаете, это было бездарно? – наконец подал голос Джервек.
Солнце било мне в глаза и я сощурилась.

– ...или я так же бездарно попаду ему в плен. До свидания, полковник.

Заложив руки за спину, он молча поклонился.

Земля отпрыгнула от нас, как мячик. Я смотрела вниз. Две крохотные фигурки уходили с площадки. А ты ожидала, что они будут махать тебе вслед мокрыми от слез платками?

Я вжалась в угол – и потому вошедший увидел меня не сразу. Если бы у него были не такие зоркие глаза (или мне повезло больше), он бы вообще меня не заметил.

Но мне не повезло.

Мы застыли – каждый на своём месте. Я боялась не то что перевести дыхание – моргнуть, а неподвижность всё длилась и длилась, и мало-помалу до меня начала доходить вся абсурдность ситуации: Пёс и гаят смотрят друг на друга сквозь прорезь прицела, и оба живы, оба всё ещё живы...

– Так, – сказал он, и я всё-таки вздрогнула, но курок, к счастью, не нажала. – Этого-то я и боялся.

Я опустила бластер, ощущая не облегчение – усталость. Сказала вяло:

– Я тоже очень рада видеть вас, полковник.

Попыталась сесть поудобнее и невольно охнула. Джервек закрыл дверь. Вспыхнул свет, я сощурилась. Джервек изучающе осмотрел меня, как бы

сверяя со своими воспоминаниями. Перекинул оружие на плечо, огляделся по сторонам и сказал нехотя:

– Вы ранены.

Факт был очевиден, и я не собиралась его оспаривать. Прислонившись затылком к стене, уставилась снизу на Джервека. В жизни не видела более задумчивого человека.

Наконец он зашевелился. Протянул руку.

– Дайте сюда бластер.

– Э-э-э... зачем?

– Мне спокойнее, когда он у меня.

– Мне тоже – когда у меня, – пробормотала я, но бластер отдала. Скорее всего, он меня не пристрелит, как раненую лошадь – во всяком случае, сейчас.

– Что с ногой?

Я сморщилась.

– Слишком быстро бежала, устала... что вы делаете?

– Пытаюсь взять вас на руки... если вы не будете так пихаться.

Я вздохнула, обхватила его за шею.

– Смотрите, это может войти у меня в привычку. Стану ручной.

– Лучше бы вы стали домашней, – сказал он сквозь зубы. – Сидели бы себе дома, рожали детей, дрессировали собак...

– Учила, – поправила я. – Псов не дрессируют, а учат. А детей...

Джервек слегка встряхнул меня.

– Замолчите. Из-за вас я ничего не слышу.

– И слушать нечего, – сообщила я. – В этом блоке никого кроме нас.

– Хорошо, – он открыл ногой дверь, вышел в коридор и, помедлив, пошёл налево. Уткнувшись носом ему в шею, я смотрела назад.

– У вас нет собак?

– Нет... а что?

– След.

Он оглянулся и, невнятно сказав что-то, остановился. За нами тянулась ниточка красных капель.

– Некогда было перевязать, – извиняюще сказала я. – А куда вы меня, всё-таки, несёте?

Джервек перехватил меня поудобнее. Промолчал.

– Я вообще-то в тюрьму могу пойти и пешком, не торопясь...

– Заткнитесь, а? – злобно сказал Джервек, пинком открывая дверь.

Поражённая его грубостью, я примолкла – на мгновение. Джервек усадил меня на откидную койку. Я огляделась, потирая ногу.

– Это мы где?

Не отвечая, он рывком распечатал аптечку.

– Закатайте брюки.

В ботинке хлюпало. Я стянула его, закатала штанину. Джервек присел на корточки, разглядывая рану. Он медлил, и я попыталась его успокоить:

– Это только с виду страшно. Боли я не чувствую. Почти.

Он обработал рану быстро, умело, без особой бережности, но тщательно. Спросил, вытирая руки об остатки пластыря:

– А вы не можете сами полечить... как тогда?

Я поморгала, тряхнула головой. Судорожно зевнула.

– Не сейчас... я полежу немного, хорошо?

Джервек сидел, откинувшись головой на спинку кресла. Казалось, он спит. Но едва я шевельнулась, полковник открыл глаза. В комнате царил полумрак.

– Сколько...

– Вы спали час, – он подумал и уточнил. – И семь минут.

Я потёрла лицо и села. Джервек выпрямился, положив руки на стол. Мы заняли позицию для переговоров. И, похоже, переговоры обещали быть нелёгкими.

– Не ожидала, что вы здесь будете.

– Я и не должен был. Прибыл только вчера.

– Да, наша разведка не на высоте...

– Ключ у вас?

Я моргнула.

– Какой?

Джервек вздохнул.

– Не заставляйте себя обыскивать.

Я заинтересовалась.

– Будете это делать сами?

Джервек сказал сдержанно:

– Я могу пригласить женщину со вспомогательной службы.

– Тогда почему вы до сих пор этого не сделали?

Джервек посмотрел на свои руки. Пауза всё длилась, и я осторожно спросила:

– У вас ведь не расстреливают пленных?

– Пленных – нет, но диверсантов... Правда, вы женщина, но...

Он снова замолк.

– Но всё когда-то бывает в первый раз, – закончила я. – Похоже, я создам прецедент?

– Какова была цель вашей вылазки?

Я, кряхтя, опустила ногу на пол. Подошва распухла, как подушка.

– Вы ответите на вопрос?

– А вы бы ответили, полковник?

Он с силой потёр лицо.

– В конце концов, мы всегда можем прибегнуть к химии. У вас ведь наверняка нет блока?

Я кивнула.

– Нет. Но действие химических препаратов на Псов... э-а-у... людей моей расы до конца не изучено. Разве что вы захотите всесторонне

исследовать это процесс, – нерешительно предположила я, от всей души надеясь, что Джервек – не сторонник медицинских опытов. Полковник выглядел усталым. Принесло же его на мою голову! Хотя, возможно, иначе меня бы уже не было в живых...

– А давайте на этот раз я возьму вас в заложники? – полусерьёзно предложила я. – Приставлю бластер к вашему затылку, и мы промаршируем через базу к выходу.

Джервек поглядел на меня, как на чокнутую, но не удержался от вопроса:

– И что?

Я скромно пожала плечами.

– Ну, как бы то ни было, мы будем квиты.

– Не переживайте, вы и так со мной расквитались. Сполна, – буркнул Джервек.

Я вытаращила глаза:

– Это когда же?

– И, кроме того, у вас ничего бы не получилось – при всех ваших пёсчих штучках, – он мотнул головой, и я увидела разложенные на столе мои вещи – бластер, разрядник, нож, сетку...

– Вы всё-таки обыскали меня. Спящую.

– Бодрствующая вы бы мне это вряд ли позволили.

Я с трудом поднялась, перенося вес тела на здоровую ногу. Поглядела на дверь. На Джервека.

– А что, если я... – сказала медленно, – просто сейчас выйду и уйду отсюда? Да, Юджин? Просто уйду.

Он молча смотрел на меня – глаза сужены, рот сжат, свет настольной лампы резко очерчивает лицо.

– Я пойду? – я сделала осторожный шаг. Джервек молчал – и, понимая уже, что означает это молчание, я всё-таки шагнула ещё, протягивая руку к двери.

– Стоять, мастер-инструктор.

Голос был негромкий. Я взялась за ручку.

– Стоять.

– Вы ведь не убьёте меня, правда, Юджин? – спросила я, не оборачиваясь; пальцы сжались на гладкой ручке, не спеша и не медля...

– Стоять, – сказал он снова – безо всякой интонации, но холодок пробежал у меня по позвоночнику. Я медленно оглянулась и увидела нацеленный на меня бластер. Мой собственный бластер.

Всего секунду назад я верила, что он меня не убьёт...

– Три шага назад, – сказал Джервек. – Сядьте на койку.

Я шумно выдохнула и рассмеялась:

– Ну что ж, попытка – не пытка!

Поволокалась обратно – интересно, каким это образом я собиралась выбраться с базы? Ползком, что ли? Из меня словно разом выпустили весь воздух.

Бластер опять улёгся на стол между ладоней Джервека. Джервек провёл по нему пальцами, точно стирая невидимую пыль – раз, ещё раз. Я привалилась спиной к стене. Нужно что-то решать – и не мне, а моему любимому врагу. Он не может меня отпустить и пока не хочет отдавать своим соратникам. Но не будет же он вечно держать меня здесь? Лично я бы не возражала – всё лучше камеры для допросов. Хотя крупномасштабные военные действия были прекращены, стороны всё равно предпринимали такие вот мелкие вылазки – командование с обеих сторон делало вид, что ничего об этом не знает. Интересно, обменивают ли военнопленных по второму разу? Или это процедура одноразовая и к злостным рецидивистам неприменима?

Джервек поднял голову, разглядывая низкий потолок. Сказал – как-то нехотя:

– Не помню, говорил ли я, что члены моей семьи обладают правом неприкосновенности? Лишь сам император может арестовать нас, заключить в тюрьму или приговорить к смертной казни.

– Ну надо же, – с уважением отозвалась я. – А ваш Кассио не может меня немного... а-а-у... удочерить? Хотя бы на время?

Джервек закинул руки за голову.

– Наверяд ли, к сожалению. Зато вы можете выйти за меня замуж.

У меня отвисла челюсть. Пока я пыталась с ней справиться, смогла выдать только:

– А... о... у...

Челюсть встала на место, а я уставилась на Джервека. Лицо его было безмятежным.

– Что? – спросила я. – Что я должна сделать?

– Не должны, – заявил Джервек потолку, – МОЖЕТЕ.

Подумал и добавил:

– Хотя бы на время.

– А нельзя ли, – пробормотала я, – как-то... обойтись без жертв?

– Кого из нас вы считаете жертвой?

– Вас. Прежде всего. Насколько я знаю обычаи гаятов, семейные узы для вас священны. И идти на... а-у-у... подлог...

– Ничего страшного, – серьёзно сказал он, – с муками преступной совести я как-нибудь справлюсь. Что-нибудь ещё?

– А как ваши соотечественники отнесутся к тому, что вы берёте в жёны врага? У вас могут быть неприятности...

– Мы создадим прецедент, – с удовольствием пообещал Джервек. Он, наконец, соизволил открыть глаза и теперь, склонив голову набок, разглядывал меня. Спросил – с явным сочувствием:

– Вы можете предложить иной выход?

Мозги у меня обычно работают хорошо. Но сейчас, как бы я лихорадочно не перебирала варианты, мысли всё равно возвращались к неожиданному предложению. Разве что здесь вдруг объявится Мастер со стаей... Но Мастер пока не торопился.

– А может, я просто посижу у вас здесь... до конца переговоров?

Он даже не обратил внимания на мой «вариант». Я вздохнула.

– И как же вы собираетесь прокомментировать эту вылазку? Как наше с вами любовное свидание?

– Никак. Я ничего не собираюсь им объяснять. А допрашивать мою невесту они просто не посмеют.

– А если вас спросит ваш император?

– Ему я скажу правду.

Правду... какую? Почему мне кажется, что он потаённо улыбается – не мне, своим мыслям? Я осторожно спросила:

– А МНЕ вы скажете правду?

Он поднял брови в молчаливом вопросе.

– Зачем вы это делаете? Конечно, это очень благородно, и я благодарна вам, но... Возможно, вы чувствуете ко мне симпатию или считаете себя моим должником, или используете этот союз ещё как одно средство в переговорах...

Я замолчала. Джервек не сводил с меня глаз.

– Всё это вместе. Но решать вам. И решать надо быстро. Сюда идут.

Я и сама слышала приближавшиеся шаги – размеренные спокойные шаги человека, идущего по важному, но не слишком спешному делу.

– Они знают, что я у себя, что я жду доклада, – говорил Джервек всё быстрее. – И я не собираюсь притворяться спящим. Вы сами выбираете свой статус – пленной или моей невесты. Решайте, Мэг.

Я хмуро взирала на него. Сама, как же! Нож к горлу – выбирай, резать или как?

– Но мы не успели обговорить...

– Обещаю, что обращаться с вами будут лучше, чем в военной тюрьме, – почти улыбнулся Джервек. Шаги стихли у дверей. Приглушенный кашель, короткий вежливый стук. – Ну же!

Я резко кивнула – с чувством, что сама за собой захлопываю дверь ловушки – и в следующий миг Джервек сказал:

– Войдите!

Офицер, перешагнувший порог, собирался доложить; глаза его расширились, рука метнулась к кобуре.

– Спокойно, капитан!

– Что... как... Сэр?!

– Разрешите представить, – церемонно сказал Джервек. – Мой помощник, начальник базы капитан Ольсен. Маргарет Рейнан, моя невеста.

Взгляд Ольсена ошалело метался по моей форме, моему лицу, пустой кобуре, переходил на невозмутимое лицо командира и вновь возвращался ко мне.

– Но сэр... но она... она ведь...

– Да, к сожалению, Маргарет служит в войсках нашего противника. Служила, – поправился Джервек. Чёрта с два, подумала я и улыбнулась.

– Очень рада с вами познакомиться, капитан Ольсен.

Я стояла, перенеся вес тела на здоровую ногу: без одного ботинка, с задранный окровавленной штаниной, распухшей перевязанной лодыжкой, засунув пальцы за ремень пёсёй формы, и надо думать, выглядела достаточно сексуально и элегантно для будущей леди Джервек. Полковник посмотрел на мою кривую улыбку, сказал поспешно:

– Моей невесте требуется медицинская помощь. Вызовите базового врача.

– Но сэр... – с трудом отозвался Ольсен, не сводя с меня зачарованных глаз. – Я шёл доложить вам, что мы не можем найти ни следа Бойцовых Псов в окрестностях базы.

Я мило улыбнулась.

– След, как видите, остался. И ещё какой. Дорогой, капитан думает, что вы сделали мне предложение под дулом бластера... Знаете, Ольсен, всё было в точности до наоборот...

– Выполняйте приказ, капитан!

– Но сэр... вы же знаете, я обязан об этом доложить!

– И по всей форме, капитан. А сейчас – идите и пришлите, наконец, врача!

Ольсен кинул на меня последний отчаянный взгляд – и вылетел за дверь. Я рухнула на койку.

– Все ваши подчинённые начинают с этого «но, сэр»?

– У вас есть время связаться со своими, Мэг, – заметил Джервек. Так, а где же «мастер-инструктор» или «мэм»? Я прижала микрофон к гортани.

– Джоди... Да, я. В норме. В гостях у старого знакомого. С Мастером свяжусь. Уходите.

Я опустила руку и поглядела на Джервека.

– Не засекли? Наш свадебный эскорт убыл, что дальше?

Джервек потёр щёку, но промолчал, услышав тяжёлый топот в коридоре. В распахнутые двери ворвались двое медиков и незабвенный капитан Ольсен. Джервек показал на меня.

– Вот ваша пациентка, лейтенант.

Тот вытаращил на меня глаза.

– Но, сэр...

– Так-так-так, – сказала я. – А я-то гадала, где у вас центр связи?

Джервек молча кивнул мне, приглашая войти.

– ...и ваш поступок, – доносилось с экрана, – представляется нам в высшей степени мужественным и очень своевременным. Отдаём вам должное, лорд Джервек.

– Благодарю, – отозвался тот сухо. – Думаю, на сегодня достаточно. Предоставьте данные завтра к девяти ноль-ноль. Присаживайтесь.

Я поняла, что последнее указание относится уже ко мне, и села в кресло. Джервек кинул беглый взгляд на мои ноги.

– Как вы меня нашли?

– По запаху.

Я заметила камеру наружного наблюдения: чёрта с два я бы сюда вошла, если б он этого не захотел.

– Отсюда вы и руководите переговорами?

– Почему вы решили, что я ими руковожу?

Я склонила голову набок. Мелькнула мысль – ещё не женаты, а уже перенимаю его привычки... Джервек помедлил и сказал:

– Я не руковожу. Я со-координатор.

– А за что это вас так славословили? Уж не за то ли, за что меня сегодня перевозносил наш военный секретарь?

Я крутилась в кресле. Джервек вновь посмотрел на мои ноги и сказал:

– Вас это тоже раздражает?

– Когда тебя со всех сторон хвалят и поют дифирамбы, поневоле начинаешь чувствовать, что совершил ба-альшую глупость. Представляете, – пожаловалась я, – они даже присвоили мне внеочередное звание! В качестве компенсации морального ущерба, наверное... Что? Что не так с моими ногами?

– Что это на вас надето? – спросил Джервек холодно.

– Вам же не нравился мой комбинезон? Это шорты.

– Шорты?

– Ну да, – я закусила щёку, чтобы не улыбаться. – Знаете, такие короткие брюки.

– Это скорее очень короткие шорты... У нас не принята такая форма одежды для женщин.

– Да? – я вытянула ноги, придирчиво их рассматривая. Вроде не кривые. – Зря. Вам неприятно видеть мои ноги?

– Наоборот, даже слишком приятно, – сдержанно сказал Джервек. – Как, впрочем, и всему базовому составу.

Я поджала под себя красивые ноги. Склонила голову набок, изучая непроницаемое лицо своего любимого врага.

– Джервек?

– Юджин, – поправил тот. – Что?

– Это похоже на ревность.

Он поморщился.

– Бога ради, Маргарет! Просто как моя жена вы должны соблюдать определённые правила поведения...

Я уныло кивнула.

– Я не знала, на что даю согласие.

Пауза. Джервек не сводил с меня глаз.

– Для вас брак со мной хуже тюрьмы?

Я длинно вздохнула и упёрлась подбородком в спинку кресла.

– Маргарет, – осторожно спросил Джервек. – Но я, по крайней мере, не... воняю?

Я улыбнулась – креслу.

– Наоборот.

Сказать, что Кассио сбежал нам навстречу с лестницы, будет неверно: он буквально скатился, сияя полуденным солнцем.

– Леди Маргарет! Я так рад! – он схватил мою руку, быстро поцеловал и, не отпуская, повернулся к Джервеку. – Вот видишь, я же говорил...

Я не успела спросить – что, как Кассио закричал:

– Нельзя! Нельзя, назад, я сказал!

Я отпрянула, чтобы не столкнуться с атакующим меня центнером мышц, зубов и когтей. Ухватив гончую за жёсткий загривок, приподняла, резко встряхивая и приговаривая в такт:

– Попробуй... ещё... раз... меня... тронуть!

Очувшаяся на земле собака вякнула, присела на все четыре лапы, ошалело тряхнула головой и, быстро-быстро убежав за спину Кассио, осторожно зарычала на меня из этого безопасного укрытия.

– Подросла, – заметила я.

– Кассио... – неприятным голосом начал Джервек.

– Я не знал, – испуганно сказал тот. – Я не думал, что она нападёт на леди Маргарет!

– Мэг, – поправила я. – Не волнуйтесь, Джервек. Она попытается ещё раз напасть, но где-то через полгода. Сейчас я её сильнее.

Джервек потёр подбородок. Сказал сквозь зубы:

– Эти полгода она не проживёт, обещаю.

Я укоризненно взглянула на него.

– Кассио, если хотите, чтобы она вас слушалась, подавайте команды более низким голосом.

– Я испугался, – оправдываясь, сказал Кассио, машинально трепля гончую по холке – та довольно жмурилась. Она уже начала темнеть, к году будет совершенно чёрной, останутся только белые круги вокруг глаз.

– Ну, теперь дрессировка собак на Гранде шагнёт далеко вперёд, – полусердито-полусмеясь заметил Джервек.

– И кое-кого из людей – тоже, – пробормотал Кассио.

– Миледи, – сказал охранник, указывая на мой бластер. – Это вам придётся оставить здесь.

– С какой стати? – удивилась я. – Вы же при оружии?

Охранник преградил мне дорогу.

– Миледи, прошу вас, оставьте бластер, иначе я вас не пропущу.

Я торжественно огляделась:

– Всё отменяется! Меня не пускают на собственную свадьбу! – и радостно повернула обратно.

Секретарь вцепился в меня. И без того встрепанный и взмокший, он сейчас напоминал голодную собаку, у которой выдирают драгоценную косточку.

– Миледи... капитан... прошу вас, сдайте оружие. Вам, как жене полковника Джервека, полагается охрана.

– Эта охрана появится у меня только сегодня, а с моим бластером я уже давно знакома. Как думаете, кому я больше доверяю?

– Ну ладно, – сказал Мастер добродушно. – Хватит баловаться. Иди, не трусь!

Я тоскливо вздохнула, отдала бластер охраннику – тот принял его с явным облегчением – и обречённо переступила порог. В глаза сразу бросилась обособленность трёх групп: в центре несколько беседующих высокопоставленных чинов, у одной стены – гаяты рангом пониже, у другой – наши. Боевая слава Псов, обросшая кучей легенд и вымыслов, сослужила сейчас плохую службу: кроме Мастера и Зака на Гранд никого не пропустили.

При виде нас народ оживился: кто-то пошёл навстречу, кто-то сдвинулся с прохода. Генерал Лекруа протянул мне руку.

– Капитан Рейнан, рад вас видеть. Вы выглядите великолепно!

– Спасибо, я знаю, – скромно ответила я, опираясь о его локоть. Слева шёл секретарь-полковник, тылы прикрывали веселившиеся Мастер с Заком. Мой жених со-дружи ждал нас в конце зала: как обычно, в чёрной форме, правда, с серебряными обстрочкой и позументами – и тоже с полным иконостасом на груди и шее. Всегда учтивые и церемонные гаяты сейчас вытягивали шеи, разглядывая меня и мои ордена. Друзья, переминавшиеся и перешёптывающиеся, при нашем приближении смолкли, принимая стойку «смирно» по-гаятски, что напомнило мне футбольную «стенку». Я невольно улыбнулась. Джервек тоже улыбнулся в ответ (надо сказать, довольно нервно), отвёл локоть, принимая мою руку, как драгоценную посылку. Я перехватила его косой взгляд, брошенный на мою грудь – к сожалению, он изучал не её форму, а то, что на неё нацеплено.

– Не знал, что вы участвовали в боях за Трон, – пробормотал он. Я ответила ему таким же взглядом.

– Вы многого обо мне не знаете... А... и вы?

– Разнесли планету на атомы, и каждая сторона считает это своей победой. Н-да, странно, что мы встретились только сейчас.

– Слава вашему богу, что только сейчас. Иначе бы мне не с кем было сочетаться браком.

– Или мне...

– Его высочество, господи!

Военные с обеих сторон вытянулись в струнку. Явился Кассио – красная парадная форма оживляла его бледное лицо. Он пожал руку Джервеку, церемонно поцеловал мою. Произнёс несколько подобающих случаю слов. Тон был официально-торжественным, но я чувствовала, что он единственный из всех присутствующих искренне рад нашей свадьбе.

Брачный обряд я ночью вызубрила наизусть – самое трудное было сохранить подобающую случаю серьёзность. Когда я уже собралась вздохнуть с облегчением, герольд торжественно завопил:

– Её величество императрица, господа!

Локоть Джервека под моими пальцами напрягся. В зале пошло движение. Встал и принц. Я с любопытством уставилась на экран: видела императрицу впервые. Длинное лицо, холодное и бледное. Тёмные глаза, слишком яркие для такой белой кожи, тёмные, словно подведённые брови и совершенно белые волосы, укрытые сеточкой с драгоценными камнями. Руки сложены на животе – красивые белые руки, туго стянутые на запястьях чёрным кружевом рукавов.

– Ваше высочество...

Мать с сыном обменялись церемонными поклонами. Взгляд императрицы устремился на Джервека.

– Ваше величество, – в свою очередь пробормотал мой муж, низко склоняя голову. Я опять попыталась изобразить свой знаменитый военный реверанс, чем на секунду привлекла к себе внимание матери-императрицы – но вряд ли он рассмешил её, скорее оскорбил. Её зоркие глаза скользнули по мне с... с? с отвращением? На таком расстоянии я не могла уловить её эмоции, выражение вышколенного лица осталось прежним, но я была готова поклясться, что именно так.

– Лорд Джервек, – звучно произнесла императрица. – Мы поздравляем вас с вашим бракосочетанием и, хотя это произошло так неожиданно и вопреки нашим обычаям, мы всё же выражаем надежду...

Речь лилась ровно и плавно, без малейшей запинки и малейшей интонации, и я вскоре перестала вслушиваться. Джервек стоял, опустив ресницы – такое спокойно-почтительное лицо и такое напряжение во всём теле... Я покрепче ухватила его локоть. Императрица снова, как бы нехотя, перевела глаза на меня. Сказала с холодной учтивостью:

– Надеемся, ваша жена сумеет оценить вас по достоинству...

– Уж не сомневайся, дорогая, – сказала я сквозь зубы. Августейшая мать не расслышала, но переспрашивать, разумеется, не снизошла. Царственный кивок – и моя новая командорша растаяла в темнеющем серебре экрана.

– Ну, это всё? – спросила я. – Представление закончилось?

– Частично, – отозвался Джервек. – Пойдёмте.

Взяв меня под локоть, не переставая кивать и коротко улыбаться на поздравления встречных, он увёл меня на второй этаж. Я осмотрела нарядную комнату с очень просторной кроватью. Вопросительно глянула на мужа.

– Брачная ночь у вас начинается сразу после церемонии?

– Н-нет, – отозвался Джервек. – Нет, ещё будут танцы... и праздничный ужин.

Я с сожалением вздохнула:

– Я бы предпочла другой порядок!

Проигнорировав моё замечание, он шагнул к кровати.

– Её величество прислала вам свадебный подарок. Платье.

Засунув руки в карманы, я серьёзно рассматривала это... произведение искусства. Зелёный... шёлк? шёлк, без сомнения... полупрозрачные кружевные вставки, блеск мелких изумрудов, раскинутых по вороту и обшлагам длинных рукавов.

– Хотите, чтобы я надела ЭТО?

– Вы уже достаточно запугали своим мундиром моих соотечественников. Снимите, пожалуйста, пёсью форму и наденьте платье.

– Чтобы продемонстрировать уважение к императрице? – я скользила пальцами по шёлку – нежен, как щека ребёнка...

– Прислать вам горничную?

– Да уж разберусь, где перед, где зад, – буркнула я. – Только не гарантирую, что смогу в нём двигаться.

Он машинально бросил взгляд на мои высокие ботинки, и я злорадно ухмыльнулась:

– Допустим, наступлю на подол, шёлк – ткань нежная...

– Вы справитесь! – пообещал Джервек, скрываясь за дверью.

Я критически осматривала себя в зеркале. Шёлк обтягивал тело, как вторая кожа – прохладная, мягко сияющая. Услышав короткий стук, сказала: «Войдите», и повернулась боком, оглаживая платье по бёдрам. Перехватила в зеркале взгляд своего нечаянного мужа.

– Так, – сказал он через паузу задумчиво. – И куда же мы будем сваливать бездыханные тела?

Я провела рукой по груди.

– Судя по фасону, вы выбираете себе жён, как наши крестьяне коров – по вымени?

Несчастный секретарь, похоже, вознамерившийся пасти меня до самой брачной постели, в отчаянье воздел руки. Джервек прикусил губу. Скользнул деликатным взглядом по глубокому вырезу платья и сказал сдержанно:

– Отчасти. Вы готовы?

Я последний раз бросила взгляд в зеркало и опять не нашла в себе особых изменений. Я и так всегда выглядела великолепно.

Мы ненадолго задержались наверху лестницы, чтобы дать гостям полюбоваться столь красивой парой, и торжественно сошли вниз. Мастер оглядел меня медленно с головы до ног; встретившись со мной глазами, широко улыбнулся.

Джервек обнял меня за талию. Я запоздало предупредила, что не умею танцевать.

– Ничего, – успокоил меня муж, – вы солдат опытный, справитесь. Это не ваш Мастер отвесил вам сейчас комплимент?

– Да, а... – я поглядела на него. – А как вы?..

Он улыбнулся уголками губ.

– Уж мужские мысли мне читать нетрудно. Вы хорошо двигаетесь.

– Да и вы неплохо.

Мы чутко улавливали малейшее движение друг друга, руки его не были ни холодными, ни безразличными, глаза казались тёмными – и тёплыми...

Где-то я слышала, что пары, хорошо понимающие друг друга в танце, не менее приятно проводят время и в постели, но воздержалась от приведения этого высказывания – пусть, если хочет, сам читает мои мысли.

Джервек медленно улыбнулся.

– Знаешь, – сказал пригласивший меня на следующий танец Мастер, – я подумываю ввести такую форму одежды для Псов. Во всяком случае, для женской половины. Правда, парни будут отвлекаться...

Я засмеялась:

– И противник – тоже! Ещё одно секретное оружие Бойцовых Псов!

– Ты никогда, – Мастер ловко повернул меня, – не жалела об упущенных возможностях?

Я пожала плечами.

– Нет. Почти никогда. Так уж получается, у меня всегда есть то, чего я хочу.

Мастер хмыкнул:

– Интересный парень, но если он тебе поднадоеет или тебе здесь станет плохо, помни – Псы своих не бросают.

– Мастер, – оскорблённо сказала я. – Ты что, думаешь, я этот брак сама подстроила?

– Нет. Ты просто ловишь возможности. А я... – снова поворот, – ...их упускаю. Старею, наверное.

Я с интересом следила за ним в зеркале – Джервек вошёл осторожно, словно опасаясь кого-то разбудить. Прошёлся по спальне, заложив руки за спину; остановился у окна. Из полуоткрытой створки потянуло ночным ветром, сдувая прядь волос, упавшую на лоб. Некоторое время сосредоточенно смотрел в ночь – лицо его было настолько спокойным, что казалось напряжённым. Ресницы дрогнули, опускаясь, а когда поднялись вновь, Джервек смотрел на меня.

– Хотите, скажу ваш текст? – быстро предложила я. – В связи с тем... а-у-у... мэм... что вы приняли моё предложение под давлением обстоятельств, угрозы для жизни, и наш брак – фикция – не поступить ли мне благородно и, не посягая на вашу честь и вашу половину кровати, провести эту ночь в покое и одиночестве?

Я выпалила всё это, глядя в его зеркальные глаза – и видела, как они теплеют. Джервек склонил голову набок, как бы всерьёз обдумывая мои слова. Медленно обогнув гигантскую кровать, остановился у меня за спиной. Осторожно провёл ладонью по моему стриженному затылку, я поёжилась от удовольствия. Не сводя глаз с него в зеркале, спросила негромко:

– Я угадала?

Джервек медленно улыбнулся – своему и моему отражению. Ответил моими словами:

– Чёрта с два!

Мы лежали, прижавшись друг к другу, я – лицом к окну, в которое проникал лунный свет. Славные ночи на этом Гранде, почти такие же, как на Чандлере. Обнимавший меня мужчина молчал, дышал ровно и тихо, но я знала, что он не спит. Джервек потёрся губами о мой затылок, и я вновь поёжилась.

– Чему ты улыбаешься? – спросил он.

– А ты ведь действительно хотел сказать что-то подобное?

Джервек помолчал.

– Да. А потом посмотрел на тебя... и понял, что это – глупость, которую я никогда не совершу.

– Попробуй только сказать, что ты об этом пожалел! – поддразнила я.

– Нет. А ты?

– Нет. Тебе ничего не надо объяснять.

Его руки заскользили по моему телу.

– Тогда позволь ещё раз... ничего не объяснять.

Охотно переворачиваясь, я ухватила зубами раскачивающийся над мной солдатский медальон на тонкой, но прочной цепочке. Джервек тихо засмеялся.

– Мы не расстаёмся с ними, да? – его пальцы скользнули по моей шее, дотронулись до моего медальона.

– Юджин...

– М-м-м?..

– Такие бои мне больше по душе.

– Мне тоже.

К сожалению, в наш медовый месяц нас никак не оставляли в покое. С утра Юджин был занят совещаниями и координацией деятельности различных ведомств и подразделений, занимавшихся почётной сдачей Гранда. Вникать я не пыталась, потому как на самом деле меня это не особенно интересовало. Ясно, что побеждённые пытаются побольше выторговать, а победители – поменьше пообещать. Гораздо больше меня заботил мой новый статус молодой жены. Сама идея любить если не всю жизнь, то хотя бы значительную её часть лишь одного мужчину была для меня новой и, как ни странно, привлекательной...

Жизнь текла размеренно, но пока нескучно. Вплоть до самого обеда мы с Кассио были предоставлены сами себе – и друг другу. Парень охотно стал моим гидом в истории и обычаях гаятов, а также пытался посвятить меня в тонкости дворцовых церемоний. Боюсь, его коробило то, что я находила большую часть из них довольно глупыми и смешными, но Кассио не из злобных, и вскоре сам от души веселился, когда я пародировала какие-либо слова и телодвижения царедворцев. Ему ведь никогда не приходило в голову взглянуть на обычаи гаятов со стороны.

После обеда, который я, памятуя о базовых пайках, всегда находила восхитительным, Кассио под неусыпным надзором медиков отправлялся

спать, а мы с Юджином урывали время друг для друга – но его всегда не хватало...

Я решила считать себя полноправным членом семьи и на том основании принялась изучать её историю. Оказалось, что род Джервеков идёт от одной из семей поселенцев, колонизировавших Гранд, и потому считается одним из самых уважаемых и чистокровных родов Империи. Из него вышло изрядное количество известных политиков и военных – достаточное, чтобы подтвердить славные традиции предков. Видное место занимал и отец Юджина лорд Кальвин Джервек – пока, однажды, прервав внезапно взлёт своей карьеры, он не оставил политику в совсем ещё молодом возрасте и не удалился в своё владение, занявшись земледелием – и сыном. Да, как раз с рождением Юджина...

Забывая о времени, я рылась в тетрадах, блокнотах, книгах: записи велись по старинке письменностью, единственной уступкой времени было употребление не бумаги, а негораемого материала, стилизованно, под старину, сшитого по краю. Однажды я наткнулась на дневник Кальвина Джервека. Первая страница повествовала о том, что отец приказал ему вести записи, чтобы оставить след своей жизни в семейной летописи. Тогда ему было... дайте-ка взглянуть... ага, около шести. Я листала страницы, прослеживая дни, каждый из которых казался мальчишке событием. Первый раз взяли на ярмарку в столицу. Первый пони. Охота на уток. Посещение Веймарского леса. Драка с деревенским парнишкой... Потом начали встречаться страницы, зашифрованные самодельным кодом – я некоторое время наслаждалась, представляя, как наши дешифровщики ломают код, – и получают подробное описание подростковых сексуальных опытов...

Учёба в университете. Работа в министерстве. Первые полёты на планеты, с которыми у Гранда были завязаны дипломатические и торговые отношения...

Стилю Кальвина не хватало ни живости, ни остроумия. Просто добросовестное описание событий – как отчёт о проделанной работе. Лишь раз в дневнике появилась запись, которую можно отнести к проявлению чувств, удивительному у такого педантичного и ответственного человека: «Сегодня начался Карнавал. Я представлен принцессе Марии. Она...

...прекрасна».

Я быстро перелистнула страницу и обнаружила запись, сделанную год спустя. «Замок Джервеков. Погода обещает хороший урожай шипара. У сына повысилась температура. Врач, вызванный из города, уверяет, что всё в порядке. Обычная младенческая реакция на перемену в пище».

Я вернулась обратно, исследуя переплёт. Несомненно, здесь были записи, и довольно многочисленные, тщательно удалённые чьей-то рукой. Где они сейчас? Кальвин явно не доверил их своему детскому шифру, да и тайному сейфу – тоже. Наверняка они нашли свой конец в пламени камина... хотя, что это я, ведь эта бумага не горит. Ну ладно, представим не столь красивый, но всё же вполне вероятный конец – уничтожение с помощью какой-нибудь кислоты...

– У нас говорят – любопытна, как кошка, – негромко произнесли у меня за спиной.

Вздвигнув, я обернулась и улыбнулась своему мужу.

– А у нас – любопытство пса сгубило...

– Это так интересно, что ты даже не слышала моих шагов?

Я показала ему дневник лорда Кальвина, хотя он и без того понял, что у меня в руках.

– Думаю, ты не рассердишься.

Вернее, я надеялась на это. Юджин казался скорее озабоченным, чем рассерженным.

– Ты в детстве был таким забавным! Ты знаешь, что вместо «колготки» ты говорил «ковботки»? Твой отец записывал все твои выражения. Наверное, он очень любил тебя?

– Наверное. Не знаю. Мы никогда не говорили об этом.

И о многом другом – тоже? Интересно, когда Юджин начал задавать вопросы и какие получал ответы? Я помахала перед его лицом дневником Кальвина.

– Глупый. Про любовь совсем не обязательно говорить. Ты когда-нибудь перечитывал его дневник?

– И не раз.

– Не против, что я взяла его без спросу?

Я пару раз взмахнула ресницами. Получилось у меня удачно – Юджин явно смягчился. Тем не менее, он помедлил, прежде чем ответить:

– Нет. Я думаю, ты имеешь на это право.

– А имею ли я право взглянуть на твой дневник? – спросила я игриво.

– Ты ведь тоже вёл его, так? С самого детства?

Юджин глядел растерянно. Забавляясь, я увидела, что на его щеках проступает тёмный румянец. Интересно, использовал ли он шифр, как его отец? Муж ответил поспешно:

– Я не был таким организованным. Это совсем неинтересно.

– Напротив, даже очень, – вкрадчиво сказала я, двигаясь к нему поближе.

– На самом деле меня интересует, есть ли там записи обо мне. И какие именно.

– Есть, – сказал он, помедлив. – Но, если можно, – не сейчас. Попозже. Когда ты... поживёшь со... здесь подольше.

Я без труда расшифровала: когда я смогу тебе больше доверять. Как же людям дороги их маленькие тайны, их мысли и чувства! Словно я могу навредить ему – это я-то!

Я с некоторым сожалением закрыла дневник Кальвина.

– Думаешь, он одобрил бы твой поступок? Я имею в виду – женитьбу на мне?

Юджин ответил честно:

– Наверяд ли. Но он... понял бы.

– А императрица была просто оскорблена, – поддразнила я его. – Она считает, ты заслуживаешь лучшего, чем какой-то беспородный Пёс.

– Не какой-то, – пробормотал он, обнимая меня, – а настоящий мастер-инструктор Бойцовых Псов. И вообще, плевать, кто и что о тебе или обо мне думает!

– Рада слышать, что ты теряешь хоть каплю своей высокой ответственности, – сказала я, обхватывая его ногами. – Сказывается моё благотворное влияние... А знаешь, в этих юбках что-то есть. Очень удобно...

– Здесь? – спросил Юджин, опёршись о стол рядом с моими бёдрами. Его потемневшие глаза неотрывно смотрели на меня, дыхание со свистом вырывалось из груди.

– Скажи, что не хочешь, – поддразнила я, расстёгивая его рубашку, и скользя ладонями по вздрогнувшим горячим бокам. – Не здесь. Не сейчас. Не со мной. Что молчишь, полковник?

Он по-прежнему молчал, но начал действовать, и всё шло прекрасно и закончилось бы тоже прекрасно, если б не...

– Господин полковник!

Юджин замер и тихонько зарычал мне в ухо.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – сказал он с отчаяньем.

Голос послышался ближе:

– Господин полковник, где вы? Её величество императрица хочет переговорить с вами! Господин полковник!

– Легка на помине, – недовольно сказала я. Джервек отстранился, приводя в порядок одежду – свою и мою, потому что я совсем не спешила это делать.

– Я... – сказал он, отступая, и с отчаяньем вновь изобразил свой фирменный жест.

– Ладно, ладно, – примирительно сказала я, слезая со стола. – Ты всегда знаешь, где меня найти.

Лорд Джервек удалился из библиотеки слегка неверной походкой. Я, посмеиваясь, проводила его взглядом, и вновь вернулась к своим историческим изысканиям.

Хотя, надо признаться, не без труда.

Императрица взяла за правило ежедневно справляться о здоровье сына – и доклад должен был делать не сам Кассио, и даже не его лечащий врач, а лорд Джервек. Уж не знаю, о чём они говорили не менее получаса каждый день за закрытой дверью, но Юджин всегда выходил оттуда с непроницаемым – не тронь меня – лицом. Пару раз в отсутствие мужа приветствовала императрицу я и даже пыталась поддерживать с ней вежливый, бессмысленный для меня разговор о погоде. Не сказать, чтобы меня пытались игнорировать демонстративно, но, если она и испытывала ко мне тёплые чувства, то очень успешно это скрывала.

– Как получилось, что, кроме должности со... координатора, на тебя звалили ещё и сволочную обязанность следить за здоровьем наследного принца?

Был редкий вечер, который мы проводили вдвоём. Вернее, втроём. А ещё точнее – вчетвером. Мы с Юджином полулежали на нагретом солнцем пригорке, наблюдая, как Кассио дрессирует Бестию. Бестия веселилась вовсю. Мы, глядя на них, тоже. Кассио же был в отчаянье.

Так как Юджин молчал, я повернула голову, заглядывая в его лицо. Оно было замкнутым – вновь проглянул Джервек-«крепкий орешек».

– Императрица сочла... – произнёс он медленно, – меня подходящим для этой роли.

Ну разумеется.

– Но ты же не врач! Кстати, что там такое со здоровьем Кассио?

Юджин потянул меня за прядь волос.

– Тебе хорошо с отросшими волосами...

– А, по-моему, и до того было неплохо. Так что с Кассио?

– Тебе не скучно здесь?

Я на мгновение отвлеклась.

– С чего это?

– Ты привыкла к более многочисленному обществу. И к более активной жизни. Ничего, когда всё это закончится, мы сможем поехать в столицу. Я покажу тебе Гранд. Он ничуть не хуже Чандлера, уверяю тебя. Только потерпи ещё немного.

Вообще-то я пока не страдала от скуки. Но, подумав, решила промолчать. Мало ли что случится для шантажа в семейной жизни...

– Договорились. Так что там с Кассио? Надеюсь, ничего такого... смертельного?

– Тебя не собьёшь.

– Ни за что! – согласилась я. – Расскажешь сам или придётся взламывать врачебные файлы?

– Вряд ли ты найдёшь там что-либо интересное... даже с твоей квалификацией.

Джервек упорно наматывал на палец прядь моих волос – это занимало всё его внимание и время. Я легонько подтолкнула его плечом.

– Так ты будешь отвечать или нет?

– Кассио пытались отравить, – сказал Юджин, по-прежнему глядя на свой палец. Я дёрнулась и, охнув, схватилась за его руку.

– Пусти! Кто? Дикость какая-то!

Он усмехнулся.

– Кто? Не я.

– Не ты, точно, – на полном серьёзе согласилась я. – Ты тогда был на нашей базе, могу подтвердить.

Муж поднял глаза:

– Думаешь, это потребуется?

– А кто вас, гаятов, знает! Так ты теперь у Кассио вроде личного телохранителя?

– Нет. Кассио отдыхает в моём замке. Я присматриваю за ним, пока всё... не разъяснится.

То есть, пока августейшая мама не даст другую команду. Нянька Юджин... это что-то новое...

Или так было всегда?

Спасаясь от дальнейших расспросов, Юджин поднялся и пошёл к Кассио – помочь удерживать Бестию в сидячем положении. Бестия вертелась и кусала всё, что находится перед её мордой. Через минуту Юджин и взмокший Кассио уже смеялись в голос, а я сидела, обхватив колени, и наблюдала за ними с серьёзным недоумением. Неужели все вокруг слепы?

Мужчины обернулись и помахали мне руками. Я махнула в ответ. Какая разница? Ведь жили же они столько лет до меня. Проживут и дальше.

Я резко села на кровати, уставившись в стену перед собой. Что-то... что-то было не так. Рядом застонал, беспокойно шевельнулся Юджин. Не проснулся. Я поспешно оделась, скользнула к двери, принохиваясь и прислушиваясь. Было тихо. Слабо пахло, не то, чтобы неприятно – непривычно. Я закрыла глаза, просматривая коридор. Пусто, разве что слева, у спальни принца... Охрана? Но этот запах...

Я медленно – миллиметр за миллиметром (до чего же скрипучая!) – приоткрыла дверь, протиснулась в узкую щель и замерла, поводя головой из стороны в сторону. По крайней мере, с час здесь никто не проходил. Скользнула вдоль стены влево. Запах, сладковатый приятный запах, становился всё сильнее. Я пригнулась – по низу тянуло, вея странным ароматом. Сквозняк... откуда? Я вывернула за угол – в лицо пахнуло тёплой густой волной запаха – лета, яблок, солнца...

У приоткрытых дверей спальни лежали телохранители. Руки-ноги согнуты так, словно солдаты изображали из себя свастику... Оружие на месте. Я устала на дверь. Он жив, он дышит, и больше – ни шелеста, ни дыхания, ни...

Но.

Я прыгнула вперёд – запах обволакивал меня, как душный кисель, дверь неожиданно оказалась далеко, в конце длинного тоннеля, и таяла, таяла, таяла... Но я всё же настигла её, отбивая ладони; влетела в спальню, замедленно кувыркнулась, ударив кулаком по кнопке тревоги. Запах сделался невыносимым, прорезалось в нём что-то гниюще-сладкое – так пахнет опрелая рана. И в этом запахе плыло в густом воздухе нечто бесцветное, прозрачно-белесое, как кисея, тончайший шёлк. Оно парило над кроватью, сгущалось над лежащим навзничь принцем, обволакивало его, как покрывало, как кокон, и, казалось, баюкало, баюкало, усыпляло...

Я не смогла подняться даже на колени – запах заполнил самую последнюю клеточку моего тела, размягчая кости и плавя мышцы, тело таяло, словно горящий воск, и даже когда я поползла к кровати, я оставалась на месте, барахтаясь, как черепашка с разбитым панцирем... где же... где Джервек...

– Джервек... – выдохнула я, глядя на свою вытянутую руку – пальцы скребли и скребли пол, уже не чувствуя боли...

– Повторите ещё раз.

– Она уже всё сказала, – вмешался Джервек. Я сидела на кровати принца, баюкая сломанную руку – солдаты, ворвавшиеся в спальню, не разбирали, что такое там валяется у них под ногами, – и переводила взгляд с бледного и мрачного Джервека на не менее мрачного шефа безопасности Бейтца. Кассио, закутанный в одеяла, полулежал на подушках, молчал и отхлёбывал из чашки горячее вино. Выглядел он не то что осунувшимся – измождённым, белым, как та дымка над его головой.

– Согласитесь, всё это выглядит более чем подозрительно, – не сдавался Бейтц. – Охранники усыплены, его высочество без сознания, в его спальне – живая и здоровая офицер объединённых войск, рассказывающая совершенно неправдоподобную историю о привидении, которое никто, кроме неё, не видел... Ещё несколько минут – и неизвестно, какая бы участь постигла его высочество!

Я засмеялась:

– А кто, по-вашему, нажал на сигнал тревоги? В чём меня обвиняют – в том, что я организовала это нападение?

– В том, что вы сделали так, что это выглядело, как нападение!

Я свирепо уставилась на него. Ненавижу оправдываться в том, в чём не виновата. С Псами бы в этом не было необходимости.

– Не зарывайтесь, Бейтц, – тихо сказал Юджин. – Вы обвиняете мою жену.

Бейтц с отчаянием на миг прижал к воспалённым глазам ладони, потом раздражённо махнул руками, словно сдаваясь.

– Но как можно всё это объяснить?

– Ничего объяснять не надо, – подал голос Кассио – едва ли не первый раз после своего насильственного пробуждения. Потянулся поставить чашку – чашка покатила, упала, но не разбилась, погрузившись в ворс ковра. Мы все посмотрели на неё. Кассио приподнялся на подушках повыше. Повторил:

– Ничего не надо объяснять. Мы и без того знаем, что это был за гость.

Поморщившись, он перевернулся на бок.

– Бейтц, приготовьте приказ на нового хранителя постели.

– И кто же это, ваше высочество?

– Леди Джервек.

Молчание. Баюкая руку, я вопросительно поглядела на ошеломлённого Бейтца, на молчащего Юджина. Хранитель постели... Это ещё что такое? Я должна охранять его кровать? Джервек ответил мне потемневшим взглядом:

– Личный телохранитель его высочества.

Я кивнула. Так. Я – телохранитель. Полный дурдом.

Видно было, что Бейтц с трудом удерживается в рамках почтительности.

– Но... ваше высочество... это просто беспрецедентно... назначить телохранителем недавнего врага...

– Жену своего военачальника, – закончил Кассио, приподняв чёрные брови.

– Наша служба набирает очень надёжных, прошедших множество проверок, опытных охранников...

– Ни один из ваших опытных надёжных людей не смог защитить меня... ни один не пришёл на помощь... ни они... ни... Никто, кроме леди Маргарет.

Недосказанное всё-таки прозвучало, и лицо полковника болезненно дрогнуло.

– Вы согласны, леди Маргарет?

Я прислушалась, глядя на свою распухшую руку: нет, нет, нет, кричал Бейтц; вы нужны мне, я прошу вас, говорил Кассио. Джервек глухо молчал. К чёрту!

Я нервно засмеялась.

– Да бога ради, Кассио!.. ваше высочество! Если это облегчит тебе жизнь. Но давай договоримся – профессиональная охрана у тебя всё-таки будет. А я так... в утешение.

Экран светился, но Джервек не работал: сидел в кресле, заложив руки за голову. Казалось, дремал. Я молча наблюдала за ним – пока Джервек не открыл глаза и не сказал устало:

– Заходите, Мэг.

Я сделала круг возле пульта, с любопытством приглядываясь к кнопкам, тумблерам, экранам – что-то никак не находилось времени с этим разобраться. Присела на стол перед Джервеком.

– Почему не идёшь спать? Ещё четыре часа утра.

– Какой тут сон?

Я демонстративно широко зевнула:

– Ну, не знаю... Война – войной, а обед – обедом.

– Это что, такая пёсья поговорка?

– Это солдатская поговорка. Я ещё много их знаю! Например, утро вечера мудренее.

– И что это значит?

– Это значит, что, сидючи здесь среди ночи, ты ровным счётом ничего не придумаешь. Тебе надо отдохнуть.

Джервек закрыл глаза.

– Да. Надо.

Я молча смотрела на него. Синевато-серая подсветка бросала на его лицо нездоровые тени, высвечивая впадины и морщины, которые в дневном свете были не видны. Джервек поднял руку, заслоняясь от моего взгляда. Потёр лоб.

– Я обещал ему... и ей... её величеству... что принц здесь будет в безопасности. Я верил в это. Я сам верил в это.

Я дотянулась до его руки: холодная напряжённая ладонь нехотя откликнулась на моё прикосновение.

– Чем ты расстроен больше – своей ошибкой или тем, что принц упрекнул тебя в этом?

Он высвободил руку и вновь поднёс её к лицу.

– Но это правда.

– Что?

– Что я не бросился к нему на помощь.

– Я просто тебя не разбудила.

Он поморщился.

– Не тогда. Позже. В его спальне.

Я глядела на него во все глаза.

– Не поняла. Что ты сделал не так?

– Вернее – чего не сделал. Вместо того чтобы сразу броситься к принцу, я задержался возле тебя.

Я хмыкнула.

– Ну да, в порядке очерёдности! Я ведь валялась первой.

– Это не смешно, – сказал Джервек, но губы у него дрогнули. Я подумала и сползла со стола ему на колени. Джервек вздохнул, повернулся, чтобы я могла сесть поудобнее. Я упёрлась подбородком ему в грудь, рассматривая его. Спросила:

– Ты считаешь это изменой?

– А ты?

– А я бы назвала это любовью...

– И что это за гости, которые усыпляют охранников и принцев?

Я приподнялась на локте, рассматривая лежащего на спине Юджина. Мы так и не уснули – не хотелось. Вернее, хотелось, но совершенно другого.

Джервек молчал, глядя в потолок.

– Или, может, – вкрадчиво продолжила я, – это государственная тайна, и мне, как представителю враждебной стороны...

Пальцы Джервека накрыли мои губы.

– Я просто думал, как лучше объяснить... Чтобы тебе это не показалось страшной сказкой. Просто подошёл срок Кассио. Помнишь, я говорил тебе про Веймарский лес?

– Волшебный?

– Обычный. Ты можешь пройти его от края до края – очень красивый, очень густой... обыкновенный лес. Но для императорской семьи он – делатель королей.

– Де-ла-гель?

– Когда наступает срок – у каждого свой – Веймар посылает проводника за претендентом на престол.

Я села.

– И он уходит в лес и проходит инициацию?

Джервек смотрел в потолок.

– Проходит испытания – никто не знает, какие. Об этом никогда никому не рассказывают. А может, и не помнят... Только вернувшийся... меняется.

– А откуда взялся этот обычай?

Джервек повёл плечом.

– Он был всегда... Во всяком случае, на Гранде.

– Но кто это проделывает с вами? Человек? Машина? Какое-то... существо?
Вы даже не пробовали выяснить?

Джервек казался шокированным.

– Это... святыня. У вас существует такое понятие?

Я, подумав, кивнула.

– Пожалуй. Но мы слишком любопытны, чтобы держаться вдалеке от непонятного.

Джервек перевернулся на живот. Помолчал и сказал нехотя:

– Мы тоже. По крайней мере, мальчишки. В детстве мы облазили весь Веймар.

Я подпрыгнула.

– И?

– И ничего. Ничего необычного мы там не нашли. Я думаю, Делатель... он появляется только когда приходит для этого время.

– Ну да. Как медведь выходит весной из спячки, – я прилегла рядом с Юджином, заглядывая ему в глаза.

– А бывало, что испытуемый не возвращался?

Джервек ждал этого вопроса. Молча кивнул.

– А что, если просто проигнорировать посланника? Решить всё, так сказать, мирским способом?

Джервек разглядывал свои руки.

– Ты не понимаешь. Любой из Эйджелов чувствует... зов. И зов этот с каждым днём делается всё сильнее. Однажды он просто не сможет противиться ему – и уйдёт в Веймар.

Я придвинулась ещё, хотя знала, что ему трудно сохранять спокойствие, когда я так близко к нему.

– Юджин... а что бывает, если претендент на трон не один? Что происходит?

Джервек посмотрел на меня. Сказал:

– Давай хоть немного поспим.

Он лег, отвернувшись от меня. Что ж, тоже ответ.

Своего рода.

Хм-м, Веймар...

Я рылась в информационной сети Гранда. Спасибо высокому положению моего мужа – техника в замке была, что называется, на грани фантастики.

Ссылок на Веймар было предостаточно. Самое трудное – убрать наслоения десятилетий и столетий, которые превратили инициацию в поистине сказочное действо. Где-то же должна скрываться её рациональная суть.

Священное таинство... пропускаем.

Сегодня принцесса Мария и принцесса Оливия отбыли в Веймарский лес, чтобы... Какая-то Оливия? У Кассио есть ещё и императорская тётушка? Никогда о ней не слышала.

Я шла вглубь веков. Надо же, один раз на инициацию прибыло аж десять претендентов! Похоже, со временем род Эйджелов основательно подсократился... Скоро у Веймара останется только один кандидат.

Время летело незаметно.

Вот! Я торжествующе откинулась в кресле.

Никто и не думал утаивать или зашифровывать информацию, относящуюся к моменту колонизации Гранда. Просто никому из потомков Эйджелов не пришло в голову выяснять истоки этого таинственного обряда – императорская семья воспринимала его как данность.

Я представила физиономию Юджина, когда я всё это на него вывалю. Может, не стоит сразу лишать его всех иллюзий?

– Ну не знаю! – раздражённо говорила я, снимая одну за другой хрустальные пробки с флакончиков духов. – Зачем ты только это затеял, Кассио?.. пф-у-у!..

– Это мои любимые, – виновато сказал принц.

Я чихнула.

– Эти-то я уж точно запомню!

– Что вам потребуется ещё? – спросил Бейтц, делая пометки.

– Я должна знать тех, кто имеет доступ в спальню принца. Девушек тоже. Или юношей.

Бейтц побагровел от возмущения, Кассио сделал большие глаза.

– Доступ в спальню... – пробормотал Бейтц гневно. – Что ещё желает леди?

Я смерила Кассио взглядом.

– Ещё леди желает снять с его высочества одежду.

– Что?! – взвизгнул Бейтц.

Кассио вопросительно взглянул на Джервека.

– Слишком много одежды, – ровно сказал тот. – Миледи хочет запомнить ваш собственный запах. Разденьтесь, ваше высочество.

Меня всегда забавляло трепетное отношение аборигенов к своей наготе. словно снимаемая одежда автоматически лишает всех титулов, званий и заслуг... открывает нечто постыдное – что ты такой, как все...

Я присела перед Кассио на корточки, вынула фильтры. Медленно подымаясь, вдыхала запах его ступней, кожи, гениталий, ароматического масла для массажа, потовых желез, одеколona...

Выпрямившись, мельком глянула в сторону наблюдателей. Бейтц выглядел так, словно его вот-вот стошнит. Джервек смотрел в пол. Пошедший красными пятнами принц нервными резкими движениями надевал халат.

Мы сидели на кровати Кассио – Бестия распласталась рядом, дремала и только помаргивала, когда мы начинали кричать. Кассио учил играть меня в карты, и я уже в третий раз оставалась в «дураках».

– Ну сколько можно! Ты жульничаешь!

– Это оскорбление его императорского величества! – высокомерно заявил Кассио, тасуя колоду. – Я могу засадить тебя в тюрьму.

– Только попробуй... и вообще, ты ещё не император! Дай сюда, я сама раздам.

– Не доверишь?

– Ни капли! – я подоткнула вечно мешающий подол платья, скрестила ноги и начала раздавать карты. Перехватила быстрый взгляд Кассио.

– Я предпочитаю «мини», – сообщила я. – Или шорты. Или штаны. С этими длинными юбками то и дело нарушаешь правила приличия...

Кассио уставился в свои карты. Сказал вскользь:

– С такими ногами можно...

– Что – можно?

– Нарушать правила приличия, – и покраснел – густо, безудержно. Стараясь не улыбаться, я глядела в свои карты. Будь здесь Псы, я бы познакомила его с парой-тройкой таких девчонок, что он мигом бы позабыл о моих ногах... Так, опять незадача!

Через несколько минут я бросила карты и кровожадно кинулась на Кассио:

– Шулер! Шулер!

Кассио, хохоча, отбивался; вскочившая Бестия, не решаясь вмешаться, возмущённо лаяла басом, я громко вопила... В это-то славное время и вошёл Джервек. Остановился на пороге. Запыхавшийся Кассио сел, я отцепилась от него, приглаживая растрёпанные волосы.

– Юджин! Целый день тебя не видела!

– Вижу, ты не скучаешь, – сухогато объявил мой муж. – У меня сегодня ночные переговоры, так что не жди. Спокойной ночи, ваше высочество, миледи...

Он вышел – почти так же бесшумно, как и вошёл. Кассио опустил ноги с кровати и виновато посмотрел на меня.

– Прости, я не... не хотел тебе ничем навредить. В конце концов, у вас ещё медовый месяц...

– В конце концов, – перебила я, – это не твоя вина. И не моя. У Джервека какие-то сложности, и не только с переговорами. Как истинный гаят, он не хочет о них говорить и старается держаться от меня подальше, потому что я всё равно все выпытаю... Ну, пора спать, уже полночь. Пока, Бестия! Охраняй Кассио.

– Я хочу... – императрица помолчала. Я ждала. Редкий случай – она говорила со мной, не требуя немедленно позвать Юджина или Кассио.

– Я хочу знать, как со стороны... с вашей третьей стороны... как выглядит и чувствует себя его высочество?

– Прекрасно, – искренне сказала я. – Он прекрасно проводит здесь время. Думаю, он доволен.

– А... лорд Джервек?

Я насторожилась.

– Что – лорд Джервек?

– Как его здоровье?

– Не жаловался.

– Он никогда... не жалуется.

Как будто когда-то ему была предоставлена такая возможность!

– В этом он похож на своего отца. Его отец был... очень достойным человеком.

Да, и, сцепив зубы, благодарил тебя за всё, что ты сделала с ним. И с его сыном.

– Я бы хотела, чтобы вы...

Склонив голову набок, я с интересом ждала. Что-то многовато сегодня пауз. Обычно речь императрицы напоминает полноводный величественный поток. Сегодня он порядком обмелел.

– ...чтобы вы сообщили мне, если вдруг здоровье лорда ухудшится, или они с Кассио...

Пауза.

– ...если у них с Кассио возникнут какие-нибудь... разногласия.

Пауза.

– В каких вопросах? – вежливо спросила я.

Императрица моргнула.

– В вопросах?

– Разногласия – в чём? В том, что есть на завтрак? В видах на погоду? В чём?

Она еле слышно вздохнула, отводя взгляд глубоких тёмных глаз, так напоминавших мне Кассио.

И мне вдруг стало её жаль.

– Я понимаю вас, – сказала я.

Её красивые губы исказила гримаса отвращения – или ненависти.

– Вы! Что вы можете понимать! Вы даже не женщина... не человек... полусобака... что вы можете понять?!

– Вы любите их обоих, – сказала я. – И никак не можете выбрать одного из своих сыновей.

Её лицо застыло, стало просто маской, белоснежной прекрасной маской... Губы шевельнулись – раз, ещё раз, не вопрос – выдох, но я его услышала.

– Откуда? – я удивилась. – Я всегда могу отличить щенков одного помёта... или, вернее, в вашем случае – детей одной су... э-а-а... матери. Это, конечно, не бросается в глаза, иначе бы весь Гранд давно говорил о двух претендентах на престол.

Она глядела на меня с ужасом.

– Но он... он не имеет права...

– Тут я с вами не согласна, – любезно уведомила я. – Но Юджин считает так же, как вы, и это его дело. Что вас вообще беспокоит – что Кассио пройдёт инициацию или что он её не пройдёт?

– Он так... слаб, – сказала императрица еле слышно. – Я боюсь. Я думала, если дать ему побольше времени...

Я глядела на неё – и вдруг поняла.

– Это... вы? Вы чуть не отравили его?!

Она смотрела на меня, не мигая. Кивнула – почти незаметно.

– Я не рассчитала. Я хотела, чтобы он был прикован к постели, не смог уйти... туда. Потом я думала, это – кара. Я предала Юджина. И за это должна лишиться сына. Своего второго сына. Это было бы... справедливо.

– Справедливо – что? Ваш младший сын должен был умереть, чтобы выплатить ваши долги перед старшим?

Она молчала, опустив веки. Длинные чёрные ресницы на фоне алебастровой кожи... Злость, долго копившаяся во мне, наконец радостно выплеснулась наружу:

– Не слишком ли много вы на себя берёте?

Ресницы вскинулись. Затрепетали. Я продолжила, прежде чем она опомнилась:

– Всё в мире творится по шевелению вашего пальчика, да? Даже солнце встаёт потому, что вы ему приказываете, не так ли?

– Вы не понимаете, – она качнула головой. – Нет, вы не понимаете... Слишком рано. Всё происходит слишком рано, всё раньше и раньше... Ведь даже я ещё жива. Но не в этом дело. Вы... не понимаете.

Экран погас. Я глядела на него, медленно выдыхая. Она даже не потребовала сегодня никого из сыновей. Она хотела сказать, но не сказала... Что?

Я проснулась от странного ощущения – кто-то звал меня, непонятно, во сне или в яви. Беззвучно, но настойчиво, отчаянно... По мере того, как я просыпалась, зов становился всё тише, тише, пока не угас, не растаял, как сам сон.

Постель рядом была пуста. Это не удивляло – в последнее время Юджин редко посещал нашу спальню, да и то под утро, ложился, как он считал, совершенно бесшумно...

Меня вдруг начало трясти, и я натянула на себя одеяло. Нет, это не холод.

Я беззвучно опустила ноги с кровати. Закрыла глаза – зрение мешало мне слушать. Тихо. Тихо, тихо, так тихо... Не раскрывая глаз, протянула руку, нашаривая одежду. Первое время после свадьбы я честно пыталась надевать все эти кружевные-шёлковые штучки, но скоро поняла, что Юджин и без того моментально заводится при виде меня в обыкновенной солдатской майке... Заводился. Её я сейчас и натянула. Подумав, достала из шкатки нож – единственное оружие, которое полагалось иметь леди Джервек. Для защиты своей чести, что ли? Или для ритуального самоубийства?

Всё повторялось. Я опять стояла у двери, прислушиваясь и принимаясь, но в этот раз всё было хуже, намного хуже... Насколько хуже, я поняла, когда, уже не скрываясь, вышла в коридор. Охранники лежали на полу на коротком промежутке от нашей спальни до спальни Кассио. Все были убиты голыми руками – у кого свернута шея, у кого проломлен висок. Все

они не ожидали нападения, встречая своего убийцу лицом к лицу, лишь у одного был полувытащен из кобуры бластер. Я опустилась на колени рядом с охранником, коснулась пальцами шеи – беспомощный жест извинения живого перед мёртвым. Он умер недавно. Полчаса? Я посмотрела в открытую дверь спальни принца. Полный порядок. Кассио просто проснулся, оделся и ушёл.

И ему помогли уйти.

Я втянула воздух, хотя и без того всё было ясно. Запах Кассио, ставший таким привычным, и запах второго – более знакомый, более яркий. Родной.

Я осела на пятки. Зажмурилась и стукнулась лбом о стену – раз, ещё раз, ещё – пока резкая боль не заглушила ту, что рвалась из груди. Хотя все двери ты запри, уйдёт, что уйти должно. Но только бедствием уход сопровождает оно... Я не могла понять. Как я могла понять? Вот, о чём хотела и так не решилась сказать императрица. Он тоже слышал Зов. Он тоже слышал и никому не говорил об этом. А Зов всё усиливался. И когда Зов сделался невыносимым, они просто ушли.

Вдвоём.

Дворецкий Харпер был бледен до синевы. Он даже забыл о правилах приличия и теперь, часто моргая, смотрел, как я одеваюсь.

– Никто, – говорила я, застёгивая ремень и доставая из сейфа свой бластер, – никто не должен знать об этом.

– Но как... – прошелестел Харпер.

– Очнись! У тебя есть преданные люди? Один-два? Те, кто будет молчать? Надо убрать трупы. Запереть спальни. Смыть кровь. Мы – все трое – ночью спешно отбыли. На неизвестный срок. Правду скажете только императрице. Только ей.

– Миледи...

– Я пойду за ними.

– Миледи, вы...

– Я смогу догнать их.

– Миледи, ТАМ это не понадобится.

Он показал на бластер Юджина, который я крутила в руках, не зная, как его приспособить. В конце концов, просто засунула за ремень.

– Вам это не понадобится. Вас даже не пропустят ТУДА.

Я пожала плечами.

– Когда мы вернёмся...

– Если вернётесь...

– ...КОГДА мы вернёмся, здесь должен быть врач. И куча медикаментов. Даже не знаю, каких. Всяких.

– А для вас?

– Что? – остановилась я.

– Что подготовить для вас, миледи?

– Для меня? – я на секунду задумалась. – Булочки. Со всякими такими вкусными начинками...

Харпер торжественно склонил голову.

– Будет сделано, миледи.

И я вылетела в коридор.

След горел на траве – влажной высокой траве середины лета и середины ночи. Первый, второй, третий... Третий? За ними увязалась Бестия – игривая бестолковая Бестия, воспринявшая этот спешный ночной поход как ещё одну неожиданную увлекательную прогулку. Ну, подружка, помогай... Я вытащила фильтры, жадно вдыхая запах леса... ночи... следа. Это как весенний бег – сумасшедший пьянящий весенний бег, игра-охота на стремительную ускользящую дичь... Уж эту дичь я не упущу. Ни за что.

Я бежала по лесу. Они не воспользовались никаким транспортом, а ведь Веймар отсюда... в сколько тысячах километров? Но всё должно свершиться нынешней ночью. Не знаю, почему я была твёрдо уверена в этом... словно знала правила игры... словно кто-то сообщил мне об этом – может, сам Юджин, позвавший меня прежде, чем его переломил, перемолол Веймарский Зов. Помнил ли он вообще, как убивал своих людей – или просто устранил досадное препятствие – как мы толкаем застрявшую дверь?

Я бежала по следу. Два шли ровно, целеустремлённо, один петлял из стороны в сторону: Бестия охотилась или просто забавлялась, распугивая лесную мелочь, дурашливо пугаясь внезапно взлетевшей птицы или шевельнувшегося от ветра куста. Давай, сестрёнка, не уставай, не отставай, ты нам понадобишься, поможешь... Мне бы только догнать, взглянуть – и я пойму, что делать.

Я надеялась на это.

Я увидела их примерно через час. Остановилась, согнулась, переводя дыхание. Внизу, у склона холма, деревья не росли, и братья были ярко освещены лунным светом – так ярко, что я различила лицо оглянувшегося Юджина. Он сказал что-то принцу, махнул рукой. Рука тоже светилась – словно разлитая ртуть. Я прищурилась (к сожалению, зрение у Псов совершенно обычное). Неправильно... что-то мне не нравилось в этом освещении... хотя что тут вообще могло нравиться? Странный свет... И странные тени. Тени раздваивались, множились, будто свет исходил не только от луны, но и из другого источника.

Братья стояли неподвижно, чего-то ожидая. Носившаяся огромными прыжками Бестия мало-помалу угомонилась тоже, села, привалившись боком к ноге Кассио. Я видела, как тот потрепал гончую по голове, и внезапно обрадовалась – хоть что-то от прежнего Кассио.

...Это походило на слабую дымку тумана, которая наступала из леса. Туман медленно струился вверх, свивался в жгуты, образуя зыбко мерцающую линию. Я побрела вниз, оступаясь, спотыкаясь, иногда падая, но стараясь не упускать из виду образующуюся перед братьями арку.

Дверь. Вход.

Зачем добираться до Веймарского леса через полпланеты?

Веймар пришел к ним сам.

Юджин шагнул первым. Шагнул, приостановился, сделал ещё шаг – и растворился в воздухе. Туманная арка стала ярче, чётче, точно набрав сил от проглоченного ею человека. Кассио, помедлив, шагнул тоже – он шёл, подняв голову, разглядывая дугу арки над собой. Рядом, прижавшись к его бедру, словно боясь потеряться, брела Бестия.

Споткнувшись, я покатила вниз по склону. Вскочила, бросилась к двери в Веймар – арка медленно таяла, как тает сахар в горячем чае... Ещё, ещё, подожди! Я полувлетела-полувкатилась под нависшую надо мной дугу...

Сильный пружинистый толчок отбросил меня – будто я врезалась всем телом в батут. Арка вспыхнула прощальным насмешливым огнём. Веймар не собирался принимать меня. Эйджелы – вот, кто был ему единственно нужен. И он их получил.

Стоя на четвереньках, я бессильно смотрела на медленно гаснущий свод...

Но была ещё и Бестия.

Преданная, бестолковая Бестия. Собака.

Я выдохнула, медленно и тщательно, словно изгоняя из себя мысли, опасения, надежды. Свою человеческую суть. Я – пёс. Я пёс. Собака. Преданная, любопытная собака, больше всего на свете боящаяся потерять своего хозяина. Хозяин – единственное, что мне нужно. Я иду по его следу. Я найду его... я – собака. Чуткая, быстрая, сильная собака.

Я...

Собака.

Запахи обрушились на меня – запахи, много запахов... и шорохи, шорохи, интересные шорохи со всех сторон. Совсем рядом – добыча. Я могу достать её одним прыжком, воткнуть клыки в сладкое горло... рот заполнился слюной... но – хозяин уходит, уходит... он уйдёт, и я останусь одна... страшно... я ищу... я найду его... я устремилась вперёд, удивляясь, что бегу так медленно... ну да, у меня же всего две лапы... но я всё равно не отстану, след... след... след...

Я очнулась, когда разбила себе ладони, в очередной раз пытаюсь преодолеть препятствие прыжком, для которого требуется вдвое больше конечностей. Не вставая с колен, огляделась.

Я была в Веймаре.

...Уши оборву Юджину за то, что он назвал Веймарский лес самым обычным! Именно в таком лесу рождаются сказки. Страшные сказки. Их просто нашёптывают древние, поросшие мхом камни, выпирающие из земли, как корявые сточенные зубы; растущая выше плеч нехоженная трава; гигантские – не обхватишь втроём – стволы деревьев; кроны, тающие в звёздном небе; лунные ковры на редких полянах... В этом лесу хотелось идти на цыпочках, не дыша, чтобы не разбудить... Кого?

Кто бы это ни был, он уже проснулся. Ждал. Я скользила среди деревьев, лавировала между камней, которые попадались на пути всё чаще и становились всё выше. Ощущение Присутствия усиливалось – не Эйджелов, нет, и не какой-то неведомой живой твари, которая могла зародиться в

этом странном лесу... или не могла? Но здесь была Жизнь. Жизнь, такая же странная, как сам лес. Жизнь, наполнявшая его. Или ставшая им.

Я обогнула ещё один менгир и остановилась, балансируя на острие камня. Все трое были здесь, метрах в десяти от меня. Братья стояли чуть поодаль друг от друга, спиной ко мне. Я прислонилась к камню и съехала по нему вниз, усевшись у подножия. Кто бы ни контролировал вход в Веймар, сейчас он меня не заметил. Как не замечали меня Эйджелы. Как не замечала даже Бестия.

Значит, у меня было время.

Несколько столетий назад на Гранд прибыли колонисты, возглавляемые энергичным, предприимчивым и многочисленным кланом Эйджелов. Учёные изыскали способ закрепить власть за семьёй и в то же время избежать кровной междоусобицы. Была изобретена машина, испытывающая очередного кандидата – на способности, здоровье, лидерские и прочие необходимые качества – и на чистоту генов. Генный код рода Эйджелов, настроен на психическую волну, который впоследствии был назван Зовом, многочисленный список испытаний и требований позволяли отсеивать нежелательных кандидатов. Со временем своеобразный экзамен на право владения Грандом превратился в священный обряд, которому никто не смел и не мог противиться, а решение Веймара – оспорить. Новые и новые инженеры и техники, ставшие к тому времени жрецами Веймара, вносили всё новые усовершенствования в программу: создатели давно уже лежали в могиле, а великий экзаменатор всё больше набирал сил и контроля над разумом и психикой Эйджелов...

И выходил на сцену теперь не только при нажатии соответствующей кнопки, но и по своему собственному желанию.

...Братья были почти неподвижны – лишь иногда по телам проходила еле уловимая дрожь, как от невидимого прикосновения; да ещё двигались руки, будто Эйджелы выбирали что-то или нажимали какие-то кнопки. Иллюзия была для них действительностью, а для меня, и, возможно, для Бестии – лишь окружавшей их слабой дымкой, чуть меняющей свет и цвет.

Но вот оба слегка расслабились: похоже, ещё одно испытание позади. Я не видела их лиц и не ощущала эмоций – исчезла всепоглощающая тяга и значимость ухода в Веймар – осталось только ожидание. Ожидание – выбора? Решения?

Или схватки...

Почему – схватки?

И я поняла – почему. С каждым поколением претендентов на престол становилось всё меньше. И не потому что некогда многочисленный клан Эйджелов медленно угасал. Просто Веймар выбирал одного кандидата.

И возвращался из Веймара только один.

Было ли это условием, внесённым каким-нибудь безумным инженером, или сам Великий Экзаменатор добавлял в программу всё новые усовершенствования, как в поднадоевшее блюдо – остроты – но факт оставался фактом.

Из Веймара возвращается один. Как однажды вернулась Мария, оставившая в лесу свою сестру-двойняшку...

Братья смотрели друг на друга. Просто смотрели. И не просто.

Я осторожно двинулась по кругу – в час по чайной ложке. Но Великий Веймар был слишком занят, чтобы контролировать кого-то ещё. Я двигалась, как ночной охотник, больше полагаясь на чутьё, чем на логику и зрение. Веймар прячется, Веймар не любит показываться и красоваться, это для него не главное. Главное – испытание. Но должны же быть у него органы зрения, слуха, чтобы фиксировать происходящее: детекторы, камеры, датчики... должен же Веймар как-то себя выдать, ведь он чувствует себя в безопасности. Я приостановилась. Чувствует?.. Я закрыла глаза и перестала слушать, и почти перестала дышать. Я – воздух. Я – линза, улавливающая энергии эмоций и ощущений...

Вздрогнула, ощутив разгоравшуюся ярость – раздуваемый ветром костёр, а там, в глубине, под пеплом – недоумение, растерянность, слабое сопротивление, тихий ужас... А вот и сам ветер, накрывающий их, подталкивающий друг к другу, всеобъемлющее принуждение... сильнее привязанности, сильнее всякого долга... сильнее любого из нас... но кто-то из нас... из них держался, всё ещё держался.

Я повернулась всем телом, точно стрелка компаса. Вот. Отсюда идёт приказ... этот холод, сковывающий волю и мысли. Под приказом – азарт, удовольствие, ожидание... Да ему скучно, ему просто скучно... бедный-бедный Веймар, я могла бы пожалеть тебя, не будь один из них моим мужем, а другой – Кассио...

У него получилось. Почти получилось. Почти. Потому что в последнее мгновение перед схваткой Бестия, услышавшая мой приказ, прыгнула между братьями. Я видела её сквозь сомкнутые веки – белый сгусток недоумения, испуга и обиды... Пытались обидеть её хозяина! Короткий взвизг – и Бестии не стало. Веймар просто прихлопнул её, как мы убиваем надоедливую муху.

И в это время я нашла его. Руки поднялись медленно, плавно, словно ведомые аккуратным и внимательным кукловодом, рискнули зажатым между ними бластером, с точностью хирурга нашли нужную точку.

В последнее мгновение он почувствовал меня – впервые заметил, оценил – и изумился. Эта почти человеческая реакция спасла нас всех. Но не его. Хлопок – меня мягко толкнуло в грудь...

Почва перестала покачиваться подо мной, хотя продолжала мелко вибрировать. Пора убираться отсюда, кто знает, какие там у Веймара источники энергии... хорошо бы не древние ядерные... Я попыталась встать – получилось только перекатиться на бок. Потом на живот. Потом я отжалась на трясущихся руках и поднялась на четвереньки. Тряхнула головой, чтобы убрать упавшие на лицо волосы... отросли, вырву всё, на хрен, с корнем... Кассио стоял передо мной на коленях, протягивая руку – изумительно белую на фоне чёрной земли.

– Идём, – говорил он монотонно, и уже, наверное, давно, – идём...
помоги... Юджин... помоги...

Я зарычала на него, и он посторонился, чтобы я могла пробраться мимо. Дотащила до лежащего на боку Юджина – судя по тому, что всё его лицо было чёрным, Кассио удалось перевернуть его. И только. Я пыталась нащупать пульс на шее, пальцы соскальзывали и соскальзывали, пока я не поняла, почему – из уха тоненькой непрерывной струйкой текла кровь – на шею, на грудь...

– Он ничего не... говорит, – пожаловался Кассио у меня над ухом, и я засмеялась, давась чёрной пылью:

– Он и не дышит! Юджин, подонок...

Совсем рядом – огромные, ставшие чёрными глаза Кассио.

– ...умер?

Не отпуская Юджина, я показала пальцем на пояс.

– Передатчик. На все частоты «сос». Быстро.

Закрывает глаза, прижимаясь к Юджину. Пыталась согреть его или себя. Юджин. Подонок. Ты не бросишь. Ты не оставишь меня. Не сейчас.

Никогда.

– Говорят, тебя от меня оттаскивали.

– Это точно, – поддакнула я. – Думаешь, почему ты весь перебинтован? Следы моих когтей. Вцепилась в тебя, как в родного.

– А Кассио говорит, ты беспрерывно ругала меня самыми чёрными словами... Это произвело на него такое впечатление, что он сказал – если захочешь меня когда-нибудь бросить, он – к твоим услугам.

Я вытянулась поверх покрывала, устраиваясь поудобнее. Прищёлкнула языком.

– Надо сообщить, что у него есть все шансы... Это была песня! Жаль, ты не слышал. Получил на полную катушку – ты ведь пытался оставить меня молодой вдовой!

Юджин, поморщившись, дотронулся до груди.

– Вот не думал, что у меня слабое сердце.

– А я всегда знала, – жизнерадостно сообщила я. – Иначе с чего бы ты взял в жёны Бойцового Пса?

Юджин улыбнулся – едва ли не впервые после Веймара – и я готова была заскулить от радости, как ошастливленный щенок.

– Просто не смог устоять перед твоими орденами – у меня же таких нет и взять негде.

– Так вот чему я обязана твоим вниманием! Ты нумизмат? А если бы у меня не было орденов?

Он потянулся ко мне, умудрившись при этом почти не поморщиться.

– Всё равно не устоял бы. Ты такая красивая!

Я вдруг увидела себя его глазами. Что ж, если он видит меня такой – я не возражаю.

– Я... – Юджин смотрел в потолок, – я понимаю, что уделял тебе... но я всегда... всегда...

Я засмеялась.

– Кайся-кайся, мой дорогой, я всё записываю, а когда ты чуть-чуть поправишься – всё наверстаю!

Его пальцы сжали мою руку, но Юджин по-прежнему смотрел в потолок. Сейчас он спросит...

– Как Веймар?

– Технари разбирают всё по винтику и плате. Думаю, многое удастся восстановить. Ты жалеешь?

Он повернул голову и посмотрел на меня. Помолчал.

– Не знаю. То, что нас заставляли сделать... но – это по-прежнему святыня нашего рода. Пусть они будут бережны.

– Не волнуйся, твой Бейтц за всем проследит. А как вы теперь без Веймара?

– Рано или поздно... традиции ломаются. Видимо, вернёмся к старой доброй монархии с наследованием, заговорами, покушениями и прочими удовольствиями. Вот это будет по-человечески, да? Да и Эйджелов почти не осталось.

Да уж. Веймар неплохо проредил вас. Знал ли Юджин, что однажды в Веймар ушли две принцессы, а вернулась только одна? Я промолчала.

– Где... они? – спросил Юджин через паузу. Я поняла. Недаром первый вопрос, который он задал, когда очнулся, был: «Я – убил?». Нет, ответила я, подразумевая Кассио. Да, сказала я, подразумевая охранников.

– Двоих похоронили на вашем фамильном кладбище, двоих по просьбе семей отвезли на родину.

– Я... не...

Я положила ладонь на его губы.

– Я знаю. Но ты скажешь это сам – когда сможешь стоять на ногах. Ты придёшь и скажешь это им и их родным.

Но легче от этого никому не станет. Ни им. Ни тебе.

Ни мне.

– И когда ты узнал, что ты... это ты?

– В пятнадцать. Меня представляли ко двору. Отец так волновался... без конца наставлял меня – как говорить, что говорить, когда молчать... Совсем меня запугал. Когда герольд назвал наши имена, подтолкнул меня к императрице. Я ещё подумал – чего он так боится? Я его не опозорю. И она... Она просто сидела, смотрела на меня и молчала. У неё были такие странные глаза – красивые, но странные... словно она хотела меня съесть глазами. Потом она протянула руку, чтобы я поцеловал – великая честь. И провела ладонью по моей щеке. Отец выглядел таким растерянным и довольным одновременно.

Потом она удостоила меня аудиенции – для того, чтобы проверить мои успехи в постижении науки и военного ремесла. К тому времени я уже учился

в Военной Академии. Я отнёс это к уважению императорского дома к роду Джервеков. Я просто отвечал и смотрел на отца и на... Кто плохо его знал, тот не понял бы, что он не в себе. Я видел, но причины не знал.

Уже перед отъездом из столицы они сказали мне. Помню эту комнату – всё красное.

– И что?

– Я был... оглушен. А они деловито решали мою судьбу: Академия, военное министерство, дипломатический корпус... И почаще появляться при дворе. Мне нужно так много изучить и понять. Ей сказали, что детей у неё не будет. Думаю, именно тогда она и ввела мой генный код в банк Веймара.

– А что...

– Думаю, во всем виноват Карнавал – и их молодость. Они провели вместе две недели. Она не захотела избавляться от ребёнка... меня. Рожала в горном владении Эйджелов. О браке не могло быть и речи, оба понимали это. Через месяц меня передали отцу – с условием, что и духу его не будет в столице. По крайней мере, пока не будет заключен монархический брак. Отец выдержал это условие – она призвала нас сама.

– А через несколько лет родился Кассио...

– Я немедленно покинул Гранд. Дипломатическо-военная миссия... почти пятнадцать лет... редкие наезды. Потом война.

– А кто сказал Кассио?

– Он сам... очень понятливый мальчик. Она пыталась... м-м-м... сдружить нас. Сделать меня кем-то вроде старшего наставника, – он криво усмехнулся. – Рискованная штука, не находишь? Но она никогда не боялась рисковать.

– И что Кассио?

– Был... рад. Сказал, что и так относится ко мне, как к старшему брату.

– А ты?

– Это... сложное чувство, – он посмотрел на меня почти виновато. – Не могу сформулировать. Я ещё не настолько... э-э-э...

– ...особачился, – подсказала я, посмеиваясь. – Но ты определённо делаешь успехи. Ты говорил об этом с кем-нибудь, кроме меня?

– С отцом. Он был... расстроен, но принял всё, как должное. Сказал, мой долг – помогать будущему императору Гранда.

– И ты так и сделал.

Он посмотрел на меня почти сердито:

– А как бы ты поступила?

Я подумала.

– Не знаю. Я девушка простая. Для начала закатила бы жуткий скандал. Перебила бы всю посуду во дворце и сказала бы всё, что я о них думаю.

– Например?

– Например, что не стоит обращаться с детьми, как с куклами: надоело – выкинул, захотелось – наряжаю и играю... Но мне, конечно, не понять ваших высоких политических игр и государственных приоритетов. Не доросла со своим пёсым умом, уж извини.

Юджин уткнулся лицом в мои волосы.

– Ты и так всё понимаешь. И всего добиваешься. Слышал, она... императрица беседует с тобой каждое утро.

Я скорчила гримасу.

– Моя сиятельная свекровь интересуется теперь уже здоровьем лорда Джервека. Сегодня она предложила, нет, сообщила, что пришлёт мне своего портного. Думает, я явлюсь в столицу на день рождения Кассио в пёсьей форме... А, кстати, это идея!

Юджин вздохнул. Я продолжала, глядя в потолок:

– В конце концов, я ведь присягала Объединённым Силам... И в то же время я – твоя жена, жена подданного императора. Символично, как считаешь?

Юджин ещё раз вздохнул.

– Мне бы хотелось совсем другого...

– Чего?

– Чтобы ты была в платье, как подобает леди Джервек, и уже немного... беременна.

– Бере... Я? – я ошарашено замолчала.

Юджин, не дождавшись продолжения, приподнялся на локте, заглядывая мне в лицо.

– Надеюсь, ты ничего не имеешь против детей? – спросил с тревогой. – Я знаю, мы не обсуждали это, но...

Я резко села.

– Беременна... Надо подумать. Надо подумать, – бормотала я, нашаривая ногами туфли. – Беременная, одна, здесь, на Гранде... С ума сойти!

Джервек следил за мной пристально и настороженно.

– Маргарет!

– А?

– Дело... во мне?

– Нет, совсем нет! Во мне.

– Мне казалось... – медленно начал он, и, оборвав себя, откинулся на подушки. – Впрочем, да. Извини.

Не слушая, я вылетела в коридор и остановилась, переводя дух. Мой ребёнок. Мой и Юджина... но мой ребёнок – здесь?

Юджин уже начал вставать, когда нежданно-негаданно нагрянул Мастер.

– Ты едешь с нами? – спросил Мастер.

Я оживлённо объяснила молчаливо наблюдавшему за нашей бурной встречей Джервеку:

– Псы снимаются с места. Сначала – в отпуск на Чандлер, потом кто куда... Ох, как я соскучилась по Чандлеру! Когда вы едете?

– Через декаду. Щенки по тебе соскучились. И я тоже. Ты едешь?

– А вам не кажется, Мастер, – произнёс Джервек голосом, которого я никогда у него не слышала, – что это должны решать МЫ с моей женой? А не вы... и не ваши сородичи.

– Мэгги, но не ты, – сказал Мастер. – Все мы знаем, как и при каких обстоятельствах она вышла за тебя замуж. Будешь применять те же методы, чтобы её удержать?

Мастер бил наверняка. Джервек вздохнул – лицо осунулось от усилия – и сказал тем же незнакомым голосом.

– Мэг – моя жена. Этот факт никто не может оспорить.

Мастер положил голову на руки.

– Псы признают союзы, заключённые лишь по доброй воле. Или несколько месяцев на Гранде сделали её гаятом по твоему образу и подобию? Или ты считаешь, она теперь готова стрелять в своих сородичей?

Я стояла, заложив руки за спину, и поворачивая голову, следила за разговором. Они говорили так, будто меня здесь нет. Они даже друг на друга не смотрели – но воздух между ними кипел и плавился. Глаза Мастера горели. Джервек на мгновение встретился со мной взглядом и вновь устался в пространство перед собой.

А я замерла.

Опять. Опять я не почувствовала, что происходит рядом... с ним. Боль. Ревность. И кошмарная неуверенность – во мне. В себе. В том, что он мне нужен.

Я заставила обоих мужчин взглянуть на себя.

– Не вздумайте, – сказала я негромко. – Никогда не заставляйте меня выбирать между вами.

– Итак, твоё окончательное решение...

– Ты знаешь, Мастер.

– Сергей.

– Что?

– Сергей. Меня зовут Сергей. Я тебе больше не Мастер. А ты не инструктор. Я просто Пёс. Мужчина. Я ждал тебя. Женщину.

Его глаза блестели в темноте. Даже сейчас он был для меня почти так же притягателен... почти... и в этом всё дело. В одном коротком слове с огромным и ёмким для меня смыслом.

Его губы дрогнули – не улыбка – болезненный оскал.

– Я слишком долго ждал. Да, Мэгги?

Я молчала. Замолчал и он – но сумел сказать мне всё, о чём думал и мечтал, чего хотел и на что надеялся. О том, что он будет ждать и если когда-нибудь...

Мастер отступил. Оглянулся на посадочную площадку. Молча повернулся и пошёл к флайеру – размеренно и неторопливо.

Я сжала горло рукой, чтобы сердце не разорвалось на две половины. Прости. Я устроена странно. Я не могу жить без него и задыхаюсь от расставания с тобой...

Я проскользнула в дверь. Джервек смотрел в открытое окно, сцепив за спиной руки. В ночной темноте разноцветным драконом взлетал флайер.

Я стояла неподвижно, лаская взглядом знакомые линии его крепкого напряжённого тела.

Джервек смотрел вслед тающему следу флайера, пока тот не превратился в звезду, неразличимую в ночи среди тысяч других. Опустил голову, словно прислушиваясь. И резко обернулся.

– Ты?!

Вот чёрт. Он уже проводил меня.

Не спуская с меня глаз, Юджин сделал шаг, другой, и с почти осязаемым усилием остановился.

– Ты... ты вернулась.

– Вообще-то я никуда и не уходила. Что-то имеешь против?

– Н-но... почему?

– Почему вернулась? – я демонстративно передёрнула плечами. – Да просто холодно стоять там, на улице. Осень наступает. Может, растопим камин?

Краем глаза следя за ним, подошла к камину и начала сосредоточенно выбирать подходящую дровину.

– Я говорила, что обожаю огонь? Самое противное на этих космобазах – нет солнца, ветра и огня... А здесь...

Ладонь, коснувшаяся моего плеча, заставила меня замолчать. Я взглянула на него снизу. Лицо Джервека, подсвеченное неохотно разгоравшимся огнём, непрерывно менялось.

– Почему ты осталась, Маргарет?

Я потёрла руки о колени. Сказала задумчиво:

– Я вспомнила, что кое-кто обещал восполнить все ночи, которые мы провели не вместе... Заманчивое предложение, просто не могла устоять.

– Мэг!

Я хмыкнула и прижалась щекой к его руке на моём плече.

– Я просто забываю, что людям всегда нужны слова. Вернулась, потому что люблю вас, лорд-полковник Юджин Джервек. И если ты не начнёшь сейчас же выполнять свои обещания, я тебя просто пристрелю!

Юджин выдохнул – очень длинно, словно давно сдерживал дыхание. Присел рядом со мной и протянул руку к корзине с дровами.

– Как скажете, мастер-инструктор Бойцовых Псов! Только давай сначала разожжём этот камин. У тебя ни черта не выходит.

Позже. Много позже. И ещё позднее...

Я сонно помаргивала в ответ подмигивающим мне в окошко звёздам. Проворчала:

– Вот не думала, что ты собираешься наверстать упущенное в одну ночь... Юджин?

– М-м-м?

– Я хочу тебя попросить...

– Ещё? – оживился мой муж.

– Ага. И это тоже. Выполнишь моё желание?

- Что угодно, – убеждённо отозвался он.
- Ты тогда говорил про ребёнка.
- Но если ты не хочешь...
- Хочу!
- Тогда почему...
- Я просто запаниковала.
- Ты?! Не поверю!
- Но у вас же на всей планете нет ни одного Пса!
- Нет. А... и что?
- Потом, когда у нас должен будет родиться ребёнок... Мы выпишем с Чандлера пёсью пару со щенками? Не хочу, чтобы наши дети росли как беспризорники.

Содержание

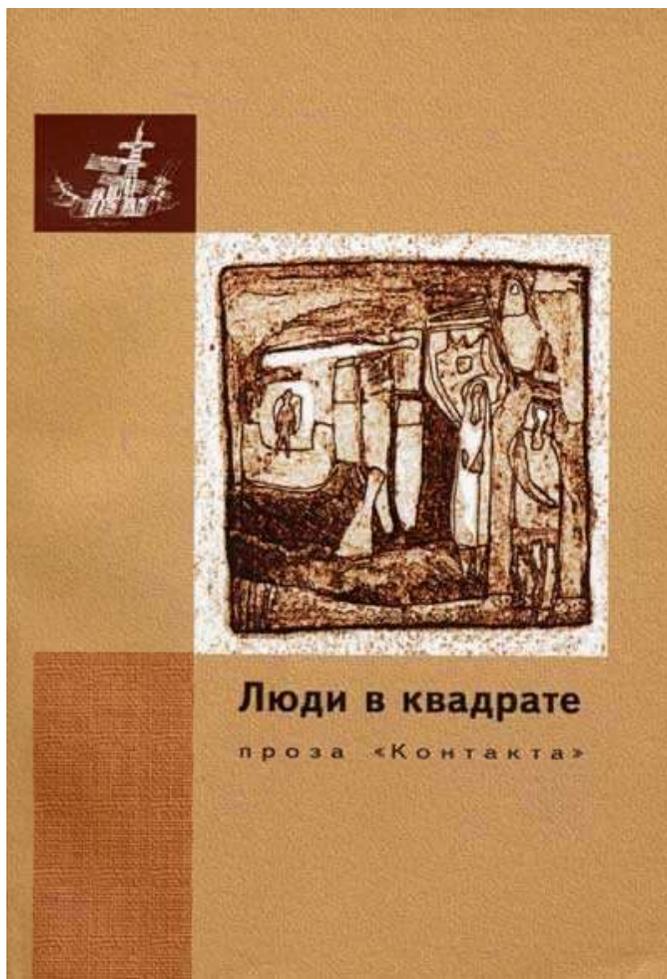
От составителя.....	3
Долгая, долгая любовь (взгляд в будущее)	
Евгений ГРЕП Такая работа.....	6
Надежда ДВОРЦОВА Долгая, долгая любовь.....	10
Александр ГОЛОВКОВ История любви.....	12
Кто есть кто (моральные проблемы настоящего)	
Юрий СОКОЛОВ Удалённый контакт.....	15
Анна ЧЕРНЫШЕВА Кто есть кто.....	40
Босиком за Василисой (сказки)	
Надежда КАЛАШНИКОВА Сказка в сумерках.....	54
Анна ЧЕРНЫШЕВА Босиком за Василисой.....	62
Олег НЕСТЕРЕНКО Amora Vera.....	74
Надежда КАЛАШНИКОВА Мечта дракона.....	93
Наталья ЖИЛЯНИНА Драконовские меры.....	107
Дарья РЫЖКОВА К дракону!.....	112
Евгений ГРЕП, Сергей СИМКИН Мне бы так, или Сказка про принцессу и прекрасного принца.....	114
Анна ЧЕРНЫШЕВА Будни волшебника.....	115
Надежда КАЛАШНИКОВА Король и шут.....	126

Почти человек (фэнтези)

Ольга БЕЛОУСОВА	
Посмотри мне в глаза.....	146
Евгений ГРЕП	
Звёздочка.....	191
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Квэнтале о Мелькоре и Лютиэн.....	204
Наталья КОЛЕСОВА	
Двери.....	217
Сергей ЗАГНУХИН	
Три... м-м-м... чудака и одна девушка.....	226
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Я была богом.....	228
Надежда КАРПОВА	
Почти человек.....	231
Дарья ОРШАНСКАЯ	
Машенька.....	239
Любимый враг (НФ + НФ в немного фэнтезийной обёртке)	
Наталья КОЛЕСОВА	
Любимый враг.....	324

КЛФ «Контакт» рекомендует

Люди в квадрате: Проза «Контакта» /Сост. Н.Н.Калашников – Новокузнецк, 2004. – 304 с.

«Люди в квадрате» – сборник прозы Новокузнецкого городского клуба любителей фантастики «Контакт». Сборник подготовлен к 25-летию «Контакта».

КЛФ «Контакт» рекомендует

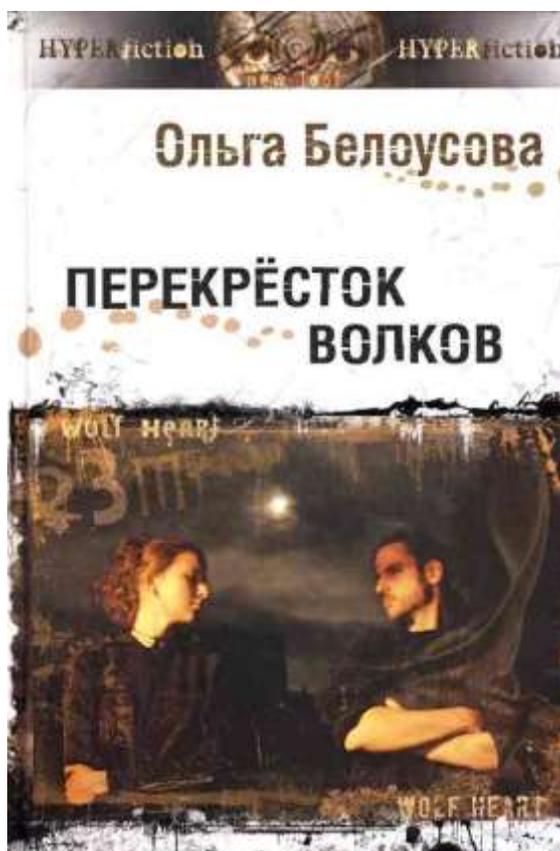

Греб Евгений Викторович

Наброски с невозможного: фантаст. рассказы / Е.В.Греб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 345. [7] с. – (Звёздный лабиринт. Библиотека фантастики «Сталкера»)

Рассказы Евгения Грепа – достойного продолжателя «крапивинской» традиции отечественной фантастики.

КЛФ «Контакт» рекомендует

Белоусова Ольга Александровна
Перекрёсток волков / О.Белоусова. – М.: ФОРУМ, 2007. – 288 с.

Вы знаете, как развлекаются боги? Они создают миры.
Вы можете представить мир, созданный волчьим Богом? Вряд
ли.

Колесова Н.

Карты судьбы :
[фантаст. роман] /
Наталья Колесова. –
М.: АСТ: АСТ МОСКВА:
ХРАНИТЕЛЬ, 2007. –
412, [1] с. – (Заклятые
миры) (Хранитель).

На хвосте удачи :
[фантаст. роман] /

Наталья Колесова. – М.: АСТ:
Астрель, 2011. – 380, [4] с. – (Корсары).

Грани Обсидиана : фантаст. роман
/ Наталья Колесова. – М.: Эксмо, 2013. –
352 с. – (Серия «Колдовские миры»).

Сказки Волчьего полуострова.
Король на площади : [роман] / Наталья
Колесова. – М.: Эксмо, 2014. – 384 с. –
(Серия «Колдовские миры»).

Призрачный роман / Наталья
Колесова. – М.: Издательство «Э»,
2015. – 448 с. – (ЛитДорама)

Драконий жемчуг : [фантаст.
роман] / Наталья Колесова. – М.:
Издательство «Э», 2017. – 352 с. –
(Серия «Колдовские миры»).

Броманс: [роман] / Наталья Колесова.
– М.: Т8 Издательские технологии /
RUGRAM, 2020. – 380 с. – (Грани
миров Натальи Колесовой).

Фентезийно-фантастические, мистико-фантастические и авантюрно-фантастический романы Натальи Колесовой о любви и свободе в любви. Все произведения – о становлении личности героини.

КЛФ «Контакт» рекомендует

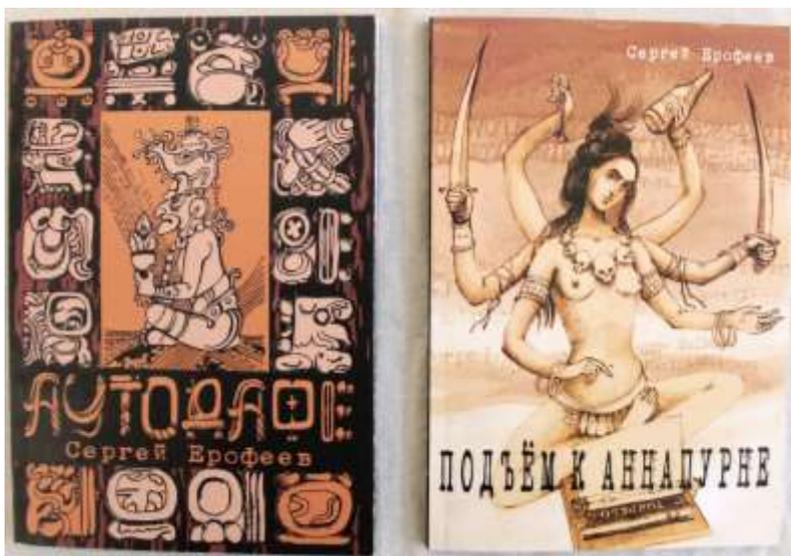
Колесова Наталья Валенидовна
Прогулки по крышам: [фантаст роман] /
Наталья Колесова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА,
2009. – 410, [6] с. – (Заклятые миры).

Колесова Наталья Валенидовна
Прогулки по крышам / Н.Колесова. – М.: Т8 Издательские технологии
/ RUGRAM, 2020. – 412 с. – (Грани миров Натальи Колесовой).

Колесова Наталья Валенидовна
Нестрашные сны / Н.Колесова. – М.: Т8 Издательские технологии
/ RUGRAM, 2020. – 306 с. – (Грани миров Натальи Колесовой).

Дилогия Натальи Колесовой о взрослении Агаты Мортимер, девочки со странной «мерцающей» магией, в мире, в котором ещё жива память о недавно отгремевшей гражданской войне магов. Волею обстоятельств Агата берёт на себя ответственность в ситуациях, в которых не находят решения взрослые маги.

Ерофеев Сергей Сергеевич

Аутодафе / Ерофеев Сергей Сергеевич. – Типография ГАУК КО «Кузбасский центр искусств», 2019. – 98 с.

Ерофеев Сергей Сергеевич

Подъём к Аннапурне / Ерофеев Сергей Сергеевич. – Типография ГАУК КО «Кузбасский центр искусств», 2017. – 90 с.

Сборники повестей и рассказов Сергея Ерофеева в стилистике мистического реализма.

Чернышева Анна Анатольевна

Чужие боги : роман : в 3 ч. : ч. 1–3 / Анна Чернышева ; [отв. за вып. – Калашников Н.Н.] ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2013.

Ч. 1. – 84 с. : ил., портр.

Ч. 2. – 84 с. : ил.

Ч. 3. – 72 с. : ил.

Мистико-исторический роман Анны Чернышевой о любви и свободе.

Чернышева Анна Анатольевна

Звезда бессмертия : роман : в 3 ч. : ч. 1–3 / Анна Чернышева ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2015.

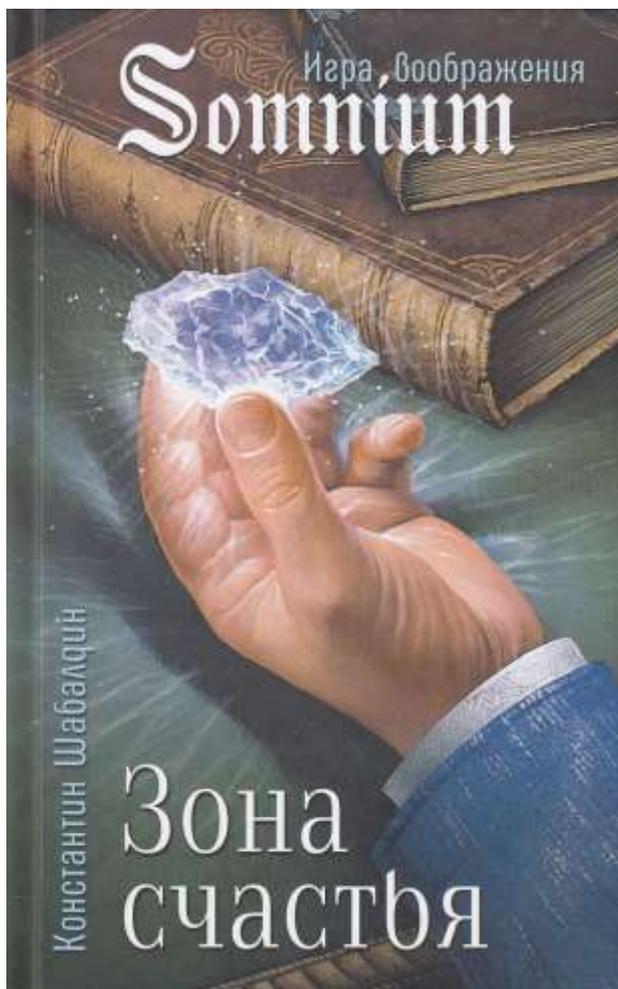
Ч. 1. – 92 с. : ил., портр.

Ч. 2. – 88 с. : ил.

Ч. 3. – 88 с. : ил.

Авантюрно-фантастический роман Анны Чернышевой о путешествии нашей современницы из XXI-го века в век XIX-й.

КЛФ «Контакт» рекомендует

Шабалдин Константин Алексеевич

Зона счастья : фантастическая повесть / Константин Шабалдин. – М.: Аквилегия-М, 2018. – 352 с. – (Серия «Somnium. Игра воображения»).

Переплетение компьютерной игры и реальности в повести Константина Шабалдина «Зона счастья» (первоначально названной автором «Организация желаемого будущего»), насыщенной литературными реминисценциями.

КЛФ «Контакт» рекомендует

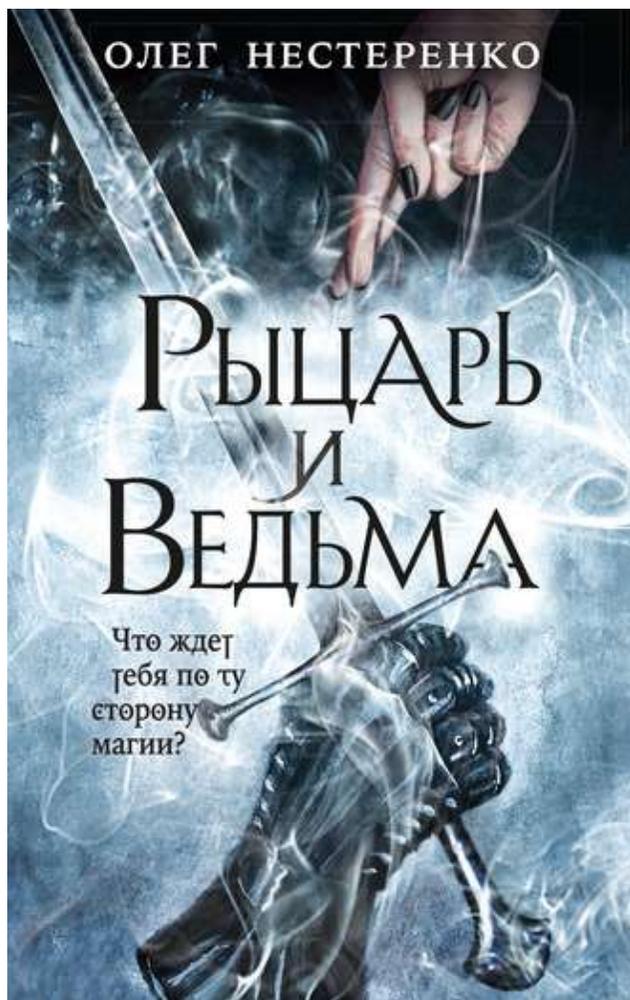

Калашникова Надежда Николаевна

Шутов не нанимают... : сказки / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. биб-ка им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2019. – 222 с.

Фантастическая реальность литературных сказок Надежды Калашниковой для детей от семи до семидесяти лет.

КЛФ «Контакт» рекомендует

Нестеренко Олег Владимирович

Рыцарь и ведьма: [роман] / Олег Нестеренко. – М.: Эксмо, 2020. – 608 с.

Как не потерять себя в мире, заражённом магией? Быть человеком или не быть? И что это значит – быть человеком?

Рыцарский роман Олега Нестеренко в фэнтезийном антураже.

Литературно-художественное издание

Как Адам Еву нашёл

«Контактовцы» о любви

Сборник повестей и рассказов

Книга первая

*Составление,
вёрстка,
корректурa,
ответственный за выпуск –
Калашников Николай Николаевич.*

На первой странице обложке – картина Марины Колотвиной
«Древо» 2006. 50,3 x 45,2. Холст, акрил

Тираж 40 экз.

– Почему ты осталась, Маргарет?

Я потёрла руки о колени. Сказала задумчиво:

– Я вспомнила, что кое-кто обещал восполнить все ночи, которые мы провели не вместе... Заманчивое предложение, просто не могла устоять.

– Мэг!

Я хмыкнула и прижалась щекой к его руке на моём плече.

– Я просто забываю, что людям всегда нужны слова. Вернулась, потому что люблю вас, лорд-полковник Юджин Джервек. И если ты не начнёшь сейчас же выполнять свои обещания, я тебя просто пристрелю!

Юджин выдохнул – очень длинно, словно давно сдерживал дыхание. Присел рядом со мной и протянул руку к корзине с дровами.

– Как скажете, мастер-инструктор Бойцовых Псов! Только давай сначала разожжём этот камин. У тебя ни черта не выходит.

Наталья Колесова. Любимый враг

